

Ален Пейрефитт

Таким был де Голль

КУЛЬТУРА ПОЛИТИКА ФИЛОСОФИЯ

**Московская школа
политических
исследований**

Ален Пейрефитт

«Это был человек столь возвышенного характера, что было невозможно его уважать, или бояться, или любить, или ненавидеть только наполовину».

Боссюэ.
Надгробное слово Мишелю Ле Теллье,
маркизу де Лувуа.

Alain Peyrefitte

C'était de Gaulle

Fayard

Ален Пейрефит

Таким был де Голль

Составление русского издания и перевод
В.И. Божовича

Московская школа
политических исследований

Москва 2002

Культура политика философия

Серия основана в 2000 году Московской школой политических исследований и издается под общей редакцией Ю.П. Сенокосова

*Издание осуществлено при поддержке
Региональной общественной организации «Открытая Россия»*

Ален Пейрефит

П 23 Таким был де Голль. / Перевод осуществлен по изданию: Alain Peyrefitte. C'était de Gaulle. Éditions de Fallois. Fayard, 1994–2000. — М.: Московская школа политических исследований, 2002. — 696 с.

ISBN 5-93895-033-3

На протяжении десяти лет Ален Пейрефит, вначале в качестве пресс-секретаря генерала де Голля и его министра, постоянно встречался с де Голлем и вел подробные записи как личных бесед с ним, так и его выступлений на заседаниях правительства, международных конференциях, сохранив для потомков не только содержание, но и стиль его высказываний и тон диалогов. Знакомство с этими аутентичными документами производит огромное впечатление. Перед нами де Голль, не скованный рамками протокола и высказывающийся с поразительной свободой и откровенностью.

На русский язык книга переведена впервые.

© Alain Peyrefitte. C'était de Gaulle.
Éditions de Fallois. Librairie Arthème
Fayard, 1994–2000

© В. Божович, составление и перевод, 2002

© Московская школа
политических исследований, 2002

ISBN 5-93895-033-3

Programme

Pouchkine

Издание осуществлено в рамках программы "Пушкин" при поддержке Министерства иностранных дел Франции и посольства Франции в России.

Ouvrage réalisé dans le cadre du programme d'aide à la publication Pouchkine avec le soutien du Ministère des Affaires Etrangères français et de l'Ambassade de France en Russie.

Аннотация к французскому трехтомному изданию книги А. Пейрефита

Депутат-голлист в возрасте 33 лет, член нескольких выдающихся правительств, порт-пароль генерала де Голля в течение примерно четырех лет, Ален Пейрефит имел за это время триста бесед с генералом с глазу на глаз. Кроме этого, столько же раз он участвовал вместе с генералом в заседаниях совета министров, десятки раз — в узких заседаниях правительства, в международных конференциях и встречах с главами иностранных государств.

Он счел своим долгом изо дня в день вести тщательные записи всего, что говорил основатель V Республики, сохраняя для потомков не только содержание, но и стиль его высказываний, и тон диалогов. Вплоть до настоящего времени (то есть до выхода книги в свет — *ред.*) он воздерживался от публикации своих записей.

Знакомство с этими аутентичными документами производит огромное впечатление. Как будто время останавливается, и читатель видит воочию великого человека, посвятившего себя служению еще более великой идее.

Мы входим в непосредственное личное общение с Генералом, слышим, как он мыслит вслух. Перед нами де Голль, не скованный рамками протокола, который идет гораздо дальше своих официальных выступлений и высказывается с поразительной свободой и откровенностью.

Сообщая огромное количество разнообразных сведений, рисуя интеллектуальный и нравственный портрет генерала де Голля, эта книга является *бесценным свидетельством* о последнем герое французской национальной истории.

От составителя

Конечно, лучше всего было бы издать все три тома записей А. Пейрефита, посвященных де Голлю*, целиком. К сожалению, это невозможно: это не под силу российскому издательству. Что же делать? Как из 120 авторских листов сделать 37?

Очевидно, речь может идти даже не о сокращенном, а о выборочном переводе. Мы решили руководствоваться теми тематическими разделами, которые предложены самим Пейрефитом. Но из множества тем мы выбрали те, которые представляют, по нашему мнению, наибольший интерес для российского читателя:

1. Уход Франции из Алжира, обстоятельства и последствия этого решения.
2. Отношение де Голля к проблеме европейского единства.
3. Отношение де Голля к США и НАТО.
4. Отношения с СССР.
5. Внутренняя политика. Отношения с Парламентом и партиями. Последний период политической деятельности де Голля.

* Т. 1. «La France redevient la France». («Франция вновь становится Францией»). 1994.

Т. 2. «La France reprend sa place dans le monde». («Франция вновь занимает свое место в мире»). 1997.

Т. 3. «Tout le monde a besoin d'une France qui marche». («Весь мир нуждается во Франции, которая идет вперед»). 2000. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

Перед нами встала проблема перекомпоновки материала. Дело в том, что французский трехтомник сочетает тематический принцип с хронологией. Каждый том посвящен определенному временному отрезку (т. 1 — 1959–1963; т. 2 — 1963–1966; т. 3 — 1966–1970); в каждом томе выделяются тематические разделы, внутри которых материал опять-таки выстраивается в хронологической последовательности. При объединении трех томов в один у нас не оставалось иной возможности, как проследивать каждую из избранных тем во всей ее временной протяженности.

В трехтомнике даются точные указания, когда и при каких обстоятельствах происходил тот или иной разговор. Эти указания мы старались сохранять.

Выбирая для перевода и публикации те или иные главы французского издания, мы стремились не производить сокращений внутри глав. Там, где это все-таки приходилось делать, сокращения отмечены отточиями в квадратных скобках.

Внутри глав Пейрефит делит текст на сравнительно небольшие отрезки с подзаголовками, взятыми из самого текста. От столь мелкого дробления мы отказались ради экономии места.

Необходимо отметить, что в трехтомнике много повторов. К своим любимым мыслям де Голль возвращался неоднократно, варьируя их в различных ситуациях и контекстах.

В.И. Божович

От автора

Высказывания, предлагаемые читателю, оставались конфиденциальными вплоть до сегодняшнего дня. Они извлечены из моих записей, сделанных по свежим следам, чаще всего в тот же день. Я проверил их точность по протоколам заседаний Совета министров, которые велись секретарями Елисейского дворца.

Тем не менее, считаю необходимым напомнить, что *только официально опубликованные тексты и выступления генерала де Голля могут рассматриваться как формальное выражение его точки зрения.*

[...]

Высказывания Генерала связаны с определенными обстоятельствами, представление о которых я стремился передать читателю. На заседаниях Совета министров Генерал реагирует на то или иное сообщение, принимает участие в диалоге. Невозможно опубликовать полностью записи таких обсуждений, гораздо более живых и насыщенных, чем это часто себе представляют... Я извлек из них лишь те фразы, на которые, так или иначе, реагировал Генерал.

Свои ремарки я заключаю в скобки, описания и комментарии помещаю в тексте в виде абзацев без кавычек. Более поздние комментарии (сделанные в 1995–97 годах) даются с отступом от левого поля.

А. Пейрефит
(Из предисловия автора к т. 2.)

Часть I
АЛЖИРСКАЯ ПРОБЛЕМА
1959–1965

1. «Выбраться из банки со скорпионами»

Елисейский дворец, четверг 5 марта 1959.

Жоффруа де Курсель¹ звонит мне по телефону: «Генерал хочет встретиться с молодым депутатом-голлистом нового поколения, не являющимся членом RPF*. Бруйе² и я подумали о вас. Можете ли вы прийти сегодня в 16 часов? Вы встретитесь с Бруйе, он отведет вас к Генералу, когда тот освободится».

Эта необычная процедура применяется для того, чтобы не вызвать ревности у старших деятелей RPF, желающих получить аудиенцию у Президента; поэтому мое имя не будет значиться в списке, предназначенном для прессы.

Прежде чем ввести меня в кабинет де Голля, Рене Бруйе обращается ко мне со словами, весьма отличными от тех, которые я привык слышать в кругу «соратников»: «Вы не принадлежите к числу активистов RPF; не жалеете об этом. Создается впечатление, что Генерал хочет перевернуть эту страницу своего прошлого. Он им не доверяет, потому что они полагают, будто обладают какими-то правами на него. Однако он думает, что именно они обязаны ему всем, и это, вероятно, так и есть, он же не обязан им ничем, а это, может быть, не совсем так».

* «Runion du Peuple Français» («Объединение французского народа») — партия сторонников де Голля со времен движения сопротивления.

Мы обмениваемся кое-какими соображениями по этому поводу. Де Голль придерживается феодального понимания отношений между ним и «соратниками». Он четко соблюдает иерархию и не допускает никаких нарушений субординации со стороны своих «вассалов». О том, чтобы они вместо того, чтобы подчиняться, стали бы на него влиять, не может быть и речи. Он убежден, что они должны беспрекословно исполнять все, что он им говорит от имени Франции.

Как настоящий сюзерен, он не дает никаких привилегий своему ближайшему окружению. Его всепоглощающая любовь к Государству не позволяет ему поступать иначе. Когда речь идет о Государстве, он чувствует себя кардиналом Ришелье, вступившем в схватку с феодалами.

Бруйе выходит ненадолго, возвращается, ведет меня по коридору в Золотой салон³ и представляет меня.

Будучи молодым функционером, я успел узнать всех руководителей Четвертой Республики, не говоря уже о некоторых ветеранах Третьей. Ни один из них — ни Поль Рейно, ни Бидо, ни Робер Шуман, ни Мендес, ни Эдгар Фор, ни Плевен — не внушал мне робости. Но, впервые оказавшись с глазу на глаз с Генералом, я почувствовал, что комок стоит у меня в горле.

Он указывает мне на кресло, и сам садится только после того, как сажусь я.

ГдГ (Генерал де Голль). «Итак, господин депутат, о чем говорят в вашем избирательном округе?»

АП (Ален Пейрефит). Много говорят об отмене пенсий бывшим участникам войны и сопротивления; и очень надеются, что вы положите конец войне в Алжире.

ГдГ. А что говорят в UNR*?

АП. И здесь главным образом о том же. По правде говоря, о первом вопросе даже больше, чем о втором...

ГдГ. Как всегда, парламентарии говорят о второстепенном больше, чем о главном. Через год все забудут о пенсиях для

* «Union pour la Nouvelle République» («Союз за Новую Республику») — партия, созданная в поддержку де Голля, но Генерал отказался быть ее формальным лидером. Затем неоднократно меняла название, сохраняя при этом свою политическую направленность.

бывших бойцов, а алжирская проблема так и останется нерешенной. А это для нас самая тяжелая задача со времени окончания войны. Объединения бывших участников Сопротивления и сторонники интеграции Алжира* поднимают адский шум. А основа обоих вопросов одна: слабость государства.

Бывшие бойцы чувствуют себя феодальной провинцией, перед которой государство взяло обыкновение склоняться, как и перед другими феодальными силами. Так нет же! Пусть бывшие бойцы принесут эту маленькую жертву! В совокупности усилий, которые все французы обязаны сделать для возрождения Франции, это не так уж и много. Их стенания явно чрезмерны! Если государство им уступит, не будет больше государства.

АП. Печально то, что чувство чудесно обретенного национального единства теперь исчезает из-за отмены годовой пенсии в размере 70 франков на человека, что составляет 5,80 франков в месяц! Все это ради 70 миллионов в год, при необходимости сэкономить 7 миллиардов, — одна сотая...

ГдГ. Ни в одной стране мира нет министерства бывших бойцов. Ни одно государство не установило для них пенсии. Другие страны тоже участвовали в войне, но они ограничились тем, что установили пенсии для инвалидов и жертв войны. Но нигде вы не встретите такого, чтобы в правительстве был специальный министр, цель которого — заниматься бывшими бойцами. Нигде нет министерства бывших бойцов, бюджет которого рос бы из года в год, хотя количество самих бойцов постепенно уменьшается. Все это обман! Бывшие бойцы устраивают детскую истерику! Их ассоциации раздувают эту историю. Левые партии, профсоюзы изображают дело так, будто государству доставляет удовольствие унижать тех, кто прошел через ад войны. В действительности все это демагогия.

АП. Голлистская фракция проклинает чиновников, которые, как она считает, поставили вас в затруднительное положение. Во всяком случае, они не учли всех психологических последствий плохо подготовленной меры.

ГдГ. На самом деле, оппозиция пытается спекулировать на второстепенном вопросе, чтобы затем атаковать нас на глав-

* Включение Алжира в состав Франции.

ном направлении, каковым является Алжир. Она использует для борьбы с новым режимом эмоциональный потенциал, который не удалось бы мобилизовать по более серьезному и менее эмоциональному поводу. Не поддавайтесь на эту уловку! На самом деле они хотят свергнуть режим! Вот почему нельзя капитулировать. Если мы уступим в этом вопросе, все развалится!

АП. В своей речи по поводу экономического возрождения страны вы сказали, что те бывшие бойцы, *которые этого захотят*, смогут пожертвовать 70 франками своей пенсии. Однако в опубликованном тексте говорится уже не о добровольном отказе, а об обязательной отмене. Нельзя ли вернуться к вашему первоначальному тексту? Для вас это не будет отступлением. К отступлению будут вынуждены чиновники, которые исказили вашу мысль.

ГдГ. Я не стану употреблять свой авторитет на то, чтобы подрывать государственные учреждения. Это одна из немногих вещей, которые еще остались в нашей стране!»

Несколько секунд он молчит, давая понять, что считает эту тему законченной. Затем продолжает:

«Что до Алжира, мы оказались в нашем нынешнем положении из-за того, что у нас не было государства. Государство не сделало вовремя необходимых усилий, чтобы изменить ход дел в Алжире. Феодалные интересы колонистов возобладали. Бывшие бойцы и колонисты волнуются и угрожают. Они забывают, что мы живем уже в другой Республике».

Он снова делает паузу. Я кладу руки на подлокотники, как бы желая встать. Он удерживает меня новым вопросом:

«А что думают депутаты UNR о том, как выйти из положения?»

АП. В подавляющем большинстве они за интеграцию и за французский Алжир.

ГдГ. И вы тоже за французский Алжир?

АП. Я был бы за... если бы это было возможно. Но не думаю, что это возможно.

ГдГ. Что вы говорили вашим избирателям во время предвыборной кампании? Как вы определяли ваше политическое кредо?

АП. Я говорил и писал, что нужно «найти достойное решение», «установить справедливый мир».

На лице Генерала мелькает легкая улыбка.

ГдГ. «Недалеко же вы зашли.

АП. Я не чувствовал себя в праве идти дальше.

ГдГ. Я вас не упрекаю. К сожалению, большинство ваших коллег сочли себя вправе агитировать за французский Алжир и за интеграцию. А теперь они хотели бы заставить меня исполнять обещания, которые они легкомысленно дали. Как бы то ни было, французский Алжир — это ерунда, а те, кто ратует за интеграцию, дурачки. А ваши избиратели что об этом думают?

АП. Ничего не думают, кроме того, что с этим надо кончать, и чем скорее, тем лучше.

ГдГ. Если бы меня здесь не было, большинство Национального собрания радостно проголосовало бы за включение французского Алжира в состав Франции.

АП. Когда в мае прошлого года произошло братание двух частей алжирского населения, французской и арабской, то именно это вы назвали «интеграцией душ»?

ГдГ. Братание вызвал совсем не Лагайар⁴! Оно началось на Форуме только 15 мая, в тот момент, когда начали кричать «Да здравствует де Голль!». Объединение произошло вокруг моего имени!

АП. Но для чего вы шесть месяцев тому назад выдвинули ваш план в Константине⁵? Разве не для того, чтобы позволить Алжиру модернизироваться и приблизиться к уровню метрополии? План создал впечатление, что вы хотите осуществить присоединение Алжира к Франции.

ГдГ. Мы сможем выбраться из этой «банки со скорпионами» только при условии, что поможем Алжиру измениться целиком и полностью. Нужно попробовать бороться против превращения алжирского населения в толпу бродяг. Конечно, необходимо, чтобы одновременно происходило примирение на местах. Оно и происходит в Оранской области. Оно произойдет и в районе города Алжир, если мы и там приложим такие же усилия. Но примирение никогда не станет окончательным, если Алжир не переменится. Я стараюсь этому помочь. Единая школа, равенство в правах, выборы, которые выработают у мусульман привычку избирать своих представителей, уважение к каждой этнической группе, — что это, как не интеграция, только интеграция реалистическая?

АП. Почему вы никогда не употребляли этот термин?

ГдГ. Потому что мне хотят его навязать и потому что многие видят в нем панацею. Не надо обманывать себя словами! Очень хорошо, что есть французы желтые, французы черные, французы коричневые. Это показывает, что Франция открыта для всех рас, что она чувствует свое универсальное призвание. Но при условии, что другие расы останутся у нас в меньшинстве. Иначе Франция перестанет быть Францией. Все-таки мы остаемся европейским народом, принадлежащим к белой расе, греко-латинской культуре и христианскому вероисповеданию.

Не надо морочить голову самим себе! Вы видели настоящих мусульман? В тюрбанах и бурнусах? Вы понимаете, это ведь не французы! У тех, кто проповедует интеграцию, куриные мозги, даже если они очень ученые (вероятно, он имеет в виду Сустеля). Попробуйте смешать масло с уксусом. Как ни тряс бутылку, через минуту они снова разделятся. Арабы — это арабы, а французы — это французы. Вы думаете, что французская нация способна переварить десять миллионов мусульман, которых завтра будет двадцать миллионов, а послезавтра — сорок?

Если мы осуществим интеграцию, и все алжирские арабы и берберы станут считаться французами, то как вы им помешаете переселиться в метрополию, где уровень жизни намного выше? Моя деревня будет называться уже не *Colombey-les-Deux-Eglises*, а *Colombey-les-Deux-Mosquées!**».

Еще долгое время после беседы я оставался под впечатлением свободы его высказываний, блистательных формулировок, сверхпроницательных прогнозов, как будто он видел будущее сквозь магический кристалл. Он не стремился очаровать. Просто он позволил мне побыть полчаса с де Голлем, для моей пользы. Он анализирует, чтобы прийти к синтезу; он размышляет, чтобы действовать. Он оказался таким, как я и представлял его себе после выступления по радио 21 мая 1940 года. Мне показалось, что в то время, когда он говорил, вокруг разливался свет, как будто опыт, размышление, убежденность озаряли не только слова, но и молчание.

**Colombey-les-Deux-Eglises* — деревня двух церквей (деревня, близ которой находится имение де Голля) и *Colombey-les-Deux-Mosquées* — деревня двух мечетей.

2. «Однажды вы увидите в Елисейском дворце арабского президента»

Елисейский дворец, 9 октября 1959.

Я вернулся в Париж после пяти недель, проведенных в центральной Африке⁶, накануне моего отъезда в ООН⁷, и зашел поболтать к Рене Бруйе в Елисейский дворец. «А почему бы вам не попросить аудиенции у де Голля? — сказал он мне. — Африка, ООН — вот две причины, чтобы повидаться с ним. На этот раз вполне официально».

Золотой салон, 20 октября 1959.

Адъютант Генерала, **полковник де Бонневаль**, говорит мне вежливо, но строго: «Господин депутат, прием вам назначен на десять часов, а вы приходите без трех минут десять. Это слишком «впритык» для встречи с Генералом! Знайте, что лучше прийти за четверть часа, чем опоздать хоть на одну минуту. Если бы у вашей машины лопнула шина, хорошенький мы имели бы вид».

Он показывает мне расписание приема: «Видите, на сегодняшнее утро назначено шесть встреч, на каждую ровно по полчаса. Если вы опоздаете хоть на минуту, опоздание будет нарастать, так как он считает своим долгом компенсировать более продолжительным разговором время тех, кого заставил ждать. А потом будет злиться на всех вокруг».

Итак, Генерал сумел привить свою страсть к пунктуальности своим адъютантам: теперь это их забота, а не его. Может быть, это и есть то, что он называет «соучастием»: делегирование забот. Такая практика позволяет ему чувствовать себя свободно.

В салоне адъютантов имеется трое настенных часов. Они так хорошо отрегулированы, что начинают бить одновременно. С первым ударом Бонневаль открывает дверь и приглашает меня войти. Я слышу, как бою настенных часов отвечает звон двух других, на камине и на письменном столе Генерала. Де Голль церемонно встает мне навстречу. Он надевает очки, чтобы лучше меня разглядеть.

ГдГ. «Итак, господин депутат, вы вернулись из Африки?»

Я говорю ему о том восторге, который его имя вызывает во всей Африке, не только французской, но и бельгийской. Зато я не скрываю, что доктор Швейцер, у которого я провел четыре дня в деревне из соломенных хижин, именуемой «больницей», очень критикует его политику деколонизации.

Старый эльзасец считает, что вести колонии прямиком к независимости — безумие; что «негры», за исключением 1 или 2 процентов, все еще живут в каменном веке; что нелепо обращаться с ними как с современными европейцами. По его мнению, пытаться осчастливить их, не считаясь с их уровнем развития, значит, принести им несчастье. «Я знаю, — говорит он, — что французские либералы и африканские политиканы считают меня патерналистом, колониалистом, расистом. Но опыт открыл мне глаза».

ГдГ. «Швейцер прав и не прав. Действительно, туземцы еще не созрели для того, чтобы управлять собой. Но он забывает, что вокруг нас — реальный мир и что он изменился. Народ в колониях больше не хочет терпеть колонизаторов. Наступит день, когда колониальные народы не смогут переносить сами себя. А пока что, мы вынуждены учитывать реальность. Самое срочное, что мы должны сделать, это трансформировать нашу колониальную империю, заменив господство договором. Нам лучше передать штурвал местным руководителям, прежде чем его вырвут у нас *вместе с руками* (он не сказал: «вырвут *из рук*»).

Мы с самого начала основывали нашу колониальную политику на принципе ассимиляции. Мы полагали, что из «негров»⁸ можно сделать настоящих французов. Мы заставляли их твердить: «Галлы — наши предки». Не очень-то мудро с нашей стороны. Вот почему деколонизация для нас — дело гораздо более трудное, чем для англичан. Они-то всегда знали о различиях между расами и культурами. Они организовали в колониях «self-government»*. Им достаточно ослабить связи, и механизм самоуправления заработает. Мы же всегда отрицали эти различия. Мы хотели быть Республикой ста миллионов французов, как будто все они на одно лицо. Поэтому французы

* Самоуправление (англ.).

переживают деколонизацию как болезненный разрыв. Так вот, я создал Содружество именно для того, чтобы каждый народ мог идти по тому пути, который его устраивает, — желательно, в добром согласии с нами; потому что, в конечном счете, так лучше для всех.

Равенство — прекрасная вещь, но она не в нашей власти. Чтобы все народности в колониях пользовались теми же социальными правами, что и жители метрополии, чтобы они имели такой же уровень жизни, надо, чтобы наш уровень понизился вдвое. Кто к этому готов? Итак, поскольку мы не можем предложить им равенства, лучше предоставить им свободу. *Vue-
vue**, вы нам слишком дорого обходитесь!». [...]

«Можно интегрировать отдельных индивидов, да и то лишь до некоторой степени. Нельзя интегрировать народы, с их прошлым, традициями, героями, воспоминаниями о выигранных или проигранных битвах. Вы думаете, что между черноногими** и арабами это может когда-нибудь произойти? Вы думаете, у них есть чувство общей родины, способное преодолеть различия рас, классов, религий? Вы думаете, у них действительно есть желание жить вместе? Интеграция — это уловка, чтобы мусульмане, составляющие в Алжире большинство с соотношением десять к одному, стали во французской Республике меньшинством с соотношением один к пяти. Это фокус-покус для детей! И они воображают, будто поймают алжирцев в эту ловушку для дураков?

Вы подумали о том, что арабское население увеличится в пять, в десять раз, в то время как французское останется на том же уровне? Что появится двести, потом четыреста арабских депутатов во французском парламенте? Что однажды вы увидите в Елисейском дворце арабского президента?».

Я ловлю в его речах отзвуки нашей мартовской беседы. Сегодня его формулировки уже не так меня удивляют. Но я вижу, что его отказ от «интеграции» стал более решительным, по-

* Прощайте (*англ.*).

** Так называют французов, живущих в северной Африке.

добно тому, как ужесточилось за это время противодействие его политике со стороны сторонников французского Алжира.

АП. «Вы убеждаете убежденного. Но волнения в парламентской фракции заставляют меня опасаться, что заседание нашего движения, намеченное на начало ноября в Бордо, будет проходить трудно. Сторонники Сустеля окажутся в подавляющем большинстве.

ГдГ. Я рассчитываю на вас и еще на нескольких участников, которые, к счастью, там будут и постараются убедить собрание, что только де Голль может решить алжирскую проблему, и что долг голлистов его поддержать. Постарайтесь дать им понять, — так как они понимают язык цифр, — что для Франции предпочтительнее иметь алжирский Алжир в составе Содружества, чем взвалить Алжир себе на плечи и рухнуть под его тяжестью. Включение алжирских департаментов в состав Франции не только подорвет наш авторитет в мире, но и разорит нас экономически! Это будет бочка Данаид! Если Алжир станет французским, мы должны будем обеспечить алжирцам те же стандарты жизни, как и жителям метрополии, а это невозможно. Если они отделятся, то должны будут удовлетвориться гораздо более низким уровнем жизни. Во всяком случае, они уже не смогут предъявлять претензии Франции и будут морально удовлетворены, получив право управлять сами собой.

Поддержание нашего суверенитета над колониями всегда стоило денег. Но сегодня, кроме того, оно требует колоссальных расходов на повышение их экономического и социального уровня. Так что для метрополии это стало уже не источником богатства, а причиной обнищания и замедленного развития.

Когда мы обосновались в Алжире, как и в других колониях, у нас была перспектива разработки источников сырья, ранее остававшихся не использованными; мы могли превращать в плодородные земли болота и засушливые плоскогорья. Доход обещал намного превысить затраты. В ту эпоху погоня за прибылью прикрывалась заявлениями о благородной цивилизаторской миссии, которую мы приписывали себе.

Но после первой и, особенно, после второй мировой войны расходы на управление увеличились. Требования со-

циального прогресса со стороны туземцев возросли, и это вполне естественно. Доход перестал покрывать расходы. Цивилизаторская миссия, которая вначале была лишь предложением, стала единственным оправданием продолжающегося колониального господства. Но, коль скоро оно стоит так дорого, зачем его поддерживать, если большинство местного населения этого не желает?

АП. А нефть?

ГдГ. Мы должны были бы, как минимум, окупить наши вложения и обеспечить наше снабжение. Но поступления нефти и газа не смогут компенсировать усилий, которые потребуются от нас в Алжире. Не обманывайте себя. Поймите, что в Алжире, как и в других местах, страны-колонизаторы надеялись получить выгоду, но выгода вскоре обернулась убытками. И как раз в то время, когда их цивилизаторская роль стала обходиться им все дороже и дороже, а цениться стала все ниже и ниже. Расходы на поддержание господства и содержание армии возросли, когда разразились первые народные восстания. Так происходит повсюду, за исключением, может быть, совсем маленьких территорий.

АП. Но колонии других стран, Португалии, Испании, Бельгии, Советского Союза...

ГдГ. Вот увидите, эти империи развалятся одна за другой. Умнее всех поступят те, кто сами поскорее примутся за дело. Англичане, а за ними голландцы ушли сами, и тем лучше для них.

АП. Слова о «мире смелых» и о «белом флаге» были истолкованы алжирцами как требование сдаться и отказ от деколонизации.

ГдГ. Имелся в виду белый флаг парламентаров, по которым нельзя стрелять, потому что они идут, чтобы вести переговоры... А вы думаете, я мог сделать сразу и немедленно то, что я хотел? Надо было немного подготовить умы. Какие были настроения в армии? Какие были настроения в парламенте? Что думало мое правительство? Что думал мой премьер-министр? У нас нет диктатуры. Людям требуется много времени, чтобы отказать от своих предрассудков. Они очень медленно понимают, особенно те, кто думает, будто знает все».

Он смотрит на листву парка, уже начинающую желтеть, и продолжает:

«Алжирская драма не ограничивается одним Алжиром и отношениями Франции с ним. Она затрагивает самих французов. Она разлагает все во Франции. Она подрывает ситуацию в Европе и во всем мире».

Он не все высказывает вслух, но дает понять, что вынужден маневрировать, чтобы подчинить себе военных, черноногих, французских консерваторов, чтобы заставить их примириться с неизбежной эволюцией. И ради этого он готов тешить их побасенками.

АП. «А к чему приведет самоопределение?»

ГдГ. Это будет ловушка для дураков.

АП. Кто же останется в дураках?

ГдГ. FLN*, если он откажется от переговоров. Черноногие, если они откажутся сотрудничать, в то время как после наступления мира в Алжире они смогут занять там важное место».

Он встает, чтобы проводить меня до дверей, и продолжает: «Мы больше не можем тянуть на себе это население, которое размножается, как кролики, и эти огромные территории. Мы хорошо сделаем, дав им свободу. Филиалы наших фирм, наши порты, малые заморские территории – это так, мелочи. Трудно все остальное. В Северной Африке французы окружены массой арабского населения, южнее Сахары – массой негритянского населения. Как же вы хотите, чтобы одни обладали свободой самоуправления, а другие нет?»

Пока мы не сбросим с себя этот груз, мы не сможем сделать ничего значительного в мире. Это – как чугунное ядро на ноге у каторжника. Необходимо от него отделаться. И это – моя задача. Ничего радостного. Поставьте себя на мое место! Но в этом, может быть, и состоит самая большая услуга, которую я смогу оказать Франции. Время идет, и мы не можем больше ждать. Я ведь тоже не бессмертен».

* «Front de libération nationale» («Фронт национального освобождения») – организация, боровшаяся за освобождение и независимость Алжира.

Он берется за ручку двери:

«В общем, вы отправляетесь в ООН не с пустыми руками: у вас есть неплохой козырь в виде предоставления Алжиру самоопределения. Люди в ООН не будут против».

Он протягивает мне руку, его легкое рукопожатие контрастирует с исходящей от него волей:

«Как на охоте, я не буду желать вам удачи. Когда вернетесь, приходите рассказать».

За шесть месяцев — с марта по октябрь — Генерал перенес акцент с трудностей интеграции на необходимость отделения, с невозможности «французского Алжира» — на необходимость «алжирского Алжира». Оставался только один вопрос: «Как же от него избавиться?».

3. «Пробуждение будет жестоким»

19 декабря 1960.

Завтрак для узкого круга лиц в Елисейском дворце. Но при каких обстоятельствах! Генерал только что вернулся из поездки по Алжиру, которая прошла очень плохо: черноногие его освистали, а в Ай-Темушене даже грозили физической расправой. Один из адъютантов рассказывает, что был момент, когда приближенные Генерала опасались, что его линчуют. Он вышел из здания супрефектуры без охраны и вошел в гущу толпы арабов, которых черноногие подговорили кричать «Да здравствует французский Алжир!». Но те, пораженные бесстрашием Генерала, принялись кричать «Да здравствует де Голль!». Американский журналист Джозеф Олсоп, известный своим антиголлизмом, плакал от волнения и восхищения.

Сам де Голль не говорит о происшедшем ни слова и во время завтрака ограничивается разговорами, которые представляются мне верхом банальности, как будто он хочет подчеркнуть, что никакой он не гений и не герой, а такой же человек, как все. Я не могу подавить в себе чувство некоторого разочарования. Как можно, будучи де Голлем, говорить пустые слова?

[...]

Когда подали кофе, де Голль обходит всех гостей по очереди, обращаясь к каждому. Вот он подходит к дамам, которые обсуждают футбольные подвиги своих отпрысков, и делает вид, будто интересуется разговором. «А как у вас, мадам?» — обращается он к Монике⁹, которая хранит молчание. «О, я в этом не разбираюсь, — отвечает она, — у меня дочери и мальчик, которому всего три недели». «Как, — восклицает он, — у вас трехнедельный ребенок, а вы стоите на ногах?». И он увлекает ее к мадам де Голль и заставляет сесть на канапе: «Ивонн, у этой молодой женщины недавно родился ребенок, позаботьтесь о ней!». На его плечах национальная трагедия, он только что подверглся смертельной опасности, а он заботится о молодой роженице!

Потом он возвращается к мужчинам. Помешивая кофе, он говорит с покорностью судьбе: «Эти несчастные алжирские французы готовы покончить жизнь самоубийством. Они делают все, чтобы помешать концу военных действий. Они делают все, чтобы настроить французскую армию против Франции. Они делают все, чтобы их выгнали из Алжира. Они упускают последние шансы договориться с мусульманами и наладить с ними совместную жизнь в алжирском Алжире. Они готовят кровавую баню, первыми жертвами которой станут они сами».

На минуту он надевает очки с толстыми стеклами и оглядывает зал, чтобы убедиться, что все дамы сидят, после чего тоже усаживается на канапе и знаком приглашает Жана де Брольи и меня присоединиться к нему. Он продолжает:

«Черноногие не перестают кричать «Французский Алжир!», как будто эта магическая формула может их спасти. Но французский Алжир — это не решение, это проблема! Это не лекарство, это болезнь! Как можно было позволить, чтобы бесконтрольно росла европейская иммиграция во враждебно настроенную страну с совершенно чуждым коренным населением? Мы легкомысленно высадились в Сиди-Феррухе, не представляя себе, что делать дальше. При Луи-Филиппе, при Второй Республике, при Второй Империи восстания там следовали одно за другим. Бюжо, потом Пелисье, потом Мак-Магон продолжали стрелять из пушек по деревням. А после всего, Третья Республика, которая полагала, что нет никакой разницы между ра-

сами и религиями, а свою цивилизацию считала единственной существующей, породила химеру ассимиляции. Тогда страну разделили на департаменты и сделали решительный выбор в пользу французского Алжира. Становилось все труднее от этого выбора отказаться. Но так только казалось. Достаточно недолго побыть в Алжире, чтобы убедиться, что арабский народ не поддается ассимиляции. И при всех режимах французская администрация постоянно притесняла местное население в пользу колонистов.

Только один человек понимал, в какой тупик мы зашли, — Наполеон III. Он хотел создать *арабское королевство*. Он восхищался благородством арабских вождей. Абд аль-Кадер вел себя по-рыцарски в Дамаске, спасая от смерти французов и мaronитов, вырывая их из разъяренной толпы. Луи-Наполеон хотел помочь созданию арабской аристократии и арабской династии, которая послужила бы костяком для будущей монархии. Франция просто оказывала бы ей покровительство, пока та не стала бы способной к эмансипации. Европейцы были бы не господами, а закваской в тесте. Мы упустили единственную спасительную возможность... Но историю нельзя переделать. И вот мы расплачиваемся за сто тридцать лет слепоты».

— Господин Генерал, — замечает **Жан де Брoльи** в шутовском тоне, — вы говорите, что Наполеон III был единственным, кто понял алжирскую проблему. Наши противники, которые и так обвиняют вас в бонапартизме, завопят: «Ага, мы предупреждали!».

Де Голль делает вид, что не слышит. Возможно, ему не нравится, что молодой депутат, пусть и в виде предостережения, допускает сближение, которое он не считает лестным для себя, — даже если честно признает заслугу Наполеона III, лучше других разобравшегося в алжирской проблеме.

Де Голль продолжает: «Во время войны я убедился, что эти люди нас не любят. Большинство черноногих обращались с мусульманами как с лакеями и не подпускали их к управлению. Власть принадлежала Франции, а значит, алжирским французам, поскольку представители государства и в Париже, и на местах всегда уступали их требованиям. Вот что такое французский Алжир. Вот от чего надо избавляться, чего никогда не должно было бы быть, и что не может продолжаться».

Теперь Генерал поворачивается к де Броли, чтобы, наконец, ответить на его реплику: «*Арабское королевство* — это не только алжирская политика, это политика по отношению ко всему арабскому миру. Вы читали письмо-инструкцию в добрую сотню страниц, направленное Наполеоном III Мак-Магону в 1865 году, письмо, в котором он делает выводы по свежим следам своей длительной поездки в Алжир? Разве можно в одной арабской стране проводить одну политику, а в другой — противоположную? Как вы помешаете Алжиру быть алжирским, если Марокко уже является марокканским, а Тунис — тунисским? Франция могла бы стать защитницей мусульманских интересов от Мавритании до Евфрата. Она могла бы помочь всем этим странам модернизироваться, не претендуя на управление ими. Такая политика позволила бы нам получить преобладающее влияние в Египте, Ливане, на всем Ближнем Востоке. Мы построили Суэцкий канал, обещав египтянам, что он облегчит паломничество в Мекку. Политика «французского Алжира» загнала нас в алжирскую западню, заставила уйти из Суэца и Египта, настроила против нас весь арабский мир».

Дамы встали. Генерал встает тоже и стоя заканчивает: «Когда Алжир станет алжирским, черноногие лишатся власти. Им следовало бы уже сейчас позаботиться о том, чтобы заменить *власть гарантиями*. Но им невдомек. Они цепляются за надежду сохранить власть, армию, авторитет Франции. Они грезят. Пробуждение будет жестоким».

4. «Надо найти способ давления»

Елисейский дворец, 12 июля 1961.

Де Голль публично заявил о «перегруппировке европейцев в Алжире», которое могло бы послужить началом «раздела» страны. Я спросил у Рене Бруйе, действительно ли Генерал серьезно думает о такой возможности как о способе прекратить алжирскую войну. «Очень серьезно», — ответил мне Бруйе.

— Это его подлинное намерение, или хитрость? — спросил я. — И в том, и в другом случае надо было бы продумать последствия. Сделано ли это?

— Мне кажется, Генерал не хочет, чтобы углубленное изучение проводилось в какой-либо официальной инстанции, так как это могло бы помешать возобновлению переговоров. Но, может быть, он будет не против, если кто-нибудь займется этим вопросом в частном порядке. Сейчас он один в своем кабинете. Почему бы вам самому не поговорить с ним?

Бруйе заходит к Генералу и, после недолгой паузы, вводит меня к нему без предварительной записи, как это уже бывало не раз.

«FLN боится переговоров, — говорит мне Генерал. — Боится заключить мир, боится взять на себя ответственность. Они способны делать всего две вещи: держать войска в Тунисе и Марокко и настраивать против нас возможно большее количество стран. Они боятся показать, на что они способны в мирных условиях. Продолжать эту фальшивую войну для них самое простое решение. Они требуют развода с выплатой алиментов, но отказываются явиться в суд. Нужно найти средство давления, которое сделало бы невозможным сохранение статус-кво. Надо заставить их пойти на переговоры и сотрудничество, как бы они ни упирались».

Я замечаю Генералу, что, если раздел Алжира — всего лишь тактическая угроза, она испугает повстанцев не больше, чем игрушечный пистолет. Такая угроза может заставить их предпочесть переговоры военным действиям только при условии, что они увидят ее конкретную реализацию. Надо детально изучить возможность раздела и обозначить первые шаги к его осуществлению, или, как минимум, обеспечить ему поддержку общественного мнения.

С этим он соглашается. Я выдвигаю возражения. Он отмахивает их одним движением руки. В нескольких фразах он доказывает мне, что раздел позволит сгруппировать европейцев вдоль побережья между городами Алжир и Оран, где уже и так живет три четверти европейского населения. Этот участок побережья защитить от терроризма будет гораздо легче, чем всю обширную территорию с бесчисленным количеством убежищ, которые невозможно обнаружить. Он добавляет, что население очень скоро проголосует ногами, выбрав ту или иную часть страны, и большинство предпочтет наши территории, а не те,

где хозяйничают повстанцы. FLN, неуязвимый, пока он действует повсюду и нигде, но теряет свою неуязвимость на территориях, которые будут отданы в его управление. Что же касается Сахары, где живут племена, дружественные Франции, то там можно создать автономную республику, непосредственно прилегающую к той части Алжира, которая останется французской. Таким образом, будут соблюдены два пункта, которым Генерал придает особое значение: гарантии для европейцев и сохранение контроля над Сахарой (из-за нефти, но главным образом, для продолжения ядерных испытаний).

Ни одно возражение не застает его врасплох. Видно, что он все хорошо обдумал. Его план не похож на тактическую уловку.

В заключение он развивает тезис, который привел бы в восторг черноногих, если бы они его услышали: «Понимаете, для любого меньшинства важно иметь такое место, где они окажутся в большинстве. Если бы французы, родившиеся в Алжире, составляли большинство в районе Орана и на равнине Митиджа, вплоть до Алжира (города), они бы чувствовали себя твердо стоящими на земле. И никто не мог бы им ничего возразить, при условии, что и мусульманскому населению они позволили бы свободно строить свою жизнь за пределами территории, отведенной для европейцев. Французские канадцы чувствуют себя хозяевами в Квебеке: здесь они могут жить и отстаивать свои права. В других провинциях, где они в меньшинстве, они чувствуют себя ущемленными. Черноногие и те мусульмане, которые захотели бы с ними остаться, могли бы жить в этом анклав. Держатся же два миллиона жителей Израиля против ста миллионов арабов, которые их окружают».

«Это не идеальный вариант, — заключает он. — Мирные переговоры и установление тесного сотрудничества были бы гораздо предпочтительнее. Но будет неплохо, если в FLN поймут, что мы поневоле пойдем на разделение, если они будут и дальше уклоняться от контактов. Переговоры дадут результат только в том случае, если у нас будет средство давления. Надо всегда иметь запасной вариант. Вы — человек, владеющий пером. Почему бы вам не посвятить этому вопросу серию газетных статей?».

Провожая меня до дверей, он добавляет: «Не следует посвящать других в наш разговор».

«Не следует» означает в данном случае: «запрещено».

Банк Ротшильда, 4 августа 1961.

Это задание, напоминающее политическую фантастику, меня увлекает и возбуждает. Оно становится тем более неотложным, что FLN, сделав для виду несколько шагов нам навстречу, внезапно прервал переговоры в Люгрене¹⁰. Поэтому я быстро опубликовал статью на эту тему¹¹. В день появления статьи я нанес визит Жоржу Помпиду в его кабинете на улице Лаффит, чтобы поговорить с ним о делах Французского комитета за панъевропейское единство*.

Помпиду отмахивается от мелких деталей и указывает на развернутый номер *La Vie française*, лежащий у него на письменном столе: «Вы написали статью о разделении Алжира. А ведь это — решение! Это позволит, одновременно, и защитить черноногих, и спасти нефть».

Он по-настоящему увлечен этой идеей. Он встает и, заложив руки в карманы, начинает рассказывать по своему маленькому кабинету с креслами, обтянутыми зеленым бархатом.

Он загорается и приводит все новые и новые аргументы. Потом садится. Из-под кустистых бровей на меня пристально смотрят агатовые глаза. Он добавляет, в качестве самого веского аргумента: «Генерал одобряет вашу статью, но хочет, чтобы вы сделали что-то более значительное. Почему бы вам не написать серию статей для *Le Monde* с более глубокой разработкой вопроса? Они бы имели больший общественный резонанс, чем ваши прошлогодние статьи о Европе».

Видимо, он уже успел позвонить в Елисейский дворец и поговорить с Бруйе.

Париж, август 1961.

В течение всего месяца, ничего не говоря о моей беседе с Генералом, я старался узнать мнение разных министров, или близких к ним людей, относительно гипотезы перегруппировки

* См. часть II. Франция и Европа.

населения в Алжире и возможного, в случае неудачи переговоров, разделения страны.

[...]

Отпор, который эта идея получила у некоторых близких соратников Генерала, меня не обескуражил. Я констатировал, что ни Жокс, ни Кув, ни Трико, ни даже Курсель не подозревали, что Генерал всерьез размышлял над этим решением. Значит, он им сообщает далеко не все.

Так я проник в его странную манеру действовать, которую назвал «королевским секретом»; впоследствии я с этим сталкивался неоднократно. Де Голль поручает кому-то, кто не занимает соответствующей должности, некое задание, утаивая его от тех, кто должен был бы это задание выполнять.

Во время этих бесед я узнал, что, будучи в 1958 году хозяином Матиньонского дворца¹², он раз десять принимал у себя Абдерахмана Фареса (Ги Молле, государственный министр в тогдашнем правительстве де Голля, помог ему установить контакт с этим скромным эмиссаром FLN и начать через него переговоры с алжирскими повстанцами). Фарес прибыл во второй половине дня в маленький особняк напротив Матиньонского дворца: там находилась резиденция Государственного министра¹³. Там Фарес беседовал с Ги Молле и начальником его кабинета Манакком. Затем Манак звонил Бонневало: «Вечерний посетитель прибыл». И провожал гостя до дверей кабинета Генерала. Три года спустя, Жокс, его министр по делам Алжира, все еще ничего не знал об этих посещениях — и сначала не хотел в них верить, когда я невзначай ему рассказал о них.

Такова была сила «королевского секрета»: о нем не знали даже ближайшие сподвижники.

[...]

В течение августа я написал обширный текст на заданную мне тему; затем я сократил его до сорока страниц и показал Юберу Бёв-Мери, который и опубликовал его в четырех номерах *Le Monde* в конце сентября. Предварительно я дал текст на просмотр в Елисейский дворец, и получил «зеленый свет» от Бруйе.

Едва статьи появились, как Бруйе позвонил мне снова и сказал, что, по мнению Генерала, данный предмет заслуживает

большого, чем газетные статьи, а именно — настоящей книги, с картами, документами, ссылками на различные прецеденты в мире, экономическим анализом. Речь уже идет не просто о гипотезе. Надо показать, что это решение можно реализовать на месте. «Но об этом — никому ни слова».

В конце сентября — новое ускорение: Расин¹⁴ звонит мне от имени Мишеля Дебре и сообщает, что мне выделена специальная сумма, чтобы немедленно издать мои статьи в виде брошюры, не дожидаясь, когда будет готова большая книга. Брошюру следует срочно разослать вместе с моей визитной карточкой всем, кто оказывает влияние на общественное мнение: всем депутатам и сенаторам, принадлежащим как к большинству, так и к оппозиции, ведущим журналистам, директорам газет, советникам по экономическим и социальным вопросам, префектам и супрефектам (для Дебре последние, по-видимому, особенно важны).

Я дал отпечатать брошюру в типографии *Le Monde*. Один из главных редакторов, Шенбенуа, принял дело особенно близко к сердцу; он велел оттиснуть на обложке название газеты готическим шрифтом. «Для нас это не просто серия ваших статей, — сказал он мне, — это позиция *Le Monde*».

На следующий день другой главный редактор, Готье, встречает меня с натянутым видом: «Это совсем не позиция газеты! Я только что убедил Бёв-Мери опубликовать от имени Клуба друзей Жана Мулена три статьи с возражениями против ваших тезисов. Их написали два молодых докладчика в Государственном совете, Салюс и Крейсель, по просьбе Жокса. Мы за свой счет произведем переброшюровку с новой обложкой, без логотипа *Le Monde*».

Находя эти перипетии забавными, я снова засел за работу. Между тем идея о разделе Алжира распространилась и вызвала сильный резонанс общественного мнения. *L'Écho d'Alger* и *L'Écho d'Oran* полностью перепечатали мои статьи из *Le Monde* и *La Vie française*. Многие черноногие, ранее враждебные этой идее, ухватились за нее, как за якорь спасения.

Голосов в мою поддержку становилось все больше. Гишар, делегат от Общей организации сахарских регионов, не мог со мной увидеться и прислал восторженное письмо: в разделе-

нии он видит решение сахарской проблемы. Фоккар и главные сановники голлизма звонят по телефону: «Вы нашли выход! Вы помогаете нам выбраться из трудной ситуации!» Даже главный мулла Парижской мечети, неведомый мне Аль Сид Шейх Бубакер Хамза, посылает мне дружеский подарок: кулек фиников с посланием в несколько теплых слов (но без упоминания о моих статьях).

28 октября Брюно де Лёсс приходит ко мне домой: «Переговоры с FLN возобновляются. Но дело пойдет только при условии, что над представителями FLN будет висеть угроза альтернативы. Продолжайте ваши труды. Книга должна выйти до конца года. А до этого, как только будет готова очередная глава, несите ее в какую-нибудь газету!».

Одну за другой, я рассылаю мои главы в *La Vie française*, *L'Écho d'Oran*, *L'Écho d'Alger*, *France-Soir*, *Paris-Press* и снова в *Le Monde*.

В моей работе участвуют четыре «светлых головы».

Брюно де Лёсс и Венсан Лабуре, с которыми я подружился на Кэ д'Орсэ, негласно помогают мне. Они убеждены, что, если у нас не будет запасного решения, чтобы отбить требования FLN, переговоры сорвутся, а отвечает за них министр иностранных дел. Стремясь помочь своему шефу, они снабжают меня информацией и аргументами.

Эрик Лабон, бывший главный резидент в Марокко, отличный знаток Магриба, и Альфред Фабр-Люс¹⁵, человек блистательного ума, сразу откликнулись на мои статьи и прислали мне одобрительные письма. Они охотно согласились проводить совместные беседы и обсуждения на дому первого из них. Они рассматривали разделение Алжира не как тактический маневр, а как единственное решение, у которого есть будущее, как законный способ защиты Западом земель, которые принадлежали ему до арабского вторжения, и которые он отвоевывал снова на протяжении жизни пяти поколений.

Тем временем контакты с FLN возобновились. В ноябре, когда я уже правил гранки моей книги, Жоффруа де Курсель, генеральный секретарь Елисейского дворца, сообщил мне, что Генерал хочет меня видеть. Меня ожидал ушат холодной воды.

5. «Надо уходить, и как можно скорее»

Елисейский дворец, 19 ноября 1961.

Меня вызывает Курсель: очередь на прием к Генералу слишком большая, он сможет меня принять только 8 декабря. Но Курсель хочет меня срочно предостеречь и довести до моего сведения: «Ваши идеи имеют слишком большой успех. Это было хорошо, когда надо было надавить на FLN и заставить их продолжать переговоры. Но теперь, когда дело пошло, нельзя перегибать палку. Генерал поручил мне срочно вас предупредить. Можете не сомневаться, вас ждет головомойка. Новое течение оказалось слишком сильным, оно грозит подчинить себе общественное мнение. А это была бы катастрофа! С такими вещами не играют! Генералу стоило большого труда отделаться от *интеграции*. И если ему теперь потребуется столько же усилий, чтобы похоронить *разделение*... Но главное, чтобы никто не вздумал вообразить, будто это он попросил вас начать кампанию».

«*Не вздумал вообразить!*». Я с трудом удерживаюсь от ответной реплики. Выходит, Курсель не в курсе дела; ни де Голль, ни Бруйе ему ничего не сказали. Ближайший сотрудник Генерала не посвящен в «королевский секрет», зато я посвящен в него настолько, что и рта не могу раскрыть.

В пятницу 8 декабря 1961 года я, помня об уроке Бонневая, прихожу в 10 часов 15 минут, будучи приглашен к 10.30. Дежурный адъютант: «Господин депутат, вам придется подождать. Раньше времени приходите не полагается». Несколько минут спустя первый утренний посетитель выходит. Я делаю движение войти, адъютант меня останавливает: «Нет-нет, Генерал терпеть не может, когда приходят раньше времени, это ему так же неприятно, как и опоздания. Я вас введу, когда часы пробьют половину». [...]

Часы бьют половину, адъютант вводит меня в кабинет. Генерал бросает мне суровым тоном: «Итак, мне сообщают, что вы ведете кампанию за раздел Алжира и даже собираетесь публиковать книгу?».

Обескураженный, я пытаюсь напомнить, как он сам подталкивал меня к этому.

ГдГ. «Детали не имеют значения. Обратимся к сути. Что здесь, по-вашему, самое главное?»

АП. Первое. Сгруппировать между Алжиром и Ораном всех местных французов и примкнувших мусульман, которые захотят остаться с нами. Второе. Переселить в остальную часть Алжира всех мусульман, которые предпочитают жить под управлением FLN. Третье. Мы сохраняем за собой свободу доступа в Сахару, которая должна стать автономной территорией по отношению к двум первым. Четвертое. Все остальное является предметом переговоров. Город Алжир можно будет разделить, как Берлин или Иерусалим. Касба — с одной стороны, Баб-эль-Уэд — с другой, и демаркационная линия посередине.

ГдГ. В общем, вы хотите создать французский Израиль. Именно к этому толкал меня Бен Гурион, во время нашей встречи. Но он меня предупредил: «Дело пойдет только в том случае, если станут в массовом порядке прибывать новые французские колонисты, если они захотят поселиться там окончательно, вступить в армию и сражаться». Вы только представьте себе такое! Черноногие хотят, чтобы их защищала наша армия, но им никогда не приходило в голову взять в руки оружие и защищаться самим! Вы можете себе вообразить, что они станут охранять свои границы вместо французской армии? Так называемые «территориальные соединения» в военном отношении ничего не значат. Они приносили больше вреда, чем пользы. Пришлось их распустить.

АП. Но я не предлагаю окончательного разделения, или такого раздела территории, при котором одна часть осталась бы за Францией, а другая отошла бы FLN. Я предлагаю независимый Алжир, с кантонами, как в Швейцарии, где каждая национальная община была бы хозяином в своем кантоне. Желательно, чтобы разделение не стало необратимым, но помогло сосуществованию и сотрудничеству. Таким образом, мы будем иметь самостоятельное управление в разделившихся частях и совместное управление общими территориями, такими, как Сахара. Мы сохраним органические связи, которые в будущем смогут укрепиться. Поэтому раздел окажется лишь угрозой, средством сдерживания.

ГдГ. Не обольщайтесь, это будет не мирная ассоциация, а враждебное разделение.

АП. Каждый раз, когда этнические группы вступали в конфликт, история находила только один способ их умиротворить: это — их разъединить. Например, Ирландия, Индия, Палестина».

Генерал, увидев верстку книги у меня на коленях, просит показать ему планы перегруппировки населения. Надев очки, он в молчании рассматривает шесть предлагаемых мной вариантов.

ГдГ. «Согласно вашим картам, у FLN остаются только бедные регионы. Вас будут обвинять в том, что вы хотите держать арабов в нищете, а все богатства отдать европейской общине.

АП. Эти богатства были созданы в результате колонизации. Когда прибыли первые французские колонисты, равнина Митиджа была болотом, рассадником малярии; между Алжиром и Ораном выжить было еще труднее, чем в других местах.

ГдГ. То, что вы предлагаете, было возможно до восстания. С 1954 года идет кровавая война, в ходе которой родилась алжирская нация. Теперь никто не может сделать так, чтобы она перестала существовать. Теперь огромные мусульманские массы, от Сенегала до Индонезии, требуют независимого Алжира. Никакая сила, в наши дни, не может подавить народ, сражающийся за свою независимость.

АП. Вот почему надо дать независимость алжирскому народу во всех ее составляющих. Подобно тому, как совершенно недопустимо, чтобы миллион европейцев господствовал над мусульманской общиной, в десять раз более многочисленной. Так же недопустимо будет изгнать французскую общину, укоренившуюся на этой земле в течение жизни пяти поколений. Если эта община окажется в большинстве на отведенных ей землях, никто не сможет помешать ей жить так, как она хочет. Если все пойдет нормально, дело закончится созданием федерации. Если дела пойдут менее гладко, будет конфедерация. В случае совсем плохого развития событий, произойдет разделение страны. Связи между двумя общинами будут укрепляться или ослабевать в зависимости от того, произойдет успокоение или нет.

ГдГ. Успокойтесь, соглашение с повстанцами мы подпишем только тогда, когда местным французам будут даны формальные гарантии их спокойного проживания в Алжире.

АП. Вы сами мне много раз повторяли, когда поручили мне эту работу, что единственная гарантия для этнического меньшинства в полиэтническом государстве состоит в том, чтобы выделить для этого меньшинства такую территорию, где оно было бы в большинстве. Чтобы меньшинство имело возможность отделиться, если возникнет угроза его выживанию. Это и есть самая главная гарантия. Единственно устойчивый федерализм — это тот, который включает право на территорию. Вы сами напоминали мне об этом по поводу Квебека.

ГдГ. Не стройте себе иллюзий, разделение между этими двумя частями Алжира может быть куплено только ценой страданий. Власть захватят экстремисты: самые революционные мусульмане, со стороны Востока, и самые реакционные из местных французов, со стороны Запада. Удары ножом уступят место пушечной канонаде. Война не закончится, она продолжится в новых формах. И мы будем втянуты в нее помимо нашей воли.

АП. Если и будет война, то, хотя бы, не гражданская. В случае враждебных действий между сторонами будут вышки и колючая проволока, как мы это видим сейчас между двумя Германиями или между Северной и Южной Кореей.

ГдГ. Вы не сможете помешать терроризму на территориях, занимаемых французами, и тому, что арабы будут продолжать резать друг друга. Это у них в крови.

АП. Все-таки будет легче поддерживать порядок в небольшой автономной области, чем в обширной стране, по территории в четыре раза превосходящей Францию. А в случае военных действий, можно будет прибегнуть к репрессиям и высылкам.

ГдГ. Посмотрите на Израиль. На него ополчился весь арабский мир. Но израильяне, по крайней мере, завоевали себе независимость и теперь отстаивают ее. А черноногие не хотят независимости. Они хотят, чтобы мы зависели от них, так им привычнее.

АП. Даже во Вьетнаме, где мы потерпели тяжелое поражение, страна была поделена, согласно Женевским догово-

ренностям, на северную часть, отданную Вьетконгу, и южную, где существует дружественный нам режим. В результате ситуация стабилизировалась. В Алжире, где наша армия является господствующей силой, и где метрополия находится совсем близко, кто нам помешает добиться такого же результата? Может возникнуть ситуация, напоминающая Гонконг, куда валом валят беглецы из коммунистического Китая. Арабы проголосуют ногами, как китайцы, бегущие от коммунистов.

ГдГ. Все это можно было бы попробовать сделать, если бы в моем распоряжении было десять лет. Но время на исходе. Я все перепробовал. С этим надо кончать».

Он на минуту замолкает, как бы давая мне время припомнить все попытки его решений. Психологический шок в июне 1958-го, когда он пришел к власти. «Интеграция душ». Тайные контакты с FLN при посредстве Фареса. Призыв к «миру смелых». Невероятное ускорение движения благодаря плану, провозглашенному в Константине. Военное наступление в соответствии с планом в Шалле. Попытка примирения с одной из фракций FLN с помощью Си Салаха, вскоре убитого. Переговоры в Мелене с намерением предоставления Алжиру автономии внутри французского целого. Он все перепробовал, и везде его постигла неудача.

Он снова начинает говорить с решимостью и покорностью судьбе.

ГдГ. «Время работает против нас. Алжир — это наша гангрена. Она губит нашу молодежь. Лучше уйти с высоко поднятой головой, чем оставаться и проливать кровь. Что значит для такой страны, как Франция, принять сто или двести тысяч репатриантов? Это капля в море.

Ап. Господин генерал, если мы сдадим Алжир FLN, репатриантов будет не сто тысяч, а миллион!

ГдГ. Подумайте! Среди миллиона алжирских французов только сто тысяч со своими семьями жили за счет оккупационного режима. Для них такое положение кончится. Но другие приспособятся к новой ситуации в условиях независимости страны. Они будут нужны новому Алжиру, а он будет нужен им.

АП. В своей книге я показываю, что постепенно порвется вся социальная ткань. Алжирские французы образуют отдельное общество, где все они зависят друг от друга. Коммерсанты, врачи, адвокаты последуют за своими клиентами, когда те уедут. И так далее. За сто тридцать лет, пока продолжалась колонизация, практически не было смешанных браков. Две общины продолжали жить раздельно. Как только начнутся беззакония, французским населением овладеет паника. Они почувствуют себя беззащитными перед местью мусульман. Уедет не сто тысяч. Сто тысяч останется, самое большое.

ГдГ. Я думаю, вы преувеличиваете. В общем, посмотрим. Но судьбу нации мы не будем ставить в зависимость от настроения черноногих! Если последуем вашему решению, мы восстановим против себя всех. Третий мир станет на сторону арабов. Мы создадим новый Израиль. В арабском мире, в Азии, в Латинской Америке все будут сочувствовать алжирцам. У евреев есть сильный довод: они защищают землю, на которой они жили еще задолго до арабов; у них нет другого национального очага. В Алжире за арабами первенство; все, что мы там сделали, несет неизгладимое пятно колониального режима; национальный очаг¹⁶ алжирских французов — Франция. Поверьте мне, предлагаемое вами решение не достойно Франции. Оно не соответствует ее долгосрочным интересам. Надо позволить этому грузу соскользнуть с наших плеч. Он лишает нас сил.

АП. В июле вы говорили мне, что FLN никогда не пойдет на заключение мира, если его к этому не принудить. Разве он изменился? Если вы отказываетесь от разделения как способа давления, что же нам останется?

ГдГ. Нам останется уйти! Надо уходить, и как можно скорее. Тем лучше для нас, и тем хуже для них.

АП. Вы не можете сделать лучшего подарка FLN, как объявив о нашем уходе! Этого они и хотят.

ГдГ. Пусть кушают на здоровье!».

С тяжелым сердцем я наблюдаю, как де Голль сходу отмечает мои аргументы в пользу перегруппировки так же, как в июле прошлого года — мои возражения против нее. Я делаю последнюю попытку.

АП. «Мы можем ограничить размеры бедствия, нельзя бросать все! Франция не имеет права бросать тех, кто ей доверился!».

Генерал отвечает мне со сдерживаемым волнением.

ГдГ. «А вы думаете, я делаю это с легким сердцем? Я был воспитан в поклонении знамени, французскому Алжиру и французской Африке, в поклонении армии, надежному защитнику Империи! Вы думаете, для меня это легкое испытание? Вы думаете, для меня не ужасно спускать флаг, где бы ни приходилось это делать?».

Я встаю, расстроенный. Можно ли вообразить себе наш уход из Алжира иначе, чем тяжелое поражение? Как избежать трагического исхода беженцев?.. А сколько работы впустую! Я успел полюбить свою «военную игру», как начинаешь любить все, что делаешь на совесть. Но эта игра была доверена моим слабым силам именно потому, что он не хотел поручать ее своему генеральному штабу, который мог войти во вкус и слишком увлечься.

Генерал смягчился. Он провожает меня до дверей. Он, видимо, действительно огорчен тем, что расстроил меня.

АП. «Я понял, господин генерал. Я скажу издателю, чтобы он рассыпал набор».

Он делает несколько шагов в молчании, потом, уже взявшись за ручку двери, роняет: «Я этого от вас не требую. Не надо рассыпать книгу. Она может еще пригодиться. Я только прошу вас никому не говорить, будто я отношусь положительно к такому решению».

Таким образом, Генерал не против того, чтобы давление на FLN продолжалось, и чтобы я его поддерживал. Он только хочет, чтобы я не обольщался, а у него не были связаны руки.

Я рассказал о своем разочаровании Мишелю Дебре, который так меня поддерживал в работе. Он вынужден был констатировать, что взгляды Генерала изменились. Он, казалось, был этим удручен даже больше, чем я. «Раздел Алжира, — объясняет он мне, — сначала был *существенной идеей* Генерала; потом, как это часто у него бывает, он отказался от нее как таковой, но продолжал ею пользоваться как *тактическим средством*». Видно, что премьер-министр ничего с этим поделать не может.

6. «Я вас прошу очистить авгиевы конюшни»

Елисейский дворец, Понедельник, 16 апреля 1962.

Генерал принимает по очереди — двадцать минут на каждого — новых министров*. Ровно в назначенное мне время адъютант распахивает передо мной дверь Золотого салона. Генерал дает мне пройти довольно большое расстояние от двери до его письменного стола и лишь слегка приподнимается в кресле. Я его совершенно не узнаю. С тех пор, как я с ним знаком, то есть уже чуть более трех лет, он всегда встречал меня очень приветливо, почти дружески. Сейчас он рассматривает меня без тени любезности.

ГдГ. «Вы становитесь членом правительства не ради почестей, а для выполнения своих обязанностей. То есть для службы. Служба Франции начинается со службы Государству.

Вы изучали латынь. Министр означает — служитель. А государственный секретарь означает — хранитель секретов Государства. Ваша роль — информировать, выступая в качестве порт-пароля и одновременно используя предоставленную вам законом власть над радио и телевидением. Вам надо как можно меньше говорить самому и как можно лучше доводить до общественного мнения послания, отвечающие интересам страны. Чтобы французы понимали все, что Государство делает для них.

Я хотел сделать большое Министерство информации. Этот пост был предложен Шуману, который *неплохо справлялся* (он подчеркивает эти слова особой интонацией) во время войны... Какой-то там комитет MRP¹⁷ ему запретил принять этот пост, как и Пфлимлену — пост министра юстиции. Возглавлять такие министерства, как юстиции и информации, это, видите ли, в наше время может оказаться компрометирующим моментом. Пришлось бы принимать на себя удары. Отважные комитетчики струсили».

* Речь идет о новом Совете министров во главе с Жоржем Помпиду. А. Пейрефит был назначен членом кабинета в качестве министра информации и уполномоченного по работе со средствами массовой информации. Последнее на практике означало — пресс-секретарь («порт-пароль») Президента. Он единственный из министров имел право вести записи во время заседаний. Вел заседания Совета министров всегда сам де Голль.

Он не считает нужным скрывать, что берет меня за неимением лучшего. От такого ледяного приема слова застревают у меня в горле. А ведь Помпиду меня предупреждал: «Вы еще не знаете Генерала... Генерал — это особый случай». Ясно, что до сих пор я находился во внешнем круге, был вновь пришедшим, ради которого Генерал пускал в ход свое обаяние. Теперь я вошел в число приближенных в скромном качестве второстепенного министра, что он без околичностей и дал мне понять, разъяснив этимологию слова. Теперь он обращается со мной, как генерал с трубачом.

Он продолжает: «Журналисты будут обстреливать вас недоброжелательными вопросами. Остроумия у них хватает. Будут расставлять вам всякие ловушки. Не забывайте, что член правительства имеет право приоткрывать лишь малую часть того, что знает. Я даю пресс-конференции каждые шесть месяцев, а в интервалах — два телевизионных интервью. В остальное время заменять меня будете вы. Чем меньше вы будете говорить, тем внимательнее вас будут слушать. Помните слова кардинала Ретца: «Министру еще менее приличествует говорить глупости, чем их совершать». Излишек осторожности лучше, чем ее недостатка.

Наше радио и телевидение — это нечто чудовищное! Журналисты, режиссеры, продюсеры, технические сотрудники, почти все они — наши противники. Левые партии внедрились туда сразу после войны. Они там присосались, как моллюски к камням. Создали там свои «советы».

Да, эти организации, которые должны были бы быть голосом Государства во Франции и голосом Франции в мире, — они *осоветились!* Такими остаются и сейчас! Они внушают французам, что во Франции только и происходит, что катастрофы, забастовки, конфликты.

Трудно себе представить, чтобы информация могла быть более недоброжелательной, более пристрастной и более пессимистической в отношении будущего нашей страны. Государственные радио и телевидение стали инструментом не Государства, но левых партий, которые напиговали их своими людьми. Они настроены против Государства и только подстегивают оппозицию.

Тележурналы и передачи новостей раздувают выпады печатной прессы, чье поведение нам известно, вместо того, чтобы

служить ей противовесом. Они презирают реальность и подменяют ее враждебной нам идеологией.

Когда я отошел от дел¹⁸, я созвал большое собрание в Брюневале и бросил призыв к Объединению. Бедняга Рамадье, который в то время был председателем правительства — или изображал из себя такового¹⁹, — попросил, чтобы я принял его в Коломбэ. Вот приезжает он ночью, тайком, и говорит мне: «Раз вы хотите создать политическое движение в противовес нам, то вы перестаете быть Освободителем отечества и становитесь обыкновенным политиком. Вы превращаетесь в лидера оппозиции. Поэтому я, с сожалением, должен поставить вас в известность, что, во-первых, вам больше не будут оказываться публичные почести, во-вторых, префекты больше не будут вас сопровождать и, в-третьих, правительство отныне закрывает вам доступ к национальному радио и телевидению».

Я ему ответил: «Что ж, господин Председатель Совета министров, для меня во всем этом нет никакого неудобства. В моей жизни было достаточно публичных почестей. Префекты мне не нужны. А без вашего радио я обойдусь! Я достаточно выступал по радио во время войны, когда вашего голоса что-то не было слышно, и я уверен, что люди об этом не забыли. Ваше радио меня не интересует». Я проводил его до дверей, и он уехал. И действительно, вплоть до моей пресс-конференции в мае 1958-го, я не имел доступа ни к радио, ни к телевидению. Это не помешало мне вернуться к делам некоторое время спустя.

Теперь они приписывают мне намерение сделать то, что сами они делали тогда и всегда. Ни одна из моих речей не транслировалась, а сколько я их произнес, одному Богу известно, — и перед аудиторией в 300 человек, и в 100 тысяч, и перед 500 тысячами на митинге в Венсенне... И вот, те самые люди, которые в то время считали нормальным, что радио предоставляется только Рамадье, теперь поднимают вой, если Деффер выступит перед 500 социалистами, и его речь не транслируется по радио с начала до конца.

Но я не злопамятен. Я не требую, чтобы мои противники были изгнаны из эфира, как они изгнали меня. Единственно о чем я прошу: пусть не все, кто там болтает, принадлежат к нашим противникам. Я прошу вас очистить авгиевы конюшни».

7. «Единственно возможная победа состоит в том, чтобы уйти»

Совет министров, 25 апреля 1962.

На втором заседании кабинета Помпиду прозвучало беспокойство по поводу выполнения Эвианских соглашений*. Ясно, что вплоть до лета значение этой темы будет возрастать.

Генерал объявляет невозмутимым тоном:

«Каждую неделю в Марсель прибывает триста алжирских французов. Если они захотят остаться во Франции, нужно все хорошо организовать, в моральном и материальном плане, чтобы им был оказан достойный прием. Нужно установить связи с Алжиром, чтобы желающие уехать знали заранее, куда они направляются».

Жокс**, только что вернувшийся из Алжира, для начала как бы подтверждает безмятежное настроение Президента:

«Ситуация в полупустынных местностях спокойная. Временное правительство установило тесный контакт с Верховным комиссариатом военного командования; их общим местом пребывания является Роше Нуар. Арест Салана*** оздоровил атмосферу. Члены OAS теряют уверенность. Им уже не удастся сбивать с толку мусульман, создавать партизанские группы, расшатывать армию. Они рассчитывают на Оран, надеясь создать там независимый режим и помешать исполнению Эвианских соглашений. Но ни один квартал в Ороне не будет оставлен в руках сторонников OAS. Они вынуждают уходить из города мусульман, у которых не выдерживают нервы. Непрерывные провокации вызывают у мусульман жажду мести.

* Соглашения между Францией и Временным правительством Алжирской Республики о прекращении военных действий. Заключены 18 марта 1962 года в Эвиан-ле-Бен. Предусматривали полный суверенитет Алжира после провозглашения независимости. Франция должна была в течение трех лет эвакуировать свои вооруженные силы из Алжира.

** Министр по делам Алжира.

*** Генерал Салан был арестован за попытку военного переворота.

Помпиду. Приближается момент, когда для OAS единственным методом действий станет отчаянный террор уже не в Алжире, а на территории метрополии.

Пизани²⁰. Говорят, что части французской армии лишены возможности передвигаться, в то время как ALN²¹ гуляет, где захочет.

Жокс. Действительно, наши войска получили приказ оставаться в казармах. Что касается отрядов ALN, то, не получая ни жалованья, ни припасов, они ищут, чем бы поживиться. Голод и волка гонит из леса.

ГдГ (со вздохом). Приходится много вещей делать одновременно. ALN существовала на три или четыре миллиона, получаемых из Франции²²: теперь эти деньги больше не приходят. Вот они и рыщут. Они поняли, что с помощью автомата можно многого добиться. И пытаются продолжать. Этому надо положить конец. Они разгуливают с оружием, выставляют его на показ. Надо их расквартировать и лишить свободы передвижения. Заняться этим должно Временное правительство.

Чиновниками должны будем заняться мы сами. В зависимости от их позиции, они будут либо переподчинены, либо отозваны.

Что касается колонистов, то, пока им угрожала ALN, они платили беспрекословно. Теперь, после прекращения огня, они стали меньше бояться и зовут на помощь *Le Figaro*. Надо, чтобы люди снова принялись за работу. Нам предстоит несколько трудных недель, вы должны это понимать. Последствия вы сами почувствуете».

Жокс выглядит уже не столь спокойным, когда рассказывает о конгрессе ALN в Триполи:

«Программа, разработанная французской Федерацией FLN, была переделана в Тунисе, где председательствовал Бен Белла, в социалистическом, марксистском и революционном духе. Она превратилась в радикальный революционный план: они требуют выкорчевать все остатки французского присутствия.

Роже Фрей²³ рассказывает в шутовском тоне о конфликтах, возникающих в метрополии между FLN и полицией, главным образом в связи с поборами, рэккетом и реквизициями: «Алжирцы содержат во Франции параллельную полицию, чи-

новнический аппарат, дипломатию. Руководители FLN хотят добиться для себя настоящего права экстерриториальности. Любой осуществляемый нами контроль, по их мнению, противоречит Эвианским соглашениям. Всякое мусульманское кафе составляет, в их глазах, часть независимой алжирской территории. Стоит нам задержать подозрительного араба, как тут же собираются двести или триста демонстрантов и требуют его освобождения во имя Эвианских соглашений. Если мы арестуем какого-нибудь мусульманина за незаконное ношение оружия, он заявляет: «Я дипломат, я член Министерства иностранных дел FLN».

ГдГ (без тени улыбки). Надо его выслать на его Кэ д'Орсе. Всех этих не аккредитованных дипломатов немедленно отправить в Алжир. Или, хотя бы, некоторых из них».

Это обсуждение оставляет у нас всех неприятное впечатление, которым мы и делимся между собой после заседания. Генерал приглашает меня в свой кабинет и дает мне инструкции для прессы:

«Триста французов из Алжира в неделю — это составляет тысячу двести в месяц, если предположить, что все они репатрианты. Это не так уж много.

АП. Вы не думаете, что их может стать больше?

ГдГ. Там видно будет».

Совет министров, 4 мая 1962.

Когда Жокс начинает описывать положение в Алжире, сразу возникает впечатление, что прекрасный механизм, созданный в Эвиане, дает сбой.

Жокс. «Ситуация сложная. Чем больше мы наносим ударов по OAS, тем чаще она совершает террористические акты против отдельных лиц. Члены OAS разрушают инфраструктуру, дезорганизуют жизнь. Равновесие между мусульманской и европейской общинами становится все менее достижимым. Европейское население продолжает питать необоснованные надежды: «Разногласия внутри FLN усиливаются»; «Социальная напряженность распространяется на Францию»; «Самоопределения не будет»; «Эвианские соглашения невозможно реализовать».

Гнев мусульманского населения растет. Впервые в Алжире оно прибегло к актам насилия в Айн-Темушене. Удастся ли нам сдерживать эту ярость вплоть до референдума? А затем, когда соотношение сил изменится, не вспыхнет ли она с новой силой? В Роше Нуар Временное правительство строит великие планы не будущее, забывая, что его миссия ограничивается подготовкой к самоопределению. Эти люди не привыкли работать. Они не умеют распределять задачи по степени их срочности.

Представители OAS утверждают, что после того, как к ним примкнут все европейцы, установится новое равновесие между европейской общиной и мусульманским населением, принявшим руководство ALN. Главное — убедить население в нашей абсолютной решимости довести Эвианские соглашения до конца».

[...]

ГдГ (патетически поднимая вверх руки). «Почему армия медлит с выполнением приказов? Почему правосудие столь нерешительно в вынесении и исполнении приговоров? Почему администрация так плохо исполняет инструкции? Почему средства информации столь необъективны и всегда отдают предпочтение тенденциозно истолкованным новостям? Мы пытаемся разрешить колоссальную проблему. Государство тяжело больно, а события обостряют болезнь, следствием которой они являются. Но это не должно нас обескураживать. Наоборот, это еще одна причина сохранять мужество.

Руководители FLN? По своей природе они склонны не разрешать проблемы, а усугублять их. Европейцы? За сто тридцать лет они привыкли угнетать мусульман и уверены, что Франция всегда будет их защищать, обеспечивать им преимущества, а мусульмане ничего не смогут поделать. Администрация, армия и органы правосудия разделяли те же предрассудки. Мы должны показать, что у нас нет колебаний, что все спекуляции на этот счет беспочвенны, что принятые решения будут выполнены. Надо объявить дату самоопределения. Ни у кого не должно быть сомнений в том, что спустя шесть месяцев после прекращения огня Франция сложит с себя всякую политическую ответственность и, в частности, за поддержание порядка. Пусть мусульмане будут готовы к управлению Алжиром! Пусть европейцы осозна-

ют, что им придется либо уживаться с мусульманами без защиты со стороны Франции, либо быть репатрированными!

Легко взрывать автомашины, когда все вокруг этому сочувствуют! Но приближается момент, когда Франция отойдет в сторону. Франция не может проводить политику, которая некогда имела смысл, но которая теперь не соответствует требованиям времени. Со всем этим будет покончено. Многие стараются закрыть глаза на реальность, они надеются, что Эвианские соглашения не будут проведены в жизнь, и что сохранится нынешняя прекрасная ситуация, когда все командуют, и никто не подчиняется. Дата, начиная с которой Франция в любом случае снимает с себя ответственность за положение в Алжире, назначена. Интересы Франции перестали совпадать с интересами черноногих. Им пора перестать думать, что интересы Франции в Алжире — это их интересы.

Пизани. А ведь их интересы могли бы совпадать с интересами Франции!

ГдГ. Могли бы. Но они ничего для этого не делают.

Существует еще проблема разоружения. Никаких мер для ее разрешения не принимается. В Оране и Алжире оружие имеется у всех. Я требую, чтобы был опубликован четкий документ: как будут поступать с теми, кто незаконно носит оружие. Что касается увольнения чиновников, то их только постращали этой угрозой, но не привели ее в действие. Некоторых временно отрешили от должности, но никого не уволили.

Что касается ужасного террористического акта в Алжирском порту, унесшего жизнь многих мусульманских докеров. Многие французские докеры, чтобы не сказать — все, знали о том, что должно было произойти. Никому и в голову не пришло отговорить оасовцев, а тем более — предупредить полицию, чтобы спасти жизнь своим алжирским товарищам. Они предпочли смыться! Это постыдно! Это чудовищно!

Как бы то ни было, но что решено, то будет сделано. Через шесть месяцев — самое позднее. Пусть сами разбираются, как знают. Если сотрудничество возможно, пусть наладят его. Там многие тормозят дело. Существует общая обструкция в административных органах, они не желают выносить осуждающие решения. Худо-бедно, а своего мы все равно добьемся!

История с Алжиром показала ужасное бессилие Государства, возникшее постепенно из-за разных уступок и попустительства. Добиться перелома было трудно, привычки укоренились слишком глубоко! Теперь начался поворот. Этот год, во всех отношениях, будет годом великого поворота».

(Перед всем Советом он повторил формулу, которую я уже слышал от него наедине, когда он давал мне первые инструкции; теперь я начинаю лучше ее понимать.) [...]

«OAS вовсе и не стремится к разрешению ситуации в Алжире. Она нацелилась вы знаете на кого и вы знаете на что. Она хочет, чтобы все так и продолжалось и никогда не кончилось.

Так нет же! Этому будет положен конец! Независимость — это независимость! Получите ее, господа, и научитесь ее выносить! И чем больше вы будете ей противиться, тем солонее вам придется! Она установится в результате огромных потрясений, и именно среди алжирцев. Но это уже будет не наша забота. Наполеон говорил, что в любви единственно возможная победа — это бегство. В деколонизации — то же самое: единственно возможная победа состоит в том, чтобы уйти».

Совет министров, 9 мая 1962.

Жокс (докладывает). «Оасовцы не останавливаются ни перед чем. Они убивают, чтобы убивать. Поджигают, чтобы поджигать. Они хотят разрушить экономический потенциал Алжира. Это тактика выжженной земли. Вместе с Временным правительством мы отработали до запятой все тексты и документы так, чтобы не возникло никакого разрыва... В Оране и Алжире (городе) наши операции по зачистке становятся более эффективными. Сегодня мы начинаем депортацию. Дело очень трудное. Но такова цена, надо ее платить.

(Каждый раз, когда говорит Жокс, у меня впечатление, что он цитирует Генерала.)

Фуайе²⁴. Наш репрессивный аппарат не поспевает за событиями. Мы пытаемся заставить нестись телегу, запряженную быками! Существует текст, который снижает возраст уголовной ответственности до восемнадцати лет, ибо часто именно молодые совершают преступления. Бидо²⁵ разослал префектам циркуляр от имени «Национального совета Сопротивления» за своей подписью и подписью Салана.

ГдГ. Нужны быстрые и решительные меры с целью изъятия оружия! Применявшиеся до сих пор санкции не достаточны. Обычный аппарат правосудия не соответствует потребностям Государства. Общественное благо важнее недовольства того или иного важного чиновника. Придется им с этим примириться.

Сюдرو. Нарушения и преступления часто совершаются детьми моложе шестнадцати лет. В одном лицее города Алжира девушки, вооруженные гранатами, угрожали воспитателю. Лицей закрыли. Значит, дети окажутся на улице. Родители разрешают играть револьверами и ножами своим детям в возрасте от десяти до пятнадцати лет.

ГдГ. В таком случае надо выселять детей вместе с родителями. Надо отправлять их в метрополию, запретив им возвращаться в Алжир!

Жокс. Я не одобряю выселение. Мы будем сеять дурные семена, зародыши фашизма. Пусть лучше остаются там.

ГдГ. Ну что вы! Мы с этим справимся... То, что происходит, это национальный и даже интернациональный скандал. Не надо устраивать им рекламу, — именно это их и возбуждает! Они раздуваются от гордости! Какой-то студент захотел взорвать университет в Алжире вместе с библиотекой — ему любезно устраивают интервью по телевидению. RTF* помогает OAS, становится рупором ее пропаганды! Можно подумать, будто все, что интересуется французов, это три квартала в Алжире и три квартала в Оране!». [...]

8. «Мы сложим с себя ответственность»

Совет министров, 16 мая 1962.

Сообщение Жокса бодрости не внушает:

«В Алжире произошли жестокие столкновения. 13 мая²⁶ прошло спокойно, но затем мусульмане вышли на улицы, между ними и оасовцами произошли стычки. В данный момент две

* «Французское радио и телевидение».

общины противостоят друг другу. По-видимому, действия мусульман не были стихийными, но были заранее известны вождям племен.

Наша борьба против OAS идет успешно. Ни одного партизанского отряда им создать не удалось. OAS не существует за пределами городов Алжира и Орана. Их действия беспорядочны, и в них участвуют очень молодые люди... OAS применяет глушилки, чтобы помешать приему французских телепередач.

(Это доказывает, что вопреки резким замечаниям, высказанным Генералом в мой адрес, оасовцы совсем не в восторге от нашего телевидения.)

Другие нарушения соглашений имеют место со стороны ALN: незаконные поборы, вымогательство, похищение людей. Мы не намерены терпеть операции отрядов ALN: они будут встречать немедленный отпор». [...]

Совет министров, 24 мая 1962.

Жокс впервые признает, что наплыв беженцев в метрополию начинает внушать опасения. «Конечно, сезонный фактор тоже имеет значение: конец мая, сильная жара, они хотят поскорее отправиться в отпуск. Но обычные перемещения подстегиваются страхом. Нужны дополнительные транспортные средства, если мы хотим избежать паники.

В городах Алжире и Ороне, — продолжает Жокс, — врачи-европейцы больше не посещают мусульманские кварталы, опасаясь эксцессов. Наконец, харки* стремятся уехать в массовом порядке. Надо подумать о фильтрации, чтобы предотвратить проникновение нежелательных элементов.

Но есть и хорошая новость: в Кабилии руководители FLN приняли важное решение по поводу школы. Они посылают своих детей во французские школы из враждебности к мусульманским школам, считая их отсталыми».

Генерал заключает с мрачной решимостью:

«После самоопределения Алжира Франция не будет больше нести никакой ответственности за поддержание там

* Вольнонаемные служащие вспомогательных подразделений французской армии в Алжире.

порядка. Она будет продолжать помогать алжирской администрации, но это будет помощь исключительно техническая. Если они начнут резать друг друга, то это будет забота новых властей».

[...]

После заседания Совета Генерал дает мне рекомендации для прессы:

«В Ороне и Алжире стоят бесконечные очереди на выезд, потому что конторы закрыты из-за забастовок и страха перед взрывами. Если бы не это, заказы принимались бы заранее, и не было бы никаких очередей! Если сравнить, день в день, сколько уезжало на протяжении последних двух лет и сколько уезжает сейчас, то большой разницы мы не обнаружим. Никакого бегства нет, вопреки тому, что говорит ваша пресса, ваши радио и телевидение! Но об этом говорят так много, что это может стать правдой!

Я не исключаю, что из миллиона европейцев, проживающих в Алжире, 300 тысяч захотят обосноваться во Франции. Мы должны принять их как можно лучше, и они обогатят страну. Транспортные средства у нас есть. И никакая это не национальная катастрофа. Просто, маленькое испытание. В нашей истории были и другие, намного тяжелее».

Еще в декабре прошлого года Генерал говорил о том, что беженцев будет 100 тысяч, самое большее — 200 тысяч; закон о репатриантах, принятый в том же декабре, предусматривал 70 тысяч на весь 1962 год (включая репатриантов из Черной Африки и старых колоний). И вот теперь их оказывается 300 тысяч. Лишь бы не больше...

Совет министров, 6 июня 1962.

Булен²⁷, вернувшийся из инспекционной поездки в Алжир, докладывает:

«Из Алжира (города) все желающие выехали, но из Орона еще нет. До сих пор большинство отъезжающих направлялись во Францию. Сейчас наметилась тенденция к отъезду наименее обеспеченных из алжирских французов. Если их приток увеличится, нам придется туго, надо подумать о чрезвычайном плане.

Жокс. Алжирские европейцы колеблются между страхом остаться и желанием повременить с отъездом. OAS сначала запрещала отъезды, затем разрешила их, вызвав чудовищные пробки и панику среди населения, которое не знает, на что решиться.

Приближается момент, когда наша политика начинает давать результаты. Временное правительство заявляет, что Алжир будет принадлежать всем алжирцам. Это дает надежду на то, что обе общины смогут ужиться между собой.

Агитаторы призывают к созданию федеративного государства: города Оран и Алжир будут находиться в федеративных отношениях с остальной страной, с правом отделиться в любой момент».

(Я вздрагиваю: это решение, которое я предлагал в своей книге. Теперь черноногие готовы к нему присоединиться, но уже слишком поздно, и нет никаких шансов на успех.)

[...]

Генерал заключает: «Ситуация меняется с каждым днем. Не будем терять из вида главное! Главное — самоопределение. Алжирские европейцы устраивают нелепое и кровавое представление.

Есть значительное число алжирских французов, желающих остаться и надеющихся, что им будут предоставлены дополнительные гарантии, кроме тех, которые предусмотрены Эвианскими соглашениями. Пусть себе надеются, или делают вид, будто надеются. Все равно часть из них переедет во Францию. И надо, чтобы это происходило организованно. Но многие останутся в Алжире. Есть такие, что делают вид, будто уезжают, но с намерением вернуться. Есть такие, что и не думают уезжать».

На протяжении всех последних недель де Голль напоминает мне рулевого судна, преодолевающего пороги. У него одна задача: не сбиться с курса и не потерять из вида цель. От самого несчастного черноногого и до любого министра за этим столом, все испытывают чувство неуверенности. Но он не может себе этого позволить. У него единственный ориентир — Эвиан, единственная цель — самоопределение, то есть независимость Алжира. Непрерывно напоминая о них, он дает возможность каждому худо-бедно, но выйти из трагического лабиринта.

9. «Алжирский бред скоро кончится»

Елисейский дворец, Матиньонский дворец, 23 мая 1962.

Впервые возникли разногласия между Помпиду и Генералом. Они связаны с делом Жуо, имеющим глубокие корни.

Генерал в ярости из-за объявленного вчера приговора Высшего военного трибунала. Трибунал позволил избежать смертной казни экс-генералу Салану, заменив ее пожизненным заключением, зато несколько ранее был приговорен к высшей мере экс-генерал Жуо, помощник Салана.

Де Голль в течение всего сегодняшнего заседания Совета министров не проронил ни слова, но мы все ощущали его холодный гнев, как электрическое напряжение. Каждый из нас понимал — и Генерал, конечно, тоже, — что столь противоречивое решение трибунала было принято, исходя из предположения, что Жуо все равно будет помилован, в то время как Салан помилования не получил бы. Таким образом, трибунал как бы вынуждал Генерала к милосердию, вынеся, для виду, один смертный приговор, который, как все думали, все равно не будет приведен в исполнение.

Генерал мне ничего по этому поводу не сказал, а я не решился расспрашивать. Зато Помпиду пригласил меня в свой кабинет и посвятил в развитие событий:

«Это дело очень деликатное. Я рассказываю вам о нем не для того, чтобы вы делали заявления или организовывали утечки информации, но чтобы вы были готовы пресечь на полуслове любые кривотолки.

Генерал считает, что необходим пример, чтобы все поняли, насколько тяжелым преступлением является попытка военного переворота. Казнь главного организатора послужила бы таким примером. Но Салану дали избежать смертного приговора. Оставался только его заместитель. Поэтому вчера Генерал отклонил просьбу Жуо о помиловании. Он больше не желает это обсуждать. Он хочет ответить казнью Жуо на вызов, брошенный ему приговором Салану.

Право помилования целиком принадлежит Генералу, это дело его совести. Ни один Президент Республики — а уж он меньше, чем любой другой, — не допустит никакого давления,

даже совета. И, тем не менее, я не имею права позволить ему совершить эту ошибку или оставаться в правительстве, если он ее совершит. Я с ним поговорил спокойно, но твердо: «Никто не поймет, почему Салан, настоящий глава заговора, избег высшей меры, а казнен его простой сообщник Жуо, у которого, к тому же, есть важное смягчающее обстоятельство: он сам является алжирским французом. Вас будут упрекать за это до конца ваших дней и после. Как до сих пор упрекают Наполеона за смерть герцога Энгийенского».

Так вот, я собираюсь вручить ему свое прошение об отставке, то есть об отставке всего правительства. Вместо меня он позовет Фуше, которого очень любит и уважает». И Помпиду добавляет, не без иронической улыбки: «Вы сами должны решить, остаетесь вы или нет...»

Под прикрытием юмора в его словах звучит готовность принять неизбежное; он исполнен холодной решимости. Он знает, на что он не сможет пойти и не отступит ни на сантиметр.

Матиньонский дворец, суббота 26 мая 1962.

Помпиду говорит мне с чувством облегчения: «Жуо должны были казнить сегодня утром. Но казнь не состоялась. Может быть, его вообще не казнят. Фуайе вел себя потрясающе. Он нашел такие процедурные тонкости, которые позволили выиграть время. Он доказал Генералу, что, в соответствии с Кодексом нельзя запретить передачу в кассационный суд просьбы о пересмотре, представленной защитой Жуо. А это предполагает отсрочку приведения приговора в исполнение. Отделение суда по криминальным делам вынесет свое решение в следующий понедельник, 4 июня. Но ходатайство, конечно, будет отвергнуто. А Генерал, по всей вероятности, останется непреклонным. Однако кто выигрывает время, выигрывает все. У меня остается маленькая надежда».

Фуайе, всегда молчаливый, как рыба, во всем, что касается его министерства, вдруг рассказал мне, как все происходило: «Два раза, в четверг и в пятницу, я приходил к Генералу, чтобы убедить его смягчить приговор Жуо. Передо мной была стена. В пятницу в полдень, за сутки до исполнения приговора, старейшина коллегии адвокатов, Шарпантье, один из защитников

Жуо, приносит мне апелляцию, явно не подлежащую рассмотрению и очень слабую по существу. Тем не менее, я тут же переслал ее в Кассационный суд, одновременно рекомендовав генеральному прокурору дать заключение о ее неприемлемости. Но я знал, что таким образом я создаю десятидневную отсрочку и тем самым даю Генералу время подумать. Потом я рассказал Помпиду о том, что я сделал. Мне показалось, что он готов был меня расцеловать. В пятницу вечером он отвел меня к Генералу, и там я провел несколько самых неприятных часов моей жизни.

Матиньонский дворец, 5 июня 1962.

Кассационный суд отверг ходатайство адвоката. И все же гнев Генерала поутих. Он решил не казнить Жуо. Отдавал ли он себе отчет, что Помпиду своим почтительным, но непреклонным упорством оказал ему большую услугу? Я в этом не уверен. Не сомневаюсь в правдивости Помпиду, но его отставка не остановила бы Генерала. Однако отсрочка, полученная благодаря Фуайе, привела к тому, что произошло непредвиденное.

«Жуо, — рассказал мне Помпиду, — предложил, находясь в тюремной камере, обратиться к ОАС с призывом прекратить все боевые действия. Салан согласился присоединиться к этому воззванию, но несколько позже, — чтобы не создавалось впечатления, будто он маневрирует, желая получить президентское помилование. Генерал тут же понял все значение такого воззвания, всю пользу, которую оно принесет стране. Ну а, дав согласие на его оглашение, он уже не мог допустить казни Жуо. Итак, мы выиграли».

Совет министров, 4 июля 1962.

От одного заседания к другому Генерал пересматривает в сторону повышения количество репатриантов (или «отступивших», как он стал их называть):

«В любом случае, из одного миллиона черноногих 300 или 350 тысяч переедут во Францию. Им самим предстоит выбрать свою судьбу. В этом и состоит их самоопределение. Даже если сейчас многие уезжают, я уверен, что большинство вернется в Алжир. Но мы не должны на них давить, решение за ними.

Жокс. 1 июля референдум о независимости прошел необычайно спокойно. Не было отмечено ни одного акта насилия,

даже в тех пунктах, которые еще несколько дней назад были ареной гражданской войны. Цифры отражают настроение народа. Активность мусульманского населения никогда не была столь высокой, даже в 1958 году.

Со стороны европейского населения участие в референдуме и распределение голосов не менее характерны. И даже удивительны! Например, в Оране: в шести избирательных пунктах, где голосовали европейцы, из 25 827 проголосовавших 16 609 — *за*, 3 508 — *против*, 5 700 бюллетеней не действительны. В Алжире (городе) результаты среди европейцев: 194 465 зарегистрированных избирателей, 59 730 проголосовавших, из них 46 868 — *за*, 4 668 — *против*, 8 194 бюллетеней не действительны.

Передача суверенных полномочий произошла в высшей степени достойно; ликование мусульманского населения, особенно в Алжире (городе), в связи с прибытием членов Временного правительства Алжирской республики, не сопровождалось никакими враждебными действиями по адресу Франции или отъезжающих французов».

Совет министров, 11 июля 1962.

Жокс (безмятежно). «Дипломатическое представительство Франции в Алжире приступает к работе. Жанненэ, наш полномочный представитель, вручил верительные грамоты Фаресу. Начинают действовать консульства, чтобы облегчить приспособление европейцев к новым условиям. В городах Алжире и Боне* порядок поддерживается отрядами ALN²⁸. Жанненэ мог ходить по городу без всяких затруднений. В Оране настроение более тревожное. Надо успокоить французов и замедлить их исход. Есть пропавшие без вести. Некоторые из них были затем обнаружены в окрестностях Орана, другие — во Франции, третьи находятся неизвестно где. Отношения между французским командованием и ALN хорошие. С алжирской стороны нет недостатка в доброй воле по отношению к нам и к Эвианским соглашениям; налаживается эффективное сотрудничество. Но все зависит от Бен Беллы, который находится в Марокко.

* Ныне — г. Аннаба.

ГдГ. Цель нового французского представительства — обеспечить соблюдение и проведение в жизнь Эвианских соглашений. Кто там одержит верх — Фарес, Бен Кедда или Бен Белла — нас не касается. Мы в этом не участвуем. Наше желание — чтобы алжирцы договорились между собой. И чтобы парламентские выборы состоялись без промедления и в спокойной обстановке».

После заседания Генерал говорит мне: «Нет единого алжирского правительства — их целых три. А может статься, и того больше. Это нормально, мы-то знаем, что собой представляют эти господа. *Suave mari magno turbantibus aequora ventis...*²⁹ Наше дело сторона. Мы можем употреблять наше влияние только на то, чтобы выборы, наконец, состоялись. Пусть они там воюют между собой в правительстве, и пусть война будет ограничена этими рамками. В конце концов, именно этого и следует ждать от демократии: это — война посредством голосования. (Смеется.)

Тем временем, мы должны позаботиться о французах, которые там остаются: чтобы их не унижали, не похищали, не убивали. Этим надо заниматься активно. В крайнем случае, мы их оттуда заберем, если понадобится. Но такой исход не желателен ни для нас (придется заниматься их обустройством), ни для Алжира, который не сможет без них вернуться к нормальной жизни.

В конце концов, магма остынет и все образуется. Это было неизбежно, и не следует из-за этого выходить из себя. Алжирский бред скоро кончится. Нелепо и противоестественно, что он занимал такое место в жизни Франции на протяжении последних восьми лет».

10. «Французам надо помочь остаться»

Совет министров, 18 июля 1962.

Противоречивый обмен мнениями по поводу положения в Алжире.

Жокс. «Правительство там по-прежнему отсутствует. ALN никому не подчиняется. Однако, если не считать нескольких десятков похищенных, спокойствие восстанавливается. Господствует дух сосуществования. Бойцы ALN, находящиеся в подчинении у Временного правительства, и французские сол-

даты, встречая друг друга на улице, миролюбиво здороваются. Обстановка спокойствия способствует возвращению европейцев. Места в самолетах, летящих из метрополии в Алжир, заполнены почти целиком».

Мессмер³⁰ вносит поправки в эту оптимистическую картину. Он ссылается на генерала Фурке, командующего французскими силами в Алжире: «Начинается анархия. Почти повсюду представители местной власти не желают никому подчиняться и по собственному произволу устраивают всякие рейды, обыски, чинят злоупотребления, главным образом по отношению к европейцам, но не только; все это может иметь плачевные последствия. ALN, расположившаяся в районе Орана, старается навести там порядок. Но вся эта беспокойная ситуация ускоряет исход из страны европейцев; в Мер-эль-Кебуре две с половиной тысячи находятся в ожидании транспортных средств.

ГдГ. Анархия идет сверху. Но, вероятно, все утрясется, поскольку таково общее желание. Тем временем люди существуют, жизнь продолжается и упорядочивается.

В отношении французов, если не считать нескольких похищений, дела обстоят терпимо. Конечно, жизнь в Алжире не только от нас зависит. Но мы не должны лишать Алжир его кадров, без них все развалится и анархия усугубится. Значит, надо, чтобы французская администрация оставалась на местах; во всяком случае, основная ее часть.

Имели место отъезды. *Их было слишком много* (он повышает голос). Государственные служащие не должны были уезжать, они обязаны вернуться!

Есть три категории, особенно необходимые для жизни страны: Первая — работники финансов, которые должны собирать налоги, платить зарплату, оплачивать счета, — иначе крах. Вторая — работники народного образования.

Сюдро³¹. С этим неясность: учителя отсутствуют по причине каникул.

ГдГ. Чтобы занятия возобновились вовремя, преподаватели должны быть на месте до окончания каникул. Третья — работники здравоохранения: в больницах не хватает врачей и обслуживающего персонала. Это недопустимо.

Марселлен³². Частные врачи вернулись во Францию, потому что уехала их клиентура; мы должны заботиться об их замещении, но при этом учитывать риск, что среди волонтеров окажутся одни коммунисты. Что касается врачей в больницах, то у них не легкая жизнь; в госпитале «Мустафа» в городе Алжире им угрожали расправой в ходе кампании, развязанной FLN: они якобы «позволяли детям умирать».

ГдГ. К сожалению, многие врачи-европейцы сами навлекли на себя подозрения тем, что помогали OAS».

Генерал требует, чтобы служащие, покинувшие свои места в Алжире, были уволены. Жокс и Помпиду напрасно пытаются его убедить, что это невозможно.

Генерал продолжает: «Если возникнут серьезные беспорядки (к счастью, до сих пор их не было), придется применить соответствующие меры, использовать силы общественного порядка, жандармов — население к ним относится с пониманием и уважением. Не надо торопиться с их выводом из Алжира. В середине сентября посмотрим: может быть, выведем, но не всех.

...Большая часть европейцев в городах Алжире и Оране на самом деле не жили среди алжирцев, они жили в своей среде, вдоль побережья. Теперь они переезжают в Марсель и создают там аналогичную ситуацию, поселяясь компактно возле моря. Этого нельзя допускать! Надо заставить их расселиться по всей территории. Этим должны заняться органы власти.

Помпиду (который всегда встает на защиту своих министров). Господин Булен и Министерство внутренних дел очень хорошо поработали... Почему бы Министерству иностранных дел не предложить отъезжающим эмигрировать в Латинскую Америку? Они представляли бы там Францию и французскую культуру.

ГдГ. Надо подождать. Все утрясется! Эти ребята не поедут в Лилль, они предпочтут вернуться в Оран! Не надо кидаться, очертя голову. Это французский человеческий материал, мы не должны его терять. Желательно, чтобы они вернулись в Алжир, а те, кто еще там, там бы и остались! Не нужно, чтобы они скапливались в Марселе, и не следует вынуждать их к эмиграции. Этим мы ничего не добьемся.

Жокс (настаивает на предложении Помпиду, которого, вероятно, он же и настроил; навязчивая идея Жокса — опасе-

ние, что черноногие послужат рассадниками фашизма во Франции). Во многих случаях им не следует возвращаться в Алжир и не следует поселяться во Франции, где их воздействие представляется нежелательным. Будет лучше, если они устроятся в Аргентине, Бразилии или Австралии.

ГдГ. Тогда уж лучше в Новой Каледонии! Или в Гвинее, где низкая плотность населения и где нужны первопроходцы и пахари целины!».

Пожалуй, в первый раз я слышу, как Генерал защищает черноногих. Между ними так и не установилось «взаимопонимание», но он не хочет, чтобы Франция их потеряла.

После заседания.

Генерал резюмирует для меня: «Постарайтесь объяснить вашим журналистам, что происходящая в Алжире борьба за власть совершенно не затрагивает французское правительство. Но особенно нужно подчеркнуть тот факт, что все существующие там группировки равно уважают Эвианские соглашения. Праздник 14 июля позволил всем алжирцам, от запада до востока, горячо продемонстрировать свое стремление к сотрудничеству с нами». [...]

В отношении к служащим он смягчает свою позицию: «Скажите, что некоторые французские чиновники, служащие в Алжире, оказались в положении, не предусмотренном их служебным статусом. Обстоятельства вынудили их покинуть Алжир и оказаться во Франции без соблюдения сроков обычных отпусков. Им настоятельно предлагается немедленно связаться со своими ведомствами и уточнить, соответствует ли их нынешнее положение их служебному статусу. В противном случае они будут лишаться своих должностей и денежного содержания».

Совет министров, 25 июля 1962.

Жокс говорит о соперничестве между новыми алжирскими руководителями и в первый раз проявляет беспокойство: «Похищения людей продолжают. Здесь много неясного. Красный Крест в Оране получил просьбу о розыске 280 человек. В городе Алжире цифры несколько ниже. В целом, количество исчезнувших, вероятно, не превышает 500. Что это — частные случаи, месть, акты бандитизма? Во всяком случае, эти по-

хищения замедляют наметившуюся тенденцию к возвращению уехавших. Если так будет продолжаться, то даже возвращение чиновников будет под вопросом. Наступит маразм, который вызовет новый исход.

ГдГ. В условиях царящего в Алжире беспорядка такие события были неизбежны. Главное для нас — это сделать все, что в наших силах, для поддержания управления в стране и для безопасности людей. Мы должны защищать человеческие жизни. Все остальное — мелкая возня. Кого мы там видим среди политиков? Одних охотников за министерскими портфелями.

Чего они хотят? Совершить революцию? Но для этого нужны революционеры — Робеспьер, Ленин, Мао... Где они? Или они хотят создать Государство? Тогда им нужны Карл Великий, Ришелье, Вашингтон. Но никого подобного нет в Алжире. Одни жулики. И это будет продолжаться долго. Может быть, пока существует Алжир.

Все-таки можно надеяться, что понемногу что-то наладится, потому что огромная масса алжирцев устала от всех этих потрясений. В этом и состоит некий положительный момент. Но кто будет президентом Республики, кто премьер-министром, — нам это совершенно все равно».

Такова формула, высказанная Генералом собранию из 25 министров. Для публичного сообщения он формулирует иначе: «Франция не намерена вмешиваться в выбор, который сделают сами алжирцы». А в разговоре со мной с глазу на глаз он выражается так: «Пусть назначают, кого хотят, мне на это плевать». Три формулировки для трех разных аудиторий.

[...]

Золотой салон, 25 июля 1962, после заседания Совета министров.

Генерал резюмирует ситуацию в Алжире для меня (и для прессы): «Анархия ширится. Нас это не слишком удивляет, иначе и быть не могло, в течение какого-то времени. Но этому пора прекратиться! А прекратиться это может только демократическим путем.

Пока что мы стараемся ограничить, насколько возможно, последствия беспорядка. Мы оказываем Алжиру администра-

тивное содействие, техническую помощь, иначе страна скатилась бы к марксизму и хаосу. И если ситуация будет ухудшаться, мы вмешаемся, чтобы защитить наших сограждан.

Никакое сотрудничество не будет возможно, если жизнь людей, их свобода и имущество будут находиться под угрозой. Мы будем считать алжирские власти, нынешние или будущие, ответственными за поддержание общественного порядка».

Вздыхнув, добавляет: «Теперь главное — постараться убедить большинство *«отступивших»* вернуться обратно».

Молчание. С этого момента я уже не могу понять, предназначается комментарий для прессы или только для меня. Я пойму это только в конце.

«Надо признать, политическая ситуация в Алжире остается неясной. Со всеми вытекающими отсюда неприятными последствиями для установления сотрудничества между нашими странами. На этой зыбкой почве мы должны определить твердые точки опоры, а именно: ни одна из соперничающих в Алжире фракций не ставит под сомнение Эвианские соглашения, они — вне поля полемики; также не оспаривается роль и значение Временного правительства; наконец, все алжирские политики сходятся во мнении, что участие европейцев в жизни и экономике Алжира имеет огромное значение, и что их безопасность должна быть обеспечена. Работа нашего дипломатического и консульского представительства в Алжире начинает приносить плоды. Некоторые пропавшие были найдены, а захваченные — выпущены на свободу (их около 50). Никакая кооперация немыслима без безопасности для наших сограждан».

Снова недолгое молчание.

«К сожалению, в Алжире образовался ужасный вакуум. Алжирцы не могут найти между собою общего языка. Они начнут резать друг друга. Ничего другого они и не умеют. Но ведь мы не можем снова начинать алжирскую войну, чтобы навести порядок, порядок — *у них*. Все это я говорю, разумеется, только для вас».

(Как определить, где кончается то, что «для меня», и начинается то, что «для других»? Пока шла война, он говорил «алжирские дела», «алжирский вопрос». Теперь, когда война кончилась, он назвал ее настоящим именем.)

Помпиду рассказывает мне полушутя, полусерьезно: «Генерал заявил мадам де Голль: “Послушайте меня, Ивонн, все это плохо кончится. Мы окажемся в тюрьме. У меня даже нет утешительной надежды встретиться там с вами, потому что вас посадят в *la Petite Roquette*, а меня в *la Santé*”»*.

Я не решился спросить у Помпиду, откуда у него эта история — от мадам де Голль или от одного из адъютантов. Во всяком случае, не от самого де Голля, который никогда не цитирует свои собственные остроты.

[...]

Совет министров, 8 августа 1962.

(Обсуждается вопрос о финансовой помощи Алжирской Республике.) Генерал подводит итог обсуждению:

«Надо, чтобы дверь в будущее оставалась открытой. Шлифовать детали будем потом. Сейчас необходимо внушить бодрость. Пусть чиновники понимают, что в их интересах ехать в Алжир и работать там. И пусть у них будет уверенность в будущем! Надо, чтобы в школах начался учебный год. Если сотрудничеству не суждено наладиться, то пусть это будет не по нашей вине. Но оно наладится, в конце концов, для этого есть основания.

Финансовая помощь, о которой они нас просят, дает нам шанс — первый, но не последний, — оказать давление на всю эту компанию, чтобы они, наконец, перестали быть тем, что они есть, и начали самоорганизовываться. Иначе они погибнут! Мы должны дать им предметный урок. Никакой финансовой помощи без твердых условий. Мы можем объявить, что не будем вести никаких переговоров, пока перед нами пустота. Временное правительство не имеет власти, оно испаряется. Господа, готовьте выборы! Создайте правительство! Мы можем таким образом приблизить выборы, при условии, что ничего не дадим вперед. Ведь перед нами какие-то фантомы. Мы будем разговаривать только с правительством, которое образуется в результате выборов.

* *La Petite Roquette* — тюрьма для женщин, а *la Santé* — для мужчин.

Они или наивны, или предельно циничны. Они делают вид, будто не понимают, что отношения между нашими странами стали совсем другими. Они хотят, чтобы мы оплачивали ALN, со всеми ее глупостями. Чтобы оплачивали их государственные расходы, в то время как у них нет государства. От этого не будет никакой пользы, ни нам, ни им! Только беспорядка будет еще больше! Мы должны отказаться давать им деньги, пока они не в состоянии их принять. «Сформируйте свое правительство, а там посмотрим», — вот что мы должны им сказать. Никаких финансовых вливаний! Чем больше мы будем вливать, тем больше будет анархии!

Бен Белла и те, кто его окружают, должны почувствовать, что находятся на краю пропасти. Они идут к банкротству, к краху и не хотят посмотреть правде в глаза. Они пируют на вулкане. Они выжимают налоги, чтобы платить своей ALN. Пока у них не будет нормальной политики, у них не будет нормальных финансов».

[...]

11. «Мы должны делать ставку на успех в Алжире»

Начиная с Совета министров 29 августа 1962 года, отчеты Жокса (а с декабря — Брольи) о положении в Алжире и комментарии Генерала на эту тему приняли какой-то отстраненный характер, как будто и они, подобно Алжиру, обрели «независимость». Они становились все более редкими. Но каждый раз, когда эти обсуждения возникали, сердце сжималось. [...]

Золотой салон, после заседания 29 августа 1962.

АП. «Остается ли у вас надежда, что репатрианты вернутся в Алжир и что сотрудничество наладится?»

ГДГ. Приходится признать, что в настоящее время в Алжире царит кавардак. Это очевидно. Но наш долг вести себя так, как будто из него есть выход. Я многого добился в жизни, действуя по принципу «как будто»... Мы не имеем права делать ставку на

неудачу, мы должны делать ставку на успех нового Алжира. Сегодня, как и вчера, мы сохраняем верность политике Эвиана. Именно для ее осуществления правительство подписало протоколы, предусматривающие различные варианты ее применения.

Конечно, чтобы проводить политику сотрудничества, особенно программу технической помощи, необходимо, чтобы установилась законность, чтобы прекратились акты насилия и похищение людей. Вы слышали, какие твердые директивы дал премьер-министр, чтобы защитить наших соотечественников.

Но если, как мы на это по-прежнему надеемся, это условие будет выполнено, и безопасность в Алжире будет восстановлена, мы, со своей стороны, должны быть готовы к сотрудничеству. И в этом случае *отступившие* обязательно вернутся к себе домой».

Совет министров, 12 сентября 1962.

Жокс склонен думать, что «кризис близится к развязке». Бен Белла, по его словам, выходит победителем и говорит как вождь. Выражает решимость покончить с беззакониями. Объявляет о намерении сократить армию со 120 тысяч до 30 тысяч человек.

Но Жокс тут же предусмотрительно добавляет: «В наших интересах денег им пока не давать, пусть еще попросят. Мы должны настаивать на безусловном требовании, чтобы люди, исчезнувшие после 1 июля, были возвращены: их осталось более 800».

Генерал готов ухватиться за слабую надежду: «То, что Бен Белла сумел утвердиться в Алжире, — факт положительный. Будет хорошо, если выборы подтвердят эту тенденцию; авторитет Алжира возрастет, стране это очень нужно. Пусть там, наконец, будет правительство, которое примет на себя всю ответственность... То, что произошло на этой неделе, совсем неплохо».

После заседания он дает мне указание на ближайшей моей пресс-конференции «отметить признаки умиротворения, появившиеся в Алжире. Выборы, предусмотренные Эвианскими соглашениями, должны закрепить политическую стабильность и позволить создать демократическим путем действительно представительное правительство. Французское правительство серьезно

ожидает, что в результате восстановленной стабильности будет обеспечена безопасность людей и неприкосновенность собственности, что является необходимым условием сотрудничества».

Но нарастающая волна репатриантов не позволяет успокаиваться. 100, максимум, 200 тысяч человек — такова была первая цифра, названная Генералом в декабре прошлого года. Причем, в его глазах, это были те, кто «использовал колонизацию в своих целях» и теперь не мог найти для себя места в деколонизованной стране. Потом он уже стал говорить о 200, о 300 тысячах. Он долго держался за эту последнюю цифру, но вынужден был дойти до 350 тысяч. Помпиду первым решился назвать цифру в 550 тысяч. Сегодня она приближается к 750 тысячам.

«Господин генерал, — говорю я ему, — я боюсь, что они не вернуться в Алжир, а те немногие, кто там еще остался, тоже уедут. FLN не позволит им остаться. Давление на них чудовищное. FLN готов сотрудничать только с теми французами, чья нога никогда не ступала на их землю».

Генерал взрывается: «Еще бы! Европейцы поддерживали OAS, которая делала все, что могла, чтобы саботировать Эвианские соглашения и сделать невозможным существование двух общин!».

АП. «Разве могло быть иначе? Им столько раз повторяли: «Чемодан или гроб...». Они все-таки предпочли чемодан.

ГдГ. Нет! Этого можно было избежать, требовалось только немного здравого смысла».

Таковыми были последние слова, которыми он удостоил меня в качестве министра информации, и первые, которые я услышал от него в своем новом качестве — министра по делам репатриантов. Может ли быть *здоровый смысл* в войнах, особенно гражданских?

Совет министров, 26 сентября 1962.

Впервые выступая в качестве министра по делам репатриантов, я сообщаю Совету полные цифры, которые до сих пор не назывались из опасения усилить панику. Предварительно я показал их Помпиду, который одобрил мое намерение довести их до сведения правительства: «Надо перестать тешить себя иллюзиями».

АП. «По последней переписи на 1 июня 1960 года в Алжире проживало 1 020 000 гражданских лиц европейского происхождения. Из них на 1 января 1962 года более 160 тысяч уехало и не вернулось. Осталось, следовательно, 860 тысяч; сегодня их число свелось к 260 тысячам. Таким образом, в метрополию «отступило» 760 тысяч европейцев, к которым надо прибавить 15 тысяч мусульман-харки и могазни* с семьями³³. К ним следует присовокупить еще тысячи мусульман, которые в последнее время поспешно покинули Алжир, по их словам, из соображений безопасности, а по сведениям моих служб, чтобы найти во Франции работу, которой в Алжире нет. В итоге это составляет около 800 тысяч алжирских переселенцев, не считая 400 тысяч европейских репатриантов, недавно переехавших из Туниса, Марокко и Египта.

Оптимистическая гипотеза: в случае заметного улучшения положения в Алжире и частичного возвращения уехавших, количество европейцев в стране возрастет до 300 и даже до 350 тысяч человек. Гипотеза разумно-пессимистическая: отъезды из Алжира будут продолжаться. К началу зимы в Алжире будет 150 или даже 100 тысяч европейцев, решивших остаться во что бы то ни стало.

Алжирские репатрианты в метрополии составят, в зависимости от обстоятельств, от 650 до 900 тысяч человек. В течение ближайших недель репатриантам предстоит решить: устраниваться ли им на зиму здесь, или уезжать.

Службы, созданные господином Буленом, успешно справляются с трудностями на Юге и Юго-Западе, в чем я сам мог убедиться. Но расселение беженцев не началось.

Если большая часть репатриантов решит остаться в метрополии, нужно будет разработать действенную политику для их интеграции. Я не думаю, что будет достаточно действия законов рынка рабочей силы».

Генерал позволил мне говорить, не сводя с меня глаз. Было ясно, что моя речь удовольствия ему не доставляет. Он ограничивается тем, что произносит, почти шепотом: «Я задаюсь во-

* Мусульмане, сотрудники французских гражданских учреждений.

просом, нет ли в ваших словах некоторого преувеличения». Помпиду делает мне знак, чтобы я не отвечал. Он всегда заботится о нервном состоянии Генерала. Он, видимо, счел, что на сегодня довольно.

Золотой салон, 22 октября 1962.

После окончания заседания, на котором я сделал новое сообщение относительно репатриантов, я спрашиваю Генерала, могу ли на минуту зайти к нему в кабинет. Генерал вводит меня и предлагает мне кресло.

АШ. «Господин генерал, только что я говорил о материальных трудностях репатриантов. Но есть нечто худшее, чем материальная нужда, это — духовная подавленность. Я знаю, что вы приняли решение в соответствии с высшими интересами страны. Но эти люди оказались вынужденными в драматических условиях покинуть землю, на которой родились, в которой похоронены их родители и предки. Им нужно, чтобы с ними поговорили. Им нужно, чтобы вы им сказали, что родина-мать открывает им свои объятия. Я позволил себе написать эскиз такого обращения, я сделал это от всего сердца. Мне кажется, что если бы вы сказали им что-нибудь в этом роде, это принесло бы им огромное облегчение, а вместе с тем — и всей Франции»³⁴.

Я протягиваю свои листки Генералу. Он надевает очки, быстро их просматривает, потом перечитывает медленно, строка за строкой, и возвращает мне: «Это хорошая речь. Вам остается только произнести ее по телевидению. Пусть ее проаннонсируют несколько раз заранее, чтобы они все смогли ее услышать».

Я подавлен: «Но, господин генерал, если бы речь исходила от вас, впечатление было бы в тысячу раз сильнее!»

Генерал смотрит через окно в парк. Долгое молчание. Я начинаю надеяться. Но раздается окончательный приговор:

«Нет, это ваша работа. Для этого вас и назначили».

Может быть, он недоволен, что я решился подсказывать ему не только решение, но и само содержание обращения, в то время как он всегда пишет свои речи сам? Но, скорее всего, он просто хочет направить свою энергию на другие цели.

Настаивать не имеет смысла. Он принял на себя ответственность за ужасное решение. Он не хочет произносить слова,

которые смягчили бы эту ответственность. Он прекрасно понимает, что миллион этих беженцев — зримое выражение большой неудачи. Он не хочет в этом признаться даже самому себе. Наверное, он думает, что его невозмутимость и молчание в этом вопросе помогут ему сохранить доверие и авторитет, необходимые для успеха других важных начинаний.

Совет министров, 7 ноября 1962.

Жокс, наконец, снял «розовые очки»: «Алжирское правительство так и не навело порядок в своих делах. Не произошло никакого урегулирования, ни технического, ни политического. Бен Белла разъезжал по стране, но никаких мер не принимал. Неустойчивость и разброд усиливаются».

Генерал восклицает: «Это недопустимо! Они ничего не поймут, пока мы не перестанем их кормить!».

Золотой салон, 23 октября 1962.

Генерал принимает меня по моей просьбе: «Итак, что там у нас?».

АП. «В Алжире в настоящее время остается 180 тысяч европейцев. В метрополию прибыло около 800 тысяч репатриантов (включая 15 тысяч харки и могазни с их семьями); еще 40 или 50 тысяч отправились в Испанию, Италию или Израиль, но они, конечно, тоже окажутся во Франции через некоторое время. Не считая 400 тысяч прибывших из Марокко, Туниса и Египта, но с ними меньше проблем: они приехали не в результате катастрофы, и у них было время подготовиться».

ГдГ. В конце концов, их ведь неплохо принимают? Лишний раз мы убеждаемся, что в тяжелых испытаниях хорошо держится сеть, образуемая префектами и супрефектами. Это — Государство! Если бы вам приходилось рассчитывать только на мэров и генеральные советы, вы бы мало чего добились. Ну, а какие трудности встречаете вы теперь?

АП. Закон о репатриантах, принятый в декабре прошлого года, предусматривает 350 тысяч прибывающих на всю Северную Африку в течение пяти лет; таким образом, на нынешний год — всего 70 тысяч. Цифры не сходятся. Мне не хватает средств».

ГдГ. Вы с ними встречаетесь?

АП. Я провожу в провинции два дня в неделю.

ГдГ. Куда вы ездите?

АП. В порты и города Юга и Юго-запада, где их принимают.

ГдГ. Где вы с ними разговариваете?

АП. В реквизированных лицах-интернатах, в металлических бараках, на набережных портов, таких как Сэт и Пор-Вандр, где мужественные рыбаки-черноногие уже ловят рыбу.

ГдГ. Как они ведут себя по отношению к вам?

АП. Первый контакт часто бывает жестким. Но так и должно быть, чтобы их кошмар начал рассеиваться. Самая большая трудность — отделаться от журналистов, чтобы не раздувать эти драмы.

ГдГ. Рассчитывают ли они вернуться в Алжир?

АП. До конца августа большинство надеялось вернуться. Незаконные действия, похищения европейцев, разграбление имущества убили эти надежды.

ГдГ. Все-таки некоторые возвращаются.

АП. Они возвращаются, чтобы забрать то, что не смогли забрать сразу. Пытаются продать имущество. Но за какую цену? Никто не хочет покупать.

ГдГ. Как вы думаете, сколько останется, в конце концов?

АП. Максимум 100 тысяч; может быть вдвое или вчетверо меньше.

ГдГ. Арабы хорошо относятся к жителям метрополии. А черноногих преследуют?

АП. Они их винят во всех бедах, считают их не способными переменить свое отношение к мусульманам.

ГдГ. Итак, что вы предлагаете?

АП. Эвианские соглашения были задуманы, чтобы обеспечить существование самостоятельной европейской общине, составляющей 10 процентов по отношению к мусульманскому населению; теперь в ней от силы 1 процент. Не следует ли соответственно пересмотреть соглашения?

Выражение лица Генерала становится жестким: «Нет! Об этом не может быть и речи!». Кажется, его глаза говорят: «Не вмешивайтесь не в свое дело».

Я продолжаю: «Германия приняла двенадцать миллионов беженцев из Восточной Пруссии, Силезии и Померании. Они послужили одной из причин немецкого чуда. Миллион репатриантов может дать Франции толчок к росту. При условии, что мы направим их в секторы экономики, где наблюдается рост, откроем перед ними перспективу, вдохнем надежду, — короче, разработаем для них действенную политику интеграции.

ГдГ. Что вы называете действенной политикой интеграции?

АП. Репатрианты — это индикатор наших недостатков. Их прибытие обнажает слабые места, которыми надо было заняться уже давно. В любом случае надо строить жилье, развивать профессиональное и техническое обучение, строить школы и дома для престарелых, подтягивать отстающие отрасли, благоустраивать территории, уравнивать региональные диспропорции и так далее. Почему бы не включить все эти задачи в большой закон-программу, представив все эти меры как ответ Франции на прибытие репатриантов?

ГдГ. Вы несколько опрометчивы в своих рассуждениях.

АП. Так мы представим, в духе братства, те мероприятия, которыми необходимо заняться в любом случае. Мы покажем репатриантам, что их судьба беспокоит нас всерьез, что они — в центре широких планов, что они будут способствовать общему прогрессу, что мы их принимаем с открытым сердцем.

ГдГ. Так что же надо делать практически? Дайте мне конкретный пример. (Это любимый прием Генерала: когда он считает, что собеседник занесся в облака, он опускает его на землю.)

АП. Типичной операцией могло бы быть благоустройство лангедокского побережья, от Камарги до Пор-Вандра. В данный момент это почти пустыня. В принципе, по оценкам экспертов, она могла бы стать вторым Лазурным побережьем. Для этого надо насадить леса, истребить комаров, создать сеть отелей. Репатрианты охотно направятся в этот регион: ведь они осушили болота и изгнали комаров на равнине Митиджа, они так любят Средиземное море. Они, к тому же, легче найдут себе применение в сфере туризма, чем в классических отраслях производства.

ГдГ. Вы не находите, что несколько увлеклись своим сюжетом?

АП. Если не увлечься хоть несколько, инерции не преодолеть. А репатрианты скоро начнут все громче требовать возмещения убытков, о чем, кстати, сказано в декабрьском законе. Такое возмещение станет разорительным, нарушающим равенство, бесплодным, коль скоро оно будет обращено в прошлое. Интеграция будет экономичной, честной, плодотворной, поскольку будет обращена в будущее. Нельзя отказывать сразу и в возмещении, и в интеграции.

ГдГ. Риск заключается в том, что сначала мы понесем расходы по интеграции, а затем с нас все-таки потребуют возмещение.

АП. Его потребуют еще настойчивее, если мы не объявим откровенно и громко, что же мы намерены сделать для интеграции.

ГдГ. Вы, в самом деле, изучили этот вопрос? Подайте мне докладную записку».

Аудиенция заканчивается в холодной, но ясной атмосфере. У меня появляется неудачная идея затронуть чувствительные струны его сердца: «В свое время вы говорили об интеграции душ. Нам не удалось осуществить такое единение в Алжире. Но мы можем добиться объединения душ репатриантов во Франции».

Мы оба стоим около двери. Я начинаю говорить о беженцах, которых мне предстоит посетить во временных лагерях, где мы их поселили. Говорю о растерянных людях; о детях, в глазах которых еще стоит ужас от тех сцен насилия, свидетелями которых они были; о стариках, потерявших все ориентиры; о харки, сгрудившихся в палатках на равнине Кастельно-ле-Лез или на плато Ларзак, отупевших, не желающих и не способных что-либо предпринять. Я чувствую, что раздражаю Генерала. Он позволяет мне закончить, потом взрывается:

«Ничего этого с ними не случилось бы, если бы оасовцы не чувствовали себя среди них, как рыбы в воде! Они были пособниками убийств, по двадцать убийств в день! Они позволили убить мусульманских докеров в алжирском порту, никого не предупредив, в то время как все французские докеры были в курсе происходящего! Они саботировали Эвианские соглашения, имевшие целью их защитить! Они развязали насилие и по-

сле этого удивляются, что ответная волна обрушивается на них! И тогда они устремляются к кораблям и самолетам, как овцы Панурга. Не пытайтесь меня разжалобить! Это мучительная страница, для меня, как и для всякого. Но мы ее перевернули. Это было необходимо для спасения страны. Позже это поймут».

Он безжалостен? Я-то чувствую, что это не так. Стыдливость мешает ему сказать больше. Он не хочет позволить себе быть чувствительным. Но, вероятно, он много перестрадал из-за этой драмы и продолжает страдать в глубине души. Однако он считает, что не имеет права в данный момент обнаруживать свое душевное состояние. Он ведет себя так, *«как будто»* хочет забыть о репатриантах. Этот эпизод его жизни наполняет его сердце горечью. Ему неприятно, что его снова заставляют к нему возвращаться. Он пожимает мне руку с суровым выражением лица.

Матиньонский дворец, 4 декабря 1962.

Я составил доклад на сорока четырех страницах об интеграции репатриантов и передал его для вручения Генералу и премьер-министру.

По этому случаю Помпиду вызывает меня и предлагает, чтобы я вернулся в министерство информации. Я отвечаю, что после того, как я, на протяжении десяти недель, был погружен в дела беженцев, мне будет трудно отказаться от моей нынешней задачи. Это дает ему повод поиронизировать: «Вы не хотели оставлять министерство информации ради министерства репатриации, а теперь не хотите оставлять Репатриацию ради Информации. Вы сами не знаете, чего хотите».

По крайней мере, есть хоть один утешающий меня момент. В свой доклад «О главных направлениях политики», с которым он выступил перед новым составом Национального собрания, он вставил текст, который я ему предложил, не изменив в нем ни одной запятой:

«Разрешение алжирской проблемы привело к наплыву во Францию большого количества беженцев. Мы приняли срочные меры, чтобы организовать с ними братское сотрудничество, обеспечить их жильем и работой. Мы подготовили законопро-

ект, чтобы ускорить и скоординировать деятельность в этом направлении. Это огромная задача для всей страны — интегрировать в национальную жизнь людей, ставших жертвами алжирской войны и ее завершения».

Помпиду предварительно показал свой доклад Генералу и получил его одобрение. Он предложил Франсуа Мисоффу занять мое место. Лучшей замены и придумать было нельзя: с его отзывчивостью, увлеченностью, остроумием, находчивостью, он — идеальная кандидатура.

12. «У франко-алжирского сотрудничества большое будущее»

Совет министров, 3 января 1963.

Брольи, новый Государственный секретарь по делам Алжира, делает свое первое сообщение: «За прошедшие недели произошла разрядка в отношениях между Францией и Алжиром и в самом Алжире. Наши переговоры продвигаются.

Бен Белла обратился с рождественским посланием к европейцам: «Приезжайте, вы нам нужны. Вы здесь у себя дома, как и все алжирцы. Правительство примет все меры, чтобы облегчить ваше положение».

Он совершает все больше поездок по стране, чтобы успокоить европейцев. Его позиция противоположна позиции Кидера³⁵, согласно которой Алжир должен сотрудничать со всеми, кроме Франции. Похищений больше не наблюдается, зато участились ограбления. Правда, ограблениям подвергаются и наиболее состоятельные алжирцы, в том числе министры. У одного из них, возглавляющего коммерческую фирму, угнали все грузовики.

ГдГ. Социальное восхождение в Алжире состоит в том, чтобы из грабителя превратиться в ограбленного.

[...]

Гранваль³⁶. Алжирские власти продолжают политику FLN. Они хотят контролировать выезд рабочей силы из Алжира во Францию, но возражают против того, чтобы мы контролировали ее въезд в метрополию.

ГдГ. Нельзя допустить, чтобы алжирские рабочие въезжали во Францию просто так! Мы не завоеванная страна!

Брольи. В связи с иммиграцией алжирской рабочей силы возникает вопрос о семейных пособиях: алжирцы требуют, чтобы пособия начислялись по месту работы по существующим здесь расценкам. Нам кажется логичным, чтобы пособия выплачивались по расценкам, существующим в месте пребывания семей, то есть в Алжире.

ГдГ. Конечно! Семьи рабочих-мигрантов должны оставаться в Алжире, и семейные пособия должны начисляться соответственно. Об этом и речи быть не может.

Помпиду (он видит, что Генерал начинает нервничать, и старается внести успокоение). Наблюдается определенный прогресс. Техническое сотрудничество продвигается успешно. Приезд наших менеджеров творит чудеса. Это похоже на то, как женщина-водитель не может завести машину, а приходит механик и одним движением пальца заставляет мотор работать. Алжирцы просят, чтобы наши консулы урегулировали проблему с вином... Все это прекрасно.

Но вот что плохо: алжирские министры приезжают во Францию с крайней самоуверенностью и непомерными требованиями. Они хотят, чтобы равенство было во всем! Раз мы вводим в Алжире французскую административную систему, чтобы компенсировать их управленческую беспомощность, то и они хотят, чтобы их представители контролировали работу казначейства и сбор налогов во Франции. Это просто смешно. Они хотят лично удостовериться, что в *la Santé* и других парижских тюрьмах алжирцы не подвергаются пыткам!

Мы должны сами установить контроль над алжирцами, живущими во Франции. Мы не должны позволить, чтобы нас затопила волна алжирских работников, независимо от того, выдают они себя за харки, или нет. Если мы не примем мер, все алжирцы переедут во Францию! Мы не можем также допустить, чтобы во Франции существовала вспомогательная иностранная полиция. Взгляды алжирских ответственных лиц на все эти проблемы настолько отличны от наших, что по некоторым пунктам неизбежны трения».

Генерал успокоился. Слова Помпиду действуют на него, как седативное средство.

ГдГ (подводит итог). «Все эти вопросы могут быть решены. Мы должны научиться гимнастике сотрудничества. За всякую выгоду, которую мы предоставляем, мы должны получать ответную выгоду. Мы должны быть открытыми и твердыми в одно и то же время».

Совет министров, 16 января 1963.

Рассматривается вопрос об амнистии для тех, кто участвовал в алжирских событиях (особенно, по делу о «сети Жансона»³⁷).

ГдГ. «Мы предоставили независимость Алжиру, но это вовсе не значит, что мы будем осыпать цветами людей, которые сражались против французской армии».

Ранее Генерал сообщил мне, что будет говорить о франко-алжирских отношениях на своей пресс-конференции 14 января 1963 года. Но эту тему не затронул. После *Совета министров 24 января* я спрашиваю его об этом.

ГдГ. «Были другие темы, более важные и неотложные. Мне не задали ни одного вопроса об Алжире, что доказывает: Алжир уже никого не интересует».

АП. А что бы вы ответили, если бы вас спросили?

ГдГ. Что Алжир теперь на правильном пути. Что вопреки нашим тревогам все не так безнадежно.

Последние недели показали алжирцам, насколько Алжир нуждается во Франции; они начинают кое-что понимать. Затем, относительно национальной ненависти: как и все страсти, со временем она начинает угасать. Алжирский фанатизм, направленный против нас, постепенно исчезает. Практически, фанатиками были только партийные активисты и военные. Все это постепенно успокаивается. Подождем еще несколько месяцев. Вы увидите, что у франко-алжирского сотрудничества большое будущее.

Какое-то количество французов вернется в Алжир. Возможно, это будут не те, кто уехал. Они приедут туда в порядке сотрудничества: алжирцы оценили, насколько они в нас нуждаются. Но пусть французы не приезжают с намерением обосноваться там навсегда со своим потомством! Надо отправляться туда с чемоданом и быть готовым уехать в любой момент».

Совет министров, 30 января 1963.

[...]

Брольи делает сообщение о своей недавней поездке в Алжир:

«Комплексы алжирцев исчезают на глазах. Бен Белла повторил мне несколько раз, что его политика по отношению к Франции вдохновляется не преходящей экономической заинтересованностью, но глубоким и окончательным политическим выбором.

У алжирцев возрождается чувство собственного достоинства, которое помогает им залечить раны. Это народ крестьян, которые взяли в руки оружие, чтобы вернуть себе земли, захваченные колонистами. За десять лет, последовавших за второй мировой войной, французами было захвачено 400 тысяч гектаров, в то время как мусульманское население быстро росло.

ГдГ. А площадь пахотных земель сокращалась из-за истощения почвы.

Брольи. Произойдет аграрная реформа, которая сметет результаты колонизации. Мы не можем этому воспрепятствовать. Еще и сегодня 1500 французов владеют двумя миллионами гектаров! Но мы сохраним свои позиции в Алжире в тех областях, где мы играем положительную роль: это возделывание цитрусовых и виноделие в сельском хозяйстве, это промышленность и сфера обслуживания...

Весьма ощутимо культурное влияние Франции: французские передачи занимают 88 из 104 часов на радио и 15 из 24 часов на телевидении.

Алжирцы просят нас обучать их военный персонал, создать у них школу для жандармерии.

Бен Белла удерживает позиции. Он сильная фигура. Прощальный визит я нанес ему дома; вместе с Горсом³⁸, мы сидели на кухне, в его маленькой квартире. Он говорил нам, что в стране действительно существует подспудное коммунистическое течение. Но доводы в пользу кооперации с Францией сильнее. Они преобладают в Алжире, где существует правительство, исполненное доброй воли и реализма. Со стороны Франции предпосылкой для сотрудничества является стремление помочь своим согражданам, которые там остались. После неудачи на Кубе, Алжир — это

единственное место, где осуществляется эксперимент сотрудничества между одной из индустриальных стран Запада и слабо развитой страной. Неудача этого эксперимента отбросила бы Алжир к коммунизму. Успех, напротив, имел бы огромное значение. Эти размышления Бен Беллы показывают его зрелость и оправдывают поддержку, которую мы ему оказываем».

[...]

Генералу это сообщение нравится как по форме, так и по содержанию. Он услышал то, к чему он и сам стремится. Слова Брольи — ему бальзам на душу. Он заключает с необычной для него теплотой: «Большое спасибо за это сообщение, весьма интересное со всех точек зрения».

После заседания Генерал, в разговоре со мной, продолжает рисовать идиллическую картину:

«Французское население, оставшееся в Алжире, держится хорошо. Тенденция поменялась, теперь возвращающихся европейцев больше, чем отъезжающих. Во французском присутствии в Алжире происходят структурные перемены. Задача наших представителей — заставить уважать права французов.

Этот пример открывает перспективы, далеко выходящие за рамки отношений между Францией и Алжиром; он может стать образцом того, как нужно устанавливать связи между западным миром и слабо развитыми странами».

13. «Алжир сползает к Востоку»

Совет министров, 20 марта 1963.

Кув де Мюрвиль. «Атомные испытания в Сахаре должны были бы происходить при соблюдении полной секретности»³⁹. Бен Белла решил сделать вид, будто ничего не замечает. Но, к сожалению, теперь он лишен возможности вести себя таким образом: *Le Monde* сообщила о последних испытаниях с такими подробностями, которые явно свидетельствуют об утечке информации. Последствия этого весьма печальны, поднялось большое волнение».

Генерал в ярости: Невероятная безответственность *Le Monde*! Невероятно, как могла произойти такая утечка!

Палевски¹⁰. Я лишил аккредитации журналиста, ответственного за статью.

ГдГ. Невероятно, как могли дать аккредитацию человеку, способному выискивать информацию по столь деликатному вопросу! Это чудовищно!

Кув. Бен Белла заявил протест, он не мог поступить иначе».

Генерал каждому выдает по заслугам.

ГдГ. «Почему не мог поступить иначе? Алжирцы подписали Эвианские соглашения, по которым нам предоставляется право проводить испытания в течение пяти лет! Так или нет? Они знали, что делали! В наших действиях нет ничего подпольного. Соглашения были одобрены референдумом! Чтобы их пересмотреть, потребовался бы другой референдум!

Кув. Бен Белла знает, что мы готовим новые базы для перемещения. Он наверняка потребует от нас пересмотра Эвианских соглашений, чтобы иметь вид человека, который вынудил нас покинуть прежние базы, хотя на самом деле он тут ни при чем. Новые инциденты возникнут, когда пройдут новые атомные испытания. Теперь будет очень трудно провести их незаметно».

Совет министров, 3 апреля 1963.

Брольи объясняет, что, в результате разоблачения в *Le Monde* атомных испытаний, Бен Белла решил прибегнуть к маневру, называемому «бегством вперед».

«Он взял на вооружение тезисы самых фанатичных алжирцев. Франко-алжирские отношения расстроились. (Этот эвфемизм вызывает улыбку.) После заметных успехов сотрудничества в декабре и январе, алжирцы погрязли в болтовне. Сотрудничество так и не получило устойчивого развития. Обострился конфликт между Бен Беллой и генеральным секретарем FLN Кидером. Газета FLN *El Moudjahid* обличает уступчивость Бен Беллы по отношению к Франции.

Атомный взрыв, разоблаченный *Le Monde*, послужил detonатором. Целая армия безработных и низкооплачиваемых бывших партизан только и ждет сигнала, чтобы выйти на улицы.

18 марта появился декрет о бесхозном имуществе. Он санкционирует предыдущие расхищения, распространяя понятие «бесхозности» на «неэффективное использование», так что он может быть легко применен к чему угодно, идет ли речь о ферме или о кинотеатре. Таким образом, они наложили руку на имущество Боржо, Жермена, Калана. Они нарушают Эвианские соглашения как по сути, так и по букве. Следует, однако, избежать еще одного подводного рифа. Алжирцы атаковали самого крупного представителя колониализма. Но Боржо — это еще не Франция. (Можно подумать, что слышишь самого де Голля.)

Мы всегда говорили, что мы не против аграрного закона. Но мы должны показать, что нас шокирует метод его применения, стараясь в то же время не ухудшить и так шаткую ситуацию. Можно подать сигнал, притормозив оказание помощи. Но не ставить под вопрос Эвианские соглашения! Алжир стал эволюционировать не как Марокко, а как Югославия. Что мы можем предпринять? Поле нашей активности чрезвычайно узко. Надо действовать так, чтобы не вызвать цепной реакции репрессий и контр-репрессий.

ГдГ. Бен Белла одержим джиннами. Он схлестнулся со своими соперниками. Он не может справиться с трудностями своей страны, с экономическими проблемами, и ударился в политическую спекуляцию. Он не может совладать с демонами, которые в последнее время овладели арабами, — безумным романтизмом, социализмом, панарабизмом.

Мы, французы, не одержимые демонами или джиннами, должны придерживаться Эвианских соглашений. Алжирское правительство нарушило их, решив национализировать землю. Но в любом случае, это должно было произойти, при образовавшемся клубке противоречий. Этот клубок не распутать, пока в Алжире остаются земли, принадлежащие французам.

Бен Белла начал с бесхозных земель. Они должны кому-то принадлежать: раз хозяина нет, он забирает их себе. К нему нет претензий.

Пятнадцать французов все еще являются владельцами 150 тысяч гектаров в Алжире. Так нельзя. Это не может продолжаться, если принять во внимание возмущение феллахов. Даже

если бы Алжир остался французским, мы должны были бы ликвидировать эти громадные и возмутительные землевладения.

Но при этом мы не должны отказываться от маневров! Нельзя позволить, чтобы все шло, как идет. Нам следует быть готовыми к тому, что вопрос о землевладении колонистов будет вставать постепенно, шаг за шагом. В конечном счете, процесс захватит все земли, как это произошло в Тунисе и Марокко, — это неизбежно. Но действовать можно по-разному. Бен Белла начал очень плохо. Он проявил неуважение к нам. Надо показать ему наше неудовольствие, наказать его.

Гранваль (стремясь указать на возможную сферу применения репрессивных мер). Тревожит рост алжирской эмиграции во Францию: 6 тысяч эмигрантов в неделю.

ГдГ (невозмутимо). Это составляет 300 тысяч в год. Это допустимо, при условии, что они вернутся домой через некоторое время.

Гранваль (настаивает). Бумаза⁴¹ взялся сдерживать эту волну. Но Генеральный союз алжирских трудящихся будет всячески побуждать своих членов ехать во Францию. Они въезжают без санитарного контроля и ничего не умеют. Такое положение нельзя терпеть.

Жискар д'Эстен⁴². Аграрная реформа была неизбежна, но проводится она так, что мы не можем не реагировать... Мы не должны прекращать помощь, но надо дозировать ее в зависимости от доброй воли, проявляемой по отношению к нам.

ГдГ. Конечно, мы не должны сами возмещать убытки крупным землевладельцам, лишившимся своих земель. Такая узурпация всегда была причиной больших несчастий.

Жокс. Мы видим, как Бен Белла все больше склоняется к политической спекуляции. Если бы он этого не делал, Кидер атаковал бы его во вред французскому имуществу и нефтедобыче.

Миссоф. Надо быть готовыми к тому, чтобы кроме предусмотренных принять еще 100 тысяч репатриантов, вернувшихся в Алжир этой зимой.

Трибуле. Постараемся объяснить алжирцам, что в черной Африке и на Мадагаскаре смешанные экономические компании выкупили земли колонистов. Новые пользователи по-

степенно возмещают затраты, и все происходит при соблюдении порядка.

ГдГ. Если алжирцы будут действовать так грубо, то в будущем они смогут рассчитывать только на технических специалистов из коммунистических стран.

Фрей⁴³. На юге Франции происходят волнения в связи с импортом алжирских вин. Надо бы сократить их количество.

Брольи. Но это ударит по французским виноделам в Алжире!

ГдГ. Насколько легче было бы сотрудничать с Алжиром, если бы там не было французов! (Это сказано шутливым тоном, но чувствуется, что он смирился с неизбежностью массового исхода черноногих.) Если бы не алжирские вина, разве мы смогли бы пить вино из департамента Эро без купажа?

Пизани. Появилась привычка пить вино с высоким содержанием алкоголя. От семи до десяти миллионов гектолитров алжирского вина стали необходимы.

Помпиду (раздосадованный чехардой затрагиваемых тем). Министр финансов хотел бы произвести какую-то реторсию в денежных выплатах, министр сельского хозяйства — то же самое в области виноторговли, министр внутренних дел — успокоить жителей Эро, министр труда — остановить импорт рабочей силы. Надо рассмотреть вопрос с более высокой точки зрения — с точки зрения отношений между Францией и Алжиром. Что касается рабочих, то они приезжают с контрактом и всегда поступают на работу.

ГдГ. А эти контракты настоящие или липовые?

Помпиду. Настоящие, особенно когда речь идет о предприятиях общественной сферы. Мы всегда можем устроить «забастовку усердия», как это умеет делать министерство финансов, посылая мандаты с шестимесячным опозданием, ввести санитарный контроль, придирайтесь к удостоверениям личности и так далее. Мы создадим атмосферу стесненности, которая будет нашим главным средством давления. Бен Белла заискивает перед этим Кидером. Это плохой знак: похоже, он проигрывает войну, которую затеял против своей партии. Можно ожидать, что напряжение еще более возрастет. Мы должны нажать на тормоза. Но нужно выбрать лучший повод, чем этот случай с Боржо.

Перед Советом министров, 17 апреля 1963.

Помпиду сообщает мне на ухо: «Вы знаете, что Бен Белла потребовал пересмотра соглашений о военных базах? Мы делаем вид, будто ничего не слышим. Не говорите об этом. И на Совете мы тоже об этом говорить не будем».

Жокс, не боясь получить замечание за то, что продолжает влезать в дела, уже не относящиеся к его компетенции⁴⁴, распространяет тревожные новости: «Яростные споры в Каире; покушение в поезде; политический разброд в Алжире; соперничество между Бен Беллой и политбюро FLN. Бен Белла старается создать революционный ореол вокруг своей персоны. Но возможно, что в результате всех этих судорог буржуазия прибегнет к перевороту термидорианского типа. Ситуация неустойчива».

ГдГ. «Они не работают. Они не занимаются всерьез ни сельским хозяйством, ни общественной сферой. Они болтают. А страна сползает к Востоку.

Брольи. Они идут к экономическому кризису, усугубляемому отъездом их Алжира последних французов.

Трибуле. У алжирцев нет ни капиталов, ни людей, чтобы провести в жизнь хотя бы десятую часть их планов! Они идут к явной катастрофе!».

После Совета министров Генерал дает мне разъяснения:

«Вот наша главная линия. Произошли нарушения Эвианских соглашений. Но этим не нужно пользоваться, как поводом для того, чтобы поставить под сомнение соглашения в целом. Не давать алжирцам предлога пересматривать военные статьи. После заключения Эвианских соглашений прошел год. Они получили торжественное подтверждение через референдумы в обеих странах. Они остаются законом для участвующих сторон. Мы исполнены решимости соблюдать договоренности в том виде, в каком они были подписаны.

Но при исполнении необходима известная гибкость. Мы готовы кое-что уступить, в духе сотрудничества. Мы признаем, что алжирское правительство должно создать экономический и социальный режим, отвечающий выбору народа. Однако надо понимать, что этот выбор совершается в ущерб французским интересам. Мы просим, чтобы к Франции и к французам относились с уважением.

Удержится ли Бен Белла или нет? Он довольно ловок. Ему удалось залатать дыру. Он сосредоточил в своих руках всю власть, но зато против него объединились все противники. Бумедьен⁴⁵ в данный момент его поддерживает. Как долго это продлится? В этих странах все держится на армии. Это продлится так долго, как армия захочет».

В поезде между Арденнами и Шампанью, 24 апреля 1963.

АП. «Эволюционирует ли Бен Белла к диктатуре насеровского типа? Придаете ли вы значение предстоящему путешествию Насера?»

ГДГ. Алжир плохо себе представляет, куда он движется. И Бен Белла тоже. Он вынужден делать зигзаги, обманные ходы. Он протягивает руку Насеру, но потихоньку подает нам успокоительные знаки. Он уверяет нас в своей доброй воле, при этом публично становясь в демонстративно независимую позу. Все это пустая болтовня. Эти люди живут так, как будто Четвертая Республика и не думала умирать. Это марионетки: они выходят на авансцену, суетятся, произносят речи, потом исчезают.

Насер очень бы хотел, чтобы Алжир стал четвертой звездой Объединенной арабской республики⁴⁶. Но из этого ничего не выйдет. Ни Бургиба, ни король Марокко не захотят исчезнуть ни ради объединенного Магриба под алжирским господством, ни ради Объединенной арабской республики под водительством Насера. А что может Насер дать Алжиру? Ничего! Денег? Технических специалистов? Они ему нужны самому.

Затем, Насер затеял дело, противоречащее ходу вещей. Египет всегда был един. Во все времена он был объединен вокруг долины Нила. А такие страны, как Ливан, Ирак, Ливия всегда были разделены. Друзы всегда ссорились с маронитами, которые, в свою очередь, не могли договориться с алауитами. В Ираке идут постоянные раздоры суннитов с шиитами или с курдами. Эти страны обречены быть разделенными, потому что они включают совершенно разные народности, у которых нет ни общего языка, ни общего культа, ни общего прошлого, и которые не выносят друг друга. Пытаться объединить их под одним скипетром, значит брать на себя сверхчеловеческую задачу. Эти люди могут согласиться, чтобы ими управлял только их соплеменник. Так что нечего болтать

впустую. Насер делает вид, будто кого-то объединяет, но для этого нет реального основания, он только воздух сотрясает зря».

Генерал сверхчувствителен к алжирской проблеме. Он очень переживает все свои разочарования, одно за другим: что не сумел сделать ничего лучшего, чем Эвианские соглашения, что не смог предотвратить исход черноногих, что сотрудничество с Алжиром пошло вкривь и вкось. Обычно он поддерживает равновесие, ужесточая свою позицию. Но как ему хочется надеяться! На какой-то момент он увидел в Бен Белле истинного вождя, вместе с которым можно созидать. Потом надежда рассеялась. Алжир дестабилизирует Генерала.

14. «Пока существует преступление, должно быть и наказание»

Золотой салон, 19 декабря 1962.

Я спрашиваю Генерала о предстоящем процессе над участниками Пти-Кламарского заговора⁴⁷.

ГдГ. «Судьи могут ошибаться. Они могут быть ослеплены предвзятыми идеями, кастовыми предрассудками и так далее. Ведь военный трибунал осудил Дрейфуса, а Вейган с пеной у рта продолжал утверждать его виновность. Когда военные десятилетия спустя после оправдания Дрейфуса продолжают кричать, что он преступник, — это верный признак того, что они кретины. Кретины есть повсюду, в том числе, и в трибуналах. Поэтому нужны адвокаты, способные обеспечить *честную* защиту (он подчеркивает голосом), *настоящую* защиту. Нужны гарантии. Нужна возможность апелляции. Но судьи, трибуналы, тюрьмы, приговоры и люди, приводящие приговоры в исполнение, тоже необходимы. Пока существует преступление, должно быть и наказание».

Совет министров, 3 января 1963.

Фрей делает доклад о подрывной деятельности: «В борьбе с подрывной деятельностью достигнуты известные успехи. Но волна преступлений продолжает нарастать: 14 тысяч поку-

шений с применением взрывчатки, несколько сотен раненных, 28 убитых, не считая покушения в поезде Страсбург–Париж.

3 тысячи лиц задержано. 48 сотрудников полиции убито. Увеличение бандитизма, особенно, ограблений банков и ювелирных магазинов, связано с людьми, прибывшими из Алжира, членами отрядов Дельта, с дезертирами, которые становятся уголовными преступниками. 71 процент лиц, арестованных за уголовные преступления за последние тридцать месяцев, являются военнослужащими и черноногими.

ГдГ. Ну уж если офицеры начинают грабить ювелирные магазины...

Фрей. OAS разбита на куски. Немногие, кто сегодня остаются ее членами — это душевнобольные, единственная цель которых — организация покушений на вашу жизнь».

Золотой салон, после заседания Совета министров.

Во время заседания Генерал был немногословен, но теперь, с глазу на глаз, он дает волю словам.

ГдГ. «Скажем прямо, элементы, вернувшиеся из Алжира, привыкли к легким деньгам. Правительство высоко оценило усилия полиции, которая бдительно несет службу, как того требуют обстоятельства. (Во время заседания не было речи о высокой оценке роли полиции, но Генералу достаточно дать указание своему порт-паролю, чтобы такая оценка была дана от имени правительства.) ...Создание Суда Государственной безопасности, предложенное мне Фреем, отвечает назревшей необходимости.

Ап. Это значит, что вводится особая юрисдикция для данных обстоятельств?

ГдГ (вскидывая голову). Вовсе нет! Я решил создать Суд Государственной безопасности как постоянное учреждение. Не для того, чтобы бороться с OAS: ее песенка спета. Пока не было Суда безопасности, преступления против Государства подлежали рассмотрению либо в военных трибуналах, либо в суде присяжных. Ни одну из этих процедур нельзя признать удовлетворительной. Военные трибуналы упрекают в том, что они подчиняются командованию, как это вообще принято у военных; что они проявляют мягкость по отношению к военным —

участникам OAS. Что касается присяжных, то они часто бывают охвачены паникой перед терроризмом. Их будят ночью угрожающими телефонными звонками, а потом они отказываются заседать в суде. Вот мы и решили создать суд, обыкновенный и постоянно действующий. Это в интересах нации.

АП. Но это все-таки будет суд чрезвычайной юрисдикции?

ГдГ (строго). Не позволяйте забивать себе голову чепухой! Если вы называете чрезвычайной юрисдикцией трибуналы, подчиненные произволу правительства, как это было во времена Виши, то речь совсем не об этом! Суд Государственной безопасности создается не декретом, а решением Парламента; он создается не для рассмотрения уже совершенных преступлений, а для тех, которые могут быть совершены; он не будет вводить новые статьи ответственности, но ограничится теми, которые уже существуют в Уголовном кодексе как преступления против безопасности Государства; он будет действовать под контролем кассационного суда.

Как следует объясните журналистам, что как раз это будет не *чрезвычайная* юрисдикция! Это будет *специализированная* юрисдикция. Это разные вещи! Она будет заниматься преступлениями, связанными с терроризмом или изменой, подобно тому, как коммерческие суды специализируются на коммерческих правонарушениях, а суды для детей — на правонарушениях, совершаемых детьми. Не больше того и не меньше. Она будет специализироваться на преступлениях, связанных с подрывной деятельностью и шпионажем.

Терроризм и поддержание связей с врагом — это преступления, еще более нетерпимые, чем другие. Это преступления против нации.

АП. Суд безопасности упрекают в том, что в нем нет жюри присяжных.

ГдГ. Как же вы хотите, чтобы было жюри, если террористы первым делом терроризируют его членов? На Корсике присяжные отказываются судить пастуха, подпалившего заросли, потому что им угрожают его родственники».

Золотой салон, 6 февраля 1963.

ГдГ. «Существуют смелые судьи. С ними можно работать. Но остальные не любят риска. Во Франции судейская каста все-

гда была не способна судить покушения на Государство, которое защищалось тем, что создавало чрезвычайные трибуналы.

После Освобождения действовала чрезвычайная юрисдикция, а без нее вообще не было бы правосудия. Если бы я позволил судьям Виши судить преступления Виши, что бы из этого вышло?

На самом деле юстиция выражает умонастроения определенного социального класса, буржуазии, которая в своем большинстве потеряла чувство Государства, чувство нации, чувство Родины.

Судьи стремятся рассматривать только гражданские дела. Они не хотят, чтобы у них в руках оказалось какое-нибудь важное дело, угрожающее интересам страны. На это у них смелости не хватает. Им куда милее дела о наследстве или дорожные нарушения».

Генерала не шокирует словосочетание «чрезвычайная юрисдикция», если речь идет о том, чтобы спасти саму идею правосудия, когда обычные средства оказываются не достаточными. Идет ли речь о Юстиции или о Нации, его позиция неизменна: исключительные случаи требуют исключительных мер. Но затем главная цель: сделать так, чтобы обычные меры были достаточно сильны, чтобы справиться с исключительными ситуациями.

Матиньонский дворец, 15 февраля 1963

Новое покушение на генерала де Голля произошло 14 февраля в Военной школе.

АП. «Все-таки странно, что шесть месяцев спустя после Пти-Кламара заговорщики снова пытаются свергнуть режим.

Помпиду. Режим? Попытки убить Генерала — это всего лишь месть, вендетта в чистом виде: «Мы проиграли, но мы его прикончим!». Это не покушение на режим.

АП. Но убить создателя режима разве не значит свергнуть сам режим?

Помпиду. Ну почему же? Французы дорожат существующим режимом, они сами разберутся».

[...]

20 февраля 1963 года Генерал объявляет мне о своем намерении «выступить с речью о судебной системе в апреле, по-

сле окончания всех этих громких процессов. Я сформулирую вытекающие из них уроки. Надо будет посмотреть на вещи со спокойствием, после того, как суд вынесет твердый приговор». (Из этой загадочной фразы я делаю вывод, что после того, как будут приведены в исполнение смертные приговоры по Пти-Клармарскому делу, он объявит амнистию, чтобы подвести черту под алжирскими делами и их последствиями.)

Провожая меня, он уточняет: «Надо делать различие между полковниками, которые возглавляли убийц, и по отношению к которым надо проявлять непреклонность, — и восемнадцатилетними мальчишками, которых следует амнистировать. В восемнадцать лет человек еще не является полностью сознательным».

Золотой салон, 13 марта 1963.

АП. «Некоторые журналисты удивлены тем, что вы помиловали убийц, которые чуть не в упор расстреливали вас из автоматов, но не помиловали Бастьена-Тири, который непосредственно в акции не участвовал.

ГдГ (реагирует очень живо). Вот именно! Это и непростительно: сам не стрелял, зато подал сигнал к стрельбе, взмахнув газетой! И какой газетой — *L'Aurore!*.. И непростительно, что он подал сигнал к стрельбе по машине, в которой, как он знал, находилась женщина».

В его ответе меня удивляет только упоминание о газете *L'Aurore*, хотя и окрашенное юмором. Почему он подчеркнул эту деталь? Наверное, потому, что *L'Aurore* особенно яростно выступала за французский Алжир и была благоприятно настроена к ОАС; ему представляется, что она была звеном в общей цепи: одни провозглашают идеи, которые убивают, другие командуют теми, кто убивает, третьи, наконец, убивают сами. Генерал отказывает в помиловании главарям и вдохновителям: именно поэтому в свое время был казнен Бразийак*.

Генерал продолжает с двусмысленной интонацией: «У каждого народа должны быть свои мученики. При этом надо,

* Писатель и журналист, казненный за сотрудничество с немецкими оккупантами.

чтобы они были достойны своей роли. Один из этих дураков-генералов, которые играют в мяч во дворе тюрьмы в Тюлле, сюда бы не подошел. В Бастьене-Тири есть что-то романтическое. Из него выйдет хороший мученик».

В связи с поездкой в Арденны, 23 апреля 1963.

АП. «Меры безопасности были приняты серьезные. По национальному гвардейцу за каждым деревом. Что, OAS еще представляет какую-то опасность?»

ГдГ. Да нет, ничего она уже не представляет! Не понимаю, зачем все эти предосторожности. Это бедолаги, которых взяли в кольцо, и они кружатся на месте. Обломки крушения, на грани простой уголовщины. Они лишились корней. Пока шла алжирская война, их подкармливали сторонники французского Алжира. Теперь это кончилось, за ними нет никого.

АП. Все-таки после Пти-Кламара было покушение на премьер-министра⁴⁸, а затем покушение в Военной школе.

ГдГ. Это несколько *desperados**. Количество убийц ограничено. Те, кого ловят сегодня, остались от предыдущих заговоров. Во Франции всегда имелись заговорщики и кагуляры, но они уже не составляют революционной партии, как раньше.

АП. Среди этих изолированных личностей всегда можно найти какого-нибудь Боннье де ля Шапеля⁴⁹ или Равальяка**!

ГдГ. Конечно, известная бдительность необходима. Но не чрезмерная. Еще осталось несколько безумцев. Но коллективное безумие кончилось. OAS больше не существует».

Совет министров, 12 ноября 1964.

Фуайе. «Меры, принятые против подрывных действий, сворачиваются. Пришло время уменьшить персонал Суда Государственной безопасности. Однако его компетенция не ограничена временем. Его нельзя упразднить».

* «Отчаявшиеся» (исп.).

** Франсуа Равальяк (1578–1610) — убийца Генриха IV.

Помпиду. В конце концов, его деятельность не подвергалась критике. Журналисты, адвокаты, представители судейского сословия его даже хвалили.

ГдГ (пропускает реплику мимо ушей: работу государственных институтов надо оценивать не по отзывам общественности, а по их эффективности). Суд безопасности хорошо поработал. Но давление надо поддерживать. Никогда не известно, что может произойти. Терроризм, подрывная деятельность, шпионаж могут снова возникнуть в любой момент неизвестно откуда. Самое худшее — это то, что вы называете «чрезвычайной юрисдикцией». Надо проявлять предусмотрительность и не дожидаться, когда наступят чрезвычайные обстоятельства».

После окончания заседания Генерал продолжает свою мысль: «Террористы, что бы они сами ни думали, не такие, как другие люди. Когда водитель сбивает насмерть пешехода, или же бандит убивает кассира, это не подрывает основ Государства. Но если террорист убивает национального гвардейца у входа в Матиньонский или Елисейский дворец — это представляет собой покушение на нацию в целом».

15. «Мы не будем вмешиваться в их дела»

Совет министров, 7 мая 1963.

[...]

ГдГ. «Я обращаю ваше внимание на проблему, которая может стать серьезной. В апреле было 40 тысяч эмигрантов из Алжира. Это почти столько же, сколько родилось детей во Франции за тот же месяц. Я бы хотел, чтобы во Франции рождалось больше детей и чтобы сюда приезжало меньше эмигрантов. Не нужно, чтобы их приезжало слишком много! Нужно срочно навести порядок! Прошу вас, господин премьер-министр, рассмотреть возможные меры».

[...]

После заседания Совета министров 29 мая 1963.

Генерал говорит мне: «Представители алжирского руководства приезжают в Париж. Они просят, чтобы мы вмешались

в их дела. Но почему мы должны отдавать предпочтение тому или иному человеку, той или иной ориентации? Мы не будем вмешиваться в их дела! Интриги одного, заговоры другого — какое нам до всего этого дело?

АП. Вас не беспокоит быстрое ухудшение ситуации?

ГдГ. Развитие революций происходит в три этапа, большей или меньшей протяженности: сначала Дантон, вскоре затем — Робеспьер, которого, в свою очередь, устраняют термидорианцы. Бен Белла — это Дантон. Бумедьен — это Робеспьер. Есть период террора. Потом приходит время термидорианцев. Там все бурлит, и так будет еще долго».

[...]

Совет министров, 9 октября 1963.

Снова заходит речь о национализации сельскохозяйственных земель в Алжире.

ГдГ. «Надо действовать очень прагматично. Первая акция Бен Беллы — хапнуть все, что можно. На этой почве очень легко заниматься демагогией. Они не оставят в Алжире ни одного земельного собственника-француза. Я полагаю, то же самое произойдет в Марокко и Тунисе, хотя там не было войны. Однако результат будет тот же.

Нефть — это важно, и в материальном, и в финансовом отношении. Здесь мы не должны предоставлять им свободы действий. Наша помощь будет этим обусловлена. Не придавайте такого значения Алжиру, он его уже не имеет! Мы хотели от него избавиться — и избавились. Но несчастные алжирцы не могут поступить так же! Они не могут выехать из этой гостиницы. Мы смогли, к счастью».

После заседания некоторые министры ехидно комментируют необыкновенное терпение, проявляемое Генералом. «Он не хочет признать провал своей Эвианской политики». «Поскольку в Сахаре все идет хорошо, ему плевать, что в Алжире все идет плохо». «Этот метод Куэ* ему всегда помогал, зачем же ему от него отказываться?». «Чем бы это ни закончилось, на его репутации это не отразится».

* Эмиль Куэ (1857–1926) — французский психотерапевт, создатель метода самовнушения.

[...]

После Совета министров, 30 октября 1963.

Генерал говорит мне: «Понимаете, в Эвианской политике заинтересован только я. Алжирцы утверждают, что их подпись под договором была вырвана у них насильно, поскольку у них не было возможности отказаться от мира, который мы им предлагали. Теперь, когда большинство европейцев уехало, они хотят вести переговоры заново. Ну, нет! Мы их заставим уважать взятые на себя обязательства».

Французы тоже не желают больше Эвианских соглашений, после того как утвердили их 93 процентами голосов. Они благоволят Тунису и Марокко, которые отделились тихой сапой, и терпеть не могут алжирцев, потому что алжирцы отделились в результате войны, и разрыв оказался болезненным. Но французы должны были бы понимать, что победа, которую мы одержали над собой, — это наш самый сильный козырь в международных отношениях».

«Победа, которую мы одержали над собой». Теперь он повторяет эту формулу Дебре, которую в свое время отверг.

После Совета министров, 6 ноября 1963.

АП. «Разве не странно, что мы, капиталистическая страна, финансируем в Алжире такую же социалистическую революцию, как на Кубе?»

ГдГ. Ну и что? Их так называемый социализм мне совершенно безразличен. Пусть устраиваются, как хотят. Ведь для этого мы и предоставили им независимость. Но мы не можем допустить, чтобы наши сограждане становились жертвами их политики.

Я сказал Бумаза⁵⁰: «Не воображайте, что вам удастся нас шантажировать; мы перенесем наши атомные испытания в Тихий океан. А нефть мы сможем получать у других нефтедобывающих стран».

Бургиба и Хасан тоже проводят национализацию. Когда говорят о различии идеологий — это курам на смех. «Бен Белла социалист», с одной стороны, «Хасан II автократ» — с другой, это все ерунда! Они все обречены быть более или менее социалистами. Они все обречены быть более или менее автократами. Разница только в ритме.

АП. Но это ускорение...

ГдГ. Оно происходит от двух вещей. Во-первых, они ждали восемь лет. Ждали и мечтали. Теперь они хотели бы превратить эти мечты в реальность. Революция — это обруч: если он не катится, то падает. Во-вторых, их единственная карта — наши базы в Сахаре. Они говорят себе: «Через два года французы нам покажут шиш».

[...]

Золотой салон, 29 января 1964.

АП. «Французское общественное мнение не понимает, почему Бен Белла устраивает в Африке кастризм на наши деньги.

ГдГ. Это чепуха. Если алжирцы устроят у себя кастризм, то сами же в этом раскаются. Кастро взошел на сильных дрожжах: американцы ставят ему палки в колеса и вызывают этим к себе такую ненависть, которая помогает Кастро увлекать за собой весь народ. Вот почему нам нет никакого резона возбуждать к себе неприязнь алжирцев. Мы воздержимся от какого бы то ни было вмешательства и сохраним хладнокровие».

Золотой салон, 3 марта 1964.

ГдГ. «Единственное достижение, которое алжирские руководители могут записать себе в актив, это сотрудничество с Францией. Во всем остальном они терпят фиаско. От всех лозунгов, от всех обещаний, во имя которых они сражались восемь лет, не осталось ничего! Мифы, пустота.

АП. Идут разговоры о вашей поездке в Алжир.

ГдГ. Бен Белла меня пригласил. Но я не поеду.

АП. В этом случае вам пришлось бы поехать также в Марокко и Тунис?

ГдГ. Через несколько дней у меня состоится секретная встреча с Бен Беллой в окрестностях Парижа. Но в Алжир я не поеду. Я не говорю, что никогда не поеду в Марокко или в черную Африку. Это не исключено. Но поездка в Алжир исключена в период, когда там все охвачены истерикой».

[...]

Пуэнт-а-Питр, 20 марта 1964.

Генерал рассказывает мне о своей встрече с Бен Беллой в замке Шан-сюр-Марн:

«Он произвел на меня неплохое впечатление. В нем чувствуется уверенность, и он не болтун. [...]

Я сказал ему две неприятные вещи, с глазу на глаз, чтобы ему не пришлось потерять лицо.

Первое. Вы хотели, чтобы все черноногие уехали, иначе вы угрожали им смертью. Теперь вы хотите, чтобы французы приезжали и сотрудничали с вами, при условии, что они придут с одним чемоданом и будут готовы уехать по первому вашему требованию. И к тому же, вы задерживаете им зарплату! Поэтому не удивляйтесь, что желающих не так-то много.

Второе. Затем, перестаньте посылать к нам рабочих-мигрантов, к тому же выдающих себя за харки. С нас достаточно. Вы хотели независимости, вы ее получили. За последствия отвечать не нам. Вы стали для нас иностранным государством. Все алжирцы имели годовой срок, чтобы решить, хотят ли они принять французское гражданство. Этот срок давно прошел. Мы больше не принимаем заявлений. Устраивайтесь так, чтобы ваши граждане могли жить на вашей земле».

После заседания я задаю Генералу вопрос о переговорах по нефти, которые должны начаться: «Алжирцы собираются национализировать нефтедобычу?»

ГдГ. Для них это была бы катастрофа. Они знают, что в мире слишком много нефти. Они должны будут ее продавать, добывать, находить специалистов, а также сто миллиардов в год, чтобы поддерживать добычу и так далее. Я не говорю, что они никогда не смогут этого сделать, но вряд ли сделают раньше, чем через несколько лет⁵¹.

АП. Чего они хотят? Заработать больше денег?

ГдГ. Да, они хотят заработать и постепенно заменить французских специалистов местными кадрами. На это потребуется много времени.

Эту нефть нашли мы. Мы инвестировали капитал в ее добычу. Нам нужно еще три года, чтобы окупить наши затраты. Наша политика состоит в том, чтобы сохранить существующее положение.

Они хотят проводить индустриализацию во что бы то ни стало. Для этого им нужна наша помощь — кадрами и деньгами...

Алжир на одну треть живет за счет того, что алжирцы зарабатывают во Франции. Если в один прекрасный день нам это надоест, и мы выставим их за дверь, Алжир лопнет, это очевидно. И они только у нас могут обучать технические кадры. Правда, они посылают по несколько человек в Москву и на Кубу, но это несерьезно. Их кадры можно обучать только по-французски. Если мы захлопнем перед ними двери, они окажутся в ужасном положении, и они это понимают.

Так что, есть социалистическая фразеология, которой они везде щеголяют, и есть реалии.

АП. Вас совсем не беспокоит, что режим в Алжире приобретает социалистический и антизападный характер?

ГдГ. Арабы должны демонстрировать свою ксенофобию, они не могут иначе. Но если вы проедете весь Алжир, вы не встретите ничего, кроме вежливости и любезности.

Они говорят, что хотят построить алжирский социализм. Они осуществляют коллективную обработку земли. А что еще им остается делать, этим безграмотным феллахам, которые ничего не умеют, у которых нет материала, нет ни гроша, нет животных, нет ничего. Они вынуждены вести коллективное хозяйство. Не будем их за это осуждать. Мы и сами на их месте должны были бы поступать так же».

16. «Призрак национальной катастрофы рассеялся»

Совет министров, 14 ноября 1963.

Миссоф докладывает о положении с репатриантами. Дать им работу — значит не допустить, чтобы у них сложился менталитет иждивенцев.

ГдГ. «Мы уже привыкли к попыткам поднять волнение. То это какие-нибудь родительские комитеты, то ассоциации бывших бойцов. А как насчет ассоциаций репатриантов?»

Миссоф. Они в полном упадке. Сначала их было две или три. Сейчас их 603.

ГдГ. Итог, в целом, удовлетворительный. Призрак национальной катастрофы рассеялся, как и многие другие призраки.

Большинство репатриантов принялось за работу. Это нормально. Останется «осадо́к» — те, для кого быть репатриантом станет профессией. Надо быть к этому готовым.

Вы справились с нелегкой задачей».

Совет министров, 10 июня 1964.

Миссоф. «Проблема репатриантов закрыта. Осталось урегулировать несколько частных социальных случаев.

ГдГ. Это дело не имеет прецедентов во Франции. И мы с ним справились. Надо было заключить Эвианские соглашения, дать нашим соотечественникам возможность остаться в Алжире. Но то, что они вернулись во Францию, принесло ей больше пользы, чем потерь.

Помпиду. Меня беспокоит размах требований о возмещении убытков репатриантам. Эти требования раздуваются парламентариями, в чьих избирательных округах немало репатриантов. Однако мы приняли в 1962 году решение об интеграции, которая противоположна возмещению.

ГдГ. Совершенно верно. Так и надо рассматривать этот вопрос. Главная проблема состоит не в возмещении убытков, а в интеграции. Именно процессу интеграции правительство отдало предпочтение.

Возмещение убытков — с какой статьи? *Нация не должна им ничего* (он повторяет эту фразу, повысив голос). Она предоставила им устраиваться в Алжире на собственный страх и риск. Они извлекали из этого достаточно большие выгоды на протяжении длительного времени. В течение восьми лет нация приносила немалые жертвы, чтобы помочь им остаться в Алжире.

Обстоятельства сложились так, что им удалось захватить известное количество земель, от которых они получали доход, благодаря своему труду, конечно, но также благодаря колониальной системе. Как только мы положили конец колониальной системе, они потеряли возможность извлекать доход до бесконечности. Мы не должны соглашаться на возмещение убытков, связанных с войной. Когда возникает неприятная политическая проблема, решать ее надо только в отрицательном смысле».

22 июля 1964, после заседания Совета министров, в котором Миссоф принимал участие в последний раз, поскольку его министерство упразднялось в связи с успешным решением задачи, Генерал говорит мне: «Проблема репатриантов в целом урегулирована, даже если остались еще некоторые частности. Страна впитала репатриантов, как промокательная бумага. Они могли бы стать бичом для Франции, но этого не случилось. Было много индивидуальных ссадин, но не было национальной раны, ни в материальном, ни в моральном смысле. Многие этого опасались, но в результате мы констатируем, что страна пошла вперед.

АП. Подобно тому, как немецкие беженцы способствовали развитию Германии?

ГдГ. Нас нельзя сравнивать. Немецкие беженцы прибывали с немецких земель, где они были у себя дома. Их земли были захвачены Россией или ее коммунистическими сателлитами, поэтому немцам пришлось бежать. Но в Алжире французы не были у себя дома, как никогда они не были дома в Марокко или Тунисе.

Их убедили в том, что Алжир — это Франция, и они тешили себя этой иллюзией. Но то была иллюзия, а не реальность, как и в других странах Магриба. Алжир никогда не был французским. Это была юридическая фикция. Она существовала только в головах крикливых полковников и алжирских европейцев, которые в нее уверовали. Это были лозунги, а не факты. В действительности Алжир был колонией.

Министерство по делам репатриантов исчезло, потому что в нем отпала нужда. Чтобы по-настоящему интегрироваться, репатрианты должны рассматривать себя как обыкновенных французов, а не как особую категорию граждан, у которых есть отдельное министерство. Миссоф перестает быть министром, но он получит важную дипломатическую должность. Не говорите, какую именно, пока японцы не прислали свой агреман, но вам достаточно сказать журналистам, что он сделал себе *характери* с большим удовольствием».

Конечно, это первый случай, когда административная единица не продолжает свое существование после того, как ее задача выполнена.

Совет министров, 16 декабря 1964.

Амнистия, которую предлагает Фуайе, распространяется на все преступления, кроме убийств, как в случае с комиссаром Гавури⁵², и подрывных действий — баррикад, путчей, участия в OAS.

Предельная дата для правонарушений, подлежащих амнистии, — 20 марта 1962 года, когда были заключены Эвианские соглашения. (Относительно даты завязывается спор. Фрей, поддержанный Фуайе, предлагает 1 или 3 июля, когда была провозглашена независимость; в этом случае под амнистию подпадают многие действия OAS.)

Помпиду. «Я — за это предложение. Мы хотим разделить подрывные действия, направленные против Государства, его руководителя, против режима, — и алжирскую войну. Реально война прекратилась с 1 июля, это факт.

ГдГ. А что вы думаете, господин Фуше? (Генерал обращается к нему не как к министру образования, а как к бывшему Верховному комиссару в Алжире.)

Фуше. Я не полностью согласен с тем, что говорит премьер-министр. Война закончилась 20 марта. Потом были только ее последствия. В городах началось безумие».

Жокс поддерживает Фуше. Оба были самыми близкими наблюдателями того, что происходило в Алжире в течение недель, отделявших Эвиан от независимости. Они не могут простить OAS, что она разрушила прекрасное сооружение Эвианских соглашений. Генерал выступает в качестве арбитра, проявляя больше великодушия и, особенно, логики.

ГдГ. «Рене Капитан⁵³ сформулировал очень важное различие между войной, которая велась французами и мусульманами в Алжире, с одной стороны, — и теми, кто, пользуясь обстоятельствами, пытались разрушить Республику и чуть было не добились своего, с другой.

Бесспорно, репатрианты из Алжира, за исключением нескольких агитаторов, вели себя достойно, соблюдая общенациональные интересы. Я поддерживаю дату 3 июля. Люди, которые помогали FLN, кандидат Майо, участники сети Жансона и прочие, боролись против Государства. Не надо их

смешивать с черноногими. Поведение черноногих можно понять и даже извинить.

(Фуайе и Фрей начинают обсуждать детали.)

ГдГ (раздраженно). Поторопитесь!».

(Пока решение не принято, Генерал выслушивает мнения, колеблется. Когда решение принято, он требует немедленного исполнения.)

После заседания.

АП. «В тюрьме все еще находятся трое осужденных за сотрудничество с FLN, один из них Жансон. Они не попадают под амнистию?

ГдГ. Нет.

АП. Но вы их помилуете?

ГдГ. Это мое дело. (Мой вопрос был неуместен.) Их деяния не попадают под закон об амнистии. Они покусились на безопасность Государства.

Есть два типа правонарушений. Есть правонарушения, совершенные в ходе обоюдных столкновений; по ним уже были вынесены решения о помиловании, и они подлежат амнистии. Затем, воспользовавшись войной, некоторые попытались нанести урон безопасности и авторитету Государства. Так вот, они не были амнистированы и не должны быть амнистированы в данный момент.

АП. Главное, установить различие между черноногими и прочими?

ГдГ (после того, как он меня оборвал, он стал более любезным). Да, это главное. Понимаете, в Алжире была гражданская война между французами и арабами. На стороне французов была армия и, в течение долгого времени, французское Государство; они господствовали над арабами. Арабы восставали против алжирских французов, а не против Франции».

«Гражданская война», как он ее понимает, это *алжирская* гражданская война. Но не заслуживают прощения те, кто захотели превратить ее во *французскую* гражданскую войну.

17. «Алжир — вещь хрупкая»

21 апреля 1965.

Я читаю Генералу сообщение *Associated Press* о том, что в конце июня Бен Белла посетит Париж.

ГдГ. «Нет! Не давайте подтверждения! Ему очень хочется, но сейчас об этом не может быть и речи. Бен Белла неплохо маневрирует. С ним можно иметь дело. Он не шарлатан.

АП. Он устранил всех, кто мог бы составить ему оппозицию.

ГдГ. Во всяком случае, никакой оппозиции уже не заметно. Но в действительности какие-то вожди существуют, связанные с Бумедьеном, с профсоюзными заправилками.

АП. Странно, что со стороны армии у него нет никаких осложнений.

ГдГ. Но они могут возникнуть. В таких странах все зависит от армии. Она или лояльна по отношению к вождю, или свергает его. Бен Белла популярен, это дает ему некоторую устойчивость. Но Алжир — вещь хрупкая».

При всем своем даре предвидения, Генерал не предполагал, до какой степени хрупкой является алжирская ситуация.

Суббота 19 июня 1965, 9 часов утра, в президентской автотоматрисе.

Мы находимся в поездке по департаменту Эр-э-Луар. Это последний визит в провинцию Генерала перед окончанием его семилетнего срока. Мы разговариваем — Кув, Фрей, Сентени* и я, — когда входит адъютант и сообщает, что этой ночью был свергнут Бен Белла, и армия захватила власть в Алжире. «Ну что ж, — флегматично говорит Кув, — сообщите об этом Генералу...».

Адъютант идет, возвращается и говорит Куву, что Генерал хочет его видеть. Через четверть часа он возвращается, и адъютант теперь приглашает меня.

ГдГ. «Журналисты будут осаждать вас вопросами. Не надо строить предположений. Нас это не касается.

* Жан Сентени стоял во главе министерства бывших бойцов.

АП. Все-таки это тяжелый удар?

ГдГ. Почему? Это не государственный переворот, направленный против Франции. Это заговор с целью скинуть одного типа и посадить на его место другого. Никто не может нас упрекнуть в том, что мы мешаем Алжиру устраивать эксперименты по собственному желанию. Это снимает с нас любые подозрения в глазах всех алжирцев.

АП. Общественное мнение в Алжире будет обеспокоено?

ГдГ. В Алжире нет общественного мнения. Это стадо бедолаг, которых можно вести, пользуясь их фанатизмом. Они восстали против нас из чувства собственного достоинства, потому что мы слишком долго обращались с ними недостойно. После нашего разгрома 40-ого года и последующей эволюции мира, они не захотели больше переносить то, что ранее представлялось им неотвратимым. Поэтому население, в своей массе, сочувствовало восстанию.

Их сотрудничество с Францией будет развиваться, лишь бы только мы продолжали уважать их достоинство. Они начинают понимать, что французский язык, французская культура — это для них способ войти в современную жизнь. Поэтому, с Бен Беллой или без него, наше сотрудничество продолжится».

Совет министров, 23 июня 1965.

[...]

ГдГ. «Власть в Алжире будет переходить из рук в руки. И, вероятно, так будет долго. Сплоченность, чувство единения, порожденные восстанием и борьбой за независимость, теперь исчезли. Осталась реальность: нищета, столкновения. Бен Белла прикрывал все это в течение какого-то времени, потому что он был ловок и пользовался престижем, который ему создали мы, в свое время бросив его в тюрьму; но тем самым мы изолировали его от интриг, которые плелись внутри FLN, в Каире и Тунисе.

Итак, теперь у власти Бумедьен и армия. Это не решит никаких проблем. Выгоды от сотрудничества с Францией, в конце концов, заявят о себе.

Алжир был хаосом, который сверху прикрывал Бен Белла. Теперь это хаос без прикрытия.

Во всей этой дворцовой революции нет и намека на анти-французскую направленность. Все кричат как можно громче о своем желании сотрудничать с Францией».

После заседания.

АП. «Вы не думаете, что этот переворот подстроен русскими или китайцами?»

ГдГ. На один момент у меня мелькнула такая мысль. Может быть, русские хотели помешать проведению в Алжире конференции, о которой Бен Белла заносчиво объявил, как о *второй конференции в Бандунге*. Но, в конце концов, я сомневаюсь, чтобы дело обстояло таким образом. Нет. Это была алжирская операция. Сведение местных счетов, как и в случае с Хрущевым в России: этот тип нам надоел, устроим заговор и скинем его».

Часть II

ФРАНЦИЯ И ЕВРОПА

1960–1967

1. «Нации нельзя перемешать, как шпоре из каштанов»

12 января 1960.

Рене Бруйе попросил меня зайти к нему в Елисейский дворец. «Мы озабочены все более активной кампанией, которую Европейское движение ведет против европейских идей Генерала».

Местоимение «мы» употребляется, чтобы не называть де Голля: таково предписание, которому следуют все его сотрудники. Но дальнейший разговор убеждает меня, что речь идет именно о нем.

«Он намерен, — продолжает Бруйе, — взять в свои руки инициативу в этом вопросе, и сделать это в течение ближайших месяцев. Но у нас ничего не получится, если нас обвинят в том, что мы делаем это в целях личного престижа. Поэтому Генерал хочет, чтобы была основана некая ассоциация в противовес Европейскому движению, которое принимает все более антиголлистскую направленность.

Мы подумали, что вы могли бы создать такое движение*, голлистское по духу, которое защищало бы тезис Европы наций в противовес идее наднациональной Европы. Это движение могло бы примкнуть к Панъевропейскому союзу Куденхов-Ка-

* В это время А. Пейрефит еще не был членом правительства.

лержи¹, о котором Генералу известно уже давно и представителей которого он принимал недавно. Президентом движения можно было бы назначить Луи Тернуара, которому, как министру информации, будет некогда этим заниматься, а вы стали бы генеральным секретарем. Помпиду можно было бы попросить стать казначеем*. Если вы согласны, я позвоню Генералу, и он вас примет без промедления».

Все уже приготовлено и перевязано розовой ленточкой. Ясно, что Генерал уже все одобрил. Стало быть, обсуждать нечего.

Жорж Помпиду, с которым я встречаюсь в его маленьком кабинете в стиле ампир, в банке Ротшильда, берется обеспечить скромную денежную помощь, необходимую для того, чтобы издавать ежемесячный бюллетень и организовывать собрания. «Я в этом деле уже поднаторел, — весело говорит он мне. — Я был главным спонсором RPF на закате этого движения. Надеюсь, что на этот раз дела пойдут лучше и стоить будет не так дорого».

27 января 1960 года, следуя той же процедуре, что и в первый раз**, через кабинет Рене Бруйе я вхожу к Генералу.

«Видите ли... — говорит он мне с печалью в голосе (он уже не называет меня «Господин депутат»; я перешел в другой круг общения, стал одним из тех достаточно близких посетителей, которых уже не именуют по занимаемой должности, но еще и не называют по имени). — Видите ли, настоящих европейцев немного. Я иногда спрашиваю себя: может быть, я один такой? Зато много людей, стремящихся занять места и получать выгоды.

Есть Лунс², который хочет, чтобы объединенная Европа стала троянским конем англосаксов. Есть Спаак³, который старается сдерживать центробежные силы в Бельгии, окружив ее европейским бункером. Есть Аденауэр, который предпочел бы избежать объединения Германии и поэтому хочет включить ее западную часть в Западную Европу, откладывая соглашение с Восточной Германией до греческих календ. Для двух последних

* Помпиду в то время был одним из директоров банка Ротшильда.

** См. Часть I. Алжирская проблема, гл.1.

деятелей это было бы очень удобно: представляете себе, они избежали бы распада Бельгии и объединения Германии. Есть Пфлимлен, который хочет, чтобы европейские организации заседали в Страсбурге, а не в Париже, что было бы удобнее для всех. Все они желают объединения Европы только для того, чтобы устроить свои делишки. Я же хочу объединения Европы, чтобы она была европейской, то есть не американской.

АП. У вас всегда была определенная идея о том, *что такое Франция*; у вас есть такая же идея относительно Европы?

ГдГ. Мне не нужно было дожидаться, чтобы ясновидящие из Гааги⁴ вдруг открыли, что существует Европа, и что она может и должна самоорганизоваться. Возьмите мои выступления до, во время и после войны — и вы увидите, что я всегда выступал за объединение Европы. Я хочу сказать — за объединение европейских Государств. Почитайте, что я об этом пишу вот уже четверть века, — кстати, может быть, было бы неплохо собрать все эти тексты вместе. Я своих взглядов не изменил. Я желаю, чтобы единство Европы было реальным! То есть, чтобы это было единство наций — и Государств, которые одни только могут выступать от имени наций.

АП. Если вы не хотите интегрированной и наднациональной Европы, как вы себе практически представляете европейское единство?

ГдГ. Главные линии ясны, как день. О деталях мы поговорим в другой раз, когда у меня будет больше времени. Вот основное.

Первая мысль состоит в том, что Западная Европа должна самоорганизоваться, то есть государства сближаются между собой, от Амстердама до Сицилии, от Бреста до Берлина, создавая ядро притяжения для других стран, так чтобы составить противовес двум мастодонтам — Соединенным Штатам и России. До тех пор, пока наши страны останутся разъединенными, они будут представлять собой легкую добычу для русских, как три Куриация, преследуемые одним Горацием. Если только американцы нас не защитят. У нас, таким образом, есть выбор: стать русской колонией, или американским протекторатом. Европейские страны избрали второй вариант, и понятно, что для начала он предпочтительнее. Но так не может продолжаться

вечно. Поэтому настоятельно необходимо объединиться, чтобы избежать этой альтернативы. Надо начинать с тех пяти или шести стран, которые могут образовать твердое ядро⁵, но не закрывая при этом путь и другим: Испании, Португалии, Англии (если она сумеет отделиться от содружества и от Соединенных Штатов), когда-нибудь — Скандинавии, а затем, может быть, и Польше, и другим странам-сателлитам, когда железный занавес будет, наконец, поднят.

Вторая направляющая мысль: Европа объединится или не объединится в зависимости от того, сумеют ли примириться Франция и Германия. Это может быть осуществлено на уровне руководителей этих стран. Это еще не сделано фундаментально. Европейская конструкция возможна только в том случае, если ее краеугольным камнем станет согласие этих двух народов. Франция должна сделать первый шаг, потому что именно она в западной Европе пострадала больше всех.

АП. Нидерланды, Бельгия, Великобритания тоже пострадали...

ГдГ. Никакого сравнения! Франция пострадала больше других, потому что она единственная, чье законное правительство сотрудничало с врагом. Другие были оккупированы, терпели лишения и репрессии. Но ни в одной стране ее руководители не продавали душу. Взоры голландского, бельгийского и других народов были обращены к Лондону, где находились их правительства в изгнании, куда переместились их легитимность и их надежды. У них не было сомнений, по какому пути следовать. Они не были расколоты сверху донизу. Зло, которое сотворили руководители из Виши, состояло в том, что они попытались уверить французов, будто Франция выпутается посредством сотрудничества с немцами, будто она даже заинтересована в победе Германии.

Вот почему Франция пострадала больше других: ее предали, как не предавали ни один другой народ. Вот почему только она может протянуть руку прощения. Германия — великая страна, она восторжествовала, но потом была сломлена. Франция — великая страна, которая была сломлена, но потом приобщила себя к победе. Только я могу примирить Францию и Германию, потому что только я могу поднять Германию из ее упадка».

(«Великая страна!»). Я вспоминаю о том, что рассказал мне мой старший коллега по работе на Кэ д'Орсэ, Жан Лалуа, сопровождавший де Голля в качестве переводчика в конце 1944 года, во время его поездки в СССР. Советские власти отвезли его на место Сталинградской битвы. Генерал смотрел издали на еще не разобранные развалины. «Какой великий народ!» — проговорил он. Лалуа тут же перевел эти слова советскому сопровождению, которое живо выразило свое удовлетворение. Тогда генерал добавил: «Я имею в виду немцев»⁶.)

«Третья направляющая мысль: каждый народ не похож ни на один другой, он несравним и неприкосновенен. Он должен оставаться таким, каким его сделала история и культура, со своими воспоминаниями, верованиями, легендами, религией, волей творить свое будущее. Если вы хотите, чтобы нации объединились, не пытайтесь их перемешивать, как пюре из каштанов. Надо уважать их индивидуальность. Надо, чтобы они сближались, учились жить вместе, чтобы их законные руководители согласовывали свои действия, а со временем и смогли составить конфедерацию, то есть определить сферы совместных компетенций, сохраняя независимость во всем остальном. Только так можно создать Европу. Только так и не иначе.

Четвертая мысль. Европа рождается в тот день, когда ее народы, в самой своей глубине, решатся на ее создание. Для этого мало, чтобы некие парламентарии проголосовали за ратификацию. Нужен всенародный референдум, желательно — одновременно во всех заинтересованных странах».

Я погрузился в ранее опубликованные тексты Генерала (включая его речи и обращения времен RPF; их сегодня уже невозможно разыскать, но они собраны в брошюре под названием «Франция будет Францией», тираж которой тоже уже разошелся). Действительно, эти четыре основополагающие идеи проходят через все тексты, как переплетающиеся нити.

«Может быть, имело бы смысл собрать эти речи», — сказал мне Генерал. Нельзя ли под эгидой Панъевропейского союза подготовить такое издание и сделать это не хуже, чем в свое время сделало RPF?

Я поделился своей мыслью с Помпиду. «Отличная идея, — сказал он. — Наименее утомительный способ создать книгу — это составить антологию. Достаточно ножниц и баночки клея. Я в этом кое-что смыслю⁷. Надо обратиться к издательству *Plon*, у которого права на издание работ Генерала. Но сначала получите согласие в Елисейском дворце».

Я предложил идею Рене Бруйе, он передал ее Генералу и получил «добро». В течение нескольких недель я читал, отбирал, аннотировал⁸. Бурдель, президент *Plon*, был в восторге от проекта и заказал красивый макет. На обложке большими буквами:

ШАРЛЬ ДЕ ГОЛЛЬ
ЕВРОПА НАЦИЙ

На титульном листе мелким шрифтом:

*Тексты, отобранные и аннотированные
Аленом Пейрефитом,
Французский комитет за Панъевропейское единство.*

В целом получилась книга в триста страниц. Встретилась только одна трудность: в одном из текстов периода RPF содержался призыв к «мощной федерации свободных народов». Это понятие противоречило общей философии книги. Я обратился к Бруйе, чтобы он, показав Генералу макет книги и машинописный текст, спросил, хочет ли он оставить или убрать этот призыв. Бруйе мне перезванивает: «Генерал очень доволен вашей работой и просил меня выразить вам горячую благодарность. Его первая реакция — статью, содержащую пассаж о «федерации», в книгу не включать, поскольку ваш подбор текстов все равно не является исчерпывающим. Но он мне сказал, что еще подумает».

Трах-тарарах! Через два дня Рене Бруйе звонит мне и сообщает печальным голосом: «Генерал вернул мне ваш манускрипт вместе с запиской. Я вам ее прочту, поскольку существует указание, чтобы никакие рукописные материалы не выходили за пределы Елисейского дворца: «Я вынужден пересмотреть согласие, данное г. Пейрефиту. Публикации не будет».

— Апелляция невозможна?

— Никак! Он уж такой... Я даже не думаю, чтобы кто-то решился вновь задать ему вопрос. И я бы вам не советовал пытаться делать это самому.

— Вы знаете причину его отказа? Может быть, из-за пассажи о «федерации», который он не хочет ни убрать, ни опубликовать вновь?

— Не знаю, что произошло. Он казался очень довольным еще позавчера...

Вызвана ли эта перемена словом «*федерация*», не к месту употребленным, а затем сурово осужденным? Или же он внезапно почувствовал, что не следует давать повод одним считать, будто у него есть законченная и неизменная доктрина, а другим — ловить его на противоречиях? Не лучше ли — вообще не связывать себе руки...

2. «Мы не позволим превратить себя в вассалов!»

Новая внеочередная аудиенция. 13 июля Рене Бруйе просит меня зайти к нему. «Курсель и я сказали де Голлю, что вы знаете наизусть Римский договор, и не без причины⁹. Он приглашает вас для конфиденциальной беседы. В 1957 году вы сделали перед нашими коллегами на Кэ д'Орсэ доклад, в котором показали, что Римский договор в том виде, в каком он был подписан, позволяет сохранить правило единогласия и после переходного периода и, следовательно, оставить в неприкосновенности национальный суверенитет¹⁰. Генерал хотел бы расспросить вас о том, как избежать риска потери национальной независимости, к которой мог бы привести этот договор в случае, если мы не примем соответствующих мер».

После такого напутствия, Бруйе вводит меня в кабинет Генерала, который властным жестом указывает мне на кресло против себя (нет-нет, именно сюда).

ГдГ. «Итак, мне сказали, что вы специалист по китайской грамоте этих господ из Брюсселя.

АП (скромно). Не то, чтобы специалист. Я в течение двух лет участвовал в Брюсселе в разработке Римских договоров и порядка их применения».

Генерал, со своей стороны, еще раз предупреждает меня о конфиденциальном характере этой беседы, затем сразу переходит к тому, что его беспокоит:

«После отклонения Европейского оборонительного общества, вдохновители этой затеи стали избегать, как чумы, слов «наднациональный» и «федерализм». Они поняли, что ничего у них не выйдет, если они будут идти к своей цели открыто. Но своих намерений они не изменили. Они твердо решили создать, как они выражаются, Соединенные Штаты Европы с федеральным сверхправительством, образованным из нынешних комиссий. Это сверхправительство будет возвышаться над провинциальными правительствами, то есть над правительствами современных государств, которым будет предоставлено решение только второстепенных вопросов¹¹.

АП. Это система Монне. Она рассчитана на создание такой ситуации, из которой можно выйти, только увеличивая дозу наднационального. Каждая новая трудность еще немного подталкивает нас по пути, ведущему к федеральному государству, и лишает национальные правительства части их полномочий.

ГдГ. Нам такого не надо! Так не будет! Это было бы глупостью. Из двух договоров, подписанных в Риме, я не знаю, который опаснее. Договор о «Евратоме» не только бесполезен, но вреден. Я задаюсь вопросом, не надо ли его денонсировать. Затем, имеется Общий рынок. Это — таможенное объединение, которое может быть нам полезно, при условии осуществления Общего сельскохозяйственного рынка, о котором нет ни слова, и при условии некоторых других общих политических начинаний, тоже не упомянутых. Зато там имеются не приемлемые для нас претензии на так называемые «наднациональные вероятности». «Наднациональность» — это абсурд! Ничто не может быть выше наций, за исключением того, о чем совместно договариваются их государства. Претензии комиссаров из Брюсселя отдавать приказы государствам — это просто смешно! Смешно!

АП. Ваше желание — лишить силы ту дозу наднациональности, которая заключена в обоих текстах Римских договоров: о «Евратоме» и об Общем рынке? Но не будем забывать, что еще более сильная установка на наднациональность заключена в Парижском договоре 1952 года относительно организации Объединения угля и стали. Мне кажется, что не следует денонсировать все эти договоры, это вызвало бы огромный скандал. Я думаю, что поскольку мы еще не вступили в период, когда начинают действовать статьи о наднациональном, надо дать такое юридическое истолкование этих статей, которое исключило бы их применение и впредь.

ГдГ. Как вы намереваетесь это сделать?

АП. Применительно к «Евратому» это нетрудно. Поскольку из шести стран мы являемся единственной, обладающей мощным научным потенциалом в этой области, нам достаточно отказаться от создания в других странах подобной же техники и от предоставления им наших ученых и инженеров. Достаточно сослаться на наши собственные технические нужды. У «Евратома» не будет общих атомных установок, только те, которые согласимся построить мы.

ГдГ. Ну конечно! «Евратом» — это такая штуковина, в которой мы отдаем все и не получаем ничего. Просто невероятно, что французские правительства могли подписать, а парламентское большинство — одобрить нечто подобное.

АП. Зачем убивать «Евратом», если достаточно его не кормить. Он и сам умрет.

ГдГ (скептически). Вы так думаете? А если его денонсировать, так чтобы и речи о нем не было...

АП. О нем будут говорить еще меньше, господин Генерал, если его тихо усыпить. Что касается Общего рынка, то его действие предусмотрено в три этапа, по четыре года каждый, причем принцип единогласия сохраняет силу до конца второго периода. Это значит, что до 1 января 1967 года мы продолжаем пользоваться правом вето. Но главное, в конце второго этапа мы можем наложить вето на решение о переходе к третьему этапу, когда начнет действовать правило большинства голосов. И мы навсегда остались бы на втором этапе. Поэтому у нас будет возможность в конце второго этапа выставить, в качестве усло-

вия перехода к третьему этапу, сохранение за нами права вето во всех вопросах, которые мы сочтем существенными.

ГдГ. Нам надо быть начеку, чтобы не переступить черту. Гармонизировать практические интересы Шестерки, поддерживать ее экономическую солидарность по отношению к другим странам — это хорошо. Но не может быть и речи о том, чтобы из экономической области перейти к какой-то «интеграции», политической, дипломатической или военной. Это было бы нелепостью. Мы не позволим лишить нас наших прав. Мы не позволим превратить себя в вассалов! Франция на слияние не пойдет!

Всякие Монне и прочие Плевены думают, что Франция — малая страна; что она не в той весовой категории, чтобы играть мировую роль; и поэтому должна подчиняться другим. Фабр-Люс даже написал¹², что французы на протяжении двух последних веков показали свою неспособность управлять самими собой, а потому наднациональная интеграция позволит немцам научить нас организованности и дисциплине. Все это чудовищно! Чудовищно!

Я не исключаю позднее создания конфедерации — в завершение терпеливой работы по выявлению общей направленности в политике, дипломатии, безопасности; это может произойти только в конце длительного периода времени, когда шесть государств привыкнут жить вместе. Я собираюсь в скором времени сделать Аденауэру предложения в таком духе. Но то, о чем я говорю, сможет осуществиться только через договоренность законных правительств. А не в результате действий технократов-апатридов».

Уже провожая меня к дверям, Генерал с небрежным видом спрашивает: «Вы могли бы составить для меня записку о том, какими способами можно пригасить идею наднациональности? И, поскольку вы владеете пером, вы могли бы написать несколько статей, чтобы распространить идею межгосударственного сотрудничества, конфедеративной конструкции, европейского референдума. Ежемесячные бюллетени вашего панъевропейского комитета — вещь хорошая, но в газетах из него появляются лишь короткие выдержки. Надо бы дать материал в широкую прессу».

Париж, 15 октября 1960.

Одновременно выполняя два разных задания Генерала, я чувствовал, что голова у меня шла кругом. В течение последующих недель я написал лично для Генерала конфиденциальную записку, где прямо и жестко все вещи были названы своими именами, и, параллельно с ней, серию старательно смягченных статей для *Le Monde*.

Генерал никогда не говорил со мной о моей записке. И только Робер Жилле и Жак де Бомарше, помощник директора кабинета Кува де Мюрвиля, мимоходом сказали мне, что «ваш доклад был предметом внимательного изучения». Однако я мог заметить, что предложенные мной методы замораживания наднациональной власти использовались на практике в течение шести следующих лет, потому, вероятно, что они напрашивались сами собой. Это привело к компромиссу, достигнутому на переговорах в Люксембурге в январе 1966 года: право вето было сохранено при решении наиболее важных вопросов.

Что касается варианта «для публики», то он появился в виде четырех статей в *Le Monde*, начиная с 14 сентября 1960 года. Когда год спустя был обнародован так называемый «план Фуше», газета ставила себе в заслугу, что на ее страницах было дано его «предварительное изложение»¹³. На самом деле, и Кристиан Фуше, и я только озвучивали идеи Генерала.

Увы! В конце августа 1960-го, уезжая в командировку в Китай и Японию, я поручил моей секретарше отослать моим французским коллегам, входившим в либеральную фракцию Европейского парламента (а там, кроме нескольких голлистов, были Рене Плевен, Морис Фор, Жан Лежандр), текст статей, которые *Le Monde* собиралась опубликовать. По ошибке, секретарша послала им текст секретного доклада...

По возвращении я узнал, что моя записка вызвала большой переполох в лагере сторонников наднационального пути. Близкий к Европейской комиссии листок воспроизвел ее, надлежащим образом¹⁴.

Но худшее произошло два года спустя, 26 апреля 1962 года, когда Жорж Помпиду представлял Национальному собранию свое первое правительство. Один из не предусмотренных мной получателей злосчастного письма, депутат Жан Ле-

жандр, мэ́р Компьеня, убежденный федералист, стал обличать правительство перед всеми депутатами и присутствующей публикой: «Господин Премьер-министр, мы не знаем, каковы ваши взгляды... Зато нам известны взгляды нового Государственного секретаря по информации, нашего коллеги Алена Пейрефита, который два года тому назад любезно переслал нам, с приложением своей визитной карточки, секретную записку, объясняющую, каким образом можно «лишить силы возможности федерализма, содержащиеся в Римских договорах», и «усыпить» «Евратом». Так вот, эти идеи диаметрально противоположны нашим! Мы хотим усилить возможности федерализма, заключенные в Римских договорах! Мы хотим наднациональной Европы! Мы хотим Соединенных Штатов Европы! И мы будем сражаться с вами, если вы против!» (бурные аплодисменты на всех скамьях, кроме группы приунывших депутатов от UNR).

Жорж Помпиду не стал отвечать на эту филиппику. Он ограничился тем, что сказал мне добродушно, так как заметил, что я покраснел, как юноша: «Вы слишком много пишете».

3. «Зачем продолжать, если нет результатов?»

Елисейский дворец, среда 18 апреля 1960, 15 ч. 30 м.

Первое заседание первого Совета министров Жоржа Помпиду.

Генерал входит в зал Совета министров, где мы ожидаем его, стоя вокруг стола, каждый на месте, предписанном протоколом. Наши разговоры мгновенно смолкают. Он обходит стол, здороваясь с каждым за руку. Премьер-министр следует за ним, но от рукопожатий воздерживается¹⁵. Мимоходом Генерал говорит мне: «Вы имеете исключительное право вести записи во время заседания. Но делайте это выборочно. Достоинством гласности делайте только одну сотую».

Я буду ограничиваться лишь самым главным в речах моих коллег. Но выступления Генерала я записываю дословно.

[...]

Затем мы переходим к заслушиванию сообщений министров. Они касаются двух вопросов: Европы и Алжира.

Европа. Вчера министры иностранных дел Бельгии и Нидерландов Спаак и Лунс отвергли план Фуше¹⁶. Кув говорит об этом, прибегая к обтекаемым формулировкам: «Дискуссия о проекте договора, предусматривающего создание единства шести стран, входящих в Общий рынок, не привела к положительным результатам».

Затем он уточняет: «Конференция в Париже уже собиралась закончить переговоры. Но некоторые трудности оставались. Наши партнеры настаивали на том, чтобы в тексте была ссылка на Атлантический пакт. Мы не были к этому расположены (еще одно смягчающее выражение; на самом деле, Генерал был категорически против).

Включать ли в обсуждаемый текст экономические разделы? Наши партнеры считали, что это означало бы сделать недействительными Римские договоры. Упомянуть ли о выборах на основе всеобщего голосования Европейской парламентской ассамблеи? Заменять ли принцип единогласия принципом большинства? Старые разногласия относительно наднациональной интеграции разгорелись с новой силой.

В Лондоне Хит¹⁷ недавно заявил, что для Великобритании наступило время присоединиться к европейской Шестерке. Бельгия и Голландия воспользовались этим, чтобы наложить вето на план Фуше. Я возражал: невозможно одновременно стремиться и к большей интеграции, и к вступлению Англии. Пришлось констатировать, что в данный момент дальнейшее продвижение переговорного процесса невозможно.

Единственные, кто радуются по этому поводу, это голландцы. Бельгийцы чувствуют неловкость. Англичане недовольны, или делают вид. Мы, со своей стороны, не преминем возложить на них вину за неудачу и воспользуемся этим, чтобы преградить им путь к вступлению. Немцы и итальянцы, которые были расположены к нашему плану, не скрывают своего разочарования. Когда дело дойдет до дела¹⁸, вопрос о вступлении англичан выйдет на первый план», — невозможно завершает Кув.

[...]

Генерал берет слово, и теперь вместо пастели перед нами офорт:

«Мы выдвинули предложение. Кроме нас этого не сделал никто. Мы хотим создать долговременные институты, установить периодические встречи высших руководителей, определить общую политику. Мы даже предусмотрели расширение компетенции Ассамблеи на все политические вопросы, которые будут затрагиваться на собраниях министров. Разве это не большой шаг вперед? Когда Лунс возражает, что эта формула не является достаточно наднациональной, что он хочет этим сказать? Три года назад мы смогли создать и привести в действие Общий рынок, а в январе прошлого года начали переговоры об общей сельскохозяйственной политике. И все это только потому, что этого захотели государства, прежде всего, наше государство».

Генерал делает паузу и продолжает: «Мы не можем заставить Спаака и Лунса присоединиться к Союзу государств. Впрочем, какие государства они представляют? И если эти два министра создают столько препятствий при разработке соглашения, то сколько же они их нагородят при его проведении в жизнь?»

У меня впечатление, что Бельгия и Голландия боятся создания Европы, хотя и делают вид, будто это их самое дорогое желание. Они чувствуют себя маленькими перед лицом более крупных стран. Они надеются, что, если англичане присоединятся к компании, то интересы крупных государств приведут к таким антагонизмам, что малые страны смогут на них играть. Два требования бельгийцев и голландцев: «нам нужна Англия» и «нам нужно наднациональное устройство» — неизбежно и неотвратимо противоречат одно другому.

Должны ли мы ожидать англичан, чтобы двинуться дальше? Нет, опыт показывает, что англичане присоединяются только тогда, когда дело начинается без них. Европа шести стран расшатывается из-за английской кандидатуры и из-за того, что американцы готовы вмешаться.

Общий рынок существует. И будет существовать. Мы за его поддержку. Но возникает законный вопрос: долго ли он существует, если не будет выработана общая политика? Во что

превратится общий рынок, если его не увенчает политический союз как логическое завершение?

Пфлимлен. Господин Президент Республики¹⁹, вы встречались с Аденауэром в Бадене, затем с Фанфани в Турине. Можно ли узнать, какие трудности возникают со стороны немцев и итальянцев?

ГдГ. Немцы почти полностью согласны с нашей точкой зрения. Они не стремятся к выборам Ассамблеи путем всеобщего голосования. Итальянцы хотят, чтобы было побольше членов Европарламента — так они смогут пристроить большее количество своих клиентов.

Конечно, можно расширить компетенцию этого Парламента, или так называемого Парламента. Ну а что будет находиться перед ним? Европейское правительство? Или национальные правительства? Возникнет полная разбалансировка. Кто будет разрабатывать законы? Чудеса какие-то!

Создавать Европейский парламент — это искусственный замысел. Важно создать привычки. Надо выработать совместную политику. На сегодняшний день она не существует. Никто не верит, что Шестерка может и хочет иметь общую политику. Проходят конференции НАТО, ОЗЕ²⁰, ООН. А есть ли у них общая политика? Сомнительно. Зачем продолжать, если нет никаких результатов? Собираться, чтобы зафиксировать, что общей политики нет? Зачем это надо?

Помпиду. Трудности, с которыми встречается Шестерка, являются не чем иным, как следствием успехов Общего рынка. Принадлежащие к нему страны развиваются быстрее, чем те, что остались за его пределами. Англичане и американцы желали бы или нас нагнать, или нас притормозить. Следует предвидеть совместную атаку англосаксов, которую нам придется отражать. Бельгийцы и голландцы также могут решить, что в их интересах принять в ней участие».

До этого высказывания Помпиду не произнес ни слова. Он молча курил сигарету за сигаретой, как будто сидел на заседании какого-нибудь административного совета, не стоящего того, чтобы принимать в нем участие. И вдруг в нужный момент он роняет несколько сильных фраз. Нельзя сказать, что он противоречит Генералу, но его слова содержат тонкое предостере-

жение против пессимизма, в который Генерал (так мне сказал сегодня утром сам Помпиду) «склонен впадать каждый раз, когда у него на пути возникает неожиданное препятствие». Я решаю обязательно упомянуть на моей пресс-конференции об этом кратком выступлении, хотя бы для того, чтобы показать, что у премьер-министра есть позиция, — в противоположность тому, что пишут о нем газеты с момента его назначения.

Генерал показывает, что реплика услышана. Он замолкает на несколько долгих секунд. Как бы я хотел знать, о чем он думает! Что его премьер-министр дал ему урок сдержанности выражений? Что эта дерзость, как бы мала она ни была, является дурным предзнаменованием для их будущих отношений? Или, напротив, что он не ошибся в выборе премьер-министра, который с первого же совещания показал, что он соответствует своему высокому положению? Как бы то ни было, но Генерал медленно продолжает:

«Общий рынок стал возможен благодаря подъему Франции в 1958 году. Так мы положили начало промышленному Общему рынку. Что же касается аграрного Общего рынка, то он возникнет, только если мы на этом настаиваем. По всем линиям этот Римский договор действует только благодаря нам. Поэтому у нас не должно быть никаких комплексов!

Когда Общий рынок еще не был создан, Великобритания уже относилась к нему враждебно. Она грозила начать войну тарифов. Макмиллан так мне и заявил: «Мы не признаем объединения европейских континентальных держав, и в прошлом никогда не признавали!»

Я ему ответил: «Вот увидите, вы сами будете в него проиться!». Так оно и произошло. Зачем? Чтобы включиться в игру? Или чтобы ей помешать? Ответ не ясен. Они хотят, чтобы вместе с ними мы приняли все их Содружество. Но это поменяло бы всю игру! Англии будет трудно приспособиться к континентальной политике. Английская позиция не совпадает с самой элементарной континентальной политикой».

Он действительно употребил слово *элементарный*. Для него политика формируется в соответствии с базовыми интересами наций: интересы шести континентальных стран можно гармонизировать, интересы Англии — нет.

«Индустриальный Общий рынок, — продолжает Генерал, — дал великолепные результаты. Он дал толчок модернизации нашей страны. Может быть, так будет и с сельским хозяйством. Общий рынок разрушает нашу косность, и нам это на пользу. Но по мере того, как вырисовываются его успехи, у остальной части Запада возникает желание присоединиться к нам. Сначала — Великобритания. А затем наступит очередь Соединенных Штатов, которые уже поднимают вопрос о создании атлантического экономического сообщества. Это будет зона свободной торговли западного мира, но это уже не будет европейский Общий рынок. Многие немцы настроены предпочесть всеобщую свободную торговлю Общему рынку Шести стран.

Мы уже сделали все, что могли, для успеха Общего рынка и будем продолжать делать. Но только при условии, что у нас будет устойчивая экономика.

Жискара. Нелепо желание ввести Британское Содружество, Турцию или Израиль в Общий рынок, хотя эти страны уже возникли на горизонте. Нам пришлось бы растратить на это всю энергию и потерять все преимущества, которые дает нам участие в Экономическом сообществе шести стран. Но есть необходимость разработать доктрину об ассоциированных отношениях со странами, которые хотели бы приблизиться к Общему рынку, но не решаются в него вступить. Все дело в скорости. Англия созреет для вступления через год. Американского вступления или контрвступления²¹ можно ожидать через два года. В промежутке шести странам необходимо сделать первый шаг, чтобы утвердить их совместную идентичность.

ГдГ. Первым шагом является Союз государств, который только что был отвергнут. Надо учитывать личную позицию Спаака. После НАТО, где он не получил удовлетворения, он хотел бы стать представителем Шестерки на переговорах с Англией. Он раздосадован.

Кув (с выражением человека, не говорящего всего, что знает). У Спаака будут трудности у него дома.

Пизани (патетически). Не будем примиряться с тем, что произошло вчера! Во-первых, потому что аграрный Общий рынок пока не существует, и будет существовать, только если наши партнеры на это согласятся. Во-вторых, потому что нельзя

соглашаться на преобладание экономики над политикой: в переговорах политические аргументы всегда имеют больший вес. Наконец, наша молодежь привыкла смотреть за пределы наших географических границ. После войны в Алжире и деколонизации горизонт Европы стал подвижным.

Пфлимлен (спешит оказать ему поддержку, четко «включивая» каждую фразу). Было бы опасно смиряться с поражением или просто оставаться в неподвижности. Не надо питать иллюзий по поводу успехов Общего рынка. Им способствовала конъюнктура. Трудности появятся, когда начнется депрессия. В случае кризиса, национальные рефлексы будут действовать против объединения. Чтобы реализовать Римский договор, необходима воля. Рынка не достаточно! Нужна общая политика! Однако между такой перспективой углубления и тенденцией к географическому расширению имеется противоречие! Надо, чтобы в центре существовало ядро, все более и более мощное. Поэтому не надо терять мужества.

ГдГ. И все же, то, что произошло вчера, не очень обнадеживает. Отказ малых стран; нерешительность больших, так и не заявивших с достаточной силой о своей решимости преодолеть препятствия... Мы сожалеем о таком состоянии умов. Но мы не опускаем рук. Если вновь представятся возможности, нам следует ими воспользоваться.

А пока, конечно, не следует сожалеть, что наш проект не был одобрен вчера. В нынешних обстоятельствах, умы еще не созрели, чтобы его принять. За декларациями европейской веры было слишком много задних мыслей. Под открыто провозглашаемыми позициями и под скрытыми интересами лежит главная проблема. Хотим мы или нет, чтобы Европа стала европейской? Хотим мы или нет, чтобы она подчинилась Соединенным Штатам? Хотим мы или нет, чтобы Общий рынок был дополнен политической организацией, без которой экономическая конструкция, в конце концов, развалится? Хотим мы или нет, чтобы руководители стран или правительств собрались и вместе приняли решения, которые только они полномочны принять? Несмотря на возникшие препятствия, мы исполнены решимости довести до конца наши предложения. Они по-прежнему обращены ко всем партнерам Франции среди европейской Шестерки».

О плане Фуше Генерал будет еще не раз говорить в моем присутствии, хотя в его публичных выступлениях он будет упоминаться все реже²². Каждый раз, когда перед лицом важной международной проблемы — будь то Кубинский кризис, организация Атлантического союза, создание американских односторонних ядерных сил или разрядка между Востоком и Западом — между членами Шестерки начинался разброд, Генерал с сожалением вздыхал: «Если бы союз шести государств не был отвергнут бельгийцами и голландцами, какая бы сила сейчас была в Европе! Как жалко... Как глупо...»

Елисейский дворец, 18 апреля 1962, после заседания Совета министров, 17 ч. 30 м.

[...]

Генерал проходит впереди меня в свой кабинет и садится за письменный стол; мне он предлагает кресло уже после того, как сел сам. До сих пор происходило наоборот: прежде, чем сесть, он ждал, когда сяду я; прежде, чем пройти в дверь, он делал вид, будто собирается пропустить меня вперед. Ясно, что из статуса собеседника, перед которым он демонстрировал любезность в стиле «старая Франция», я перешел в статус сотрудника, по отношению к которому он обладает иерархическим старшинством.

[...]

Он возвращается к некоторым пунктам, затронутым во время заседания:

«О том, чтобы упоминать НАТО в Европейском договоре, не может быть и речи! Как могут европейцы быть настолько мало европейцами, чтобы, заключая договор между собой, обязательно призывать американцев? У них нет чувства достоинства Европы! Договор о Союзе является постоянным и окончательным обязательством, принимаемым шестью государствами, в то время как НАТО — организация, которая возникла в силу обстоятельств, в результате советской угрозы, и которой предстоит прекратить свое существование, когда эта угроза исчезнет».

Мимоходом он предсказал конец противостояния Восток — Запад, которое мы уже привыкли рассматривать как не-

что вечное. Он так естественно устремлен в далекое будущее, что наше настоящее — для него прошлое.

«Почему, как вы думаете, — продолжает он, — бельгийцы и голландцы, но также и итальянцы, требуют наднационального устройства и одновременно — вступления Англии? Ну конечно, потому что они отлично понимают, что это невозможно! Они надеются, что три большие страны будут долго препираться, а малые страны тем временем протолкаются вперед и за столбят свои интересы. Так же было и при Четвертой Республике: большие партии ссорились, а малые пользовались этим, чтобы играть роль, не пропорциональную их реальному представительству.

Макмиллан говорил мне в 1958 году: «Чтобы помешать объединению европейцев, мы воевали с вами двадцать три года во времена вашей Революции и вашей Империи». Для англичан Общий рынок — это что-то вроде континентальной блокады! Ха-ха! (Он позволил себе рассмеяться.) В 1958-м я им помешал придушить Общий рынок, спрятав его внутри обширной зоны свободной торговли. Теперь они пытаются взорвать его изнутри с помощью голландцев и бельгийцев. Если это у них не получится, они сами войдут в Общий рынок, чтобы его парализовать. Не беспокойтесь, они умеют действовать последовательно. Но мы тоже умеем. И теперь у нас для этого есть возможности».

[...]

По мере того, как я говорю*, у меня создается впечатление, что Генерал не остался равнодушен к моим словам и к почтительно-решительному тону, каким они были произнесены. Несколько секунд он смотрит в потолок, потом роняет полуворчливо, полушутливо: «Так о чем же вы хотели бы узнать?».

Неужели я выиграл? Я перевожу дух и — рисковать, так рисковать — говорю: «Сегодня я хотел бы знать, о чем вы будете говорить во время вашей пресс-конференции на следующей неделе».

Я чувствую немислимую дерзость этой фразы, которую, однако же, я приготовил заранее. Обычно, во избежание преж-

* А. Пейрефит пытается убедить де Голля, что для успешной работы с журналистами порт-пароль должен быть хотя бы отчасти посвящен в планы своего шефа.

девременной огласки, секрет соблюдается строжайшим образом, и только накануне, а то и в самое утро пресс-конференции, пресс-атташе Елисейского дворца вручает нескольким журналистам записочки с подготовленными для каждого из них вопросами. И все в журналистских кругах знают, что ответы пишутся заранее и выучиваются наизусть, а затем произносятся перед присутствующими. Так что это уже не столько пресс-конференция, сколько лекция для прессы. [...]

Я излагаю Генералу мой план: почему бы заранее не сообщать темы пресс-конференции, чтобы подготовить общественное мнение? Хотя такой маневр противоречит одному из основных принципов — застичь врасплох, — он позволит смягчить реакцию на слова Генерала, которая зачастую бывает слишком резкой.

К моему удивлению и удовлетворению, Генерал отвечает мне даже подробнее, чем я ожидал: «Ну что ж, раз вы так хотите... Я буду говорить о проекте политической организации стран Шестерки, который Спаак и Лунс недавно отвергли. Я объясню позицию Франции. Попытка создать «наднациональную Европу» без наций или даже вопреки нациям — это абсурд! Единственная международная реальность, которая обладает прочностью в нашем веке и, вероятно, сохранит ее и в будущем, — это нации. Единственная инстанция, полномочная представлять нацию, — это ее Государство. Единственная международная организация, способная осуществлять законную власть, — это становящийся все более тесным союз Государств. А затем я буду говорить о ядерном оружии, о НАТО, об Алжире, об Африке.

АП. Если вас спросят, что вы думаете относительно доступа Германии к атомному оружию, что вы ответите?

ГдГ. Я не намерен это поощрять».

Итак, начало было положено. В дальнейшем Генерал всегда приоткрывал передо мной завесу над своими предстоящими пресс-конференциями, телевыступлениями, выступлениями в провинции, за рубежом и на встречах с иностранными гостями; даже сообщал, в сжатой форме, о готовящихся переговорах с главами государств и правительств. Постепенно он становился все менее скрытным. Он проверял, таким образом, некоторые формулировки, в которых еще не был уве-

рен. Он изучал мои реакции, но особенно — реакции, возникшие в прессе в ответ на мои «неосторожные» высказывания, которые я позволял себе только с его разрешения. Они играли роль «пробных шаров» и помогали Генералу уточнить его текст так, чтобы избежать слишком сильного шквала. Таким образом, он использовал для достижения своих политических целей своего порт-пароля, через него — журналистов, а через них — публику.

Однако ближайшая пресс-конференция, состоявшаяся 15 мая (первая, на которой я был уполномочен присутствовать), никак не могла служить подтверждением правильности избранного метода...

4. «Наши ряды поределели и очистились»

Елисейский дворец, Праздничная зала, вторник, 15 мая 1962, 15 ч.

Прощаясь со мной в прошлый четверг, Генерал сказал мне с юмором: «На следующей неделе вы будете отдыхать: порт-пароль мне будет не нужен — я сам понесу свои слова»*.

За четверть часа до начала публика уже сидит на своих местах напротив подиума, где стоит небольшой стол, покрытый зеленой ковровой скатертью, и стул. Восемьсот журналистов сидят в несколько рядов на позолоченных стульях, как из кафе-кондитерской. Справа от места на подиуме, которое предстоит занять президенту Республики, находится то, что журналисты называют «автобусом»: места для двадцати пяти членов правительства (по пять в ряду), садящихся лицом к Президенту; министры имеют привилегию сидеть на стульях в стиле ампир. Слева — президентская «свита»: Бюрен де Розье с техническими советниками из главного секретариата, Галишон и члены президентского кабинета. Наиболее близко к пустующему стулу располагается Жан Шово, уполномоченный по работе с прессой: его задача — подсказывать имена журналистов

Игра слов: «порт-пароль» — «несущий слово».

(близорукость не позволяет Генералу узнавать их в лицо, если они забудут назвать себя). Операторы и фотографы взгромоздились на специальный помост. Проектора уже включены и ослепляют публику.

Точно в назначенное время бархатные портьеры раздвигаются, все встают, де Голль выходит «на сцену», и начинается магическое представление, напоминающее сеанс гипноза или иллюзионизма. После любезного вступления, Генерал просит журналистов задавать вопросы. Он их сортирует, затем просит повторить в порядке затронутых тем: план Фуше и построение Европы; отношения Восток-Запад; Германия и статус Берлина; НАТО; Алжир и Северная Африка, Черная Африка. Никто не забыт и ничто не забыто.

Я сижу в трех рядах позади Пфлимлена и не вижу ничего, кроме его затылка. Он вскидывает голову, когда речь заходит о Страсбурге. Когда Генерал по поводу Европейской Ассамблеи цитирует стих из «Федры»: «Как говорят, *на чуждых берегах она, покинутая, угасает*», — Пфлимлен издает восклицание, которое мне не удастся расслышать, но которое должно выражать возмущение, что-то вроде: «Это невыносимо!». Его шея багровеет. Он любит Страсбургскую Ассамблею страстно, как женщину. Для него это важнее министерского поста. Я был свидетелем, как во время и после Римских переговоров он делал все, чтобы именно Страсбург стал местом, где заседает Европейский парламент.

Выходя из зала, я вижу его лицо, налитое кровью. Я смотрю на него вопросительно. «Эта пресс-конференция, — говорит он мне, — ставит очень серьезную политическую проблему». Он делает знак своим коллегам из MRP, и они все вместе быстро удаляются.

Пока толпа, не торопясь, расходится, ко мне подходят несколько журналистов. Пресыщенные французы разочарованы: «Он ничего не сказал, ничего острого, никакой информации, все это и так давно известно». Иностранцы, напротив, восхищены: «Какая свобода! Какое красноречие! Ни одной запинки! Говорил полтора часа без всяких записей! У нас на это никто не способен!».

Вечером в Галерее сражений Версальского дворца я председательствую на банкете для руководителей прессы. С боль-

шим удивлением я вижу Мориса Шумана, пришедшего в качестве простого приглашенного. Он извиняется, что не сможет остаться до конца и выслушать мою речь: «Пфлимлен очень плохо отнесся к сегодняшней пресс-конференции. Думаю, мне будет очень трудно не проявить солидарности с ним, если я хочу сохранить доверие в MRP. Так я смогу наилучшим образом помогать Генералу, действуя изнутри».

16 мая 1962, 9 ч. 30 м., зал заседания Совета министров.

В воздухе чувствуется что-то странное. Некоторых министров нет на месте: а именно, пятерых членов MRP²³. Ожидание затягивается.

Генерал пожимает нам руки со своим обычным невозмутимым видом. Но кровь слегка прилила к его щекам, они порозовели, чего я раньше никогда у него не видел, а позднее наблюдал в моменты серьезных неприятностей: в октябре 1962-го, когда его разочаровали результаты референдума; в марте 1963-го, во время забастовки горняков; в декабре 1965-го, после досрочных выборов; в мае 1968-го после ночи баррикад, а также позднее, после неудачи его телевизионного обращения. Он владеет мускулами своего лица, но не своим артериальным давлением, которое, видимо, повышается в моменты сильного волнения.

«Наши ряды поредели и очистились, — говорит он, едва успев сесть на свое место. (Долгое молчание.) — Решение пятерых наших коллег подать в отставку *поразило* меня. (Очевидно, он употребляет это слово в смысле, которое оно имело в XVII веке*.) Двоим из них, недавно к нам присоединившимся²⁴, были прекрасно известны идеи Президента Республики относительно европейского единства: я излагал их на Совете министров на следующий день после неудачи Парижской конференции. Что касается отставки трех остальных, то она удивляет меня еще больше: они много раз могли слышать за этим столом, как я развивал свои мысли. В течение трех лет это их полностью устраивало. При всей привычке к неожиданностям политической жизни, этому нельзя не поражаться.

* В смысле «возмущение», «неприятие».

Эта отставка — факт неприятный в тех тревожных обстоятельствах, которые переживает страна. В европейском вопросе изменений не произошло. Но в связи с окончанием алжирских дел нам предстоят тяжелые недели. Может быть, в этом-то и причина. Во всяком случае, не следует думать, что подобное событие должно или хотя бы способно нарушить нормальное течение государственных дел. Мы будем продолжать. Инцидент будет закрыт уже сегодня, портфели, которые были... *оставлены*, будут переданы в другие руки». (Он отчеканивает слово *оставлены*, так что становится ясно, что он употребляет его в военном значении: *оставить* позиции.)

[...]

После заседания.

...Я следую за Генералом в его кабинет. Лицо де Голля покраснело еще сильнее.

ГдГ. «Все-таки это невероятно: такая измена! Я повторил, ничего не меняя, свою постоянную позицию. Возможна только Европа наций. Нелепо отдавать наднациональную власть органам какой-то комиссии, состоящей из функционеров-апатридов. Надо наделять растущими полномочиями совет глав государств и правительств, а также совещания министров в рамках их компетенции. Комиссия должна выступать только в качестве секретариата таких совещаний. Именно это и предусматривал план Фуше. Жаль, что его отвергли. Придет время, когда оценят его смелость. Тем хуже для тех, кто называет себя «европейцами»! Европа упустила благоприятный случай.

АП. Я думаю, Пфлимлену было особенно неприятно то, как вы процитировали Расина, говоря о Страсбурге. Он, наверное, принял это за оскорбление.

ГдГ. Он не принял бы это за оскорбление, если бы хотел остаться в правительстве. Но он воспользовался предложением, чтобы уйти, так как знает, что предстоят тяжелые времена, и не хочет себя компрометировать. Мы преодолеем этот кризис и все остальные тоже, так как мы избрали единственно возможный путь, чтобы Франция вновь стала Францией».

К счастью, наш договор, достигнутый на прошлой неделе, остается в силе: я могу задавать вопросы, и он мне отвечает. Я взял на себя обязательство соблюдать сдержанность: умалчивать

о том, о чем следует умолчать, и отцеживать по каплям именно ту информацию, какую нужно. Он молча согласился облегчать мне такую задачу. Больше мы к этому вопросу не возвращались.

Вставая, он говорит мне: «Когда вы встретитесь с журналистской сворой, ведите себя свободно. Говорите об этом происшествии, как о деле незначительном. Через восемь дней все о нем забудут». Протягивая мне руку, он стремится передать мне свое спокойствие: видимо, он опасается, чтобы я не начал нервничать.

В большом зале для прессы министерства внутренних дел журналистов в два раза больше, чем было после последних заседаний Совета министров. Они буквально забрасывают меня вопросами. Наконец-то случилось событие! Наконец-то произошел кризис, ну прямо как при Четвертой Республике!

Помпиду обычно избегает давать мне указания, которые могли бы разойтись с инструкциями Генерала. На этот раз он специально вызывает меня и говорит внушительно: «Я хотел преуменьшить значение этого дела перед Генералом, чтобы он вновь обрел спокойствие, которое ему так необходимо. Сегодня вечером он был очень раздражен телефонным звонком Пфлимлена, который изливал ему свое негодование. Я хотел предотвратить этот разговор, но мне не удалось. Генерал уязвлен больше, чем может показаться. Он чувствует себя, как Наполеон под Лейпцигом, когда саксонская армия изменила ему».

Он продолжает очень серьезно: «Генерал подвержен циклотимии. Не думайте, что верность ему состоит в том, чтобы поощрять его мгновенные порывы, перемены настроения, заскоки. Наоборот, надо ему противостоять, помогать ему вернуться к центральной точке синусоиды. Иначе он перессорит нас со всеми на свете. Не было ничего легче, чем избежать этого инцидента. Достаточно было убрать из текста слово “волапюк”¹²⁵.

АП. И особенно цитату из «Федры», которую Пфлимлен принял на свой счет.

Помпиду. Если бы кто-нибудь из нас — вы или я, Кув или Бюрен — прочли заранее текст, мы бы помогли Генералу избежать оплошности. Мы должны быть бархатной перчаткой на его железной руке. Именно так мы можем лучше всего ему послужить. А Дебре был перчаткой из щетины».

[...]

6. «Если бы я не протянул руку коммунистам...»

Во время поездки в Лимузен, с 17 по 20 мая 1962.

Генерал приглашает меня в свой вагон и расспрашивает о моих впечатлениях от завершающейся поездки в Лимузен. Я отвечаю коротко и тотчас задаю ему вопрос о коммунистах, которые чувствуют себя там, как дома.

ГдГ. «Во время войны Гренье приехал ко мне в Лондон и предложил объединиться*. Я долго взвешивал все «за» и «против». Я видел очень много негативных моментов. Я рисковал придать коммунистам новые силы, после того как они опозорились в 1939–1940 годах. Среди них были такие, кто солидаризировался с Москвой после германо-советского пакта; они были отвергнуты нацией, а парламент, избранный Народным фронтом, даже лишил их депутатских мандатов. Были и такие, кто отмежевался от Москвы, но затем начал заигрывать с Петеном. Были и такие, кто после заключения перемирия попросили у немцев разрешения возобновить издание *L'Humanite*...

Затем, я рисковал напугать умеренных, которых надо было привлечь к временному правительству, даже если ранее они поддерживали Петена. Надо было сделать так, чтобы Освобождение стало порывом к национальному объединению. Национальная правая могла отшатнуться, если бы я пошел на продиктованное обстоятельствами сближение с коммунистами. То, что приобреталось с одной стороны, терялось с другой.

Но выгоды были намного важнее! Мы получали возможность объединить Сопrotивление. Избежать того, чтобы соперничающие партизанские отряды стали драться между собой. Скоординировать усилия в момент Освобождения. Создавать органы власти на местах по мере продвижения союзных войск. Мы получали возможность поставить коммунистов на место, в случае если бы у них возникли поползновения к восстанию. Мы получали козырную карту в отношениях с амери-

* Речь идет об объединении двух ветвей движения Сопrotивления — коммунистической и голлистской.

канцами. Мы получали возможность удерживать равновесие между союзниками на Западе и на Востоке.

АП. А ваш конфликт с Жиро не подталкивал ли вас к тому, чтобы принять союз с коммунистами?

ГдГ. Ну нет, что за странная мысль! Гренье приехал в Лондон задолго до того, как я отправился в Алжир, где столкнулся с Жиро...»

Он продолжает, как бы для того, чтобы показать несостоятельность моей гипотезы:

«Речь шла о вещах, гораздо более значительных! Если бы я не протянул руку коммунистам, включая Тореза, — хотя он и заслуживал виселицы, — нам не удалось бы избежать формирования милиции, мы не смогли бы объединить участников Сопротивления внутри страны и за ее пределами. Если бы Торез не призвал трудящихся засучить рукава, мы не смогли бы так быстро поднять страну из руин. Поверьте, нам не о чем жалеть!

АП. Все-таки вы их называли сепаратистами!

ГдГ. Но это было уже после войны. Понимаете, настоящий коммунист признает две родины: Францию и Советский Союз. А когда их интересы противоречат друг другу, он даже склонен ставить вторую выше первой, как это сделал Торез, дезертировав из армии. Но с момента, когда Гитлер напал на Россию, раздвоение исчезло. И они дрались всерьез.

Они, вероятно, стали бы единственными участниками Сопротивления, если бы мы не опередили их: на год раньше мы создали подпольную голлистскую сеть. Итак, они заслужили, чтобы к ним была применена презумпция патриотизма.

АП. Жан Мулен помогал вам сдерживать напор коммунистов, или наоборот?

ГдГ (обрывает меня). Послушайте! Конечно, он сдерживал! Именно благодаря его репутации левого префекта, причем даже близкого к коммунистам, благодаря тому, что он был директором кабинета у Пьера Кота*, у них не было оснований отклонять его кандидатуру. Его миссия состояла в том, чтобы

* Пьер Кот (1895–1977) — близкий к компартии политический деятель, в 30-е годы член правительства Народного Фронта.

вновь интегрировать коммунистов в национальное единство. Никто не мог бы сделать это лучше, чем он. Он был прямой, как стрела. Какой-нибудь правый префект, вроде Балаэра, с этим не справился бы.

Именно благодаря Мулену, более чем кому-либо другому, удалось ввести коммунистов в организацию Сражающейся Франции и тем самым контролировать их. Без CNR²⁶ не было бы единого Сопротивления, были бы разрозненные сопротивления. В момент Освобождения не было бы единого народа, а был бы расколотый народ. Не удалось бы помешать коммунистам захватить отдельные части территории. Вспомните, что происходило в Югославии или в Греции. То же самое было бы и у нас. В том же Лимузене, да и не только в нем».

Проходит несколько мгновений молчания.

«Понимаете ли, — продолжает он, — надо всегда спрашивать себя: в чем состоит высший интерес Франции? Тогда сразу все становится на свои места. Война — не время для сомнений. Обстоятельства сложились так, что в Сопротивлении участвовало лишь небольшое меньшинство, поэтому Сопротивление не могло позволить себе роскошь разделиться. Задача первостепенной важности состояла в том, чтобы объединить Сопротивление внутри страны и Сражающуюся Францию — за пределами метрополии. Чтобы переход от оккупации к Освобождению Франция совершила как единое целое.

АП. Сколько, по вашей оценке, было участников Сопротивления?

ГдГ. Ох, не очень-то много. Если посчитать всех, кто сознательно действовал в рядах FFL, FFI²⁷, в подпольных сетях, всех бежавших и уклонявшихся от принудительных работ, то получится что-то около четырехсот тысяч, не считая, разумеется, невольных жертв. То есть, один из ста.

АП. Вы с самого начала верили в силу Сопротивления, или же полагали, что оно так и останется в зачатке?

ГдГ. Я понимал, что оно не организуется спонтанно и сразу, что на это потребуется время. Но всё более многочисленные участники сопротивления, прибывавшие в Лондон, такие, как Жан Мулен, почувствовали необходимость единства, обеспечить которое могла только Свободная Франция. Росла их ре-

шимость взять дело в свои руки. Движение приняло широкий размах, когда немцы оккупировали Южную зону, когда они стали мобилизовать молодых людей для охраны железнодорожных путей и мостов или для отправки на принудительные работы в Германию. Уклонявшиеся от мобилизации пополнили ряды подпольщиков.

Понимаете, французы такие разные, они вечно готовы ссориться между собой! Обязательно надо было найти для них общий знаменатель. И таким общим знаменателем могла стать только родина. Бойцы Сопротивления образовали ядро патриотов, вокруг которого предстояло собраться всем французам. Стоя под расстрелом, коммунисты пели «Марсельезу», как и остальные. Конечно, у нас были ошибки, как обычно. Но все-таки нам удалось не допустить восстания.

Первый шаг имеет особое значение. В поведении людей есть логика. Те, кто решил вступить на легкий путь перемирия, спускались по нему ступенька за ступенькой, даже если первоначально они не могли себе представить, что скатятся так низко. Тем, кто выбрал восхождение, оставалось только идти вверх.

АП. В своих «Военных мемуарах» вы сдержанно упоминаете о дне, когда вас охватило волнение при известии о героическом поведении участников Свободной Франции в Бир-Хакейме*. Были ли у вас другие моменты радости на протяжении этих ужасных лет?

ГдГ (медленно). Их было не много. Разочарований было гораздо больше.

АП. Вам случалось терять мужество?

ГдГ. Много раз мне хотелось все бросить.

АП. После Мерс-эль-Кебира?

ГдГ. Нет. Потому что на месте англичан я сделал бы то же самое. Французская эскадра, стоявшая на рейде Мерс-эль-Кебира, представляла для них огромную опасность. У них не было никаких гарантий, что немцы ее не захватят; она была доста-

* Населенный пункт в Ливии, где группировка французских войск под командованием генерала Кёнига в 1942 году в течение шестнадцати дней выдерживала осаду армии Роммеля и, в конце концов, вырвалась из окружения.

точно мощной, чтобы позволить немецким военно-морским силам осуществить высадку в Англии. Это был вопрос жизни и смерти. Впрочем, Черчилль предоставил эскадре выбор: сражаться против общего врага, дать себя разоружить в одном из английских портов или уплыть на Антильские острова. Во всем виноват этот дурак де Жансуль²⁸. Если он не хотел сражаться, он мог бы легко пересечь Атлантический океан и стать на якорь в Фор-де-Франс. А если он хотел перехитрить англичан, он мог им сказать: «Хорошо, я отплываю в Америку», а потом, выйдя в открытое море, делать все, что ему вздумается. Вместо этого, он дал себя раздавить, как крысу в ловушке.

Конечно, я выразил протест в связи с гибелью тысячи трехсот французов. Это было трагическое недоразумение. Но приходиться в отчаяние было не от чего. Напротив, это было яркое доказательство, что путь перемирия — это ужасный путь к гибели людей и растрате военных сил. И это в то время, когда разворачивалась война на море, и наш флот мог дать Союзникам абсолютное превосходство! Моряки своей гибелью доказали, какой ошибкой было заключение перемирия. Правда, большинство морских офицеров в то время продолжали верить, что настоящий враг — не Германия, а Англия.

АП. Но ведь Дакар²⁹ был для вас потрясением?

ГдГ. Когда я увидел, как французы стали хладнокровно стрелять по другим французам, которые шли к ним с белым флагом парламентаров, — это меня потрясло. Когда я увидел, как генерал-губернатор без колебаний расстрелял нашу эскадру, хотя ему совершенно ничего не грозило ни со стороны немцев, ни со стороны правительства Виши, а присоединившись к Свободной Франции, он мог бы вызвать цепную реакцию перехода на нашу сторону других армейских частей и тем ускорить ход событий, — вот тогда у меня было желание все бросить³⁰.

Но потом, по дороге в Дуала, мужество вернулось ко мне. Во-первых, высадка в Дакаре — это была идея Черчилля, она никогда меня не вдохновляла, казалась мне авантюрой. А англичане дали пройти через Гибралтар тулонской эскадре. Дакар — это был английский замысел, ими же и проваленный. Это не затрагивало Свободную Францию. Меня призывали Камерун, Габон, Конго. Они оказали мне доверие. Их я не мог покинуть.

АП. В то лето, в 1940 году, у вас были еще моменты, когда вам хотелось все бросить?

ГдГ. Да. Когда я увидел, что все деятели Третьей Республики ведут себя, как мокрые курицы. Эти бедолаги с «Массилии»³¹, которые позволили поймать себя за хвост... Среди них нашелся только один настоящий человек, Андре Филип, который в конце концов присоединился ко мне в Лондоне. Все высшие чиновники в колониях, кроме Катру, решили остаться в подчинении у правительства Виши: Ногес в Рабате, Пейрутон в Тунисе, Ле Бо в Алжире, Буассон в Дакаре, Коппе на Мадагаскаре — все! Все! Да и Катру тоже упустил благоприятную возможность: лучше было присоединить Индокитай к Свободной Франции, чем приезжать одному ко мне в Лондон. Однако, когда он, пятизвездный генерал, решил подчиниться мне, двухзвездному генералу, это была решающая поддержка. И он был верен от начала и до конца».

[...]

АП. «Вы полагаете, что коллаборационизм и богатство шли рука об руку?

ГдГ. Вы даже не знаете, насколько вы правы! Почему у Свободной Франции было так мало союзников? Потому что так много французов являются собственниками. Им надо было выбирать между их собственностью — домиком, садиком, лавочкой, мастерской, фермой, кучкой книг, кучкой государственных облигаций — и Францией. Они предпочли собственность. Кем были первые бойцы Свободной Франции? Это были славные ребята, вроде рыбаков с Сены: у них не было ничего, кроме лодки, которую они забирали с собой; вроде холостых парней, без семьи и хозяйства, им нечего было терять; вроде евреев, которые знали, что все равно потеряют все. Те, кому надо было выбирать между имуществом и душой Франции, — что ж, имущество делало выбор за них. Собственники являются собственностью своей собственности».

За десять лет общения с Генералом, я убедился, что — кроме нескольких случаев, которые он считал достойными смертной казни, — для всех людей, независимо от их способностей, у него был такой критерий: «В каком лагере они ока-

зались бы во время войны? На стороне собственников или на стороне Французской души?» Отсюда его снисходительность к коммунистам, притом, что он осуждал коммунизм, а коммунистическая партия была ему еще более отвратительна, чем другие партии. Отсюда же его суровость по отношению к «правым», «консерваторам», «денежным мешкам», даже если они поддерживали его своими голосами.

[...]

Опыт показал мне, что Генерал «провоцировал» своих собеседников гораздо реже, чем это принято думать, и делал это только тогда, когда хотел отточить свои аргументы за или против какой-либо идеи. Это было своего рода умственное упражнение. Кроме этого особого случая, его слова всегда казались мне искренними.

Он никогда не начинал рассказывать сам. Можно было счесть своей обязанностью уважать его сдержанность. Но если вы решались его расспрашивать, он не проявлял недовольства и охотно отвечал, лишь бы только момент был выбран правильно. И тогда он говорил без обиняков.

7. «Французы и немцы должны стать братьями»

Елисейский дворец, 24 мая 1962.

Второе заседание Совета министров после отставки членов MRP. [...]

ГдГ. «Соединенные Штаты понимают, что наша концепция Европы, базирующаяся на франко-германском согласии, может нанести ущерб американской гегемонии в западном мире, и реагируют на эту угрозу. Они оказывают давление на политические круги в Бонне, чтобы помешать Германии связать свою судьбу с нами. Они толкают Великобританию на присоединение к Общему рынку, рассчитывая таким образом усилить свое давление на страны Шестерки. Кроме того, им улыбается идея, что Великобритания будет вынуждена перестать оказывать предпочтение странам Британского содружества: тем самым будет устранена имперская система, к которой они отно-

сятся враждебно. Это, с их точки зрения, упростит всю ситуацию. Ничто не будет больше противостоять американской гегемонии.

То, что произошло после моей пресс-конференции, взбудоражило умы. Что касается Европы, то здесь все были осведомлены о наших идеях. В отношении НАТО я повторил то, что и так всем известно: это — просто американский протекторат.

Из всего этого ничего не вытекает. Но страсбургские болтуны с радостью всем этим занялись. Это — Европа бездельников. Сказанное нами противоречит их мифам и привычкам. Они не могут этого перенести».

После заседания Генерал говорит мне: «Вот увидите, в конце концов, мы осуществим план Фуше совместно с немцами. Тем хуже для бельгийцев и голландцев; тем хуже для итальянцев, которые слишком уж выкаблучиваются. Пусть научатся себя вести».

Золотой салон, 27 июня 1962.

ГдГ. «Постарайтесь убедить прессу, что визит Аденауэра на следующей неделе имеет огромное значение. Мы организовали его государственный визит так, как будто он Президент Республики. В прошлом году, чтобы не обижать немцев, мы впервые оказали такой прием президенту Любке. Но тогда это не имело особого смысла, поскольку в Германии президент — это, скорее, вывеска. Зато Аденауэр — это и есть Германия. Ради него мы устраиваем большой парад. В сентябре он оплатит нам тем же.

АП. Чего вы ожидаете от этого обмена визитами?

ГдГ (говорит медленно, как всегда, когда готовится сказать нечто важное). Я ожидаю от него освящения франко-немецкой дружбы. Мы торжественно скрепим примирение двух народов. Аденауэр вел себя очень достойно в период нацистского господства. Он был выдающимся мэром в Кёльне. Он твердо управляет Германией вот уже тринадцать лет. Никто лучше него не сможет ответить на мое рукопожатие. И нет никого, кто мог бы с большим правом, чем я, протянуть ему руку. Поскольку я был их самым несгибаемым противником во время войны, то именно от меня они ждут отпущения их военных преступле-

ний. Понимаете, Робер Шуман не очень подходил для того, чтобы облегчить их угрызения совести: ведь он был капитаном в немецкой армии во время первой мировой войны...

АП. Когда он приехал в Бонн, чтобы представить план, носящий его имя, немецкая пресса встретила его иронически: "*Heil, Herr Hauptmann!*"³².

ГдГ (смеется). Самое главное, чтобы оба народа изгнали из своих душ демонов прошлого, чтобы они поняли: отныне они должны стать едиными навсегда. Это должно быть делом не одних только политических деятелей, но делом самих народов. Французы и немцы должны почувствовать себя братьями. Пусть это станет для всех азбучной истиной. Французский обыватель все еще видит в немце наследственного врага. На самом деле, немцы стали нашими врагами только с 1870 года. С тех пор прошло всего три четверти века и разразилось всего три войны. Что это значит для германцев и галлов, у которых позади столько войн и столько веков?

Нашим самым главным наследственным врагом была не Германия, а Англия. Начиная со Столетней войны и вплоть до Фашоды, она не переставала бороться против нас. Да и после этого ей очень трудно не противопоставлять свои интересы — нашим. Посмотрите, как она вела себя в период между двумя войнами. Она нам помешала реагировать, когда немцы вновь заняли Рейнскую область. Она помешала нам противодействовать перевооружению Германии. Она бросила нас под Дюнкерком. Она с легким сердцем бомбила наш флот под Мерс-эль-Кебиром. Она предала нас в Сирии. Она систематически блокируется с Америкой. Она хочет помешать нам довести до конца Общий рынок. Она действительно была нашей союзницей во время двух войн, но желать нам добра ей не свойственно.

Что касается Германии, то здесь, наоборот, наши интересы совпадают, и чем дальше, тем больше. Она нуждается в нас, так же, как и мы в ней.

АП. Какой момент в ходе недельного визита Аденауэра будет самым важным?

ГдГ. Конечно, посещение Реймса в последний день визита. Реймс — это город-мученик, пострадавший во время первой мировой войны, а в конце второй — принявший капитуляцию

немецкой армии. В Мурмелоне впервые в истории состоится совместный парад французских и немецких войск, на той самой равнине, где происходила битва на Марне, спасшая Францию. Реймский собор был полностью разрушен немцами. Тот самый собор, в котором происходило коронование французских королей, в котором Жанна д'Арк возложила корону на голову этого несчастного Карла VII. Это места, где Хлодвиг принял крещение, где, можно сказать, была крещена Франция».

[...]

Реймс, 6 июля 1962, воскресенье.

Необыкновенный день.

В 8 ч. 30 м. самолет приземляется на воздушной базе под Реймсом. Де Голль — в форме бригадного генерала. Наш кортеж мчится к мурмелонскому военному лагерю. В Реймсе к нам присоединяется кортеж канцлера... Улицы пусты. Что это, запреты и угрозы коммунистической партии? Или собственный выбор населения, которое пострадало во время войны больше других и было вынуждено дважды поднимать свой город из руин? Во всяком случае, немногие горожане, которых мы видим, держат плакаты: «Да здравствует Германская демократическая республика!», «Нацистам не место во Франции!».

В Мурмелоне Генерал встречает Канцлера у ворот военного лагеря, над которыми развеваются флаги двух стран. Продолжительное рукопожатие. Равнина, поросшая чахлой травой, уже накалена жарким солнцем. Мы приветствуем группу немецких офицеров, в таких же фуражках с высоченными тульями и в таких же защитного цвета мундирах, в каких мы некогда видели оккупантов на улицах наших городов. Новая Германия все-таки могла бы поменять военную форму.

Де Голль и Аденауэр в открытой машине объезжают построившиеся войска. Потом они поднимаются на трибуну и наблюдают оттуда, как парадным маршем проходят французские и немецкие части³³. [...]

Столь же внушительно и смело выглядит торжественная месса, отслуженная для двух государственных руководителей в

Реймском соборе, сразу после окончания парада: был сделан перерыв всего на несколько минут, чтобы Генерал успел сменить военный мундир на черный костюм.

Архиепископ Реймский встречает двух почетных гостей у паперти собора, переполненного публикой... Монсеньер Марти обращается к гостям с грубоватым акцентом жителя Руэрга: «Собор города Реймса встречает вас улыбкой своего ангела, который, по воле Провидения, устоял после всех разрушений».

В службе участвуют два священника: один — бывший депортированный, другой — бывший узник концлагеря. Я смотрю на профили двух руководителей, сидящих рядом: они словно преобразились в торжественной обстановке, насыщенной памятью о былом, под этими сводами, восстановленными после военных разрушений вместе с витражами и грандиозным органом.

Аденауэр причащается. Де Голль нет: наверное, он считает, что как глава светского государства он не может публично совершать акт богопочитания. Аденауэр, чья страна придала религии официальный статус, не обязан быть столь щепетильным. Вместе они выходят из нефа, в то время как хор поет «Аллилуйю» Генделя.

В конце завтрака, который проходит в здании ратуши, де Голль произносит прощальную речь; он говорит так, как будто на протяжении всего визита Канцлера приветствовала восторженная толпа:

«Официальный визит, который Вы завершаете, — это большое событие и большой успех. [...] На улицах и площадях восторженные толпы устремлялись навстречу высокому гостю. Вы могли видеть, как вокруг вас поднимались волны радушия, идущие из глубины сердца французов и обращенные через Вас к Германии сегодняшнего и завтрашнего дня. [...] Очень важно, что столь единодушное народное одобрение было выражено по эту сторону Рейна. [...] Чувства людей нашей страны должны были проявиться, чтобы оказать Вам высочайшее уважение. Что и было впечатляюще продемонстрировано».*

* В данном случае сокращения в тексте сделаны самим А. Пейрефитом. Цитируя ранее опубликованные (и, тем самым, авторизованные) тексты де Голля, Пейрефит выделяет их курсивом.

Золотой салон, 11 июля 1962.

Я с улыбкой замечаю Генералу, что имеется несоответствие между описанной им восторженной встречей Аденауэра и пустыми улицами, по которым он проезжал.

«Я всегда действовал *“как будто”*, — отвечает он. — И часто, в конце концов, это *“как будто”* становилось реальностью».

Эту фразу я услышу от него не один раз.

8. «Германия станет единой»

Совет министров, 8 августа 1962.

ГдГ. «С политическим объединением Шестерки ничего не получается. Это дает возможность всяким взбудораженным элементам осыпать нас упреками. Но здесь, как и везде, мы не должны уступать в главном.

Спаак мне написал, еще до визита Аденауэра: «Откажемся от наднациональности. Перестанем ждать, когда Великобритания примет решение относительно Общего рынка. Но как найти компромисс между межправительственной системой, пользующейся вашим расположением, и принципом наднациональности, которому отдаем предпочтение мы? Не создать ли политическую комиссию из советников, так чтобы ее члены назначались не по одному от каждого правительства, а все вместе — по согласованию между всеми правительствами?».

Я принимаю к сведению, что Спаак отказывается от наднациональности и от того, чтобы дожидаться решения Великобритании. Комиссия советников представляется мне весьма искусственной. Все заранее знают, что это будут за советники. Они хотели бы мудрствовать и предлагать свои решения правительствам. Они стали бы считать себя ответственными за все, тогда как на самом деле они не отвечают ни за что и ни перед кем. Это не практично. (Генерал употребляет слово «практично» в смысле «осуществимо», «реально»).

Создать политическую комиссию из людей, делегированных правительствами, — это новый путь. Такая комиссия могла бы быть живой и эффективной, она обладала бы известной ус-

тойчивостью. У нее не было бы претензии командовать правилами, которые принимают на свои плечи весь груз ответственности перед Богом и людьми.

Кув. Отношения между членами Шестерки натянутые. Надо бы их разрядить.

Помпиду. Нам следовало бы убедить наших партнеров в правильности наших взглядов, которые в наибольшей степени соответствуют Римскому договору.

Кув. Мы продолжим переговоры. Если англичане захотят присоединиться, им придется, в конце концов, согласиться на наши условия.

Пизани (со стоном). С ними это будет уже не та комиссия и не то сообщество! Соглашение от 14 января, по которому мы с таким трудом вырвали у наших партнеров принципиальное согласие на аграрный Общий рынок, будет снова поставлено под вопрос!».

Совет министров, 22 августа 1962³⁴.

Палевски комментирует запуск двух советских спутников «Восток» и подчеркивает превосходство СССР в космической гонке...

[...]

После заседания.

Я спрашиваю у Генерала, что может сделать Франция в этом космическом соревновании.

ГдГ. «Мы уже не являемся страной-мастодонтом. Наши финансовые возможности не позволяют нам быть на уровне того, что делают две сверхдержавы. Нам надо объединиться с другими европейскими странами, и тогда мы сможем делать такие же мощные ракетносители, как американцы или русские. В одиночку мы не в состоянии ликвидировать наше отставание, но сообща Европа сможет это сделать. И поскольку мы являемся самой развитой страной Европы, мы должны занять доминирующее положение в этом секторе. Это могло бы оправдать тот вклад, который мы уже внесли».

Он переводит дыхание, как всегда, когда хочет сказать самое главное:

«Зачем вообще нужна объединенная Европа? Она нужна, чтобы не позволить господствовать над нами ни американцам,

ни русским. Вшестером мы будем обладать таким же весом, как каждая из сверхдержав. И если Франция сможет стать первой в Шестерке, а это нам по силам, то у нее в руках будет этот рычаг Архимеда. Она сможет увлечь за собой других. Европа — это средство для Франции стать тем, чем она перестала быть после Ватерлоо: первой в мире».

Елисейский дворец, 3 сентября 1962.

На заседании Совета министров. Накануне своего визита в Германию Генерал произносит горячую речь о франко-германском союзе, который должен заменить союз Шести. Он говорит с таким увлечением и, напротив, с таким презрением по отношению к Спааку и Лунсу, что Помпиду шепчет мне: «Генерал хочет наказать бельгийцев и голландцев. Ни в коем случае не упоминайте о них!»

Что и говорить, воображения и энергии де Голлю не занимать! Его инициатива с планом Фуше провалилась, потому что бельгийцы и голландцы не захотели не-наднациональной Европы, если в ней не будет участвовать Англия. Ну и что? Он контратакует, подготавливая тесное франко-германское сотрудничество, которое будет концентрированным выражением плана Фуше, а англичанам он собирается закрыть доступ в Общий рынок.

Министры из MRP подают в отставку, подвергая опасности парламентскую базу правительства? Генерал не тратит времени на то, чтобы их уговаривать. Его ответ: дать Президенту Республики несокрушимую опору на народный суверенитет* и, не дожидаясь всеобщих выборов, пресечь любые попытки вернуться к режиму парламентских комбинаций.

После заседания.

«Не нужно ловчить, — говорит Генерал, когда мы входим в Золотой салон, — нужно занимать ясную и наступательную позицию». Он может себе это позволить. Другие так не могут и вынуждены прибегать к ловкости. «Генерал, — шепнул мне Помпиду, — это нетипичный персонаж. То, что получает-

* Имеется в виду решение де Голля провести путем референдума закон об избрании Президента всеобщим голосованием.

ся у него, сорвалось бы у других. То, что получается у других, с ним приводит к неудаче».

Я спрашиваю Генерала о его визите в Германию, куда он отправляется завтра. Он говорит об этом почти с нежностью. Он хочет, чтобы это событие было соответствующим образом «преподнесено» в прессе и по телевидению. Он намерен произнести четырнадцать речей по-немецки. Поэтому RTF должно будет после первых слов убавлять звук и накладывать французский текст поверх немецкого. Он хочет быть уверенным, что это будет хорошо сделано. Он хочет, чтобы французская публика понимала, что он говорит по-немецки, и одновременно улавливала смысл его речи.

Он всегда заранее пишет свои публичные выступления и заучивает их наизусть, что требует немалого труда. На этот раз труд возрастает многократно. Как мне рассказал переводчик Мейер, сначала он переводил на немецкий язык речь, написанную Генералом по-французски. Затем Генерал несколько раз прочитывал при нем эту речь вслух, чтобы правильно расставить ударения. А затем несколько раз повторял речь уже без текста, чтобы заучить ее наизусть. При этом Генерал знает общий смысл каждой фразы, но не знает слов, и пользуется своей фонетической памятью. Такая работа требует колоссального напряжения даже от сверходаренного человека, а он выполнял ее в те две недели, которые непосредственно следовали за покушением в Пти-Кламаре... Для человека в возрасте семидесяти двух лет это просто невероятно!

[...]

По поводу состояния зависимости, в котором находятся оба немецких государства, Генерал говорит мне:

«Немцами всегда управляли другие. Раньше — пруссаки, вчера — австриец. Сегодня ими управляют американцы с одной стороны и русские — с другой».

По поводу разделения Германии:

«Разрыв между Восточной и Западной Германиями — вещь противоестественная. Слишком грубая. Противоречащая природе вещей. Здравый смысл не может с этим примириться. Семьи оказались разделенными, братья и сестры вдали друг от

друга живут, как на разных планетах. У значительной части немцев отрезали их детство, их привязанности.

Германия похожа на дерево, чей ствол разделился на две ветви; и вот теперь сам этот ствол хотят разрубить вдоль, чтобы каждая ветвь жила сама по себе. Так не может долго продолжаться. Каждая из частей страдает от отсутствия другой. Восточная часть страдает, конечно, больше. Наступит день, когда она восстанет.

Разумеется, эгоистический интерес Франции состоит в том, чтобы Германия оставалась разделенной как можно дольше. Но нельзя, чтобы так продолжалось вечно. Аденауэр думает, что это возможно, но он не прав. Будущее покажет. Природа вещей свое возьмет. Германия станет единой».

*Заседание Совета министров, 12 сентября 1962.**

[...]

ГдГ. «Самое главное, что меня поразило, — это немецкий народ. Он боится за свою жизнь. И знает, откуда грозит опасность. Он охвачен ужасом заранее. Проявление солидарности со стороны Франции, страны, которая сама живет в тревоге, их очень тронуло. Впервые после окончания войны немцы почувствовали, что к ним относятся как к народу, имеющему собственное значение и собственную жизнь. Это их перевернуло.

Этот народ обладает романтическим представлением, будто он существовал всегда. У него настоящий культ прошлого, включающий Карла Великого, Барбароссу и даже Наполеона. А будущее для него в тумане. Он не знает, что произойдет. Он не чувствует твердого руководства. Он живет при политических институтах, которые не очень ему подходят. Правительство расколото. Существует исключительная личность — Канцлер, о котором можно сказать, что он фигура переходная и временная. Немцы хотели бы, чтобы их система изменилась. То, что происходит во Франции, позволило им по достоинству оценить политический опыт, который они хотели бы повторить у себя. Мы им служим примером для подражания.

* После визита де Голля в ФРГ.

Нет никаких оснований думать, будто немцы готовы к авантюрам и несчастьям. Они расположены прислушаться к нам, если не к тому, чтобы за нами последовать.

В их политике нет уверенности. Одно они знают твердо: они не хотят быть снова завоеванными. Они хотят, чтобы была Европа, но чтобы внутри Европы между ними и нами существовали особые отношения. Поэтому состоялось нечто вроде *gentlemen's agreement** между канцлером и генералом де Голлем. Шрёдер и Штраус волей-неволей прикнули к нему.

Несомненно, между нашими странами надо развивать практическое сотрудничество. Налаживать между нашими дипломатическими ведомствами более тесный контакт в таких вопросах, как взаимоотношения Восток–Запад, Берлин, Общий рынок, отношения с Великобританией и так далее (он не сказал «вступление Великобритании»), отношения со слаборазвитыми странами — в Африке, в Южной Америке.

Что касается образования, то немцы хотели бы преимущественного преподавания двух языков — немецкого и французского, что очень помогло бы защите этих языков. У немцев существует огромное желание налаживать контакты между молодежью, различными молодежными движениями, между городами-побратимами. Мы выступим с соответствующими предложениями.

Он выдерживает паузу и добавляет торжественно:

«Невольно приходило в голову, что событие своей значительностью превосходит нас. Мы присутствовали при историческом повороте, от участия в котором мы не могли уклониться, который открывался нам с несомненной ясностью».

«События превосходят нас», — почти такие же слова прозвучали из его уст в парижской Ратуше 25 августа 1944 года**. «Бывают минуты, которые превосходят наши бедные жизни». В обоих случаях, при всей разнице масштабов, речь шла о событиях, к которым он стремился всеми силами. И когда наступали такие, им подготовленные и выкованные, минуты, они заслоняли для него его собственную «бедную жизнь».

* «Джентльменское соглашение».

** День освобождения Парижа от немецкой оккупации.

9. «Французы нуждаются в том, чтобы гордиться Францией»

«Я всегда создавал для себя *определенную идею Франции*». Ни одна фраза Генерала не пользовалась такой популярностью, как эта. И вдруг, читая «Тетради» Мориса Барреса, я с удивлением обнаружил, что эта формула родилась на свет на сорок четыре года раньше³⁵.

Префектура Лиможа, 20 мая 1962.

АП. «Почему Франция должна быть великой, чтобы быть собой?*

ГдГ. Потому что французы нуждаются в том, чтобы гордиться Францией. Иначе они прозябают в посредственности, ссорятся и направляются короткой дорогой в бистро.

АП. Но почему Франции, именно ей, так трудно стоять на ногах, жить в свое время, модернизироваться? Почему разумных доводов, достаточных для других, для нее не достаточно?

ГдГ. Если перед ней не ставить высоких целей, если у нее не будет чувства собственного достоинства и благородства, она упадет в своего рода летаргию. Вырвавшись из посредственности, она способна на многое».

Судьба бросила Генералу такой вызов, что он почувствовал себя преображенным. Он решил, в свою очередь, бросить Франции вызов, от которого она не сможет уклониться и который заставит ее подняться над собой.

Именно в этом пункте то, что заботило Генерала больше всего, пересекалось с тем, что меня особенно интересовало: особенность Франции, целостность национального феномена, искусство и способ действия, позволяющие преодолеть фатальные противоречия нашего общества.

Я часто задавал ему вопросы на эту тему. Он хотел, чтобы Франция шла в ногу со временем. Но почему она от него отстала? Как сделать, чтобы союз между ними восстано-

* Пейрефит цитирует фразу из произнесенной речи де Голля.

вился? Чтобы он стал длительным и плодотворным? К какому прогрессу стремился де Голль? Во имя какого общества, для каких людей?

Префектура Безансона, 17 июня 1962.

АП. «Франция будет существовать всегда?»

ГдГ. Возможно. Но не наверняка. Если она не будет обладать форматом великой державы, если у нее не будет великой политики, то она превратится в ничто. Посмотрите на Португалию. Некогда она обладала величием. Этот маленький народ завоевал Бразилию, побережье Африки, Индии, Китая. Папа отдал ему половину мира, а другую половину — Испании. Сегодня это бедная маленькая страна. Может ли наступить закат и для Франции? Или она поднимется вновь? Закончит ли она тем, что поглотит сама себя? Вот единственный вопрос. На протяжении тысячелетней истории Франция знала периоды подъема и упадка, ее народ показал миру свое величие — и свою способность забиваться в собственное логово. Все, что я делаю на протяжении четверти столетия, направлено на утверждение Франции во имя французов. В данный момент они следуют за мной. Я не уверен, что они всегда будут идти по этому пути, и не предпочтут вернуться в берлогу.

АП. Как этого избежать?

ГдГ. Надо верить в их силы и защищать их от их же слабостей. Они ведь не очень переменялись с тех пор, как Цезарь их описывал. Их сила — в их отваге, великодушии, бескорыстии, необузданности, любопытстве, изобретательности, а также в способности приспосабливаться к крайним ситуациям. Их слабость — в разделении на кланы, нетерпимости, приступах гнева, внутренних распрях, зависти к более удачливым соотечественникам.

АП. Один журналист как-то сказал, что вы любите Францию и ненавидите французов.

ГдГ. Правда состоит в том, что перед лицом величия Франции я часто вижу мелочность французов. Они погрязают в мелких склоках и врят свой жидкий бульончик.

АП. Но Францию все-таки создали французы... А Республику вы любите?

ГдГ. Я не люблю Республику ради Республики, но, поскольку французы ее поддерживают, поддерживаю и я. Они не представляют себе жизни иначе, как в Республике».

Я не исключаю, что Генерал, подобно своей матушке, «тоскует по монархии». Однако, поступая в армию, он сделал выбор: он будет вести себя как республиканец. Таким был общественный строй Франции. Он стал республиканцем из чувства чести, если и не по убеждениям. Во всяком случае, он верил в *народ*, как верил Мишле и как не верил ни один республиканец.
[...]

На Кэ д'Орсэ до сих пор рассказывают анекдоты о том, как де Голль утверждал свое величие. В 1945 году Рузвельт, возвращаясь из Ялты, предложил де Голлю встретиться в Алжире. Де Голль подготовил гордый ответ, что он, мол, «весьма рад узнать, что Президент готовится посетить один из французских портов», но что он сам «не сможет его там принять, так как не имел достаточно времени, чтобы приготовиться к встрече».

Прежде чем послание было отправлено, Жорж Бидо пришел уговаривать Генерала, чтобы он изменил свое решение и не вносил напряженность в отношения с нашими могущественными союзниками. Генерал молча выслушал своего министра иностранных дел, встал, проводил его до дверей и уже в дверях бросил ему с высоты своего роста: «Держитесь прямо, Бидо!»

Бидо был блестящим человеком, но от природы мал ростом и сутул. Он очень от этого страдал. Так де Голль наживал себе врагов и одновременно поддерживал в своем окружении гордость за Францию.

В американском отделе Министерства долгое время хранилась папка с документами, посвященными Клиппертону. Этот пустынный остров в Тихом океане вдали от мексиканского побережья привлек внимание Генерала, сидевшего в Лондоне без единой пяди французской земли и мечтавшего водрузить где-нибудь, на любой французской территории, флаг с лотарингским крестом. Известны его попытки в Дакаре, в Сен-Пьер-э-Микелон, в Сирии и на Мадагаскаре. Но никто не слышал о Клиппертоне. Однако Генерал послал туда сторожевой

корабль, чтобы утвердить на острове власть Свободной Франции. Что дальше? Высадившиеся моряки обнаруживают на толстом слое гуано следы американских джипов. Генерал посылает американскому правительству гневную ноту, протестуя против нарушения суверенитета французской территории.

Много лет спустя некоторые господа на Кэ д'Орсэ продолжали посмеиваться над этой историей. А ведь она была всего лишь крайним выражением национальной независимости, понимаемой в планетарном масштабе. Разве не таким же планетарным видением определялось и провозглашение де Голлем Свободной Франции 18 июня 1940 года — в противовес французским руководителям, которые запросили перемирия, полагая, что война ограничивается территорией самой Франции.

Золотой салон, 24 января 1963.

Генерал говорит мне: «Понимаете, мы решили строить нашу политику на реальностях, а не на видимостях. Так каковы же реальности?»

Первая реальность — это Америка³⁶. Эта страна находится в стадии экспансии, она старается поддержать и укрепить свою гегемонию на Западе. Соединенные Штаты оказались главным победителем в этой войне. Они думают, что им и впредь удастся руководить миром, как они это делали с 1945 года. Сейчас они хотят сформировать «многосторонние силы», чтобы прикрыть свою ядерную гегемонию, как до этого они создали НАТО, чтобы прикрыть свою гегемонию в области обычных вооружений. Англичане будут их троянским конем в Европе. Для этого достаточно, чтобы Европейское сообщество открыло им двери. После чего англосаксы начнут тут хозяйничать. Это вечная история. Каждая империя в свою очередь претендует на гегемонию. И так будет до конца света.

Какая вторая международная реальность? Это — Россия. Конечно, практически она отказалась от руководства миром и понимает, что ее время прошло. Но она не хочет, чтобы ее слопали. И она права.

А какая третья международная реальность? Это — Франция. В данный момент только мы, исключая американцев и рус-

ских, обладаем национальными амбициями, держимся за них и имеем смелость этого не скрывать.

Кроме этих трех международных реальностей, существуют только туманности, только разделенные страны, только вечные кандидаты, только постоянно колеблющиеся».

Елисейский дворец, 13 февраля 1963.

Генерал снова развивает передо мной свой тезис о трех международных державах, которые одни только имеют значение:

«Кроме двух колоссов, есть еще только одна международная реальность: это — Франция. Конечно, она намного меньше по размерам, чем две другие страны, но она знает, чего хочет, куда идет, и ей предстоит сыграть громадную роль.

Конечно, пушек и дивизий у нас меньше, чем у двух мастодонтов. Очевидно, что мы уже не являемся *большим зверем*, у нас нет былой мощи. Но у нас есть ракеты, и у нас есть идеи. Французская государственность основана на морали. В Африке, в Азии, в Южной Америке наша страна является символом равенства рас, прав человека и достоинства наций.

Франция представляет собой нечто очень важное. На протяжении века она шла к упадку. Ей пора вернуться на свое место».

Он провожает меня к дверям. Минутное молчание, и вдруг он выпрямляется во весь свой рост. Его лицо озаряется, как это бывает у людей, которые говорят то, во что верят всей душой:

«Понимаете, наша страна отличается тем, что ее призвание менее эгоистично, более универсально, чем у других. Всякий раз, когда она бывает собой, Франция человечна и универсальна. Призвание Франции — работать для общего дела. Именно тогда, когда француз — в наибольшей степени француз, он становится самым европейским и самым универсальным человеком. У Франции всегда была постоянная роль, которая отличала ее от других стран. Все страны, развиваясь, стремятся подчинить других своим интересам; Франция, когда ей удастся распространить свое влияние, делает это в интересах всех. Вот почему так велико доверие к ней. Вот почему колокола всех церквей латинской Америки звонили в день освобождения Парижа. Потому что Франция была первой в борьбе за американскую независимость, за отмену рабства, за права народов распоряжаться своей судь-

бой. Потому что она — за независимость наций, против любых форм гегемонии. Все в мире это смутно чувствуют. Франция — это светоч мира, ее призвание — освещать мир».

[...]

«...Народы не меняются. И не умирают. Ну, пожалуй, за исключением несчастных случаев. Они остаются собой, со своими особенностями, своим коллективным темпераментом, своей душой. Они могут жить так же долго, как оливковые деревья. Правда, не все они доживают до двадцати пяти столетий, как оливковое дерево Платона. Есть угасающие народы».

(Он встает и делает несколько шагов от письменного стола. Он расширяет сюжет.)

«Жизнь в обществе состоит в том, чтобы быть самим собой, утверждать свою личность, не нанося вреда другим людям. Точно так же, международная жизнь должна позволять каждой нации утверждаться, не нанося ущерба другим нациям. Независимость для народов — то же самое, что свобода для индивидов. Любой народ испытывает потребность быть гордым. Надо, чтобы он мог с гордостью сказать: «Я возвращен своей историей, и другой такой нет ни у кого».

Когда испанский или итальянский велосипедист выигрывает «Тур де Франс», он гордится не только собой, он горд за Испанию или за Италию. Наша роль в мире состоит в том, чтобы побуждать нации гордиться собой, все больше и больше утверждать свою личность, уважая при этом личность других. Это — наше призвание. Это — наш долг».

10. «Празднование должно быть посвящено Франции, а не англосаксам»

Назначая в декабре 1962 года Жана Сентени министром бывших участников войны, Генерал попросил его посвятить всю свою энергию подготовке к 1964 году, когда можно будет отметить сразу две славные годовщины: пятьдесят лет с начала войны 1914 года и двадцать лет после освобождения Франции в 1944-м.

В конце заседания Совета министров 30 октября 1963 года, на котором Сентени докладывал о готовящихся торжествах в связи с годовщиной Освобождения, Помпиду отводит меня в сторонку: «Постарайтесь уговорить Генерала пересмотреть свое решение не посещать праздничную церемонию на побережье Нормандии...». Я изумлен и самой информацией, и просьбой Помпиду. «В общем, — продолжает он, — будьте осторожны... Я уже однажды на этом обломал себе зубы».

Затем Сентени сообщает мне, что и он тоже обломал себе зубы. Видно, и мне не миновать...

Золотой салон.

АП (с невинным видом). «Не думаете ли вы, господин генерал, что французы не поймут вашего отсутствия на церемонии в Нормандии?»

ГдГ (строго). Это Помпиду попросил вас снова меня атаковать? (Я молчу.) Так вот — нет! Я решение принял! С Францией обошлись, как с половой тряпкой! Черчилль вызвал меня из Алжира в Лондон 4 июня, как хозяин замка вызывает своего метрдотеля. Он сказал мне явиться к нему в поезд, где он устроил свою штаб-квартиру. Он объявил мне о предстоящей высадке, причем ни одному французскому соединению не было предложено в ней участвовать. У нас произошло резкое столкновение. Я его упрекал в том, что он во всем подчиняется Рузвельту, вместо того чтобы противопоставить ему *европейскую* волю (он подчеркивает: *европейскую*). Он стал орать на меня во всю глотку: «Де Голль, запомните хорошенько: когда мне придется выбирать между вами и Рузвельтом, я всегда предпочту Рузвельта! Когда нам придется выбирать между французами и американцами, мы всегда предпочтем американцев! Когда нам придется выбирать между континентом и открытым морем, мы всегда предпочтем открытое море!» (Генерал мне об этом уже рассказывал, но эта сцена врезалась в его память).

Высадка 6 июня, — продолжает Генерал, — это была операция англосаксов, французы из нее были исключены. Они собирались обосноваться во Франции, как на вражеской территории! Как они это сделали в Италии, как готовились сделать в Германии! Они уже организовали свой AMGOT³⁷, который дол-

жен был брать на себя управление Францией по мере продвижения союзнических армий. Они уже напечатали свои фальшивые деньги, чтобы пустить их в оборот во Франции. Они готовились устроиться здесь, как в завоеванной стране.

Так бы все и произошло, если бы я не навязал — да, не навязал, — *моих* комиссаров Республики, *моих* префектов, *моих* супрефектов, *мои* комитеты освобождения! И вы хотите, чтобы я отправился праздновать *их* высадку, которая должна была стать прелюдией ко второй оккупации страны? Нет, нет, на меня не рассчитывайте! Пусть все произойдет мило-благородно, но мое место не там!

И потом, это укрепило бы убеждение, что мы были освобождены только благодаря американцам. Это значило бы, что Соппротивление следует считать не имевшим места. Наше природное пораженчество склонно согласиться с подобными воззрениями. Но нет, нельзя этому поддаваться!

Зато мое место будет на горе Фарон 15 августа, потому что французские войска сыграли решающую роль в высадке в Провансе, потому что наша Первая армия была там с первой минуты, потому что ее стремительное наступление вдоль долины Роны заставило немцев эвакуировать весь Юг и весь центральный массив под напором сил Соппротивления. И я буду участвовать в торжествах по поводу освобождения Парижа, затем — по поводу освобождения Страсбурга, так как это были французские победы: французы, сражавшиеся за пределами Франции и внутри страны, здесь соединились, объединились вокруг своего знамени, своего гимна, своей родины! Но участвовать в праздновании дня, когда французов хотели заставить отдаться на милость других, — нет и нет!

Французы и так слишком склонны спать спокойно, считая, что другие будут их защищать. Не нужно поддерживать эту наивную доверчивость, за которую потом приходится платить развалинами и кровью. Надо убеждать их рассчитывать на самих себя! Послушайте, Пейрефит! Нельзя же иметь такую короткую память! Празднование должно быть посвящено Франции, а не англосаксам! Я не собираюсь придавать торжественность церемонии по поводу высадки в Нормандии. Скажите это вашим журналистам».

Затем он добавляет: «Те, кто отдал жизнь за свою родину, сражаясь на нашей земле, — англичане, канадцы, американцы, поляки, — не будут забыты: Сентени и Трибуле³⁸ отдадут честь их памяти».

Я ничего не сказал журналистам. Вернее, я сказал: «Этот вопрос на Совете министров не стоял», — что было правдой.

Генерал, конечно, увидел, что я не выполнил его поручения. Но он не сделал мне замечания. Может быть, он был даже доволен.

[...]

Золотой салон, после заседания Совета министров, 10 июня 1964.

Генерал откидывается в кресле. У него есть желание поговорить.

ГдГ. «Вы думаете, что американцы и англичане высадились в Нормандии, чтобы доставить нам удовольствие? Их замысел состоял в том, чтобы продвигаться на север вдоль побережья, чтобы уничтожить базы «Фау-1» и «Фау-2», взять Антверпен и оттуда ударить по Германии. Париж и Франция их не интересовали. Их стратегической целью был Рур, являвшийся военным арсеналом, и они не хотели терять ни одного дня в пути.

Черчилль попросил Эйзенхауэра освободить Париж к Новому году. Он ему сказал: «Никто не сможет потребовать от вас большего». Но мы-то как раз требовали большего! Народ Парижа восстал стихийно, и он, вероятно, был бы похоронен под развалинами, как народ Варшавы, если бы к нему не пришла помощь. Но были люди, которые, за три года до того, в Куфре³⁹, поклялись освободить Париж и Страсбург. Вместе с народом Парижа они освободили нашу столицу.

Но у нас не было согласия американцев. Когда я увидел, что Парижское восстание может быть раздавлено свежей немецкой дивизией, шедшей из Булонь-сюр-мер, я отдал приказ Леклерку наступать. Так мы избавили Париж от судьбы Варшавы. Мы вынудили англосаксов изменить стратегический план. Американцы не больше думали об освобождении Франции, чем русские — об освобождении Польши. Они хотели покончить с Гитлером ценой возможно меньших потерь. Они заботились о

том, чтобы сохранить жизни своих *boys*, они не заботились о жизнях, страданиях и чести французов.

Действительно, если бы англосаксы смогли довести свою стратегию до конца, они, может быть, нанесли бы более быстрый удар в сердце Германии. В любом случае все кончилось бы тем, что Гитлер был бы разгромлен, а Франция — освобождена. Но если бы французы оставались пассивными, если бы мы не внесли свой вклад в разгром Гитлера, то, в конечном счете, он остался бы победителем Франции».

[...]

26 августа 1964 года Сентени слышит горячие слова благодарности.

ГдГ. «Вы прекрасно организовали празднества. Все прошло хорошо. Можно удивиться и спросить: как совместить общее ликование с памятью о кровавых сражениях? Но то, что было сделано, сделано не напрасно. Такой повторный урок полезен для общественного сознания». [...]

Он заключает: «Освобождение — это историческое свершение, осуществленное Францией».

Спротивление, Освобождение — это почетное наследие, принадлежащее всем французам. Лучше, чем кто-либо, Генерал знает о подлостях и расколах вчерашнего дня. Они живут в его памяти, в его суждениях о людях, которые он высказывает в частных беседах. Но он делает все, чтобы такие воспоминания изгладись из коллективной памяти. Они ни в коей мере не должны принижать французов, которые, напротив, должны чувствовать, как их приподнимает память о боях и Соппротивлении. В том числе, и о том сопротивлении, которое он оказывал освободителям.

11. «Европа должна быть независимой»

23 января 1963 года Генерал вызывает меня и разговаривает больше часа. [...] Он сразу же заявляет, не дожидаясь, чтобы я задал ему вопрос:

«Мы недооценили значение поворота, совершенного англичанами. Во время войны, и даже после нее, я надеялся, что

ввиду ослабления их мощи и подъема Америки, ввиду эволюции Европы и их собственной эволюции по отношению к Британскому содружеству, которое еще недавно они называли Империей, — англичане решатся, наконец, стать частью Европы.

Я и сейчас не теряю надежды, что это произойдет когда-нибудь. Но факт остается фактом: в данное время они не могут на это решиться.

Макмиллан во время встречи на Багамах потерял свободу и лишил свободы Англию на долгие годы вперед.

АП. Он потерял свободу? Скорее, независимость?

ГдГ. Свободу! Независимость народа — это его свобода. Теперь мы видим, насколько я был прав, закрыв перед Англией путь в Общий рынок. Не надо создавать впечатление, будто мы добиваем этих бедных англичан. Но поймите, потеря свободы — это главное.

В Рамбуйе Макмиллан предупредил меня, что отправляется на Багамы обсуждать с американцами вопрос об атомных силах. Он не стал от меня скрывать, что, если американцы откажутся давать ему «Скайболы», то нужно будет придумать что-то другое, чтобы иметь собственные атомные силы. Ему придется попросить что-то взамен, а заменой «Скайболам» могут быть только «Полярисы». Все это он мне действительно изложил, и я подтверждаю то, что он сказал в своей Ливерпульской речи.

Но вот чего он мне не сообщил и что имеет важнейшее значение. Он не сообщил, что эти «Полярисы» будут ему даны при условии, что вся его атомная система будет поставлена под единоличное командование американцев и что он готов это условие принять.

Тогда, в Рамбуйе, он заливался соловьем по поводу европейской военной независимости! Он утверждал, что «Полярисы» будут ему проданы без всяких условий, что он будет ими распоряжаться как хозяин. Он даже предложил мне скоординировать наши атомные силы, поскольку он, как и мы, стоит на позициях полной независимости от американцев.

Я не имел ничего против того, чтобы Макмиллан покупал у Америки «Полярисы» вместо «Скайболов». Но нужно ли теперь тесно связывать нашу судьбу со страной, которая потеряла свободу действий?

Когда у нас будет собственная ударная сила*, и мы доведем ее до необходимого уровня, мы охотно согласимся координировать наши атомные вооружения с американцами и англичанами, особенно во время войны. Но мы не можем согласиться передать им командование этими силами и решение вопроса об их применении. Европа должна быть самостоятельной.

Или Европа будет самостоятельной, — связанной, конечно, союзом с Америкой пока существует советская угроза, но независимой политически, экономически, в военном и культурном отношении, располагающей собственными средствами защиты, — или она будет скоплением американских протекторатов.

АП. Если лейбористы придут к власти в результате следующих выборов, как вы думаете, что произойдет?

ГдГ. Как все социалисты в любой стране, лейбористы устроят всеобщий кавардак. Через несколько лет выяснится, что, ради своей социальной демагогии, они опустошили кассу и ввергли страну в хаос. Тогда их вышвырнут вон. И придет новая команда консерваторов, она осуществит присоединение к Европе, которое Макмиллан начал, но оказался не в состоянии завершить.

Если только консерваторы не одержат победу и на этот раз. Не исключено, что Макмиллан, воспользовавшись смертью Гейтскелла⁴⁰, объявит досрочные выборы. Я бы ему советовал сделать это побыстрее; и я бы даже пожелал ему успеха на выборах, так как после этого у английского правительства будет возможность начать новую жизнь. Оно сможет действовать, в том или ином направлении. Но невозможно продолжать лавировать, как сейчас, с помощью умолчаний и уловок.

Если, паче чаяния, Макмиллан выиграет благодаря смерти Гейтскелла, — мы увидим, сумеет ли Англия сделать решительный шаг. А ей придется его сделать, рано или поздно.

Вопрос теперь стоит ясно и просто. Или присоединение Англии к Европе произойдет через несколько месяцев, если Макмиллан выиграет выборы и найдет в себе силы для решения. Или

* Иносказание, употребляемое де Голлем для обозначения ядерного оружия и средств его доставки.

это случится после следующих парламентских выборов (может быть, через два парламентских срока), когда придет новая и достаточно сильная команда, поддержанная эволюцией общественного мнения. Ясно, однако, что произойдет это не раньше, чем английский народ *решит этот вопрос по существу*».

[...]

АП. «Я полагаю, Аденауэр⁴¹ вчера говорил с вами о вашей пресс-конференции*? Не вызвала ли она у него озабоченности?

ГдГ. Он рад, что забастовка журналистов в Нью-Йорке помешала американской прессе воспользоваться случаем и написать, что моя пресс-конференция была реакцией на англо-американское сближение. (Смеется.) Он отметил, что такие «глупые отклики» появились в немецкой прессе. Он доволен хотя бы тем, что немецкая пресса все-таки не дошла до утверждений, будто де Голль и страны Шестерки хотят упразднить свободу печати. (Смеется.)

Канцлер констатировал, что Хальштейн⁴² и вся Комиссия настроены против вступления Англии в Общий рынок, что привело бы к полному его искажению, но что в то же время они за возобновление переговоров с Англией. Он хотел бы, чтобы мы учли эту тенденцию, которой придерживается, как он говорит, и немецкое общественное мнение. Но на самом деле, это — установка немецкой прессы, находящейся под англосаксонским влиянием. Я сказал ему со всей определенностью, что невозможно, как ни в чем не бывало, возобновить с англичанами переговоры, которые безрезультатно тянулись в течение пятнадцати месяцев.

В действительности, Комиссия сама не знает, чего хочет. Она против вступления Англии, но за продолжение переговоров о вступлении Англии. Аденауэр — то же самое. Он, однако же, приводит веские доводы в пользу того, чтобы закрыть перед ней дверь. Вслед за англичанами захотят вступить датчане, норвежцы, ирландцы, исландцы. Англичане также требуют от Комиссии, чтобы она приняла на работу тысячу шестьсот англий-

* Речь идет о пресс-конференции 14 января 1963 года, на которой Генерал отверг вступление Великобритании в Общий рынок и американский проект создания «многосторонних атомных сил».

ских чиновников! Представляете себе? Неужели вступление Англии до такой степени усложнит работу, что потребуется дополнительно такое количество чиновников? Или речь идет о том, чтобы внедрить английских шпионов во все службы? (Смеется.)

Но одновременно Аденауэр находит аргументы в пользу вступления Англии: он хотел бы посодействовать Макмиллану ввиду предстоящих парламентских выборов.

Однако не следует забывать о главном: вступив в Общий рынок вместе со всем своим кортежем сателлитов, англичане захотят заново обсуждать уже решенные Шестеркой вопросы и, пользуясь новым большинством, навязывать свои решения, отнюдь не направленные на построение Европы как его понимают страны-основатели. Все вновь разбредутся по своим углам. Разве мы этого хотим? Взять и сломать машину, которую мы строили с таким трудом?»

В дальнейших рассуждениях Генерала чувствуется стремление сгладить с моей помощью впечатление, которое могло возникнуть, о его «анти-европейской» настроенности:

«Наша политика — и я прошу вас, Пейрефит, это как следует подчеркнуть — *состоит в том, чтобы осуществить единство Европы*. Если я придаю такое значение примирению между Францией и Германией, то с одной практической целью: заложить, таким образом, фундамент для всей европейской политики.

Но о какой Европе идет речь? Надо, чтобы она была действительно европейской. Если это не будет Европа народов, если она будет отдана в распоряжение технократическим институтам, более или менее интегрированным, то получится узко техническое начинание без размаха и без будущего. А воспользуются этим американцы, чтобы навязать нам свою гегемонию. Европа должна быть *не-за-ви-си-мой*. Вот в чем моя политика.

Это не значит, что у нас не должно быть союзников. Мы в них нуждаемся, принимая во внимание мировую угрозу коммунизма. Но Европа должна существовать сама по себе и сама для себя.

Американцы поощряли объединение Европы по рецепту Жана Монне, потому что для них это был способ утверждать свою гегемонию. Когда они увидят, что их влияние, напротив,

будет слабеть, по мере того, как Европа будет становиться все более мощной, их энтузиазм пойдет на убыль.

Речь идет не о том, чтобы разрывать с американцами, а о том, чтобы строить Европу *независимо от них*.

Помолчав, он снова возвращается к этой теме, как бы опасаясь, что я его не понял:

«Европу можно создать только при условии, что есть порыв к европейскому единству, что европейцы хотят существовать сами по себе. Так же, как нация, чтобы существовать в качестве нации, должна сначала осознать свое отличие от других и взять на себя ответственность за свою судьбу.

Национальное чувство всегда утверждало себя перед лицом других наций: национальное чувство европейцев может утвердиться только в противостоянии русским и американцам. После окончания войны европейская идея развивалась в ответ на угрозу со стороны русских. Теперь, когда русские, к счастью, становятся мягче, нам представляется возможность утвердиться по отношению к американцам, и мы обязаны этой возможностью воспользоваться. Иначе, так называемая «интегрированная» Европа растворится, как кусок сахара в чашке кофе!

Англосаксы хотят Европы без берегов, Европы, у которой не было бы стремления оставаться собой. Европа без берегов — это Европа по-английски. Британии нужна Европа, в которой она не должна была бы преодолевать свои старые привычки, чтобы стать европейской страной. В действительности это — Европа для американцев, Европа, которая в своей экономике, а еще более в своей обороне и политике, находилась бы под полным господством американцев. В такой Европе все страны, начиная с нашей, потеряли бы свою душу.

Зачем нам быть частью такой Европы?

Случилось так, что Франция оказалась единственной страной, которая желает видеть Европу европейской и имеет волю стремиться к этому. Наши европейские партнеры настроены более миролюбиво к Англии и Америке по очень простой причине: они представить себе не могут, что можно не подчиниться даже малейшему давлению из Вашингтона. Драма Европы состоит в том, что, кроме нас, нет никого, кто бы по-настоящему стремился быть европейцем.

Соединенные Штаты желают доминировать в Европе, как они доминируют в Латинской Америке, в Юго-Восточной Азии. Сегодняшняя Америка, вольно или невольно, стала предприятием по достижению мировой гегемонии.

АП. Народы Западной Европы благодарны Америке за то, что она одолела Гитлера и не уступила Сталину.

ГдГ. Не спорю. Но сегодня мы наблюдаем нечто похожее на физическое явление приливной волны, которое, в каком-то смысле, не зависит от воли американских руководителей. Американская мощь является настолько подавляющей, они настолько обогнали всех в области передовых технологий, они так богаты, они столько занимают (а ведь в долг дают только богатым), что их экспансия является чем-то вроде природной стихии.

АП. Я задаюсь вопросом: может быть, американцы больше склонны к изоляционизму, чем к экспансии? Мечта американцев — вести свой *american way of life* у себя, между двух океанов, а другие страны посещать только в качестве туристов. Но одновременно они считают чем-то вроде своего долга — не давать коммунизму расползтись по всему миру, как раньше — не дать Гитлеру выиграть войну.

ГдГ. Может быть. Но, хотят этого американцы или нет, их экспансия после второй мировой войны стала неодолимой. Именно поэтому ей надо противостоять. Как, скажите на милость, может это терпеть третий мир? Чтобы и дальше все так шло, чтобы богатые становились все богаче, а бедные — все беднее? И кто больше, чем Франция, готов к тому, чтобы поднять голос за тех, у кого нет голоса?

Великобритания хочет получить выгоды от своей принадлежности к Европе и одновременно — от своего отталкивания от Европы, благодаря своей имперской системе и англосаксонскому культурному единству. Так что не ей ставить заслон Америке.

Другие европейские правительства меньше нас привержены идее независимой Европы. А без независимости какая Европа?.. Но не исключено, что в один прекрасный день эти бедняги голландцы, эти бедняги бельгийцы, эти бедняги немцы, эти бедняги итальянцы начнут эволюционировать в направлении, которое указываем мы: к Европе, которая будет Европой.

В данный момент мы констатируем, что у них нет собственной позиции. Вот почему в проекте создания Соединенных Штатов Европы я поставил на первое место принцип референдума. Народы — это то, что существует и отстаивает себя. Немецкий народ — это нечто определенное. А правительства — это нечто эфемерное, когда они зависят от своих партий, своих комитетов и своих парламентов».

12. «Надо заложить прочный фундамент»

Совет министров, четверг 24 января 1963.

Кув рассказывает о трудностях, с которыми он сталкивается в Брюсселе. Сразу же после пресс-конференции Генерала произошел взрыв возмущения. Но уже на следующий день атмосфера изменилась. Хит и английская делегация заставила наших партнеров взять себя в руки и вести себя так, как будто ничего не случилось. В отличие от декабря 1958, когда англичане всячески драматизировали ситуацию, на этот раз они стараются делать вид, будто ничего особенного не произошло.

Кув. «Все партнеры Франции стали на сторону Великобритании. В течение всех пятнадцати месяцев, пока длились переговоры, мы старались сохранять единый фронт Шестерки. Теперь в единый фронт снова встали шесть стран, но это — пять стран ЕЭС плюс Англия. Седьмой, «черной овцой», оказались мы. Канцлер Аденауэр, ничего не драматизируя, рассказал Генералу о том, что возникли серьезные трудности. Не исключено, что в случае, если мы потребуем от Германии полностью солидаризироваться с нами и отмежеваться от Великобритании, Бундестаг откажется ратифицировать франко-германский договор о сотрудничестве⁴³».

Кув полагает, что есть два способа выйти из положения: или мы идем на резкий разрыв, или останавливаем переговоры более мягким способом, поручив Комиссии Хальштейна подготовить доклад, что позволит выиграть время. Сам он высказывается, конечно, за второй вариант, но Генерал предпочитает первый.

Помпиду вмешивается: «Мы должны щадить Аденауэра. Во-первых, чтобы показать, что мы придаем значение политике сотрудничества. Во-вторых, чтобы укрепить его позиции в его собственной стране и по отношению к его парламенту.

Мы идем к неизбежному разрыву. Вопрос только в том, произойдет ли он в достаточно мягкой форме, чтобы немцы могли с ним согласиться, а Общий рынок продолжал существовать».

Генерал ограничивается заключением: «Англосаксы и все их якобы французские подголоски в прессе и в политике подняли дикий шум. Невероятно!».

[...]

В конце концов, переговоры были отложены, как того и желала Франция.

После Совета министров, 30 января 1963.

Генерал, не глядя в бумагу, наизусть читает мне текст, в котором выверено все до последнего слова:

«Совет министров дал высокую оценку тому, как министр иностранных дел вел переговоры, и полностью одобрил проводимую им от имени Франции европейскую политику, направленную на то, чтобы в полной мере сохранить для Великобритании возможность действительного вступления в Общий рынок, когда она будет к этому готова. В существующих обстоятельствах это оказалось невозможным, ввиду условий, выдвинутых Великобританией. Позиция Франции позволила сохранить Римский договор, несмотря ни на что. Общий рынок продолжает действовать, более эффективно, чем когда-либо. Волнения, вызванные отсрочкой переговоров, со временем улягутся, и все вновь обретут хладнокровие».

Далее он говорит уже иным тоном, подбирая слова (и это означает, что я могу более свободно излагать его мысли):

«Постарайтесь все-таки дать понять вашим журналистам, что мы намерены строить нашу национальную жизнь в европейских рамках. Однако у нас создалось впечатление, что Европейский союз, еще не заверченный, но успешно созидавшийся на протяжении последних четырех лет, поставлен под угрозу британскими требованиями. Они могли повести к тому, что Общий рынок из региональной системы, эффективно управляе-

мой в техническом отношении, способной быть солидарной и сплоченной, превратился бы в мировую систему, гораздо менее однородную, более расплывчатую, отличающуюся от той Европы, к которой мы стремились с самого начала и которую строили на протяжении нескольких лет.

Это нанесло бы глубокий ущерб Римскому договору, до сих пор действовавшему вполне удовлетворительно. Он задает общие параметры, в которые должен быть включен общий сельскохозяйственный рынок. Он позволял соблюдать наши жизненные интересы и осуществлять постепенное сближение национальных экономик. Элементарное благоразумие требует не разрушать эту конструкцию под предлогом ее расширения. Мы хотим со временем построить Большую Европу и не должны делать ничего, что впоследствии могло бы этому помешать. Сначала надо заложить прочный фундамент.

Если бы Великобритания захотела присоединиться к Римскому договору, принимая все его правила, включая аграрную политику, мы встретили бы ее с распростертыми объятиями. Но она выдвинула такие условия, которые означали не вступление в Общий рынок, но его коренное преобразование. Пятнадцать месяцев мы вели переговоры в тесном согласии с нашими партнерами и Комиссией в Брюсселе, в духе уважения к Римскому договору. Для нас главная задача состояла в том, чтобы сохранить Общий рынок; для англичан — извратить его правила. Это было бы мнимое вступление в фальшивое подобие Общего рынка».

Он снова делает паузу и продолжает:

«Удивительно, как много произошло за последние пять лет. В 1958 году у меня были возражения против Общего рынка именно по той причине, что он ссорил нас с англичанами, а я не представлял себе Европу без них. Едва я пришел к власти, как ко мне примчался Гледуин Джебб⁴⁴: «Не надо создавать Общий рынок, это ерунда!». Немногим позже, в свою очередь, возникает Макмиллан: «Это приведет к войне! Это снова континентальная блокада!».

В декабре я провалил большую зону свободной торговли, в которой англичане хотели утопить Общий рынок. Никто тогда не говорил, что я спас Общий рынок.

На самом деле, вступление в Общий рынок означало великий поворот. Я начал играть в эту игру, и я в нее поверил. Но передо мной встает вопрос: а может быть, только я в нее и верил?».

[...]

Совет министров, 6 февраля 1963.

Кув. «Великобритания в полной растерянности, потому что у нее нет запасной политической линии. Соединенные Штаты переходят к нападению. Они клеймят французские претензии на гегемонию в Европе. Разрыв с Англией они толкуют как реакцию на соглашение в Нассо.

В Постоянном совете НАТО все наперебой расхваливают идею создания многосторонних сил. Немцы и итальянцы соревнуются в рвении. Но когда наши партнеры, наконец, поймут, что речь идет о миллиардных затратах на приобретение «Полярисов» без атомных боеголовок, их рвение, может быть, поутихнет!

Тем временем, Общий рынок продолжает действовать. Ни одна из стран Шестерки не проявила желания из него выйти. В первые дни голландцы делали вид, будто готовы на бойкот. Они потребовали отмены всех намеченных собраний Шестерки. Потом все успокоилось. Собрания состоятся.

Но самая большая трудность — это положение внутри Германии, которое создает общую ситуацию неуверенности.

ГдГ. [...] Великобритания погружена в свои внутренние проблемы. Германия — то же самое. Италия находится в скрытом кризисе. Об остальных не будем говорить. Только Франция знает, куда идет. Невозможность Франции, в конечном счете, сделает свое дело».

После Совета министров Генерал не скрывает своего удовлетворения:

«Наши партнеры плюс Англия, плюс Соединенные Штаты, соревновались в истерике. В конце концов, все обязательно успокоится. Обида угасает, как и все другие страсти.

Нидерландцы — самые одержимые. Они настолько перешли границы, что теряют достоинство. Такие преувеличения не в счет. Спаак занимает крайние позиции, но их не разделяет ни большинство его правительства, ни пресса. Люксембуржцы весьма корректны.

Итальянцы обижены, что решение принято без них и по инициативе Франции. Но они действуют, тем не менее, в духе умеренности, так как не хотят ломать машину, которая им весьма полезна.

Немцы уже погружены в борьбу за наследование⁴⁵; все кандидаты передрались между собой. Наконец, мы наблюдаем чудовищное давление со стороны американцев: и на правительство, и на парламентские круги, и на прессу. Они стараются восстановить немцев против Франции! Даже русские не смогли бы в этом направлении действовать лучше!

Что касается англичан, то они стараются раздуть легенду о резкой перемене французской политики, о подготовке франко-советского соглашения, о разрыве с Атлантическим альянсом и так далее.

Эти подозрения находятся в явном противоречии с демаршами русской стороны по поводу франко-германского сотрудничества. Виноградов⁴⁶ явился ко мне с протестом и вручил мне ноту. От Запада до Востока все протестуют. Значит, мы на правильном пути, все идет, как надо».

13. «Они боятся руководящей роли Франции»

Совет министров, 13 февраля 1963.

ГдГ. «Ищут какую-нибудь лазейку для Англии. Ею должна была бы стать ассоциация. Но главная задача — до всякой ассоциации с Англией и до тарифного соглашения с Соединенными Штатами — это поставить на ноги Общий рынок. Когда это будет сделано, можно будет подумать о соглашениях с другими.

Англичане много *кипятятся*. Им есть из-за чего. Им не удалось манипулировать нами изнутри, как они привыкли это делать с европейскими государствами на протяжении двух или трех веков. Вот они и не могут успокоиться. Но им придется привыкать.

Кув. Соглашение об ассоциации было предложено на пресс-конференции 14 января. Англичане считают, что такой статус годится для слаборазвитых стран, а им, стало быть, не подходит».

После заседания Генерал резюмирует для меня с веселой беззаботностью:

«Споры окончены. Те, кто хотел выплеснуть свой яд, сделали это. Теперь им нужно посмотреть реальности в лицо. Не будет ни ассоциированного членства в Общем рынке, ни изменений в его функционировании до тех пор, пока не завершено сельскохозяйственное урегулирование и не налажено сотрудничество с африканскими странами в рамках Общего рынка.

АП. Много говорят о «великом замысле», который якобы у вас есть, относительно Европы, какой она будет через десять или двадцать лет. Включает ли он также Великобританию?

ГдГ. Англия войдет в Общий рынок, когда Британская империя развалится окончательно. Такой развал начался сразу после окончания войны. Но он еще не завершился. Когда это произойдет окончательно, тогда Англия войдет в Общий рынок. Сейчас она к этому не готова.

Ее вступление произойдет еще не скоро. Во всяком случае, пока я здесь, я буду этому препятствовать.

АП. Но разве не могло бы быть соглашения об ассоциации?

ГдГ. Могло бы быть соглашение о торговле. Это все, чего она заслуживает.

[...]

АП. Какова истинная причина того, что наши партнеры по Общему рынку не хотят следовать за нами?

ГдГ. Они боятся Франции. Боятся ее руководящей роли. Поэтому они ищут американской помощи и стараются идти против нас, чтобы мы не подчинили их себе. Но ведь это в порядке вещей — чтобы мы были первыми в Европе. Так не могло быть при Четвертой Республике, потому что Франция была слишком слаба. Но теперь это так — и будет так во все большей и большей степени в ближайшие годы.

Почему они хотели наднациональности? Потому что это было фальшивое прикрытие, которое позволяло Спаакам и всем тем, кого мы хорошо знаем, руководить Европой исподтишка, отодвинув Францию далеко в сторону.

Когда они поняли, что им не удастся устроить наднациональное объединение, они обратили взоры на Англию. Те самые люди, которые изо всех сил старались отстранить Англию, ут-

верждая, что ее вступление в Европу шести стран все разрушит, теперь стали с такой же страстью защищать членство Англии в Общем рынке. И это опять-таки фальшивая маска. Они ведут игру, чтобы лишить Францию ее руководящей роли. Но их маневры противоречат естественному порядку вещей.

АП. Англичане пытаются утверждать, будто мы собираемся поменять союзников.

ГдГ. Они пытаются создать впечатление, будто мы собираемся сговориться с русскими против американцев. Так часто бывает: приписывают другому то, о чем сами думают. Если у кого-то и есть соблазн заключить пакт с Москвой, то именно у англичан и американцев. Они это ясно показывают каждый раз, когда возникают трудности. Когда русские хотят наложить руку на Берлин⁴⁷, то противодействуют им не англичане и не американцы: противодействует де Голль. Если заключение франко-германского договора — это перемена союзников, то как объяснить ярость русских? Виноградов передает мне резкую ноту. Надо думать, это мы попросили русских прислать нам эту ноту?

Все это совершенно не выдерживает критики. Английская пропаганда смешна — уж слишком стараются. Они сами себя компрометируют.

АП. Вас упрекают, особенно в Соединенных Штатах, в том, что вы хотите создать нейтралистскую «третью силу».

ГдГ. Нейтралистскую! Нейтралистскую! Американцы — вот кто нейтралисты! Они всегда ими были. В 1914 году надо было ждать, чтобы прошло три года, и чтобы немцы потопили их корабль, и только тогда они, наконец, решились вступить в войну. В 1939 году — та же картина. Понадобился Пёрл-Харбор, чтобы они решились. И кто нам гарантирует, что через десять или двадцать лет они не поведут себя точно так же? Поверьте мне, американцы думают только об одном: об интересах, о процветании и о величии Америки. И о том, чтобы их «парням» пришлось проливать как можно меньше крови. Заметьте, я их в этом не упрекаю, я сам хочу того же для Франции. Но пусть они не пытаются нас уверить, будто хотят чего-то другого.

АП. Американцы, со своей стороны, считают, что мы, европейцы, и в 1914, и в 1939 годах, продемонстрировали нашу слепоту, отсутствие стратегии, недостаток здравого смысла. По-

этому сегодня они отказались от изоляционизма и взяли дело в свои руки.

ГдГ. Об этом я и говорю. Они все видят иначе, чем мы. Интересы европейцев их не волнуют. Или, вернее, они занимаются интересами Европы в той мере, в какой они совпадают с интересами американцев. Совершенно очевидно, что после 1945 года у Америки был только один способ защищаться от русских: устроить заслон в Европе и проводить ялтинскую политику. Одна часть мира была предоставлена Советам, другая — американцам. Американцы вербовали всех на свете, чтобы сдержать советского колосса и не дать ему вырваться за границы, предусмотренные Ялтинским соглашением.

Все это — в интересах американцев. Но не в интересах европейцев. И чем дальше, тем меньше европейцы будут в этом заинтересованы. Нужно, чтобы европейцы это осознали, а американцы — согласились с этим.

Тем хуже, если это им неприятно. Нельзя заниматься политикой и при этом стараться никого не огорчить. Именно так пыталась действовать Четвертая Республика: «Мы будем милыми с вами, а вы будьте милыми с нами!». Они воображали, будто можно противостоять колоссам, задабривая их. Нельзя проводить политику путем задабривания. Политика — это дело не для детского церковного хора. Политика основана на интересах. На соотношении сил. Если хочешь, чтобы твою точку зрения уважали, надо говорить громко и твердо. Иначе тебя обязательно обдурят.

Что касается нейтрализма, в котором нас обвиняют американцы. Пусть они поймут, что сегодня у нас гораздо больше оснований обвинять в этом их. Они готовы договориться с русскими за наш счет и за счет немцев. За эту комбинацию придется расплачиваться Европе так же, как она уже расплачивается за ялтинскую комбинацию. Повторяется один и тот же процесс. Два колосса договариваются между собой. Англия выступает в качестве честного маклера и довольна уже тем, что ее допускают посидеть за столом. Интересы Европы отброшены.

Но со времен Ялты Европа ушла вперед. Она начинает становиться собой. Через двадцать лет она будет столь же мощной, как и Соединенные Штаты. Ее зависимость станет тогда

чем-то уродливым, противоестественным. Тогда Европа сможет показать зубы Советам, дать им понять, что не потерпит их дальнейшего продвижения и их угроз. И Америка, склонная заключить союз с русскими, принеся им в жертву статус Германии, должна уразуметь, что ничего не получит от своей измены нам.

Для американцев весь мир разделен между *двумя идеологиями*: коммунистической и капиталистической. Между ними надо выбирать: «Кто не с нами, тот против нас».

Но дело обстоит не так просто. Есть американцы, интересы которых являются специфически американскими. Есть европейцы, интересы которых больше не совпадают с американскими, даже если на протяжении какого-то времени интересы американцев толкали их на военное присутствие в Европе. Есть Азия, есть Африка. Африке помощь может оказать только Европа. Латинская Америка встанет перед дилеммой: зависеть от Северной Америки или от коммунизма. Отказываясь от североамериканского покровительства, она рискует рухнуть в коммунизм. Если только Европа ей не поможет. Что касается Европы, то она заинтересована в том, чтобы быть в состоянии себя защитить и проводить собственную политику. Эта политика сможет устранить железный занавес».

14. «Интегрированная Европа — это оправдание любой низости»

Золотой салон, 4 декабря 1963.

Я рискую высказать мысль: было бы лучше говорить на том же языке, что и наши европейские партнеры, чтобы их не раздражать. «Мне кажется, — говорю я, — что мы напрасно сами себе вредим, создавая о себе неверное представление своей слишком резкой манерой поведения».

ГдГ. «Нет! Вещи надо называть своими именами. Видимости исчезают, реальности остаются. Суесться в мире видимостей значит жертвовать главным ради второстепенного. Это значит заниматься демагогией. Не надо бояться резких выражений. Нас уважают за нашу откровенность. Мир не стал бы вос-

хищаться Францией, если бы имел в ее лице вялого партнера. Но он видит в ней партнера, который знает, чего хочет, и не боится об этом заявлять.

АП (продолжаю упорствовать). И все-таки, мне кажется, досадно получать колотушки, которых можно было бы избежать.

ГдГ. Посмотрите на это с более высокой точки зрения, Пейрефит! В чем состояли, начиная с 1950 года, европейские проекты? В том, чтобы отдать Германии ее уголь, восстановить ее армию, обеспечить ей место в Европе. Но поскольку из страха перед общественным мнением открыто сделать это не решались, то осуществляли это скрытно, жульническим путем. То же самое было и в отношении Италии, которую хотели обелить после всего, что она сделала во время войны. Это был способ, не подавая вида, сделать так, чтобы Германия и Италия смогли смотреть в лицо другим странам. Я не против, и сам действую в том же направлении. Но не надо позволять себя дурачить. Им следует помнить, что мы могли бы поступить иначе.

И потом, Европа* — это способ сделать так, чтобы малые страны — Бельгия, Голландия, я уж не говорю о Люксембурге, — оказались в равном положении с большими державами. В Европейском совете Спаак имеет такое же значение, как генерал де Голль, и даже большее: в собрании людей, входящих в один с ним клуб, он всегда будет прав. Он знает волшебные слова. Он знает, что придется по вкусу этим господам.

Интегрированная Европа не подходит ни Франции, ни французам... Кроме нескольких больных, вроде Жана Монне, в первую очередь озабоченных тем, чтобы прислужить Соединенным Штатам. Ну и еще кроме этих жалких персонажей, сохранившихся после Четвертой Республики. Они нашли, таким образом, способ свалить с себя ответственность! Они оказались не способны принять ее на свои плечи, значит, надо переложить ее на других. Отстаивать свое место в мире? Это не для них! Лучше спрячемся под зонтиком (под американским атомным зонтиком). Иметь собственную армию и уметь

* Де Голль в данном случае имеет в виду неприемлемые для него подходы к объединению Европы.

ею командовать? Не для них! Пусть ею командуют другие! Поставить страну на ноги, чтобы она служила примером для других? Куда им!

И вот найдено прекрасное алиби — Европа. Интегрированная Европа — это оправдание любой низости, любой трусости!

АП. Итак, вы согласны на то, чтобы такая Европа развалилась, перестала существовать?

ГдГ. От такой Европы мало толку! Это — горсточка фразеров, которые носятся по кругу с одной конференции на другую, без конца; они не знают, чего хотят, и не хотят того, что знают. Они вносят предложения, с надеждой, что они ни к чему не приведут. И рассчитывают на других, чтобы эти предложения провалить. Но пока суд да дело, они могут покрасоваться в выгодной позиции.

АП. Вы не предлагаете возродить план Фуше?

ГдГ. Нет. Зачем? В первый раз его отвергли, я не вижу, почему его должны принять со второго раза. Аденауэр думал предложить то же самое от собственного имени. Теперь, когда его уже нет в качестве канцлера, нечего предаваться пустым мечтам.

АП. А Эрхард? Ведь он делал предложения в таком духе, во время последнего визита?

ГдГ. Это возможно. Он не знает, что бы такое сделать для укрепления своего авторитета. Он не прочь присвоить себе этот план и пошеголять в павлиньих перьях. В Европе так принято! Пойдут всякие конференции, комиссии, начнутся разглагольствования! Им только бы поболтать! Ну и, конечно, в результате — ничего».

Когда ему покажется, что Эрхард набрал вес, он снова начнет подумывать о том, чтобы возродить план Фуше: в этом есть смысл, когда имеешь дело с солидными партнерами, сторонниками независимости и политического сотрудничества; в ином случае — это лишь повод для «болтовни».

АП. «А разве в болтовне нет уже совсем никакого смысла?

ГдГ. Нет! Надо быть категоричным! Надо ставить точки над *i*. Как бы там ни было, а благодущие к успеху не приведет.

Важно оставаться самим собой и без колебаний гнуть свою линию!».

Золотой салон, 13 мая 1964.

АП. «Ожидаете ли вы чего-нибудь от сессии НАТО?»

ГдГ. Чего мне от нее ждать? НАТО никому не нужно: там ничего не может происходить! Все это — ноль, ноль и ноль. Все это придумано, чтобы содержать международных чиновников, которые получают большие зарплаты и ничего не делают. И налогов не платят.

АП. Мы не будем пересматривать решение об отзыве наших морских офицеров из НАТО?»

ГдГ. С какой стати пересматривать? Им незачем было там оставаться. Это было бы ненормально. Конечно, они там получали больше, чем если бы оставались французскими моряками. Эти международные организмы годятся для того, чтобы там сифилис подцеплять. Наши представители забывают о своем долге перед Государством. Они там теряют национальное чувство.

АП. Об отзыве офицеров стало известно через Германию. Мы их предупредили о наших намерениях, в рамках консультаций, предусмотренных Елисейским договором?»

ГдГ (удивлен). Нет. Не думаю. С какой стати нам их предупреждать? Нет. Об этом должно было стать известно, рано или поздно.

АП. Утечка прошла через *Die Welt*.

ГдГ. Англичане — мастера манипуляций, они колонизировали немецкую прессу. Аденауэр первый на это жаловался. Немцы с помощью прессы повязаны с англосаксами.

Вы знаете, что значит наднациональность? Это — американское господство. Наднациональная Европа — это Европа под американским командованием. Немцы, итальянцы, бельгийцы, голландцы подчиняются американцам. Англичане тоже, но иначе, поскольку они из той же семьи. Одна Франция не под господством. Чтобы и ее подчинить, ее изо всех сил стараются затащить в наднациональную штукину под командованием Вашингтона. Де Голль этого не хочет. Поэтому им не довольны. Об этом твердят с утра до вечера, а Францию сажают на каран-

тин. Но чем больше они стараются, тем больше Франция становится центром притяжения. Вы можете себе представить, что мы проглотим наднациональность? Наднациональность — это хорошо для Леканюэ!»

Золотой салон, 9 сентября 1964.

За страшной суетой, вызванной Генералом в «европейских» кругах, стоит один человек, который по своему желанию может успокаивать волны и поднимать ветер: это Жан Монне.

АП. «Говорят, вы собираетесь принять Жана Монне?

ГдГ. Почему бы и не принять? Я его всегда принимал, когда он просил об этом. Он был моим министром. И за то, что он стал вдохновителем наднационалистов, то есть антинационалистов, я не должен захлопывать перед ним дверь.

АП. Вы думаете, он сможет помочь возобновлению плана Фуше?

ГдГ. За всем этим есть скрытые мысли. Итальянцы, бельгийцы, голландцы готовятся заявить, что они, в конце концов, не против плана Фуше. Сказали бы они об этом два года тому назад, и все было бы в порядке. Но сегодня они не могут это сказать просто так, не потеряв лица. Поэтому они наверняка станут требовать в обмен нечто такое, чего мы не хотим. Например, чтобы Европейская ассамблея избиралась всеобщим голосованием. А затем свалят на нас ответственность за отказ».

Золотой салон, 12 ноября 1964.

Генерал по собственной инициативе возвращается к разговору о Монне:

«Этот Монне попросился ко мне на прием несколько месяцев тому назад. Я назначил ему встречу на вчера. Конечно, говорили о Европе. Все это не имеет никакого политического значения. Есть люди, которые играют в политическом мире эпизодические роли. Папаша Аденауэр был одним из таких людей, хотя грандиозного масштаба, но его эпизод закончился, его больше нет в правительстве. И Монне тоже играет эпизодическую роль, но на гораздо более низком уровне. Так что нет смысла терять с ними много времени».

15. «Франко-германское сближение — важнейшая реальность»

Начало 1963 года было ознаменовано не только большими отказами Генерала: отказом допустить Англию в Общий рынок, отказом от «многосторонних ядерных сил», предложенных американцами; оно было отмечено также большим соглашением между Францией и ФРГ, закрепленным торжественным подписанием договора в Елисейском дворце.

На заседании Совета Министров 3 января 1963 года Кув сообщает о предстоящем событии:

«Канцлер посетит Париж 21 и 22 января. Франко-германское сотрудничество будет оформлено.

ГдГ. Мы сделаем вдвоем то, что бельгийцы и голландцы помешали нам сделать вшестером⁴⁸. Но эти два участника значат больше, чем остальные четверо вместе взятые».

Генерал так же лаконичен, как Кув, но не склонен прибегать к литоте...

Совет Министров, 9 января 1964.

Кув сначала подводит итог в вопросе о «многосторонних силах» после соглашения в Нассо:

«Немцы, с одной стороны, боятся, что Великобритания и Франция займут в НАТО особое положение, которого немцы будут лишены; с другой стороны, они хотят принимать участие в атомных вооружениях и потому их привлекают “многосторонние силы”».

ГдГ. У немцев комплексы. Нужно их понять».

Генерал само снисхождение. Перспектива новых франко-немецких связей внушает ему надежду, что они будут обладать для Германии большей притягательной силой и позволят ей, с помощью Франции, «деколонизироваться».

Исполненный веры в будущее франко-немецких отношений, Генерал проявляет тревогу, как только речь заходит о сельскохозяйственном Общем рынке.

Кув начинает рассказывать о ходе дискуссии в Брюсселе относительно вступления Англии. И здесь именно сельское хо-

зайство является камнем преткновения. Пизани подхватывает тему: «Я предупреждаю Совет: неприятие Великобритании в Общий рынок вызовет кризис и нам придется столкнуться с серьезными проблемами внутри Шестерки».

Эта фраза заставляет Генерала подскочить на месте. Для него отстранение Англии — вопрос решенный, и теперь он готовит своих министров к трудностям во взаимоотношениях внутри Шестерки.

ГдГ. «Пятеро наших партнеров никогда не жаловали наше сельское хозяйство. В январе прошлого года они доказали, что готовы к затяжным боям, только бы не допустить распространение Общего рынка на аграрную сферу. Они все еще пытаются морочить нам голову с сельскохозяйственными расчетами, которые они обязались произвести: год прошел, а ничего по-прежнему не сделано.

Самое худшее, что может произойти: Шестерка не захочет больше быть Шестеркой; или же, оставаясь вшестером, они не захотят создать аграрный Общий рынок. В таком случае, не будет вообще никакого Общего рынка. И не знаю, такое ли это будет несчастье».

Существует представление за границей и во Франции, особенно, в массах крестьянства, которого это ближе всего касается, будто бы де Голль поддался порыву раздражения, когда заявил, 1 июля 1965 года, что место Франции в Брюсселе остается пустым. Как видим, он готовился к этому столкновению два с половиной года.

В машине премьер-министра, 22 января 1963.

Возвращаясь с церемонии подписания договора в Елисейском дворце, Помпиду мне говорит: «Аденауэр исключил из договора экономическую часть под тем предлогом, что не хотел допускать к переговорам Эрхарда. В действительности, он не хотел, чтобы в договоре были статьи, которые не понравились бы Хальштейну⁴⁹ и брюссельской Комиссии».

Мы оба были удивлены, когда после подписания договора канцлер и Генерал обнялись в порыве чувств, которых от них не ожидал никто, в том числе, вероятно, и они сами. Помпиду,

который знает де Голля лучше, чем я, говорит, что никогда не видел, чтобы Генерал, всегда безукоризненно владеющий собой, поддавался бы так эмоциональному порыву. Борьба против Германии была его жизнью. Подростком и молодым офицером он был устремлен к реваншу; старшим офицером он думал только о том, чтобы французская армия имела хорошее вооружение и хорошую стратегию, которые помогли бы сразить Германию или, хотя бы, не быть сраженными ею; и, наконец, он стал вождем Сопротивления оккупантам. Но все, что было в прошлом, отступило теперь, в этот момент братского объятия.

Золотой салон, 23 января 1963.

[...]

Генерал говорит мне о значении франко-немецкого договора:

«Это не простое соглашение, которое мы планировали первоначально. Аденауэр захотел, чтобы это был торжественный договор, подлежащий ратификации в Бундестаге. Ну и мы, по принципу симметрии, вынуждены просить парламентского одобрения.

Надо придать всему делу возможно более зрелищный характер. Аденауэр сказал мне: «Декларация и договор, которые мы подписали, — это увенчание моей жизни». Поэтому мы оба безмятежно взираем на поднявшуюся суету⁵⁰. Конъюнктура изменится. А такая важнейшая реальность, как франко-германское сближение, останется.

Этот договор может распространиться и на четырех других членов Европейского экономического сообщества.

Европейское политическое сотрудничество не сможет осуществиться, если связи между Францией и Германией не будут иметь *существенного* (он подчеркивает голосом) характера. Поэтому было логично начать с начала.

Важно делать что-то конкретное: проводить встречи между молодежью и представителями разных слоев населения, открывать такие области, в которых контакты между Францией и Германией смогут развиваться успешно.

Такое углубленное сотрудничество не столь необходимо в отношении Италии, которая является латинской нацией и

обладает такой же природой, что и мы. Взаимоотношения с бельгийцами не должны отступать от уже установившихся реальностей.

Постоянные контакты между французами и немцами, напротив, чрезвычайно важны. В этом году мы проведем встречи молодежи, рабочих, профсоюзов, крестьян. Обмен воинскими контингентами, французские маневры в Германии и немецкие во Франции. Все это должно получить широкий резонанс».

«Мы также обсуждали военные вопросы, — продолжает Генерал. — Они все больше и больше заботят Аденауэра. У него больше нет уверенности, что американское атомное оружие при всех условиях и обязательно защитит Германию в случае нападения русских.

Соглашение между Кеннеди и Макмилланом в Нассо его совсем не успокоило. Для немцев, как, возможно, и для итальянцев, речь идет только о том, чтобы поставлять контингенты моряков для американских субмарин. Ни на минуту не допускается возможность, что с немцами и итальянцами будут консультироваться о применении атомного оружия, о стратегии и так далее. Но это же насмешка над всеми! И при этом немцы так и не имеют гарантий, что их будут защищать в случае нападения.

АП. То там, то здесь в прессе высказывается мнение, что франко-германский договор сопряжен с известным риском.

ГдГ (живо реагирует). С каким риском? Что Германия не ратифицирует договор? Или что она не будет соблюдать его условия? Но ведь инициатива принадлежала ей. Риск возникнет для немцев, если они не будут соблюдать условия договора. Тогда нам придется прибегнуть к запасному политическому варианту, а это было бы очень опасно для них.

АП. Почему была устранена экономическая часть договора?

ГдГ. Немцам канцлер объясняет это нежеланием вмешиваться в компетенцию Европейского экономического сообщества. А нам он говорит, что не желал, чтобы Эрхард сопровождал его в Париж».

Он долго смеется и добавляет: «Это старый лис», — с каким-то даже умилением, тогда как любого другого, позволившего себе такой маневр, он бы заклеил политиканом.

Генерал вновь становится серьезным: «Политическое положение Германии — вопрос гораздо более серьезный и тревожный, чем волнения, вызываемые суетой англосаксов.

Мы заключили договор с Германией, которая живет со смутой в душе. Канцлер подошел к концу своего поприща. Кандидаты на его пост волнуются. В результате создается не слишком благоприятная политическая атмосфера. Немцы ратифицируют договор, приговаривая при этом, что он недостаточен или что он идет слишком далеко.

Если они его не ратифицируют, наша совесть будет чиста и по отношению к ним, и по отношению к Европе, и мы в этом случае выберем другое направление». (Он повторяется.)

АП. В этом случае, речь шла бы о смене союзников? Вы бы повернулись к России, как в декабре 1944-го?

ГдГ. В общем, если вам угодно... И с большими шансами на успех. Сталина больше нет, мир изменился, Русская империя дает трещины, ее военный и идеологический империализм отступает.

Боюсь, что в Германии готовится новая Веймарская республика. Мы имеем там дело с людьми, административно умелыми, но политически не очень зрелыми. Самое лучшее — это все-таки дать им возможность сомкнуться с Францией. Без нас, Бог ведает, с кем они сомкнутся!».

Затем Генерал переходит к «брюссельской суете»:

«Итак, там ворчат и брюзжат по поводу франко-германского альянса. Англосаксы боятся, что больше не смогут влезать в интимные отношения между нашими странами. Как только я начал им противостоять, они взбеленились, это было неизбежно. На протяжении веков англичане стремились помешать сближению между галлами и германцами. А теперь то же самое делают Соединенные Штаты.

Стоит ли удивляться, что твердость моей позиции и поддержка, которую оказывает мне канцлер, вызывают волнение и бурю со стороны американцев и их многочисленных и блестящих французских болельщиков?

Пресса делает вид, будто главное событие последних трех дней — это «брюссельский кризис» и будто мы с канцлером только им и занимались. Из пяти часов нашего разговора наедине только пять минут были посвящены вступлению Англии

в Общий рынок, причем только для того, чтобы констатировать полное совпадение наших взглядов».

Совет министров, четверг, 24 января 1963.

Кув (с оттенком иронии в голосе). «Немцы чувствуют себя не уверенно. Вот-вот произойдет смена правительства. Как проводить в жизнь текст договора? Затем, тесное сотрудничество между Францией и Германией вызывает негативные отношения со стороны наших партнеров: опасение франко-германского преобладания, надежда, что это соглашение останется на бумаге.

ГдГ. Наш отказ от американских «многосторонних сил», затем наш отказ допустить Великобританию в Общий рынок, наконец, подписание договора о франко-германском сотрудничестве, оставляющего на обочине Италию и Бенилюкс, — эти три события в совокупности вызвали землетрясение. Нечего удивляться взрывам ревности. Лучше быть предметом зависти, чем предметом жалости».

Помпиду замечает, что если культурная программа сталкивается с трудностями, то происходит это по вине Франции, которая после 1945 года настояла, чтобы культура и образование находились в ведении «лэндеров» (администрации земель).

ГдГ. «Не следует об этом жалеть! Не в наших интересах, чтобы рядом с нами существовал централизованный Рейх! Германия — федеративное государство, и так гораздо лучше».

Мне в голову приходит крамольная мысль: он думает, что централизованная система по своей сути лучше децентрализованной. Если бы ему довелось пожить в возрождающейся Германии 50-х годов, он мог бы убедиться, что перераспределение ответственности в пользу немецких земель лежит в самой основе «немецкого чуда». Но я не решаюсь ему об этом сказать.

Между 1965 и 1969 годами его мнение по этому вопросу претерпит серьезные изменения.

После заседания.

Говоря медленно, словно для того, чтобы я успел записать, Генерал дает мне более спокойную версию, предназначенную для публики:

«Политика Франции состоит в том, чтобы создать Европу, которая действительно была бы Европой, которая существовала бы сама по себе, со своей экономикой, обороной, культурой.

Эту тему следует трактовать объективно и хладнокровно. Франция глубоко привержена европейскому строительству. Нашу национальную жизнь мы отныне не мыслим вне европейского контекста.

Мы упорно строим Общий рынок. Нам бы хотелось, чтобы британцы были способны содействовать этому в такой же степени, как и мы.

Мы желаем, чтобы континентальная система была цельной и сомкнутой, а атлантическая — гораздо более эластичной, чтобы Европа занимала в ней равное положение с американцами, которые в настоящее время располагают там всей полнотой власти.

Мы надеемся, что возможно в более близком будущем Великобритания переживет существенную эволюцию, чтобы быть в состоянии причалить к материку, отдав ему предпочтение перед плаванием в «открытом море». Чрезвычайно важно, чтобы она согласилась взять на себя все обязательства, налагаемые членством в нашей Европе шести. Переговоры о ее кандидатуре будут предложены после того, как она это сделает. До сих пор она все еще медлит».

Пауза, после которой тон меняется. Теперь он обращается непосредственно ко мне, как бы не желая, чтобы его порт-пароль расслабился в этой идиллической атмосфере:

«Мы должны стараться не ставить немцев в неловкое положение. Поэтому предоставим Аденауэру бороться со своим Бундестагом и со своими министрами (сардонический смех). Бедняга! Чем ему приходится заниматься, в его-то годы! Но они должны понять, что если договор не будет ими ратифицирован, все будет кончено навсегда. Мы сменим ориентацию».

Рамбуйе, 21 сентября 1963, среда.

Генерал принимает канцлера в Рамбуйе. Он излучает радость: ему нравится в Рамбуйе, а Елисейский дворец он не любит. Ему симпатичен этот старик 87 лет, с лицом сморщенным, как у старого монгольского наездника, с таким ясным умом, что

это должно ободрять де Голля, который моложе на целых четырнадцать лет (два президентских срока!). Он доволен, потому что Аденауэр отзывается на самые заветные его идеи, как будто читает в его сердце.

Канцлер тоже счастлив вновь встретиться с Генералом. Интересно, производит ли на него впечатление тот факт, что ему отвели спальню Франциска I и что он спит в королевской постели? Он сияет оттого, что в последний раз, прежде чем оставить свой пост⁵¹, он видится с другом, встреча с которым ровно пять лет тому назад ознаменовала поворот в его жизни.

Их взаимное уважение и восхищение имели огромное значение для франко-немецкого примирения, которое каждый из них рассматривал как свое важнейшее достижение.

Вторая половина дня прошла в разговорах обо всех мировых проблемах. Беседа началась в 16 часов в салоне первого этажа, со стенами, выложенными розовым и серым мрамором. Сразу же канцлер сделал заявление в форме политического заявления.

Затем он обратился к теме франко-германского сотрудничества:

«Я бы хотел говорить с вами о России и Китае, Генерал. Во время моего визита в Москву в 1955 году, Хрущев уже выражал беспокойство по поводу коммунистического Китая, задолго до того, как разногласия между ними вышли наружу. Русские не могут делать все: вооружаться против Запада, вооружаться против Китая и одновременно успешно развиваться.

Как мне представляется, наступил момент, когда русские хотели бы усилить свою военную мощь против коммунистического Китая и с этой целью сблизиться с Западом. Мы могли бы в один прекрасный день пойти на это, но заставив их заплатить всякого рода гарантиями в отношении безопасности и мира».

Канцлер продолжает остро анализировать непреодолимые трудности, с которыми сталкивается советская Россия, раздражаемая, с одной стороны, своими великодержавными амбициями, с другой — своей экономической слабостью. И делает четкий вывод: не следует помогать России в преодолении трудностей; напротив, пользуясь провалами ее системы, надо заставить ее ослабить давление на Европу:

«Подумать только, русский чернорабочий практически никогда не становится квалифицированным рабочим! Подумать только, Советы вынуждены закупать зерно в Канаде, Австралии и Соединенных Штатах! Они стоят на краю если не голода, то недоедания. Но если русские получают то, что им нужно с помощью Запада, они будут продолжать заниматься болтовней на так называемых «переговорах», а кроме того, будут составлять конкуренцию западным странам. Ленин уже сказал, что капиталисты помогут сплести веревку, на которой коммунисты их же и повесят. И он не ошибался. Так что если мы будем заниматься попустительством, то это будет безответственностью с нашей стороны. Россия нуждается в Западе. Не надо упускать возможность заставить ее заплатить хорошую цену, цену мира, в обмен на то, что она просит.

ГдГ. Я прекрасно понимаю ваши намерения. Вы не хотите позволить Западу оказать помощь Советам, не получив чего-то существенного в обмен. Но в обмен ведь можно получить разные вещи? Разве некоторые немецкие промышленные круги не заинтересованы в этом? Особенно те, которые близки к партии Эриха Менде⁵²?».

Аденауэр громко смеется, видя, насколько Генерал в курсе немецкой политической жизни. Он отвечает, что «крупные немецкие компании, действительно, заинтересованы в том, чтобы закрепиться на советском рынке. Точно так же, наши аграрии не одобряют нашу антисоветскую политику с тех пор, как русские заказали 200 тысяч тонн муки в Германии. Но общественное мнение будет, бесспорно, на нашей стороне, если мы будем препятствовать такой коммерческой экспансии на Восток: ведь это все равно, что кормить тигра, чтобы он нас потом сожрал.

ГдГ. Существуют сильные движения в пользу такой помощи Советам. Англичане к этому расположены, японцы тоже. Согласятся ли с вашим мнением американцы, или возобладает их желание делать дела?

Аденауэр. Страны НАТО не должны были бы соглашаться на запрашиваемые поставки, пока в России не будет реального разоружения, пока она не откроется для свободного туризма и пока не будет возможна (здесь канцлер выдает свою застенную мысль) дискуссия о воссоединении Германии.

ГдГ (воздерживаясь от ответа на последний вопрос). Разве НАТО — надежная база? Там есть страны, склонные к уступкам. Франция, со своей стороны, готова согласовывать свою политику в этой области с политикой Федеративной Республики. Наш двойной пример заставит решиться другие страны.

Аденауэр (понимает, что, заговорив о НАТО, он взмахнул красной тряпкой). Было бы необходимо, чтобы Кеннеди присоединился к политике, которую мы намереемся проводить, — пусть даже он будет выглядеть ее инициатором.

ГдГ. Наш общий интерес состоит в том, чтобы со стороны американцев не было прямой помощи русским, что неизбежно привело бы к усилению Советов в ущерб Западу. Кеннеди заявил вчера: «Давайте сначала вместе слетаем на Луну, а потом и еще что-нибудь сделаем вместе». О чем идет речь? Безусловно, для Франции и Германии, у которых есть основания для недоверия, наступил момент, когда нужно быть настороже».

Канцлер, который, естественно, заметил, что вопрос о воссоединении повис в воздухе, возвращается к нему с озабоченным видом:

«Руки Германии связаны вопросом объединения. Если он не найдет решения в течение десяти лет, есть все основания опасаться, что в Германии возродится национализм, чего я хотел бы избежать любой ценой».

Не отвечая ему сразу на этот вопрос, Генерал подхватывает аргументацию канцлера, но для того, чтобы вывести из нее новое осуждение американско-советского совместного господства и подвести своего собеседника к теме европейской Европы.

ГдГ. «У русских огромные внутренние трудности. Их конфликт с Китаем усугубляется. Если англосаксы продолжают свои переговоры с Советами, то они неизбежно придут к соглашениям, которые будут вредны для Германии и, следовательно, для Европы. За этим может последовать либо возрождение немецкого ультранационализма, либо нейтрализация Германии и, следовательно, всей Европы.

Возможно, наступит время, когда можно будет заключить мир с Россией, в частности, мир европейский, при котором не будет больше двух Германий (вот он, наконец, ответ — А.П.),

но в настоящее время Франция не намерена ни в какой форме участвовать в таких переговорах.

Я желаю, как и вы, укрепления франко-германского договора. В последнее время наше сотрудничество было не очень активным. Русские и американцы подписали Московские соглашения, к которым Франция не могла присоединиться, так как она хочет продолжить свои атомные испытания. Может быть, Федеративная Германия могла бы тоже не присоединяться, так как в любом случае она уже заявила, что не желает обладать атомным оружием. Это расхождение между Францией и Германией уже было замечено».

Генерал становится еще более настойчивым: «Военные проблемы между Францией и Германией не слишком продвигаются к разрешению. Прежде всего, стало ясно, что американцы не готовы первыми применить атомное оружие в случае советского наступления, они даже приняли решение не применять его! Они воспользуются атомным оружием только для защиты священной американской земли. Это не в интересах Франции и Германии, которые рискуют быть завоеванными до того, как будет применено атомное оружие: ведь только угроза его немедленного применения может остановить русских.

Существует проект «многосторонних ядерных сил». Но это мираж. Ибо такие силы находятся в распоряжении не немцев, а одних только американцев. Позиция *wait and see*⁵³ для нас означает русское вторжение. Поэтому Франция создает свое собственное атомное оружие с решимостью применить его немедленно, чтобы предотвратить возможность нападения».

Канцлер разделяет опасения Генерала:

«Немецкие генералы заявили мне, что защита будет невозможна, если наземные части не будут иметь на вооружении ракет среднего радиуса действия. Уже прошло восемнадцать месяцев с тех пор, как я говорил об этом с Кеннеди... Его позиция вызывает большое разочарование, а его политика не дает положительных результатов. Он действует порывами, без общего плана, даже в военной области.

Главное, Франции не следует ослаблять своих усилий в атомной сфере. Ваша позиция, генерал, правильная и справедливая. Я разделяю ее без малейших оговорок.

Пусть американцы не слишком доверяются «Полярисам» и «многосторонним силам». По политическим соображениям я счел необходимым присоединиться, но у меня нет к ним доверия. Сегодня Кеннеди, кажется, думает, что европейские проблемы не так важны для Соединенных Штатов, как проблемы азиатские. Надо убедить его в обратном, так как ослабленная советская экономика, если не оказывать ей искусственной поддержки, является гарантией мира.

Я думаю, как и вы, что переговоры между русскими и американцами могут привести только к ухудшению нынешней ситуации. Шрёдер⁵⁴, напротив, считает, что переговоры о Берлине и Германии могли бы улучшить обстановку. Но как американцы смогут добиться преимущества, если сами идут на буксире у Советов? Никогда еще американцы не проявляли инициативы в выборе темы для переговоров с русскими. Подумать только, ведь они даже не потребовали устранения Берлинской стены!

ГдГ. Я задаюсь вопросом, сумеем ли мы, несмотря на франко-германское соглашение, поставить на ноги Общий рынок до начала переговоров с Соединенными Штатами. Мы хотели общей политики, и именно по этой причине Франция заняла позицию против того, чтобы при данных обстоятельствах англичане вступили в Европейское сообщество (его тон становится более резким). Договор о франко-немецкой дружбе является в настоящий момент договором о намерениях. Необходимо, чтобы он стал чем-то большим. Кроме Германии и Франции, в Европе нет других реальных факторов, и если эти два фактора не объединятся во всех областях, нас захлестнет».

Аденауэр затем высказывается в откровенно пессимистическом духе о возможности доверять Кеннеди и об английских намерениях в Европе. Не больше радуют его и перспективы Общего рынка:

«Я сделаю все возможное, чтобы Общий рынок продолжал жить. Но не знаю, добьюсь ли успеха. Если система социального и общественного налогообложения не будет гармонизирована, как это предусмотрено в нашем договоре, никогда не будет настоящего Европейского экономического сообщества. Добавлю также, что немецкое сельское хозяйство нуждается в

структурных преобразованиях. Это позволит немецкому и французскому сельскому хозяйству идти бок о бок.

ГдГ. Я согласен с тем, что и во Франции предстоит многое сделать, чтобы модернизировать агрокультуру. Я думаю, что сельскохозяйственное урегулирование надо провести обязательно до начала переговоров с американцами. В противном случае, они завалят Европу своими излишками.

Аденауэр. Франко-германская дружба — это самый важный результат моей деятельности за все четырнадцать лет, что я руководил немецкой политикой».

16. «Может быть, придется ждать пятьдесят лет»

20 апреля 1963 года **Генерал** мне говорит:

«О том, чтобы возобновлять переговоры с англичанами не может быть и речи. Иначе мы снова увязнем в трясине, и нам потребуются огромные усилия, чтобы из нее выбраться. В январе мне это удалось. Новую попытку мы предпримем не раньше, чем через четыре или пять лет.

АП (с невинным видом). Значит, уже во время вашего следующего семилетнего срока?

ГдГ (молчит несколько секунд, как бы осозная, что выдал себя). Во время моего срока, или при каком-то другом президенте. (Но ясно, что, если это будет кто-то другой, он не будет связан расчетами Генерала. Он спешит дальше, не желая, чтобы я развивал эту тему.) Я согласен, чтобы мы поддерживали какие-то контакты, но тогда не только с англичанами, но и со всеми странами, входящими в малую зону свободной торговли: с Данией, Швецией, Норвегией и так далее. Было бы совершенно неправильно разговаривать только с англичанами. Если только они не возьмут на себя право говорить также и от имени других, что было бы не логично: ведь каждая страна является, или должна являться суверенной. Или англичане только делали вид, будто хотят вступить в Общий рынок в одиночку. Но это была бы с их стороны еще одна лицемерная уловка: стоило нам приоткрыть дверь, и все их вассалы всунули бы в щель свои ноги. Итак, с Англией покончено. Мы

теперь будем иметь дело только с ЕФТА⁵⁵. (Смеется.) Еще одно сокращение, которое даже не заслуживает того, чтобы переводить его на французский язык. Пусть остается английским!».

Префектура Шалона, 23 апреля 1963.

АП. «Во время вашей речи, и в Реймсе, и в Шалоне, я был поражен единодушными аплодисментами, когда вы говорили о нашей *силе сдерживания*. Это, действительно, тема, вызывающая общий энтузиазм.

ГдГ. Конечно! Оппозиционеры, всякие Ги Молле⁵⁶ и Морисы Форы⁵⁷, хотят нас убедить, будто французы являются *пацифистами*. Это неправда! Французы *миролюбивы*, а это совершенно другое дело. Миролюбивые люди знают, что себя надо защищать. Пацифисты отказываются себя защищать, они надеются на доброжелательность других. По вине пацифистов происходят войны.

АП. Но ведь те, кто говорит о европейских ядерных силах, в действительности тоже хотели бы избавиться от американского засилья?

ГдГ. Они не знают, о чем говорят! Что такое европейские ядерные силы? Ни один человек, достойный называться французом, не согласится зависеть от американцев. Но не иметь собственных сил защиты и целиком полагаться на Америку — это значит быть американским сателлитом.

Американцы против европейских ядерных сил, так же, как они против французских сил сдерживания. Сохранить свою монополию — вот чего они хотят! Они категорически возражают против того, чтобы другие располагали атомным оружием, которое не находилось бы под американским контролем. Они хотят, чтобы все существующее атомное оружие находилось под их исключительным контролем. Но именно в этом мы им и не можем уступить, так как это означало бы стать их вассалами.

Американцы еще не совсем это поняли, но уже начали понимать. За последние три месяца это стало до них постепенно доходить. (Смеется).

Они твердят, что французские силы сдерживания не имеют значения. Однако они имеют достаточное значение, чтобы все изменилось. В настоящее время в мире существуют только две атомные державы: Америка и Россия. Англия целиком зависит от

американцев. Однако, начиная с сентября, появится третья сила, пусть еще не окрепшая, но которая скоро возрастет настолько, что будет в состоянии уничтожить десятки миллионов людей и привести к страшной катастрофе. И всякий, кто не захочет увидеть ее в действии, вынужден будет считаться с нами. У нас появится ужасная возможность вызвать светопреставление. Это не значит, будто мы хотим конца света, но мы не хотим конца Франции».

Во время этого турне (как и во время предыдущей поездки по Юре в июне прошлого года) он не устал повторять в своих речах, что Европейское экономическое сообщество должно стать «Сообществом *политическим*». Я спрашиваю у Генерала, намеренно ли он подчеркивает этот момент.

ГдГ. «Ну конечно! Это должно произойти обязательно! Экономическое сообщество не может быть самоцелью. Оно должно преобразоваться в сообщество политическое! Именно потому, что англичане еще не были готовы вступить в политическое сообщество, их нельзя было допускать в сообщество экономическое. Именно политическая воля должна толкать к экономической унификации.

АП. Но политические институты не должны были бы походить на учреждения Экономического сообщества?

ГдГ. Конечно! Ни в коем случае! Наоборот, они должны быть совсем другими. Не может быть и речи о том, чтобы комиссия, вроде той, которая руководит Общим рынком, стала бы управлять внешней и внутренней политикой шести стран. Но учиться сотрудничеству необходимо. И когда мы этому научимся, само собой произойдет сплочение институтов.

АП. Думаете ли вы, что через несколько лет, когда закончится обучение политическому сотрудничеству, можно будет создать общий исполнительный орган, подобный тому, который сейчас существует в Брюсселе?

ГдГ (сухо). Нет сейчас никакого исполнительного органа в Брюсселе. Ваш исполнительный орган ничего не исполняет. То, что неправильно называют исполнительным органом, на самом деле является комиссией по контактам, координации и подготовке решений. Но решения принимаются правительствами. Иначе и быть не может. Если только комиссия попытается принимать решения без правительств, ее быстро поставят на

место. Уж мы-то медлить не станем, и другие тоже. Назвать Брюссельскую комиссию органом власти — это еще один обман, в числе прочих. А наша политика основана на истине.

Возможно другое. После того, как закончится обучение политическому сотрудничеству, возникнет обычай принимать решения на совместном Совете министров.

АП. Единогласно или большинством?

ГдГ. Начинать надо с принципа единогласия, а дальше посмотрим. Я не могу предсказать, что произойдет через пятьдесят лет. Но придется ждать, может быть, не менее пятидесяти лет, пока сложится настоящее политическое сообщество».

Пятьдесят лет! Впервые я слышу, чтобы он произносил, даже в частной беседе, такую цифру, определяющую масштаб исторических свершений. Генерал не верит, чтобы объединение Европы могло совершиться на протяжении жизни одного поколения. Он словно угадывает мои мысли.

ГдГ. «Посмотрите на Соединенные Штаты, Пейрефит! Им потребовалось восемьдесят лет, от декларации о независимости до войны между Севером и Югом, чтобы пройти путь от конфедерации к федерации. В Канаде — примерно такие же сроки. Нидерландам на аналогичную эволюцию потребовалось семьсот лет. И Швейцарии — тоже несколько столетий».

В заключение он говорит: «Словесные упражнения страбургских пророков, Пфлимлинов и Спааков, меня не трогают. Века истории нельзя стереть одним махом».

17. «Если Общий рынок невозможен, мы проживем без него»

Золотой салон, 20 ноября 1963.

АП. «Сможем ли мы преодолеть перевал в Брюсселе 31 декабря?

ГдГ. Надо. Трудно будет прийти к соглашению, но необходимо этого добиться, если не к 31 декабря, то хотя бы в начале января. Мы остановим маятник*.

* Выражение, означающее негласное перенесение сроков.

АП. Журналисты утверждают, что вы не придаете никакого значения своему заявлению от 31 июля этого года: они называют его «ультиматумом», который вы предъявили своим партнерам по Общему рынку. Но ультиматум можно предъявлять, если у Франции есть запасной вариант, а они не верят, что таковой имеется...

ГдГ. Нет, он имеется! Никогда не надо ставить себя в положение, когда у вас нет запасного варианта! В данном случае он у нас готов, если наши партнеры окончательно откажутся от аграрного Общего рынка. Наш запасной вариант состоит в том, что мы сохраняем в форме торгового договора все достижения Общего рынка и продолжаем двигаться в том же направлении путем заключения двусторонних и многосторонних торговых договоров. Эти договоры мы будем обсуждать жестко, придерживаясь только наших интересов, которые, впрочем, в очень большой степени совпадают с интересами Европы. Если Римский договор нарушен, почему, скажите на милость, мы должны считать себя связанными им? Мы больше не будем с ним считаться.

АП. Думаете ли вы, что канцлер Эрхард будет твердо придерживаться франко-немецкого договора, установившего между нашими странами привилегированные отношения?

ГдГ. А почему нет? Он не может позволить себе его нарушить. Волей-неволей, он вынужден двигаться дальше. Немецкий народ не простит ему, если он не поддержит этот великий порыв к франко-немецкой дружбе. Но возможно, он не сможет придать ему такой же динамизм, как Аденауэр.

АП. Не очень ли он связал себя с американцами?

ГдГ. Конечно, и по своему темпераменту, и потому что он экономист, он больше склоняется к англосаксам, чем к Франции. Но я не считаю, что в этом есть что-то окончательное и фатальное. Впрочем, я и не требую, чтобы он выбирал между Францией и Америкой. Он не в состоянии этого сделать. Германия все еще страна, находящаяся под покровительством, у нее психология такая, и она боится оказаться недостаточно защищенной. Она еще не обрела независимости и необходимой для этого веры в свои силы.

АП. Если только она не хочет получать выгоды и от Франции, и от Соединенных Штатов, заставляя их конкурировать между собой?

ГдГ. О, если Эрхард захочет вести двойную игру, то у него немного шансов ее выиграть! У него слишком узкое поле для маневров. Он не может опереться на Америку против Франции, ни на Францию — против Америки. Все, что он может, это лавировать между двумя кораблями, превосходящими его высотой бортов.

АП. Он предложит вновь выдвинуть план Фуше?

ГдГ. Да, конечно, он заговорит о нем. Но это будет пустая болтовня. Что вы хотите, чтобы из этого вышло?

Сейчас под нами — сыпучие пески, и я не вижу, чтобы могло быть как-то иначе. Единственные реальности в перспективе — это нации. Французская нация теперь поднялась и крепко стоит на ногах. У немецкой нации сломан хребет (вот опять он использует это выражение). Бельгийская нация — их целых две. Что же касается европейской нации, то ей еще предстоит родиться, если она вообще когда-нибудь появится на свет; и уж точно, на это потребуется не десять, а сто лет».

Елисейский дворец, 21 ноября 1963, четверг.

Новый канцлер приехал, чтобы возобновить с Генералом отношения, установленные его предшественником. Сегодня у них был первый разговор с глазу на глаз. Второй состоится после полудня.

[...]

Совет министров, 27 ноября 1963.

Кув делает сообщение о визите Эрхарда 21 и 22 ноября. Помпиду и Генерал ограничиваются несколькими фразами, как если бы они хотели не сразу раскрыть свою позицию. Но **Пизани** в своем выступлении, в связи с переговорами по аграрным вопросам, рассказывает о довольно странных маневрах федерального правительства:

«Нам придется убеждать немцев разделить стоящие перед нами вопросы на те, которые надо решить до 31 декабря, и на те, которые можно перенести на более поздние сроки. При наличии доброй воли, мы договоримся, даже если придется “остановить маятник”».

ГдГ. Зачем начинать разговор об «остановке маятника»? Время есть время. Надо требовать, чтобы установленные сроки соблюдались».

(Сам же он говорил мне на прошлой неделе: «Остановим маятник». В разговоре со мной он был согласен на такое послабление. Но на заседании Совета министров он уже не столь сговорчив: надо усиливать давление.)

Генерал развивает критические замечания Эрхарда относительно организации работы в Брюсселе:

«Министры там всегда оказываются послушными исполнителями решений, подготовленных Комиссией и относительно которых правительства еще не определили своей позиции. Эрхард прав! Такое функционирование Сообщества чревато безответственностью.

Пизани. Если мы приходим к соглашению, мой коллега Шварц и я, все идет, как по маслу. А если нет, — вся машина останавливается. Но он не скрывает от меня, что ему не требуется предварительное согласие канцлера и его коллег из министерства иностранных дел и из министерства экономики (у самого Пизани такой возможности нет!).

ГдГ (сухо). Именно такое положение и критиковал Эрхард: его не устраивает, как его министры действуют в данной области! Он не доверяет своим министрам иностранных дел и сельского хозяйства, которые принимают решения помимо него».

Пизани повторил с положительной оценкой то, на что канцлер жаловался Генералу. Два министра, французский и немецкий, сговариваются между собой и вместе склоняют на свою сторону Комиссию и других партнеров. И Шварц пользуется этим, чтобы поставить свое правительство перед свершившимся фактом. Генерал, с его пониманием роли государства, не может одобрить подпольных маневров, которые позволяют ловкому министру, сговорившемуся со своим коллегой, использовать Брюссельские учреждения против своего собственного правительства.

После заседания Генерал более словоохотлив.

АП. «Что на самом деле произошло между вами и Эрхардом? Ходят разноречивые слухи. Эрхард будет сторонником франко-немецкого сотрудничества? Наш договор устоит?»

ГдГ. Возможно. Франко-германские отношения оказались более устойчивыми, чем представлялось. Эрхард, даже если бы захотел, не смог бы от них избавиться. Но я думаю, что он

и не хочет. Он явно желает нравиться. Это в полной мере проявилось во время его визита. Так что трудности возникнут не с его стороны.

АП. Значит, вы настроены оптимистично?

ГдГ. Да. Эрхард поможет урегулированию трех оставшихся вопросов (говядина, молочные продукты и рис). Что касается зерновых, предстоит тщательно изучить план Маншольга⁵⁸.

АП. Вы к нему благоприятно настроены?

ГдГ. Он приведет к тому, что цены на зерновые станут быстро повышаться, а это противоречит нашему плану стабилизации. Все захотят производить как можно больше пшеницы, хотя уже сейчас неизвестно, что с ней делать.

АП. Говорят, что Шрёдер хотел бы связать урегулирование, которое должно быть достигнуто до 31 декабря, с переговорами на так называемом «Раунде Кеннеди»⁵⁹?

ГдГ. Шрёдер — человек англосаксов. Это типичный обманщик. У него одна единственная цель — идти мне наперекор. Я сказал, что со всеми урегулированиями надо покончить до 1 января. Поэтому он представляет дело так, как будто немцы отказываются завершать переговоры. Но Эрхард мне этого не сказал. Сроки были установлены по обоюдной договоренности. Обязательства — это обязательства. Если Шрёдер против договоренности о 31 декабря, ну что ж, мы делаем свои выводы: прощай, Общий рынок, коровы, свиньи и цыплята! Вина будет на нем».

Уже в январе он выступал с этой угрозой. Теперь он ее повторяет и внутренне готовится к кризису.

Совет министров, 11 декабря 1963.

[...]

ГдГ. «Еще не пришло время занимать жесткую позицию. Мы пока не знаем, как повернется дело: возобновятся ли переговоры, или немцы будут продолжать откладывать сроки. Пока царит полная неопределенность.

Конечно, неприятно и даже досадно, что дело начинается так плохо, несмотря на обязательства, согласованные всего пятнадцать дней назад.

Сюда еще вмешались первоначально не предусмотренные переговоры с американцами. Мы подписывали Римский

договор, совершенно не имея в перспективе соглашения с Америкой; Американцы помогали созданию Общего рынка, не ставя никаких предварительных условий. 14 января 1962 года мы достигли торжественного соглашения между Шестью европейскими странами об организации Общего сельскохозяйственного рынка, и никто при этом не заикался о ГАТТ. Мы совершенно напрасно согласились обсуждать этот вопрос и особенно — наличие связи между созданием сельскохозяйственного Общего рынка и «Kennedy Round». К тому же, Кеннеди уже нет на свете⁶⁰, и непонятно, кто вместо него будет боксировать в этом «раунде».

Как бы то ни было, нет никаких оснований переносить с 31 декабря дату завершения приостановленных в Брюсселе переговоров относительно сельскохозяйственного урегулирования.

А что мы сделаем в случае неблагоприятного поворота событий? Мы констатируем, что со стороны наших партнеров имеет место явное несоблюдение принятых ими на себя обязательств и что, в таких условиях, становится непонятным, какая судьба может ожидать Европейское экономическое сообщество. Общий рынок перестанет существовать.

Практически, все зависит от позиции Германии... Сейчас ее позиция является неприемлемой, чтобы не сказать недопустимой, но я пока воздержусь от характеристик. Подождем до 31 декабря.

Мы не знаем, с кем же мы имеем дело. То канцлер Эрхард клянется всеми богами, что урегулирование будет достигнуто к 31 декабря. То представитель немецкого правительства заявляет: «Никогда мы не давали подобных обещаний!». Похоже, что перед нами не государство, а недоразумение.

Если это так, то получается, что немцы не способны, я повторяю, не способны вступить в сообщество с нами. До 31 декабря еще есть время, чтобы добиться результатов. Практически, ничто не препятствует тому, чтобы переговоры успешно завершились в намеченные сроки.

Психологический эффект от распада Общего рынка? (Генерал отвечает на предостережение, только что высказанное Помпиду.) Не будем скрывать от себя, что наши противники постараются свалить вину на нас. Но поверят ли им? Пове-

рят ли бумажным драконам — я имею в виду газеты, — которые будут заполнены их инвективами? Не следует жертвовать нашими кардинальными интересами из страха перед газетной болтовней.

Надо, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что если два года спустя после заключения важнейших соглашений по аграрному вопросу от 14 января 1962 года все еще не удастся урегулировать порядок включения сельского хозяйства в Общий рынок, то такое урегулирование не будет достигнуто вообще.

Наши партнеры были бы рады затянуть эти переговоры еще на несколько лет! Немцы могут ждать пятьдесят лет. А мы не можем. У нас на руках наше сельское хозяйство! Если у нас не будет выхода на Общий рынок, мы вынуждены будем искать другие сферы сбыта, делать выводы относительно самого нашего аграрного сектора».

Сделав свое заявление, Генерал обращается к Пизани (который должен сразу же вернуться в Брюссель): «Господин министр сельского хозяйства, вы свободны». Пизани встает и, не подавая вида, что шутит: «Господин Генерал, благодарю за свободу».

Золотой салон, после заседания.

Во время заседания все почувствовали силу решимости Генерала. Остается выяснить, как все это подавать общественному мнению.

АП. «Ни у кого не должно возникнуть сомнений в вашей решимости. Не выступите ли вы с заявлением сами до конца месяца?»

ГдГ. Нет, я не хочу выступать, пока продолжаются переговоры».

У него другой замысел: пусть *до* окончания переговоров станет известно о том, что он выступит *после*.

ГдГ. «Чтобы подтолкнуть немцев и чтобы их припугнуть, надо будет объявить дату моей пресс-конференции.

Есть немцы, которые боятся, потому что говорят себе (он громко смеется): «Если бы мы имели дело с Ги Молле, можно было бы тянуть долго! Но с де Голлем никогда ничего нельзя знать заранее; он вполне способен заявить: «Все, хватит, с этим

покончено!». В европейских правительствах тоже боятся. И в учреждениях Сообщества задаются вопросом: «А мы-то куда денемся? Если де Голль заявит, что нет больше Общего рынка, кто нам будет денежки платить?». А бельгийское и люксембургское правительства пусть расшибаются в лепешку, чтобы кормить в своих столицах все эти, как станет ясно, никому не нужные сообщества.

АП. Все-таки было бы странно, если бы дело до этого дошло!

ГдГ. Если до этого дойдет, придется посмотреть на вещи издалека и сказать себе: мы совершили тотальную ошибку. Мы положились на честное слово немецких руководителей. Но оказалось, что они полностью недобросовестны.

АП. Если Общий рынок перестанет существовать, то и франко-немецкий договор тоже?

ГдГ. Как вы хотите, чтобы он продолжал существовать, если Общий рынок развалится по вине немцев? Конечно, мы денонсируем договор и даже откажемся держать свои войска в Германии.

АП (разинув рот). Но ведь присутствие французских войск в Германии — это и в интересах Франции?

ГдГ. Если немцы хотят, чтобы ими управляли англичане и американцы, пусть так и скажут! И для своей защиты пусть рассчитывают только на них! Франция будет в большей безопасности, если мы выйдем из предприятия, не имеющего смысла и связывающего нас по рукам и ногам.

АП. Но ликвидировать Общий рынок, разве это не значит сделать именно то, чего хотят англосаксы?

ГдГ. Действительно, англосаксы хотят, чтобы не было Общего рынка. Англичане говорят: «Нас не захотели допустить в Общий рынок, сделаем же так, что его больше не будет вообще». Если бы они в него вошли, Общего рынка больше не было бы. Если теперь Общий рынок лишен возможности развиваться из-за давления англичан и американцев, то результат оказывается таким же. Не исключено, что Общий рынок — это такой механизм, который не может функционировать.

АП. В таком случае, вы считаете, что будет доказана изначальная нежизнеспособность Общего рынка?

ГдГ. Если до 31 декабря не будет достигнуто сельскохозяйственное урегулирование, это будет доказательством того, что противоречащие друг другу национальные интересы так и не удалось примирить. Интересы Великобритании побудили ее к попытке вступления в Общий рынок с целью его раскола; а теперь она оказывает давление на Германию, чтобы та саботировала развитие Общего рынка. Прихвостни Соединенных Штатов подтолкнули их к тому, чтобы бросить в болото колоссальный камень под названием «Kennedy Round». Вот так. Возможно, что все эти прекрасно придуманные конструкции на самом деле не соответствуют национальным интересам стран-участниц. И наступит понимание того, что успеху Общего рынка помешала не Франция.

Не нужно волноваться. Если мы добьемся положительного результата к 31 декабря, мы сможем сказать, что это произошло благодаря занятой нами решительной позиции. А если не добьемся, то это будет доказательством того, что надо реалистически учитывать интересы государств. Переговоры ведутся не для того, чтобы доставлять удовольствие друг другу. Переговоры ведутся во имя национальных интересов.

АП. Думаете ли вы, что немцы пойдут одновременно и на раскол Общего рынка, и на разрыв франко-немецкого договора?

ГдГ. Нет ничего невозможного в том, что немцы скиснут. Они перессорились между собой. Может быть, Эрхард не захочет начинать свою карьеру канцлера в качестве руководителя, разрушившего одновременно Общий рынок и франко-немецкий договор.

АП. Сможем ли мы совершить крутой поворот?

ГдГ. Ну конечно! Неужели вы думаете, что без Общего рынка мы задохнемся? Перед лицом маневров со стороны англичан, американцев и немцев, мы отвечаем: «Конец Общего рынка для нас никакой угрозы не представляет». Я и раньше не был сторонником европейской интеграции. Но, поскольку мы подписали Римский договор, то, вернувшись к делам, я решил его выполнять. Если его не станут выполнять, то Франция прекрасно без него обойдется.

АП. Существует довольно распространенное убеждение, особенно среди молодежи: будто бы без Европы Франция — ничто.

ГдГ. Возможно, конец Общего рынка будет и концом этого мифа. Вот и хорошо: его придумали мистификаторы, которые хотели утвердить идею наднациональной Европы.

АП. Конец Общего рынка и франко-германского договора означал бы переворот всей международной жизни.

ГдГ. Мы хотели проводить политику согласия с Германией, за счет отношений с Россией, Польшей, Чехословакией и Югославией. Эти изголодавшиеся народы были бы рады сблизиться с Францией, если бы она отказалась от тесного альянса с Германией, память о прошлых действиях которой внушает им всем страх. Русские первые были бы довольны такой переменной. Вы знаете, русские теперь стали такими бедными. Они у всех просят денег. Они вынуждены покупать зерно для собственного пропитания. Они чувствуют угрозу со стороны китайцев. Если немцы просочатся у нас между пальцами, что ж, мы имеем другие возможности! Мир велик, и Франция может вести большую игру».

[...]

Золотой салон, 18 декабря 1963.

[...]

ГдГ. «В действительности, прикрыть Общий рынок не так просто и, может быть, не слишком выгодно для нас самих. Было бы правильнее заморозить его в том виде, в каком он находился, когда было заключено соглашение о введении в него аграрной продукции. Мы тогда дали согласие на переход ко второму этапу Общего рынка. Если мы не добьемся результата к 31 декабря, мы констатируем, что соглашение не было выполнено, и что мы возвращаемся к положению до 31 декабря 1961 года, то есть — к первому этапу. Мы согласимся пассивно выполнять правила, существовавшие в 1961 году, и откажемся идти дальше.

В результате мы получим много выгод. У нас не будет никаких оснований отказываться от права вето во всем, что делает Сообщество. Например, «нет» — «Kennedy Round», «нет» — переговорам с Англией. Мы сохраняем свое присутствие в системе, имея возможность блокировать ее в любой момент. Вместо того чтобы посылать в Брюссель министров, мы пошлем какого-нибудь чиновника. Комиссия, конечно, сохранится, но де-

лать ей будет нечего, поскольку движения вперед не будет. Европа Шести будет обречена на рутину. Инициативы должны будут направляться по другим путям, и вот тогда-то Франция скажет свое слово, будьте уверены».

Еще месяц назад его высказывания были безапелляционны и воинственны. Сегодня они столь же решительны, но более нюансированы. Он развил свой сценарий альтернативной политики. Он уже готовит для Франции роль в изменившихся декорациях.

АП. «Вы не думаете, что Эрхард отступит, видя такие перспективы?»

ГдГ. Не знаю. Может быть, он слишком слаб, чтобы принимать решения.

АП. Все-таки у вас есть надежда, что мы своего добьемся?

ГдГ. Не знаю. Ничего нельзя сказать до конца недели. Посмотрим... (Помолчав, Генерал поправляет себя). Надежда? Почему вы говорите о надежде? Если мы не добьемся желаемого результата, в этом не будет ничего драматического. Франция всегда найдет выход. Жила же она без Общего рынка. И прекрасно проживет без него. Она достаточно самостоятельна и в накладе не останется. Никогда не надо терять веру во Францию».

Уже проводив меня, Генерал вновь приоткрывает дверь:

«Об этой истории с Общим рынком говорите небрежно! Пусть у вас не будет удрученного вида!».

Он не сказал: «Пусть это останется между нами». Он знает, что брифинг для главных редакторов вызовет достаточно широкий отклик, в частности, в зарубежной прессе и в правительственных канцеляриях. И я намеренно даю волю языку.

Но на что он рассчитывает? Показать, что даже самые ярые проповедники федерализма вынуждены считаться с силой национальных интересов? Да, это для него большой соблазн, он получил бы от этого огромное удовольствие. Но он не делает ничего, чтобы его себе доставить. Он ждет и ничего не говорит, словно рассчитывает на какое-то Божье вмешательство. Конечно, его публичное молчание — всякому, кто знает о его внутреннем состоянии, — может показаться опасным, поскольку оно укрепляет позиции тех, кто считает, будто у него нет запасного решения, и потому испытывает его терпение. Но в действительности, — и он это знает, — его молчание скорее помога-

ет немцам отступить без потери чести, сохраняя лицо. Генерал избегает публичной драматизации, которая могла бы напрячь немецкое общественное мнение. Он позволяет игральным костям катиться — и не вмешивается.

И действительно, немцы «спасуют».

18. «Я укажу Эрхарду его место»

Месяц идет за месяцем, и каждый приносит что-нибудь новое. Перед каждым очередным сроком исполнения европейских обязательств во франко-германских отношениях наступает предгрозовое напряжение. Так происходит и весной 1964 года, накануне третьей встречи в верхах, которая должна состояться в Бонне. Но канцлер Эрхард предварил ее поездкой в Соединенные Штаты.

Золотой салон, 23 июня 1964.

АП. «Вы многого ожидаете от поездки в Бонн, господин Генерал?»

ГдГ. Нет. Разве что обругаю немцев. Я поставлю Эрхарда на место.

АП. В общем, вы разочарованы тем, как они себя ведут?

ГдГ. Да. Пусть себе милуются с американцами, я согласен. Но не до такой же степени! Или пусть тогда не подписывают договор с нами. Они ведут себя так, как будто не понимают, что это не просто договор о дружбе и сотрудничестве, а договор об особых отношениях. Они превратили его в надувательство. И я буду говорить о Европе, какой ей надлежит быть, то есть Европе европейской, а не американской. А они хотели бы преподнести Европу американцам в качестве подарка. Так вот, я им покажу, что есть разница между сторонниками Европы и сторонниками протектората. Я сторонник Европы, а не протектората».

Бонн, 3 июля 1964.

[...]

После полудня на ступенях Федеральной канцелярии канцлер Эрхард, весь красный, ожидает прибытия Генерала. Генерал опаздывает, причем намного. Два государственных деятеля долж-

ны были встретиться с глазу на глаз до начала пленарного заседания, намеченного на 16 часов. Видно, что Эрхард теряет терпение.

Наконец, Генерал прибывает и говорит канцлеру с пленительной улыбкой: «Я был у Конрада Аденауэра. Я был покорен его обаянием. Не заметил, как время пролетело».

На самом деле, как мы узнали позже от переводчика, во время встречи (Генерал посетил бывшего канцлера в его кабинете председателя христианско-демократической партии) де Голля неоднократно предупреждали о том, что пора ехать. Под окнами мотоциклисты сопровождения включали моторы своих машин. Напоминания начальника протокола и шум моторов становились все более частыми. Наконец, и сам Аденауэр стал умолять де Голля ехать. Генерал делал вид, что ничего не слышит, и сохранял полную невозмутимость. Аденауэр, в конце концов, понял, что де Голль намеренно задерживает свой отъезд, и не мог скрыть лукавой улыбки.

Во всяком случае, Генерал сделал то, что задумал: с улыбкой на губах он указал Эрхарду «его место». Весь Бонн говорил о происшествии. Вечером за ужином, где присутствовало все немецкое правительство, политические представители как большинства, так и социалистической оппозиции во главе с Вилли Брандтом⁶¹, *mezza voce** только и было разговоров, что об этом молчаливом вызове.

[...]

Утром 4 июля начинается второе пленарное заседание под председательством Шрёдера и Помпиду: Генерал и канцлер решили снова уединиться для разговора с глазу на глаз. Когда около полудня они к нам присоединяются, Эрхард отделяется скупой и гладкой фразой: «Наши откровенные беседы вчера и сегодня показали, что между нами в ходе сотрудничества установились тесные связи».

Генерал, оставаясь в рамках любезности, высказывается более откровенно:

«Никогда ранее Франция и Германия не высказывали друг другу с такой прямотой свои убеждения относительно того,

* Вполголоса (*итал.*).

какой должна быть их политика и, следовательно, политика Европы. Вплоть до настоящего времени, какими бы ни были их намерения и дух заключенного ими договора, наши страны не смогли выработать общей политики. Как следствие, нет такой политики и у Европы. Ее и не будет до тех пор, пока мы не захотим и не сумеем ее создать. Однако, хотя у Франции и Германии общие цели, мы не смогли договориться о путях их достижения.

С французской стороны, мы прекрасно понимаем особое положение Германии и уважаем соображения, по которым она не могла занять такие же позиции, что и Франция.

Но обязательно придет день, когда Франция и Германия будут действовать сообща в Европе и во всем мире. Все будет этому способствовать, и прежде всего то, что из месяца в месяц, из года в год будут возрастать наша сила и значение в экономической, а также политической области, и, следовательно, все больше мы будем становиться самими собой.

Впервые в истории, с тех пор как мы отказались от нашего антагонизма и даже от соперничества, мы пришли к согласию относительно того, что нужно делать в Европе (здесь я хотел бы напомнить об объединении Германии), а также в Азии, Африке, Латинской Америке и странах третьего мира. Наконец, у нас общая позиция в отношении Востока, в отношении стран, находящихся под коммунистическим владычеством, но при этом отнюдь не примирившихся с коммунизмом, а тем более — с господством коммунистической России.

Каждый день происходят события, которые заставят нас действовать вместе: особенно, появление Китая в качестве великой державы. Неизбежно, наши американские друзья увидят в Китае угрозу для себя, тогда как опасность, исходящая от этой бедной России, будет ощущаться ими все меньше и меньше, а потому у них появится готовность все более щадить русских.

Чем дальше, тем больше сам ход вещей будет убеждать Германию, что ее будущее не требует тесного смыкания с американской политикой. Разумеется, речь не идет о том, чтобы выказывать враждебность Соединенным Штатам. Мы видим в них друзей, мы их союзники, и хотим оставаться таковыми. Но Германия будет все более осознавать возможность действовать в экономической, политической, культурной областях незави-

симо от Соединенных Штатов. Надо строить независимую европейскую политику в рамках союза с Соединенными Штатами. Проявлять нетерпение мы не собираемся.

Таковы, с французской стороны, выводы из этой встречи. Мы делаем из нее и еще одно, почти невероятное, заключение: нет в данный момент в мире другой страны, с которой мы, французы, — психологически и по природной склонности — были бы так расположены сотрудничать, как с сегодняшней Германией».

Совет министров, 7 июля 1964, вторник.

Генерал выносит приговор: «Мы четко и ясно выяснили отношения с немецкими ответственными руководителями, в особенности с канцлером Эрхардом. Для нас очевидно, что Германия колеблется между Америкой и Европой, то есть Францией.

Это можно понять. В конце концов, немцы, как и все прочие, поют песенку о единой Европе, но не хотят понять, что же это значит. А это значит — европейская политика. Европа будет европейской, или ее не будет вовсе.

Путаница возникает из представления, будто Европа будет существовать без собственной политики. Технократы путают действие со статистикой, политики — с дебатами.

Для технократов речь идет о том, чтобы создать американскую Европу. Сознательно или бессознательно, немцы пока находятся на тех же позициях. А мы — нет. Вот почему мы пока не можем выработать с немцами единой политики, — ни в обороне, ни в дипломатии, ни даже в экономике. Потому что Эрхард не может согласиться с тем, что Европа должна быть европейской».

Во время заседания Помпиду пишет мне записку: «По отношению к Бонну надо проявлять необыкновенную осторожность. Генерал, конечно, будет говорить с вами об этом, но нельзя, чтобы возникло впечатление, будто мы готовы похоронить франко-немецкое сотрудничество. Зато можно, по моему мнению, дать понять, что немцы колеблются!».

После заседания Генерал дает мне указания для прессы, скорее, в смягченном духе. Но как бы для компенсации, он мысленно переносится в ситуацию, когда Франция должна будет заговорить в полный голос.

ГдГ. «В следующий раз, если в отношениях с немцами не будет наблюдаться никакого прогресса, можно будет, в конце концов, предпринять что-нибудь другое.

АП. Но что?

ГдГ. Ну, ориентировать нашу политику на Восток, в сторону России, а не в сторону Германии.

АП. Смена союзников?

ГдГ. Не употребляйте этого выражения, оно не подходит. Скажите лучше: *отказ от двух блоков или равновесие между двумя гегемониями*. Мы не будем переходить из лагеря в лагерь. Мы не саксонская армия под Лейпцигом!

По отношению к Германии есть две возможные политики. Традиционная политика: сломать Германии хребет, как побежденной стране, и не вспоминать о ней в течение нескольких поколений. В конце 1944 года я попробовал выяснить, будет ли Сталин с нами заодно. Я сказал ему: «Вы заберете у Восточной Германии все, что захотите, но при условии, что вы будете уважать независимость Польши, Чехословакии и так далее. А Франция примет меры безопасности на левом берегу Рейна». Он не согласился. Он стремился наложить лапу на всю Восточную и Центральную Европу и не хотел входить в мои соображения относительно Западной Европы. Он уже более или менее подготовил секретную сделку с Рузвельтом, которая и была заключена в Ялте некоторое время спустя. Поэтому он не хотел никаких договоренностей со мной. Он мне предложил какой-то неопределенный договор о безопасности против Германии, если она поднимется. В обмен на мое признание коммунистического правительства в Люблине, им же и созданного. Я уклонился.

Таким образом, эта традиционная политика не могла осуществиться из-за противодействия Сталина, с одной стороны, и из-за решительного отказа англосаксов — с другой. Потому что они не хотели, чтобы Франция стала первой страной в Европе. Ладно. Они, стало быть, сделали все, чтобы мне помешать. Я не мог проводить свою политику всем наперекор. Надо признать, что это было крайне трудно, так как в тот момент мы были больной страной, практически без финансов и без армии, у нас не было ничего, и мы практически не могли настоять на своем, как бы я ни блефовал.

Значит, оставалась другая политика, состоявшая в том, чтобы включить Германию в состав Запада, в противовес советской России, которая «захапала» восточную Европу. Нужно было установить равновесие. А для этого Германия должна была быть на стороне Запада. Эту политику мы и стараемся проводить. Во-первых, мы следуем договору об Общем рынке. Во-вторых, заключили франко-немецкий договор. Но для его реализации надо, чтобы Германия на деле связала себя с западной Европой, то есть с нами. Однако она этого не делает, она связывает себя с Америкой! У нас остается выход — вернуться к политике согласия с Востоком. Кузнец должен всегда иметь одну подкову про запас».

Действительно ли он в это верит? Или это простая игра ума? Учел ли он все последствия от такой смены пусть не союзников, но перспективы? Я сомневаюсь в этом. Но для того, чтобы угроза возымела действие, не обязательно *иметь* вторую подкову. Достаточно, чтобы другие думали, что она есть. Конечно, он пользуется разговором со мной, чтобы сформулировать эту угрозу.

Немного передохнув, Генерал продолжает: «Германия находится под американским протекторатом в политическом, военном и экономическом отношении. Значит, мы не можем проводить франко-немецкую политику, а значит, и независимую европейскую политику. В этом весь вопрос.

АП (пытаясь предложить более оптимистичный сценарий). Немцы в данный момент нуждаются в американском атомном щите. Но европейцы постепенно осознают, что их силы растут. Через пять лет у нас будет атомное оружие второго поколения, у нас будет настоящий атомный щит.

ГдГ. Нет. У нас будет достаточная сила сдерживания, чтобы нас уважали. Но немцы не будут уверены, что эта сила их прикроет автоматически и полностью. Впрочем, и в американском прикрытии они тоже полностью не уверены. Наш щит даже будет надежнее американского, потому что мы больше американцев заинтересованы в том, чтобы русские не появились на Рейне. Вероятность, что мы применим наше оружие сдерживания, по меньшей мере, так же велика, как и у американцев.

Однако немцам не нравится зависеть от нас. В Европе мы будем держать вожжи, потому что у нас будет бомба; у нас будет мировое влияние и в Африке, и в Южной Америке, и на Севере, и в Азии, а у них — нет. В нашей упряжке они не являются коренником, и им это не нравится.

Это покалеченная страна с деревянной ногой. И так будет, пока не произойдет воссоединение. Это случится рано или поздно, но пока этого нет. Советская империя еще не готова развалиться, а надо, чтобы сначала она развалилась».

[...]

19. «Если не будет аграрного Общего рынка, Общего рынка не будет вообще»

Новый декабрь снова бросает черную тень на Общий рынок. Не ясна взаимосвязь между переговорами об аграрном Общем рынке и переговорами в рамках «Kennedy Round».

Совет министров, 21 октября 1964.

После нового сообщения Пизани, Генерал возвращает нас к сути проблемы:

«Согласится ли ЕЭС продолжать переговоры в рамках «Kennedy Round» (он произносит по-французски: «рунд») без создания сельскохозяйственного Общего рынка? Да или нет? *В этом весь вопрос.* (Генерал любит это выражение: оно позволяет свести сложность проблемы к простоте одного единственного вопроса. «Простота — самый короткий путь к истине», — сказал он мне однажды.) Это — ключ, и он у нас в руках.

Мы не допустим договора между Общим рынком и Америкой, пока не будет создан аграрный Общий рынок. Положение серьезно. Предмет имеет большое значение. Франция — аграрная страна, в такой же мере, как и европейская.

Пизани. Если французское сельское хозяйство не будет включено в Общий рынок, во Франции произойдет революция.

ГдГ (упрямо). Если не будет аграрного Общего рынка, Общего рынка не будет вообще.

Кув. Конфликт между Общим рынком и Соединенными Штатами в ГАТТ касается только сельскохозяйственной части

переговоров. Это — открытый и решительный конфликт между Францией и Соединенными Штатами.

ГдГ. Обе страны являются производителями сельскохозяйственной продукции. В этом все дело».

После заседания Генерал просит меня объявить журналистам: «Полезные переговоры с Соединенными Штатами невозможны, пока не будет завершено создание Европейского экономического сообщества, включая сельское хозяйство, иначе говоря, пока сельское хозяйство не будет включено в систему Общего рынка. И твердо скажите, что Франция не уступит!

АП. Вы действительно думаете, что наши партнеры не хотят создания сельскохозяйственного Общего рынка?

ГдГ. С самого начала было сделано все, чтобы сельское хозяйство *не входило* в Общий рынок! В Римском договоре ограничились ни к чему не обязывающей оговоркой! Это было преступление против французской экономики, совершенное в те времена, когда Францию представляли люди, весьма мало озабоченные национальными интересами. (Я не осмеливаюсь ему сказать, что в их числе был и я, как член французской делегации.)

Если аграрный сектор не входит в Общий рынок, вопрос ставится просто. Или мы оставляем наших аграриев на произвол судьбы: пусть продают свою продукцию по мировым ценам, и это будет означать для них разорение. Или же мы даем им субсидии. Но в этом случае мы должны их субсидировать за счет промышленности, которая, имея на ногах такое ядро, начнет отставать, если только нам не удастся, благодаря Общему рынку, разделить эту тяжесть с нашими партнерами. Вот почему наши партнеры с Германией во главе не хотят Общего рынка сельскохозяйственной продукции».

На этот раз он не утверждает, что мы легко проживем и без Общего рынка...

Вскоре после полудня Пизани, прослушав радио, звонит мне в большом возбуждении по правительственному телефону: «Как вы могли сказать, что не будет переговоров в рамках «Kennedy Round», если не будет аграрного Общего рынка? И что в этом случае не будет Общего рынка вообще?

АП. Это вас удивляет? А ведь я это уже говорил, и не один раз. И я не мог этого не говорить. Когда затрагивается вопрос, которому Генерал придает особое значение, он мне диктует текст для прессы. В других случаях он предоставляет мне свободу.

Пизани. Вы отдаете себе отчет, какую реакцию вызовет ваше заявление повсюду — в Бонне, в Риме, в Вашингтоне? Не следует грозить громом и молнией, если их нет у вас в руках.

АП. Вы недооцениваете Генерала».

Золотой салон, 28 октября 1964.

Я задаю Генералу вопрос, который не перестает меня тревожить, особенно после его заявлений на прошлой неделе.

АП. «Я все время повторяю журналистам, что, если не будет аграрного Общего рынка, то не будет Общего рынка вообще. Беда в том, что альтернативной политики не предвидится.

ГдГ. Мы много веков жили без Общего рынка, и еще много веков сможем прожить. Будем вести свободную торговлю. Наше промышленное развитие, что бы там ни болтали всякие дураки о будущем Европы, не нуждается в Общем рынке; оно нуждается в свободном плавании.

(«Свободное плавание». Это выражение он употребил, характеризуя позицию Англии, чтобы преградить ей путь в Общий рынок. Чувствует ли он себя запертым в пространстве Шести государств? Не потянуло ли и его в «открытое море»?)

Общий рынок стал реально действовать всего два года тому назад. Однако наш промышленный подъем начался раньше. То же самое — в Германии, Италии. Те, кто рассказывает истории о невероятных достижениях благодаря европейской интеграции, просто дурачки.

(Он делает вид, будто забыл о своем главном доводе в пользу аграрного Общего рынка: французская промышленность не выдержит финансовых вливаний в сельское хозяйство.)

АП. Римский договор не предусматривает выхода из него в одностороннем порядке.

ГдГ. Да вы смеетесь! Вы можете себе представить, что великая страна согласится оставаться в дураках под тем предлогом, что в договоре не предусмотрено ее отказ оставаться в дура-

ках? Нет, уж если тебя обдурили, то надо сказать: «Меня обдурили. Поэтому катитесь вы все...» Все остальное — уловки юристов и дипломатов.

АП. Мы могли бы сказать, что это не мы покидаем Общий рынок, а он покидает нас.

ГдГ. Да нет! Не стоит выдумывать всякие уловки! Просто все, что делали для Европы так называемые «европейцы», получалось очень хорошо, пока за все платила Франция. Все началось с Европейского объединения угля и стали. В чем оно состояло? В том, что Германии отдали уголь и сталь, которых у нее не было, потому что их у нее отняли. Ей все вернули за так. А затем итальянцам подарили уголь и сталь, которых у них не было. И они завели у себя металлургическую промышленность. Но мы не получили ни гроша от этого Объединения, ни гроша! У нас были проблемы с модернизацией наших шахт, но мы их модернизировали, не получив от ЕОУС ни единого су. Вот что такое это Объединение! Это было мошенничество, которое пошло на пользу немцам и итальянцам!

После сделали «Евратом», и все пошло тем же путем. В «Евратом» мы вложили 95 процентов. Только у нас был реальный атомный потенциал. У других не было абсолютно ничего, ни установок, ни специалистов. И так, мы вносим 95 процентов, другие — 5 процентов, а получают все поровну! Это же мошенничество!

Европейское оборонительное сообщество — то же самое. Почему его придумали? Потому что у немцев не было армии. А поскольку все боялись русских, то надо было, чтобы немцы создали армию. Так как эту армию не хотели отдавать под немецкое командование, ее отдали под начало генералу Норштаду*. Однако одновременно такой же фокус хотели проделать с французской армией! Так они представляют себе объединенную Европу. Но если речь заходит о том, чтобы создавать Европу не за наш счет, — тут нет никого!

Конечно, сегодня немцы начинают соображать: «Если мы не будем строить Общий рынок вместе с французами, францу-

* В то время — командующий силами НАТО, американец.

зы могут договориться с русскими. Тогда мы окажемся в опасности». И это так и есть. Если политика, заложенная франко-немецким договором и являющаяся ядром Европы, окажется безуспешной, мы пойдем к другим.

АП. К другим — это к русским?

ГдГ. Естественно! Они видят, что наступил подходящий момент. Они нам строят глазки и говорят себе: «Мы договоримся с французами, как уже бывало раньше». И с этого момента мы перестанем сидеть в дураках, и в дураках окажутся немцы».

[...]

Совет министров, 16 декабря 1964.

Переговоры в Брюсселе относительно цен на зерновые, в конце концов, завершились, и в предусмотренные сроки. [...]

Помпиду. «Я очень доволен таким завершением: представители правительства добились успеха. Мне нет необходимости говорить, чем этот успех обусловлен. (Конечно, твердостью де Голля, его угрозами. Но говорить об этом прямо было бы вульгарностью.)

ГдГ. Мы благодарим трех переговорщиков⁶² и их сотрудников, способности которых признаются всеми. Их вклад значителен.

Дело еще не закончено: предстоит добиться такого же урегулирования по другим видам продукции, а главное — по финансовым вопросам⁶³; пока это не сделано, успех нельзя считать окончательным. Но соглашение о зерновых имеет решающее значение и является, быть может, самым трудным, если принять во внимание расхождение интересов.

Это решение было принято правительствами, а не Комиссией. На финансовые жертвы пошли правительства, а не Комиссия. И это успех правительств, а не Комиссии. Если бы слушали одну Комиссию, англичане все еще вели бы переговоры, немцы все еще тянули бы время, и сроки не соблюдались бы по-прежнему.

Франции придется пойти на некоторые жертвы, но выгоды она получит более значительные. Аграрии должны сплотиться, чтобы этими выгодами воспользоваться, улучшая качество продукции, ее предложение, торговую сеть.

Политический вопрос. Постепенная организация экономического единства может означать шаг к реальному объединению наших шести европейских государств. Я говорю не о той ерунде, которой нам прожужжали уши, но о реальной общей политике, подобной той общей экономике, которая у нас будет».

После стольких мрачных сценариев, вот, наконец, воспользовавшись просветом, он снова берет курс на политическое единство Европы.

20. «Надо доделать начатое»

Совет министров, 23 декабря 1964.

Кув. «На заседании Атлантического альянса Шрёдер произнес речь, оскорбительную по отношению к нам. Я ему указал на связь между многосторонними силами и воссоединением. Итальянцы тоже за многосторонние силы, потому что в них Франция была бы уравнена с другими».

Комментарий Генерала: «У немцев слишком много намерений и претензий. После ухода Аденауэра англосаксонский клан взял верх в Бонне и посеял там много иллюзий. Там стали думать, что до атомного оружия им рукой подать. Этого не будет. Во-первых, потому, что многосторонние силы их к нему не приблизят. Во-вторых, потому, что этого не желаем мы, а переступить через наше вето они не могут. Американцам придется, в конце концов, как-то выкручиваться.

Другая проблема — это объединение Германии. Шрёдер надеялся, что добьется от американцев и англичан поддержки своим требованиям о воссоединении. Но оно невозможно, пока не наступило примирение между Востоком и Западом, и не поднялся железный занавес. Пока этого нет, добиться объединения Германии можно только путем войны, а войну никто не начнет. Значит, воссоединения не будет, если только советская часть Европы не перестанет быть советской; тогда можно будет установить европейское равновесие, включающее всю Европу. Поэтому нет никакого резона требовать объединения Германии, пока для этого не сложились необходимые условия».

Золотой салон, 6 января 1965.

АП. «Германия будет резко реагировать, если исчезнут многосторонние силы; она к ним очень привержена.

ГдГ. Протесты страны с перебитым хребтом ни на кого не подействуют. Немцы — это несчастная нация, обремененная последствиями своей беды, и ей еще долго нести эту тяжесть. Аденауэр это хорошо понимал. [...]

С многосторонними силами покончено; бессмысленно к этому возвращаться. Аграрный Общий рынок: надо доделать начатое. Объединение Германии невозможно, пока русские не согласятся, и нечего дурить себе голову. Наконец, политическое объединение Европы: надо восстановить план Фуше или что-то в этом роде.

Немцы должны понять, что они были побеждены, а побежденные должны платить. Чтобы создалась нормальная обстановка, при которой станет возможно воссоединение немцев, им надо примириться с тем, что вопросы об их границах и их праве на вооружение будут решать другие. А они этого не хотят».

[...]

На франко-германской встрече в январе 1965 года проявилась магическая сила договора. Французы и немцы снова убедились в крепости существующих между ними связей. Генерал обнаружил в Эрхарде гибкого и внимательного собеседника.

Совет министров, 21 января 1965.

Кув. «Учитывая начало предвыборной кампании, Эрхард хотел вернуться в Бонн с конкретными результатами. Мы договорились обратиться к англо-американцам с тем, чтобы предпринять совместный демарш в Москве с целью объединения Германии. Этот демарш ни к чему не приведет, но даст определенный психологический эффект».

Кув подчеркивает также два положительных момента:

«Канцлер не высказывался в пользу немецкого атомного оружия. Он взял на себя личную ответственность за соглашение о ценах на зерно.

ГдГ. Он очень хотел показать своему общественному мнению, что согласие с Францией продолжается, что оно восстановлено. У него возникли бы трудности в предвыборной кампа-

нии, если бы он отказался от привилегированного сотрудничества с Францией. Мы сделали, что нужно, чтобы все выглядело, как ему надо.

Мы не дорого за это заплатили. Пусть проект политического союза европейских государств называется планом Фуше или планом Эрхарда, нам это неважно.

Немецкое воссоединение? Возможно, когда-нибудь оно и состоится, если Восток согласится. А если не согласится, то ничего и не будет... Даже постановка этого вопроса на повестку дня будет возможна только после того, как идея многосторонних сил рассеется, как дурной сон.

Может быть, в один прекрасный день создастся тотальная Европа, в которой станут возможными не только согласие и разрядка, но и сотрудничество; тогда и объединение Германии сможет произойти. Но на очень четких условиях в том, что касается границ и вооружений. Проблема обороны должна рассматриваться с большой осторожностью, никак не опережая эвентуальное политическое сотрудничество в Европе, без которого никакая военная организация невозможна.

Все это было сказано канцлеру прямо.

После этого атмосфера встречи была удовлетворительной и личность Эрхарда проявилась более отчетливо. Испытания и опыт привели к тому, что постепенно он обретает статус главы партии и даже главы правительства. Он стал более уверенным в себе, чем прежде. Мы не видим в этом ничего дурного, напротив».

Генерал всегда предпочитает партнера с твердым характером.

Золотой салон, 28 апреля 1965.

АП. «...Председатель фракции ХДС Барзель просит Вас, или, если Вы не можете, одного из членов правительства выступить в связи с 8 мая и сказать, что речь идет не о праздновании победы французского народа над немецким, а о праздновании совместной победы над тоталитарным режимом, жертвами которого были оба народа. Хотелось бы дать понять, что немецкая молодежь не несет бремя вины за действия своих отцов.

ГдГ. Это все электоральные маневры. Наша позиция по отношению к Германии была настолько примирительной, на-

сколько это возможно. Она и сейчас остается такой. Но им придется проглотить годовщину победы, а также годовщину депортации*. Мы не станем в связи с 8 мая извиняться за то, что одержали победу. Все кончилось тем, что их разгромили. И поделом.

С этим все ясно, но пережевывать обиды мы не собираемся. Мы начинаем новую жизнь. Мы ее начали уже в 1945 году, и особенно — с 1962 года. Они не могут это отрицать. И мы двигались бы вперед еще быстрее, если бы они не пятились назад».

21. «Наш стул останется пустым»

Золотой салон, 27 января 1965.

ГдГ. «Комиссия Хальштейна думает, что позиция Франции станет менее твердой из-за предстоящих нам выборов. Она хочет устроить нам неприятности в связи с аграрным Общим рынком и, наоборот, добиться своих целей по линии федеративного устройства. Они не понимают, что, если Франция подаст пример, то и другие государства откажутся превращаться в провинции. Хорошо смеется тот, кто смеется последним».

Впервые я слышу, чтобы Генерал заговорил о подобной возможности совместной реакции суверенных государств на угрозу наднациональности. В ходе дискуссий об Общем рынке незаметно на первый план вышел вопрос о национальном и наднациональном.

Вальтер Хальштейн и Комиссия Европейского экономического сообщества, председателем которой он является, вступили в конфликт с французским правительством в начале 1965 года. Началось со специфических расхождений по вопросам аграрного Общего рынка. Конфликт обострился, когда они захотели увеличить роль Комиссии и ускорить движение к наднациональным структурам. Франция этому воспротивилась.

* Де Голль имеет в виду депортацию французов для принудительных работ в Германии.

Совет министров, 14 апреля 1965.

Кув сообщает, что в понедельник он довел до сведения Комиссии позицию Франции по поводу финансового урегулирования. Генерал берет слово и развивает тему в уже знакомом нам угрожающем тоне:

«Как будут взиматься, контролироваться и куда направляться отчисления от сельскохозяйственного импорта? Это — главный вопрос. Согласимся ли мы — да или нет, — чтобы управление Сообществом, в том числе и финансовое, было отдано в руки брюссельской Комиссии под контролем страсбургской Ассамблеи? Согласиться — это значит лишить правительства их прерогатив, придать наднациональный характер всему Европейскому экономическому сообществу. Это значит отдать огромные фонды в распоряжение органов, не несущих никакой ответственности. В Брюсселе находятся не избранники народа, а люди, которые никого не представляют...

Если финансовое соглашение не достигнуто, если Общий рынок не приносит никакой пользы сельскому хозяйству, нам очень жаль, но мы принимаем соответствующее решение. Франция жила до Римского договора, проживет и после того, как он будет заморожен». [...]

И Генерал сразу же переходит к практическим мерам:

«Заседания министров Сообщества собираются по таким повесткам дня, что я считаю *бесполезным*, чтобы министры ездили туда лично. Нашего постоянного представителя в Брюсселе будет достаточно. Вам свистят из Брюсселя, вы туда мчитесь безо всякой подготовки и оказываетесь в положении человека, свалившегося с Луны. Комиссия вас поджидает, господа министры, как паук в своей паутине, и шаг за шагом заставляет вас согласиться с уже принятым решением.

Там находится Бонье⁶⁴, и этого достаточно, в случае необходимости он прекрасно справится сам. Мы не обязаны все мчаться в Брюссель. Надо там появляться пореже».

После Совета министров.

АП. «Не слишком удачное начало...

ГдГ. Вот увидите, в конце концов, они отступят, как обычно. Послушайте, это же идиотизм: будут накапливаться

огромные суммы, а кто будет ими распоряжаться? Люди, которые ни за что не отвечают. Они назначаются правительствами, но тут же дают обязательство не получать от правительств никаких инструкций и даже не отчитываться перед ними. Нам хотя бы навязать абсолютно произвольную и технократическую власть с правом распоряжаться сумасшедшими деньгами, а для контроля над ней предлагают такое искусственное учреждение, как Страсбургская Ассамблея, которая представляет собой дружеский клуб парламентариев, фактически никому не подотчетных. Прежде чем создавать какое-то учреждение, национальное или нет, надо уяснить, кто будет нести ответственность, за что и перед кем.

АП. Как только будет создан европейский бюджет, они вам скажут: «Нужны всеобщие выборы».

ГдГ. Ничего они не получают! Но вот увидите: они будут искать *компромисс*».

Генерал верно угадал ход событий и уже нашел нужное слово. Но до «компромисса» было еще далеко.

Золотой салон, 2 июня 1965.

АП. «Вы не ожидаете ничего существенного от вашей поездки в Бонн?»

ГдГ. Разве что по аграрным делам, чтобы с этим покончить.

АП. Вы не считаете возможным дать новый толчок политическому объединению Шестерки? Возобновлению плана Фуше?

ГдГ. Это — единственная возможность. Мы должны к ней вернуться. Но я не думаю, чтобы они были к этому готовы в настоящий момент».

Золотой салон, 9 июня 1965.

АП. «Чего вы ждете от встречи в Бонне?»

ГдГ. Вреда от нее не будет. Всегда полезно объясниться. И потом, такие встречи предусмотрены договором.

АП. Считаете ли вы, что финансовое соглашение будет заключено до конца июня?»

ГдГ. Не знаю. Но это не исключено.

АП. Впервые мы не можем договориться с Комиссией накануне столь важного решения.

ГдГ. Комиссия выдвигает несуразные требования, чтобы увеличить свое влияние и влияние европейской Ассамблеи. Она хотела бы получить неограниченный контроль над бюджетом Общего рынка. Ее замысел — добиться своего явочным порядком и подняться на новый уровень наднациональности. Так вот, мы по этому пути не пойдём! Для нас речь идет только о том, чтобы исполнять соглашение, заключенное еще в 1962 году.

Я буду говорить с Эрхардом о больших международных проблемах. А Помпиду будет вести переговоры об экономическом и промышленном сотрудничестве между двумя странами. Немецкие промышленники проявляют заинтересованность и начинают понимать, что, если они будут слишком зависеть от Соединенных Штатов, те их, в конце концов, слопают. Надо воспользоваться этим пониманием.

АП. А в отношении политического объединения Европы?

ГдГ. В действительности, здесь существует только одно решение: вернуться к плану Фуше».

План Фуше для него — это нечто большее, чем создание организации, это — дух независимости. Надо решить, не *как* объединяться, а *для чего*. Однако опыт франко-германского договора показал ему, что даже вдвоем нелегко договориться о политике, независимой от американцев. Так что же будет вшестером?

В середине июня в Бонне состоялся настоящий франко-немецкий Совет министров.

Замок Эрних⁶⁵, 12 июня 1965, утро.

Еще до того, как кортеж тронулся в путь, Генерал вызвал меня в свои апартаменты.

ГдГ. «Хальштейн придумал церемонию вручения верительных грамот для представителей государств в Брюсселе. Он принимает себя за председателя наднационального правительства. Он даже не скрывает, что его план состоит в том, чтобы перенести на европейский уровень структуру Федеративной Германии. Европейская Ассамблея будет эквивалентом тому, чем сегодня является Бундестаг. Совет министров станет Бундесратом — ну, вроде Сената! Просто смешно! Но не обманывайтесь: этот институциональный «дрейф» захватит и нас, если мы не положим этому конец. Только мы можем это сделать».

Бонн, 12 июня 1965, перед полуднем.

Уже перед закрытием пленарного заседания происходит резкий инцидент, который едва удается приглушить в мягкой атмосфере дипломатических переговоров. Немецкий государственный секретарь по иностранным делам Лар вынимает бумагу, которую он представляет как соглашение о том, чтобы отложить окончательное финансовое урегулирование на год, до 30 июня 1966 года, а пока что следовать существующей системе. До сих пор ни о чем подобном и речи не было. Генерал напрягается. Он требует нового собрания. И твердо заявляет, что мы не можем принять такого урегулирования. Канцлер Эрхард в ярости. Констатировав наличие разногласия, он прерывает заседание: «Ну что ж, мы едем завтракать в Эрних, пусть пока поработают наши эксперты, а после завтрака мы вернемся к этому вопросу». Эксперты собираются. Но расхождение во взглядах слишком велико, и им не удается его преодолеть.

Вечер в Каравелле, на обратном пути из Бонна.

АП. «Этот инцидент произошел не столько между немцами и нами, сколько между самими немцами?»

ГдГ. Конечно! Немецкого правительства не существует, а существуют противоборствующие тенденции накануне предстоящих выборов⁶⁶. Многие ожидают, что ХДС и социалисты получат равное количество голосов. В такой ситуации Шрёдер надеется выступить в качестве арбитра и стать канцлером. Вот почему он поручил своему государственному секретарю Лару вытащить эту головешку.

АП. Эрхард действительно был не в курсе этого маневра?

ГдГ. Нет, нет! Он был ошеломлен! К счастью, мы обнаружили подвох и не дали себя провести.

АП. Как же мог быть оглашен текст, о котором не знали ни Эрхард, ни французская делегация?

ГдГ. Вот это и есть самое невероятное! Тем более, что Хазе трезвонил на всех углах, что все идет хорошо и что, в каком-то смысле, Франция согласна с немецкой точкой зрения. И это до того, как переговоры были окончены! В то время, как мы вынуждены были констатировать наше полное расхождение! Все это просто невероятно.

АП. Хазе — честный малый. Произошло недоразумение.

ГдГ. Эрхард думал, что мы согласны. Сам-то он готов согласиться на что угодно. Он был не в состоянии произнести ни слова. Он оказался не на высоте ситуации. В конце концов, он сказал, что завтра же созовет свой Совет министров и все выведет на чистую воду, а затем пошлет кого-то для переговоров в Париж, после того как примет решение сам. Во всем этом нет ни складу, ни ладу. Интриги, удары исподтишка. Их не смущает даже присутствие иностранцев. Это печально. Это производит жалкое впечатление. Вот что такое режим партий. Нынешняя Германия напоминает Четвертую Республику.

С тех пор как Аденауэр отошел от власти, страна заметно ослабела. Эрхард не государственный деятель. Это — поплавок. Он хочет всем угодить и в конечном счете окажется между двух стульев.

АП. Социал-демократы смогут управлять лучше?

ГдГ. Не знаю, намного ли лучше. У меня был разговор с Эрлером. Это социалист, сторонник наднациональности, короче — мифоман. Брандт кажется большим реалистом. Но что он сможет сделать? Может быть, он станет министром иностранных дел, если правительство будет коалиционным. На это у него способностей, безусловно, хватит... Германия, с тех пор как Аденауэр был вынужден уйти с капитанского мостика, — это страна без управления, она не знает, куда движется.

(Не думает ли он при этом: «Это то, во что превратится Франция, когда уйду я?».)

АП. Верите ли вы в возможность финансового урегулирования 30 июня?

ГдГ. Я думаю, что, в конечном счете, о чем-то договорятся, так как Германия не больше нас заинтересована в том, чтобы в руках Комиссии и Европейской Ассамблеи оказались огромные суммы из общего сельскохозяйственного бюджета. Думаю, что голландцы окажутся в изоляции. Но скрытый замысел немцев состоит в том, чтобы продлить еще на год существующий финансовый регламент. Мы, конечно, не согласимся. Что касается Комиссии, то она получит по заслугам! Я с ней сведу счеты! Хальштейн, Маржолен⁶⁷ и Маншольг — с ними покончено! Я не допущу их назначения на новый срок!».

Совет министров, 1 июля 1965.

30 июня наступило и прошло. Над Европой, какой ее хотел видеть Генерал, солнце так и не засияло. Кув сражался в Брюсселе всю ночь, не смыкая глаз, и прибыл осунувшийся, вместе с Жискаром и Пизани.

Кув. «Наши предложения были растоптаны. Их *не поддержал никто*.

Главной проблемой было финансовое урегулирование в части общей аграрной политики, иначе говоря: кто будет распорядиться таможенными отчислениями по сельскохозяйственному импорту.

Мы договорились, что разработка сельскохозяйственной политики в целом будет завершена через два года. Но остались разногласия относительно финансовых последствий. [...]

ГдГ. Французская делегация сделала все, что должна была сделать. Ситуация прояснилась.

Положение серьезно и даже тревожно. То, с чем мы согласились — снижение таможенных пошлин и цен на зерно, — мы бы выполнили. Без всяких встречных требований. Так вот, мы прекращаем выплаты, поскольку выплаты были. А дальше посмотрим. Если другие пересмотрят свои позиции, мы подумаем.

Политическая ситуация является неустойчивой в Германии, Италии, Бельгии и даже в Голландии. (Ему не приходит в голову добавить: «и во Франции», где до президентских выборов осталось шесть месяцев.)

Впрочем, это не наша забота.

Без сомнения, за всем этим скрываются политические махинации различных элементов, сделавших ставку на химеру федерализма. Особенно это касается всех фракций французской оппозиции (кроме коммунистов), которые поддерживают тесные связи с Комиссией и плетут заговоры, о которых нам известно.

Мы продолжим двустороннее прояснение позиций. И на этом остановимся».

После заседания.

АП. «Меня спросят, каковы будут последствия, особенно политические.

ГдГ. Первое последствие: больше не будет сессий Общего рынка.

АП. Вплоть до нового решения?

ГдГ. Никакое новое решение не будет рассматриваться. Всё.

АП. И никакого собрания Совета министров?

ГдГ. Никакого собрания, никаких переговоров в Брюсселе не будет.

АП. А если пять других членов ЕЭС соберутся без нас?

ГдГ. Если они соберутся без нас, это будет нарушением Римского договора. Но для нас это не имеет никакого значения. Это нас ни к чему не обязывает. Это будет собрание впустую. Могут собираться в Лондоне, если хотят, там их хорошо примут. Наш стул останется пустым, и все решения не будут иметь никакой силы».

Он хорошо понимает, что такие собрания будут происходить. Но он решил, что позади таблички с надписью «Франция» стул останется пустым.

АП. «В действительности пятеро наших партнеров после прошедшей ночи стараются сгладить сложившуюся ситуацию, тогда как мы ее драматизируем.

ГдГ. Они позабыли, какая у нас Республика. Они никак не могут понять, что это уже не Республика Ги Молле и Феликса Гайара. Значит, им придется лишний раз в этом убедиться. Именно они окажутся в глупом положении.

АП. Однако, договор...

ГдГ. Что касается этой Комиссии, то она должна исчезнуть. Я не желаю больше Хальштейна. Я не желаю больше Маржолен. Я не желаю больше Маншольта. Я не желаю больше иметь с ними дела.

АП. Но Кув говорит, что Маржолен вел себя очень хорошо.

ГдГ. Та-та-та! Ведь это Маржолен создает Демократическую и социалистическую федерацию для поддержки Гастона Деффера. Это называется вести себя хорошо? Нет-нет, все это надо вычистить. Во всяком случае, я не хочу, чтобы впредь французское правительство имело дело с такими типами. С этим покончено.

АП. Но в соответствии с договором, они могут быть заменены только в 1966 году.

ГдГ. Ба! Это не к спеху. Мы, во всяком случае, больше с ними дела иметь не будем.

Вся эта мафия наднационалистов, будь они комиссары, парламентарии или чиновники, — вот проблема. Это всё враги. И назначены врагами. Это социалистическая компания, с несколькими заложниками из MRP и несколькими однокашниками Феликса Гайара и Мориса Форы. Они занимаются тем, что создают настроение, враждебное Франции. Так они поступают повсюду. Это те же махинации, которые задержали на два года переговоры с FLN о будущем Алжира. Эта категория людей, не просто апатриды, но антиапатриды, — отвратительные выделения партийной системы. Это их клиентура. Парень, который проваливался на экзаменах, шел в эту систему. Папенькины сынки, которых туда пристроили: либо в Брюссель, либо на RTF. Вот почему всюду нужна чистка.

АП. Не так-то просто ее произвести.

ГдГ. Очень просто: надо назначить других.

АП. Но и другие не будут нам подчиняться: они ведь наднациональны.

ГдГ. Нет-нет, они наднациональны не пожизненно! Они там на какое-то время. А когда их срок истек, не надо назначать их снова, как это обычно делают. Это пена, от нее надо избавляться. И на RTF — точно так же».

Он никогда не забывает мне напомнить, что на моем печении находится то, что сам он рассматривает как «авгиевы конюшни», а я до сих пор не позаботился их очистить.

22. «Надо воспользоваться кризисом и покончить с политическим двоемыслием»

Совет министров, 7 июля 1965.

Кув. «Наши партнеры имеют тенденцию минимизировать серьезность кризиса: мол, переговоры будут возобновлены.

ГдГ. Они не предполагали, что мы поступим так, как поступили, хотя мы их и предупреджали. Взятые на себя обязательства надо выполнять. Мы сделали выводы из их уклонения.

Кув. Мы решили заморозить деятельность Общего рынка вплоть до выяснения обстановки. (В апреле Генерал уже говорил мне о «замораживании».) Отныне мы будем участвовать только в небольшом количестве заседаний по текущему управлению в связи с уже действующим таможенным союзом. Впрочем, наши партнеры не верят, что мы станем действовать в соответствии с нашими заявлениями.

ГдГ. Надо воспользоваться кризисом, чтобы покончить с политическим двоемыслием. Невозможно себе представить, чтобы с 1 января 1966 года наша экономика стала подчиняться правилу большинства голосов: оно навяжет нам волю наших партнеров, которые, как мы видели, способны объединиться против нас. Надо воспользоваться случаем, чтобы пересмотреть ложные концепции, которые подчиняют нас диктату других. С этой нелепостью надо покончить! Что же касается Комиссии, то она продемонстрировала такую предвзятость, которая не совместима ни с ее миссией, ни с обыкновенными приличиями. Ее состав должен быть полностью обновлен.

О пересмотре достигнутых в 1962 году договоренностей о снижении таможенных барьеров мы в настоящее время вопроса не ставим. Мы согласны, чтобы продолжали действовать уже запущенные механизмы, в том числе в сельском хозяйстве. Но мы отказываемся участвовать в любых собраниях, имеющих целью рассмотрение новых шагов. С введением международных валютных правил можно и подождать. Что же касается совещаний министров, то очень хорошо, что они прекратились: это пустая трата времени. Наконец, я заметил в этой связи, что проводится огромное количество совещаний экспертов. Обсуждают вопрос о «калибровке яиц», это длится много дней, а толку никакого. Им за это платят вознаграждение... А тем временем их собственная работа стоит на месте.

Так хотя бы для того, чтобы покончить с такой практикой, нынешний кризис, быть может, окажется не бесполезным.

Нас не удастся шантажировать, ставя в неприемлемые условия. Наша позиция останется неизменной до конца года. А там посмотрим.

Отныне серьезные вещи надо делать серьезно, если только это окажется возможным.

Помпиду. Мы находимся в такой фазе, когда не следует говорить, что Общий рынок будет действовать, поскольку это поставило бы нас в невыгодную позицию по отношению к нашим партнерам. Но не следует также говорить, что он не будет действовать, так как это приведет в смятение наших аграриев. Чем меньше мы будем об этом говорить, тем лучше. Следует воздержаться от всякого заявления.

ГдГ. Совершенно с этим согласен. Пусть наши партнеры поломают голову! Надо их как следует напугать».

Золотой салон, 21 июля 1965.

АП. «Не думаете ли вы, что двусторонние переговоры с Лунсом, Спааком и прочими могли бы сдвинуть дело с мертвой точки?»

ГдГ. Нет. Мое решение принято: никаких встреч до конца года. Между нами говоря, к концу года их можно будет черпать ложкой. Мы добьемся своего: Комиссия будет упразднена полностью; прекратятся всякие разговоры о наднациональности и о решении вопросов большинством голосов; финансовое урегулирование будет принято в том виде, в каком хотим мы.

(Все это говорится для моего сведения и с прицелом на будущее. Но я не могу отделаться от мысли, что 26 июля, то есть через пять дней, пятеро наших партнеров смогут переломить психологическую ситуацию. Я пытаюсь предложить на рассмотрение Генерала такой сценарий.)

АП. До сих пор французское общественное мнение принимало нашу позицию, и наши партнеры были в проигрыше. Но предположим, что они согласятся на предлагаемое нами финансовое урегулирование, от которого они отказались 30 июня. Если мы скажем: «Нас это уже не интересует, так как мы хотим ликвидировать наднациональность», — наши позиции ослабеют.

ГдГ. Нет. Мы хотим, чтобы вопрос был закрыт окончательно и бесповоротно. Однако принцип решения большинством голосов позволяет вновь к нему вернуться. Именно на это и рассчитывают всякие ловкачи типа Шрёдера и Эрхарда. Они говорят себе: «Даже если мы сделаем вид, что уступили по во-

просу о финансовом урегулировании, мы устроим дело так, что к нему придется вернуться в будущем году, когда вступит в действие принцип большинства голосов». И Франция ничего не сможет возразить.

Принцип решения большинством голосов — вот что надо ликвидировать в первую очередь. Франция не может допустить, чтобы все снова ставилось под вопрос».

Совет министров, 28 июля 1965.

Министры иностранных дел пяти государств собрались в Брюсселе без представителя Франции. Они сделали примирительный жест в отношении французской позиции, приняв финансовые предложения, сделанные Жискаром в июне. Но им не удалось изменить создавшееся положение.

ГдГ. «С подобными собраниями пора кончать. Надо дать понять нашим партнерам, что продолжать их без нас было бы не лояльно по отношению к нам. Без Франции нет Сообщества».

Золотой салон, после заседания.

АП. «Я скажу что-нибудь относительно Общего рынка?»

ГдГ. Нет. Будем хранить устрашающее молчание.

АП. Меня спросят относительно собрания Пяти.

ГдГ. Нас там не было. Нас это не касается.

АП. В сущности, вы хотите, воспользовавшись этим кризисом, добиться того, на что был нацелен в 1961 году план Фуше: организации европейского сотрудничества вне рамок брюссельской Комиссии?

ГдГ. Да. Организованное сотрудничество, которое, по моей идее, должно было увенчать брюссельские учреждения и, как следствие, исключить возможность принятия важных экономических решений без обязательного согласия Франции. Именно с этим остальные и не захотели согласиться.

АП. Комиссия боялась, что ее лишат прав?

ГдГ. Конечно. Потому что предполагалось, что собрание глав Государств и правительств будет принимать решения по экономическим вопросам, как и по всем другим. Таким образом, власть ускользала из рук брюссельской технократии и возвращалась к правительствам.

АП. Выход из кризиса будет целиком зависеть от Германии?

ГдГ. Не будем строить иллюзий. В настоящее время невозможно воссоздать Европу заново, как я пытался это сделать вместе с Аденауэром. Невозможно из-за немцев, из-за того, во что они превратились. Политическое сотрудничество с ними становится все более трудным. Они стремятся получить атомное оружие и уже почти этого не скрывают. Они желают воссоединения и уже открыто. Они не согласны признать свои восточные границы, и этого они также не скрывают. Три устремления, из которых каждое могло бы быть рассмотрено, если бы не было двух других, но которые, взятые вместе, не совместимы с нашей политикой. Значит, политическое сотрудничество с Германией становится все более трудным.

Поэтому хитрецы, вроде Эрхарда, стараются до выборов придерживаться в отношениях с нами слащавого тона, так как им не выгодно, если в Германии станут говорить, что Бонн отделяется от Парижа.

АП. Но ваша летняя пресс-конференция состоится до выборов. Она может повлиять на них?

ГдГ. Может быть. Не уверен. Между христианскими демократами и немецкими социалистами нет особых расхождений по вопросу об Общем рынке: и те, и другие сходным образом нападают на нас. Я мог бы повлиять на выборы, если бы сказал, что франко-германское сотрудничество становится все более трудным, и выразил бы сожаление по поводу поведения Эрхарда и Шрёдера. Но я этого не сделаю.

АП. Если вы намерены поставить все проблемы сразу — сельское хозяйство, будущее Общего рынка, политическая конструкция, оборона, многосторонние силы, франко-германское сотрудничество, — начнется дикая свалка. Невозможно будет все это урегулировать до конца года.

ГдГ. То, что я хочу урегулировать, очень просто. Воспользовавшись кризисом аграрного рынка, я хочу отвести содержащееся в Римском договоре положение, согласно которому не позднее, чем с 1 января будущего года, вводится принятие решений большинством голосов. Более того: согласно этому положению, решения Комиссии, если они не отклоня-

ются единогласно, считаются принятыми! С этого момента, начинается полный бред. Это невозможно! Мы этого не можем допустить! Как французское правительство могло с этим согласиться? Мы не хотим, чтобы касающиеся нас важнейшие решения принимались другими, чтобы наша судьба зависела от иностранцев.

АП. Выходит, нам повезло, что наши партнеры не приняли наших финансовых предложений? Они попали в западню?

ГдГ. В западню — нет. Им не устраивали никакой западни. Они ее устроили себе сами. Но на этот раз они все оказались заодно, они сговорились между собой, чтобы получить наднациональность, что фактически означает — держать нас в подчинении. Нам представился неожиданный случай. Мы этим воспользуемся, чтобы сказать им: «Мы увидели, что можем оказаться жертвой коалиции, и для нас это неприемлемо. Следовательно, нужно изменить это положение договора, или мы отказываемся продолжать его поддерживать».

Они вообразили, будто мы согласимся открыто признать то, что в Римском договоре содержится в скрытой форме, будто мы согласимся признать несуразные полномочия Комиссии вместе с федеральным бюджетом, раз мы так якобы заинтересованы в финансовом регламенте сельскохозяйственного рынка. Они рассчитывали поймать нас на том, что мы испугаемся наших аграриев, или ближайших выборов, или я не знаю чего, — как при Четвертой Республике.

Посмотрите, что пишут разные болтуны во всяких «сортирных листках», — они-то всё прекрасно поняли.

АП. А как с Комиссией, которая должна быть обновлена в январе. Вы не согласитесь вести переговоры со старой?

ГдГ. Конечно нет! Я не могу дискутировать с Хальштейном или Маншольгом. Это невозможно. Особенно после того, что они сказали.

АП. Что после Гитлера ничего подобного мир не видел?

(Генерал не пожелал повторить обвинение, как если бы повторить — означало допустить такое сравнение.)

ГдГ (гневно). Нет и нет!»

Мне кажется, он рассердился на меня за то, что я посмел произнести вслух подобное оскорбление. Он продолжает:

«Они дисквалифицировали себя в качестве высокопоставленных беспристрастных чиновников, за каковых они себя выдают». Затем он повторяет, как Катон свое *«delenda est Carthago»*⁶⁸: «Нужно пересмотреть Римский договор и распустить эту Комиссию».

23. «Немцы были моей большой надеждой, они стали моим большим разочарованием»

Совет министров, 22 сентября 1965.

Кув. «Немецкие выборы не дали ожидаемого результата: ждали равного успеха двух главных партий, а победили с явным перевесом ХДС и Эрхард».

После заседания.

АП. «Вы поздравите Эрхарда с победой на выборах?»

ГдГ. Нет-нет! Я не могу поздравлять одну партию с победой над другой! Я подожду, когда Эрхард будет назначен канцлером.

АП. Вы не опасаетесь, что это усиление ХДС сделает его более уверенным в себе?

ГдГ. Я бы хотел, чтобы он стал более уверенным по отношению к своим министрам, чтобы он оказался способным управлять своим правительством и своей страной. Я бы хотел, чтобы он стал более уверенным по отношению к американцам и вырвался из-под их влияния.

Успех ХДС показывает, что немцы довольны своим процветанием. Эрхард станет еще большим сторонником атлантизма». (Смеется.)

Золотой салон, 13 октября 1965.

АП. «Журналисты находятся под большим впечатлением от сообщения о предстоящей поездке Кува в Москву; некоторые даже усматривают в этом предвыборный маневр, чтобы помешать коммунистам поддержать Миттерана*».

* Генерал заявит о выдвижении своей кандидатуры только 4 ноября. (См. часть V настоящей книги, гл.16 и далее.)

ГдГ. Это глупо. Решение было принято еще в апреле, во время приезда Громько в Париж. Поездка Кува — это ответный визит, только и всего. Однако это важно для развития наших отношений с Советским Союзом.

АП. Немцам это не очень понравится.

ГдГ. Мы это делаем не для того, чтобы понравиться немцам. Но позиция немцев состоит теперь в том, чтобы дистанцироваться от нашего договора о сотрудничестве и дружбе. Мы не можем им в этом помешать.

Германия идет своим путем, а мы своим. Она хочет объединиться любой ценой и как можно скорее; у нее это не получится, пока Советский Союз будет существовать. Она готова вернуться к вопросу о границе по Одере-Нейсе; против этого будут все. Она хочет приобщиться к атомному оружию; в конечном счете, и этот номер не пройдет. Это привело бы к тому, что от нее отвернулся бы весь мир. Мы не можем идти вместе с ней на эту серию провокаций. Значит, у нас не может быть с ней общей политики.

Своими претензиями Германия вызывает страх у всех народов, которые еще помнят о ее действиях двадцать лет тому назад и которые становятся плечом к плечу рядом с нами и вслед за нами. Естественно, сплочение происходит, прежде всего, на Востоке: поляки, русские, чехи... Мы, французы, тоже обеспокоены. И даже англичане не испытывают радости.

Поэтому нечего нам вмешиваться во внутренние немецкие ссоры; тем более, мы не знаем, что там у них происходило.

Политика Аденауэра, хотя он об этом и не говорил, строилась на признании того факта, что Германия получила по заслугам. И потому он не поднимал вопроса о том, чтобы ей возвращали то, чего она лишилась в результате своего разгрома. Аденауэр никогда не ездил в Берлин. Он не трубил по поводу границ. Он не кудачтал по поводу воссоединения, которому не придавал особого значения, тем более, он не хотел, чтобы Германией управляли пруссаки. Наконец, у него было много общего с нами в понимании будущего Германии. Но банда Шрёдера, Эрхарда и прочих — это совсем другое дело.

АП. Плохо, что Аденауэр теперь не в счет.

ГдГ. Аденауэра больше нет. Поэтому я вам и говорю, что Германия пошла другим путем, и на этой дороге мы ей не попутчики.

Аденауэр извлек из своей политики все возможные выгоды для Германии. Во-первых, он сделал Германию приемлемой, ввел ее с нашей помощью в окружающий мир. Он ввел ее в Атлантический альянс. Он сделал так, что ей вернули ее уголь и сталь. Ей вернули армию. Он добился для нее подписания Римского договора. Он получил все, что мог. Но он никогда не переступал за черту, никогда не хотел, чтобы Германия вновь стала такой, какой была при Гитлере. А ведь именно этого хотят Эрхард, Шрёдер и вся банда, хотят, может быть, бессознательно, не понимая, что переступают опасную черту».

Помолчав, он продолжает: «Начиная с момента, когда другие вырвали у Аденауэра обещание уйти в определенный срок, бразды правления выскользнули из его рук. Как только объявляешь о своем уходе, ты уже больше не управляешь».

Эти слова обретают особую остроту за двадцать дней до того момента, когда Генералу предстоит объявить, уходит ли он сам...

[...]

Золотой салон, 10 ноября 1965.

АП. «Я ездил в Бонн на традиционное мероприятие. Мой немецкий коллега, занимающий аналогичный пост в правительстве, пригласил меня на бал прессы, *Press-Ball*, куда каждый год являются президент Республики и правительство в полном составе и остаются там до двух часов ночи.

ГдГ. До чего дошли! Валяются в ногах у газетчиков!

АП. На этот раз бал был посвящен Франции. Поскольку из меня сделали почетного гостя, каждые полчаса начальник протокола приглашал меня для встречи с очередным собеседником. Так у меня произошла серия разговоров с президентом Республики, канцлером Эрхардом, председателем Бундестага и некоторыми из основных членов правительства. Разговоры происходили за маленькими столиками среди общей сутолоки и оставили у меня неприятное впечатление. Тон у моих собеседников был едкий и обиженный. Но ни слова об Общем рынке — как будто этот вопрос их не заботил больше. Только о воссоединении, границах, атомном вооружении...

ГдГ. Немцы быстро все забыли. На них нельзя полагаться. Они были моей большой надеждой. Они стали моим большим разочарованием».

24. «Мы сможем возобновить “брюссельскую Голгофу”»

Совет министров, 12 января 1966.

Мы выходим из кризиса «пустого стула»: дело начинает сдвигаться с мертвой точки. 6 января министры иностранных дел Шестерки собрались в Люксембурге, а не в Брюсселе, чтобы, как сказал мне Генерал 5 января, «избежать тлетворных влияний», иначе говоря, «чтобы представители Комиссии не толклись в кулуарах». Это первая встреча после разрыва 30 июня, после того, как в течение шести месяцев место Франции оставалось пустым. Наши партнеры согласились рассмотреть выдвинутые нами условия. Чтобы объединение Европы могло продолжиться, мы требуем удовлетворения по двум пунктам: во-первых, финансовое урегулирование в области общей аграрной политики и, во-вторых, принятие политических правил относительно деятельности Комиссии и принципа большинства голосов.

[...]

ГдГ. «Мы не требуем невозможного. Здравый смысл для нас важнее, чем договоры и юридические формулировки. Господин Кув де Мюрвиль должен будет добиться уточнений.

Европейское сотрудничество — это истинная цель, даже если о ней говорим только мы.

Наднациональные претензии Комиссии — это фикция. Необходимо, чтобы Комиссия вернулась к подобающей ей роли.

Что касается финансового регламента, то доработать его будет нелегко. Результат будет зависеть, прежде всего, от немцев. Мы увидим, будет ли канцлер⁶⁹ менее уклончив, чем раньше. В основе сельскохозяйственного урегулирования должно лежать соглашение между Францией и Германией».

Генерал не захотел высказываться по поводу информации, которую дал Кув: что канцлер раздражен нашей уклончи-

востью в переговорах относительно атомного оружия и что это может послужить причиной его неблагоприятного отношения к французским предложениям.

Совет министров, 19 января 1966.

Министры иностранных дел Шестерки собрались снова. Со сдерживаемой радостью Кув рассказывает о своих действиях: как он нагнетал давление со стороны Франции, представив меморандум из десяти пунктов, как затем поставил вопрос о сроках, в первую очередь — о сроках обновления состава Комиссии.

Кув. «Это вызвало некоторое волнение. Наши партнеры поняли, что наше предложение не сулит им ничего приятного: для голландцев — это дело Маншольта, для немцев — дело Хальштейна. Но наметилось начало договоренности о полномочиях Комиссии. Во всем остальном — очень мало подвижек. По вопросу о принятии решений большинством голосов они согласны дискутировать; они признают, что здесь есть проблема. Но это всё. Не думаю, чтобы мы могли договориться в следующий раз. Трудно предвидеть, как пойдет дело.

ГдГ. Именно этого и следовало ожидать. Переговоры начались — это позитивный момент. Никто не может оспорить тот факт, что это переговоры политические, по пунктам, которые мы считаем чрезвычайно существенными. Они начались и будут продолжены.

Кув. Они начались, и никто против этого не возражал.

ГдГ. Это — плюс. Продвижение не большое, но все-таки кое-что. Хорошо, что наши собеседники не сказали: «Ну вот, мы собрались, теперь — поехали в Брюссель».

Относительно остального — посмотрим. Но самое характерное и самое печальное во всем этом — позиция Германии. Все видят, по каким причинам она занимает изменчивые и вызывающие разочарование позиции. В этой связи можно пожалеть, что ваше ближайшее собрание состоится до того, как канцлер посетит Париж».

Генерал продолжает надеяться, что в разговоре один на один Франция и Германия смогут выработать конструктивную линию поведения, тогда как на совещаниях Шестерки Германия

втягивается в замысловатые игры и поддается старым влияниям демохристианской солидарности, воскрешая на международном уровне ту самую партийную систему, против которой он борется во Франции.

Совет министров, 2 февраля 1966.

Переговоры, наконец, завершились тем, что потом будут называть «Люксембургским компромиссом». Кув говорит об этом без торжествующих интонаций:

«Поскольку кроме нас никто ничего не предлагал, все было достигнуто усилиями одной Франции. Если в правовом отношении наш успех ограничен, то на практике мы заставили считаться с реальностью. Весьма сомнительно, чтобы правило большинства стало применяться в тех случаях, когда Франция будет против. Не изменяя текстов, мы в значительной степени добились того, чего хотели: лишили Сообщество наднациональности⁷⁰. Что касается Комиссии, то впервые Совет осмелился поставить вопрос о ее поведении. Одним табу меньше. Но проблемы, конечно, остаются.

ГдГ. Вы добились того, чего можно было добиться. Это хорошо. Значит, возвращаемся в Брюссель.

Почему мы пошли на разрыв? Потому что Комиссия требовала для себя непомерных полномочий, и ей готовы были уступить. Это безответственное учреждение, состоящее из безответственных людей, а полномочия им даны колоссальные. Конечно, Европейская Ассамблея всегда им подыгрывает. Здесь надо было произвести политическую операцию. Франция это сделала.

Мы сможем возобновить «брюссельскую Голгофу». Решено, что мы начинаем с финансового урегулирования, чтобы затем взяться за аграрный вопрос в целом. Мы оздоровили атмосферу для дальнейшей дискуссии.

Председатель Комиссии не должен занимать политические позиции. Это противоречит договору. Увеличение роли Совета министров Сообщества — это положительный результат. Это означает укрепление Государств по отношению к Комиссии. Но по-настоящему мы выйдем из этого противоречия только после того, как будет налажено политическое сотрудничество

во внутри Шестерки. Мы это уже предлагали, но безуспешно! К этому можно будет вернуться».

На пресс-конференции 21 февраля де Голль выразил полное удовлетворение компромиссом, достигнутым в Люксембурге. Пять государств формально не дали согласия на право вето при принятии «важных решений», но Франция заставила признать необходимость единогласия.

Совет министров, 9 марта 1966.

Канцлер Эрхард посетил Париж 7 и 8 марта для встречи в верхах.

Кув делает тщательный анализ этой очередной франко-германской встречи и приходит к заключению:

«Результат несколько парадоксальный: складывается впечатление, что франко-немецкое сотрудничество — это реальность, несмотря на расхождение по главным вопросам.

ГдГ. Атмосфера была хорошей. И это не случайно. Мы констатируем относительное отдаление Германии от Америки. Чем больше Соединенные Штаты увязают на Востоке, тем теснее Германия примыкает к нам. Затем, у нее серьезные трудности, экономические и финансовые. Немцы с ними справляются, но это их заботит. Это сделало их более скромными».

В очередной раз Генерал спешит воспользоваться чахлыми былинками хороших новостей. Стоит ему почувствовать, что Германия чуточку приблизилась к нему и к Европе, — и он доволен.

Но, поскольку «брюссельская Голгофа» возобновилась, министр сельского хозяйства пользуется случаем напомнить о наших фрустрациях. Делает он это довольно остроумно.

Эдгар Фор*. «Моя работа все время колеблется между лилипутскими и фараоновскими масштабами. Каждый вопрос в отдельности не представляет особого интереса: сегодня речь идет о хмеле, завтра — о зеленом горошке. Это — лилипутский

* Сменил на посту министра сельского хозяйства Пизани, который стал руководителем вновь созданного Министерства технического переоснащения.

масштаб. А фараоновский масштаб начинается тогда, когда речь заходит о сроках: все вопросы необходимо решать со скоростью экспресса. Скоро надо будет прибывать в пункт назначения раньше, чем выехал из пункта отправления.

ГдГ. Перед нами стоит все тот же вопрос, отнюдь не лилипутского масштаба. Нельзя допустить, чтобы нас вынудили поднять цены до того, как будет достигнуто финансовое урегулирование. Иначе цены мы поднимем, а того, что важно для нас, не добьемся».

Генерал мог бы щегольнуть блестящими и точными формулировками ничуть не хуже, чем Эдгар Фор. Но вместо этого он предпочитает вернуть Совет и своего министра в деловой режим: курс на фиксированные цены — это уловка; сначала — финансовое урегулирование. Это — задача не фараоновская, но и не лилипутская.

[...]

Совет министров, 11 мая 1966.

Переговоры пошли быстрее, чем ожидалось, и сегодня финансовое урегулирование будет подписано в Брюсселе.

ГдГ. «Результат удовлетворительный. Я не могу судить о нюансах и процентах. Но это близко к тому, что мы наметили. Хорошо, что мы этого достигли. Причем в вопросе, который вызывал тревогу. Это был тот *плацдарм*, на котором мы *столкнулись*; именно отсюда возникали все споры и все трудности. Чтобы добиться успеха, мы использовали все средства, в том числе и *вылазки*, к которым нам пришлось прибегнуть. (Словарь соответствует характеру операции, которую он провел на военный лад.)

Что касается Комиссии, то теперь она играет свою полезную роль. Она собирает данные и сближает точки зрения. Для этого ей достаточно было перестать претендовать на политическое значение. В результате происшедшего кризиса ее полномочия были ограничены, что удержит ее от дальнейших соблазнов хотя бы на несколько лет; а в случае чего, мы снова дадим ей почувствовать узду.

Это не значит, что наступил конец трудностям и дискуссиям. Их будет еще достаточно на «Kennedy Round». Они возникнут снова в связи с вступлением Англии и Дании, и тогда может снова оказаться под вопросом финансовое урегулирование. Да и

реализация самого этого урегулирования не пройдет гладко: каждый будет стараться пересмотреть то, что уже было решено.

Чтобы закончить разговор об Общем рынке, который, впрочем, мы никогда не закончим, надо напомнить, что мы идем на риск, что по индустриальному Общему рынку мы несем расходы большие, чем такая страна, как Германия. Выгоды, которые Франция получает от сельскохозяйственного Общего рынка, являются необходимой компенсацией ее рисков в индустриальном Общем рынке».

25. «Англичане все переделают по-своему»

Совет министров, 1 февраля 1967.

Как раз перед назначенными на март 1967 года выборами в Национальное собрание, на которых, по общему мнению, сторонники де Голля потерпят поражение, — намечается новая инициатива британского правительства. Кув докладывает о визите в Париж лейбористского премьер-министра Вильсона и государственного секретаря Форин Оффиса Брауна.

Кув. «В первой же беседе англичане заявили нам, что их первейшая забота — независимость. Они придают большое значение технологической независимости и подчеркивают в этой связи, что их вклад в дело Европы будет решающим для обеспечения ее самостоятельности перед лицом Америки. Следует констатировать полное изменение позиции господина Вильсона по сравнению с его предыдущим посещением. Но надо ли считать, что его эволюция на этом закончилась? Вильсон и Браун отклоняют идею простой ассоциации, которая, как они считают, подходит для слаборазвитых стран, а для Англии является оскорбительной. Они утверждают также, что для их вступления в Общий рынок совершенно не требуется все там менять. После этого они подчеркивают, что аграрная политика Сообщества в ее нынешнем виде не может быть применена к ним. Мы не стали им возражать. Они стараются доказать, что их финансовое положение является здоровым и не грозит никакими осложнениями Общему рынку; по этому поводу мы высказали свои замечания.

В целом, никакого заключения не последовало. И пока не ясно, действительно ли они предложат свою кандидатуру.

Помпиду. Действительно, произошла поразительная эволюция. Англичане, по-видимому, осознали практические трудности, которые возникнут перед ними, особенно в области сельского хозяйства. Господин Вильсон очень заботится о том, чтобы не выглядеть просителем. Может быть, англичане настроены не так решительно, как хотят показать.

ГдГ. Может ли министр сельского хозяйства уточнить размеры возможных перемен, в случае если Великобритания войдет в Общий рынок?

Эдгар Фор. Главный вопрос — это цены на сельскохозяйственную продукцию. Мы не можем допустить свободного движения продукции, если уровень цен не будет сопоставим с нашим.

ГдГ. Значит, это затруднит свободное движение сельскохозяйственной продукции?

Эдгар Фор. Не обязательно. Мы могли бы двигаться вперед, оставаясь в рамках Шестерки. И применять к Англии сельскохозяйственное урегулирование постепенно, траншами.

ГдГ (обращаясь к Дебре). А как обстоит дело с валютной проблемой?

Дебре*. Нельзя представить себе Общий рынок с английским участием при нынешней валютной системе. Англичане не могут гарантировать состояние фунта после ноября. Мы рискуем получить одновременно их просьбу о вступлении в Общий рынок и о реструктуризации их долгов».

Генерал считает, что эти два экспертных мнения, полученных экспромтом, достаточно прояснили вопрос, и переходит к заключению.

ГдГ. «Состоявшееся обсуждение оставило у меня двойственное впечатление. Конечно, англичане демонстрируют новые и вызывающие симпатию намерения. Но как только мы начинаем рассматривать вопрос более пристально, как только речь заходит о сельском хозяйстве, о фунте стерлингов, мы констатируем, что, если англичане ворвутся в Общий рынок, они пере-

* Мишель Дебре — министр экономики во втором правительстве Помпиду, до этого — премьер-министр первого кабинета де Голля.

вернут условия игры. Они станут, по тысяче причин, главенствующим элементом и все переделают на свой манер.

Конечно, они пойдут на соглашения в переходный период, но с целью занять в дальнейшем доминирующее положение. Они будут стремиться не приноровиться к Общему рынку, но изменить его и занять в нем такое положение, которое позволит им играть сразу на двух досках: на своем членстве в Общем рынке, с одной стороны, и на принадлежности к англосаксонскому миру — с другой.

Вот под каким углом зрения мы и наши партнеры должны рассматривать эту проблему. Она никак не может быть разрешена одной лишь подписью Англии. В действительности, вопрос стоит так: должна ли Англия остаться вне Общего рынка, связанная с ним на основе двусторонней ассоциации, или же надо перестраивать всю конструкцию?

Дебре. Даже ассоциация таит в себе опасности. Прежде чем принимать эту идею, следует оценить все возможные последствия.

ГдГ. Главное, не позволить втянуть себя, как мы это допустили в 1962 году, в бесконечное обсуждение деталей. А также дать им понять, что легкого решения не существует, что невозможно просто так взять и принять Англию в Общий рынок».

Совет министров, 3 мая 1967.

В конце концов, кабинет Вильсона решился. Но прежде он дождался результатов наших выборов: если у де Голля окажется слабое парламентское большинство, то, даже оставаясь на своем посту, он станет сговорчивее. Теперь они решили, что пришло время переступить порог Общего рынка. Вчера Вильсон заявил об этом в Палате общин.

Кув. «Премьер-министр написал генералу де Голлю и предупредил его о своем демарше. Генерал тотчас же ему ответил. Начинается очень большое дело. Обсуждение с нашими партнерами откроется в Риме.

ГдГ. Еще нет формального демарша, и правительству пока не нужно принимать решения. Но соображения возможны уже сейчас, и я прошу их высказать».

Начинается импровизированное обсуждение, и первым бросается в бой Мальро.

Мальро*. «Имеются ли в позиции Англии реальные изменения, или только видимость изменений? Иначе говоря: вступает ли Англия в Общий рынок, или это Общий рынок включается в Англию, то есть в Соединенные Штаты?

Дебре. Надо, чтобы Англия заняла позицию по основным вопросам. Первое — фунт стерлингов. Они хотят сделать Лондон финансовым центром Европы; они хотят получить поддержку для стерлинговой зоны. Второе — отношения с Британским содружеством. И, наконец, если переговоры провалятся, политические последствия будут тяжелыми.

Эдгар Фор. Трудно распознать истинные намерения Великобритании. Аграрный вопрос труден, но не неразрешим. Валютный вопрос имеет реальное значение: экономическое сообщество требует валютной солидарности; учитывая состояние фунта, это может стать проблемой. Политический вопрос серьезен. Есть аргументы *против*. Как говорил Жорж Бидо, «Англия бывает независимой от Соединенных Штатов в течение не более чем пятнадцати дней». Есть много аргументов *за*: англичане могли бы нам помочь положить конец мифу о наднациональности; мы могли бы помочь им освободиться от Соединенных Штатов; общественное мнение настроено в пользу вступления Англии. В 1963 году нужно было порвать цепь. Сегодня надо использовать более веские аргументы.

Мишле. Можно опасаться, что англичане затеяли маневр против генерала де Голля. Чтобы этого избежать, нужны большие тактические предосторожности, поскольку общественное мнение настроено в пользу англичан.

Шуман. В сущности, вступление Англии не совместимо с общей аграрной политикой. Нет иного пути, кроме ассоциации. В смысле тактики, Франция не должна изолироваться.

Бийот, Жокс, Марселлен, Мессмер⁷¹ и я — мы все высказываемся за идею ассоциации. Жанненэ** идет против течения.

* Андре Мальро — министр культуры в первом и втором правительстве Помпиду.

** Жан-Марсель Жанненэ — первый посол Франции в Алжире, министр промышленности с 1959 по 1962 год, затем член Экономического и социального совета.

Жанненэ. Я бы хотел, чтобы Англия разорвала франко-германский «тет-а-тет», и чтобы экономическое пространство Европы расширилось. Отсутствие в Англии коммунистической партии — это тоже хороший пример для нас. Поэтому наша принципиальная позиция должна была бы быть благоприятной. Нам не следует с самого начала высказываться за ассоциацию, но показывать, что трудности, к нашему сожалению, возникают со стороны Великобритании. Мы могли бы приспособиться и не слишком нарушать образ жизни англичан.

ГдГ. Образ жизни англичан, конечно, будет нарушен. Их набор продуктов питания изменится и будет им стоить дороже. Трудностей будет много, но наше исходное отношение к их просьбе — сочувственное. Впрочем, не наше дело указывать англичанам на их трудности. Пусть они занимаются этим сами.

Помпиду. Идея, что Великобритания является частью европейского континента, постепенно распространяется по ту сторону Ла-Манша. Тем лучше. Но наше дело — рассмотреть все плюсы и минусы английского вступления в Общий рынок.

За английским вступлением неизбежно последуют другие. Однако Общий рынок, состоящий из двенадцати или пятнадцати членов, сможет функционировать только ценой усиления Комиссии. Так как мы этого не хотим, неизбежно последует слабость Сообщества и Общего сельскохозяйственного рынка. Но ведь не к этому мы стремимся.

Здравый смысл заставляет признать, что Англия находится в Европе, хотя пока и не совсем. Значит, требуется найти какое-то среднее решение. Однако лучше не употреблять термин «ассоциация», который на практике приобрел уничижительный оттенок. И лучше, чтобы идея была подброшена не нами, а другими.

ГдГ. Как согласовать своеобразие англичан с Сообществом в его настоящем виде? Когда-нибудь, возможно, англичане окажутся в состоянии вступить в Общий рынок. Но, судя по всему, пока они к этому не готовы. Это связано с сельским хозяйством, с движением капиталов, с валютным вопросом. Это — конкретные трудности, не разрешимые в Общем рынке, каким он является сегодня. Можно подумать о каких-то новых подходах, с учетом своеобразия англичан в текущий момент. Действительно, есть движение англичан в сторону Европы. Действи-

тельно, это может привести к тому, что они примут на себя ответственность, изменятся. А пока почему бы не договориться о каком-нибудь соглашении по снижению тарифов, продиктованном экономическим здравым смыслом. Может быть, англичане увидят в этом выгоды для себя.

Что касается политики, то именно она была в основе замысла объединенной Европы. Был проект: сначала слить экономические интересы, а затем объединить интересы политические. Быть может, мы к этому придем. Вследствие все более явной американской экспансии стал чувствоваться легкий ветерок, дующий в этом направлении. Но как раз в этом отношении Англия находится в особой ситуации: ее влечет морской простор, она ориентирована в сторону американцев. Она пребывает в иной политической позиции, чем страны Шестерки.

Будет ли она эволюционировать? Желательно, чтобы пришел день, когда Англия займет свое место в составе Европы. Но этот день еще не настал. И пока самое разумное — это ассоциация, каким бы словом мы ее ни называли. Мы не можем вот так сразу отказаться от того, что так трудолюбиво строили вместе с нашими партнерами. Подождем английского демарша и реакции других. Тогда и увидим, что нам делать».

Совет министров, 10 мая 1967.

В конце заседания Генерал преподносит нам новый сюрприз:

«Во время прошлого Совета не все могли высказаться по поводу вступления Англии в Европу. Я бы хотел, чтобы каждый мог высказать свои замечания».

[...]

ГдГ. «Благодарю вас, господа. Хочу отметить, что пока от нас не требуется никакого дипломатического решения.

Но когда такой момент наступит, все будет зависеть от Франции. Итак, что же нам избрать?

Движение Англии в сторону Европы не может вызывать у нас ничего, кроме удовлетворения. Мы уже давно страдаем оттого, что Объединенное Королевство замыкается в своем островном положении. Теперь оно поворачивается к Европе, и не нам его отталкивать.

Но Общий рынок еще не завершен. То, что удалось пока построить, стоило больших усилий. Все держится на трудно достигнутом равновесии интересов. Надо понять и дать понять другим, что вступление Англии, сопровождаемой ее кортежем, будет означать рождение чего-то другого, чем нынешний Общий рынок. Странам Шестерки надлежит сказать, хотят ли они этого «другого», которое возникнет с вступлением англичан.

Если они на это не согласны, можно ожидать, что Англия, со своей стороны, примет необходимые меры, чтобы в один прекрасный день стать на равную ногу со странами Шестерки и осуществить в будущем, пока еще неопределенном, вступление в Общий рынок.

А пока остается ассоциация как способ, предусмотренный Римским договором. Но и в этом направлении не следует проявлять слабость. Это пока еще предварительная гипотеза.

В конечном счете, дело пойдет так, как хочет Франция. Это неплохая ситуация.

Помпиду. То, как будет представлена наша позиция, имеет большое значение.

ГдГ. Да. Не следует отказываться от изучения проблемы, состоящей в том, что может быть создано нечто иное, чем Общий рынок в его нынешнем виде.

Помпиду. Желательно, чтобы месье Горс* с помощью специалистов показал, какой вред вступление Англии может нанести интересам разных категорий французского населения».

Так, скорее, на негативной ноте закончился обмен мнениями, растянувшийся на два заседания Совета министров. Недоверие к Англии явно преобладает. Но одновременно ощущается нечто вроде недоверия и к Генералу. Отказ 1963 года оставил свои следы. Министры не решаются сказать этого вслух, но в частных беседах почти все признают, что Генерал поступил тогда слишком резко.

Генерал лишь отчасти прислушался к предостережениям своих министров. На своей пресс-конференции 16 мая 1967 года он слишком подробно останавливается на всех пунктах пре-

* Жорж Горс — с апреля 1967 года министр информации.

ткновения. Конечно, заканчивает он восклицанием: «С какой радостью в сердце приняла бы Франция это историческое обращение в новую веру!». Но все поняли, что для него «обращение» не может быть результатом ни внезапного озарения, ни смутного желаяния, ни ленивых добрых намерений. Правда, он отклонил всякую возможность вето со стороны Франции.

Совет министров, 12 июля 1967.

30 мая в Риме собрались главы государств и правительств, чтобы отметить десятую годовщину заключения договора. Де Голль отверг нидерландское предложение незамедлительно принять к рассмотрению просьбу Англии: этот вопрос подлежит компетенции Совета министров иностранных дел.

Министры иностранных дел начали обсуждение 11 июля в Брюсселе. На следующий день **Кув** докладывает:

«Я изложил нашу позицию. Наши партнеры сказали, что проблемы существуют, но, чтобы их прояснить, надо начать дискуссию. Немцы заняли очень умеренную позицию. Согласно процедуре, предусмотренной договором, мы запросили доклад Комиссии и теперь ожидаем его.

ГдГ. Мы настаиваем на существовании проблемы: речь идет о том, что придется отказаться от Общего рынка в том виде, в каком он существует сейчас. Реакцию американцев легко предвидеть: она как раз в том и состоит, чтобы благодаря вступлению Англии превратить Общий рынок в зону свободной торговли, где ведущую роль будут играть Соединенные Штаты. Будут ли русские взирать на это равнодушно? Разумеется, на Востоке будут приняты ответные меры, произойдет рост напряженности, и это не пойдет на пользу разрядке».

Генерал хватил через край... Его аргументация парадоксальна, и пресса не упускает возможности обнаружить противоречие: если, мол, вы думаете, что вступление Англии ослабит Сообщество, то почему такое ослабленное Сообщество должно внушать страх Советам? Однако де Голль исходит из предположения, что зона свободной торговли будет открыта для проникновения американских интересов и что именно это дестабилизирует разрядку, основанную на самоопределении независимой Европы.

Совет министров, 25 октября 1967.

Кув. «Первые дискуссии по существу проблемы были довольно путаными. Наши партнеры сбиты с толку тем, как мы поставили вопрос: не решать вопрос об открытии переговоров по принципу «да» или «нет», но провести обсуждение нынешнего состояния Англии. Мы имели возможность ясно и спокойно изложить нашу точку зрения, и это не вызвало драматического обострения.

ГдГ. Все зависит от англичан. Совершенно очевидно, что в настоящий момент переговоры не могут начаться. Ваше выступление было очень действенным. Только у Франции есть реальная позиция. У других — только пожелания и намерения, на которых ничего нельзя построить».

«Все зависит от англичан». 10 мая он нам сказал: «Все будет зависеть от Франции». Он отдал себе отчет в том, как опасно взваливать на себя одного тяжесть решения. Англичане проявили инициативу. Они и должны показать, как далеко они намерены пойти.

Совет министров, 15 ноября 1967.

Английская кандидатура поставлена под сомнение слабостью фунта стерлингов.

Дебре. «Фунт оказался в очень трудном положении. Английский Банк больше не может выдавать кредиты. Англичане обратились за помощью к центральным банкам. Мы дали согласие: нельзя занимать позицию, отличную от других. Но мы поставили условие: Англия должна вернуть долг в течение сорока восьми часов, если она сохраняет свое право на заимствование в МВФ.

ГдГ. Невозможно поддерживать международную валютную систему, основанную на дефиците. Это закончится крахом для фунта и для Англии».

Совет министров, 22 ноября 1967.

Фунт рухнул. Комментарий Дебре:

«Я не думаю, что их девальвация даст положительные результаты. Великобритания расплачивается за американскую политику. Через несколько месяцев рост цен уничтожит половину эффекта девальвации. Что касается франка, то у нас хорошее по-

ложение. Наш долг крайне мал. У нас есть резервы. Господин Генерал, вы приняли решение не прибегать к девальвации.

ГдГ. Так решили все и, понятно, вы тоже! (Смех.)

Дебре. Английская пресса обвиняет вас в том, что вы выжидали падение фунта.

ГдГ. Лучше, чтоб тебя обвиняли, чем жалели».

Де Голль доволен и краток. 27 ноября ему предстоит говорить на пресс-конференции, назначенной уже давно. Он повторит свою аргументацию, уже изложенную им на пресс-конференции 16 мая, но теперь подкрепленную фактом девальвации английского фунта.

Совет министров, 20 декабря 1967.

Накануне в Брюсселе британское вступление было второй раз отложено *sine die**. Пять стран согласились с французским тезисом, что необходимо единогласное решение не только для принятия нового члена, но даже для начала переговоров на эту тему. Вилли Брандт сделал очень много для того, чтобы избежать конфронтации. Вступление Англии «остаётся на повестке дня», но переговоры не будут иметь места.

Кув. «Нам предсказывали драму; дело закончилось тем, что было зафиксировано разногласие, но кризиса, на который рассчитывала Великобритания, не произошло. Атмосфера была дружественной и спокойной, вопреки заявлениям, делавшимся для прессы.

ГдГ. Господин Кув де Мюрвиль вел дело точно, умело и твердо. Оно завершено и закрыто. Слово теперь за англичанами. Посмотрим, сделают ли они необходимые усилия для того, чтобы их кандидатура могла быть рассмотрена. Я в этом сомневаюсь. Я даже опасюсь, что их положение будет ухудшаться. Во всяком случае, пока лейбористы будут находиться у власти. Англичане выйдут из упадка только тогда, когда бразды правления возьмет новое консервативное правительство. Что касается наших партнеров по Общему рынку, то пусть решают: нужна ли им Европа? Мы готовы работать ради ее сплочения».

* «На неопределенное время» (лат.).

Часть III

ОБОРОННАЯ

САМОДОСТАТОЧНОСТЬ

1962–1967

1. «Армия — становой хребет нации»

После заседания Совета министров, 13 июня 1962.

АП. «Что важнее, честь армии или ее подчинение? В 1940 году вы обратились к ее чести, призвав к неподчинению?»

ГдГ. В 1940 году надо было во имя чести отказаться от подчинения. Государство себя обесчестило. Оно рухнуло. Сегодня — кто может в этом сомневаться? — государство существует! Значит, армия должна повиноваться... Она должна подчиняться гражданской власти, иначе наступит диктатура.

АП. Но в 1940 году вы обратились к французам в качестве военного: «Я, генерал де Голль...»

ГдГ. Армии больше не было. Государства больше не было. Воли больше не было. Но у меня воля была, и она смогла собрать волю других людей, которых становилось все больше. С этого момента я уже не был военным, я превратился в символ, который был больше меня. Катру, пятизвездный генерал, стал под мое командование, хотя у меня было только две звезды. И Жиро не мог со мной тягаться, хотя и желал быть «гражданским и военным главнокомандующим». (Смеется.)

Нация может стоять прямо, если у нее есть мозг, костяк и становой хребет. Мозг — это глава государства и его правительство. Костяк — это государство. Становой хребет — это армия. Во время серьезных кризисов, внешних или внутренних, армия играет важнейшую роль, при условии, что ею командуют. Если же нет,

она живет для самой себя, она отделяется от народного тела, она предпочитает свои корпоративные интересы интересам страны».

Помолчав, он переходит от анатомических сравнений к морским:

«Наполеон говорил, что французы — это беспорядочно плещущие волны. Если вы хотите, чтобы их волнение не переросло в бурю, необходимы молы. Армия — это главный мол. Если он не выдержит, рухнут и другие: правосудие, полиция, администрация. Одно за другим все, что должно стоять крепко, рухнет, и буря унесет обломки».

[...]

Совет министров, 11 июля 1962.

Обсуждается реорганизация Национальной обороны.

Помпиду (после заседания он особо подчеркнул свое желание, чтобы его выступление было донесено до журналистов). «Конец войны в Алжире заставляет по-новому взглянуть на Национальную оборону. С 1946 года французская армия была поглощена колониальными войнами. Теперь она сможет посвятить себя своей основной задаче — Национальной обороне, то есть защите от возможной агрессии своей национальной территории с помощью как обычного, так и атомного оружия. Кроме того, мы приступим к формированию французских сил быстрого реагирования, способных действовать в любой точке земного шара с применением соответствующих средств, по образцу американских *морских сил*.

ГдГ. Главный смысл существования государств и правительств — защита страны, за безопасность которой они отвечают. От этой обязанности они не должны уклоняться ни в коем случае. Мы против интеграции¹: она означает, что государство, а значит, и страна отказываются от выполнения своего долга.

Другая причина моего отказа от интеграции — это то, что она разрушает, дисквалифицирует и принижает командование».

[...]

После заседания я возвращаюсь к выражению, которое меня удивило.

АП. «Почему вы сказали, что интеграция дисквалифицирует командование? Разве близкое знакомство с военными методами американцев, англичан, немцев не повышает квалифи-

кацию нашего командования, не помогает понять, как работают наши партнеры, не помогает овладеть их техникой, если она лучше нашей, а также укреплять наши связи?

ГдГ. Чтобы усвоить военные методы иностранцев — в том случае, если они лучше наших, — существуют иные способы, чем становиться под их командование! Достаточно сотрудничать с ними, проводить стажировки, обмен, ознакомительные поездки. Но привычка подчиняться так называемому «интегрированному» командованию, которое, в свою очередь, подчиняется только президенту Соединенных Штатов, — ведет к отрыву от своего государства и своей страны, ведет к потере собственной души!

АП. Но когда офицеры прикомандированы к генеральному штабу НАТО в Фонтенбло или Роканкуре, это для них не что иное, как продолжительная стажировка; ведь они прекрасно знают, что остальная часть их карьеры будет протекать в рядах французской армии.

ГдГ (миролюбиво). Вы ошибаетесь! Оборона Франции должна быть французской. Нам нужна армия, которая была бы *нашей* армией. Откуда, как вы думаете, возник алжирский путч? Он возник — по крайней мере, отчасти, — потому что наши генералы и полковники уже привыкли, что ими командуют люди, потерявшие чувство национальной ответственности. И сами они безотчетно начали это чувство терять. Они утрачивали ощущение своей связи с государством и с нацией, утрачивали уважение к национальной иерархии, без которой нет армии, нет государства, нет нации.

То, что верно по отношению к армии, верно и по отношению к правительству. Если правительство не обеспечивает защиту страны, если оно уступает свою ответственность американцам, оно теряет свою легитимность и, значит, свой авторитет. У него больше нет права решать, потому что оно отказалось от долга командовать».

Совет министров, 12 декабря 1962.

ГдГ. «С окончанием Алжирской войны произойдет реконверсия армии: вернувшись в лоно нации, она получит новую закалку. Она будет делать то, для чего создана: обеспечи-

вать защиту страны. Наземные войска будут иметь обычные вооружения, к которым они привыкли, но, кроме того, у них будет и ядерное оружие, с которым они пока не умеют обращаться. Остальные два рода войск также будут иметь по два типа вооружений».

После заседания.

АП. «Не опасаетесь ли вы, что такая реконверсия превышает возможности Франции? Помпиду и Жискара, кажется, проявляют сдержанность.

ГдГ. Нет. Потребуется усилие, но не чрезмерное, если сравнить его с тем, что делают Великобритания, Западная Германия и Америка в соотношении с их бюджетами и национальным доходом. Не забывайте, что такое усилие даст толчок научным исследованиям и национальной экономике: делая открытия в области ракет или атомной физики, мы ведем Францию по пути прогресса. А направляя ресурсы на пехоту и на ее снаряжение, мы никакого прогресса не достигнем. Между тем, содержание пехотинца как раз и обходится дороже всего. Мы будем держать под ружьем все меньше и меньше людей в мирное время».

2. «НАТО — это академия, где занимаются болтовней»

После Совета министров, 9 января 1963.

Генерал развивает передо мной тему НАТО:

«НАТО — это академия, где занимаются болтовней. За четырнадцать лет своего существования она не произвела ни одного выстрела. Но ей удастся ослабить нашу волю к сопротивлению, без которой не может быть самозащиты. Она усыпляет наше стремление к национальной независимости. Она лишает нас мужества».

Затем он вновь говорит о том, что собирается изложить на ближайшей пресс-конференции 14 января.

ГдГ. «У меня будут два сюжета. Я закрою атомную тему. И я закрою тему английской кандидатуры в Общий рынок.

АП. Значит, вы будете говорить о нашем вступлении в атомный клуб?

ГдГ. Атомный клуб — это просто шутка. Мы являемся атомной державой, вот и все. Атомный клуб — это слова на ветер. Как говорили Флер и Кайаве: «Мой стакан невелик, но я сплю в своей постели*». [...]

Что касается вступления Англии в Общий рынок, то это невозможно по причинам, связанным с самим Общим рынком. А если бы еще оставались сомнения на этот счет (хотя их и нет), то они были бы окончательно сняты фактом подчинения англичан американцам, зафиксированным в Нассо. Это — конец!

АП. Вы сказали на заседании Совета министров, что если бы Общий рынок и распался, то в этом не было бы большой беды. Вы в самом деле рассматриваете такую возможность?

ГдГ. Надо всегда рассматривать все возможности. Что касается той, о которой вы говорите, то она бы меня не испугала. Франция существовала много веков без Общего рынка, проживет и дальше без него. Римский договор можно было бы заменить коммерческим соглашением, поскольку стало очевидно, что наши партнеры не хотят ни общей аграрной политики, ни общей помощи Африке, ни совместной обороны, ни общей внешней политики, ни независимой Европы. Если наши партнеры не желают, чтобы Европа была европейской, что я могу сделать? Заставить их я не могу».

Пресс-конференция, 14 января 1963.

Восемьсот журналистов, замороженные, расселись в несколько десятков рядов. Их идеи, за редким исключением, враждебны идеям Генерала. Но в данный момент они покорены его артистическим обаянием.

На протяжении трех предшествующих недель он не занимался ничем, кроме подготовки к этой пресс-конференции. Его сотрудники отменили или перенесли все встречи и аудиенции. Он сам изолировал себя от всех, и в Елисейском дворце, и у се-

* Юмористическое соединение двух пословиц на тему личной независимости: «Мой стакан невелик, но я пью из моего стакана» и «Я сплю в своей постели». Флер и Кайаве — французские комедиографы.

бя в Коломбэ. Чтение, прогулка, написание подробного сценария, опять прогулка, шлифовка текста, произнесение его вслух, правка. Это настоящая аскеза. Углубление каждого сюжета. Все новые запросы к самым авторитетным советникам Елисейского дворца. Взвешивание всех *за* и *против*. Запуск в прессу «пробных шаров» и внимательное отслеживание откликов на них, чтобы найти оптимальную формулировку. Подняться на такой уровень анализа, которого, конечно, в настоящее время никто не сможет достичь. Обрести, таким образом, некое *ясновидение*. Создать всей силой своего мышления на долгий срок вперед некую доктрину, которая станет доктриной Франции. Таков его способ действовать — то, что некогда, в «Лезвии шпаги», он назвал «божественной игрой героя».

В безукоризненно отшлифованных, как морская галька, выражениях он преградил Англии путь в Общий рынок и отверг предложение Кеннеди о «многосторонних силах». Организованные мной предварительные утечки информации, вопреки моим ожиданиям, ничуть не смягчили эффект: скандал разразился колоссальный.

Совет министров, 16 января 1963.

Можно подумать, что сокрушительной пресс-конференции вовсе и не было. Только в заключение заседания Генерал обронил несколько слов на эту тему:

«С позавчерашнего дня наблюдается некоторое волнение. Как обычно, преобладают лживые истолкования. Когда называешь вещи своими именами, разражается скандал. Говоришь, что Англия — остров, и все вне себя от изумления. Говоришь, что НАТО — это американский командующий, и все шокированы. Однако это правда. Вот и вся философия этого дела. Посмотрим, что будет дальше».

После заседания.

АП. «Что вы имели в виду, говоря на пресс-конференции о «стратегическом сотрудничестве» в атлантических рамках?»

ГдГ. Я оставил щелочку американцам и англичанам, чтобы они не думали, будто я хлопнул дверью. Но не будем обманывать сами себя. Я не хочу слышать о сотрудничестве, пока у

меня не будет собственной ядерной силы. Когда она у меня будет, вот тогда мы начнем координировать наши стратегии. При условии, что американцы откроют нам свою стратегию так же, как мы им открываем свою. Мы будем сотрудничать на равных. Если они не захотят, чтобы мы контролировали их стратегию, что вполне вероятно, ну что ж, мы им не позволим контролировать нашу. Они это знают, и они этим не довольны. Их раздражает наша атомная сила, потому что она подрывает их монополию. Мы разоблачаем их стремление к господству, лицемерно скрываемое под словами об «интеграции».

АП. Но не возвращаетесь ли вы к позиции, выраженной в вашем меморандуме от сентября 1958 года?

ГдГ. Нет. Тот меморандум был всего лишь приемом дипломатического давления. Я тогда только искал способ выйти из НАТО и вернуть нам свободу, которой нас лишила Четвертая Республика. Тогда я требовал невозможного, луны с неба. Я был уверен, что мне ее не дадут. Англо-американцы хотели бы располагать своей силой по собственному усмотрению, и мы им для этого не нужны. Господствовать над нами — вот что им нужно.

Но, не ответив на мой меморандум, они позволили мне принять меры к постепенному выходу из НАТО², что я не мог бы сделать, если бы не получил предварительного отказа. Действительно, начиная с 1958 года, мы освобождались шаг за шагом, и вот теперь мы там присутствуем, скорее, номинально, но по-настоящему мы не интегрированы. Так же и с ООН: мы не покидаем эту организацию, но устраиваемся так, чтобы она нам совершенно не мешала.

[...]

АП. Все удивляются, что на пресс-конференции вы намеренно приняли на себя ответственность за отрицательный ответ американцам и англичанам, тогда как, поведя более тонкую игру, вы могли бы переложить ответственность на американцев и англичан.

ГдГ. Делать вид, будто ты ни причем, значило бы бежать от ответственности. Американцам было прекрасно известно, что я собираюсь отклонить их предложение, сформулированное на Багамах. Но они-то как раз и старались вести тонкую иг-

ру. Они не хотели признаться, что знали о том, что я откажу. Выходя после беседы со мной, Болен и Болл³ заявляли направо и налево: «Переговоры продолжаются, и они будут долгими», как если бы они не знали, что я сказал им «нет». Точно так же и англичане притворялись, будто я не сказал «хватит» и будто переговоры будут продолжаться еще долго.

Все это — уловки людей, которые боятся правды.

Зачем нам бояться правды? Ведь как ни верти, а это правда, что, приняв предложение о «Полярисах», мы надели бы себе петлю на шею; это правда, что принять сейчас Англию в Общий рынок значило бы покончить с Общим рынком. Почему же не сказать так, как оно есть? Конечно, мы виноваты в неудаче в обоих случаях. Это бесспорно. Зачем мне это скрывать? Только мы оказались способны проявить политическую волю. Значит, только мы и несем ответственность.

Правительства, которые я вижу перед собой, — это мнимые правительства, которые способны управлять только с помощью уловок. Итальянское правительство похоже на правительства Четвертой Республики. Аденауэр вот-вот уйдет. Макмиллан вот-вот уйдет. Бельгию изобрели англичане, чтобы нам досадить. Голландия — английский протекторат. Мы единственные, у кого есть национальные амбиции, кто защищает свою национальную независимость. Ясно, что, если наши переговоры с англичанами закончатся неудачей, это будет результатом наших действий, следствием нашего сопротивления тому, чтобы нас поглотил англо-американский гигант. Именно мы отказываемся от того, чтобы Европа растворилась в атлантизме, который является прикрытием американской гегемонии. Значит, мы ответственны. Я требую этой ответственности.

Но есть средний путь между интеграцией, которая на самом деле прикрывает американскую колонизацию и принадлежит прошлому, — и враждебностью, которая ни к чему не ведет и не соответствует чувствам Франции. Этот средний путь — сотрудничество без гегемонии, единственная формула будущего. Я оказал услугу американцам и англичанам, сказав им «нет».

[...]

АП. Вы думаете, что мы можем выйти из НАТО, не возбуждая враждебности со стороны американцев?

ГдГ. Конечно! Мы это делаем постепенно, шаг за шагом. Мы отдаляемся от американцев, оставаясь их добрыми друзьями. Дружба остается, поездка Мальро это подтвердила. Американцы знают, или, во всяком случае, должны были бы знать, что опереться можно только на то, что стоит твердо.

Ап. Они это действительно знают?

ГдГ. Должны были бы знать. Но на деле они все время поддаются соблазну опереться на то, что мягко, а не на то, что твердо. В слаборазвитых странах они предпочитают опираться на прогнивших правителей, которые к ним расположены, которых они же сами и растлили, а не на твердые режимы, действительно выражающие волю народа. Эти режимы их пугают. Во время войны они опирались на Петена или Дарлана, или на Жиро, но не на де Голля, который воплощал волю нации. [...]

Американцы никогда не откажутся помогать карьере какого-нибудь Жана Монне⁴, потому что они видят в нем *своего*, и препятствовать де Голлю, так как чувствуют в нем человека, который сопротивляется. Однако они должны были бы понять, что лучший союзник Соединенных Штатов не тот, кто стелется перед ними, а тот, кто умеет им говорить «нет».

Он подводит меня к своей истине: *существовать* значит *противостоять*. К нему можно было бы отнести цитату из Гёте, которую он действительно любит повторять, иронически характеризуя свое несогласие с противниками: «Ich bin der Geist der stets verneit»⁵. Однако его *постоянное отрицание* направлено исключительно к утверждению Франции.

3. «Разбудить инстинкт самозащиты у стран свободного мира»

Елисейский дворец, 3 января 1963.

Это первое заседание Совета министров после того, как 21 декабря в Нассо на Багамских островах британский премьер-министр и президент Кеннеди подписали договор о сотрудничестве в области ядерных вооружений. Аналогичный договор

американцы предлагали подписать и Франции: в результате были бы созданы «многосторонние силы». Мы ждем, какую позицию займет Генерал.

Но сначала Кув излагает сложные детали этого соглашения, анализирует его благоприятные и неблагоприятные последствия для Франции:

«Американское правительство заявило, что оно отказывается от ракетоносителей «Скайбол»⁶, которыми должны были оснащаться британские военно-воздушные силы, но одновременно предлагает их заменить более мощными ракетами «Полярис»⁷. Случайно ли американское решение совпало с поездкой Макмиллана? Где имела место международная публикация этого решения? Во всяком случае, все это придает англо-американской встрече драматический оттенок.

Теперь у Великобритании не будет бомб, доставляемых самолетами. У нее остаются только ядерные субмарины. Все будет включено в состав так называемых «многосторонних сил» под англосаксонской вывеской, но под командованием НАТО, то есть — под американским командованием.

После Кубинского кризиса отношения между Соединенными Штатами и Советским Союзом изменились. Соединенные Штаты стали более уверенными в себе, может быть, даже более грубыми и заносчивыми. Они пересматривают свою общую стратегию с тех пор, как Кеннеди стал президентом⁸, особенно, на протяжении последнего года. Они проявляют все большую сдержанность в вопросе о возможном применении ядерного оружия.

Общая ситуация в мире изменилась. СССР все больше отдаляется от Китая. Существует перспектива постепенной разрядки в международных делах. Это будет влиять на отношения между Францией и Соединенными Штатами».

Кув умеет нарисовать яркую картину, пользуясь полутонами. Вывод: следует отклонить американское предложение, но без спешки и соблюдая приличия.

Когда Кув заканчивает, все глаза обращаются к де Голлю. Но слово берет Помпиду: вопрос слишком серьезный, чтобы его обсуждение могло происходить помимо премьер-министра. Помпиду краток и точен:

«Следует ли отказаться от «Полярисов»? В техническом отношении, предложение не привлекательно. Во-первых, у нас нет подводных лодок. Эти ракеты не могут заменить те, которые мы устанавливаем на «Миражах IV». Американцы хотят заставить нас дожидаться субмарин, которые у нас будут, но не раньше 70-х годов. Нам не улыбается стать обладателями ракет, которые не могут быть использованы немедленно.

Во-вторых, нам нечем вооружать «Полярисы». Наши бомбы не рассчитаны на доставку с помощью ракет. Англичане, которые работали по американским планам, обладают миниатюризованными атомными боеголовками. Наши бомбы нынешнего и даже следующего поколения слишком тяжелы для ракет типа «Полярис».

Нам не на что ставить эти ракеты и нечем их начинять. Зачем они нам?

Зачем оплачивать «Полярисы», которые будут принадлежать не нам? Это расточительство. Если американцы присваивают себе монополию на командование, то пусть берут себе и монополию на расходы. Иначе, это мнимая многосторонность».

После Кува и Помпиду создается впечатление, что де Голлю уже нечего добавить. Однако это не так:

«Вопрос, который поставил перед нами Кеннеди, одновременно технический и принципиальный.

Сначала рассмотрим техническую сторону. Наша ситуация и ситуация Великобритании не имеют между собой ничего общего.

Первое. Великобритания вынуждена выбирать: принять американское предложение («Полярисы» вместо «Скайболлов») — или не иметь ничего в ближайшей перспективе. Их бомбардировщики устарели, а их ракеты «Скайбол» им ни к чему, если американцы прекратят их производство. У нас, напротив, в данный момент нет ничего, но вот-вот будет кое-что. Наши «Миражи IV» летают гораздо быстрее английских бомбардировщиков и несут наши собственные бомбы с ядерным боезарядом, в четыре раза более мощным, чем тот, который уничтожил Хиросиму. Это не пустяки.

Стало быть, у нас нет, как у англичан, выбора между кое-чем и ничем. У нас будет нечто реальное.

Второе. Относительно будущего у нас тоже разные перспективы. У англичан будут атомные субмарины, ракеты «Полярис» и ядерные боеголовки к ним.

У них уже есть первый и третий элементы системы, у нас же нет ни одного. Благодаря соглашению в Нассо они уверены, что получают второй элемент, который позволит использовать остальные два.

Нам, наоборот, совершенно не нужен второй элемент, потому что у нас нет ни первого, ни третьего, которые англичане имеют благодаря американцам. Чтобы воспользоваться предложением американцев, нам нужно будет произвести без них то, что англичане имеют благодаря им. Со временем мы это сделаем, но пройдет много лет, прежде чем это сможет нас заинтересовать.

В итоге, у нас будет нечто, принадлежащее нам, в то время как англичане не будут иметь ничего, что принадлежало бы им. И если бы нам дали «Полярисы», мы смогли бы их использовать только через длительный промежуток времени.

[...]

Мы должны сохранить свободу действий. Но именно этого американцы и хотят нас лишить. Они не хотят, чтобы их союзники обладали стратегической и, следовательно, политической самостоятельностью. После Кубинского кризиса они почувствовали себя в состоянии противостоять Советам и даже заставили их отступить. Из этого они сделали вывод, что у них нет никаких оснований церемониться со своими союзниками. Они решили отменить своих союзников. (Он действительно сказал «отменить».)

В подобной ситуации мы либо выживем, либо нет. Будущи именно Францией, мы не можем согласиться на исчезновение. Принятие американского предложения означает отказ от возможности независимо или хотя бы автономно распоряжаться атомным оружием и передачу его под абсолютное американское командование. У нас нет никаких оснований идти на это.

Англичане обязаны американцам многим из того, что они имеют и еще будут иметь. Мы же в ядерной области не имели от них ничего, кроме палок в колеса. Во время наших атомных испытаний они делали все, чтобы нам помешать, используя для

этого ООН и возбуждая протесты, вроде того, с которым выступила Нигерия⁹. Это все, что они для нас сделали.

В будущем у нас также нет никаких оснований вступать в предлагаемую нам систему. Великобритания воображает, будто сохранила свою автономию, потому что в тексте есть фраза: «если высшие национальные интересы будут затронуты». Но это только слова. Это — пыль в глаза. Как можно расколоть военную организацию, в которую вы уже вошли? Оборонительная система — это система концентрированная, сложная, где все взаимосвязано, которую, после того как она создана, нельзя разрушить, даже если бы это кому-нибудь захотелось.

Нам случалось добиваться известной автономии в отношениях с американцами. В Страсбурге Эйзенхауэру пришлось уступить, потому что я отдал приказ нашим войскам защищать город во что бы то ни стало¹⁰. Но положение было бы иным, если бы речь шла о многосторонних силах, интегрированных под американским командованием.

В этом важнейшем пункте мы должны стоять твердо и сохранять в неприкосновенности наши возможности самозащиты. Очень может быть, что наши позиции будут оспариваться. Развертывается настоящая кампания в прессе с участием Липмана, Олсопа, официальных и полуофициальных лиц...

Англичане в ярости, видя, что мы не клюнули на наживку, которую они проглотили. Смешно!

Господа англичане, господа англосаксы, вы зря теряете время!.. И деньги! Вы затрудняете выработку стратегии союзников! Ибо такая стратегия возможна только в том случае, если такие страны, как Франция, принимают решения сами.

Наша оборона — это необходимое условие нашей политики. Она должна оставаться в наших руках. Нет уверенности, что интересы американцев будут всегда совпадать с интересами Европы и Франции. Возможно, что нынешние контакты между американцами и русскими когда-нибудь это подтвердят.

У нас нет необходимости обладать силой, эквивалентной силе американцев или русских. Ведь речь идет не об обычных вооружениях, а о силе сдерживания. Надо обладать возможностью нанести удар, достаточный для того, чтобы противник отказался от агрессии.

Сдерживание начинается с того момента, когда у нас появляется возможность уничтожить у противника такое количество людей, что для агрессора становится ясно: игра не стоит свеч. [...] Тогда мы можем быть уверены, что на нас не нападут.

И наоборот, такая уверенность исчезает, если американцы будут действовать за кулисами; они могут быть заинтересованы — или счесть себя заинтересованными — в том, чтобы удержать нас от использования атомного оружия, дабы самим не быть вовлеченными в широкий конфликт.

Что же касается англичан, то они могли бы сохранить свою независимость. Но они ее потеряли на Багамах, и им немного стыдно. Они стараются прикрыться термином «высшие интересы», но я боюсь, что ничего у них не выйдет. На Багамах американцы постарались прибрать к рукам английские средства защиты и тем самым — будущее Великобритании.

Я поблагодарил Кеннеди за то, что он ознакомил меня с содержанием своего коммюнике еще до его публикации. Относительно его предложений, я ответил, что они требуют очень внимательного анализа, их техническая сторона весьма специфична, и мы будем рассматривать весь вопрос в свете нашего понимания национальной безопасности, которое ему хорошо известно.

Мы не стали просить никаких разъяснений относительно предложенной им системы. Но если он будет так любезен нам их предоставить, мы отнесемся к ним с интересом.

Помогать американцам в налаживании их системы обойдется нам, по всей вероятности, ничуть не дешевле, чем самим позаботиться о нашей безопасности».

[...]

Палевски*. «Мы не должны скрывать от себя, насколько мы отстали от американцев, и насколько это отставание будет увеличиваться по мере роста мобилизуемых ими ресурсов. Если бы мы могли получить информацию, переданную американцами англичанам, о миниатюризации термоядерных боеголовок и о подводных лодках, оснащенных ракетами, мы смогли бы быстрее продвигаться вперед.

* Гастон Палевски — в то время министр научных исследований.

ГдГ. Но нам ничего такого не предлагают! Предположим, что такое предложение будет нам сделано американским правительством. Вряд ли найдется такое французское правительство, которое потребует от нации и от налогоплательщиков дополнительных жертв, чтобы несколько увеличить количество американских субмарин и «Полярисов».

У свободного мира не может быть никакой оборонной политики, если не начать с того, чтобы разбудить инстинкт самозащиты у стран свободного мира. Но американцы этого не делают. Они делают прямо противоположное».

[...]

После заседания.

Генерал дает мне инструкции для прессы крайне сдержанным тоном. Его решение принято но он пока не хочет его обнародовать.

4. «Англичане продали свое первородство за миску “Полярисов”»

По окончании первого заседания Совета министров в 1963 году Генерал в отличном настроении и расположен поговорить. Он склонен к эйфории в связи со своей полной победой над Четвертой Республикой*.

ГдГ. «Понимаете, с лета нынешнего года у нас будут первые 50 «Миражей». Они смогут нести соответствующее количество бомб: их производство будет синхронизировано с выпуском самолетов, — по боекомплекту каждый месяц. Затем ритм ускорится. С 1965 года мы будем иметь воздушные силы, эквивалентные нынешней *Strategic Air Command*** американцев. Философия атомной эры — это сдерживание вместо войны. Самолеты нам нужны не для войны, а для устрашения.

* 28 октября 1962 года на общенациональном референдуме было решено избирать Президента Республики всеобщим голосованием, а 18–25 ноября того же года голлисты одержали победу на выборах в Национальное собрание.

** Стратегические воздушные силы.

АП. Англосаксонская пресса утверждает, что наши самолеты не смогут преодолеть противовоздушную оборону русских, и французские журналисты склонны принимать эти заявления за чистую монету.

ГдГ. Это ложь! Радары не могут засечь самолеты, летящие близко к земле; они проскакивают раньше, чем наземные ПВО успевают отреагировать.

Американцы и их английские подпевалы хотели бы нас обескуражить и восстановить общественное мнение против нас! Но ничего у них не выйдет! Конечно, ракеты лучше, чем самолеты, но и самолеты не потеряли — и еще долго не потеряют — своего значения. Американские летчики первые это понимают. Иначе Соединенные Штаты должны были бы распустить *Strategic Air Command!*

Неужели вы думаете, что, если бы наши ядерные силы ничего не стоили, американцы стали бы с такой страстью их дискредитировать? Стали бы они каждый день уговаривать нас прекратить производство?

В действительности, их настойчивость имеет определенный смысл. Они поняли, что теперь наш палец — на спусковом крючке. Обладая ударной силой, мы противостоям американской гегемонии. Мы становимся так же опасны, как человек, который прогуливается с зажигалкой в пороховом погребе. Конечно, его зажигалка совсем маленькая по сравнению с погребом. Конечно, если вспыхнет искра, то первым погибнет он сам. Но при этом он взорвет всех вокруг. К нему уже нельзя относиться как к чему-то незначительному. Он приобретает огромную силу.

Затем, соотношение сил в Европе меняется. До сих пор Англия занимала господствующее положение по сравнению с Францией, потому что у нее была ударная сила, а у нас нет. Теперь будет наоборот, потому что американцы нас не контролируют, а английские военные силы целиком под их контролем.

АП. А испытание ракет в Сахаре? Дело продвигается?

ГдГ. В Колумб-Бешаре испытания проводились на дистанцию в 2000 и 3000 км. Удалось даже превзойти 3000 км. Это вполне удовлетворительно.

АП. Перейдем ли мы к военной службе в восемнадцать месяцев?

ГдГ. Да, на первом этапе.

АП. Армия готова примириться с этими быстрыми переменами?

ГдГ. О, она не прыгает от радости. Но наиболее сознательные понимают, что Алжир — это перевернутая страница, и надо переходить к другим задачам. Эти настроения дают себя знать. Они превратятся в реальность, когда военные осознают, что у них интересная профессия. Восстановление морального состояния армии теперь зависит от новой системы вооружений. Все взаимосвязано.

Фактически, нам нужны четыре категории войск: одна категория — для военных действий в Германии; другая — для сражений во Франции; третья — для защиты наших интересов и интересов наших друзей в любой точке земного шара; и, наконец, сила устрашения, которая будет зависеть только от нас.

Предположим, русские сегодня атакуют Германию с применением тактических атомных бомб: западные армии будут уничтожены и дорога на Францию — открыта. Если они атакуют с применением обычных вооружений, — результат тот же; сражение за Германию будет быстро проиграно ввиду неравенства сил, и помешать захвату Франции будет невозможно. У Америки и Англии всегда будет возможность укрыться за морем, у нас — нет!

Предположим, Хрущев захочет нас шантажировать, угрожая сбросить бомбу на Кёльн, если Аденауэр не уйдет, и бомбу на Марсель, если Торез не придет к власти: мы ответим угрозой сбросить бомбу на Одессу. А что сделают американцы? Немцы полагали, что они отреагируют сразу. Но после Берлинского кризиса они уже так не думают и пребывают в растерянности.

АП. А немцы? Их действия в этих условиях?

ГдГ. Германия — это для американцев трудная политическая проблема. Они не хотят полностью отказать Германии, чтобы не поссориться с ней; особенно они опасаются, что Германия и Франция договорятся между собой и будут совместно контролировать атомные силы, не зависящие от Америки. Это то, чего больше всего боятся американцы, и больше всего

желают немцы. Это то, чего добивается Штраус¹¹, — равенства с Францией. Но здесь он хватил через край. Мы пока что не можем позволить, чтобы Германия получила доступ к атомному оружию — ни к американскому, ни к нашему. Вернувшись к делам в июне 1958-го, я узнал о существовании секретного договора, подписанного Шабаном, в качестве военного министра в кабинете Буржес-Манури, и Штраусом, — о совместном производстве ядерного оружия. Моим первым дипломатическим актом была денонсация этого соглашения. Атомное вооружение Германии — это последний *casus belli*^{*}, существующий в мире, или один из последних. Этого достаточно, чтобы вспыхнула война».

Он не приводит никаких аргументов в подтверждение своей мысли о *casus belli*. Но она основана не на его представлении о Германии, а на представлении Советского Союза о ней.

АП. «Почему Макмиллан на Багамах сказал Кеннеди «да»?

ГдГ. Я думаю, что накануне выборов он хотел подтвердить свое сотрудничество с Соединенными Штатами, показать, что он имеет их поддержку во взаимоотношениях с Францией и Европой. Он не понял или не захотел понять, что в результате только увеличил свою изоляцию. Как мы можем согласиться на вхождение в Европу страны, до такой степени подчиняющейся американцам? Я принял решение еще до Багам. Но даже если бы оно еще не было принято, теперь любые колебания стали бы невозможны.

Вторая мировая война никогда бы не разразилась, если бы в 30-е годы мы не взяли за привычку во всем полагаться на англичан. Наши правительства приучили общественное мнение к мысли, что наша безопасность зависит от того, какую позицию займет Лондон по отношению к Берлину. Когда Гитлер занял Рейнскую область, он еще не располагал серьезными вооружениями. Мы заявили, что не позволим немецким пушкам угрожать Страсбургу. Но поскольку англичане ничего не захотели сделать, мы тоже не сделали ничего. Когда Чемберлен решил заключить соглашение в Мюнхене, мы последовали за ним.

^{*} Повод для начала войны (лат.).

Если сегодня мы позволим французам думать, что присутствие на нашей земле американских войск может служить для нас гарантией, французы будут стараться делать как можно меньше для своей защиты. Они уже забыли, как дорого это им обошлось.

АП. Что означает статья, возвращающая англичанам свободу действий, *«если будут затронуты их высшие национальные интересы»*?

ГдГ. Никто этого не знает. Ясно только одно: ядерные силы англичан больше не смогут быть элементом их национальной политики. Англичане потеряют всякую свободу действий. Если они сочтут, что затронуты *«их высшие национальные интересы»*, как они смогут вернуть себе независимость притом, что все их силы интегрированы в американскую систему? Выход национальных сил из многосторонней системы приведет к такому нарушению равновесия, что непонятно, как Соединенные Штаты смогут с этим согласиться.

Вернуться к свободному распоряжению своими силами... Еще одна шутка! Коль скоро Макмиллан передаст в многосторонние силы свои бомбардировщики, ракеты, атомные боеголовки, ясно, что он не получит их обратно сразу, как только захочет. Все это будет так интегрировано, объединено, что англичане окажутся связанными по рукам и ногам. Вокруг этих многосторонних сил и внутри них будет создана целая сеть служб связи, технического обеспечения. Как же в минуту катастрофы они смогут от этого освободиться?

Например, что произошло бы в момент Суэцкой операции? Англия могла бы, рассуждая теоретически, ответить на советский шантаж, если бы она располагала подводными лодками, оснащенными «Полярисами». Но, поскольку возникло несогласие между Англией и Соединенными Штатами, как могла бы Англия отозвать свои силы, чтобы противопоставить их советской угрозе? Американцы никогда бы этого не допустили.

На англичан в Нассо накинули лассо. Им уже не вырваться. Их атомная независимость приказала долго жить. Но, поскольку консервативная партия связана дисциплиной, они будут скрывать возникший кризис в надежде его преодолеть.

Подумать только, что до второй мировой войны англичане относились к американцам как старшие к младшим. Они продали свое первородство за миску “Полярисов”!».

Генерал встает и, провожая меня до дверей, торжественно произносит: «Я принял решение закрыть перед англичанами дверь в Общий рынок, потому что они к этому не готовы экономически и реально не расположены политически. Я чувствовал, что Макмиллан даст себя связать в Нассо. Его поражение было предрешено. Иначе и быть не могло. Он заранее примирился с тем, что его ударная сила будет включена в многосторонние силы под американским командованием.

Мало того, что в НАТО ничего не изменится, потому что там будут продолжать заправлять американцы. Но и английские атомные силы, которые имели предпосылки для того, чтобы остаться более или менее независимыми, совершенно потеряют самостоятельность. До моего возвращения к делам Великобритании жила с сознанием своего привилегированного положения: пусть у нее нет собственной ударной силы, но зато она единственная из европейских стран держит палец на спусковом крючке американских сил. И это позволяло ей занимать доминирующее положение в Европе, играть на соперничестве других стран, в особенности на франко-германских противоречиях. В последние три или четыре года, когда мы приняли меры, чтобы иметь собственную ударную силу, Англия стала желать того же. Но она не позаботилась обеспечить себя необходимыми для этого средствами. А теперь она отказалась от этого окончательно.

А ведь я в беседах с Макмилланом, шесть месяцев назад в Шане и пятнадцать дней назад в Рамбуйе, всячески настаивал на необходимости освободиться от американской опеки. Он мне ответил, что думает так же и что так же думает английская молодежь. И тут же кинулся очертя голову в подставленную ловушку. И теперь Англия — всего лишь сателлит Соединенных Штатов. Если она вступит в Общий рынок, то будет там троянским конем американцев. Это будет означать, что Европа отказывается от независимости.

АП. И вы об этом скажете 14 января?

ГдГ. Ну, не в таких словах!».

5. «На территории Франции не должно быть иностранных войск»

Совет министров, 9 марта 1966.

Мы пережили великую минуту. Кув начал с изложения того, почему и как мы будем выходить из НАТО; речь об этом идет уже давно¹².

Кув. «Мы уже вывели из НАТО наши военно-морские силы. Теперь следует вывести наши силы в Германии из-под совместного командования, покинуть SHAPE¹³ и единое командование «Европа–Центр». Следствием нашего выхода будет то, что эти командные центры покинут Францию. Что касается наших войск в Германии, то они останутся там на контрактной основе. Люди всегда удивляются, когда видят, что другие делают то, о чем они предупреждали. Они думали, что мы ничего не будем предпринимать, потому что в следующем году у нас парламентские выборы. Они думали, что мы станем что-то выдумывать, чтобы усилить позиции де Голля перед его поездкой в Москву. На самом деле, удивляться можно только тому, что мы ждали так долго. Американцы старались нас предостеречь. Мы действуем *proprio motu*^{*}, ни у кого не прося согласия. Это очень большое дело. У него будет много последствий. Оно затронет наше международное положение.

ГдГ. Это начало необходимого завершения. Надо видеть разницу между Атлантическим альянсом и тем, как он используется. С тех пор, как эта организация была создана, обстоятельства изменились. Они изменились в странах Востока. Они изменились в мировой обстановке. Они изменились внутри нас самих.

Куда, зачем, к какой цели направлена сегодня активность Америки? Она направлена теперь не на защиту Европы от советской угрозы, но на защиту собственных интересов в Азии. Существует риск нашего вовлечения в конфликт, независимо от того, хотим мы этого или нет. Когда во время правительства

* По собственному побуждению (*лат.*).

Ги Молле русские грозили нам бомбами за наше вмешательство в Суэце, Америка не только не поддержала нас, но давила на нас, чтобы мы стали на колени. А мы? Мы бы оказались вовлечены в войну, от нас не зависящую, и ничто не помешало бы бомбам падать на нашу территорию.

Нельзя объединять атомные силы. А они у нас есть, и мы будем их наращивать.

Мы живем в стране, где на протяжении последних двадцати пяти лет не родилось ребенка, который помнил бы о Франции без иностранных войск на ее территории. Так не может продолжаться.

Отвечать за безопасность своей страны — вот что сообщает достоинство правительству и является основой его авторитета. Командование армией и защита страны — это такая ответственность, которую великое Государство не может снять с себя, не переставая быть великим Государством. Я думаю о Германии, об Италии, которые испытали это на собственном горьком опыте.

Военное командование, которое не руководит сражением, лишается авторитета, самосознания и ответственности. У нас произошли опасные инциденты в Алжире, с OAS, а почему? Потому что военные руководители забыли, что единственным законом их существования является защита собственной страны. И они обязаны следовать этому закону.

Такова правда. И сейчас мы действуем в соответствии с ней. Если кто-нибудь думает иначе, то сейчас как раз время об этом сказать».

Наступает молчание, насыщенное волнением. Затем раздается исполненный горячего чувства голос **Эдгара Фора**:

«Я хотел бы сказать, будучи наименее однородным элементом...

ГдГ. Вы им уже не являетесь, поскольку вы член правительства.

Эдгар Фор. Так вот, я глубоко согласен с тем, что вы только что сформулировали.

ГдГ. Я тем более ценю сказанное вами, что вы были членом правительств, которые предшествовали моему возвращению к делам.

Эдгар Фор. Мы часто страдали от этой зависимости, этой интеграции, но мы были политически не способны этому противостоять.

ГдГ. Теперь мы с этим покончим. Никто больше не хочет высказаться? Господа, благодарю вас».

Совет министров, 16 марта 1966.

[...]

Кув делает сообщение о реакции на решение Франции:

«Пентагон, Государственный департамент профессионально выражают недовольство. Но никто не ставит под сомнение наше решение. Они вынуждены ограничиваться разговорами о календарных сроках, расходах, отсрочках...

ГдГ. Что касается деталей исполнения, то тут важно начать движение... Мы сами должны назначить сроки, которые, конечно, будут соблюдаться, и мы об этом позаботимся.

В основном, никто, по-видимому, не возражает против того, чтобы мы остались в Альянсе, и это не противоречит нашим собственным намерениям.

Что касается наших войск в Германии, то они там останутся. Так же, как и немецкие поставки во Францию: они нам не мешают и даже являются гарантией для нас.

Остаются речи и критические выпады. Мы к ним привыкли. Ни к чему особенному это не приведет.

Помпиду. Существует проблема общественного мнения, поэтому придется объясниться.

Дебре. Отъезд учреждений НАТО будет иметь последствия для местной экономики.

ГдГ. Есть три вещи. Есть генеральные штабы, которые ничего не делают, кроме шума и суеты. Их отъезд никак не повлияет на занятость местного населения. Есть воздушные базы: на них работают американцы и несколько французов на востоке страны. И, наконец, есть база в Шатору, мы не требуем, чтобы ее закрывали прямо завтра. Это продлится до следующего года. Таким образом, вопрос о рабочих местах будет решаться постепенно.

Дебре. Надо показать, что уже сейчас мы заботимся о занятости местного населения.

Мессмер. Для точности: французский персонал всех этих учреждений достигает 16 тысяч человек.

Марет¹⁴. Имеется технический материал, телефонная сеть, кабели — все это придется восстанавливать.

ГдГ. Многое придется восстанавливать. И прежде всего — национальный суверенитет».

Совет министров, 23 марта 1966.

Кув. «Четырнадцать членов НАТО сделали короткое общее заявление в подтверждение связей между Альянсом и НАТО, с их точки зрения важнейших. Президент Джонсон прислал длинное письмо на ту же тему, сожалея о нашем заблуждении и выражая надежду, что мы вернемся в родную овчарню.

ГдГ. Письмо Джонсона — это наставление, лишённое резкости, но наставление. Во всем, что он так длинно излагает, есть один существенный пункт: интеграция. Он делает вид, будто она одинакова для всех. Это, конечно, неточно. Основа французской обороны в настоящее время — это атомное оружие. А оно не интегрировано. И американская оборона — разве она интегрирована? Американские военные силы находятся под американским командованием. Союзные силы тоже находятся под американским командованием. Существуют два разных подхода и две разные меры интеграции».

Совет министров, 31 марта 1966.

Кув. «Мы направили 29 марта четырнадцати странам ноту, в которой уточняются календарные сроки и дается ответ на первые отклики. Мы отклоняем идею, будто перемещение организаций НАТО должно производиться за наш счет. Мы денонсируем, с предварительным уведомлением за год, предоставление особого статуса генеральным штабам, что вынуждает их покинуть нашу территорию. Мы оставляем за Германией ответственность заявить, желает ли она сохранения наших войск на ее территории. Этот новый и более конкретный этап вызвал живейшие отклики. Господин Джордж Болл явился, чтобы нам их изложить. Мы воздержались от заявления, что его прибытие к нам на военном самолете без соблюдения правил воздушного контроля с нашей стороны только подтвердило правомерность

наших действий... Ситуация похожа на ту, которая имела место в 1963 году по поводу вступления Англии в Общий рынок. Это продлится не один месяц.

ГдГ. Основное сделано. Решения приняты. Вероятно, в течение какого-то времени наши союзники будут пребывать в плохом настроении, но потом поймут, что в их интересах примириться с совершившимся. Ну, хотя бы для того, чтобы продолжать использовать наше воздушное пространство для полетов в северо-южном направлении. Ни один самолет не может перелететь из Германии в Италию, минуя нашу территорию¹⁵.

Только от наших союзников зависит принять путь, который мы им предлагаем: систему военного сотрудничества, создаваемого на случай войны, но не в мирное время. С нашей стороны вполне естественно ослабить в период разрядки систему, которая была создана в период напряженности и эту напряженность поддерживает. Нет нужды создавать в мирный период такую систему, как будто мы уже вступили в состояние войны. Надо двигаться к миру, но поддерживать такую боеготовность, как будто война может разразиться.

Таково положение дел. Что будет дальше, посмотрим».

Совет министров, 13 апреля 1966.

Кув. «Предварительные переговоры закончены. Могут начаться основные переговоры с американцами и немцами. Американцы пытаются оттянуть сроки еще на год.

ГдГ. Ни бедняги немцы, ни американцы не оспаривают наших решений. Речь идет только о способах и сроках.

Наш общий интерес — сохранение Альянса. Мы являемся его членами вместе с Германией и останемся в нем. Но на иных основаниях, чем раньше; мы останемся как независимое государство, восстановившее свой суверенитет.

Также в наших общих интересах, чтобы все произошло как можно скорее. Когда решение принято, медлить с исполнением вредно. Зачем тянуть и мусолить после того, как прошел первый приступ меланхолии? Наше решение принято: мы хотим быть французами во Франции и союзниками внутри Альянса».

Совет министров, 4 мая 1966.

Мессмер. «Я ездил в Бонн для встречи с моим коллегой в немецком правительстве. Он мне сказал, что большинство министров желает сохранения наших войск в Германии. Немецкие генералы настроены положительно. Но меморандум, подготовленный министерством иностранных дел, полон юридического крючкотворства.

Кув. Немцы исходят из предпосылки, что Франция находится в положении просительницы, и потому выставляют условия, означающие возвращение к статус-кво в НАТО. Мы не торопимся с ответом. Достигнуть согласия будет трудно.

ГдГ. Немцы думают, что интеграция хороша для всех. В действительности, она хороша для них. В самом деле: страна разделена; ее границы не признаны; иностранные войска находятся на ее территории; она зажата странами советского блока и притиснута к нам. Мы же, напротив, не были побеждены, нас не разрезали на куски, у нас есть столица, и нам не нужны иностранные войска.

Интеграция им удобна, потому что позволяет засунуть победителей и побежденных в один мешок. В этом смысл системы Монне. Она очень приятна для немцев и неприемлема для нас. Отсюда разногласия между ними и нами. Чтобы найти выход, надо иметь простой подход.

Атлантический альянс существует и будет существовать. Американская военная вовлеченность уменьшается и будет уменьшаться. Если немцы не хотят, чтобы мы оставались в Германии, мы там не останемся. У нас нет никаких желаний. Если они не захотят прийти к соглашению, беда невелика. Если немцы хотят сохранения наших войск — и особенно, если этого хотят американцы, потому что это американский меморандум, — ну что ж, мы останемся. Если нет, — мы уйдем. В конце концов, после всех конфликтов на свете, наступает такой момент, когда каждый возвращается к себе домой.

Лучше быть в ситуации французов, чем в ситуации немцев. Им сейчас трудно. Они заслуживают некоторого сочувствия и даже некоторого уважения».

Узкий совет министров, четверг, 2 июня 1966.

ГдГ. «Дело с нашим выходом из НАТО одновременно простое и сложное. Простое, потому что мы знаем, что делаем и куда идем. Сложное, потому что приходится вести переговоры в нескольких направлениях».

Он называет четыре направления. Первое — переговоры с Федеративной Республикой Германия. Второе — относительно использования наших сил в случае войны: «Если будет предпринята какая-либо военная акция со стороны НАТО, мы зайдем сначала выжидательную позицию. Присоединимся ли мы к этой акции, будет зависеть от обстоятельств. И от нашего свободного выбора. Но с момента, когда мы решим принять участие в операции, мы будем действовать, разумеется, совместно с нашими союзниками». Третье направление переговоров — об условиях ухода американцев. Четвертое — между Францией и различными союзными правительствами о льготных условиях пересечения нашего воздушного пространства и территории в мирных условиях и, предположительно, в случае войны.

Кув (уточняет один пункт). «Что касается льготных условий для американцев, то здесь мы можем установить более длительные сроки. Например, имеется два нефтепровода: один — коллективный, для НАТО, другой — только для американцев.

ГдГ. Это не имеет отношения к интеграции, так как мы можем перекрыть нефтепроводы в любой момент... и полеты авиации НАТО мы можем запретить, когда угодно. Убрать американских солдат — вот что нам нужно; иначе они могут остаться у нас навечно, как в оккупированной стране».

Совет министров, 9 ноября 1966.

Кув. «В будущем году американцы и англичане почти наверняка сократят свое военное присутствие в Германии. Бонн встревожен и сразу начинает поглядывать в нашу сторону. Это крах его внешней политики.

ГдГ. Финансовые вопросы, связанные с пребыванием английских и американских войск в Германии, это, в общем-то, наше дело. В сущности, ясно, что, освобождаясь от НАТО, мы только опередили глубокие преобразования Альянса: создан-

ный в период холодной войны, он нуждается в том, чтобы его приспособили к современным условиям».

Довольно оптимистичный взгляд на вещи!

Совет министров, 9 ноября 1966.

Кув. «Германия переживает серьезный политический кризис, первый после 1948 года. Он связан с усталостью власти в сочетании со слабостью канцлера Эрхарда. Он, кажется, не способен ни управлять, ни подать в отставку. Как фон, существует сомнение в национальной политике: она целиком опирается на американцев. Однако за последние несколько недель немцы с удивлением убедились, что им нечего рассчитывать на американцев в улаживании своих внутренних свар.

ГдГ. В условиях, когда холодная война смягчилась, Германия плывет по течению. Теперь, когда Аденауэра больше нет, перед ними открылось истинное положение вещей. Я опасаясь, что, не желая искать соглашения с русскими, Германия останется в подвешенном состоянии. Бог ведает, куда она пойдет. Значит, надо поддерживать с ней контакт, направлять ее на мирные пути и следить, чтобы она чего не натворила. Но если натворит, против нее будут слишком многие!».

Совет министров, 30 ноября 1966.

Кув. «Эрхард, в конце концов, подал в отставку. Чтобы избежать всеобщих выборов, ХДС заменил его Кизингером, который уговорил Брандта и социалистов образовать «большую коалицию». Для себя Брандт потребовал портфель министра иностранных дел. Бундестаг должен завтра узаконить это соглашение партий.

ГдГ. С Кизингером взаимодействовать легко, по крайней мере, на эмоциональном уровне. Брандт настроен неплохо. Эрхард никуда не годился, Шрёдер был систематически враждебен. Что касается Германии, то у нее есть амбиции, но ее режим им не соответствует. Сравнение между успехом крайне правых¹⁶ и первыми шагами Гитлера является преувеличенным. Совокупности условий, приведших Гитлера к власти, сейчас не существует, да и самого Гитлера нет, а то бы мы об этом знали. Последовательные успехи Гитлера во многом определялись слабо-

стью его соседей. Сегодня Франция поднялась, и вес России велик. Мы не стали дробить Германию на куски, но Россия поддерживает ее разделение на две части. Смешно думать, как это делали Эрхард и Шрёдер, будто объединение можно произвести силой. Значит, не существует иного пути, кроме общеевропейской разрядки. У нас нет никаких оснований менять нашу политику по отношению к Германии».

Совет министров, 18 января 1967.

Кизингер и Брандт нанесли визит вежливости 13 января.

Кув. «По отношению к Востоку их политика претерпела глубокие изменения. Они отказались от доктрины Хальштейна¹⁷: признание Демократической республики Германии странами народной демократии больше не является препятствием для контактов с ними со стороны Бонна. Но они, как и прежде, не готовы признать границу по Одере-Нейсе. В области ядерного оружия они довольствуются своим участием в НАТО. Итак, впечатление хорошее, но будущее покажет, смогут ли они сопротивляться давлению англосаксов лучше, чем их предшественники.

ГдГ. Значение этого визита в том, что он помог немцам осознать невозможность достижения их цели путем поддержания холодной войны, тем более — путем ее усиления. В этом отношении у них произошел коренной перелом. Они признали, что наиболее многообещающим для них является путь разрядки. Их позиция по отношению к нам тоже стала более открытой. Надо постараться извлечь из этого пользу в рамках европейского Сообщества, особенно в вопросе валютного урегулирования. В деле Общего рынка их позиция не совпадает с нашей, но они не станут идти наперекор нашей воле, если она будет ясно выражена.

Канцлер Кизингер — человек обходительный. Он разбирается в делах и производит хорошее впечатление. Господин Брандт — человек с амбициями, с политическим видением и со способностями. Посмотрим, далеко ли ускачет эта упряжка. На первых порах, во всяком случае, она будет равняться на нас».

Совет министров, 22 марта 1967.

Кув. «Эвакуация генеральных штабов и войск НАТО осуществляется в спокойной и достойной обстановке. Амери-

канцы проявляют сговорчивость. Операция будет им стоить больших денег. Церемония прощания прошла в благожелательной атмосфере. Мы расстаемся полюбовно.

ГдГ. Ну что ж, я констатирую, что все довольны. Значит, мы сделали то, что нужно».

6. «Муруроа... Это возрождение!»

Я присоединяюсь к Генералу на Таити, куда он прибыл после длительного путешествия, включавшего посещение Джибути, Эфиопии, Камбоджи, где он произнес речь на стадионе в Пномпене, Новой Каледонии и Новых Гебридских островов. Но главная его цель — личное присутствие на испытании французской атомной бомбы*. Он захотел увидеть собственными глазами, чем завершится длинная череда секретных исследований, публичных выступлений, усилий всей нации во имя обретения независимости.

На борту крейсера «Де Грасс», день первый, 9 сентября 1966.

Мы находимся на борту крейсера, Генерал, Мессмер и я**, и направляемся в сторону атолла, где должен быть произведен взрыв. [...] За кофе я провоцирую Генерала:

«Здесь, на Тихом океане, армия и флот обеспечивают транспортировку, материально-техническое снабжение, безопасность. Но вся основная работа производится учеными и инженерами Комиссариата по атомной энергии: они готовят эксперимент, производят расчеты, конструируют установку. Почему вы поручили командование тем, кто играет второстепенную роль, а не тем, кто делает главную работу?»

ГдГ. Я это сделал, представьте себе, в силу безусловной необходимости. Во-первых, после алжирских событий армии

* Де Голль присутствовал при взрыве французской атомной бомбы на атолле Муруроа в сентябре 1966 года.

** В это время А. Пейрефит был министром науки и непосредственно отвечал за исследования в атомной области.

надо было дать цель, которая сплотила бы ее и подтолкнула к модернизации. Во-вторых, военным присуще чувство дисциплины. Если один выбывает из строя, тут же выходит другой и заменяет выбывшего. Армия — это машина, которая всегда на ходу; все запасные части находятся тут же.

АП. Мне кажется, что эта машина работает сама на себя. На двести ученых в КАЭ («Комиссариат по атомной энергии») приходится пять тысяч военных. Уберите двести ученых, и не будет никаких испытаний. Уберите пять тысяч военных, — испытания все-таки состоятся.

ГдГ. Может быть, военных действительно слишком много. В особенности это относится к Легиону. Но не стройте себе иллюзий относительно *ваших* ученых! У них все зависит от настроения. Никогда нельзя быть уверенным, что они доведут дело до конца. Это индивидуалисты, а то и вовсе вольнодумцы. Они не любят подчиняться иерархии. У них дефицит воли. Ничего невозможно сделать без них, но и полагаться на них нельзя».

[...]

На борту крейсера, день третий, 11 сентября 1966, воскресенье.

5 часов утра. Капитан Бено будит меня, постучав в железную дверь моей каюты: «На этот раз все в порядке: хороший метеопрогноз, ветер спокойный, испытание через час. Через полчаса будьте с Генералом на мостике».

Через полчаса Генерал, Пьер Мессмер, Пьер Бийот и я облачаемся в специальные комбинезоны. Нам объясняют, что на расстоянии десяти километров (ближе подходить рискованно) они защитят нас от возможного выпадения радиоактивных осадков.

И вот мы на капитанском мостике. В небе ни облачка. Розовое зарево на востоке разгорается все ярче, затем над успокоившейся водной поверхностью встает розовый диск солнца. Крейсер мчится вперед на полной скорости. За несколько минут цвет волн меняется от черного, ночного, к утреннему, синему, и дневному, бирюзовому. Их гребешки отсвечивают разными цветами.

В бинокль виден воздушный шар в форме дирижабля, удерживаемый канатами; снаряд подвешен к нему. Можно различить корзину воздушного шара и тянущиеся к ней кабели. Че-

рез несколько минут все это испарится. Крейсер стремительно приближается, шар растет на глазах. Без одной минуты шесть нас заставляют повернуться спиной к установке: это необходимо, несмотря на наши черные очки и повязки, которые мы прижимаем к глазам. Иначе мы рискуем ослепнуть от вспышки «ярче тысячи солнц». Начинается обратный отсчет времени: десять, девять... В мгновение «зеро» я чувствую, как жаркое дыхание опалило мой затылок. Это не может быть тепловая волна, которая достигнет нас только через полминуты, вместе с грохотом от взрыва: это — мгновенное тепловое воздействие света, распространяющееся с такой же быстротой, как и сам свет.

Когда мы поворачиваемся, красноватые отблески пожара уже понемногу угасают. В голубое небо поднимается белый атомный гриб. Мы долго наблюдаем, как он распускается, потом вытягивается в высоту.

Адмирал Лорен объявляет: «Испытание удалось полностью. Мощность равна десяти бомбам, уничтожившим Хиросиму».

Я еще никогда не видел Генерала в таком состоянии. Он не пытается сдерживать охватившую его радость. Он, обычно столь бесстрастный, сейчас вне себя. Его первый возглас: «Великолепно!». Затем, мне кажется, я слышу, как он произносит тихо и как бы про себя: «Это — возрождение!». Я не понял, что он хотел сказать этими словами, и в присутствии двух моих коллег не осмелился задавать ему вопросы.

Несколько позже адмирал Лорен сообщает нам, что советский так называемый «траулер», явно начиненный электроникой, курсировал неподалеку от Муруроа, а американский самолет пролетел сквозь облако, образовавшееся после взрыва. Кроме того, американская или, может быть, английская подводная лодка также находилась где-то поблизости. Они брали пробы воды и воздуха, чтобы узнать, на какой стадии мы находимся в своих разработках.

Генерал, как всегда, невозмутимый в присутствии подчиненных, которых он не знает, ничего не отвечает на слова адмирала. Немного спустя, он говорит мне и Бийоту, у которого, как он знает, жена — американка:

«Все-таки эти англосаксы — удивительный народ! То, что русские, наши виртуальные противники, посылают свой так называемый траулер, чтобы узнать мощность наших бомб, — дело естественное, они делают свою работу. Но то, что наши союзники шпионят за нами, как за врагами, — это заварка покрепче!

В общем, какими они были, такими и остались. Во время войны они предпочли, чтобы Сен-Пьер-э-Микелон, Мартиника и Гваделупа принадлежали Виши, с риском, что там станут базироваться немецкие субмарины, — лишь бы этими территориями не завладела Свободная Франция. А между тем, им было прекрасно известно, что по радиотелеграфу из Сен-Пьера в Виши шла информация для немцев о состоянии погоды и передвижении кораблей. Однако они догадывались, что если эти острова попадут в наши руки, то они останутся французскими, а если будут под юрисдикцией Виши, то есть фактически в немецком подчинении, то в конце войны ими можно будет завладеть, как ни в чем не бывало.

Сегодня они полагают, что Тихий океан принадлежит англосаксам: ведь вокруг и внутри него — Калифорния, Австралия, Новая Зеландия, Гонконг, Гавайи, Фиджи и так далее, не считая их многочисленных сателлитов, начиная с Японии и Формозы. Они не могут перенести, что Полинезия и Новая Каледония остаются французскими; они забыли, как в свое время они с их помощью переломили ход войны на Тихом океане. То, что наши бомбы взрываются у них под носом, они воспринимают как оскорбление, поскольку мы не соглашаемся быть их сателлитами».

После недолгого молчания он продолжает: «Пожалуй, это даже лестно, что за нами шпионят русские траулеры и американские самолеты. Но все же удивительно, до какой степени и тем, и другим не нравится, что у нас появляются средства защиты нашей независимости. (Эта информация, очевидно, только усилила хорошее настроение Генерала.) Таким образом, мы дернули за нос обе сверхдержавы — совершенно симметрично. Обе стараются за нами шпионить, и ни одна не может нам помешать».

С этими словами Генерал скрывается в своей каюте.

[...]

Во второй половине дня 11 сентября 1966 года мы вернулись в Хао. Вечером мы вылетаем в направлении Антильских островов. В самолете у Генерала разговорчивое настроение, даже не обязательно задавать ему вопросы.

[...]

ГдГ. «Муруроа... Это осуществление всего того, ради чего мы трудились. Мы приняли вызов и победили. Жан Монне считал, что европейская конструкция невозможна без равенства между Францией и Германией. И, поскольку Советы никогда не позволят Германии обзавестись атомным оружием, то и у Франции его быть не должно. ЕОС предстояло закрепить этот отказ. У Франции были возможности сделать бомбу, но она должна была от этого отказаться, потому что Германия была разбита! Что касается затрат, то и здесь нам был брошен вызов. Эйзенхауэр в свое время сказал мне: «Атомное оружие стоит слишком дорого, вам не добиться успеха». Американские сателлиты в Европе, их подголоски внутри страны — все повторяли в один голос, что мы на это не способны. Миттеран и Леканюэ хихикали по поводу «бомбочки». А мы начали серийное производство бомб, в десять раз более мощных, чем бомба Хиросимы, и мы способны доставить их по назначению. Муруроа означает, что ни одна страна не сможет напасть на Францию, потому что риск ответного удара становится для агрессора слишком велик. Кто дотронется, тот уколет, и уколет смертельно! Муруроа означает нашу неуязвимость, а следовательно — мир. Такой ситуации у нас не было никогда за всю нашу историю. Мы этого добились самостоятельно, без чьей-либо помощи и даже вопреки противодействию, активному — со стороны американцев, и пассивному — со стороны русских. В то время как англичане получили атомное оружие с американской помощью, русские — благодаря секретам, похищенным у американцев и англичан, а китайцы — с помощью русских! Мы доказали, что Франция способна собственными силами подняться на уровень самых могущественных стран. Мы можем существовать сами по себе. У нас есть Государство, достойное этого имени.

А кроме того, это подтверждение правильности всенародного избрания президента. Только человек, воплощающий су-

веренную волю народа, может брать на себя ответственность за будущее нации. Президент, назначенный системой партий, никогда не будет способен нажать на кнопку. Сдерживание агрессора сразу перестанет быть действенным.

Да, Муруороа — это итог всего, что мы сделали за двадцать шесть лет. И это дает стране шанс не свалиться вновь в болото, когда меня здесь уже не будет».

Двадцать шесть лет? Я мысленно подсчитываю: июнь со-рокового.

АП. «Вот почему вы говорили о возрождении, когда вам сообщили, что испытание прошло успешно?».

Генерал, кажется, слегка удивлен моим вопросом. Потом отвечает: «Да, это возрождение. Но оно станет полным лишь после того, как мы изготовим водородную бомбу. Поэтому постарайтесь сделать так, чтобы работа шла побыстрее».

Я не решаюсь сказать ему то, о чем узнал в Хао.

С января по сентябрь меня уверяли, что испытания в Полинезии будут термоядерными, или, во всяком случае, «там будут задействованы термоядерные реакции». Мне обещали мегатонные испытания. Однако теперь надо признать: ни один взрыв в этой серии не был и не будет термоядерным. В Хао мне признались: речь идет только об «усиленных» атомных бомбах. В следующем году их можно будет усилить еще, но это не будут водородные бомбы, принцип действия которых мы все еще не можем открыть.

Возрождение предполагает смерть. Может быть, об этом чередовании и думает де Голль, когда, после длительного молчания, он снова начинает говорить:

«Государство существует, чтобы стимулировать граждан, а президент — чтобы стимулировать государство.

Французы — сильный народ, но они этого не знают. Они способны преодолевать трудности, отвечать на вызовы, совершать броски вперед. Но они в себя не верят, пока их не убедят. Они периодически погружаются в состояние депрессии. Задача президента Республики — вывести их из этого состояния, помочь им ощутить свои возможности, возвращать им веру в себя, чтобы они могли проявить лучшее, что в них есть».

7. «Мы можем и, значит, должны...»

С тех пор, как в 1945 году был учрежден Комиссариат по атомной энергии и со времени первого атомного взрыва в Регане, в феврале 1960-го, было столько написано о создании французского атомного оружия, что, кажется, об этом известно все. Но это не так. В этой области слишком много полемики, секретов и табу, так что многие из непосредственных участников умалчивают о своем вкладе, и даже ответственные руководители не знают всего. Считается, что де Голль сыграл огромную роль в ускоренном создании атомной бомбы. Однако его возвращение в Матиньонский дворец, в июне 1958, ни на один день не приблизило осуществление плана, составленного еще Феликсом Гайаром¹⁸ в 1957 году. Зато остается неизвестным решающее воздействие, оказанное де Голлем на разработку водородной бомбы. Без непрерывного давления, которое он оказывал всей тяжестью своего авторитета, Франция никогда бы не достигла необходимого уровня в термоядерных исследованиях.

27 января 1966 года я впервые посещаю секретные лаборатории, и делаю это в качестве лица, сопровождающего Генерала. Главный администратор КАЭ Робер Гирш¹⁹, верховный комиссар Франсис Перрен²⁰, исполнительный директор военных исследований Жак Робер²¹ и я стоим на ступенях подъезда секретного центра исследований в Лимьеле. Здесь была доведена до конца работа над атомной бомбой, и здесь же должно быть завершено создание водородной.

В назначенное время, минута в минуту, машина Генерала останавливается перед подъездом. На нас надевают белые халаты, предназначенные, видимо, для того, чтобы защитить нас от возможного облучения. Этот маскарад, безусловно, порадовал бы журналистов и фотографов, если бы наш визит не был засекречен, как и всё здесь. Всей группой мы быстрым шагом обходим лаборатории; при этом нам дают пояснения, в которых я ничего не понимаю, и Генерал, как я догадываюсь, тоже. Затем нам предлагают усесться для «брифинга» (слово, которое раздражает Генерала, но он воздерживается от ком-

ментариев). Он задает вопросы относительно продолжительности исследований: сколько еще потребуется времени до начала испытаний? Ответы звучат туманно:

«Если бы мы открыли принцип термоядерного синтеза, мы могли бы примерно определить, через какое время мы могли бы его осуществить. Но сегодня у нас еще нет решения.

ГдГ. Но вы знаете, в каком направлении его искать?

— Не совсем. Бомба «Н» — это не то же самое, что усовершенствованная бомба «А». Принцип ее действия совершенно другой. Американцы его открыли, а русские и англичане последовали за ними, первые — посредством шпионажа, вторые — благодаря тесному сотрудничеству с американцами. Мы работаем сами по себе. Нам никто не помогает. Мы исследуем разные направления, и мы будем их проверять экспериментально в Тихом океане, как только будем к этому готовы».

Генерал спрашивает у Робера, нет ли способов ускорить исследования.

Директор военных исследований отвечает, углубляясь в технические подробности: «Мы можем проводить серию испытаний на атолле только раз в два года, так как должны направлять в Тихий океан значительную часть нашего флота, а в следующем году проводить в Бресте ремонт подводной части судов. Пять лет исследований превращаются, таким образом, в десять. Затем, мы вынуждены ждать, пока в Пьерлате* наработают достаточное количество урана-235. И, наконец, американцы отказываются поставлять нам гигантские вычислительные машины, которые будут нам необходимы для завершения математических расчетов».

Когда мы покидаем исследовательский центр, Генерал делает мне знак: «Вы едете в Париж? Садитесь со мной».

Как только машина трогается, он говорит мне вполголоса, как бы не желая, чтобы его услышали шофер или адъютант: «У меня неважное впечатление. Они сами не знают, что делают. Не думаю, чтобы они были на высоте стоящих перед ними задач. Моя интуиция подсказывает мне, что успеха они не добьются. Повторяю вам, что первое испытание термоядерного

* В Пьерлате находился завод по производству обогащенного урана.

устройства должно состояться не позже 1968 года. То есть, через два с половиной года, а они еще далеки от цели и даже говорят о 1975 или 1976 годе. Представляете себе? Через девять или десять лет! Вы изучали вопрос: сколько времени отделяет изобретение водородной бомбы от первого испытания атомной?

АП. Конечно, господин генерал. (Я бойко отвечаю только что выученный урок.) У американцев: первое атомное испытание — июль 45-го, первое термоядерное — октябрь 52-го.

ГдГ. Выходит, семь лет. А русские?

АП. У русских: первое атомное испытание — август 49-го, первое термоядерное — август 53-го.

ГдГ. Получается, четыре года. А англичане?

АП. Первое атомное — октябрь 52-го, первое термоядерное — май 57-го.

ГдГ. Получается, четыре с половиной года. А мы? Прошло уже шесть лет с тех пор, как мы взорвали первую атомную бомбу, и у нас все еще ничего нет по термоядерной. И нам потребуется пятнадцать или шестнадцать лет, чтобы сделать то, что другие сделали в три или четыре раза быстрее? В конце концов, объясните мне, почему так трудно набрать ученых соответствующего уровня для такого рода исследований?

АП. Во-первых, трудно нанять людей для работы, о сути которой они узнают только после того, как начнут ею заниматься. И потом они не решаются посвятить себя исследованиям, которые, как они предполагают, могут быть прекращены из-за изменения политики.

ГдГ. До тех пор, пока власть колебалась, трудно было требовать от ученых, чтобы они проявили большую решимость, чем она. Но теперь, когда власть определилась, действительно ли невозможно набрать стоящих людей? Теперь они могут быть уверены, что получают необходимую поддержку.

АП. Да, но для научной карьеры необходимы публикации, а засекреченность этого не позволяет. Работы в гражданской области более престижны. Работы в военной области засекречены и поэтому как бы не существуют. Но вы, по крайней мере, наделили КАЭ особым статусом автономии, который позволяет сохранять единство и непрерывность исследований. Они продвигаются, пусть и не очень быстро, но продвигаются.

ГдГ. Вы знаете, КАЭ во времена Жолио был заражен коммунистами. Я надеюсь, что теперь они устранены с ответственных участков. Но кто знает, не сохранились ли они еще в достаточном количестве, чтобы вести подрывную работу? Во всяком случае, КАЭ не наверстывает наше отставание. Дело затягивается, потому что власть запуталась в колебаниях и противоречиях.

АП. Но все-таки Четвертая Республика приняла решения, которые позволили нам добиться результата в Реггане.

ГдГ. Да-да, я знаю: правительства закрывали глаза на то, что делалось в КАЭ, и отказывались взять ответственность на себя. Такова была система Четвертой Республики. Теперь с этим покончено. Надо удвоить шаг!

Повторяю: если первые испытания будут проведены, пока я здесь, никто потом не посмеет поставить под вопрос вытекающую из них систему вооружений. Если первый взрыв не будет произведен до моего ухода, все будет брошено. Нас оставят далеко позади. Мы ограничимся атомной бомбой и проиграем. Франция потеряет то место, которое она сейчас занимает. Судите сами, насколько обоснованны их возражения. Разве обязательно проводить испытания раз в два года? Разве нельзя сделать так, чтобы Пьерлат производил уран в нужных количествах? Нужны ли гигантские вычислительные машины? Постарайтесь выяснить, не отговорки ли все это».

После этого Генерал разговор прекращает. Я пытаюсь заговорить с ним о чем-то другом, но он не отвечает. Я чувствую себя лишним. Он посадил меня в свою машину, чтобы «вправить мне мозги». Сделав это, он больше не хочет ни говорить, ни слушать меня.

[...]

Позади еще только четверть дороги. Неужели мы так и будем ехать в молчании до Елисейского дворца? Я уже собирался сделать новую попытку возобновить беседу, когда он заговорил сам:

«Разберитесь с этим вопросом относительно вычислительных машин. КАЭ требует гигантских ЭВМ американского производства. Но разве сами американцы имели такие ЭВМ, когда изготовили свою бомбу «Н»? В общем, разберитесь... Очень обидно, что мы так отстали в этой области...

АП. В области научных исследований сегодня, в 1966 году, мы все еще на уровне тех структур, которые были вами созданы ранее, в 1945-м, а КАЭ — в 1958-м...

ГдГ. Когда я вернулся к делам в 58-м, надо было решать срочную проблему: наводить порядок в научной сфере, создавать ответственные инстанции, которые вошли бы в правительство со своими предложениями.

В предыдущие годы об этом уже думали, но, как всегда, никто не принимал окончательного решения. А ученые тем временем приходили в уныние. Становилось все больше тех, кто уезжал за границу, особенно в Соединенные Штаты. Надо было вернуть исследователям веру в то, что их будущее — во Франции. Между руководством государства и лаборантом, склонившимся над своими пробирками, имелось множество инстанций, которые противоречили друг другу или, в лучшем случае, дублировали друг друга; одни представляли государство, но не проводили от него никаких импульсов. Другие относились к частному сектору и пользовались общественным кредитованием, но никто эти кредиты не контролировал. И это — не считая управлений по науке в отдельных министерствах, которые тоже пересекались между собой. Короче, это был кавардак, а из него никогда ничего хорошего не получается.

Надо было все это привести в порядок и, затем, выделить средства. Но если сразу дать много денег, начнется массовый набор сотрудников и общий их уровень упадет ниже среднего. Необходимо разумное и непрерывное увеличение финансирования. Посмотрите сами, сможете ли вы ускорить этот процесс, но слишком ускорять не следует.

И потом, фундаментальные исследования, как они их называют, действительно очень важны. Надо, чтобы ученые, ведущие такие исследования, чувствовали себя свободно и могли проявлять инициативу. Но и здесь надо следить, чтобы они не отворачивались систематически от прикладной сферы. У них есть склонность так поступать — как будто в приложении открытий к практике есть что-то унижительное. Мы, люди, отвечающие за высшие интересы, не должны забывать, что именно технические достижения помогают прогрессу страны. Открытие движущей силы пара — это прекрасно, но создание локомо-

тива — еще лучше. Изобретение двигателя внутреннего сгорания — это хорошо, но конструирование автомобилей, самолетов и танков — еще лучше. Если вы открыли принцип, но не умеете его применить, вас могут размазать по стене.

Не забывайте, что научные исследования всегда должны сопровождаться их техническим освоением. И что, строго говоря, фундаментальные исследования не обязательны для технических открытий, в то время как технические исследования необходимы, чтобы фундаментальные открытия могли внедряться в практику. Посмотрите на японцев. Они, кажется, ничего не делают в области фундаментальной науки, они просто следят за тем, что делают американцы; но зато они очень сильны в техническом освоении научных открытий.

АП. Как вы относитесь к успехам науки — пессимистически или оптимистически?

ГдГ. И то, и другое. Я надеюсь, что наука избавит людей от однообразного труда, освободит их, развяжет их инициативу. Но меня беспокоит возникновение массового общества, в котором жизнь механизмуется, и люди становятся рабами машин, устройства которых они не знают.

Во всяком случае, наш научный и технический прогресс необходим для национальной независимости и величия Франции.

Франция, по своим размерам и ресурсам, — это *средняя держава* (он насмешливо подчеркивает выражение, которое принадлежит словарю его противников); следовательно, нам надо с особой тщательностью эти ресурсы использовать. Но у Франции — великое прошлое, и ей нужно чувствовать, что впереди у нее — великое будущее, которое принадлежит не только ей, но и всему человечеству. Пусть мы не в состоянии делать все, но то, что мы хотим сделать, мы должны делать как можно лучше. Ваша задача позаботиться об этом».

[...]

Золотой салон, 5 декабря 1966, понедельник.

АП. «По-видимому, китайцы, вопреки тому, что пишет пресса, довольно сильно отстали от нас в области баллистики, поскольку в настоящее время они не способны вывести спутник на орбиту. И в ядерной области они нас не обогнали: в их треть-

ем взрыве, в мае этого года, не было термоядерных реакций; октябрьское испытание было очень малой мощности.

Однако каждый их опыт производит большое психологическое воздействие и, следовательно, служит средством сдерживания. Они, судя по всему, избрали политику научных изысканий и создания образцов, а не политику серийного производства.

ГдГ. Даже если уровень, достигнутый китайцами, по сравнению с нашим не внушает беспокойства, разве не следует задаться вопросом о быстром темпе их продвижения, в то время как мы движемся медленно?

АП. Это очень существенный вопрос. Из него вытекает второй: не должны ли мы заменить политику накопления боезарядов политикой научного исследования? У нас психология работников склада. (Когда я говорю «мы», я имею в виду армию и министерство обороны; но я взял себе за правило никогда не задевать своих коллег ни перед президентом, ни перед премьер-министром.) Однако настоящее сдерживание происходит тогда, когда нам удастся убедить всех, что мы способны создавать самое мощное оружие и создаем его. Напротив, сдерживание, основанное на том, что мы произведем на столько-то атомных боезарядов больше, является относительно слабым, если учесть, как дорого оно нам обходится в связи с дороговизной расщепляющихся материалов. Мне кажется, что в области вооружений мы грешим перфекционизмом. Нам не следовало бы стремиться заменить существующую разновидность оружия другой, чуточку лучшей. Достаточно как следует засекретить уровень наших запасов. Это относится и к тактическому ядерному оружию: зачем без конца увеличивать его количество? Разве этим достигается подлинное сдерживание?

ГдГ (выслушав меня очень внимательно, отвечает основательно, по пунктам). Между нами и китайцами есть разница. Китайцы не в состоянии наладить серийное производство атомного оружия, промышленный уровень не позволяет. Косыгин мне это подтвердил. Они находятся на лабораторной стадии. Они только и могут, что произвести несколько испытаний. Мы же, напротив, можем сделать столько бомб, сколько понадобится. Мы можем, и, следовательно, должны это делать.

Китайцы не пытаются изменить международный расклад. Им не нужно иметь в руках оружие сдерживания, которое можно было бы использовать немедленно в планетарной игре. Они могут продолжать свою политику, им не надо от кого-либо дистанцироваться. Мы же, напротив, с 1958 года стремимся дистанцироваться от НАТО и рвем, одну за другой, опутывающие нас нити. Вот почему нам нужно было иметь бесспорное оружие, в эффективности которого были бы уверены все. Поэтому лично я настаивал на том, чтобы у нас была атомная бомба в сочетании с «Миражом IV».

[...]

Что же касается тактического ядерного оружия, я не придаю ему особого значения. Я не думаю, что оно усиливает силу сдерживания, поскольку его использование предполагается уже после того, как сдерживание не сработало. Стратегическое ядерное оружие — средство устрашения, оно предназначается не для применения, а для того, чтобы его не пришлось применять. А тактическое оружие нужно главным образом для поддержания морального состояния наземных войск. Надо было что-то подбросить артиллеристам. [...].

Что касается засекречивания, не стройте себе иллюзий. Какие меры ни принимай, в конце концов, все становится известно. Существуют разведывательные службы, которые обязательно нащупают слабое место, чтобы просочиться. Всегда найдется какой-нибудь хвостун, который захочет показать, что он многое знает. Всегда найдется болтун, который любит поговорить в постели; всегда найдутся слабые или больные люди, которые уступят шантажу.

АП. Но теперь, когда мы стали независимы от НАТО и проводим собственную политику повсюду в мире, разве мы не должны посвятить наши усилия, прежде всего, развитию научных исследований с целью создания термоядерной бомбы, а не тратить силы и драгоценные ресурсы на серийное производство атомных зарядов, которые, как нам самим известно, никогда не будут использованы?

ГдГ. Нужно иметь необходимый минимум. Нужно, чтобы немцы, алжирцы или тунисцы знали, что, если они попробуют доставить нам неприятности, мы сможем их легко раздавить.

Впрочем, им это известно. Вот почему они остерегаются чинить нам неприятности.

АП. Но разве для такого сдерживания необходимо иметь в запасе сотни боеголовок, в частности — тактического назначения? Соединенные Штаты положили конец войне с Японией двумя бомбами, по 15 килотонн каждая: это едва четверть мощности нашей бомбы для «Миражей».

ГдГ. Вы правы. Я согласен с тем, что, создавая силу сдерживания, не надо стремиться к перфекционизму. В самом деле, от многих испытаний, которые мы проводили этим летом, мы могли бы воздержаться. Китайцы идут большими шагами, потому что они ограничиваются самым главным. В Комиссариате слишком много болтают. Итак, я возвращаюсь к главному. Экспериментальный взрыв водородной бомбы должен быть произведен в 1968, а их выпуск должен начаться в 1970. Пусть занимаются только этим.

АП. Именно к этому направлены и мои указания Комиссариату и специально созданному Комитету по термоядерным исследованиям, который регулярно собирается в моем кабинете. Я слежу за тем, чтобы научные и технические сотрудники были подключены к этим исследованиям.

Но в том-то и дело, господин Генерал: количественное наращивание удаляет нас от главного — от повышения уровня наших научных исследований. Так, одна только боеголовка для «SS BS»²² будет нам стоить 12 миллиардов старых франков, то есть столько же, сколько стоит восемь лет научных исследований по программе «Водород-Кислород», которая, как утверждают представители Армии, нам не под силу.

Однако успех наших главных программ — это, без сомнения, такой элемент сдерживания, который, по меньшей мере, столь же важен, как обладание еще одним или двумя баллистическими комплексами.

ГдГ. Если Мессмер прекращает работы по программе «Водород-Кислород», то делает это потому, что вы сами его к этому принудили! Программа ESRO* делает ненужными эти

* «European Space Research Organisation» — «Европейская организация по космическим исследованиям». Пейрефит был сторонником участия Франции в этой европейской программе.

исследования, которые он не может использовать. (Генерал прекрасно понял, кого я имел в виду.) Я полагаю, что это прискорбно... И если будет доказано, что сокращение производства известного числа атомных боезарядов позволит Комиссариату изготовить водородную бомбу в более сжатые сроки, я буду готов поддержать такое решение...».

Эта фраза превосходит то, на что я мог надеяться. Надо будет во время моей очередной встречи с Гиршем поставить перед ним вопрос именно в такой форме; боюсь, он ответит мне, что даже при условии отказа от серийного производства атомных боезарядов мы не сможем ускорить производство опытного образца водородной бомбы... И действительно, именно такой ответ я получил.

[...]

Я регулярно собираю в моем кабинете Комитет по термоядерным исследованиям.

Я чувствую, что они уперлись в стену, что нет продвижения вперед. Каждый из ученых, как мне кажется, замыкается в своей области. История науки убедила меня, что большинство открытий происходит тогда, когда исследователь заглядывает «через забор», в смежную область. Открытия делают люди со свежим взглядом, не позволяющие себе замыкаться в сфере господствующих идей.

Я уже рассказывал в другой книге²³, как я попросил одного из моих научных консультантов разыскать человека со стороны, со свежим взглядом, которого нам так не хватало; как удалось найти Робера Дотрэ; какое большое впечатление произвел на меня этот парень, родители которого были отправлены в Аушвиц, а он сам во время войны вынужден был скрываться, когда пас овец на пустынном плоскогорье Центрального массива. Это не помешало ему тем временем защитить диплом бакалавра и подготовиться к поступлению в Школу искусств и ремесел, а затем в Политехнический, куда он прошел первым по конкурсу. Как я назначил его руководителем исследований в Управлении военных разработок; какие драмы вызвало введение в команду Лимьеля этого нового человека, перевернувшее устоявшиеся представления неприкасаемых авторитетов²⁴...

1 апреля 1967, последний Совет министров, перед тем, как я получил новое назначение.

Генерал спрашивает меня: «Ну, так как дела с водородной бомбой?». «На этот раз я совершенно уверен в успехе», — отвечаю я и рассказываю ему о ставке, которую я сделал на Дотрэ.

За несколько недель Дотрэ обобщил все уже сделанные разработки и сосредоточил усилия на той, которая казалась ему наилучшей. Он дал толчок к углублению соответствующих исследований. Роберу Гиршу удалось смягчить возникшие конфликты и убедить старых сотрудников КАЭ, что именно прежняя команда частично уже подготовила те решения, благодаря которым Дотрэ пришел к желаемому синтезу. Робер и Виар, на основе этого синтеза, сумели за год разработать новую программу испытаний, намеченных на 1968 год.

Летом 1968 года, с 24 августа по 8 сентября, три месяца спустя после того, как де Голлю довелось пережить свои последние неприятности*, он испытал свою последнюю радость: два первых удачных экспериментальных взрыва термоядерных устройств, подтвердивших гипотезу Дотрэ. Их мощность исчислялась мегатоннами. Один из взрывов, с использованием плутония, прошел столь же успешно, как и другой, с использованием обогащенного урана. Таким образом, мы могли бы свободно обойтись без завода в Пьерлате, как ранее обошлись без гигантских вычислительных машин...

Если ученые высокого уровня своими исследованиями 1966–67 годов дали необходимый материал для синтеза, если Дотрэ, с его способностью быстро осваивать и обобщать достижения всех дисциплин, такой синтез осуществил, если Робер Гирш сумел мастерски преодолеть конфликт между новыми и старыми силами, если Морису Шуману, моему преемнику на посту министра по науке, удалось, вопреки всем неблагоприятным обстоятельствам, продолжить движение в заданном направлении, — то именно де Голлю, и ему одному, принадлежит заслуга выдвижения цели и упорного стремления к ее достижению.

* См. часть VI. Бурный 1968 год.

Совет министров, 22 февраля 1967.

Кув сообщает нам о вопросе, который находится сейчас «в центре внимания»:

«На конференции по разоружению в Женеве рассматривается предложение Соединенных Штатов о нераспространении атомного оружия; представлены также детальные инструкции по контролю, который должно будет осуществлять агентство в Вене. В результате мы рискуем получить организованный промышленный шпионаж над всей атомной энергетикой — в интересах американцев и русских. Были резкие возражения со стороны государств, которые обладают, или собираются обладать, атомной промышленностью: Канады, Индии, Швеции, Италии. Особенно разочарованы и раздражены немцы. Это, кстати сказать, доказывает, что, несмотря на принятые обязательства и добрые заверения, у немцев сохраняется невысказанное стремление к обладанию атомным оружием.

ГдГ. Вопрос о нераспространении ядерного оружия затрагивает суть вещей. Либо происходит действительное разоружение, для всех стран, но этого американцы не хотят. Либо речь идет о том, чтобы отстранить другие страны от гонки вооружений. Но это не что иное, как обман, — и отсюда возникающие возражения. Для нас речь идет именно о разоружении. Поэтому мы дистанцируемся от соглашений о нераспространении.

С другой стороны, становятся очевидными задние мысли немцев. Но если эти скрытые намерения превратятся в открытые претензии на атомное вооружение, мы будем этому противодействовать. Все остальное, что пытаются приплести к вопросу о разоружении, просто надувательство.

Какой бы шум ни поднимали вокруг этой конференции, мы должны подчеркивать, что она посвящена вопросу разоружения, и только ему».

Совет министров, 8 марта 1967.

Кув рассказывает, как к обсуждению о заключении многостороннего договора о нераспространении американцы и русские притянули еще один вопрос, касающийся только их: о

ракетах противоракетной защиты. Не входя в детальное рассмотрение этого сюжета, Генерал произносит неожиданно многозначительные слова:

«Я думаю, что рано или поздно под страхом смерти (он подчеркнул эти слова) надо будет поставить самый главный вопрос — об атомном разоружении. Это еще один довод, чтобы, в предвидении обсуждения судьбоносной проблемы, мы стали обладателями термоядерного оружия и, тем самым, полноправной стороной в дискуссии».

Это высказывание не может не удивить: ведь он столько раз провозглашал, что создание нашей атомной ударной силы необходимо для обеспечения мира. Но с тех пор, как эта сила стала реальностью, он начал осознавать тяжесть моральной ответственности.

Часть IV
ФРАНЦИЯ И СВЕРХДЕРЖАВЫ
1962–1968

**1. «В конце концов,
человеческое достоинство возмутится»**

Золотой салон, 4 января 1963.

Генерал преподносит мне, в качестве новогоднего подарка, свои рассуждения о начале новой эпохи для Франции и Европы:

«Вплоть до последнего года мы были заняты первой деколонизацией, теперь нам предстоит перейти ко второй: мы дали независимость нашим колониям, теперь нам нужно закрепить нашу собственную независимость. Западная Европа, сама того не заметив, превратилась в американский протекторат. Пришло время освободиться от их господства. Трудность в данном случае состоит в том, что колонизованные не очень-то хотят освобождаться. После окончания войны американцы начали нас подчинять без боли и сопротивления с нашей стороны.

Одновременно они стараются занять наше место в наших старых колониях в Африке и Азии, убежденные, что они будут там действовать лучше, чем мы. Желая им получить удовольствие.

Американские капиталы все больше и больше проникают во французские предприятия. Одно за другим они переходят под контроль этих капиталов.

Срочно необходимо стряхнуть общую апатию, чтобы включить механизмы защиты. Сейчас американцы покупают нашу кондитерскую промышленность. Они ошеломляющими

темпами подчиняют себе французскую электронику. Что помешает IBM сказать в один прекрасный день: «Мы закрываем наши фабрики во Франции, потому что это диктуют нам интересы нашей фирмы»? Что помешает повторению того, что произошло в прошлом году с «Ремингтоном» и «Верзоном»? Все чаще решения принимаются в Соединенных Штатах. Происходит настоящая передача суверенитета. Это похоже на то, что мы наблюдаем в коммунистическом мире, где страны-сателлиты привыкли к тому, что решения за них принимаются в Москве.

Нам навязывают взгляды Пентагона на мировую стратегию, нам навязывают взгляды американского *бизнеса* (он проносит по-французски *bu-zi-nès*) на мировую экономику.

Многие европейцы относятся к этому положительно. Точно так же, как многие африканцы относились положительно к колониальной системе: они извлекали из нее выгоду. Европейские нации, конечно, получают капиталы, но они не отдают себе отчета, что эти доллары делаются с помощью печатного станка и что вместе с долларами они получают приказы. Они закрывают глаза, потому что не хотят видеть. Однако, в конце концов, человеческое достоинство возмутится.

Наступит день, когда американцы скажут: «У нас достаточно ракет с радиусом действия 8000 километров. Нам незачем содержать наши войска за океаном». И выведут свои дивизии из Европы, даже без предупреждения.

И точно так же, после того как они прикарманят наши фабрики телевизоров, они скажут: «Мы предпочитаем сосредоточить наше производство на американском континенте. Мы ликвидируем завод в Бордо».

[...]

Золотой салон, 9 января 1963.

Первый пункт в программе «второй деколонизации» — это ядерное оружие.

ГдГ. «Американцы хотят всех убедить, что несогласие с ними равнозначно разрыву Атлантического альянса и угрозе свободе Запада. После Кубы¹ у них закружилась голова. В Южной Америке, в Европе, в Азии — все в колонну по два и шагом марш за дядей Сэмом! (Смеется.) Иначе — берегитесь, вы на-

рушаете солидарность и мораль! Послушайте, Пейрефит, это же смешно!

[...]

Главная проблема теперь, когда алжирский вопрос решен, — это американский империализм. Проблема внутри нас, в наших правящих кругах, в правящих кругах соседних стран. В том, что делается в головах людей».

Елисейский дворец, 14 января 1963.

Ничего из того, что было сказано перед этим, не прозвучало сегодня на пресс-конференции. Генерал, должно быть, счел, что и так достаточно перебито посуды: заблокировано вступление Англии в Общий рынок и отвергнут американский проект многосторонних сил*. Отложил ли он эту тему на потом?²

После Совета министров, 16 января 1963.

ГдГ. «...Кеннеди — одаренный молодой человек. Это не какой-нибудь провинциальный политик. У него широкие взгляды и мысли, обращенные в будущее. Во время Кубинского кризиса он показал, что у него есть национальное чувство и отвага. Он далеко пойдет, если не сломает себе шею. Иногда он кажется немного самонадеянным».

Генерал борется против Кеннеди, но отдает должное его таланту... Затем он начинает развивать свою любимую тему — о скорости реакции:

«Когда возникает серьезная и непосредственная угроза, главное — это быстрота решения. Это значит больше, чем количество самолетов, танков и бомб. Но когда вы зависите от других, начинаются сомнения, потеря времени, и, в конце концов, решимость пропадает.

В 1961 году, когда русские начали строить Берлинскую стену, надо было действовать в первые же часы. Генерал, командующий нашим гарнизоном, позвонил мне в Коломбэ и сообщил, что русские натягивают колючую проволоку. Я сразу ему сказал: «Это противоречит статусу Берлина и межсоюзническим соглашениям».

* См. часть III. Оборонная самодостаточность.

ям! Надо немедленно снести эти заграждения танками». Он связался со своими американским и английским коллегами, которые ничего не захотели предпринимать без санкции свыше. Я попытался разыскать Макмиллана, но он охотился на куропаток. Безрезультатно искали и Кеннеди; правда, надо сказать, что это было воскресенье в августе. День прошел. Русские строили быстро. Наши союзники пошли на попятную. Если бы они послушались меня утром, не было бы никакой Берлинской стены».

Совет министров, 30 января 1963.

Буря, поднятая пресс-конференцией 14 января, продолжает бушевать. Но Генерал уже не интересуется этим: дело прошлое. Помпиду разыгрывает гаммы на тему экономического империализма:

«Америка долго развивала свою промышленность, ориентируясь на внутренний рынок. Теперь для дальнейшей экспансии ей необходимы внешние рынки. Но после слаборазвитых стран, не способных платить, ей понадобились платежеспособные страны. [...]

ГдГ. Разговоры об экономическом империализме Соединенных Штатов — это всего лишь слова. Теперь надо приводить в порядок наши дела, чтобы не оказаться слабыми перед давлением этого империализма».

В Золотом салоне после заседания Генерал говорит мне:

«Соединенные Штаты оказались бы в затруднительном положении, если бы мы не шли так легко на уступки. Все взаимосвязано. Надо обладать целостным видением мира. Наше видение предполагает независимость. Мы должны сами распоряжаться собой, сами принимать решения, не допуская, чтобы кто-то их нам диктовал.

АП. И без поддержки со стороны Европейского сообщества?

ГдГ. Европе не хватает политической воли. Даже французы склоняются к новому Мюнхену. Соглашаться на все — такая позиция политиков, боящихся возникновения напряженности, за которую их будут винить. Будущее приносится в жертву настоящему, потому что они не способны сказать «нет». Они готовы снова и снова валяться в ногах у американцев, как в пери-

од между двумя войнами валялись в ногах у англичан, как вишисты валялись в ногах у немцев.

АП. Вы думаете, что Шестерка могла бы разговаривать с американцами как с равными?

ГдГ. Из шести стран только Франция способна проводить внешнюю политику. Правительства Италии, Бельгии, Голландии, Люксембурга не могут об этом помыслить; Германия — калека. Их население, их молодежь стремится к иному, но руководители остаются глухими к этим стремлениям. Народы действительно хотели бы поднять голову, но не могут, потому что их правительства их предают.

Мы единственное государство, способное противостоять американцам. Фактически мы являемся голосом двухсот миллионов человек, лишенных голоса, и втайне они благодарны нам за то, что мы говорим вместо них».

Де Голль всегда подтверждает справедливость своих слов ссылками на массы.

2. «Если будет война, мы будем воевать вместе с американцами»

Однако всего три месяца тому назад, во время Кубинского кризиса, Генерал показал себя самым активным союзником Соединенных Штатов.

Совет министров, 24 октября 1962.

Кув делает длинное и на этот раз захватывающе интересное сообщение о событиях вокруг Кубы:

«В течение этих четырех дней мы были, как никогда, близки к третьей мировой войне. В воскресенье утром мы были предупреждены, что Дин Ачесон³ прибывает в Париж и хочет в тот же день встретиться с генералом де Голлем, прежде чем выступить на собрании НАТО в 22 часа. У правительства Соединенных Штатов имеются доказательства присутствия на Кубе 20 бомбардировщиков «Ил», 40 «Миг-21», а также пусковых площадок для ракет с ядерными боеголовками, способных поразить любую точку на американской территории.

Англичане и шесть стран Европейского сообщества ограничились выражением серьезного беспокойства. Только генерал де Голль сразу же выразил свою полную солидарность с Соединенными Штатами.

Двадцать пять советских грузовых судов в сопровождении подводных лодок направляются к Кубе: не исключена возможность серьезных инцидентов.

ГдГ (очень серьезен). Дин Ачесон передал мне письмо от Кеннеди и пачку фотографий, сделанных с воздуха. Я посмотрел две первые, на которых были ясно видны самолеты новейшей конструкции и ракеты на старте, и вернул ему всю пачку. Он мне сказал, что американцы не могут допустить, чтобы такое положение продолжалось.

Я ответил, что Франция отнесется с пониманием к мерам, которые Соединенные Штаты могут принять против этой опасности. Они, конечно, обратились в Совет Безопасности, но это ничего не дает; тем не менее, я ему обещал, что мы их поддержим в этой организации.

Воздействие всего этого на европейскую безопасность очевидно. Если американцы уступят на Кубе, придется уступить и в Берлине. Сейчас союзники должны принять решение. Если интересы Франции в Европе будут уважаться так же, как мы будем уважать интересы Соединенных Штатов, мы не станем выходить из НАТО. (Как в шахматной партии он всегда рассчитывает на два или три хода вперед.)

Как далеко собираются зайти Советы? Американцы с нами не консультировались, они нас только информировали. В сентябре 1958 года мы предлагали проводить консультации между тремя главными странами-союзниками, если возникнут угрозы на территориях, не входящих в зону действия Атлантического альянса, — что и происходит в настоящее время. Теперь мы видим, что были правы, внося такое предложение, а американцы совершили ошибку, отвергнув его.

Мы решили по собственному почину продемонстрировать солидарность. («Мы» означает «Я и Франция».) Куба не входит в зону ответственности НАТО. Американцы следуют доктрине Монро: Америка для американцев. Мы не обязаны участвовать в блокаде Кубы. Но если безопасность Европы ока-

жется под угрозой, а это может случиться, мы будем действовать бок о бок с нашими союзниками. Если будет война, мы будем воевать вместе с американцами.

А теперь Совет министров должен дать свое заключение. Я подготовил несколько слов... Вот они».

Кув зачитывает текст, написанный рукой Генерала, и по окончании заседания вручает его мне для передачи прессе. Генерал хочет, чтобы и мы приняли на себя ответственность:

«Совет министров выразил понимание Францией той тревоги, которую вызвало в Вашингтоне начавшееся недавно и идущее быстрыми темпами размещение на Кубе советского наступательного оружия... Совет рассмотрел возможные последствия, вытекающие из этой ситуации для безопасности Европы... Взаимные обязательства, предусмотренные Атлантическим альянсом, были и остаются основой политики Франции».

ГдГ. «Есть ли замечания?»

Замечаний нет. Как можно выразить несогласие с человеком, воплощающим собой нацию и принимающим, перед лицом возможной войны, решение отбросить все, что разделяет его и американцев?

Совет министров, 31 октября 1962.

Кув подводит итоги Кубинского кризиса, к счастью, завершившегося за время, прошедшее после предыдущего Совета. В послании, адресованном Кеннеди, Хрущев предложил демонтировать советские ракеты на Кубе и вернуть их в СССР, если Соединенные Штаты согласятся одновременно убрать свои ракеты из Турции и откажутся от своей агрессивной политики.

Кеннеди ответил, что не позволит себя шантажировать с целью вывода ракет из Турции⁴, но готов приостановить блокаду Кубы, если Советы уберут свои ракеты.

«Было впечатление, — продолжает Кув, — что во время неудачной высадки на Кубе, в 1961 году, Кеннеди проявил неуверенность. Его колебания побудили Советы занять более наступательную позицию.

ГдГ. Это очень серьезное дело. Оно могло плохо обернуться. Оно закончилось хорошо, потому что американцы отреагировали резко.

Я мог бы ограничиться заявлением Ачесону, что мы предоставляем им действовать, и что условия нашего альянса не распространяются на Карибский регион. Но если конфликт затронет Европу, то тогда не возникнет никаких вопросов: обязательства, предусмотренные Атлантическим альянсом, должны будут выполняться в полном объеме.

Я принял Болена в субботу 27 числа и повторил ему: «Я понимаю американскую позицию. Мы не будем вмешиваться в это дело на месте. Но если будет война, мы будем воевать вместе с вами». (Это та же формула, которую он употребил на заседании Совета министров тремя днями раньше.)

Впервые в жизни американцы почувствовали, что прямая угроза нависла над их собственной территорией. Для нас это старая история: англичане и немцы вторгались к нам регулярно. Но для американцев это был шок. Их оборонительный потенциал ориентирован почти целиком на Восток, отчасти на Запад, а южное направление полностью открыто.

Болен мне ответил: «Если в течение сорока восьми часов дело не будет урегулировано, мы начинаем военные действия. То, что мы можем рассчитывать на вас, придает нам мужества».

На следующий день Хрущев пошел на попятную. Для Атлантического альянса это имело неплохие последствия. Я был с самого начала убежден, что для Берлина это тоже неплохо. Ибо Соединенные Штаты почувствовали, что, проявив твердость, они могут заставить Россию отступить.

Только от Запада зависит, отступят ли русские снова. Но не исключено, что они будут пытаться отыграться. Посмотрим.

Наша позиция была четкой и ясной. Макмиллан писал мне несколько раз, противореча сам себе. Наши союзники проявили такую же растерянность. В конечном счете, похоже, мы были единственными из всего Альянса, кто занял позицию солидарности. Надо только знать, чего ты хочешь».

Совет министров, 7 ноября 1962.

Кув описывает последствия кризиса:

«Для русских это — потеря престижа, поскольку им пришлось отступить, но также и доказательство того, что к третьему

миру они относятся как к своему инструменту. Все более и более резкая критика раздается в их адрес из Пекина и из Тираны.

ГдГ. Наблюдается резкое пробуждение национального чувства у американцев, которые готовы сражаться, чтобы защитить свою землю. Нечто противоположное происходит в СССР, где народ не хочет драться за Кубу, и на самой Кубе, где народ не желает умирать за Советы. Во время серьезных кризисов именно национальный инстинкт заявляет о себе сильнее всего; все искусственные конструкции развалятся».

Совет министров, 6 марта 1963.

Кув. «Переговоры между Соединенными Штатами и СССР продолжаются: о Берлине, о Германии, о разоружении. Во время кризиса они были прерваны. Американцы мне сказали в декабре, что о продолжении переговоров не может быть и речи, пока советские вооружения не будут эвакуированы с Кубы».

После заседания Генерал говорит мне: «Американцы, после того как опасность миновала, забыли о своем порыве. Они снова возвращаются на проторенный путь. Соблазн Ялты не перестает действовать, он сильнее их».

Так рука, честно протянутая американцам, не встретила ответного пожатия. И Генерал с горечью почувствовал, что Вашингтон не понял, что может существовать совсем другой способ взаимоотношений с Францией и Европой. Эта история твердо очертила границы «антиамериканизма» Генерала, но она же его и усилила.

Золотой салон, 7 июля 1964.

Восемнадцать месяцев спустя после Кубинского кризиса мы снова вспоминаем о нем. Потом Генерал сообщает мне, что американские войска должны будут покинуть французскую территорию. Нет ли здесь противоречия?

ГдГ. «Мы исходим из простого принципа: когда возникает угроза мирового конфликта, Франция первая — и единственная — выражает солидарность с американцами. Когда дела идут нормально, Франция первая кладет конец зависимости Европы от американцев.

АП. И, увы, по-прежнему единственная.

ГдГ. Пока... Рано или поздно, нашему примеру последуют. (Молчание.) Или можно будет впасть в отчаяние».

Он продолжает: «Солидарные во время бури, независимые в тихую погоду. Невозможно, чтобы мы остались одиночками в такой позиции».

3. «Никогда не надо преклоняться»

Елисейский дворец, 8 августа 1962.

Среди множества забот, разочарований и надежд де Голль позволяет себе немного отдохнуть и отвлечься: он приглашает на неофициальный завтрак Эйзенхауэра, оказавшегося проездом в Париже. За столом присутствуют также, кроме Генерала и мадам де Голль, посол Соединенных Штатов, генерал Гейвин, с женой; Этьен Бюрен де Розье; адъютант; Моника и я. У парадного входа расположился оркестр республиканской гвардии.

[...]

Нас представляют гостю. У Эйзенхауэра свежий розовый цвет лица, как на фотографиях, где вот уже восемнадцать лет мы привыкли видеть его сначала в качестве командующего союзными армиями, затем — главнокомандующего НАТО и, наконец, президента Соединенных Штатов. Неизменный. Несокрушимый. Пожалуй, чуть более полысевший. Очень простой, немного стесненный в своем штатском костюме из серого твида. Поражает контраст между ореолом восхищения и славы, окружающим этого человека, и доброжелательной скромностью его поведения. За ним следует его жена, «мамми», такая же розовая, полнеющая, с неизменно улыбающимся выражением лица, видимо, усвоенным ею раз и навсегда.

Проходим к столу. Сразу же становится понятно, что говорить будут только два главных действующих лица, остальные присутствуют в качестве статистов. Бюрен де Розье ограничивается ролью переводчика, я время от времени его подменяю.

Странно, что де Голль, проведший три года в Лондоне, не говорит и не понимает по-английски. О его неспособности выучить язык не может быть и речи: при его феноменальной

памяти, это было бы для него детской забавой. Но, находясь в те годы в зависимом положении у своих хозяев и извечных соперников, он счел бы непозволительной слабостью говорить на их языке.

Эйзенхауэр вспоминает о встрече в верхах, которая происходила здесь, в Елисейском дворце, два года тому назад, в мае 1960-го. «Вы и Макмиллан были здесь, когда Хрущев накинулся на меня чуть не с руганью».

Чтобы не оставить в неведении дам, он, как внимательный и галантный собеседник, напоминает им о событиях, которые могли изгладиться из их памяти:

«Все произошло из-за самолета «U2», который был сбит за несколько дней до этого над Украиной. Уже не первый год эти самолеты-разведчики летали на очень большой высоте над территорией Советского Союза, от Турции до Норвегии. Таких перелетов были сотни, может быть, тысячи. Советская сторона не могла об этом не знать, однако она не выражала протестов и ничего не предпринимала. И вот, как раз накануне Парижской конференции, от которой многого ждали, русские улучили момент, чтобы сбить один из этих самолетов. Это было самое подходящее время для развертывания пропагандистской кампании. Они действительно большие мастера, когда надо поразить мировую общественность, представив события в выгодном для себя свете.

Перед нами троими Хрущев заводился все больше и больше. Он оскорблял Америку, сравнивая ее со *стыдливой девицей, которая уже прижила дюжину ублюдков*. Вы сохраняли великолепное спокойствие (это он говорит, обращаясь к де Голлю). Хрущев требовал, чтобы я принес ему извинения. И тут вы окатили его холодным душем. Вы очень спокойно сказали ему, что в таком случае вы, к вашему большому сожалению, вынуждены констатировать неудачу конференции и закрыть заседание. Я был готов извиниться, но, я думаю, вы были правы, не дав мне этого сделать.

ГдГ. Ваши извинения ничего бы не изменили. Он решил все разнести. Никогда не надо преклоняться».

Никогда не надо преклоняться. Будучи знатоком истории, Генерал, возможно, вспомнил о том, как греческие послы яви-

лись к Артаксерксу, и как персидская стража пыталась заставить их преклониться, то есть пасть ниц перед Великим Царем, как того требовал обычай. Но греки отказались, заявив, что преклоняются только перед своими богами. Сказал же Монтескье, что *свободные люди горды*. Во всяком случае, я убежден, что для де Голля существует неразрывная связь между свободой и достоинством.

Не отвечая на реплику, **Айк** продолжает:

«И все же, Хрущев, конечно, не самый плохой из тех, кого мы можем видеть в противоположном нам лагере.

ГдГ. Действительно, когда он не хватает через край, он, по крайней мере, забавен. Это чего-то да стоит. Те, кто его окружает, просто скучны. Каждый имеет про запас один анекдот на все случаи жизни. Встречаясь с ними, всегда все знаешь заранее. А Хрущев может преподнести неожиданность».

Вероятно, смущенный воспоминанием о сцене, лестной для него, но унижительной для его гостя, де Голль меняет тему разговора:

«А узнают ли вас в Париже на улице?

Айк. Меня узнали в Лувре. Музей был закрыт, но для меня его тут же открыли».

Ни в его голосе, ни в глазах, нет ни малейшего намека на юмор. Между тем, его посещение Лувра было, конечно, организовано заранее и именно во вторник, когда музей закрыт, чтобы никто не беспокоил знаменитую чету. Генерал улыбается, но воздерживается от того, чтобы развеять иллюзию Эйзенхауэра. Интересно, не спрашивает ли он себя, как мог этот простодушный человек столь успешно командовать самым великим сражением в истории?

ГдГ. «Конечно, вас не могли не узнать! Черчилль — другое дело: все толстощекие младенцы похожи друг на друга».

Некоторое время Айк и Генерал обмениваются анекдотами о Черчилле. Генерал завершает тему: «О Черчилле нельзя говорить, не вспоминая тут же о его сигаре. Но он эти сигары никогда не курил. Просто он всегда держал сигару во рту, чтобы придать себе уверенность, чтобы иметь вид человека, которого ничто не может смутить. На самом деле он не курил, а только пыхтел».

Айк о своем преемнике Кеннеди: «И тогда впервые президент ошибся⁵. До этого случая, он всегда был в блестящей форме. После пятидесяти лет человек уже не может быть всегда в форме. Чувствуешь себя усталым. Надо все время следить за собой, вечно возникают какие-нибудь неприятности.

ГдГ. Вы лишаете меня моих иллюзий. Я-то полагал, что только после пятидесяти лет человек начинает чувствовать себя хорошо».

Они рассказывают друг другу истории о письмах, которые пишут всякие помешанные.

Айк. «Во время войны я получил письмо от одного сумасшедшего. Он предлагал прорыть туннель под Рейном. Он мне прислал целое досье с чертежами.

ГдГ. Вот уже двадцать лет, какой-то тип пишет мне письма с просьбой назначить его *имамом* в одну из алжирских мечетей.

А одна добрая женщина каждый год приходит пешком из Лурда в Коломбэ. Пресвятая Дева ей якобы сказала: «Ты должна родить ребенка от де Голля». Каждое лето, вот уже седьмой год, она совершает свое паломничество».

Мадам де Голль, с невинным видом: «Я не беспокоюсь. Достаточно на нее посмотреть! Она не очень соблазнительна».

[...]

Айк рассказывает, что как раз сейчас он пишет свои Мемуары Президента:

«Я работаю, как вол, а все еще не продвинулся дальше первого тома.

ГдГ. Я вас понимаю. Я тоже очень трудно пишу. Для меня это просто адская работа. Особенно, когда речь идет о мемуарах. Надо подняться над обстоятельствами. Нельзя все описывать со всеми деталями. Надо выбирать, надо сгущать. Мемуарист — это не хроникер. И потом, когда пишешь о людях, нельзя рассказывать все плохое, что ты о них думаешь. Особенно, если они живы. Зачем их обижать? К тому же, пока они живы, всегда есть возможность исправления. Никогда не следует оскорблять будущее».

Я не уверен, что Эйзенхауэр понял перевод или сумел оценить этот изысканный ход рассуждения. Впрочем, может быть, он решил устроить своему хозяину дружескую провока-

цию, вспомнив о человеке, будущее которого он не хотел бы оскорблять... И вот он рассыпается в похвалах Жану Монне.

ГдГ (холодно). «Он производит отличный коньяк. Жаль, что он не захотел этим ограничиться!».

Но Айк не дает себя сбить:

«А я как раз читаю книгу, которую написал о вас Шёнбрунн».

Нечего сказать, уместное замечание: пятнадцать дней назад наше телевидение посвятило этой книге целую передачу, за что я получил от Генерала нагоняй в устном и письменном виде! Ему явно не нравятся ни сам Шёнбрунн, ни его книга, ни то, что Айк удостоил ее своим вниманием. Он не отвечает на реплику Эйзенхауэра, но несколько поспешно меняет тему разговора, переводя его на поведение назойливых встречных на улице. Это не похоже на Генерала: когда какая-нибудь тема уже затрагивалась, он к ней не возвращается. Это — нечто вроде правила, установленного им для самого себя. В данном случае желание поскорее отделаться от Шёнбрунна заставило его нарушить этот запрет.

[...]

4. «Кеннеди предлагает новую форму протектората»

Матиньонский дворец 13 июня 1963, четверг.

Помпиду рассказывает, что Болен спросил у него: «Почему президент — так, представьте себе, американцы называют Генерала — все время говорит о *Европе от Атлантики до Урала?*». «Я ему ответил: “Потому что он прочел эту формулировку в учебнике по географии, когда был ребенком. Не ищите ничего другого”».

Это шутовское объяснение граничит с непочтительностью, как это часто бывает у Помпиду, когда он говорит в своем кругу.

Помпиду заключает: «Естественно, формула *от Атлантики до Урала* раздражает американцев. Она игнорирует разделение Европы на две части. Она отрицает ялтинские соглашения, вину за которые де Голль возлагает на Рузвельта. Она отри-

цает существование Советского Союза, как будто единственно устойчивыми являются этнические реальности, а политические конструкции — это нечто эфемерное. Со всем этим американец не может согласиться».

Совет министров, 25 июня 1963, вторник.

Кув комментирует посещение Кеннеди ФРГ:

«Некоторые проводят сравнение между этой поездкой и вашим посещением в сентябре прошлого года. Но Соединенные Штаты и Германия — это совсем не то же самое, что Франция и Германия, страны-соседи, бывшие непримиримыми врагами на протяжении целых поколений. Франко-германское примирение — это подлинная перемена. Визит Кеннеди не имеет такого исторического значения».

Генерал останавливается на посещении Берлина, которое запланировано у Кеннеди на завтра⁶: «Он появится на фоне Стены, подтверждая своим молчанием, что он не в состоянии ее разрушить. Он торжественно подтвердит совершившийся факт существования Стены. Это может иметь нежелательные последствия».

Германия может сделать вывод, что ей нечего ожидать в этом отношении. В американской позиции это переворот по сравнению с позицией Даллеса⁷, для которого разделение было делом временным. Сегодня, на месте действия, подтверждается, что разделение надолго, и что мы ничего с этим не можем поделать.

Важно, чтобы немцы осознали, что их будущее — это Европа, а Европа — это, прежде всего, союз с Францией».

[...]

ГдГ. «Моя поездка в западную Германию была для русских горькой пилюлей. Я хотел положить конец войне между Францией и Германией, войне, которая длилась семьдесят пять лет и все еще продолжалась в сознании людей. Надо было, чтобы все поняли, что французы и немцы должны относиться друг к другу, как братья. Включение Берлина в план поездки ничего не добавило бы к этому замыслу. Кеннеди, со своей стороны, не мог ограничиться повторением моего маршрута, и поэтому отправился в Берлин. Ему нужно было сделать что-то другое, что он и совершил с блеском. Я признаю, что блеска ему хватает».

Помолчав, Генерал выдает мне одну из тех импровизаций, которые он обдумывает во время прогулок по парку, а затем записывает, чтобы закрепить их в своей памяти:

«Атлантический альянс необходим свободному миру. Уж мы-то это знаем. Мы становимся рядом с нашими союзниками, чтобы отразить любую агрессию со стороны общего врага. Мы это подтвердили во время Кубинского кризиса. Мы являемся неотъемлемой частью Альянса. Но это не значит, что мы интегрированы в него, в его военную организацию, каковой является НАТО.

Франция, решившая, что ее будут защищать другие, не стала бы предпринимать никаких усилий для собственной обороны. Если бы наше национальное сообщество перестало нести ответственность за свою защиту, оно бы распалось. Американцы не знают, что это такое — быть завоеванными. Им неведома эта национальная драма. Они не испытали разделения между теми, кто сотрудничает с оккупантами, и теми, кто сопротивляется. Это — ужасное испытание, и нам, увы, оно выпало на долю...

Вот почему Франция согласна включить некоторые свои воинские подразделения в НАТО, но не хочет, чтобы все ее силы находились под американским командованием.

В свободном мире есть три морские державы: Америка, Англия и Франция. У Америки есть свои военные силы и свое командование, у Англии тоже. Почему Франция, у которой есть собственные силы, не должна иметь собственного командования? Американцы станут командовать англичанами и французами, англичане — французами, а французы не будут командовать никем? (Он повысил тон к концу тирады.)

Сломать НАТО? Нет. Мы хотим его реформировать. Решения, принятые в Лиссабоне пятнадцать лет назад, потеряли силу. Франция согласилась пойти на слияние, когда она еще не существовала. Теперь, когда она встала на ноги, она уже не согласна быть американским протекторатом. Каждый день усиливает нашу эволюцию в этом направлении. Великобритания на самом деле не входит в НАТО. Она включила в него только 50 тысяч человек, находящихся на территории Германии (а мы — 68 тысяч). Их флот остался под их командованием, воздушные силы — также. Почему мы должны быть в ином положении? Нам бросают необоснованные упреки.

И потом, нам не говорят, что они собираются делать. Как они думают отражать советскую агрессию, если она будет совершена? Сохраняется пугающая неуверенность.

Мы не допускаем возможности, что немцы разорвут франко-германский договор, который они сами предложили. Франция строит на этом всю свою политику. Если она будет обманута, то трудно себе представить, что из этого может выйти. Германия — это страна, плывущая по течению.

Кеннеди предлагает новую форму протектората. Он утверждает, что Америка будет воевать и не позволит, чтобы Советы нас захватили. Но как она это сделает, при каких условиях, какими средствами? Во время первой и второй мировой войны они, в конце концов, пришли нам на помощь, но в каком виде мы уже были!

Это очень серьезные вещи, постарайтесь объяснить их вашим журналистам».

Через два дня, 5 июля 1963, я обращаюсь к Ассоциации парламентской прессы, развивая мысль, что наша защита не может быть передоверена Соединенным Штатам:

«Французское правительство никогда не ставило под сомнение решимость президента Кеннеди и всего американского народа в данный момент. Оно всего только задается вопросом: кто сегодня может с уверенностью сказать, чего захочет американский народ, и что сделает преемник преемника президента Кеннеди через пятнадцать или двадцать лет? Франции очень хотелось, чтобы Соединенные Штаты стояли с ней рядом в 1914 и в 1939 году».

Эти слова чрезвычайно не понравились американской прессе, в особенности газете *Newsweek*: я якобы «продемонстрировал глупые претензии» французского правительства.

Жискар позвонил мне по правительственному телефону: «Вы прочли, что написали о вас в *Newsweek*? На вас будут смотреть в Соединенных Штатах как на антиамериканиста. Не надо следовать за Генералом во всех его причудах».

Его забота о моем имидже в Америке меня должна была бы тронуть. Но я никогда не придавал этому значения. Возможно, он думает о своем собственном имидже? Возможно, он

не хочет, чтобы молодые члены правительства присоединялись к «антиамериканизму», который может быть связан у Генерала со старыми разногласиями военных лет...

Золотой салон, 17 июля 1963.

АП. «Американцы очень плохо отнеслись к моему заявлению.

ГдГ. Да, я читал. Это буря в стакане воды. Вы высказали, казалось бы, банальную истину: Америка — это не Европа. Не защищайте себя сами, это сделаю я на ближайшей пресс-конференции, не подавая вида. Жизненные интересы Америки могут однажды не совпасть с жизненными интересами Европы. В этом нет ничего оскорбительного или агрессивного. Об этом часто говорили другие. (В его глазах появляется лукавый огонек.) Ваши слова являются скорее не оригинальными, чем не обоснованными».

[...]

Елисейский дворец, Зал празднеств, пресс-конференция 29 июля 1963.

Я с любопытством ожидаю, как Генерал выполнит свое обещание и «прикроет» меня. Он делает больше, чем я мог бы надеяться:

«В последние месяцы наблюдалось большое волнение, особенно в американских газетах. Скажу вам, что мой опыт за последние двадцать пять лет приучил меня не очень удивляться тем прыжкам, которые совершает в Соединенных Штатах то, что принято называть общественным мнением. Должен, однако, признаться, что слова и мотив этих песенок, по отношению к Франции, на этот раз показались мне чрезмерными».

Далее он рассказал о том, как американская пресса гвоздила его, начиная с 1940 года, по самым разным поводам: в связи с его решением занять Сен-Пьер-э-Микелон, в связи с его соперничеством с Жиру, по поводу его несогласия с ялтинскими решениями и отказа ехать в Алжир для встречи с Рузвельтом, возвращавшимся с Ялтинской конференции, а также из-за нежелания выводить французские войска из Штутгарта до тех пор, пока за Францией не будет закреплена зона оккупации. В заключение он указал на относительность

обязательств, когда речь идет о выживании, при наличии в мире ядерного оружия:

«Тот факт, что русские теперь тоже обладают оружием, способным уничтожить планету, включая и Американский континент, делает вполне естественным желание Америки при возможном возникновении конфликта позаботиться, прежде всего, о собственном выживании».

Совет министров, 31 июля 1963.

Пизани подводит итог своим переговорам в Брюсселе: «По поводу поставок американских кур мы вели дискуссию, но не получили поддержки. Оказалось, что никто, кроме нас, не расположен сопротивляться».

После заседания Генерал говорит мне: «Европейцы не вернут себе чувства собственного достоинства, пока не перестанут бегать в Вашингтон за очередными указаниями».

Помпиду, в своем уголке, утром перед заседанием сказал нам на прошлой неделе: «Основная идея в философии Генерала — это соблюдение достоинства. Во внутренней политике — уважение к индивидам, к какому бы классу они ни принадлежали: к рабочим, крестьянам или к высшим слоям. Во внешней политике — уважение достоинства народов, какими бы бедными и отсталыми они ни были, и к ним-то особенно. Достоинство униженных и оскорбленных».

5. «Надо смело смотреть американцам в лицо...»

Совет министров, 15 октября 1963, вторник.

Кув рассказывает, как он провел три дня в Вашингтоне, где виделся с Кеннеди, Раском, Макнамарой, Джорджем Боллом, Диллоном, а также с парламентариями и журналистами:

«Все только и думают, что о президентских выборах в будущем году. Маловероятно, что Кеннеди переизберут, но кто знает? Голдуотер⁸ представляет самую реакционную часть населения, настроенную против негров.

Здесь считают, что январский кризис, вызванный нашим отказом от многосторонних сил и от вступления Англии в Об-

ший рынок, положил конец великому проекту президента Кеннеди. Отсюда — франкофобия и предвзятость официальных кругов и прессы... Все предложения Франции подозреваются в неискренности.

По поводу Москвы. Раск очень старался мне доказать, что нет никакой разрядки, кроме договора о нераспространении атомного оружия. В этом пункте я напомнил, что если мы не принимаем Московских соглашений, то лишь потому, что мы оказываемся единственной страной наряду с Китаем, которой в результате наносится ущерб.

[...]

Последовавшие переговоры между американцами и Советами увеличили растерянность в Германии, которой это вовсе ни к чему в момент ухода Аденауэра».

Кув доказывает нелепость соперничества между Соединенными Штатами и Францией, что приведет Германию к необходимости выбирать между дружбой с Соединенными Штатами или с Францией. Это плохо для всех. Потом он заключает:

«В общем, в политике, проводимой нашими странами, имеются большие различия. Надо, чтобы к этому привыкли. Нас уже перестали убеждать изменить нашу атомную программу. Что касается вступления Великобритании в Общий рынок, наши партнеры примирились с тем, что этот вопрос отложен надолго.

Необходимо предпринять длительные усилия в области «публичных отношений», как там говорят, и избегать резких движений. (Кув рискует подвергнуть едва прикрытой критике характер действий Генерала.) Надо будет провести определенную разъяснительную работу, чтобы американцы поняли, что может существовать позиция, иная, чем у них.

ГдГ. Трудно себе представить, что бы вы могли сделать или сказать кроме того, что вы сделали и сказали.

Относительно американцев: довольно неприятно, когда тебя принуждают менять позицию. Гегемония имеет свои приятные стороны и свои тяготы. В данный момент они как раз лишаются приятностей, но не тягот. Что касается нас, то мы их уже не обременяем, но причиняем кое-какие неприятности; их гегемония скукоживается.

С нашей стороны нет ни малейшего желания подливать масла в огонь. В тот день, когда они откажутся от своей гегемонии, все станет гораздо проще. Им очень хочется обвинить нас в том, что дела идут плохо. Великобритания спотыкается, Германия колеблется, Италия не знает, куда идет. Все это заботит Соединенные Штаты — но и нас тоже.

Франция, которая стоит на ногах, которая поборола свою растерянность, должна была бы прибавить им бодрости, на фоне всех катаклизмов, сотрясающих мир. Но им еще нужно привыкнуть.

Пизани. Меня посетил новый экономический советник посольства Соединенных Штатов. Мне кажется, что они, в конце концов, примирятся с общей сельскохозяйственной политикой.

ГдГ. Вы так думаете? Я в этом очень сомневаюсь. (Пизани думал высказаться в том же смысле, что и Генерал, но не угадал.) Почему некоторые говорят, что, если общая сельскохозяйственная политика будет рассматриваться в ВТО, то это не сможет нам повредить? В этой организации Соединенные Штаты, Великобритания и доминионы всегда имеют большинство. По сравнению с англосаксами мы всегда будем в меньшинстве».

Золотой салон, 6 ноября 1963.

Генерал мне сказал:

«Даже в самой НАТО, которую американцы создали собственными руками, говорят, что многосторонние силы — это большой обман. Все это закончится тем, что американцев станут ненавидеть все, даже их самые преданные союзники. Все трюки, изобретаемые американцами, разоблачаются фактами. С каждым днем это становится яснее. Возьмите так называемую разрядку...

АП. Что, по вашему мнению, означает тот факт, что русские снова начали останавливать американские эшелоны, направляющиеся в Берлин?

ГдГ. Конечно, русские стремятся показать лживость американской пропаганды относительно «духа Москвы» и большого шага, якобы сделанного в направлении разрядки.

АП. Дон Кук в *Herald Tribune* выражает удовлетворение по поводу солидарности, которую продемонстрировала Франция, послав один эшелон в Берлин.

ГдГ. Солидарность? Глупости! Мы это сделали не для того, чтобы доставить удовольствие американцам! Франция не допустит, чтобы ее связи с Берлином были прерваны. Поэтому мы решили направить туда один эшелон, в соответствии с ранее принятым планом. Эшелон пошел и прошел. Русские не посмели его задержать. Оказалось, что это помогло американцам провести свои эшелоны следом и, тем самым, избежать смешного положения, в которое они себя поставили, позволив перехватить свои эшелоны. Но мы не ставили перед собой такую цель!

Вы понимаете, Франция — союзник, но союзник независимый, твердо решивший не допускать никакого давления, никакого диктата. У нее есть права, пропорциональные ее обязательствам, и обязательства, пропорциональные отношению союзников к ней. Мы не какое-нибудь стадо овец».

Золотой салон, 20 ноября 1963.

АП. «Рассчитываете ли вы отправиться в Америку в начале следующего года?»

ГдГ. Да. Я должен нанести визит Кеннеди.

АП. Даже если наши отношения будут все такими же натянутыми?

ГдГ (с пренебрежительным жестом). Наши отношения не натянутые! Мы объяснились с американцами. Теперь они знают, как обстоят дела. Почему, скажите пожалуйста, ситуация должна быть напряженной? Потому что мы сказали людям правду? Надо смело смотреть американцам в лицо, кончится тем, что они к этому привыкнут.

АП. Кризис начался, когда Франция создала собственное ядерное оружие и отказалась ввести его в состав многосторонних сил?

ГдГ. Да. Но теперь это — свершившийся факт, к нему нечего возвращаться. Франция показала, что она способна сама создать собственные ядерные силы, благодаря своим ученым, техникам, состоянию своей экономики, промышленной инфраструктуры, благодаря своим заморским территориям, — а ведь все в этом сомневались. Мы доказали также, что американцы не в состоянии нам помешать, несмотря на все предпринятые

ими усилия по запугиванию. Американцы должны признать появление в международной стратегии совершенно нового фактора. И вот теперь, скажите на милость, почему бы нам не поговорить?

АП. Но вы не собираетесь придавать этой поездке характер торжественного государственного визита, с толпами приветствующих?

ГдГ. Нет-нет, напротив! Государственный визит я нанес в 1960 году. Толпа, возможно, и будет, потому что американцы знают, что есть страна, которая им не уступает, оставаясь при этом их другом и верным членом Альянса. И, может быть, они захотят посмотреть на руководителя этой страны... Это будет в феврале».

В колебаниях, относительно формы его будущего визита, столь не типичных для Генерала, возможно, следует видеть как бы предчувствие того трагического характера, который придаст его посещению смерть американского президента.

6. «То, что произошло с Кеннеди, едва не произошло со мной...»

22 ноября 1963, пятница, вечер.

В 19 часов, едва закончив открытие местного телевидения в Страсбурге, я сажусь в плохонький двухмоторный самолет группы обслуживания правительства, чтобы лететь в Ниццу, где должно послезавтра происходить заседание UNR. В это время пилот слышит в наушниках срывающееся на крик приказание: «Все аэродромы НАТО во Франции и все коридоры воздушных коммуникаций объявляются в состоянии военной тревоги!». Одно за другим поступают сообщения: «Президент Соединенных Штатов доставлен в госпиталь...». «Видимо, на него было совершено покушение...». «Делаются попытки его спасти...». «Президент умер...». Затем следуют отрывочные подробности покушения в Далласе.

Генерал скажет мне в следующую среду: «Они шадили американцев, поэтому делали вид, будто он еще может выкарабкаться. На самом деле, пуля раскроила ему череп».

Ницца, 23 ноября 1963, суббота.

Ранним утром я звоню по телефону Бюрену. Он говорит мне, что Генерал, узнав о событии вчера вечером, тотчас решил отправиться в Вашингтон на похороны. «Только, пожалуйста, пока никому об этом ни слова. О поездке Генерала будет объявлено в официальном коммюнике, когда американцы сообщат об агремане».

Коммюнике появляется около 11 часов: Генерал прибудет в Вашингтон завтра утром, в воскресенье, будет присутствовать на похоронах в понедельник утром и улетит вечером того же дня.

Угадал ли Генерал своим острым психологическим чутьем, что, первым объявив о своем решении, он привлечет к себе симпатии американского народа? Хотел ли он загладить этим жестом те размолвки, которые у него были с президентом Кеннеди? Или же, что наиболее вероятно, он хотел продемонстрировать свое уважение к государственному деятелю, чье мужество и отвагу он высоко ценил?

Коммюнике Елисейского дворца вызвало растерянность в иностранных правительственных канцеляриях. Королева и премьер-министр Великобритании, канцлер Германии и другие, могли ли они поступить иначе, чем президент Французской Республики? Все главы государств и правительств устремились по его стопам. Наличие во главе Франции столь необыкновенного человека, в сочетании с полномочиями, предоставляемыми ему нашей Конституцией, позволяют французскому президенту принимать решения быстро, без тех обсуждений и согласований, которые парализуют действия глав других государств. Своим преимуществом Генерал воспользовался во время Кубинского кризиса, год тому назад. И вот теперь он снова первым почтил память человека, которого он тогда не замедлил поддержать в самый критический момент.

[...]

Совет министров, 27 ноября 1963.

Кув (менее лаконично, чем всегда). «До сих пор не известны ни обстоятельства, ни причины того, что произошло в Далласе. Сохраняются сомнения относительно местного техас-

ского расследования и ареста подозреваемого, объявленного убийцей еще до следствия, а затем убитого прямо в присутствии полиции. И сразу же последовало заявление, что расследование закончено, и проблемы больше не существует. Возникло неприятное чувство: эта драма показала, что в Соединенных Штатах существует нездоровая обстановка. Это убийство, несомненно, связано с главной проблемой *расовой сегрегации*.

Сразу же возникли резкие перемены в руководстве самой мощной страны мира. Власть переходит в руки законного преемника, не обладающего необходимым опытом. Перспективы вторичного избрания Кеннеди больше не существует.

Жест генерала де Голля имел огромный резонанс в правительстве и в народе. Все государства мира были представлены на очень высоком уровне, по примеру президента Французской Республики. Во время приема в Белом Доме, после похорон, он был в центре внимания. Все только на него и смотрели. Каждый стремился сказать ему слово, пожать руку, быть представленным. Сама собой образовалась очередь к нему, как будто он был хозяином приема.

Контакт между Джонсоном и генералом де Голлем: разговор продолжался полчаса, и это была первая государственная беседа Джонсона с тех пор, как он стал президентом. Была выражена добрая воля, желание поддерживать дружеские отношения. Они говорили о встрече, которая должна была состояться в феврале. Но теперь это будет уже не ответный визит к Кеннеди, а встреча двух президентов, которую предстоит подготовить. Решение по этому поводу было принято без промедления.

ГдГ. Эти драматические события будут иметь серьезные последствия для Соединенных Штатов и всего мира. У меня создалось впечатление, что американский народ глубоко поражен этим убийством. Погибший президент был очень популярен в народе, как и его семья, его окружение, его манера вести себя...

Обстоятельства произошедшего вызывают тревогу и сомнения. Все задаются вопросом: как, каким образом это могло случиться? Все чувствуют, что концы с концами не сходятся. Есть что-то скрытое и до сих пор не выявленное, что-то такое, в

чем до сих пор люди не отдавали себе отчета. Отсюда — чувство скрытой тревоги, владеющее многими американцами.

[...]

Было необходимо, чтобы президент Французской Республики присутствовал на церемонии. Я ощутил веяние симпатии и уважения. (Он гораздо более сдержан, чем Кув: скромность обязывает.)

Госпожа Кеннеди проявила большое мужество и достоинство, она была на высоте положения. Что касается господина Джонсона, пока неизвестно, каким он будет президентом. Он был утомлен до предела. Он присутствовал в момент, когда разыгралась драма. На него сразу обрушилась необходимость исполнять функции президента, подготавливать церемонию. Ему пришлось сопровождать траурный кортеж в машине, тогда как все шли пешком. Его усталость была очевидна и на приеме, и во время нашего разговора.

Он мне сказал: «Относительно вашей встречи с Кеннеди в феврале почти все было уже улажено. Разумеется, ваш визит должен состояться». Конечно, в тех обстоятельствах я не мог ответить «нет», но я не сказал ничего определенного относительно сроков и места. В своем желании дать американским газетам обнадеживающие сведения, он пошел далее того, что я сказал.

Смена американского лидера не может остаться без последствий. Нам, более, чем когда-либо, необходима собственная политика. Мы не должны полагаться на Вашингтон, это значило бы освободить себя от ответственности! Это гораздо легче, чем оставаться самими собой. Но не в этом наш национальный интерес, не в этом национальная истина. Пусть у нас будет собственная политика во всех областях! С Соединенными Штатами мы должны разговаривать как с равными, не в материальном смысле — здесь мы не равны, — но как равные суверенные государства».

Золотой салон, после заседания.

АП. «Как вы объясняете это убийство?»

ГдГ. У меня только интуитивная догадка, а истина, может быть, так никогда и не откроется. Я вам скажу, как я это понимаю. Это очень просто: то, что произошло с Кеннеди, едва не

произошло со мной. Убийство президента Соединенных Штатов в Далласе — это то же самое, что могло произойти со мной, когда я посещал Оран и Алжир в 1960 или 1961 году. Эта история кажется *ковбойской*, но на самом деле это — оасовская история. Полиция заодно с экстремистами. Ультра в Америке — это Ку-Клукс-Клан, Общество Джона Берча и все тайные крайне правые ассоциации. Чернокожие для американских ультра — то же самое, что для наших — арабы.

Не сомневайтесь, в основе этого убийства — конфликт между черными и белыми, либо прямо, потому что ультра могли его просто заказать, либо косвенно, потому что они создали климат насилия, нетерпимости, при котором общество перестает подчиняться правилам и законам. Это могло произойти с нами, если бы мы не предоставили независимость Алжиру. Это конфликт рас, которые не могут договориться, причем каждая боится быть порабощенной.

АП. С той, однако, разницей, что у вас был выход в виде предоставления независимости, а у американцев его нет: и белые, и черные живут на одной земле.

ГдГ. Им нужно предоставить черным подлинное равенство. Иначе на них обрушится смерч насилия, и то, что произошло, — только начало.

АП. Вы действительно думаете, что все подстроила полиция?

ГдГ. Она либо подстроила, либо подтолкнула, либо попустительствовала. В любом случае, она в этом замешана. Так всегда бывает в странах, где существует расовая ненависть, где есть угнетатели и угнетенные, где угнетатели трусят еще больше, чем угнетенные; где полиция, или хотя бы некоторые ее элементы, заодно с угнетателями. Эти элементы хотят утвердиться, создать впечатление, будто они представляют общественное мнение; и помогают актам насилия. Они требуют от Конгресса сохранения своих привилегий, своего убогого и ни на чем не основанного превосходства. Это вечная история. Так было в Соединенных Штатах до войны между северными и южными штатами. Это было и у нас, но, слава Богу, этого больше нет. Но в Соединенных Штатах все может начаться снова. Их белые, с одной стороны, их черные — с другой. У нас есть свои белые, в Ал-

жире, в черной Африке или Индокитае, а против них наши арабы, наши черные, наши желтые. Это борьба без исхода. Нет решения, которое было бы приемлемо для всех. Вот почему мы никогда не узнаем правды. Ибо она слишком ужасна, слишком взрывоопасна. Это государственная тайна. Они сделают все, чтобы она не вышла наружу. Таков государственный долг. Иначе, Соединенных Штатов больше не будет.

АП. Вы думаете, Освальд — подставная фигура?

ГдГ. Все склоняет к тому, чтобы так думать. Они схватили этого коммуниста, который не совсем коммунист, хотя и коммунист. Это человек неполноценный и экзальтированный, — именно то, что им было нужно. Идеальный обвиняемый. Легенда состояла в том, чтобы все поверили, что он действовал из любви к коммунизму. Это позволило бы устроить охоту на коммунистических ведьм и тем отвлечь внимание. Вы заметили, как они его арестовали? Они держали его про запас! Его схватили тогда, когда он им понадобился. Этот тип пытался бежать, так как у него были основания опасаться. Они хотели пристрелить его на месте, пока он не попал в руки правосудия.

К сожалению для них, все произошло не совсем так, как они планировали. Тип стал защищаться, один полицейский был убит, при этом оказались свидетели. Как следствие, его вынуждены были передать судебным властям. Теперь, чтобы его прикончить, надо было следовать процедуре. Но судебный процесс, вы же понимаете, это ужасно! Те, кто знает, могут заговорить. Выплывут на свет такие вещи! Тогда полиция нашла осведомителя, который ни в чем не мог ей отказать, которого она полностью держала в руках. И этот тип взялся убить мнимого убийцу якобы для того, чтобы защитить память Кеннеди!

Это же обман! Все полиции мира похожи одна на другую, когда они начинают заниматься грязными делами. Устранив мнимого убийцу, они заявили, что правосудию здесь больше делать нечего, ввиду смерти преступника. Лучше убить невиновного, чем развязать гражданскую войну. Лучше несправедливость, чем беспорядок.

АП. Но Боб Кеннеди⁹ пытается взять дело в свои руки.

ГдГ. Хотел бы я знать, как он это делает. Каждый Штат осуществляет правосудие на своей территории. Это незыбле-

мый закон. Федеральное правительство может провести расследование, но не может сделать вытекающие из него выводы.

Америка рискует испытать потрясения. Но вы увидите, все вместе они будут соблюдать закон молчания. Они сплотятся и сделают все, чтобы замять скандал и не потерять лицо перед всем миром, и чтобы избежать волнений в самих Соединенных Штатах. Чтобы спасти единство страны и не допустить новой гражданской войны. Чтобы избежать необходимости задавать вопросы самим себе. Они не хотят ничего знать. И потому запрещают знать другим. Запрещают знать самим себе.

[...]

В действительности, Соединенные Штаты — это лоскутное одеяло. Негры и «латинос», ютящиеся в жалких гетто, не являются частью той нации, которую составляют выходцы из Европы, сосредоточившие в своих руках все рычаги влияния, все богатства, все знания, всю власть.

Видите ли, Франция — это нация. На протяжении веков она сумела переплавить в своем тигле все свое многообразие, все территориальные приобретения, все волны иммиграции, все инородное население. Алжир не заслуживал того, чтобы провозглашать его французским, потому что мусульманский народ не желал расплавляться в тигле. Сегодня, без Алжира, Франция вновь стала образцом Государства-нации. Соединенные Штаты — самая большая и мощная держава, но это не настоящая нация».

Де Голль потому так отрицательно относится к гегемонии Соединенных Штатов, что американское гражданское общество представляется ему внутренне неполноценным. По его мнению, американские Штаты едины, а американское общество — нет: в нем есть свои внутренние колонии.

7. «Надо дать этому типу время кое-что понять»

Золотой салон, после Совета министров, 27 ноября 1963 (продолжение).

Сегодня Генерал разговорчив, как это редко с ним бывает.

АП. «Собираетесь ли вы поехать в Соединенные Штаты ближайшей весной?»

ГдГ. Нет. Во всяком случае, я хочу иметь время оглядеться.

АП. Однако Джонсон заявил, что вы согласны?

ГдГ. Конечно. Он хочет поставить меня перед свершившимся фактом. Он, бедняга, хочет, чтобы его *короновали!* (Смеется. Как всегда, его смех имеет разные оттенки: то ли он смеется над Джонсоном, то ли над преувеличенностью собственного выражения.) Отчасти так было уже и при Кеннеди, которому было нужно, чтобы я его посетил в год его переизбрания. Он всячески этого добивался. Пока я не нанес ему визит, в его политике оставался некий пробел. Рабочая встреча такого же типа с Джонсоном тоже желательна: два дня, чтобы пройтись по главным вопросам.

АП. В Вашингтоне?

ГдГ. После смерти Кеннеди ситуация изменилась. Желательно провести консультации на дипломатическом уровне для определения места и формата встречи.

АП. Это будет в феврале, как и было условлено с Кеннеди?

ГдГ. Надо дать этому типу время, чтобы устроиться на новом месте и кое-что понять; ему это будет не просто. Нужно, чтобы он сначала принял лорда Хьюма¹⁰ и Эрхарда, поскольку эти двое считают необходимым прибежать к нему первыми. Потом ему придется разбираться с самыми разнообразными вопросами: Латинская Америка, Советский блок. Это потребует многочисленных встреч и конференций. Поэтому я был бы удивлен, если бы нам удалось встретиться в феврале. Я не топлюсь.

АП. Чем позже в следующем году состоится ваша встреча, тем это будет удобнее ему, из-за близости выборов.

ГдГ. Он обязательно найдет подходящий момент именно потому, что это важно для его избирательной кампании. Вы знаете, я в этом убедился во время моей поездки: Франция и Америка — это имеет большое значение. Президент Соединенных Штатов не может выдвигать свою кандидатуру на выборах, если создается впечатление, что он находится в изоляции по отношению к нам.

(Хочочет. Я тоже смеюсь, хотя обычно от этого воздерживаюсь: он не любит, чтобы подлаживались под его настроение, я — тоже; он называет это *мягкотелостью* или же *одобризмом*. Но на

этот раз мне трудно не рассмеяться при мысли, что Президент Соединенных Штатов может *изолироваться* от Франции, в то время как оппозиция не перестает упрекать де Голля в том, что именно он изолируется от Соединенных Штатов. В этой инверсии заключена такая же окрашенная юмором гордость, как в знаменитом заголовке *Times*: «Буря над Ла-Маншем — Континент изолирован».)

АП. И это более важно для Джонсона, чем для Кеннеди?

ГдГ. Конечно! Джонсон не уверен, что его изберут в будущем году. Подумайте, если Никсон¹¹ и Рокфеллер станут строить свою избирательную кампанию на том, что я принимал их за завтраком! Вот почему Кеннеди придавал такое значение этой встрече, и почему Джонсон сразу же провозгласил, что я приеду к нему в Вашингтон. Это было его первое действие на официальном поприще. Он был очень доволен, что может повысить свои акции.

АП. А вы не думаете, что это могло быть простым недоразумением: он не понимает по-французски...

ГдГ. Та-та-та! Он очень хорошо понял. Он не захотел понять. Он прикинулся дурачком. Вот что он мне сказал, слово в слово: «Ваш визит в феврале должен состояться, как будто ничего не произошло». Конечно, в такой день я не мог ему сказать: «Нет, не ждите. Сначала вы должны посетить меня в Париже, а до этого я к вам не приеду». Но и согласия я не выразил. Я не люблю, когда меня тянут за руку. Этому типу надо дать урок. Джонсон начал с того, что совершил оплошность.

АП. Кеннеди, конечно, выразился бы более деликатно. Он был осторожен и имел большой опыт во власти.

ГдГ. Нет, дело не в этом. Кеннеди за три года усвоил, с кем он имеет дело. Когда он говорил со мной или обо мне, он понимал, что к чему. Джонсон еще не понял. Нужно ему объяснить: нет причин, чтобы не опубликовать заявление.

АП. В какой форме вы хотите сделать это уточнение?

ГдГ. Пусть вам зададут вопрос. Вы ответите в соответствии с тем, что я здесь написал. (Он протягивает мне бумажку, написанную от руки и всю исчерканную помарками.)

АП. Если вы хотите, чтобы я воспроизвел этот текст в точности, — что было бы желательно, ввиду его важности и той

тщательности, с которой вы его правили, — было бы честнее опубликовать его в виде настоящего коммюнике, а не как мою импровизацию в ответ на вопрос.

ГдГ. Ну хорошо, если хотите! (Когда речь заходит о честности, Генерал всегда соглашается.) Делайте, как считаете нужным. (После паузы.) Но если речь идет о коммюнике, дайте мне текст, я должен его перечитать.

[...]

АП. Что вы подумали о Джонсоне?

ГдГ. Это радикал времен Третьей или Четвертой Республики.

АП. Дебре, когда он был премьер-министром, принимал его за завтраком и, проведив, сказал нам: «Это *ковбой*-радикал».

ГдГ (сначала хмурится, как будто ему неприятно, что его уличили в полуплагiate, но улыбка быстро возвращается к нему). *Ковбой*-радикал — это очень точная формула. Для него история выглядит как переплетение коридоров... Кеннеди был человеком совсем другого полета. Американская политика теперь опустится на уровень политиканства.

АП. Как кандидат от демократов он, может быть, должен был бы уступить место Бобу Кеннеди?

ГдГ. Если бы выборы происходили по свежим следам, волнение американского народа могло бы сыграть в пользу одного из Кеннеди. Но год спустя... Все будет зависеть от того, как Джонсон будет вести себя на своем посту.

АП. Вы полагаете, что реорганизацию Атлантического альянса будет легче проводить с Джонсоном, чем с Кеннеди?

ГдГ. Надо делать различие между Альянсом и его организацией. Альянс по-прежнему необходим и не требует никаких изменений. Если Франция подвергнется нападению, американцы вмешаются, в этом нет сомнений. Но как и когда это произойдет? Их интересы могут не совпасть с нашими. Альянс не содержит обязательств, чтобы они стали на нашу сторону немедленно, всеми своими силами и всеми родами войск. Вот почему нам необходимо собственное атомное оружие. Оно играет роль стартера: после его применения промедление становится невозможным. И наоборот: если Соединенные Штаты подвергнутся нападению, мы будем рядом с ними. Альянс в любом слу-

чае сыграет свою роль. Но сыграет в большей или меньшей степени — вот почему мы должны быть способны в начале защитить себя собственными силами.

Затем, существует организация Альянса, то есть НАТО. Ну, из нее я практически вышел. Мы вывели из-под ее командования все наши морские силы, большую часть наземных и почти все воздушные. И, разумеется, наши силы сдерживания, находящиеся в процессе становления. У нас есть собственная армия, зависящая только от нас. То, что мы оставили под командованием НАТО, имеет символическое значение. Для нас это не помеха.

АП. Но вы полагаете, что в 1969 году, когда истечет срок действия НАТО, мы сможем выйти оттуда полностью, или же потребовать перестройки Альянса?

ГдГ. Почему, скажите на милость? Пусть все идет, как идет. (Смеется.) Ничего не надо менять. Во всяком случае, до того дня, когда мы захотим вывести те воинские части и эскадрильи, которые еще остаются под командованием НАТО, то есть под американским командованием. Но пока я не вижу в этом нужды».

Золотой салон, 4 декабря 1963.

АП. «Ваш отказ от встречи с Джонсоном в Вашингтоне не создает ли первый инцидент в ваших взаимоотношениях?

ГдГ. Почему? Я заявил Джонсону, что весьма расположен встретиться с ним весной будущего года. Я никогда не говорил, что поеду к нему. Если он захочет приехать, добро пожаловать!

АП. Некоторые газеты выражают разочарование тем, что в опубликованном расписании его поездок вы не числитесь.

ГдГ. Удобный случай для них излить желчь на Францию! Они не могут смириться с тем, что Франция не желает заискивать. Вашим писакам хотелось бы, чтобы она раньше всех кинулась лизать сапоги американцам!

АП. Значит, ваша поездка не состоится...

ГдГ (нетерпеливо). Да нет у меня никаких резонансов туда ехать! Я ездил туда с государственным визитом в 1960 году. Достаточно одного визита в течение одного семилетнего срока! И для Англии достаточно! И для Германии достаточно! И для Италии достаточно! Кеннеди приехал в Париж, чтобы встре-

титься со мной. Когда я посещал Соединенные Штаты, его еще не было у власти; вполне естественно, я собирался нанести ответный визит президенту Кеннеди. Мой долг перед ним был погашен моим присутствием на его похоронах.

АП. Реакция американцев будет неблагоприятной...

ГдГ. Мне это совершенно безразлично. Пусть поймут, что Франция — это союзник, самый надежный в часы испытаний, но независимый».

Золотой салон, 11 декабря 1963.

Я задаю Генералу вопрос относительно ближайшего годовичного собрания НАТО:

«Будет ли Франция требовать пересмотра атомной стратегии Запада?

ГдГ. Зачем? Это всё фальшивые прикрития.

АП. Какой будет позиция французской делегации?

ГдГ. У нее не будет никакой позиции. Пусть говорят другие.

АП. Она будет совершенно пассивна?

ГдГ. Существует реальность: в сфере атомного оружия американцы дистанцируются от Европы. Они не хотят, чтобы конфликт в Европе автоматически вовлек их в атомный апокалипсис. Они хотят сохранить за собой возможность остаться в стороне, увеличивая тем самым опасность для нас. И это очень тревожно.

Они стараются обмануть общественное мнение, придумывая всякие хитрые концепции, напичканные благородными чувствами. Мы будем против их попыток навязать НАТО теорию атомной паузы, цель которой — замаскировать их атомное устрание».

Помолчав, он заключает: «Если Джонсон хочет со мной встретиться на французской территории, в Фор-де-Франс, где я буду через два месяца, я не против. Пусть не думают, будто я не люблю англосаксов. Я их люблю. При условии, что они не претендуют на господство над нами».

Золотой салон, 29 января 1964.

АП. «Наше признание Китая отрицательно повлияет на выборы в Соединенных Штатах. Американцы воспримут это очень плохо.

ГдГ. Какое мне дело, будет Джонсон избран или нет? Впрочем, я предпочитаю Джонсону Никсона¹².

АП. Американская пресса выражает мнение, что происходит серьезное ухудшение наших отношений.

ГдГ. Американцы всякий раз, когда их что-нибудь не устраивает, заявляют, что отношения могли бы быть лучше. И это действительно так. Когда мы не хотим, чтобы Англия вступила в Общий рынок, — что совершенно не касается американцев, но не мешает им вести себя агрессивно, — отношения действительно ухудшаются, но *по их вине*. Когда они предлагают поставить наши несчастные бомбы под их командование, а мы отклоняем это великодушное предложение, — то это наше дело. И это не основание для того, чтобы *они* проявляли враждебность. Если мы признаем коммунистический Китай, это наше дело. Мы американцев предупредили, а просить у них разрешения мы не обязаны. Когда они устроили высадку на Кубе, а сейчас сговариваются с Хрущевым, разве они просили у нас разрешения? Ну и так далее...

АП. Вы намереваетесь сказать об этом на вашей пресс-конференции?

ГдГ. Нет. Незачем обострять отношения».

Генерал любит оседлать своего «конька». Но он умеет им управлять. Незачем поднимать его в галоп, ведь путь предстоит дальний.

8. «Американцы должны уйти»

Золотой салон, 3 июня 1964.

АП. «Зачем приезжает Джордж Болл?

ГдГ. Не знаю. В данный момент меня осаждают посланцы Джонсона. Он потихоньку подослал ко мне Андерсона¹³, но об этом не надо говорить. Теперь он направляет ко мне Джорджа Болла со всей официальной pompой. Продувная бестия этот Джонсон! Ему не удалось заполучить меня в Вашингтон, так вот теперь он начал меня обхаживать. Демонстрирует свои хорошие манеры».

Золотой салон, 17 июня 1964.

АП. «Довольно странно, что именно в тот момент, когда Джонсон обращается к вам с дружескими посланиями, выходят в свет письма Рузвельта к Черчиллю, в которых содержатся вещи, оскорбительные для вас.

ГдГ. О, Джонсон тут ни при чем. Это делается автоматически. Вы знаете правило Государственного департамента: публиковать архивные документы по истечении двадцатилетнего срока.

АП. Все-таки, это оборачивается против демократов: это показывает, что Рузвельт, их идол, ничего не понимал.

ГдГ. Рузвельт все прекрасно понимал. Просто этот тип хотел господствовать над всем миром и, конечно, решать судьбу Франции. И вот тут де Голль ему досаждал. Он находил меня недостаточно гибким. Рузвельт считал, что, если в момент высадки американцев во Франции маршал Петен еще будет там, то уж он-то им ни в чем не откажет; и этот расчет был верным. Но правительство Виши вело себя непотребно, и от его услуг пришлось отказаться. Тогда он попытался сделать ставку на Жиро. Потом, видя, что и этот номер не проходит, он кинулся к Эррио. Когда я стоял на пороге Парижа, он старался состряпать там правительство с участием Лавалья, Эррио... Все это делалось в контакте с Абетцем¹⁴ и при участии брата Даллеса, который сидел в Швейцарии по заданию ЦРУ.

АП. Аллен Даллес.

ГдГ. Да, он самый. Стоило мне войти в Париж, и я бы выбросил это правительство на помойку. Вы понимаете, в то время Эррио, Лаваль и Абетц немного значили. Но Рузвельт воображал, что Эррио обеспечит преемственность с Третьей Республикой, Лаваль — с Виши, и все это вместе будет похоже на Республику. Однако Гитлер, когда об этом узнал, пришел в ярость. Он сказал: «Еще чего? Лаваль, Эррио и вся шушера?». И велел Лавалю отправляться в Зигмаринген; он хотел, чтобы и Маршал отправился туда же; он дезавуировал Абетца, а Эррио отправил обратно в тюрьму. Всех раскидал.

И вот Болен ведет себя со мной так, как Рузвельт двадцать лет тому назад. Он постоянно принимает депутатов, сенаторов, журналистов, он их настраивает против нас. Мне все это известно. Вот как они себя ведут, эти американцы.

И Рузвельт был таким же, он имел дело только с моими врагами. [...] Они настраивали его против меня, жалуясь на свои неудачи. И вот теперь это продолжается. Болен встречается только с нашими противниками, Миттеранами, Морисами Форами...

АП. Пока что американская пресса настроена по отношению к вам отвратительно. Но письма Рузвельта работают против него.

ГдГ. И против Черчилля тоже. Черчилль тоже терпеть не мог, если перед ним не прогибались. Вместо того, чтобы искать людей с характером, способных ему возражать, он окружал себя теми, кто стелился ему под ноги.

Я помню вечер, когда впервые встретил Рузвельта в Марокко. Рузвельт хотел заставить меня подчиниться Жиро. Я послал Рузвельта куда подальше, вежливо, но твердо. Тогда Черчилль устраивает мне невероятную сцену. Мне это не понравилось, и я ему сказал: «Что это значит: “Вас не понимают”? Вы не достойны вашего поста!». Я был с ним очень резок. И вот, в последний вечер мы собираемся все трое, чтобы проститься. Черчилль снова затеял ссору при всех, говоря мне: «Вы не захотели следовать за президентом». Он беспардонно льстил Рузвельту, так что тот, в конце концов, сам вынужден был его остановить. И сказал: «Теперь нужно, чтобы эти два генерала пожали друг другу руку перед фотоаппаратами».

Политика Рузвельта была в точности такой, как та, которую американцы проводят сегодня в Юго-Восточной Азии. Никакой другой они придумать не могут. Марионетки — вот с кем они хотят иметь дело».

Совет министров, 7 июля 1964, вторник.

Кув представляет соглашение о создании организации «Тельстар»¹⁵: Соединенные Штаты имеют 61 процент участия в проекте; Англия с Канадой и Австралией — столько же, сколько все остальные европейские страны вместе взятые.

После заседания Генерал не скрывает от меня, какое огорчение вызывает у него тот факт, что европейские страны, даже все вместе, не способны соперничать с Соединенными Штатами:

«Видите, что получается? Американское преимущество является подавляющим, а если вместе с Англией — и того больше. При любом соглашении с Соединенными Штатами они по-

лучают львиную долю. (Пауза.) И все же, это соглашение надо подписывать. Нельзя преграждать дорогу будущему. Кажется, Европа начинает понимать необходимость солидарности перед лицом Соединенных Штатов. Нельзя допускать американского монополизма. Надо, чтобы неравенство между Соединенными Штатами и Европой было как можно меньше. Надо сохранить для Франции шансы на будущее. Говорят, мы идем с опережением в области ракетносителей и космической электроники. Будем надеяться, что европейцы сумеют объединиться и сделать нечто сами, без американцев, — и как можно скорее. Но являются ли наши партнеры настоящими европейцами, хотя и не перестают твердить: Европа, Европа, Европа?¹⁶ Мне случается спрашивать себя, не являюсь ли я единственным настоящим европейцем». (Эту фразу я раньше уже слышал от него.)

Помолчав, он продолжает:

«Американцы должны уйти.

АП (подскачив). Как уйти? Откуда?

ГдГ. Пусть покинут французскую землю! Раз они глухи ко всем нашим предложениям о создании директории и тройственного соглашения, раз они не хотят понять, что Франция — великая страна, раз они не желают иметь с нами доверительных отношений, как с англичанами, — пусть уйдут с нашей территории. Ни одного американца в военной форме не должно остаться.

АП. Когда вы собираетесь сделать это? В 1965-м?

ГдГ. Нет.

АП. Но после 1965-го, кроме вас, никто не сможет это сделать».

Он отдает себе отчет, что проговорился. Ясно, что в этот момент он не сомневается, что и через два года он все еще будет на своем месте. Он продолжает с раздражением:

«Там видно будет... Обязательно нужно, чтобы после 1966-го это было сделано».

Это невольное признание означает, что он, по-видимому, уверен, что будет переизбран в 1965 году. Если только он не собирается избрать себе наследника (им может быть только Помпиду), продиктовав ему условия. Загадка¹⁷. Я не знаю, принял ли он решение выставить свою кандидатуру, но мне известен, по крайней мере, один из мотивов, который может его побудить сделать это.

Золотой салон, 22 июля 1964.

АП. «Что вы думаете о выдвижении Голдуотера в качестве кандидата от республиканской партии?»

ГдГ. Америка никак не может разрешить свои расовые проблемы. Вы видите, что происходит в Гарлеме, это не может не внушать тревоги. Они терпели чернокожих, пока те были рабами, а рабов, ну или там домашней прислуги, им требовалось все больше и больше; в общем, как наши черноногие в Алжире: они хорошо относились к арабам, пока те чистили им сапоги. Но теперь, когда они претендуют на равенство? А их — двадцать миллионов¹⁸. Белым американцам нужно несколько чернокожих, ну там — чтобы работать лифтерами. Но они не хотят видеть их повсюду, жить с ними вперемешку, отдавать им своих дочерей в жены.

АП. Но нельзя же отправить их обратно в Африку!

ГдГ. Но и в Африке они не нужны, им там говорят: «Вы — рабы». Да и сами американские чернокожие не хотят туда возвращаться. Они упрекают своих африканских соотечественников, что те их продали.

АП. Вы видите какое-то решение?

ГдГ. Есть задачи, не имеющие решения».

Золотой салон, 14 августа 1964.

На заседании Совета министров речь шла о предстоящем открытии в Женеве международной конференции, посвященной использованию атомной энергии в гражданских и военных целях. Мы от этой конференции не в восторге. Генерал дает мне установки для моего выступления перед прессой:

«Франция считает, что в современном мире условием сохранения мира является невмешательство в дела других. Никакое государство не должно вмешиваться в дела других стран. Народы в конце концов сами смогут обрести внутреннее равновесие без вмешательства извне, — при этом, разумеется, надо помогать их развитию... Из этого вытекает — так, между строк, — что обе сверхдержавы должны перестать навязывать свои законы, и что оба блока должны быть распущены. Мир в будущем возможен только при условии, что русские и американцы, наконец, поймут, что они не могут поделить мир между собой и распорядиться им по собственному усмотрению. Значит, нужно, чтобы протектора-

ты отказались быть протекторатами. Всем уже надоело смотреть, как американцы вмешиваются в дела Западного мира, а русские навязывают свою волю коммунистическому лагерю.

Вот как обстоят дела. На Востоке инструментом, орудием, символом и борцом за освобождение стал Китай. На Западе таким борцом и символом является Франция. Так или иначе, но это должно было произойти, и это произошло. Наступил момент, когда гегемонию больше нельзя терпеть. Или им придется воевать. А поскольку ни та, ни другая сторона воевать не хочет, а господство поддерживается только страхом перед войной, то такая гегемония лишается основания».

Совет министров, 21 октября 1964.

Кув комментирует взрыв первой китайской атомной бомбы, 16 октября.

ГдГ. «Какой бы отсталой страной ни был Китай, и сколько бы времени ему еще ни потребовалось, чтобы воспользоваться достигнутым успехом, он приобретет иммунитет, который дает обладание атомным оружием. Китай сможет не опасаться нападения. Он войдет в число стран, к которым принадлежим и мы, — стран, против которых нельзя применить силу. Весьма вероятно, что это приведет к изменению международного равновесия. Впервые страна, не населенная представителями белой расы, стала обладателем этого страшного оружия. Многие цветные народы испытают от этого чувство гордости».

После заседания.

АП. «Вы предвидели эту китайскую бомбу..»

ГдГ. Я знал, что они это сделают, но не думал, что так скоро.

АП. Вы думаете, последствия будут значительными?

ГдГ. Да, и это замечательно. Международное равновесие изменится. Я прошу вас подчеркнуть: французское правительство придает большое значение вступлению Китая на путь, который рано или поздно приведет его к обладанию атомным вооружением... если только ему не помешают. Китай получит иммунитет, как и всякая страна, обладающая ядерным оружием. Это оружие столь ужасно, что никто не решится атаковать страну, которая им обладает. Не забудьте это сказать».

Золотой салон, 28 октября 1964.

ГдГ. «Американское превосходство — это огромная международная опасность.

АП. К сожалению, это беспокоит только нас. (Я не решаюсь сказать: «только вас...».)

ГдГ. Нет, но только у нас хватает смелости противостоять. Другие слишком трусливы. Лейбористы трусливы¹⁹. До них консерваторы были чуть смелее, совсем чуть-чуть. После ухода Аденауэра немцы плывут по течению. Об итальянцах и говорить нечего.

АП. Наши партнеры в Брюсселе должны бы сегодня понять, что нельзя дожидаться англичан, если мы хотим идти вперед?

ГдГ. Сегодня все уже поняли, что англичане не способны сделать выбор: оставаться ли им троянским конем американцев, или стать полноправным членом Европейского сообщества. Но чтобы признать эту истину, потребовались годы. Потребовалось дать англичанам все нам испортить: план Фуше²⁰, то есть построение Европы в плане политическом, дипломатическом, военном, культурном...

Это полная несостоятельность. Там только и остался один Спаак, который время от времени выходит на беговую дорожку и бежит каждый раз в другую сторону. Все это бессмысленно, беспомощно. Итак, поскольку план Фуше не прошел, лучше иметь свободу действий, и, слава Богу, мы ее имеем».

9. «Джонсон у меня в руках»

Золотой салон, 18 ноября 1964.

АП. «Теперь, когда Джонсон избран, считаете ли вы полезной встречу с ним?

ГдГ. Что мне мог бы сказать Джонсон и что я мог бы сказать ему? Встреча с Джонсоном — это не то же самое, что встреча с Кеннеди. Он не на высоте своего поста и знает это. Он целиком зависит от своих служб. Он не знает ни одного досье. В отношении Европы он полный невежда. Он думал, что Наполеон — итальянец. (Хочочет.) Какие дела можно иметь с такими типами, скажите на милость?

АП. Вы не опасаетесь, что теперь он станет давить на нас?

ГдГ. Как он будет давить и почему? И какое мне до этого дело, скажите на милость? Станет произносить речи? Если будет нужно, я тоже произнесу. Не я у него в руках, а он у меня. Что он может против нас, этот Джонсон?

АП. Он, конечно, будет стремиться нас изолировать?

ГдГ. Если я хлопну дверью под носом у всей этой шушеры из НАТО, что они смогут мне сделать? Ничего.

АП. Он, конечно, постарается сплотить против нас всех наших оппозиционеров, и за границей, и внутри страны.

ГдГ. Внутренняя оппозиция — это несерьезно. А наша внешняя оппозиция — это его прислуга. Он мобилизует свою прислугу? Ну и что это ему даст? Это всё истории для газет. Они могли влиять на нас, когда у нас была неустойчивая валюта, когда мы были вынуждены попрошайничать, чтобы свести концы с концами. Теперь нам никто не нужен. У нас огромное положительное сальдо торгового баланса. У них нет рычагов давления.

АП. В начале мы говорили: «Создавайте ваши многосторонние силы, если хотите. Нас это не интересует». Теперь мы, скорее, могли бы сказать: «Эти многосторонние силы опасны, мы их отвергаем». Значит, мы эволюционировали?

ГдГ (раздраженный тем, что в его рассуждениях обнаружилось противоречие). Нет. Вы не поняли! Я всегда говорил, что многосторонние силы ни к чему, что это — американские бомбы, которыми всегда будет распоряжаться Джонсон, а управлять ими будут американские *boys* или немецкие *boys*. Но, принимая во внимание, какое значение этому придают немцы и какие скрытые замыслы они с этим связывают, я действительно отношусь к этому отрицательно. Я не хочу, чтобы немцы получили атомные бомбы. С тех пор, как ушел Аденауэр, у них начался кавардак. А мы знаем, к чему приводит кавардак в Германии, да и не только там. Аденауэр первый предупредил меня, что немцы могут вновь стать опасны. Во всяком случае, они опасны для Востока. Но тем самым они вносят напряженность в международные отношения, а это крайне неприятно. Что касается объединения Германии, то, вы понимаете, ради этого не стоит начинать ядерную войну.

С другой стороны, для американцев это предлог, чтобы попытаться загнать Францию в угол и начать нам внушать: «Вы нам мешаете быть всем заодно, вы — *сепаратисты*». Вильсон так и говорит. И с этого момента многосторонние силы приобретают определенное значение, именно благодаря тому духу, который им сопутствует. Так вот, именно это для нас неприемлемо.

АП. Если мы будем возражать, то кончим тем, что сблизимся с Советами: только они, как и мы, настроены против.

ГдГ. Мы автоматически будем сближаться с русскими, по мере того, как немцы будут удаляться от нас. Почему после войны мы отделились от русских? Я предложил Сталину договориться относительно судьбы Германии, но он не захотел. Он устремился в Ялту и договорился с Рузвельтом. Он думал, что сможет распоряжаться всем, и даже Германией, без договоренности с кем бы то ни было в Европе, в частности — без Франции. С того момента, как он начал проводить такую опасную для нас политику, мы стали всячески перетягивать немцев на Запад, делая им огромные уступки и тем самым усиливая их. Мы им вернули их уголь и сталь, мы ликвидировали Саарскую область, мы позволили им иметь армию, и так далее. Еще немного, и, если бы я не вмешался, Европейское экономическое сообщество было бы создано исключительно для их выгоды, в интересах их тяжелой промышленности, а наше сельское хозяйство осталось бы на задворках. Так вот — хватит! Если теперь, вместо того, чтобы вести себя мило и уступчиво, они побегут в Вашингтон выслуживаться перед американцами, то я их больше знать не хочу!

(Стремится ли он меня убедить? Или провоцирует на возражения?)

АП. Ни немцы, ни американцы не могут себе представить, что у нас хватит дерзости пойти на политическое соглашение с русскими.

ГдГ. Все зависит от того, как понимать такое политическое соглашение. Одно несомненно: в деле объединения Германии немцы могут больше на нас не рассчитывать.

Наша позиция является исключительной. Никто, кроме нас, да еще Китая, не способен проводить независимую политику. Если я захочу, я ликвидирую НАТО и американское коман-

дование в Европе, я выгоню Лемнитцера²¹ и всех находящихся здесь американцев. Что они тогда будут делать? Отправятся в Германию? (Хохочет.) А ведь так и будет, и очень скоро.

АП. А если они создадут многосторонние силы?

ГдГ. В этом случае они вылетят отсюда немедленно. Но это случится в любом случае... Просто мыждемся, когда они совершат ошибку, понимаете?

АП. Значит, создавая многосторонние силы, они оказывают вам услугу?

ГдГ. Ну да, конечно. Это начало конца НАТО... Истина состоит в том, что американцы не стали бы затевать многосторонние ядерные силы, если бы мы не начали делать собственные бомбы. Они хотели нас перехватить, да не вышло».

Золотой салон, 25 ноября 1964.

АП. «Два американских журналиста, Уолтер Липман и Сайрус Сульцбергер, подали мне мысль о создании чисто европейских многосторонних сил.

ГдГ. Ну нет! (Хохочет.) Я не отдам бомбы Германии! Вы понимаете, что я не откажусь от нашего колоссального преимущества перед другими членами Общего рынка: ведь только мы обладаем ядерным оружием и, следовательно, только мы можем быть спокойны за свою обороноспособность! У нас нет никаких оснований растрачивать такой капитал! Именно поэтому немцы особенно злятся.

АП. Вы бы согласились, чтобы, по мере развития европейского единства, наши ядерные силы, оставаясь национальными, служили в известных случаях и для защиты наших партнеров?

ГдГ. Но они будут их защищать автоматически! И более надежно, чем американские силы! По той простой причине, что мы — европейцы, а американцы — нет. Заинтересованность американцев в том, чтобы Европа не была разрушена, ничтожна по сравнению с нашей. Если Европа будет завоевана, нам крышка. А американцам ничего не будет, если русские выйдут к Рейну. Ведь вошли же немцы в Париж, а американцы и не почесались.

АП. Американцы отвечают, что тогда не было альянса. А теперь они обязаны вмешаться по условиям Атлантического договора.

ГдГ. Договоры имеют силу лишь в той мере, в какой они соответствуют национальным интересам. В тот момент, когда они перестают соответствовать национальным интересам, они перестают существовать. К тому же, нет никакого соглашения, обязывающего американцев применять атомные бомбы, если Европа подвергнется агрессии. Они никогда не брали на себя таких обязательств и, разумеется, никогда этого не сделают.

АП. Все-таки они обязаны ввести в бой обычные вооружения, в то время как ни в 1914-м, ни в 1939 году у них такого обязательства не было.

ГдГ. Да, они задействуют свои дивизии в Германии и, может быть, свои тактические бомбы малой мощности в Европе, потому что это не подтолкнет русских к тому, чтобы направить на Америку тяжелые бомбы стратегического назначения. Их тактические бомбы разрушат всего-навсего Европу, а не Россию. Пруссия может быть разрушена американскими бомбами, Западная Германия и Франция — русскими. А американцам-то что? Понимаете?

АП. Американцы не применяют стратегическое ядерное оружие против России, и наоборот?

ГдГ. В этом-то все и дело. «Бей по моему союзнику, и я ударю по твоему. Не бей по мне, и я не ударю по тебе».

И вот, чтобы заморочить голову немцам, американцы придумали многосторонние ядерные силы, которые ровно ничего не меняют. Берутся американские атомные бомбы, помещаются на американские суда, и туда же в качестве экипажа сажают немецких моряков, которые ждут, когда Джонсон им скажет: «Направьте бомбы многосторонних сил туда, куда я вам укажу». А бомбы эти не стратегические, а тактические, для удара по Пруссии или Чехословакии, но не по России! Об этом тоже молчок! А вот французская ядерная сила будет создана для удара по России. Через несколько месяцев мы будем в состоянии разрушить за несколько часов Ленинград, Москву, Киев, Одессу. Вот так! А через семь или восемь лет мы будем в состоянии уничтожить 80 миллионов русских. Вот так! Значит, они не решатся напасть на страну, которая может убить 80 миллионов их сограждан. Даже если они сами способны убить 300 миллионов французов, если бы нас было 300 миллионов».

[...]

10. «Независимостью не торгуют»

Золотой салон, 23 декабря 1964.

АП. «Этот меморандум Джонсона — поразительная вещь! Это — скрытый сигнал, который он подает Франции²².

ГдГ. Он велел его опубликовать специально, чтобы дистанцироваться от своих одержимых из Госдепартамента и Пентагона.

АП. Многосторонние силы были придуманы его правительством.

ГдГ. Они были придуманы раньше, *лоббистами*. Кеннеди поддержал эту инициативу. Джонсон не имел к этому прямого отношения. Теперь он дистанцируется. Забавно! (Смеется.)».

Золотой салон, 6 января 1965.

АП. «Джонсон, несомненно, отправится в турне по Европе?

ГдГ. Если он приедет в Европу и посетит Париж, мы встретим его как можно лучше. Если он приедет к нам, то, конечно, чтобы заговаривать нам зубы. Он уже пошел на попятную с многосторонними силами. Он постарается сделать то же самое и с объединением Германии, и с положением в юго-восточной Азии. Он мастер попятных маневров».

В начале декабря Генерал говорил, что не станет видеться с Джонсоном, если тот приедет в Париж. Теперь он уже готов встретить его как положено. Он почувствовал, что Джонсон смягчает свои позиции. И Генерал готов помочь ему «пойти на попятную», но каким способом — он еще подумает.

Совет министров, 17 февраля 1965.

Кув, которому предстоит вылететь в Вашингтон еще до окончания заседания, перечисляет основные темы, которые собираются там затронуть: доллар, Вьетнам²³... Генерал дает ему последнее напутствие:

«Ваша поездка будет полезной, независимо от ехидных комментариев, которые не преминут сделать газеты и некоторые круги, которым ваш приезд будет не по вкусу. Мы не видим, каким образом мы могли бы согласиться с позициями американцев. Речь не о том, чтобы демонстрировать им наше недовольство. Но они принимают решения, которые мы не можем поддержать.

В валютной области американцы стеснены дефицитом их платежного баланса. Помогать им выравнять баланс — не наша забота. Их ситуация будет ухудшаться.

В отношении Атлантического альянса: мы существуем сами по себе, у нас есть ядерное оружие, и мы не хотим никакой интеграции.

Дальний Восток: американцы вступили на наклонную плоскость и не могут остановиться. Они вязались в прямую схватку с Азией. Азия — это колосс. Американцы увязают все глубже. Они нанесли удар по Азии, и она восстанет против них. Повсюду в Азии, где западные страны еще сохраняют позиции, возникает враждебная атмосфера. Американцы вызывают против себя огромную волну осуждения со стороны азиатов. Мы не можем идти с ними по этому пути.

Русские проявляют настороженность, потому что, как только белые будут изгнаны, Азия повернется против них.

В Африке и в Алжире мы подали пример, как надо поступать, но они ему пока не последовали. (Повернувшись к Куву.) Ваша позиция не из легких. Но зато мы уже не выступаем в роли просителей, и это приятно: такого не было уже давно».

Совет министров, 24 февраля 1965.

Вернувшись из Вашингтона, Кув отчитывается о своей поездке, которая прежде всего позволила объяснить:

«У американцев было желание не слишком подчеркивать свои расхождения с Францией. Даже наоборот. У меня состоялись три беседы с Дином Раском и часовая встреча с Джонсоном. Я с ним познакомился, когда был послом в Вашингтоне, а он был тогда сенатором-демократом. Тогда у меня сложилось о нем поверхностное и приблизительное впечатление. Я был вынужден его изменить теперь, когда он стал во главе Соединенных Штатов. (Делая вид, будто он исправляет свое собственное мнение, Кув вступает в противоречие с мнением Генерала.) Этот человек обладает авторитетом, личной позицией, он недоверчив, сдержан. Свои решения он принимает сам, не полагаясь на советников. У него очень верная интуиция, когда речь идет о том, в чем он видит свою главную миссию, — о создании «Великого Общества».

Соединенные Штаты очень раздражены нашей неуступчивостью по отношению к американским инициативам, например, по вопросу о золоте. Вместе с тем, мы имеем там необычайно широкую аудиторию. Это связано с двумя факторами: во-первых, личный авторитет генерала де Голля; во-вторых, Франция рассматривается в Соединенных Штатах как единственная страна, выражающая европейскую точку зрения, а не подстраивающаяся под американскую позицию.

ГдГ. Ваша поездка была очень важна, потому что все увидели, что Франция готова обсуждать все вопросы, интересующие мир; потому что вы выступали как представитель Франции, к голосу которой прислушиваются везде».

Обед с Чарлзом Боленом, 25 февраля 1965.

Одно замечание Джонсона позволяет мне понять, что в Соединенных Штатах есть некоторая разница между показным и реальным отношением к Генералу. Болен рассказал мне, что однажды во время завтрака у Альфана²⁴ Джонсон сказал на ухо Джону Ледду²⁵ по поводу де Голля: «Когда этот старый господин произносит речь, я подношу руку к шляпе, опасаясь, как бы ее не унесло ветром. Когда он мчится на всех парах по своим рельсам, я отхожу в сторону и даю ему проехать. Немцы поступают так же. А когда локомотив проехал, мы спокойно возвращаемся на прежнее место к нашим переговорам».

Забавное переворачивание реальности: по поводу много-сторонних сил волновался Вашингтон, а Генерал сохранял спокойствие. Американцы стремились воздействовать на него посулами и угрозами. Де Голль упрямо стоял на своем. Первым устанет Джонсон. Но тогда мы этого еще не знали.

[...]

Золотой салон, 23 июня 1965.

АП. «Что сказать относительно визита Хемфри²⁶? Он подчеркивал перед журналистами, что ваша беседа была очень сердечной.

ГдГ. Любезной, но не сердечной. У меня нет никаких оснований кидать камнями в него и его соотечественников. Но я ему сказал, что они совершают ошибки в Санто-Доминго²⁷, во

Вьетнаме: «Мы сожалеем об этом, потому что вы наши союзники и нам неприятно, что вы увязаете. До сих пор на вас смотрели, как на поборников права народов распоряжаться своей судьбой. Теперь вы утрачиваете эту позицию, и это плохо для дела мира. Это отрицательно сказывается на эволюции Советского Союза: они там постепенно склоняются в пользу мира, а вы мешаете им двигаться в этом направлении».

АП. Все американское общественное мнение за Джонсона и толкает его вперед, разве не так?

ГдГ. Да. Примитивное общественное мнение уверено, что «можно только так». Ибо Америка никогда не страдала, за исключением периода гражданской войны между Севером и Югом; страдать она начинает только сейчас. Ее внешнеполитические действия всегда были успешными, даже если война в Корее не увенчалась блестящей победой. Понимаете, эти люди, в отличие от нас, не получили пленом по голове²⁸. Но там есть влиятельные люди, которые начинают понимать опасность вьетнамской авантюры.

АП. Когда во Вьетнаме будет 200 тысяч американских *boys*, общественное мнение начнет беспокоиться.

ГдГ. Да, именно так. Но 200 тысяч будет не достаточно²⁹».

[...]

Золотой салон, 22 сентября 1965.

АП. «*New-York Herald Tribune* сообщила, будто вы сказали Джорджу Боллу, что американские базы во Франции должны быть эвакуированы.

ГдГ. Опять сплетни. Я сказал Джорджу Боллу, что в 1969 году, самое позднее, Франция перестанет участвовать в нынешней организации Атлантического альянса. Только и всего.

АП. Мне зададут вопрос...

ГдГ. Ну так вы ответите — нет. И точка. Остальное — всего лишь предположения. Мы еще ничего не предпринимали, и не предпримем раньше следующего года. Джорджу Боллу нечего сказать. А мне незачем отвечать *New York Herald Tribune*, даже через ваше посредство. Проигнорируйте».

Итак, совершенно ясно, что Генерал предупредил Джорджа Болла о своем намерении эвакуировать американские базы в следующем году; что так называемые «сплетни» соответствуют

действительности; что американцы организовали утечку, которую мне поручено опровергнуть... хотя это правда. А также становится ясно для американцев, что Генерал выставит свою кандидатуру на новый срок, потому что ни у кого другого не хватит дерзости прогнать их с французской территории. Но почему он сообщил им это заранее? Теперь они используют все средства, чтобы он провалился на выборах.

Золотой салон, 13 октября 1965.

АП. «Многосторонние силы оказываются, в конечном счете, двусторонними, с участием американцев и немцев?

ГдГ. Если только они вообще будут созданы. А если будут, то это конец Атлантическому альянсу. Поэтому их и не будет.

АП. И наоборот: если они отказываются от многосторонних сил, это обязывает нас остаться в Альянсе?

ГдГ. Сохранение Альянса желательно, пока с Востока грозит опасность! Альянс — да. Но не НАТО, не военная организация, интегрированная под командованием американцев.

АП. Железный занавес поднимется только тогда, когда больше не будет противостоящих друг другу Атлантического альянса и Варшавского пакта?

ГдГ. Я бы сказал наоборот: Альянс перестанет существовать только тогда, когда поднимется железный занавес, и народы Восточной Европы станут подобными другим.

АП. Это будет скоро?

ГдГ. Нет, не скоро... но к этому идет. Потребуется время. Происходит нормализация, мало-помалу; уже видны большие перемены в сознании. Исчезло чувство угрозы, висевшей над нами во времена Сталина и, надо прямо сказать, во времена Даллеса».

Железный занавес поднялся в 1989 году. Страны Восточной Европы стали «подобными другим». Однако речь не идет о ликвидации НАТО: наоборот, его сфера расширяется, а вместе с ней и американское господство. Неужели привычка к подчинению укоренилась в Европе? И даже в большей степени, чем опасался де Голль, который, в конечном счете, так верил в коллективный гений Европы.

Совет министров, 17 ноября 1965.

ГдГ. «Я принял сенатора Менсфилда. Он мне заявил, что не может быть и речи о том, чтобы многосторонние силы допустили какую-либо другую страну к участию в производстве или использовании ядерных бомб. Американцы не желают делиться. Они ревниво охраняют свои секреты, свои научные города, командование своими атомными силами. В общем, они закрыты для всех, кроме русских шпионов, которые воруют все, что захотят. Исключение делается еще для англичан, при условии, что они отказываются от независимости и ищут укрытия под крыльшком у американцев. Если бы наши ученые-атомщики начали сотрудничать с американскими учеными, реакция Конгресса была бы ужасающей. К тому же, нам пришлось бы платить подчинением за тот выигрыш во времени и в деньгах, который мы могли бы получить. Но об этом никогда не могло быть и речи!»

И он заключает с безоблачной уверенностью: «Независимостью не торгуют».

Да, но для этого независимость должна быть в голове и в сердце.

11. «Самая коварная форма распространения американского империализма — с помощью доллара»

Золотой салон, 27 февраля 1963.

ГдГ. «Американский империализм захватывает все области. Но самая коварная форма его проникновения — с помощью доллара.

Соединенные Штаты не считают нужным иметь сбалансированный бюджет. Они позволяют себе громадные долги. Поскольку доллар служит повсюду валютным эквивалентом, они могут перекачивать на других последствия своего дурного управления. Они экспортируют свою инфляцию во все концы мира. Это неприемлемо. Так не должно продолжаться.

АП. Не должно, или не может продолжаться?

ГдГ. Очень даже может! Все вокруг подчиняются. Это будет продолжаться... пока мы не положим этому конец.

К счастью, мы не допустили вступления Англии в Общий рынок. Иначе американские инвестиции в Англии еще бы возросли. Она стала бы перевалочным пунктом, через который американские капиталы завоевывали бы Европу. И если бы наша экономика перешла под американское господство, то тем хуже для нее».

Интересно, что Генерал углубился таким образом в мало ему знакомую сферу экономики и финансов. Правда, чтобы освоить новую область, ему много времени не требуется. В 1946 году, между своим уходом из власти и речью в Бэйё, он за несколько недель «проглотил» множество книг по конституционному праву и создал для страны Конституцию, которая была ему по сердцу и которая затем стала нашей. И вот теперь, постарев на семнадцать лет, он осваивает технику мировых финансов и международных экономических отношений.

Конечно, он делает это с помощью Рюэффа³⁰, пользуясь советами Бюрена и пояснениями Левека³¹. Двое последних мне это подтвердили в этот же день.

Золотой салон, 30 апреля 1963.

ГдГ. «Американцы стремятся подчинить себе совокупность экономических, финансовых, военных, политических цепочек во всем мире. Это вторжение — как речной поток. Сами американцы не смогли бы его остановить, даже если бы хотели. Впрочем, они и не хотят. Кто же поставит плотину? Не сама же река. Плотину могут возвести только люди, желающие спастись от наводнения. Но никто не может набраться мужества. Значит, сделать это должны мы. Вот увидите, нашему примеру последуют другие, если только мы будем действовать решительно. Решительно, но без вызова: надо беречь дружбу.

АП. Пока вы здесь, эта линия будет выдерживаться: противостаять напору американцев, не ссорясь с ними. Но ведь ваш преемник, кто бы он ни был, так действовать не сможет.

ГдГ. Вот почему, здесь, как и в других областях, надо сделать процесс необратимым. Необратимость в валютной сфере — это установление золотого эталона. Теоретически мы признаем его необходимость, но практически ничего не делаем. Доллар заменил золото. Если мы вернемся к золотому эталону, валюты

вновь приобретут реальное значение. Это предполагает, что каждый раз, получая доллары, мы переводим их в золото, и так же поступают все другие. Валюты больше не будут зависеть от политического манипулирования, даже если правительства будут подвергаться электоральному или социальному давлению. Финансовые власти будут иметь возможность воспрепятствовать произвольным колебаниям курса.

(Это — Рюэфф в чистом виде, но концентрированный и выкристаллизованный.)

Пока я здесь, я заставляю правительство бороться против дефицита и инфляции, а значит — держать франк. Но когда меня не будет, вот увидите, все опять пойдет по проторенной колее. Однако франк сможет держаться, если он будет привязан к золоту, как и другие валюты. Это заставит вести себя разумно все правительства, включая и американское.

Всенародное избрание президента нужно не мне, а тем, кто будет после меня, чтобы у государства и у страны был глава. И точно так же, нужно создать такую ситуацию, чтобы политические и финансовые власти были *обязаны* нести возложенную на них ответственность».

[...]

Совет министров, 18 ноября 1964.

Жискар и Помпиду выносят на обсуждение Совета министров проект закона о множественном вотуме. Речь идет о том, чтобы защитить французские предприятия от проникновения иностранного смешанного капитала; предлагается предоставлять несколько голосов акциям, которые в течение десяти лет оставались привязанными к одной и той же компании.

ГдГ (явно очень довольный). «Это важный шаг. Как, по вашему мнению, это пройдет в Национальном собрании?»

Помпиду. Пройдет без затруднений».

После заседания Генерал говорит мне, комментируя принятый текст: «Вы можете сказать, что этот закон позволит избежать грубого вторжения американских капиталов и захвата ими французских компаний. Вы понимаете, без экономической независимости невозможна независимость вообще».

Год спустя, на Совете министров 20 октября 1965 года, тот же сюжет возникает вновь в связи с сообщением Мориса Бокановски³².

Бокановски. «Германия, где концентрация промышленности более высокая, продолжает модернизацию оборудования ускоренным темпом, и возможности наших стран расходятся все больше. У нас концентрация идет с трудом, возникают неразрешимые проблемы личного характера.

ГдГ. Мы должны иметь возможность подтолкнуть и, если потребуется, принудить нашу промышленность к концентрации. Общие процессы идут в этом направлении, но я не думаю, что этого достаточно.

Мы также не вооружены для борьбы против вторжения американского капитала. Учитывая громадность американского потенциала, мы не сможем устоять, если не будем вооружены. Я прошу вас очень серьезно подумать над этим. Это вопрос первостепенной важности. Что мы можем сделать, чтобы нас не поглотили такие монстры, как *General Motors* или *IBM*?

Американцы повсюду экспортируют свою инфляцию, в ущерб нам. Они обязательно хотят инвестировать за границей, и это им почти ничего не стоит. Мы им платим, чтобы они нас покупали!

Помпиду. Римский договор нам категорически запрещает дискриминацию предприятий, входящих в Общий рынок. Однако очень крупные иностранные инвестиции вкладываются в Голландии, Бельгии, Италии, и мы не знаем, как помешать этим предприятиям распространяться затем у нас.

Что больше соответствует французским интересам: чтобы Форд обосновался в Италии, или чтобы он пришел во Францию и давал работу французам? В любом случае, инвестиции будут поступать, и мы ничего с этим поделать не можем».

Менее трех лет тому назад, Помпиду всячески поддерживал диатрибы Генерала против вторжения американских капиталов. Теперь его позиция стала гораздо более взвешенной.

Генерал все еще рассматривает иностранные инвестиции во Франции как поражение Франции, в то время как его премьер-министр видит в них источник активности. Первый по-

прежнему исполнен недоверия. Взгляды второго представляются мне более спокойными и, несомненно, более адекватными.

Золотой салон, 18 сентября 1963.

ГдГ. «Американцы очень интересуются ближайшим собранием Валютного фонда. Мировая валютная система функционирует неправильно. Она вынуждает Францию и Германию сохранять доллары в Соединенных Штатах, которые являются источником инфляции.

АП. Значит, вы собираетесь выступить против этой системы?

ГдГ. Не сразу. И на этот раз мы не предлагаем революционных решений. Помпиду, Жискар и Кув умоляли меня не опрокидывать цветочные горшки. Я согласен с тем, что нет необходимости немедленно выкладывать американцам все, что я о них думаю. Придет время, они свое получат».

На следующий день я передаю Помпиду слова Генерала в смягченной форме: «Генерал дал мне понять, что отложит на некоторое время...» В ответ Помпиду смеется: «Генерал хотел бы разоблачить всю международную валютную систему. Я стараюсь его отговорить: сейчас не время!»

Для Помпиду ни одна предосторожность не бывает лишней, для него всегда «не время». По мнению Генерала, премьер-министр слишком нерешителен и разговорами о «несвоевременности» склонен прикрывать свое нежелание преодолевать препятствия.

Совет министров, 16 сентября 1964.

Прошел год. Жискар делает отчет о новом собрании МВФ в Токио. На этот раз, с его помощью, Франция если и не опрокинула, то передвинула «горшок с цветами».

ГдГ. «Мы прочли сообщение, с которым вы выступили в Токио; вы сказали то, что, по нашему мнению, должно было быть сказано. Эта валютная система не может больше существовать. Это американская система. Она плоха не потому, что американская, а потому, что разбалансирована».

(На заседаниях Совета Генерал старается учитывать настроения тех министров, которых мог бы задеть его «антиамер-

риканизм». Он не хочет, чтобы повторился инцидент с отставкой министров от MRP.)

После заседания я побуждаю его высказаться более откровенно.

АП. «Намерены ли вы предпринять какую-либо инициативу?»

ГдГ. В Токио Жискар сказал вслух то, что многие думают про себя: а именно, что не все идет гладко в современной системе международных валютных расчетов. Эта система, сложившаяся в силу временных обстоятельств, позволяет странам с так называемой «резервной валютой», то есть Соединенным Штатам и Великобритании, сальдировать хронический дефицит их платежного баланса. Из-за этого, в значительной мере, возникает разбалансированность в международных расчетах, а также инфляционные тенденции, проявляющиеся в настоящее время почти повсюду.

Следовательно, надо в полной мере вернуть золоту его главную роль — быть основой международной системы платежей. Только золото — поскольку оно не подвержено порче и внушает доверие — не поддается колебаниям так называемых «обменных эталонов»³³ и эгоизму национальных политиков.

АП. Вы предлагаете радикальную смену существующей системы?»

ГдГ. Нет. Нужна постепенная и согласованная эволюция, которая позволит мировой системе платежей лучше отвечать реальным потребностям. А пока что, следовало бы наладить многостороннюю службу наблюдения за национальной валютной политикой стран».

Из чего следует, что Генерал вовсе не был безусловным поклонником «валютного суверенитета» государств. Он знает, что они злоупотребляют своим суверенитетом для манипулирования валютой. Золото исполняет роль полиции. Оно вне политики.

Золотой салон, 23 декабря 1964.

Генерал ставит меня в известность о своем намерении провести ближайшую пресс-конференцию в феврале.

АП. «Какие темы вы предполагаете затронуть?»

ГдГ. Главным образом, вопросы международной валютной политики.

(Итак, он ждал целых полтора года, прежде чем «опрокинуть горшок с цветами».)

Ап. До того времени фунт может быть девальвирован?

ГдГ. О, англичане кое-как продержатся до того времени, и даже дольше. Американское казначейство дало им для этого достаточно долларов. Но положение у них очень плохое. Фунт на последнем издыхании, англичане тоже. Они могут, как поступают слабые страны, сначала прибегнуть к неявной девальвации, вроде того, что сделал в свое время Феликс Гайар. Они понизят курс на 10 или 15 процентов, замаскировав эту акцию как повышение пошлин на импорт и понижение налога на экспорт. Но в дальнейшем этого будет недостаточно³⁴.

Ап. Если доллар последует за фунтом, нам придется сделать то же самое...

ГдГ. Я этого пока не знаю. Будет зависеть от обстоятельств. Англичане имеют в запасе четыре миллиарда долларов. У нас есть только один миллиард триста миллионов зелеными бумажками. Остальные четыре миллиарда долларов мы конвертировали в золото. Разумеется, если бы все заграничные долларовые авуары были конвертированы в золото, американского золотого запаса не хватило бы и стало бы ясно, что доллар не является резервной валютой, каковой он претендует быть. Однако, если доллар будет девальвирован, наши цены сразу окажутся слишком высокими по сравнению с американскими. И тогда наши экспортеры окажутся в трудном положении».

Золотой салон, 3 февраля 1965.

Ап. «На завтрашней пресс-конференции вы объявите нечто важное относительно международной валютной системы?»

ГдГ. Я скажу, что *Gold Exchange Standard** стал недействительным.

Ап. Это всего лишь пожелание?

ГдГ. Это не пожелание! Это то, что надо сделать. Я укажу, что *Gold Exchange Standard* лишился прежних оснований и что, следовательно, он должен быть изменен.

Золотой обменный стандарт (англ.).

АП. Мы не можем его изменить в одиночку?

ГдГ. Заявив о нашей позиции, мы тем самым покажем, что не хотим больше получать доллары, а хотим получать золото. Другие последуют нашему примеру, если мы будем повторять это в течение достаточно долгого времени. В результате *Gold Exchange Standard* рухнет. Однако будет лучше, если он будет постепенно устранен путем переговоров.

АП. Американцы, а с ними и англичане, воспримут это как агрессию.

ГдГ. Мы больше не считаем доллар эквивалентным золоту и систематически переводим наши доллары в золото... Масса предприятий в мире захвачена американцами с помощью капиталов, которые они получили благодаря своей инфляции... Ониотреагируют, но это не имеет особого значения.

АП. Говорят, Франция откажется участвовать в предстоящем повышении размеров вкладов в МВФ со стороны стран-членов?

ГдГ. Совершенно верно! Мы и так уже вложили огромные суммы в международные инициативы. И все это для того, чтобы поддержать фунт, который, в конечном счете, спасти не удастся, и доллар, который зашатался. С этим надо кончать! Мы не поддержим увеличения квот. Их уже увеличивали! Мы не настолько богаты, чтобы разоряться.

АП. Нам придется пережить несколько бурных месяцев.

ГдГ. Пусть американцы сделают то, что должны сделать: выправят свой платежный баланс».

Зал празднеств в Елисейском дворце, 4 февраля 1965.

Пресс-конференция, проводимая как обычно, с помпой. Журналисты охвачены разнообразными чувствами: здесь и восхищение мастерством менторской речи, и изумление тем, как этот военный человек углубляется в финансовые вопросы, совершенно, казалось бы, ему чуждые, и ирония по поводу того, с какой легкостью он кидается на штурм долларовой крепости, неприступной по определению.

Едва я успеваю вернуться в свой кабинет, как Рюэфф звонит мне по телефону: никогда ему не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь говорил о долларе, о *Gold Exchange Standard*,

о международной валютной системе с такой ясностью, глубиной, убедительностью. Он в восхищении.

АП. «Вы довольны своим учеником?»

Жак Рюэфф. Я считал его своим учителем во всех областях, кроме этой. Теперь я начинаю думать, что и здесь он стал моим наставником».

Золотой салон, 17 февраля 1965.

АП. «То, что вы сказали на пресс-конференции относительно золотого эталона, плохо воспринято англосаксонской прессой, да и французской тоже...

ГдГ. Это одно и то же!

АП. Зато это хорошо воспринято населением. Может быть, это связано с патриотизмом, но также и потому, что к золоту испытывают доверие, а к доллару нет.

ГдГ. Совершенно верно. В глубине души француз — сторонник золота, это у него наследственное чувство. Он знает, что опора на золото дает экономическую устойчивость.

АП. В конце концов, пресса тоже снизила тон. Теперь во Франции вам возражает только оппозиция, в том числе MRP, представители которой утверждают, что это — нечестно по отношению к американцам...

ГдГ. Раймон Арон тоже возражает.

АП. Но население вас поддерживает.

ГдГ. Масса понимает то, чего интеллектуалы не хотят понять.

АП. Чем все это закончится?

ГдГ. Падением фунта, а со временем и доллара, который перестанет конвертироваться в золото.

АП. Но мы не можем желать падения фунта и доллара!

ГдГ. Ба! Чего бояться?

(Он имеет в виду их падение в качестве резервных валют, в то время как я думал о «падении» в смысле девальвации, — что не пойдет нам на пользу.)

АП. Но ведь нас все-таки связывает солидарность?

ГдГ. Американцам и англичанам удавалось искусственно поддерживать свое превосходство. Пока они были в состоянии обеспечивать свою валюту золотым запасом, и пока у них был

положительный платежный баланс, это людей не беспокоило. Сегодня ситуация перевернулась: у них неблагоприятный баланс, и им не хватает золота.

Чтобы поддерживать *Gold Exchange Standard*, как они должны были бы это делать, американцам нужно уравновесить свой платежный баланс. Но они на это не способны. Значит, рано или поздно, доллар перестанет котироваться наравне с золотом, несмотря ни на какое давление.

Восстанавливать баланс — это страшно трудное дело. Для этого нужна политическая воля, которой у них нет. Нет ее у папаша Джонсона. Поэтому он и не может этого сделать. Так же, как не может установить мир в Азии.

АП. Не думаете ли вы, что, прежде чем вернуться к чистому золотому эталону, придется пройти через стадию, когда роль резервной валюты будет выполнять не доллар, а какая-нибудь другая валюта, может быть, «корзина» валют?

ГдГ. Нельзя позволять, чтобы нас оставляли в дураках! Американцы и их клеветы постараются сохранить доллар как главную резервную валюту, поскольку в «валютной корзине» он окажется самым сильным!».

Совет министров, 1 сентября 1965.

Жискар. «Американский государственный секретарь по финансам, Фаулер, прибыл в Париж. Он заверяет, что Соединенные Штаты понимают, какие затруднения возникают в связи с сохраняющейся несбалансированностью их платежей, и рассматривают восстановление баланса как свою приоритетную задачу. Но они выдвигают аргумент, что их финансовый дефицит — это мировой дефицит. Фаулер упоминал о возможности «валютной корзины». Он выдвигает от себя вашу идею реформы международной валютной системы, но не дает ей практического наполнения.

ГдГ. Американцы принимают себя за жандармов мировой валютной системы. Фаулер сказал по радио, что этот вопрос мог бы быть разрешен в рамках Международного валютного фонда. В действительности, они хотят создать видимость действия, не делая ничего».

После заседания я прошу у Генерала пояснений по поводу этого визита.

ГдГ. «Приезд Фаулера не даст результатов, и не должен был их дать. Это всего лишь первый, неизбежный, контакт по поводу вопроса, который я поставил в повестку дня. Не произошло ничего, что изменило бы позиции сторон.

Ап. Франк и марка могли бы стать резервными валютами?

ГдГ. Довольно, никаких резервных валют! И нечего изобретать новые! Только золото. Все остальное — уловки, чтобы оставить нас в дураках.

Ап. Мало-помалу, американцы начинают признавать, что нынешняя система не совсем удовлетворительна.

ГдГ. Для них она совсем не удовлетворительна, поскольку в результате они теряют свой золотой запас!

Ап. Мы будем продолжать обменивать наши доллары на золото?

ГдГ. Конечно! У нас нет никаких оснований останавливаться. Голландцы и швейцарцы поступают так же. Другие присоединятся. Поэтому доллар, в конце концов, перестанет сравниваться к золоту.

Ап. Все-таки американцы несколько восстановили свой платежный баланс.

ГдГ. Они его восстановили на один месяц; этого мало, после целых лет беспечности. У них инфляция в разгаре. Они делают доллары с помощью печатного станка, вывозят их за границу, а там дурачки хватают их, как будто это золото. Это очень удобно, для американцев. Станут ли они отказываться от вывоза капиталов, скажите на милость? Тогда им нужно было бы перестать их создавать!».

Генерал иногда переоценивал трудности других. Во всяком случае, он недооценил политические возможности Вашингтона оказывать давление на своих кредиторов, чтобы они не требовали возврата долгов. У Франции оказалось мало последователей. А потом, когда их число возросло в связи с размерами американского долга, и сохранять существующее положение стало невозможно, Никсон прибег в 1971 году к валютному перевороту: разделив доллар и золото, он резко облегчил тяжесть внешнего американского долга. В известном смысле Генерал выиграл: он убил *Gold Exchange Standard*. Но в другом смысле, он проиграл: Никсон сделал все, чтобы не допустить возврата к золотому эталону. Но это уже другая история...

12. «Ни доллар, ни фунт не могут больше служить основой для международной валютной системы»

Осенью 1967 года разразился кризис доллара. Генерал нас об этом предупреждал *на Совете министров еще 6 декабря 1966 года*:

«Девальвация доллара неизбежна ввиду сохраняющегося дефицита американского платежного баланса. Рано или поздно они должны будут отказаться от обратимости доллара в золото. Их лицемерию придет конец».

Совет министров, 4 января 1968.

Девальвация фунта сделала очевидной для всех слабость международной валютной системы, отныне опирающейся только на доллар, который не соблюдает правило, обязательное для всякой «резервной валюты»: конвертируемость в золото.

Дебре. «Дефицит американского платежного баланса увеличивается. Конгресс требует программы защиты доллара, но отказывается голосовать за фискальные меры, предложенные Джонсоном с этой целью. Американцы вводят контроль над скрытым обменом валюты. Они будут оказывать давление в отношении прав на специальные эмиссии. Нам придется испытать последствия их дефляции, как раньше — последствия их инфляции.

Помпиду. Принимая эти меры, они признают свои ошибки. Они создали систему, которая затопила нас долларами. Результат: нам придется в этом году реанимировать экономику.

ГдГ. Американцы приняли меры, но они не достаточны. Мы должны обезопасить себя от грядущих потрясений. Все это показывает ненадежность международной валютной системы. Великобритания и Соединенные Штаты не принимают мер, к которым их обязывает их планетарная ответственность. Мы должны согласовать наши действия с Федеральной республикой; для таких ситуаций существует франко-германская солидарность, и нам нужно ее поддерживать и демонстрировать. В том, что касается нас, мы должны принять

внутренние меры для возобновления экономического роста. Надо постараться стимулировать деловую активность».

Совет министров, 20 марта 1968.

Валютный кризис в разгаре.

Дебре. «Происходит бегство от доллара. Собственники капитала обращаются к золоту и к европейским валютам, производя массовые закупки. Только политическое давление Соединенных Штатов мешает Японии, Германии, Италии продавать имеющиеся у них доллары. В июне 67-го процессы приняла такой размах, что их решили держать в строгом секрете. Но с девальвацией фунта все обнаружилось.

Соединенные Штаты, при поддержке центральных банков, тут же практически прекратили обмен долларов на золото, теоретически продолжая настаивать на их обратимости³⁵. Золотой пул семи крупнейших центральных банков распущен, и официальный рынок золота больше не существует.

Что делать? Позиция Франции была сформулирована в 1965 году генералом де Голлем. Речь идет о том, чтобы вернуться к рациональному международному решению вроде того, которое было принято в Бреттон Вудсе, с учетом произошедшей эволюции. Соединенные Штаты хотят, чтобы произошла демонетизация золота и воцарение доллара с помощью реорганизованного МВФ. Германия и Италия принимают эту новую роль МВФ, утверждая, что европейское право вето послужит гарантией. Великобритания оказалась в ужасном положении, ее позиция приближается к нашей.

29-го мы собираемся в Стокгольме, чтобы провести обсуждение относительно МВФ и прав на специальные эмиссии. Шестерка разделилась, и мы оказались в изоляции.

ГдГ. Бой будет тяжелым. Увидим, какую тактику применить. Хотелось бы знать мнение господина Эдгара Фора.

Эдгар Фор. Империализму противостоять надо, но я не сторонник золота. Демонетизация золота — это будущее, это соответствует требованиям современной экономики. Я бы двигался к абстрактной международной валюте. Современные экономические данные свидетельствуют в пользу реальности такого решения.

ГдГ. Однако можно усомниться в устойчивости такой валютной конструкции.

Дебре. Валюта — это феномен политический; она зависит не только от экономики и технических решений. Система, предложенная Мендес-Франсом (он предпочитает делать вид, будто не спорит с Эдгаром Фором), сегодня не реальна.

Эдгар Фор. Я говорил о направлении. Немедленные решения могут быть другими.

ГдГ. Любая валюта нуждается в доверии. На чем можно основывать доверие сегодня? А завтра?

Жанненэ. Бумажные валюты всегда были абстрактными, это неизбежно. Но дисциплину этих абстракций всегда поддерживало золото. Можно иметь совершенно абстрактную валюту внутри страны, если есть политическая ответственность. Однако для международной валюты потребовалось бы международное правительство». [...]

Один за другим министры высказывают различные мнения, которые неплохо подытоживает **Кув де Мюрвиль**:

«Было две резервные валюты. После падения фунта, остался один доллар. На протяжении нескольких лет мы требовали переоценки золота, что позволило бы Соединенным Штатам упорядочить свой долг, сохранило бы обратимость доллара и создало бы валютное изобилие, благоприятное для экономики. Этого не сделали. Теперь возникли проблемы. Первая: нельзя допустить, чтобы франк немедленно взлетел. Вторая: что касается временных решений, не следует прибегать к упрощениям; золото необходимо, но не достаточно; оно является всего лишь средством согласования международных балансов. Третья: проблема международного кредита, она решается Международным валютным фондом, это неизбежно; в правах на специальные эмиссии, как таковых, нет ничего абсурдного, но их надо осуществлять в меру объективной необходимости, вне сферы политики. Четвертая: необходимость поддерживать сплоченность стран Шестерки.

Помпиду. Золото — это металл, не самый дорогой и не самый устойчивый. Но он издавна является основой мировой валютной системы. Он — ее полицейский.

ГдГ. И судья...

Помпиду. Главное — проблема конвертируемости. Соединенные Штаты должны произвести переоценку золота,

раньше или позже. Что делать? Надо будет вернуться к обсуждению, но я разделяю мнение господина Кува де Мюрвиля. Что говорить? Будем осторожны в выражениях и позитивны.

ГдГ. Нужны средства обмена. Нужна международная система, которая пользовалась бы доверием. Система *Gold Exchange Standard* в принципе закончилась. Не нужно пытаться искусственно продлевать ей жизнь. Доллар и фунт не могут больше служить основой. Нужна новая система. Она должна быть построена не прочном фундаменте. Есть две возможности: золото, оно испытано на деле; и нечто абстрактное, но для этого потребуется необыкновенно сильное международное правительство.

В настоящее время возможно только золото. Но одно оно не решает проблему. Нужно организовать международный кредит и, следовательно, восстановить МВФ как беспристрастный и авторитетный орган. Конкретно: Соединенные Штаты и Великобритания должны восстановить свой платежный баланс. Великобритания уже начала это делать и движется по неплохому пути. Соединенные Штаты еще не перешли к делу.

Надо постараться определить общую позицию стран Шестерки. По отношению к нынешним посягательствам — я имею в виду «Kennedy Round» — мы будем действовать в соответствии с нашими интересами, это единственный способ не ошибиться».

Совет министров, 3 апреля 1968.

Дебре. «Американцы прибыли на совещание в Стокгольме с намерением использовать его как шаг к демонетизации золота, то есть — к созданию всеобщей долларовой зоны. Я призывал к дисциплине валют. Мне ответили молчанием. Я не получил поддержки наших европейских партнеров. Их подчинение Соединенным Штатам было полным и унижительным.

ГдГ. Наша политическая позиция является одновременно великолепной и трудной. Великолепной, поскольку все видят, что есть только один выбор: или золото, или доллар; произошло осознание. Трудной, потому что система искажена подчинением американцам со стороны всех наших партнеров».

13. «Война продлится десять лет и закончится позором»

Систематические бомбардировки Северного Вьетнама американской авиацией начались³⁶. Это важнейший поворот событий.

Совет министров, 24 февраля 1965.

ГдГ. «Я принял посла Виноградова по его просьбе. Он настаивает на том, чтобы французское правительство действовало в более тесном контакте с советским в целях созыва конференции по Вьетнаму. Предварительное условие: американцы должны прекратить бомбардировки Северного Вьетнама.

Наш ответ: конференция нужна, но без всяких предварительных условий, иначе она не состоится».

Золотой салон, 3 марта 1965.

ГдГ. «Обязательно скажите журналистам, что Франция дала положительный ответ на обращение советского правительства, предложившего согласовывать наши политические действия, особенно в том, что касается мира в Юго-Восточной Азии. Очень важно добиться прекращения конфликта, иначе он рискует постепенно перерасти в войну между Америкой и Азией.

Добавьте, что это — позиция правительства. (Интересно: Совет министров об этом не высказывался. Но перед лицом растущей военной угрозы важно подчеркнуть официальную позицию правительства Франции.)

АП. А американцы согласятся?

ГдГ. Их действия могут сделать конференцию невозможной. Каждый день они убивают людей, бомбят деревни, как же после этого садиться за стол переговоров? А ведь именно они кричали громче всех по поводу событий в Сакиете! (Смеется.) Кого они хотят обмануть, дурачье!

АП. Вы думаете, что китайцы не боятся расширения войны?

ГдГ. Я не думаю, что они хотят этого сейчас — у них есть дела поважнее: надо вылезать из нищеты. Но, в общем, они такую идею допускают. Если это произойдет, они отступить не будут. Даже под угрозой атомной бомбардировки.

АП. Это может привести к сплочению коммунистического блока и побудить русских договориться с китайцами.

ГдГ. Для русских руководителей этого недостаточно, чтобы договориться с китайцами, потому что речь идет не о борьбе коммунистов против капиталистов, а о столкновении Азии с Америкой. Китайцы — прежде всего азиаты, а потом уже коммунисты. А Россия — не Азия: они враждебны друг другу. Поэтому не следует ожидать, что произойдет сплочение России и Китая. Китай скажет русским: «Вы нас предаете, свиньи, вы предоставляете свободу действий американцам, а сами не делаете того, что должны». Вот что Китай скажет русским. И будет прав.

АП. Однако это мешает русским договориться с американцами.

ГдГ. Не знаю, так ли уж мешает. В общем, сейчас создается впечатление, что Советы ищут поддержку с тыла, со стороны Европы, на случай конфликта с Китаем, и надеются, что такой опорой станем мы».

Золотой салон, 18 марта 1965.

ГдГ. «Ничего не получится. Говорю вам, это — война между Америкой и Азией. Она будет продолжаться очень долго, потому что в Азии все длится очень долго. Там вовлечены огромные массы, это вам не франко-германская война, это нечто противоположное молниеносной войне. Это будет длиться годы и годы. Это, действительно, война между Азией и Америкой за господство над Тихим океаном.

АП. Русские, может быть, помогут Северному Вьетнаму, чтобы не оставлять его одного с китайцами?

ГдГ. Да, конечно, они помогут, такова их политика. Дадут Северному Вьетнаму вооружение, чтобы сбивать американские самолеты. Это мало что изменит.

АП. А сами вмешиваться не станут.

ГдГ. Да. Они не объявят войну Америке. Никто никому не объявит войны».

Золотой салон, 24 марта 1965.

ГдГ. «Американцы не сегодня-завтра сломают себе шею. Они настроили против себя всех, а это еще только начало. И все

равно они не добьются, чего хотят. Бомбы-то бросать легко. А вот Болл говорит: «Давать советы легко, взять на себя ответственность трудно». Да нет! Мы тоже могли бы бросать бомбы на Северный Вьетнам, у нас для этого есть все, что нужно. Это не трудно. И не похвально.

АП. Джордж Болл был не слишком любезен.

ГдГ. Да. Надо сказать, мы их тоже не очень щадим. Бедолаги, они ломают себе шею, подобно другим. Они пойдут на попятную. Как в 45 году. Америка была самой мощной военной державой всех времен, но она спасовала перед Сталиным! Американцы отвалили ему пол-Европы, даже не поставив вопрос о народном волеизъявлении!».

Золотой салон, 31 марта 1965.

АП. «Относительно эскалации войны в Индокитае мы молчим?»

ГдГ. Мы поставили точки над *i*. Поэтому сегодня эту тему пропустим».

Золотой салон, 7 апреля 1965.

АП. «Вы будете вынуждены занять новую позицию?»

ГдГ. Наступит момент, когда все скажут: «Довольно!». Мы уже сказали то, что хотели и когда хотели. Несмотря на это, американцы начали войну. Придет время, это надоест всем, и все об этом заявят. Но американцев остановить будет непросто, потому что одно цепляется за другое, и их захлестнула цепь событий.

АП. Джонсон сказал, что он исключает как расширение конфликта, так и простой уход американских войск.

ГдГ. Он может говорить все, что угодно, но он втянулся в войну. Будет ли она расширяться, не от него одного зависит. И вот подтверждение: теперь он уже ведет бои непосредственно в Северном Вьетнаме. А завтра или послезавтра его затянет на территорию Китая, почему бы и нет?

АП. И в этот день русские будут вынуждены реагировать?

ГдГ. Им придется, в конце концов, что-то предпринять».

Теперь он допускает гипотезу, которую отвергал 18 марта. Но «что-то предпринять» не значит «что-то изменить».

Совет министров, 14 апреля 1965.

Кув. «Новый факт: создание ФНО³⁷. Американцы не хотят иметь с ними дело. А для китайцев ФНО — единственно возможная сторона в переговорах.

ГдГ. Если американцы не уйдут по доброй воле, война будет длиться десять лет и закончится позором для Соединенных Штатов, тогда как Франция, закончив войну в Алжире, заслужила уважение во всем мире. Американская армия будет разбита. Это будет несмываемое пятно на лбу у Америки. Она потеряет стабильность, а с нею вместе — и весь мир».

В августе 1964-го он мне говорил, что война продлится пять лет, и мне было трудно в это поверить. Но наращивание американских сил только оттягивает катастрофу, будучи не в состоянии ее предотвратить. Так что теперь прогноз Генерала — десять лет.

Через десять лет, с точностью до нескольких дней, 30 апреля 1975 года, американцы вынуждены были покинуть Сайгон, и их отступление напоминало катастрофу.

После заседания Генерал говорит: «Джонсон произносит речи и одновременно продолжает бомбардировки. Это — жульничество».

Золотой салон, 28 апреля 1965.

АП. «Раймон Арон пишет в *Le Figaro*, что американские бомбардировки Северного Вьетнама не могут идти в сравнение с Сакиетом, потому что в Сакиете мы были слишком слабыми и не могли победить, а американцы такие сильные, что победят.

ГдГ. Для Раймона Арона, как и для *Le Figaro*, американцы всегда правы, по определению.

АП. Быть может, американцы разрушат китайские ядерные базы?

ГдГ. Ничего они не разрушат! Китайские ядерные силы еще слишком незначительны. Они сделали одну базу, и если она будет разрушена, они сделают другую, подземную. И ради такого случая русские подбросят им еще немного плутония.

На самом деле, чтобы причинить Китаю ощутимый вред, надо было бы сбросить на него все имеющиеся бомбы и убить половину китайцев. Китайцы — единственный народ в мире,

которому нечего бояться атомной бомбы. Они слишком многочисленны! Китай — единственная страна, которая может позволить себе атомное столкновение. Для других ядерных держав это было бы равносильно самоубийству: они просто исчезли бы с карты мира. Другое дело — Китай. 80 процентов его населения живет в деревнях, рождаемость очень высокая, и на протяжении одного или двух поколений он восстановил бы понесенные потери; зато напавший на него уже никогда не оправится от ответного удара.

И потом, экономическая и административная структура этих стран такова, что если вы убьете несколько миллионов человек на одном конце территории, на другом конце оставшиеся в живых будут продолжать существовать, как ни в чем не бывало. Им достаточно того риса, который они выращивают на своих полях.

В прошлом на них обрушивались эпидемии, реки разливались и затапливали огромные пространства, но это не мешало росту населения. На следующий год после катастрофы они снова сеяли рис и рожали детей. Они привыкли к катаклизмам, голоду, массовой гибели людей. В этом их сила. Слаборазвитые народы неуничтожимы. Так к ним и надо относиться, и так они относятся к себе сами.

АП. Мировое общественное мнение относится к американцам все хуже.

ГдГ. Да и американское общественное мнение, в конце концов, придет к тому, что войну надо остановить, тем более, что на ней погибают их *boys*. Знаете, пока речь идет о том, чтобы посылать беспилотные самолеты с напалмовыми бомбами, это никого в Соединенных Штатах не волнует. Но когда надо посылать тысячи *boys*, они начинают волноваться. И когда назад станут приходить гробы, это будет плохо воспринято. И потом, когда все соединится: их истории с чернокожими, падение доллара, их грязная война, — недовольство резко возрастет.

Во всем мире происходит резкое падение престижа Америки. После 45-го они занимали весьма удобную моральную позицию. Они были против колониализма, и осуждали тех, кто был вовлечен в колониальные конфликты, будь то в Африке или в Азии.

Но потом они и сами влипли, в Корею, правда, к своему счастью, под флагом ООН, что облегчало их задачу. Теперь, могу поспорить, им не удастся подключить ООН к своим делам во Вьетнаме. Здесь они останутся в одиночестве и узнают, почему фунт лиха.

После Совета министров, 23 июня 1965.

АП. «Американцы готовы вести переговоры с Вьетконгом?

ГдГ. Да. Но Вьетконг хочет достать американцев до самых печенок. Вьетнамцы хотят их расколошматить. И именно так все и кончится».

Золотой салон, 13 июля 1965.

ГдГ. «Западня захлопнулась. Положение американцев будет становиться все более драматичным. Придет день, когда им станет невмоготу. Но пока еще они этого не чувствуют. Они смогут переносить создавшееся положение еще долго. У них для этого есть средства.

Но это делает их *непрощенными гостями* в мире. Это уменьшает их престиж, их *standing* (он произносит *стандэнг*). Понемногу это станет действовать и на американское общественное мнение. Его поддержка ослабеет. Это произойдет неизбежно, хотя и не сразу. Они смогут продержаться еще очень долго».

Они будут держаться, затрачивая все больше труда, в течение десяти предсказанных им лет, вплоть до катастрофы.

14. «Это — шаг в направлении мира»

Совет министров, 2 февраля 1966.

В Индокитае американцы устроили что-то вроде рождественского перерыва. Бомбардировки Тонкина временно прекратились, вместо них было сделано несколько дипломатических жестов. Но с 31 января налеты возобновились.

ГдГ. «Весьма прискорбно, что американцы опять начали бомбардировки! Они все больше втягиваются в войну, из которой нет выхода. Им все равно придется уйти, либо продолжать эскалацию, которая приведет к катастрофе. Американцы долж-

ны согласиться на вывод своих войск, после чего начать переговоры в классической форме конференции в Женеве. Жаль, что они к этому не готовы. Значит, все будет продолжаться. Мы не можем только выражать свое сожаление и неодобрение. Но рано или поздно мы станем выражать наше отношение уже не в конфиденциальных беседах, а публично».

Совет министров, 24 августа 1966.

Накануне большого путешествия, в ходе которого он посетит Индийский и Тихий океаны, Генерал говорит о предстоящих ему визитах в Эфиопию и Камбоджу:

«[...] В Камбодже мне придется говорить о ситуации во Вьетнаме. Ни у одной из противоборствующих сторон нет перспектив на победу. Политический выход лежит только через соблюдение соглашений 1954 года, а это значит, что американцам придется уйти: они должны сделать то же, что сделали мы в Индокитае и Алжире. Вот что мы скажем, без всякой неприязни к Соединенным Штатам, но во имя нашей дружбы и для их же пользы».

Эти идеи Генерал высказывал уже много раз на закрытых заседаниях Совета Министров. Но нам трудно себе представить, какой взрыв вызовет его заявление на стадионе в Пномпене, менее чем в 200 километрах от места боев.

Совет министров, 15 сентября 1966.

Кув рассказывает о приеме, который был устроен Генералу в Камбодже, — «в высшей степени пышный и дружественный. В центре внимания была речь Генерала на стадионе в Пномпене. Реакция была такая, какой и следовало ожидать. Никто не верит, что американцы согласятся предоставить вьетнамцам самим решать свою судьбу. Весь вопрос в том, дадут ли всходы брошенные зерна. Можно надеяться, что да, поскольку иного выхода, кроме предложенного Генералом, не существует».

На Совете министров Генерал, как правило, высказывается тем лаконичнее, чем большее значение придает вопросу:

«Сианук мобилизовал всю Камбоджу, которая весьма охотно отозвалась на его призыв. Это было (он ищет подходящее слово) сенсационно!

Это была ясная речь. Мы не можем помешать ходу событий. Но надо было четко сказать, что единственно возможный выход — это тот, который в свое время и в иных обстоятельствах избрали мы».

Совет министров, 31 января 1968.

Во Вьетнаме наступление Льен-Вьета началось неожиданно, как раз в тот момент, когда **Кув** в своем докладе оценивал ситуацию как неопределенную:

«Американцы усиливают военную активность. Северный Вьетнам, со своей стороны, выражает готовность к переговорам. Существует риск, что американцы воспользуются этим, чтобы еще больше ужесточить свои действия.

ГдГ. Все же, американцы сделали небольшой встречный шаг, и бомбардировки могли бы прекратиться, если бы у американцев была уверенность, что Северный Вьетнам больше не посылает своих бойцов на Юг».

Однако Северный Вьетнам уже послал столько бойцов, что их оказалось достаточно, чтобы смести американские и южновьетнамские армии.

Совет министров, 21 февраля 1968.

Американцам удалось остановить наступление Льен-Вьета и восстановить контроль над городами. Однако трагедия вьетнамского конфликта идет по нарастающей.

Кув докладывает о последнем визите в Париж У Тана:

«Общее впечатление пессимистичное. Переговоры невозможны. Война приобретает новые формы.

ГдГ (мрачно и лаконично). По мере того, как положение ухудшается, и безумие нарастает, вырисовывается перспектива применения атомных бомб. Об этом говорят все чаще. Если американцы оттуда не уйдут, это может привести к любым рефлексам с их стороны. Они могут поддаться импульсивному порыву. Джонсон может поддаться. Впрочем, трудно знать заранее: кто начнет, когда и как? Северные вьетнамцы? Северные корейцы? Китайцы? Будем надеяться, что этого не произойдет никогда! Но риск велик!».

Совет министров, 28 февраля 1968.

Кув представляет нам декларацию генерального секретаря У Тана о положении во Вьетнаме:

«Все, что он говорит, соответствует нашим представлениям.

ГдГ. Он заявляет, что бомбардировки должны прекратиться, чтобы переговоры могли начаться. Это то, что мы думали и говорили с тех пор, как начались эти бомбардировки. Чем дольше это продолжается, тем большая опасность нависает над всеобщим миром. Затягивание войны сопряжено с большим риском, и не только для тех, кто в ней непосредственно участвует. Это будет сказано, вернее, еще раз повторено публично».

Совет министров, 3 апреля 1968.

Однако внезапно ход вещей начал меняться. Наступление Льен-Вьета впервые показало наиболее пронизательным американцам, что военного решения, действительно, не существует. В телевизионном выступлении 31 марта Джонсон объявил о частичном прекращении бомбардировок. Он предложил Северному Вьетнаму сесть за стол переговоров.

Кув. «Его выступление имело большой резонанс, особенно в Соединенных Штатах. Оно не может не означать начала перемен в их политике.

ГдГ. Его выступление встретило отклик в общественном мнении, а это и есть то, к чему Джонсон стремился прежде всего. Он — политикан. Он придает значение так называемому общественному мнению. Влияние на выборы, реакция прессы — вот что интересует людей подобного типа. Лично я вижу в этом нечто другое: а именно — начало отступления. «Дезэскалация» — это начало их ухода. Именно так к этому и отнеслись во всем мире.

Правда, то, что со стороны кажется прекращением бомбардировок, на самом деле — только частичная и условная приостановка. И конечно, это не сможет удовлетворить северных вьетнамцев. Но все-таки это — шаг в сторону мира, и не следует недооценивать его значения и того, каких усилий он потребовал. В целом, учитывая все трудности, все напряжение, которое парализует его действия, я считаю, что Джонсон поступил так, как того требует разум; это — жест политического мужества».

В тот же день, 3 апреля, Вьетнам сообщил, что принимает принцип прямых и немедленных переговоров с Соединенными Штатами.

Совет министров, 8 мая 1968.

Кув. «Дипломатия воспользовалась шансом, предоставленным ей решением Джонсона. Имели место неофициальные контакты. 3 мая они привели к соглашению о встрече противоположающихся сторон в Париже. Переговоры должны начаться 10 мая. Надо создать для этого необходимые условия. Бывший отель «Мажестик» — подходящее место, но не все оказались довольны этим выбором. Американцы, кажется, хотели бы, чтобы в распоряжение участников переговоров был предоставлен один из замков в окрестностях Парижа.

ГдГ. Мы их не приглашали. Пусть довольствуются тем, что мы им предоставляем».

Так открывались в Париже, на правом берегу Сены, переговоры, за которые де Голль столь долго боролся. И в это же время на левом берегу активисты из «низовых комитетов в защиту Вьетнама» начинали штурм «голлистской власти».

15. «Надо укреплять связи с русскими»

17 февраля 1964, понедельник, площадь Согласия.

В залах бывшего министерства морского флота Гастон Палевски устраивает роскошный завтрак в честь своего советского коллеги — министра Руднева. Моим соседом за столом оказывается **Виноградов**. Пока идет общий разговор через переводчиков, он произносит одни банальности. Но когда он говорит со мной тихо и по-французски, он рассказывает интересные вещи:

«Я убежден, что де Голль выставит свою кандидатуру*. Я знаю его уже одиннадцать лет. Когда я прибыл сюда в 1953 году, я спросил у вашего тогдашнего премьер-министра — забыл

* Речь идет о президентских выборах, которые предстояли в следующем 1965 году.

его имя³⁸, у вас их было так много, — кого из официальных лиц мне следует посетить. И я сказал ему: «Я намереваюсь нанести визит генералу де Голлю». — «И не думайте этого делать, это совершенно бесполезно! Де Голль — конченный человек, он пишет свои мемуары, но все о нем уже забыли». Все-таки я явился к нему с визитом в отель Лаперуз. С 1953 по 1958 год я часто с ним виделся. Я могу гордиться тем, что удостоился его дружбы. Тогда мало кто верил в его политическое будущее. Я знаю Генерала очень хорошо. Он начал преобразования огромного размаха и захочет довести их до конца.

АП. Что вы думаете о шансах его соперников?

Виноградов (рассмеявшись). У него нет соперников. Даже коммунисты являются голлистами. Вот я, например. Обо мне говорят, что я самый большой голлист среди послов, и это так. Когда я приезжаю в Москву, Хрущев говорит: «А вот и посол де Голля!». Де Голль занял такое место, которое уже никто не сможет у него отобрать. Никто не сможет ему противостать».

Виноградов говорит мне, что уже «провел зондаж» на Кэ д'Орсэ относительно возможности направить Генералу приглашения от Хрущева посетить СССР с государственным визитом.

На следующий день, *18 февраля 1964*, я спрашиваю у Генерала, верна ли эта информация. Сначала он уходит от ответа: «Вы знаете, на Кэ д'Орсэ столько народа...

АП. Этот визит мог бы повлиять на отношения между Востоком и Западом.

ГдГ. Я не говорю «нет».

АП. В таком случае, вы поедете в этом году или в следующем?

ГдГ. Весь этот год уже спланирован. В следующем году это исключается».

Однако сама такая поездка его явно привлекает. Означает ли это, что он мысленно запланировал ее на 1966 год? [...]

14 октября 1964 Хрущев был грубо смещен и заменен властью двоих: Брежнев стал во главе Партии, Косыгин возгла-

вил правительство. Восемь дней спустя, 21 октября, Генерал решительно настаивает на моей поездке в Москву для налаживания сотрудничества в области цветного телевидения. Не думает ли он путем переговоров в этой узкой области прощупать позиции новых властителей?

28 октября 1964 я навожу его на эту тему.

АП. «Какими будут последствия отстранения Хрущева?»

ГдГ. Новая советская политика, которую проводил Хрущев, состояла в сосуществовании с американцами. Советы хотели, чтобы мы были на их стороне, поэтому обращались с нами осторожно. И все это для того, чтобы помешать продвижению немцев. Хрущев был колоритным политиком, это давало ему преимущество; он обладал жизненной энергией, хорошо подвешенным языком, любил пошутить. Наверное, они, в конце концов, найдут кого-нибудь, похожего на Хрущева. Политику должен проводить яркий человек, или это не политика. Они прогнали Хрущева, но политику они не меняют, и им нужен кто-то вроде Хрущева, чтобы ее проводить. Хрущев был очень хорошим пропагандистом советских взглядов. Впрочем, поэтому его и отстранили...

АП. Немецкая пресса пишет, что вы собираетесь в Польшу.

ГдГ. Не сейчас. Но не исключено, что в один прекрасный день я отправлюсь в поездку по другую сторону железного занавеса.

АП. Вы дадите ответный визит на визит Хрущева*?

ГдГ. Да. Я обещал это сделать.

АП. Виноградов при каждой встрече повторяет: «Когда придет Генерал?». Он хочет, чтобы это было поскорее.

ГдГ. Знаю. Он только об этом и думает».

Золотой салон, 4 января 1965.

Генерал принимает меня накануне моей поездки в Москву для продвижения нашей системы цветного телевидения.

* Визит Н. Хрущева во Францию имел место в 1960 году, с 23 марта по 3 апреля.

Наш посол, Филип Боде, сообщил, что Косыгин, новый руководитель советского правительства, настроен положительно.

АП. «Вы вполне серьезно относитесь к авансам Косыгина?»

ГдГ. Мы к ним относимся с симпатией. У нас с русскими много общего. У нас издавна хорошие отношения; можно сказать, так было всегда. Они испортились из-за советской угрозы. Сейчас они опять стали улучшаться, после того, как русские потеряли возможность нам угрожать.

Но нужны доказательства. Цветное телевидение будет такой проверкой.

АП. Вы действительно думаете, что франко-советское сотрудничество возможно?

ГдГ. В настоящее время произошел сдвиг. Это понемногу начинает чувствоваться везде. Холодная война отходит в прошлое. Еще недавно борьба между западным и восточным блоками была привычным делом. Но советский блок разваливается. Китай уже ушел далеко. Румыния и Польша тоже начинают отделяться. Сам Советский Союз постепенно превращается в нечто другое.

Что касается западного блока, то и он распадается. Франция вернула себе свободу. Она вновь стала независимой, какой не была уже давно. Она больше не ведет себя как солдат под командованием капитана. (Смеется.) Или как примерный ученик в классе по указке учителя. Мы не позволили парализовать себя Бернскими соглашениями, ограничившими срок кредитов пятью годами. Мы сами решили, на какой срок предоставлять кредиты Советскому Союзу. Англичане тоже так поступили, но исподтишка. Мы же это сделали корректно, по-французски.

Мы начали выходить из тупиков. Со временем мы станем это делать еще успешнее. Третья мировая война не началась, и все менее вероятно, что она начнется. В этих условиях было бы ошибкой, если бы отношения между Францией и Россией не восстанавливались и не становились такими, какими были всегда. Гибельное решение Наполеона напасть на Александра I было самой большой его ошибкой. Ничто не вынуждало его так поступить. Это противоречило нашим интересам, нашим традициям, нашему духу. С этой войны начался наш упадок.

Франция заинтересована в хороших отношениях с Россией. Благоприятные периоды в нашей истории всегда были отмечены тесными связями с русскими.

АП. Вы думаете, что русские настроены так же?

ГдГ. Создается впечатление, что сегодня они хотят с нами договориться. В наших интересах укрепить контакты с ними. Не расторгая, разумеется, союз с американцами, на случай, если советская угроза возобновится.

АП. Но русским-то зачем сближаться с нами?

ГдГ. Китайская угроза все более ощутимо нависает над ними. Им нужно защищать советско-китайскую границу, протяженностью в шесть тысяч километров. Они не могут себе позволить сражаться на два фронта. У них за плечами гигант, становящийся все более враждебным. Значит, им надо хоть немного укрепить свои отношения с Западом. В этом отношении Франция для них — желанный партнер.

АП. Но нельзя же создавать впечатление, будто мы меняем союзников? Пресса все время повторяет эту фразу.

ГдГ. Разумеется, это не так! Можете ли вы себе представить, что мы предложим русским союз против американцев! Мы не должны навязываться. Пусть за нами ухаживают.

Да, советский блок отжил свое время, и русские отдают себе в этом отчет. Атлантический пакт, в его нынешней форме, тоже уходит в прошлое, но американцы этого еще не понимают. Подошло время перемен, и мы должны им помочь».

Через два дня, 6 января, после Совета министров, Генерал возвращается, в более осторожных выражениях, к перспективам предстоящих переговоров:

«Посмотрим, как обернется дело с цветным телевидением. Вы знаете, не исключено, что отношение Советов к западному миру не изменилось. Главное для них с тех пор, как окончилась война, — это добиться соглашения с Америкой. И Сталин, и Хрушев были загипнотизированы этой проблемой. Они стремились к разделу мира на две зоны влияния. Возможно, Косыгин желает того же. А мы как раз не хотим такой политики двойной гегемонии, когда, потенциально, и русские, и американцы объединяются против нас; мы этому противодействуем, и пока у нас неплохо получается.

Не забывайте, что русские, какими бы мотивами они ни руководствовались, склонны разделять мир на две части и искать диалога с Вашингтоном. Мы их интересуем лишь постольку, поскольку через нас они думают воздействовать на американцев. Нам не следует поддаваться на такую игру. Иначе мы рискуем перейти с американской орбиты на советскую. Надо сохранять дистанцию. Мы не должны выступать в качестве просителей. Пусть нас уговаривают».

Золотой салон, вторник 12 января 1964.

Вернувшись из Москвы, где Косыгин принял меня по собственной инициативе, я отчитываюсь перед Генералом. Он долго спрашивает меня о том, какое впечатление произвели наши технические достижения:

«А что сказал Косыгин относительно общей политической ситуации? Чего именно он хочет?»

АП. Он говорит, что по многим проблемам наши позиции совпадают: неизменность нынешних границ Германии; наше нежелание участвовать в многонациональных силах; относительно Лаоса, относительно Вьетнама. А раз так, то почему бы нам не иметь что-то вроде соглашения, почему бы не вести регулярные и органичные переговоры? Вот его предложение.

ГдГ. Он хотел бы заключить политическое соглашение между Францией и Советским Союзом, по всей форме, с подписями справа и слева? Но такое соглашение существует. Я его подписал со Сталиным. Они его денонсировали. Правда, оно касалось только Германии.

АП. Мы могли бы им сказать, что готовы рассмотреть вопрос о постепенном расширении нашего сотрудничества. Они тоже к этому готовы в высшей степени, можно сказать, даже слишком. Например, Зорин³⁹ провозгласил тост за *политическое* сотрудничество между Францией и Россией. Я ответил осторожно, что налаживание культурного и технического сотрудничества само по себе уже имеет политическое значение. Он отреагировал: «Это имеет политическое значение, но не мешает политическому сотрудничеству в собственном смысле».

ГдГ. Хорошо. А Брежнева вы не видели?

АП. Нет. Он не встречается с западными руководителями; только с руководителями «братских стран» и «братских партий». Такое у них распределение обязанностей между главой правительства и главой партии. Я виделся только с министрами, в их числе с Рудневым, заместителем председателя Совета министров.

ГдГ. Очевидно, они хотят увлечь нас как можно дальше по своей дорожке. Надо понять, какую цену мы готовы заплатить за все это. Не можем же мы обменять цветное телевидение на признание Восточной Германии! (Смеется.)

В ваших переговорах, какие моменты, по вашему мнению, произвели на них впечатление?

АП. Во-первых, то, что система SECAM уже не является делом частной фирмы, что французское правительство решило содействовать этому начинанию своим авторитетом. Во-вторых, аргумент о европейской независимости от Соединенных Штатов.

ГдГ. Они хотят показать, что мы с ними движемся в аналогичном направлении. Вот видите, как важно занимать независимую позицию. Еще несколько лет назад русские обличали нас как колонизаторов, прислужников империализма и капитализма. Теперь они за нами ухаживают и хотят, чтобы мы шли в одном направлении.

Русским трудно завязать диалог с Соединенными Штатами, потому что китайцы тут же показывают зубы. Между тем как мы никому не мешаем и нам никто не мешает, с тех пор как мы осуществили деколонизацию.

В Париже, среди журналистов и даже на Кэ д'Орсэ, есть люди, взгляды которых не изменятся никогда. У них застывшее сознание. По их представлениям, русские думают только о том, чтобы нами манипулировать, оторвать нас от западного блока и затем самим вступить в переговоры с американцами, предварительно их ослабив. Я думаю, эти люди не учитывают новые реальности. Мы являемся обладателями драгоценного капитала: это — наш вновь обретенный суверенитет. Поэтому мы востребованы.

Возможно, для русских Франция является, прежде всего, средством достижения соглашения с Соединенными Штатами.

Конечно, в первую очередь их интересует урегулирование с американцами, в мировом масштабе, что позволит им добиться общей разрядки. Но вполне вероятно, что русские вынуждены учитывать большой престиж, которым мы пользуемся и у их сателлитов, и в третьем мире, и особенно у китайцев. Мы единственная западная страна, с которой все охотно имеют дело, сотрудничество с которой никого не компрометирует. Франция ведет открытую игру.

АП. Относительно своих сателлитов они мне сказали: «Мы уверены, что братские страны Восточной Европы предпочтут иметь дело скорее с Францией, чем с Соединенными Штатами».

ГдГ. Это дивиденды, которые мы получаем от нашей независимости. По мере того, как идеологии угасают, а значение наций возрастает, старые европейские реальности вновь обретают силу. А вместе с ними — и не всегда очевидное, но имеющее глубокие корни согласие между Францией и Россией. Я говорю именно о России, а не о большевиках. Впрочем, смягчение позиций происходит с обеих сторон: мы уже не представляем себе большевиков в виде людей с ножом в зубах, а они больше не осмеливаются говорить о нас, как о гадких капиталистах. Вот так!».

Удивительна синусоида его высказываний. Достижение истинной открытости в отношениях кажется совсем близкой. Но от малейшего прикосновения недоверие готово вспыхнуть вновь. Он догадывается, насколько привлекательна для русских французская карта. Он боится, как бы Франция не стала пешкой в игре, как это случилось в Ялте.

Совет министров, 10 февраля 1965.

Жискар вернулся после подписания коммерческого договора с Румынией. Он рассказывает о группе румынских руководителей. Георгиу-Деж, глава государства, и Маурер, премьер-министр, тесно связаны между собой с 1933 года, когда происходил процесс над руководителями румынской коммунистической партии.

Жискар. «Это группа людей, сплоченная, скорее, давними приключениями, чем общественными процессами.

ГдГ. Они боролись и рисковали в одиночку. Всю жизнь им приходилось выбирать между властью и тюрьмой. И они выбрали тюрьму, зная, что у них нет шансов прийти к власти.

(Генерал всегда восхищается людьми, которые борются не из расчета, а из стремления к идеалу.)

Жискар. Они обладают обостренным национальным чувством: в этом суть их доктрины. Они восхищаются независимостью вашей политики. Ваши пресс-конференции там читаются и изучаются. По поводу последней Георгиу-Деж прочел мне целый трактат. Желание Румынии состоит в том, чтобы играть на Востоке такую же роль, какую мы играем на Западе, при всей несравнимости в масштабах стран и лидеров.

Политика блоков отошла в прошлое. В Восточном блоке многие деятели хотели бы действовать так же, как действуете вы в Западном лагере. Но румынские руководители чувствуют себя довольно изолированными.

Влияние Франции в Румынии связано с двумя факторами: принадлежностью к латинской культуре и огромным престижем французского Президента».

Генерал заканчивает обсуждение необычной для него фразой: «Спасибо за интересное сообщение». Это — литота, соответствующая его стремлению быть сдержанным в словах. В присутствии группы людей он никогда не высказывает свою мысль полностью, тогда как в разговоре с глазу на глаз его иногда заносит.

После заседания Генерал позволяет себе поговорить в моем присутствии о тех надеждах, которые он связывает с национальными движениями:

«Да, Румыния — это не часть России. Рано или поздно, она захочет стать независимой. Наша роль состоит в том, чтобы поддерживать такие стремления. Восток приходит в движение, и мы должны ему помочь. В настоящее время никто не может это сделать лучше нас. У Румынии много общего с Францией. Как и у Польши. Когда-нибудь мне надо будет поехать в Румынию и Польшу».

Два месяца спустя Георгиу-Деж умер. На *Совете министров 31 марта 1965* Марет делает отчет о похоронах в Бухаресте.

ГдГ. «Ощущалось ли народное сочувствие?

Марет. Ощущалась внутренняя сосредоточенность огромной толпы. В ней чувствовалась явная солидарность с человеком, который воплощал национальную независимость и осмеливался говорить русским «нет».

ГдГ. Понемногу Интернационал сдает позиции национализму. Румыния, Польша, Венгрия стремятся к независимости. И они ее добьются, как только у них хватит сил».

Совет министров, 28 апреля 1965.

Генерал разбирает по косточкам «добрую волю», которую Громыко проявлял во время своего визита в Париж.

ГдГ. «Громыко, конечно, получил указание быть вежливым и предупредительным. Русские явно хотят завязать с нами особые контакты. Нынешняя Россия не похожа на ту, какой она была несколько лет тому назад. Она стала менее самоуверенной, как во внутренней, так и во внешней политике. Она боится Германии. Она придает чрезвычайное значение Франции. Именно с такой установкой приехал Громыко, так он разговаривает, так маневрирует. Он лелеет кое-какие надежды на общее соглашение в будущем и очень рассчитывает на нашу поддержку. Но пока это — только в теории и в далекой перспективе».

Обжегшись на первом договоре, в 1944 году, де Голль очень осторожен. Он не желает быть наивным, но, в равной мере, он не хочет, по его любимому выражению, «оскорблять будущее».

16. «Мы получаем дивиденды от нашей независимости»

Золотой салон, 4 января 1965, понедельник.

Я попросил у Генерала специальной аудиенции перед тем, как отправиться в Москву.

ГдГ. «Ваш визит происходит в удачный момент. Косыгин пригласил Боду и делал ему всяческие авансы⁴⁰.

Сотрудничество в области цветного телевидения может положить хорошее начало. Это похоже на историю с многосторонними силами, только в уменьшенном масштабе: если американ-

ская система цветного телевидения победит, это будет означать, что американская колонизация Европы сделала еще один шаг вперед. Виноградов мне сказал 1 января: «Может быть, обоюдными усилиями наших двух стран мы добьемся успеха в области цветного телевидения». Я еще раньше разговаривал с ним об этом в Рамбуйе, куда он приезжал на охоту. Тогда я ему сказал: «Желательно, чтобы победила европейская система. Если выиграют американцы, это не устроит ни нас, французов, ни вас, русских». Он согласился. Если победит французская, или даже франко-русская система, то все равно это будет победа европейцев».

Через два дня, 6 января я сообщаю Генералу следующее уточнение:

«По сведениям, которые я получил по телефону от поехавших раньше сотрудников ORTF⁴¹, положение складывается не лучшим образом. На советских технических специалистов произвела большое впечатление американская техническая мощь. Я думаю, что единственная возможность добиться успеха — это дать понять советским руководителям, что данное дело — лишь начало широкого франко-советского сотрудничества».

ГдГ. Но они могут попробовать наладить двустороннее сотрудничество с американцами?

Ап. Сделать это им будет труднее: у американцев есть все, они ни в чем не нуждаются».

Золотой салон, 12 января 1965, вторник.

Генерал принимает меня после моего возвращения из Москвы:

«В Москве холодно? Я видел телеграммы Боду относительно ваших переговоров. Они хорошо прошли? Значит, вы видели Косыгина? Он сказал: «Хочу видеть господина Пейрефита»? (Он хочет уловить смысл за деталями дипломатического этикета.)

Ап. Именно так. Он проявил инициативу.

ГдГ. Вы не просили об аудиенции?

Ап. Нет. Я не хотел выступать в роли просителя.

ГдГ. Он принял вас в Кремле?

Ап. Да, в бывшем кабинете Хрущева.

ГдГ (неожиданно проявляет любопытство; может быть, вспомнив о своей встрече со Сталиным). А как выглядит кабинет?

АП. Большой зал с желтыми стенами, с некрасивой мебелью в стиле Чиппендейл; на стенах портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина; большой стол светлого дерева, на нем бювар, карандаши, бутылки с газированной водой; из окна видны золотые купола кремлевских соборов.

ГдГ. Итак, что вам сказал Косыгин?

АП. Он сразу же заговорил о цветном телевидении; они считают, что это — очень важное дело, охватывающее различные области — техническую, коммерческую, промышленную, политическую. Это — подарок, который они хотят сделать народам Советского Союза к октябрю 1967 года, годовщине Октябрьской революции.

ГдГ. Ему продемонстрировали систему?

АП. Он смотрел передачу дома у Брежнева, там установили телевизор.

ГдГ. Они смотрели вместе?

АП. Да. Мы привезли с собой несколько приемников и установили их у наших основных собеседников. Один из них предназначался для французского посольства. В последний момент советская сторона попросила посла отказаться от своего телевизора, чтобы высокие советские руководители могли им воспользоваться: речь шла как раз о Брежневе с Косыгиным.

ГдГ. Каковы же их соображения?

АП. Как бы ни были высоки качества французской системы, они, по мнению советской стороны, не дают ощутимого превосходства над американской системой. Дело не только в качестве цвета. Против нас выступают советские технические специалисты, которые вот уже десять лет стараются скопировать американскую технологию.

ГдГ. Они в самом деле копируют?

АП. Они скопировали «Кадиллак», назвав его «ЗИСом», и «Боинг», назвав его «Ту».

ГдГ. И им не стыдно? И они сами в этом признаются?

АП. Признаются. Не Косыгин, а технические специалисты, — они не скрывают. Они загипнотизированы американской техникой и только и думают, как бы ее скопировать, во всех об-

ластях. Им пришлось бы отказаться от десятилетних усилий и обратиться к совершенно иной технологии.

ГдГ. Если они работают уже десять лет, почему же они не добились успеха?

Ап. Это нелегко сделать без американской технической помощи, не покупая патентов. Они очень отстали и бредут ощупью.

ГдГ. Будьте осторожны! Если вы им оставите наши аппараты, они смогут скопировать нашу систему.

Ап. Если им потребуется на это еще десять лет, они ничего не выиграют. Сейчас они подумывают, не купить ли ее у нас.

ГдГ. Они не исхитрятся сделать это в одиночку?

Ап. Конечно, нет. Им потребовалось бы безумно много времени. Если мы им построим фабрику под ключ, то и тогда она заработает только через год.

ГдГ. Совсем как в слаборазвитой стране?

Ап. В известных отношениях, так оно и есть.

ГдГ. Вы думаете?

(Ему трудно поверить в то, что и у меня вызвало удивление. Мощь русских производит на него большое впечатление. Неужели за ней скрывается столько бессилия?)

Ап. Косыгин предложил мне, чтобы уже в следующем месяце было подписано франко-советское соглашение о намерении адаптировать систему SECAM. Я не думаю, что это самый удачный способ действия. Было бы лучше, если бы на конференции по телевидению в Вене Советский Союз и его сателлиты заявили, что отдают предпочтение нашей системе по причине ее превосходства, а не по политическим соображениям.

[...]

Золотой салон, 10 марта 1965.

Ап. «Вот текст соглашения о цветном телевидении, парафированный вчера в Москве».

Генерал берет текст и внимательно его читает.

ГдГ (сожалующим тоном). «Значит, в конечном счете, вы не написали «франко-советская система», а написали «общая система цветного телевидения».

Ап. Да. Соглашение будет легче распространить на другие страны, если система будет *общая*, а не *франко-советская*».

Золотой салон, 31 марта 1965.

АП. «На конференции по цветному телевидению в Вене немцы были заодно с американцами. Они отдавали мяч друг другу. Они сговорились вместе ругать SECAM.

ГдГ. Худшее, что может произойти — это то, что наша технология будет воспринята только русскими, что вполне нас устраивает, при условии, что советские спутники последуют за ними.

(Еще недавно на Совете министров Генерал высказывал свое удовлетворение тем духом независимости, который начал распространяться среди «спутников». А теперь он возлагает надежды на их подчинение приказам Кремля. В тот момент я не заметил противоречия: как и он, я был полностью захвачен идеей успеха нашего предприятия.)

АП. Есть маленькое сомнение относительно ГДР, которая как будто поддерживает секретные контакты с Западной Германией.

ГдГ. Только от русских зависит заставить ГДР идти, куда надо. Пусть сделают, что нужно! Это послужит уроком для западных немцев: станет очевидным их униженное и смешное прислуживание американцам.

АП. Дело идет к тому, что решение будет отложено до конференции в Осло, в следующем году, поскольку ни одна из систем* не получила единогласного одобрения. Можно возобновить переговоры с немцами**.

ГдГ. А почему бы не начать немедленное производство совместно с русскими? Так и надо поступить. Это будет совместный проект, наподобие «Конкорда», только не с англичанами, а с русскими».

Золотой салон, 7 апреля 1965.

ГдГ. «Итак, я узнаю, что на этой конференции в Вене подавляющее большинство представителей европейской зоны высказалось в пользу французского проекта, а меньшинство к

* Конкурировали три системы цветного телевидения: американская NTSC, немецкая PAL и французская SECAM.

** О создании общей системы, объединяющей PAL и SECAM.

тому же оказалось разделенным между двумя другими проектами. Однако наши представители, как мне сказали, снова стали уступать? Черт возьми, да что же происходит с этими людьми в Кэ д'Орсэ? Они не могут допустить, чтобы Франция выиграла!

АП. Они, возможно, поддались соблазну компромисса.

ГдГ. Какой компромисс! Когда нас стараются оставить в дураках! Об этом не может быть и речи! Жалкие людишки. Щадить немцев — зачем это нужно?».

[...]

ГдГ. «Мне сообщают, что в рядах нашей делегации возник разброд?»

АП. Да, сотрудники и руководители технических служб ORTF увлеклись последними усовершенствованиями системы PAL. Немцам удалось объединить американскую и французскую системы, взяв из нашей технологии лучшее изобретение Анри де Франса: наложение прямого сигнала и сигнала, задержанного на несколько микросекунд, что сообщает цвету особую глубину.

ГдГ. Немцы знают об этом изобретении?

АП. Да, и они должны будут заплатить де Франсу за его патенты, иначе они не смогут их использовать.

ГдГ (который сразу видит уязвимое место немецкого замысла). Ну так, стало быть, и нет никакой системы PAL, раз она не может существовать без французской технологии! Значит, следует им отказать! И еще как!

Вы имеете дело с людьми, у которых только одна мысль в голове: договориться с немцами. Ради этого они готовы на все. А между тем, немецкая технология существует лишь постольку, поскольку мы этого хотим! Просто мания какая-то у этого чертова министерства иностранных дел. Почему? Они считают переговоры удавшимися, когда Франция из них исчезает! У них какая-то порча в крови.

АП. Они стремятся к соглашению.

ГдГ. Это не соглашение, а капитуляция! Дает ли нам что-нибудь этот PAL? Он нам не дает ничего. В то время как система SECAM нужна системе PAL. Так кому же выгодна такая сделка? Надо им отказать! Им и так уже уступили слишком

много! Мы оказываемся в слабой позиции перед восточными партнерами, которые говорят: «Эти французы сами себя высекли; им не хватает решимости. В конце концов, PAL одержит верх». Надо ничего не ждать и начинать с русскими.

АП. Надо будет приступить к постройке в СССР завода при нашей технической поддержке.

ГдГ. Мы больше не будем отступать и искать соглашения с другими. Надо показать русским, что мы их не обманываем!

АП. Восточноевропейские страны хотели бы продемонстрировать свою независимость от русских и заключить с нами отдельные соглашения.

ГдГ. Да. Я считаю это совершенно нормальным.

АП. Возникает проблема с Восточной Германией, поскольку мы не признаем ее как государство.

ГдГ. С государствами мы можем заключить государственные соглашения; что же касается ГДР, то пусть будет соглашение между фирмами. Нужно поставить Бонн перед свершившимся фактом!

[...]

Золотой салон, 20 апреля 1966⁴².

Я отчитываюсь перед Генералом о происходившем в Москве заседании смешанной франко-советской комиссии:

«Все прошло хорошо, мы окончательно отработали систему, которая теперь будет называться SECAM II; мы представим ее совместно с русскими на конференции в Осло».

Я намеревался ограничиться этой информацией, но Генерал продолжает разговор, как если бы в его распоряжении была масса времени:

«Эта история окончится не так хорошо, как я надеялся, но и не так плохо, как я в какой-то момент стал опасаться. PAL победит в Западной Европе, SECAM — в Восточной, в странах третьего мира, в Африке, на Ближнем востоке⁴³. Во всяком случае, американская система не сможет высадиться в Европе. И американцы, и японцы будут вынуждены выпускать приемники SECAM. Зато PAL заработает много денег, поскольку завоеует богатые страны, и часть денег будет переводить CSF⁴⁴, Понте и де Франсу. По охвату населения выиграет французская система.

И вы увидите, что технические специалисты найдут способ декодировать сигнал и переводить его из одной системы в другую⁴⁵.

Почему я придаю значение всему этому делу? Потому что оказалось, что SECAM лучше американской системы и не хуже немецкой. Это достаточное и понятное основание для того, чтобы продвигать французскую систему и поддерживать ее изо всех сил. С другой стороны, я рассчитывал таким образом дать толчок развитию французской электроники в перспективном направлении. Успех всегда дает толчок дальнейшему развитию технологии...

И затем, оттесняя американскую технологию, мы избегаем слишком навязчивого американского контроля над европейской электронной промышленностью. И наконец, большое значение имеет наш национальный престиж, особенно в странах третьего мира; надо показать, что Франция, прославленная своими духами, сырами и модой, является также великой научной и технической страной.

Сначала я надеялся, что мы создадим франко-немецкую систему, которая послужит примером франко-немецкого сотрудничества. Немцы нас грубо отпихнули. Надо было дать им хороший урок! Мы поменяли союзника, во всяком случае, в данной области. С этого момента SECAM стал играть роль застрельщика франко-советского сотрудничества.

Во многих отношениях мы выиграли по очкам. Отстранена американская система, которая готовилась подчинить Европу с помощью англичан в качестве агентов. Пусть знают повсюду, что две системы, французская и немецкая, отправились покорять мир. Это визитная карточка для Франции, хотя было бы лучше, если бы она смогла победить в одиночку.

Во всяком случае, мы бы этого, конечно, не добились, если бы государство не вмешалось в процесс со всей энергией. Если бы мы предоставили фирме действовать собственными силами, Франция оказалась бы в изоляции...

Однако мы могли и должны были добиться большего, если бы не поддались сомнениям, если бы правительство действовало более решительно, если бы мы больше верили во Францию».

Покидая Генерала, я уношу впечатление, что это была апология Франции, но апология с примесью горечи.

17. «Мы едем в Россию»

Совет министров, 15 июня 1966.

Перед своим большим путешествием в Россию Генерал говорит о том, с какими намерениями и настроениями он туда едет:

«Не могу сказать, что мы едем в Россию исполненные наивной доверчивости и облаченные в белые одежды. Но у нас нет ни задних мыслей, ни предубеждений. Мы едем туда, чтобы немного лучше понять политику Советов и чтобы разъяснить им нашу собственную ориентацию. Положение в мире меняется, и особенно в отношениях Восток–Запад. Может быть, и мы тоже в какой-то мере влияем на эти процессы, и это нормально. Я хочу посмотреть, на что ориентируются Советы, на что они могли бы согласиться, а на что нет.

На подписание договора перспектив нет, но экономическое соглашение и соглашение в области космоса, возможно, будут подписаны в Москве, если до того времени они будут парафированы. Кроме того, будет опубликовано коммюнике, а может быть, и декларация, в которой будет всего лишь выражено намерение рассматривать в практическом плане европейские проблемы, главным образом, германский вопрос, который будет урегулирован, если это вообще случится, только при участии всей Европы, а также Америки. Фактически, все это не более чем зондаж.

Советы придают этой встрече большое значение. Мы тоже. Мы будем обсуждать все вопросы, какие только захотим: Европа, Восток, Африка, Азия. По всем вопросам, затрагивающим жизнь планеты, нам есть, что сказать и что выслушать.

Поездка будет относительно продолжительной. Мы поедem в Новосибирск, город ученых, на Байконур, космическую базу, в Ленинград, Киев, Волгоград.

Они проявляют большую расположенность, мы тоже проявим. Помимо политеса, все будет зависеть от того, что они захотят сделать. Они будут демонстрировать открытость с известной долей хитрости, которую не всегда легко распознать.

Пока я буду в путешествии, заседаний Совета министров не будет. Но я уполномочу премьер-министра созвать одно заседание в случае необходимости. Мы соберемcя на Совет

министров после нашего возвращения, вероятно, в пятницу после полудня».

Совет соберется в субботу 2 июля: в то время мы работали по субботам.

Совет министров, 2 июля 1966.

Кув. «Условия приема были исключительными. Все власти разбивались в лепешку. Генерала де Голля поселили в Кремле. Он первый, после Ленина, произносил речь с балкона муниципалитета. Население собиралось огромными толпами, эти демонстрации дружбы отличались необыкновенным размахом и, насколько можно судить, спонтанностью. Брежнев, Косыгин и Подгорный, *тройка**, принимали участие во всех переговорах. Последний, хотя и находится в курсе всего, не играет, кажется, такой роли, как двое других. Косыгин — способный администратор, его авторитет растет. Брежнев — в наибольшей степени доктринер. У него нет такого опыта управления, как у Косыгина, но он кажется умным, раскованным и информированным. Именно он был нашим главным собеседником. Но их группа кажется крепко спаянной».

Политический анализ Кува длится долго, и кажется, что им все сказано. Но Генерал поворачивает тему по-своему.

ГдГ. «Страна производит впечатление необъятности. Материальные возможности, численность населения позволяют предвидеть колоссальный размах в развитии страны. Все, что они делают, огромно, будь то плотина или ракета. Но все это находится еще в процессе становления. Очень велики производительные потери, в частности из-за дальности перевозок. Колоссальные размеры — вот первое впечатление.

Второе впечатление касается психологии. Повсюду ощущается стремление к снятию барьеров — у руководителей, у представителей элиты, у военных. Чувствуется конфликт между желанием вступить в контакт и рефлексом самозащиты. Но стремление к контактам кажется более сильным, и огромная популярность Франции в России может сыграть свою роль. Интерес населения к нам проявился необыкновенно ярко.

* В оригинале по-русски.

Третье. Русские испытывают коллективную гордость за то, что они делают, и хотят делать еще больше. Отсюда следует, что автоматически они вступают в соперничество с Америкой. Для того чтобы придать себе смелости, они нуждаются в образе потенциального страшилища. Германия играет в их глазах эту роль, даже если они и не до конца принимают всерьез свои опасения.

Четвертое. Режим контролирует страну, что и не трудно, настолько она послушна. Конечно, поддержка режима не является ни глубокой, ни восторженной; но его терпят и, в целом, с ним мирятся. Люди понимают, что крепкая национальная дисциплина необходима. Конфликты, в которые ввязывается режим, в основном поддерживаются народом, хотя и без особого пыла. Впрочем, стремление к разрядке растет из года в год. Режим суров, но он меняется: становится менее идеологическим, более технократическим. Страну направляют теперь не пропагандисты, а инженеры.

Пятое. Переговоры прошли хорошо. Расхождения во взгляде на германскую проблему были констатированы, но не подчеркивались. Откровенно говоря, русские не производят впечатления людей, склонных к войне. Но им не следует наступать на мозоли. Они недоверчивы и действительно встревожены воинственными демаршами Соединенных Штатов. Они миролюбивы и обеспокоены.

Шестое. Они удовлетворены направлением нашей политики. Живя в мире лозунгов, ими же созданных, они удивлены нашей позицией⁴⁶. Они считают, что контакт с Западом проходит через Францию, и желают, чтобы такие контакты продолжались. Наша политика, направленная на окончание холодной войны, соответствует и их, и нашим интересам.

Ибо мы не скрываем, что нам близка обеспокоенность русских. Неясно, как смогут мирно ужиться две такие мощные и развивающиеся державы, как Америка и Россия, воинственные по своей сути. Вот почему необходимо объединить Европу, преодолев германскую проблему; для этого надо признать неизбежность существующих границ, недопустимость атомного вооружения Германии и когда-нибудь, в неопределенном будущем, необходимость ее объединения.

В итоге, мы должны иметь возможность существовать сами по себе и в случае, если разразится драма, самим выбирать направление. Обладать независимостью может только тот, кто способен ее обеспечить, в том числе и военными средствами. Это надо принять как данность.

Франция пользуется в России уважением, которое возросло за последние годы и будет продолжать расти».

Спустя три месяца я узнал некоторые подробности относительно переговоров в Москве. [...] Беседы с Брежневым и Косыгиным, как оказалось, шли гораздо далее того, что я мог предположить. Я выписал некоторые, наиболее значительные, места.

Мое первое впечатление: де Голлю надо было очень постараться, чтобы склонить советских руководителей к нашей позиции в отношении Германии. Поэтому он сразу же поставил этот вопрос.

ГдГ. «Согласны ли вы, чтобы мы начали с Европы?»

Брежнев. Согласен.

ГдГ. Считаете ли вы, что нынешнее состояние Европы является окончательным, особенно в том, что касается Германии, или же вы готовы рассмотреть возможность некоторых перемен? Я задаю этот вопрос потому, что нынешняя ситуация в Европе, на Востоке и в Германии является результатом решений, в которых Франция не участвовала. Франция была тогда слишком слабой, слишком пострадавшей от войны. Мы не принимали решений ни в Ялте, ни в Потсдаме. Вы, напротив, там были и дали согласие на то, что было сделано в Европе и в Германии. Вот почему я спрашиваю у вас: то, что было сделано двадцать лет тому назад, является ли, в ваших глазах, окончательным, или вы считаете возможными какие-то изменения».

Вопрос представлял собой замаскированную ловушку. Русские не могли отрицать, что после Ялты многое произошло: отойдя от ялтинских соглашений, они приоткрыли бы дверь к переговорам. Но в своем ответе Брежнев, через германский вопрос, вернулся к Ялте.

Брежнев. «ФРГ продолжает двигаться к нацизму. Если Германия не получит отпора, вернется ли она к нацизму? Если да, Эрхард ничего не сможет сделать, и вопрос будет решен. Фе-

деральное правительство в настоящий момент терпит фашистские сборища, организации участников прошлой войны и тех, кто требует возвращения бывших немецких территорий. Все это внушает тревогу, тем более что Соединенные Штаты поощряют такую эволюцию Германии. Если к этому добавить упорное стремление ФРГ завладеть ядерным оружием, то мы должны будем констатировать, что, по мере удаления от второй мировой войны, мы все больше приближаемся к третьей, еще более ужасной.

ГдГ. Что касается Европы, то мы всегда полагали, как и вы, что Германия является ферментом нестабильности. Мы страдали от войн, развязанных Германией в 1870, 1914 и 1939 годах. Но сегодня существует и другой элемент, который надо учитывать: это — присутствие в мире и в Европе двух великих соперничающих держав. Немецкий вопрос стал производным от этого соперничества и, тем самым, вошел в иной контекст. Для нас немецкий вопрос является составной частью соперничества между Советским Союзом и Соединенными Штатами. Он имеет два аспекта — внутренний и внешний. Рассматривая его изнутри, мы должны понимать, что мирной эволюции Германии не будет до тех пор, пока немцы не получат надежду на объединение их страны. Конечно, мы желаем такого объединения только на определенных условиях: Германия должна признать ныне существующие границы и отказаться от владения ядерным оружием. Но ей надо дать перспективу.

С внешней стороны, очень важно отделить германский вопрос от противостояния между Советским Союзом и Соединенными Штатами и увидеть в нем то, чем он и должен быть, а именно: вопрос доброй воли в отношениях между европейцами. Необходимы согласования и договоренности между европейцами, включая и самих немцев, так чтобы Германия не являлась изо дня в день заложницей вашего конфликта с американцами.

Если вы хотите безопасности, нужно решать германский вопрос как внутриевропейский. Это вопрос отношения. Наша страна очень пострадала от Германии, но это не помешало нам установить с ней мир. Конечно, надо проявлять бдительность. Но нет оснований предаваться тревоге. Мы бы хотели, чтобы и вы, со своей стороны, проявили более сердечное отношение».

Брежнев не дипломат. Когда де Голль ставит на одну доску обе соперничающие державы, Соединенные Штаты и Россию, он встает на дыбы. Он отвергает идею, будто соперничество двух сверхдержав является злом само по себе. Генерал отвечает с юмором:

«Что касается вашего соперничества с Соединенными Штатами, то я вам скажу, что и мы хотели бы обладать такой же мощью, как Соединенные Штаты и советская Россия. Тогда ваше соперничество интересовало и беспокоило бы нас гораздо меньше. Но надо видеть вещи такими, какие они есть. Мы не возражаем против вашей мощи, потому что без нее мы оказались бы в полном подчинении у Соединенных Штатов. Точно так же, мы не возражаем против американской мощи, так как без нее мы, вероятно, оказались бы под советским владычеством. Вот почему мы не выступаем ни против вашей мощи, ни против мощи американцев».

На это Брежнев может ответить только пропагандистскими лозунгами: «Мы мирные люди, сторонники невмешательства и сосуществования. А Соединенные Штаты грубо вмешиваются в чужие дела. Это — существенная разница».

Косыгин, до этого момента молчавший, замечает, что разговор между Брежневым и де Голлем рискует зайти в тупик. Он берет слово, чтобы от общих принципов перейти в область практических действий и дальнейших шагов:

«Мы думаем, что в наших интересах решать европейские проблемы иными средствами, чем те, что намечаются в настоящее время в Европе. Решение можно было бы найти в более тесном сотрудничестве европейцев в тех областях, где интересы Соединенных Штатов не являются преобладающими. Примером могут послужить наши отношения с вашей страной. Сотрудничество отвечало бы интересам Франции, равно как и интересам Италии, Финляндии, Швеции, Дании и других стран. Оно поставило бы в трудное положение тех, кто не хочет истинной разрядки.

ГдГ. Именно так думаю и я. То, что уже начато между нашими странами, следует закрепить и расширить, не исключая участия других стран, таких, как уже названные вами, но также и Германии. Чрезвычайно важно поставить на повестку дня об-

щее экономическое развитие, которое может стать практическим связующим звеном и создать между европейскими странами такую взаимную заинтересованность и взаимопонимание, что немецкая проблема станет выглядеть все менее опасной, коль скоро у нас будет единый образ жизни».

Совет министров, 12 октября 1966.

Вернувшись из России, я излагаю результаты моих переговоров по различным аспектам нашего сотрудничества. [...] Обстоятельства складываются благоприятно, русские стремятся к расширению сотрудничества не только в прикладных науках, но также и в области производства.

ГдГ (в виде заключения). «Мы никогда ничего не достигнем в отношениях с русскими, равно как и с другими, если не будем в состоянии сделать кое-что и без них».

Кув, продолжая мое изложение, говорит о проблемах внешней торговли. Он подчеркивает наличие очень большого спроса со стороны русских. Сейчас наступил подходящий момент, чтобы подтолкнуть наших администраторов и промышленников к развитию отношений с Россией.

ГдГ. «Наступил момент проявить волю».

Совет министров в узком составе, 25 ноября 1966.

Еще один шаг в новых отношениях с Россией: визит Косыгина во Францию. Генерал определяет круг вопросов международной политики, подлежащих обсуждению: Вьетнам; европейская конференция по безопасности с нерешенной проблемой участия в ней Восточной Германии; распространение атомного оружия; Австрия и ее ассоциация с Общим рынком; вступление СССР в МВФ. Я вношу разрядку в деловую атмосферу, рассказав историю, представляющуюся мне символической:

«Надо бы уменьшить разбалансированность в области коммерческих обменов. Но мы наталкиваемся на культурные препоны. Например, во время заседания совместной франко-советской комиссии, я им предложил купить у нас завод по производству одноразовых зажигалок. Мое предложение вызвало замешательство. На следующий день они ответили, что не могут поддержать позицию, состоящую в том, чтобы выбрасывать сде-

ланную на заводе вещь: ведь в течение пятидесяти лет они приучали советский народ к тому, что вещами надо пользоваться как можно дольше. Зато они охотно рассмотрят вопрос о постройке в СССР завода для перезарядки использованных зажигалок.

ГдГ. С господином Косыгиным мы поговорим о зажигалках, но также и о политике».

Золотой салон, 1 декабря 1966.

Три месяца тому назад, перед моей поездкой в Москву, Генерал советовал мне поучиться, как «правильно себя вести». Ему нет надобности повторять урок перед тем, как отправить меня в качестве сопровождающего Косыгина во время его поездки по провинции. Поездка должна продлиться три дня.

Готовясь к поездке, я пересматриваю запись разговора, который состоялся сегодня между Генералом и Косыгиным, и при котором присутствовал я.

Едва войдя, Косыгин кладет на стол советский проект международной декларации о нераспространении атомного оружия.

ГдГ. «Я вам отвечу совершенно искренне. Мы не являемся атомной державой первого ранга, такой как вы или Соединенные Штаты. Наша ядерная мощь еще только становится реальностью. Пока существуют атомные державы первого ранга, мы считаем необходимым продолжать наши усилия, чтобы иметь полноценное ядерное вооружение, пусть и не в таком количестве, как у вас. Его будет достаточно, чтобы предохранить нас от возможного удара. Я думаю прежде всего о будущем. Мы не знаем, каким оно будет. Ядерное оружие необходимо нам также для сохранения нашей независимости, особенно, по отношению к Соединенным Штатам. Я вам об этом часто говорил.

Зато мы были бы не против того, чтобы вы и Соединенные Штаты пришли к соглашению относительного разоружения в атомной области. Относительно некоторых направлений уже шла речь: контроль над средствами доставки, за подводными лодками и так далее, то есть за тем, что доступно контролю. Однако эти идеи не получили поддержки, и мы не думаем, что получат. Советский Союз и Соединенные Штаты сохраняют свою атомную мощь, а мы — свою решимость иметь атомное оружие.

Конечно, имеются и другие страны. Я не говорю о Великобритании, чьи атомные силы зависят от Соединенных Штатов, тогда как наши — совершенно независимы. Есть Китай, который начал создавать свою бомбу и будет продолжать, несмотря ни на какие соглашения о нераспространении. Есть также Германия. Мы не хотим, чтобы она обладала атомным оружием и, если она попытается его заполучить, мы готовы ей помешать вместе с вами, если вы захотите. Но Германия заявляет, что не желает иметь атомное оружие, и она его не разрабатывает.

Мы понимаем, что вы и Соединенные Штаты заинтересованы в соглашении о нераспространении, но мы в нем не заинтересованы. Подписав его, мы окажемся связанными им наряду с великими атомными державами, тогда как Франция таковой не является; это нам не подходит. Мы не имеем ничего против того, чтобы вы подписали такое соглашение с Соединенными Штатами и чтобы к нему присоединились другие страны, не имеющие атомной бомбы. Но я не вижу оснований, почему это должны сделать мы.

Косыгин. Мы исходим из того, что уже есть пять атомных держав: Соединенные Штаты, Советский Союз, Соединенное Королевство, Франция и Китай. Этим государствам мы не намерены навязывать каких-либо ограничений или условий в атомных испытаниях. Однако мы не хотим, чтобы к этим странам добавились другие. Мы располагаем определенной информацией и знаем, на какой стадии разработок находятся некоторые страны. К тому же, не существует никаких секретов производства, и в качестве ограничителя выступают только экономические возможности. Так что некоторые страны работают в этом направлении.

Мы не хотим, чтобы такие страны, как Германия, Италия, Япония, Индия и Израиль, обладали ядерным оружием. Мы хотим, чтобы, за исключением пяти атомных держав, ни одна страна не имела права создавать бомбу.

Германия — вот главная проблема, и она не может вас не интересовать. С помощью соглашения о нераспространении мы хотим поставить Германию в такое положение, чтобы она никогда не смогла получить атомное вооружение.

ГдГ. Вы сохраните ваши вооружения, и Америка тоже, хотя уже несколько лет ведутся разговоры о разоружении. Таким образом, те, кто имеет бомбу, ее сохраняют, а те, кто не имеет, не получают никогда. Трудно согласиться с таким взглядом на мир.

Косыгин. По-видимому, вы считаете, что любое государство может обладать атомным оружием, а другие государства не в праве ему помешать. Значит, и Германия будет иметь равные права со всеми. Не лучше ли все-таки ограничить число атомных держав имеющимися пятью странами, не ограничивая их возможности совершенствования атомного оружия. Но если другие государства получают бомбу, если получить ее смогут все, тогда катастрофы не миновать. Завтра это будет Китай, послезавтра — неизвестно кто.

ГдГ. Действительно, атомное оружие — это великое несчастье для нашего мира. Америка создала, вы последовали за ней. Англия тоже, так как она зависит от Америки. Мы вынуждены были это сделать, чтобы обеспечить нашу независимость от Соединенных Штатов.

Мы не можем сказать, что одни страны имеют право на бомбу, а другие нет. Но есть страны, которым лучше ее не иметь. И мы с вами согласны, что Германия не должна иметь бомбу, потому что Германия — это Германия, она дважды развязала мировую войну и, если бы она имела бомбу, мы все подверглись бы большой опасности. Поэтому существует политическая заинтересованность: ей в этом помешать. Это — вопрос политической целесообразности. Но если речь идет о праве, то им должны обладать либо все, либо никто. Было бы лучше, если бы ни одно государство не имело права владеть атомной бомбой. С этим мы были бы согласны.

Китай никогда не поддержит соглашения о нераспространении. Что вы будете делать?

Косыгин. Даже если Китай не подпишет соглашения, что у него есть в атомной области? Нам это известно лучше, чем кому-либо: он ничего не может дать, так как ничего не готово. Конечно, ценой нищеты и голода для всего населения страна может создать бомбу; этим Китай сейчас и занимается, лишая себя всего и идя к экономической катастрофе. Но в настоящее время Китай ничего не может передать другим. Он мне напоминает Египет времен фараонов, строящих пирамиды.

ГдГ (по-своему подводя итог обмену мнениями по этому вопросу). У вас есть клиенты, такие как Польша, Венгрия, Чехословакия. Фактически ваше заявление означает, что вы им бомбу не дадите, а они согласны ее не иметь. У Соединенных Штатов тоже имеются клиенты, такие как Германия и Япония. Для них тоже соглашение состоит в том, чтобы не давать и не получать. Мы ничего против этого не имеем. Что касается нас, то у нас клиентов нет; значит, нам и не нужно подписывать такой договор. Нам некому передавать нашу бомбу».

Из дальнейшей беседы я привожу то, что касается Германии: из атомной плоскости переговоры переходят в плоскость политическую.

ГдГ. «В настоящее время у европейцев растет желание вновь стать независимыми и вновь стать европейцами. Из-за войны во Вьетнаме Соединенные Штаты теряют моральный авторитет в Европе. Эта война и то, как она ведется, производит нехорошее впечатление, даже если правительства — за исключением французского — этого не говорят или даже говорят противоположное. В сущности, Европа этой войны не принимает. Поскольку у Соединенных Штатов из-за Вьетнама сейчас очень много забот, военных и прочих, они стали меньше интересоваться Европой. Поэтому Советскому Союзу и Франции представляется возможность проводить более европейскую политику, которая найдет глубокий отклик у многих государств Западной Европы. И даже, может быть, у Германии, представьте себе! Она потеряла многие иллюзии относительно Соединенных Штатов и нуждается в новой политике. Эту новую политику она будет рада найти в Европе, если бы мы с вами могли договориться.

Косыгин. Чем меньше будет политическое влияние Соединенных Штатов в Европе, тем меньше будет конфликтов, и тем спокойнее ей будет жить. Остается германский вопрос. Было бы не реалистично искать его решение в объединении двух Германий, что не соответствует ни вашим, ни нашим интересам. Значит, нужны иные подходы. Посмотрите, что происходит в Баварии: там возрождается фашизм. Фашисты выступают за союз с Соединенными Штатами.

ГдГ. Я, как и вы, не думаю, что начинать надо с объединения Германии. Мы не торопимся, а вы — тем более. Прежде всего, надо организовать разрядку. Надо установить нормальные отношения между всеми европейскими странами. Надо вовлечь Германию в европейскую разрядку и тем связать ее. Затем надо будет перейти к общеевропейскому соглашению: пусть европейцы сами рассматривают европейские проблемы, включая германский вопрос и вопросы безопасности. Если Германия будет по-настоящему включена в Европу, где установятся спокойствие и согласие, то у нее больше не будет реваншистских идей. Тогда, со временем, немецкие государства, западное и восточное, найдут, может быть, пути для сближения и установления на практике все более тесных отношений; и, возможно, в один прекрасный день дело закончится установлением конфедеративных отношений между ними. Конечно, все это должно быть обусловлено признанием существующих границ и отказом от владения атомным оружием. Но в этом нет ничего невозможного. Может быть, Германия признает, в конце концов, что это — наилучшее решение. Она ведь начинает понимать невозможность объединения с помощью силы.

Вы говорили о возрождающемся фашизме; я в это не очень верю. Гитлер появился в результате страшного экономического кризиса и галопирующей инфляции; а также, скажем прямо, благодаря сильной коммунистической партии, которая напугала немцев. Но главное — в результате слабости других стран, включая Францию и советскую Россию, которая не обладала такой мощью, как сейчас. Теперь положение изменилось: и у вас, и у нас имеются все необходимые средства, чтобы подавить Германию, если она станет агрессивной. Сегодня ситуация другая, и я не очень верю в возрождение немецкого фашизма. Тем не менее, следует помнить о существовании Германии и стараться помочь ей выработать политику, приемлемую для всех.

Косыгин. Я думаю, что мы с вами будем политически продвигаться в этом направлении.

ГдГ. Надо создавать новый психологический настрой, особенно в Европе. Мы к этому придем, если будем помогать друг другу. Исходя из новой психологии, можно будет проводить новую политику».

Золотой салон, 5 декабря 1966.

Я пользуюсь аудиенцией, чтобы спросить у Генерала, что он думает о своем разговоре с Косыгиным.

ГдГ. «На самом деле, игру ведем мы, а русские только идут следом и соглашаются. Мы хотим разрядки и согласия в Европе. В конце концов, они придут к тому же.

Косыгин, наконец, сказал мне на днях, что Германия объединится, и он согласен со мной, что это сможет произойти только в условиях общеевропейского согласия. Потребуются разные гарантии с ее стороны: отказ от обладания атомным оружием, неизменность границ, уточнение статуса. Необходимо, чтобы структура будущей Германии была достаточно свободной: никакого Рейха, лучше всего — конфедерация.

Но нужно обязательно добиваться этой разрядки и этого согласия. Поэтому я не очень доволен выступлением Косыгина в Сорбонне, где он ругал немцев. Надо, наоборот, подталкивать немцев к сближению с Россией. Надо преодолевать их взаимную агрессивность. Такова наша игра. И — единственно возможная».

Совет министров, 14 декабря 1966.

Косыгин уехал. После Кува Генерал делает короткое заключение.

ГдГ. «Визит Косыгина был удовлетворительным. Он показал, что у России есть реальное стремление к разрядке. Политические результаты уже сказываются в новой позиции немецкого правительства. Практические результаты появятся еще не скоро, но начало положено».

«Новая позиция немецкого правительства»? Сегодня на совете, как и в беседе 5 декабря, он говорит о русских, а мысли его заняты немцами. Но и тех, и других он терпеливо старается убедить в необходимости разрядки. В Сорбонне Косыгин показал себя непонятливым учеником. Ему еще предстоит понять. Генерал не разыгрывает русскую карту против Германии. Но он не исключает того, что, сделав несколько шагов в сторону России, он заставит немцев пошевелиться. Эрхард «разочаровал» де Голля? Хороший прием, оказанный Косыгину, поможет сближению между Парижем и Бонном. Единственная цель этой игры — укрепление мира.

18. «Франко-советское сотрудничество — большое дело»

Золотой салон, 22 сентября 1966.

Я должен отправиться в Россию, чтобы привести в действие два рамочных соглашения, подписанных три месяца тому назад, во время пребывания Генерала в Москве.

Он получает от меня информацию и дает свои указания по четырем направлениям предстоящего сотрудничества.

АП. «Во-первых, исследования в космосе, запуск трех спутников: одного научного, одного телекоммуникационного, одного метеорологического. В отношении последнего проблем не возникает: исследования стоят недорого, но дадут интересные результаты. Зато стоимость научного спутника колоссальна: 110 миллионов.

ГдГ. Это всё химеры ученых. Чего мы можем ждать от этого научного спутника? Каких результатов?

АП. Это область фундаментальной науки, где никогда нельзя знать заранее, что именно мы получим. Может быть, ничего, а может быть, — открытия, которые произведут переворот там, где мы этого и не ожидаем. В общем, здесь моя позиция будет сдержанной. Равно как и в отношении спутника связи: насыщенность телекоммуникаций между западной и центральной Европой не требует отдельной спутниковой системы.

ГдГ. То, что вы говорите, меня не удивляет. Обо всем этом мы можем сказать русским, здесь нам нечего скрывать. Денег у нас немного. Мы работаем в сотрудничестве с американцами, и нам еще надо многому научиться. Русские тоже заинтересованы в том, чтобы мы не отрывались от западного мира. Советские предложения относительно тяжелых ракетносителей поступили слишком поздно: мы начали участвовать в ELDO* и уже сделали такие вложения, что было бы глупо не дожидаться результатов... Слишком поздно также и для спутника связи, так как мы связаны с американцами через Интелсет⁴⁷ до конца 1969 года. Но скажите им, что все их предложения по поводу тяжелых ра-

* «European Launcher Development Organisation» — «Европейская организация по запуску в космос».

кетоносителей и по поводу телекоммуникаций нас очень интересуют. И хотя мы не можем ими воспользоваться до 1969 года, не исключено, что мы ими воспользуемся позже. Надо работать в этом направлении. Сотрудничество с русскими в области космоса для нас привлекательно. Оно имеет большое будущее.

В то же время, не надо от них скрывать, что мы надеемся со временем создать свои собственные ракетоносители.

АП. Вторая область — это исследования в области атома: «пузырьковая камера»⁴⁸, которую нам предстоит построить в Серпухове, вокруг большого ускорителя, создаваемого русскими; это позволит нам осуществлять широкое сотрудничество, при условии, что вопросы научных связей и обмена исследователями будут решены на выгодных для нас условиях.

ГдГ. Но ведь все это уже было оговорено? Мы подписали соглашение, и даже не одно?

АП. Да, но блюдо надо все время подогревать.

ГдГ. А за «пузырьковую камеру» они, надеюсь, заплатят? Мы ведь не собираемся ее дарить?».

Я его успокаиваю на этот счет и перехожу к другим областям научного и технического сотрудничества. В связи с цветным телевидением предстоит наладить промышленное производство телеприемников. В заключение Генерал говорит:

«Во всех этих делах постарайтесь вести себя сердечно и конструктивно. Моя поездка в Россию не должна пройти впустую. Она должна дать результаты. Франко-советское сотрудничество — большое дело. С цветным телевидением все пошло неплохо. Надо, чтобы так же было и в других областях. Таким способом мы расширим обмены и со временем преодолеем политику блоков».

Я сообщаю Генералу, что Зорин⁴⁹, пригласивший меня на завтрак, высказывался в весьма позитивном духе и выражал пожелание, чтобы подписанные соглашения не остались на бумаге.

ГдГ. «И он прав! Надо идти вперед! Поэтому я вызвал его на завтра, чтобы напомнить о приглашении, которое я сделал в Москве Брежневу, Косыгину и Подгорному посетить нашу страну: теперь я хочу узнать, какой ответ мне дадут эти три молодца. Не говорите никому, но очень важно, чтобы это дело не затягивалось. Я хотел бы, чтобы они приехали до конца года. Во всяком случае, один из трех».

Приедет Косыгин.

Часть V
ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО
1964–1968

1. «Свобода и порядок...»
Эти понятия взаимосвязаны»

Золотой салон, 8 июля 1964.

Генерал просит меня произнести речь в Орлеане, в связи с пятидесятилетием со дня смерти Пеги.

АП. «Однажды вы процитировали мне фразу Пеги: “Порядок и только порядок, в конечном счете, создает свободу”. Вы, по-видимому, придаете этой формуле большое значение. Не думаете ли вы, господин генерал, что эта формула обратима: “Свобода и только свобода, в конечном счете, создает порядок”?».

На губах Генерала мелькает улыбка:

«Случается, что самые удачные формулы оказываются обратимыми... Эти два понятия взаимосвязаны. В июне 1940 года порядок был растоптан, как это редко случалось в нашей истории. Не было ни порядка, ни свободы. Было ясно, что новый порядок можно воссоздать только исходя из свободы, то есть французы и Франция должны быть свободны. Порядок, установленный режимом Виши, был не действителен уже в силу того, что не опирался на свободу. Эти люди совершили ошибку, полагая, будто смогут произвести Национальную революцию, пребывая в порабощении. Вот тогда-то, в силу необходимости, я вышел за пределы законности».

(«В силу необходимости?». Скорее, движимый верой в отечество и в самого себя...)

АП. «И тогда вы придумали понятие *легитимности*?

ГдГ. Самое большое, что я сделал, — я его воскресил: оно было в большом ходу в прошлом веке, да и в предыдущих столетиях тоже. Я воззвал к легитимности, потому что законность была против Свободной Франции. Все, что представляло тогда законность, отвернулось от меня. За редким исключением, функционеры метрополии и колоний, армия, авиация. Флот предпочел, чтобы его потопили в Мерс-эль-Кебуре, или потопил сам себя в Тулоне, или стоял в бездействии в Александрии. Французы, уехавшие за границу, вели себя и того хуже: Андре Моруа, Жюль Ромен, Алексис Леже¹ и многие другие предпочли устроиться в Соединенных Штатах, а для успокоения собственной совести настраивали Рузвельта и Конгресс против меня.

В Лондоне, в журнале, который имел нахальство называться «Свободная Франция», Раймон Арон и Андре Лабарт обзывали меня «Баденге». Они способствовали тому, что в Соединенных Штатах ко мне стали относиться, как к генералу-путчисту латиноамериканского типа».

В феврале 1959 года леворадикальные студенты Эколь Нормаль отнесли к де Голлю точно также не потому, конечно, что они были сторонниками американизма... В 1940 году «сорок миллионов французов», уважая законность, стали на сторону Петена. И только 11 сентября 1940 года в метрополии появились первые зримые признаки симпатий к голлизму..

Призыв к Сопrotивлению, прозвучавший 18 июня 1940 года из уст де Голля, был незаконным. Генерал Вейган*, во имя законности, послал де Голлю телеграмму с приказом вернуться во Францию, а затем предал его военному суду заочно. Во имя законности, французское посольство в полном составе покинуло Лондон по приказу Виши после событий в Мерс-эль-Кебуре. Один дипломат заявил своему товарищу Жоффруа де Курселю: «Вам должно быть стыдно оставаться с де Голлем».

Золотой салон, 23 января 1943.

ГдГ. «Американцы хотят присвоить себе суверенитет на территории Франции. В 1944 году они уже готовились управлять

* В то время главнокомандующий французской армией.

Францией посредством АМГОТ. Если бы через восемь дней после высадки в Нормандии я не прибыл в Бэйё и не установил бы с помощью движения Сопротивления и моих представителей власть временного правительства, то с Францией обошлись бы, как с вражеской и побежденной страной, как уже поступили с Италией и должны были вскоре поступить с Германией. Но не так, как с Бельгией или Голландией, правительства которых нашли прибежище в Лондоне. Уже в 1942 году американцы заключили с Дарланом* секретные соглашения, передававшие Соединенным Штатам французский суверенитет над Северной Африкой².

АП. За это Дарлан и был убит?

ГдГ. Дарлан не был убит. Он был казнен движением Сопротивления. Четверо человек тянули жребий: кому будет поручено привести приговор в исполнение.

АП. Вы были в курсе?

ГдГ. В курсе этого дела — нет. Но я твердо знал, что рано или поздно Дарлан будет казнен. Я к этому относился, как к делу решенному. Если не эти четверо, так другие... Эта казнь была спонтанной и неизбежной».

Ему всегда была свойственна своего рода дальновзорность: из-за нее он часто не замечал окружающие его в данный момент детали, зато с необыкновенной остротой видел то, что произойдет в близком или далеком будущем и о чем другие даже не догадывались. Как шахматист, он рассчитывал ходы заранее. И ему не было нужды двигать фигуры самому: его фигуры и фигуры противников двигались сами в соответствии с той логикой, по которой он выстраивал партию. Фигуры, отмеченные знаком легитимности, побеждали, а те, что носили знак законности, были биты.

«В чем никогда нельзя уступать, — говорит он в заключение, — это в легитимности, понимаете? В том, что касается высших интересов нации, ее суверенитета. *Primum omnium salus patriae*³».

* Адмирал Дарлан (1881–1942) в 1940–1942 годах был заместителем и главным помощником Петена. В 1942 году, после высадки союзников в Северной Африке, был оставлен американцами в качестве верховного гражданского правителя Алжира, вскоре после чего был убит участником движения Сопротивления.

2. «Моя миссия: вылепить статую Государства»

Генерал никогда не говорил: «Я вернулся во власть». Он говорил: «Я вернулся к делам». Мог ли он предполагать, что наступит время, когда выражение «заниматься делами» станет обозначать коррупцию? Не ведая о том, какую эволюцию претерпит значение слова, он опасался фатального хода вещей: «Как только Государство перестает быть арбитром, действующим во имя общего блага, начинается воровство и драка за частные интересы».

Но пока что он занимался *делами* в собственном понимании этого слова: он управлял Францией и здесь был всегда *при деле*.

После Совета министров, 12 декабря 1962 года.

Генерал заявил мне: «Моя главная задача, от которой зависят все другие — Алжир, деколонизация, восстановление экономики и финансов, создание силы сдерживания и планетарной политики, — это построить Государство, достойное того, чтобы так называться. Мой долг — избежать неправильного применения Конституции. Моя миссия, мой мандат, который я получил от народа: вылепить статую Государства, определить его статус*».

Елисейский дворец, 12 декабря 1962.

Помпиду вновь назначен премьер-министром и сформировал новое правительство.

В этот день на Совете министров Генерал решил огласить свою доктрину. Он начинает с принципа, который должен стать для всех незыблемым законом:

«Совершенно необходимо, чтобы премьер-министр, прежде чем выходить с общей политической декларацией перед Национальным собранием, огласил бы ее на Совете министров, в главных чертах, а еще лучше — по возможности дословно. Такая декларация делается от имени всего правительства, и, следовательно, — президента, поскольку правительства не существовало бы, если бы президент его не выбрал и не поддерживал».

* Игра слов, близких фонетически: статуя (*la statue*) и статус (*le statut*).

Прежде чем предоставить слово Помпиду и как бы для того, чтобы показать, чьим директивам будет следовать Совет министров, Генерал подчеркивает главные вопросы, которые будут стоять перед новым правительством:

«Первое. Прежде всего, цены: надо быть внимательными к настроениям людей, получающих зарплату, к их требованиям, которые не замедлят воспоследовать, если цены поползут вверх.

Второе. Интеграция рабочих. Во Франции не должно быть социального вопроса. Я не говорю, что не должно быть борьбы интересов. Она будет всегда. Но о социальных классах вопрос стоять не должен.

Третье. Народное образование — это очень важная проблема, сегодня и надолго. Она должна помочь постепенному стиранию классово-социальных различий, при условии, что молодые французы будут пользоваться равными возможностями образования; открытость образования для широких масс должна уравновешиваться соответствующей системой ориентации и отбора.

Четвертое. Рычаги управления надо крепче держать в руках. Этот вопрос в гораздо большей степени зависит от вашего авторитета, господин премьер-министр и господа министры, чем от структурных реформ. Чтобы иметь авторитет, надо пользоваться престижем. Вы не будете иметь престижа, если будете смешиваться с другими. Извольте соблюдать дистанцию и быть безупречными. На вас не должна упасть даже тень подозрения.

Пятое. Правительственная солидарность: вы различны между собой, вы представляете разные политические формирования или же не представляете их; у вас разные тенденции, вы управляете различными администрациями. Но пусть эти различия не вырождаются в расхождения и — что еще важнее — пусть эти расхождения не становятся явными. То, что происходит в Совете министров, не должно быть известно за его пределами. Однако до сих пор журналисты умудрялись узнавать, что там говорится. Это недопустимо. О том, что происходит в Совете министров, может становиться известно только через министра информации, который будет высказываться только после согласования со мной.

И последнее: я хочу получать информацию о том, что делается и что готовится в ваших министерствах непосредствен-

но от вас. И, докладывая мне, вам не нужно делать это тайком от премьер-министра.

[...]

После Совета министров.

Генерал, сидя за своим письменным столом, сияет от удовольствия. Во время Совета министров он сохранял обычную невозмутимость. Оставшись наедине с собой, он не скрывает своей радости. Что, впрочем, не мешает ему устроить мне головомойку по поводу краткого сообщения, подготовленного мной для журналистов:

«Премьер-министр поставил правительство в известность об основных направлениях политической декларации, которую он уполномочен *предложить* на утверждение Национального собрания».

Генерал подсказывает:

«Ну, нет! Он ее не *предлагает*! Не предлагает и не предлагается! Никаких таких курбетов! Ваша формулировка отвратительна! Никогда не надо путать слова, иначе все пойдет кривь и вкось!».

И добавляет: «Видите ли, очень важно создавать хорошие прецеденты».

На каждом заседании Совета министров, по ходу работы, он создает прецеденты тем, как реагирует на различные правительственные акты. При этом он всегда соблюдает меру и стремится сопроводить любое критическое замечание смягчающим выражением.

Именно в таком тоне он и завершает нашу беседу:

«Вот видите, Пейрефит, эта комбинация — совмещение референдума и выборов — оказалась плодотворной. Она показала, что народ — на стороне государства. Теперь народ и государство — суверенны».

Генерал испытывает уверенность в себе и в своих действиях, так как теперь он не сомневается, что строит государственные учреждения на камне: на незыблемом основании народного суверенитета.

Зная, что народ на его стороне, он может спокойно игнорировать всех вождей оппозиции и всех сильных мира сего. Но

если ему случается усомниться в поддержке народа, его уверенность слабеет.

Так было, когда он счел свою победу на референдуме в октябре 1962-го недостаточно убедительной; затем, когда его популярность упала в результате забастовки шахтеров; затем, в декабре 1965-го, когда он переизбирался на второй срок; после законодательных выборов 1967 года; во время восстания в мае 1968-го. Этого было достаточно, чтобы глубоко его уязвить и поколебать его уверенность в своем праве находиться у власти. Но в большинстве случаев, ободряющие сигналы противоположного характера — такие, как удивительный успех на парламентских выборах в ноябре 1962 года, триумфальная поездка по провинции, по заморским территориям или в зарубежные страны, — помогали ему крепко держаться в седле.

За исключением редких моментов уныния, его преобладающим настроением было спокойствие и даже, в частных беседах, воодушевление. Свою скульптурную невозмутимость он противопоставлял тревоге или недоброжелательности, которые обрушивались на него с газетных полос, звучали в повседневных разговорах и которые, как правило, доходят до нашего сознания и создают у нас постоянное чувство, что жить опасно.

Матиньонский дворец, 13 декабря 1962.

В конце нашей утренней встречи Помпиду замечает мне по поводу вчерашнего Совета министров: «Генерал настаивает, чтобы в число правительственных проектов был вставлен пункт о привлечении трудящихся к руководству экономической жизнью, но это — одна из тех вещей, о которых много говорят, но которые никогда не делают».

Он продолжает почти неприязненным тоном, как будто предполагает, что и я разделяю этот, с его точки зрения, неправильный подход: «Капитан Валлон⁴ и *tutti quanti* — люди сумбурные, с ними нельзя иметь дела. К сожалению, они своими бредовыми идеями заморочили голову Генералу. Надо оградить Генерала от всей этой чепухи. Этим мы окажем ему большую услугу».

Уже давно Помпиду предостерегал меня против этой «химеры» Генерала. Перелистывая свои записи, я убеждаюсь,

что на *Совете министров 11 июля 1962 года* был рассмотрен указ об *участии*, публичное оглашение которого назначено на 15 июля. «Главное, не нужно об этом говорить, — предупредил меня Помпиду, — это слишком деликатный сюжет. Левые голлисты ведут себя в экономике, как слон в посудной лавке».

Я так и не понял, как и почему умолчание об указе, который все равно будет опубликован 15 июля, сделает этот сюжет менее «деликатным». Но отрицательная позиция Помпиду в этом вопросе бросается в глаза.

[...]

Соблюдение «духа Конституции» — это один из тех пунктов, к которым Генерал не перестает возвращаться. Он говорит мне об этом с первых же дней существования кабинета Помпиду.

Золотой салон, 25 апреля 1962.

ГдГ. «Постарайтесь объяснить вашим журналистам, что такое *дух Конституции*. Во времена Третьей и Четвертой Республик правительство должно было доказывать, что у него есть большинство в Национальном Собрании. Пятая перевернула порядок доказательств. Теперь оппозиция должна доказывать, что правительство не обладает большинством. Процедура, с помощью которой оппозиция могла принудить правительство поставить вопрос о доверии и тем вызвать его отставку, теперь не существует. Когда мы вырабатывали окончательную редакцию Конституции, Ги Молле и Пфлимлен особенно настаивали на необходимости устранить эту угрозу. Такое же пожелание неоднократно высказывал и Гайар. Эксперты Четвертой Республики рассматривали этот пункт как основу конституционной реформы.

А теперь ваши журналисты хотят, чтобы все началось с начала и чтобы, как в прежние времена, правительство вынуждали ставить вопрос о доверии! Это означало бы, что при каждом разногласии возникает правительственный кризис! А значение газет благодаря этому возрастает! Газетчики, таким образом, превращаются в арбитров!

С тех пор, как в стране установился новый режим, только один раз правительство взяло на себя такую инициативу. Это было после моей речи о самоопределении⁵. Нужно было, чтобы заработало это колесико Конституции; мой долг — сделать так,

чтобы действовали все части конституционного механизма. Но одного раза, с правительством Мишеля Дебре, достаточно. Если мы повторим то же самое с правительством Помпиду, прецедент будет создан, он станет правилом, и мы соскользнем в старую колею. Вот почему я не хочу, чтобы Помпиду просил о доверии, притом что, по всей вероятности, он его сегодня получил бы. Надо заставить французов отказаться от старых привычек».

«Чтобы действовали все части конституционного механизма». Еще более, чем о разрешении текущих вопросов, Генерал заботится о выработке новых рефлексов для решения проблем в будущем.

У него есть жилка пилота-испытателя: он хочет лично проверить новую машину, обкатать все ее механизмы, подвергнуть реальной проверке все ее возможности.

6 июня 1962 Роже Фрей⁶ отмечает «вялость коммунистической партии, неспособной поднять волну требований». Партия переживает серьезный кризис. Разрешение алжирского вопроса отняло у нее сильнейший аргумент. На частичных выборах в Сен-Море, несмотря на ожесточенную кампанию, она потеряла голоса по сравнению с выборами 1959 года. Фрей подчеркивает покой, царящий в стране:

«Провинция и народные слои совершенно равнодушны к неистовой агитации городских крикунов».

ГдГ. В чем принципиальная новизна Пятой Республики? В том, что она не зависит от настроений городских крикунов».

Интересно, что этот человек, вся сила которого основана на народном волеизъявлении, не любит выборов и предвыборных кампаний. Он решительно пресекает любые предосторожности, связанные с предстоящими выборами, видя в них «признаки демагогии, достойные Третьей или Четвертой Республики».

Он слышать не хочет о «предвыборных программах», ни в связи с законодательными, ни даже в связи с президентскими выборами. «Программа? Никогда в жизни! Политика — это реальность! А реальность меняется каждый день! Каждый день вы открываете ее заново! Надо иметь принципы и цели, а не программу».

3. «Мы избавились от политихамов»

Золотой салон, 23 июня 1962.

Я задаю Генералу вопрос о системе парламентских выборов:

«В 1945 году вы предпочли пропорциональную систему выборов, а в 1958-м — мажоритарную. Это вопрос принципа или обстоятельств? Или ваши принципы изменились под воздействием времени и нового опыта?»

ГдГ. В 1945-м за коммунистами шла одна треть избирателей. Остальные две трети были раздроблены между разными группировками. Если бы я избрал мажоритарный принцип, то Национальное собрание автоматически состояло бы на три четверти из коммунистов. Этого можно было избежать только с помощью пропорционального представительства. Тогда это был единственный способ управлять Францией, не отдавая ее в руки коммунистам. Это был вопрос национального спасения!

АП. Правда ли, что перейти к мажоритарной системе вас убедил Мишель Дебре?»

По рассказам свидетелей той эпохи, начиная с Помпиду, именно Дебре, пламенный вождь голлистской оппозиции в Совете Республики 50-х годов, не жалел усилий, чтобы убедить Генерала в преимуществах мажоритарной системы.

Генерал не торопится признавать его заслуги.

ГдГ. «В душе Дебре — сторонник парламентаризма. Во времена RPF он представлял себе будущую Конституцию вовсе не как систему, дающую преимущество президентской власти, но как настоящую парламентарную систему по английскому образцу, с двумя партиями, чередующимися у власти, причем лидер победившей на выборах партии автоматически становится премьер-министром. А роль главы Государства ограничивается тем, что он формально назначает главу правительства и символически воплощает единство страны. Дебре предлагал мажоритарные выборы в один тур, которые заставили бы все партии перегруппироваться и способствовали бы возникновению двух больших партий, которые одни были бы способны претендовать на власть.

Это совершенно не соответствует моим представлениям. Это означало бы вновь передать власть партиям. Но правда и

то, что механизм мажоритарных выборов способствует рождению большинства. Твердого большинства не бывает без мажоритарного представительства».

Матиньонский дворец, 12 марта 1963.

Жорж Помпиду настроен в пользу мажоритарного представительства менее решительно, чем Генерал.

«Забастовка горняков, — говорит он мне, — приобрела такой размах потому, что французы не считают справедливыми результаты последних выборов. Это следствие мажоритарной системы. Она позволяет управлять, но порождает чувства фрустрации. Избиратели, голосовавшие за левые партии, думают, что их обманули. Они говорят: «Французы хотели не этого. Наша сила больше, чем количество представляющих нас депутатов». И тогда они стремятся заявить о себе иначе.

Пропорциональная система создает у французов уверенность, что они честно представлены в парламенте; но она не эффективна. Мажоритарное представительство эффективно, но оно порождает чувство горечи. Мне приходит в голову мысль: при той почти президентской форме правления, что существует у нас с прошлого октября, не лучше ли иметь пропорциональную систему представительства, которая будет смягчать нравы не только парламентариев, но и всех французов? Она могла бы позволить президенту проявлять большую гибкость при формировании правительства, показывая после каждого парламентских выборов, что он учитывает перемены в общественном мнении?».

Много позднее я задал Генералу этот вопрос в иной форме.

Золотой салон, 8 июля 1965.

АП. «Мишель Дебре хотел бы, чтобы принцип мажоритарного представительства был закреплен в Конституции. Не следует ли так и поступить?»

ГдГ. Нет. Дебре прав, говоря, что мажоритарная система — лучший способ обеспечить стабильность институтов. Но заранее неизвестно, что может произойти. Однажды могут снова возникнуть причины, чтобы в национальных интересах вер-

нуться к пропорциональной системе, как это было в 1945-м. Не следует связывать себе руки. Принять жесткие условия для изменения избирательной системы — вот что надо было бы сделать, чтобы парламентское большинство не могло манипулировать выборами, изменяя в последний момент условия игры на более удобные для себя, как это сделали ловкачи Четвертой Республики в 1951-м, введя систему блокирования».

Золотой салон, 29 августа 1962.

Генерал говорит мне: «Как, по вашему мнению, измерить доверие народа? Лучший способ — это референдум. Почему надо считать, что постановка вопроса о доверии в Национальном собрании, иногда по совершенно незначительному поводу (чем так охотно занимались правительства Третьей и Четвертой Республики), — это и есть верх демократии? И почему надо считать антидемократическим — задать французам важнейший вопрос и попросить их продемонстрировать степень доверия, которое они испытывают к главе Государства и к правительству?»

АП. Может быть, из-за дурных воспоминаний, оставшихся после плебисцитов Второй Империи...

ГдГ. Но вы же знаете, что сто лет назад Франция была неграмотна! С тех пор французы стали более зрелыми, они теперь способны формулировать собственное суждение и принимать важнейшие решения! Они это доказали, приняв нашу Конституцию, которая, впервые за двести лет, показала свою состоятельность. Они это доказали, позволив урегулировать Алжирский вопрос, чего никогда не смог бы сделать режим партий! В действительности, ссылки на плебисциты, проводившиеся некогда Баденге и генералом Буланже, — это жупелы, которыми размахивают *политихамы**».

Совет министров, 7 ноября 1962⁷.

ГдГ. «Есть несколько недовольных, в их числе председатель Сената, выражающие свое возмущение, но это не имеет зна-

* Условный перевод нарочито деформированного де Голлем слова «политиканы» (*politiciens*).

чения. По мнению этих господ, как говорил Шамфор: первое — национальный суверенитет принадлежит народу; второе — народ не должен его осуществлять.

Не все эти люди являются ничтожествами. Я первый это признаю, ведь мне доводилось с ними работать: я их брал из всех партий, без исключения».

Поднявшись и обходя вокруг стола, он говорит «в сторону», группе из трех или четырех человек: «Вот и Конституционный совет позволил себя увлечь *политихамскими* идеями. К счастью, он быстро опомнился⁸».

Золотой салон, 5 января 1963.

Генерал исполнен воодушевления. Размышления, которым он предавался в Коломбэ во время праздников, вселяют в него оптимизм. «Вот видите, — говорит он мне, — благодаря референдуму и выборам мы избавились от *политихамов*. Государство уже не зависит от комитетов. Народ и государство теперь суверенны. Партии раздавлены.

Теперь доказано, что партии против референдума — это все равно, что глиняный горшок против железного. Начиная с 1940 года, вокруг меня было много политиков, от крайне левых до крайне правых. Когда они работали в правительстве для блага Франции, они становились государственными людьми. Когда они начинали шагать в ногу со своими партиями, они вновь становились *политихамами*.

В 1958-м, когда я вернулся к делам, я хотел помочь этим людям обрести их истинный масштаб, я призвал их идти со мной. Многие уклонились. Я ждал Мендеса, а получил Рамоне⁹. Мендес упрямо решил бороться против меня и окончательно лишил себя той большой национальной роли, которую мог бы сыграть. Он стал смешон в своем упрямстве».

12 марта 1963 года я спрашиваю у него: «Отнесетесь ли вы положительно, господин Генерал, к расширению практики референдумов на другие вопросы, помимо тех, что предусмотрены в Конституции? Как это принято в Швейцарии: *вы за то, чтобы трамвай поворачивал направо, или за то, чтобы он поворачивал налево?*

ГдГ. Я за расширение поля применения референдума, но при условии, что инициативу берет на себя президент и связывает с исходом референдума свое дальнейшее пребывание в Елисейском дворце. Если президент этого не сделает, референдум будет лишен нерва, не будет риска. Президент должен объявить, что в случае, если он не будет поддержан народом, он уйдет. Я против швейцарских референдумов, когда исполнительная власть не ставит на карту свои полномочия. То, что происходило на площади древних Афин и что может происходить и сейчас в кантоне Во, в большой стране может иметь место только по вопросам высшего значения. Не следует протитутуировать референдум, используя его по любому случаю».

[...]

Голлисты с парламентарным уклоном, как Мишель Дебре, мечтают о демократии английского типа, когда власть принадлежит парламенту, которому народ делегирует свой суверенитет. Генерал хочет установить такую демократию, при которой власть делегируется Президенту. Сторонники как одного, так и другого подхода не мыслят себе прямой демократии, когда власть осуществлялась бы народом непосредственно.

Начиная с июня 1962 года, еще до того, как был организован референдум о всенародных выборах Президента, Генерал мне часто говорил о двух задуманных им референдумах: один — о преобразовании Сената, другой — с целью сделать национальную независимость необратимой. Странно, что в течение семи лет он не переставал упоминать о первом, которому суждено было стать причиной его падения. А о втором, который, несомненно, был особенно близок его сердцу, он заговорил всего лишь раз, на Совете министров 12 ноября 1964 года.

Вечером *24 апреля 1963 года*, во время нашей поездки по Арденнам, Генерал мне сказал:

«Эти мэры имеют основания жаловаться! Мосты через Мозель не восстановлены двадцать три года спустя после вторжения! Что-то где-то не срабатывает. Государство не выполняет свой долг!

АП. Прошу прощения, но эти мосты были взорваны не немцами в 40-м, а американцами в 44-м, следовательно, девятнадцать лет тому назад. За их восстановление отвечает не госу-

дарство: они расположены на дорогах департамента, значит, департамент и должен их восстанавливать.

ГдГ. Нет, так не годится! Двадцать три или девятнадцать лет прошло, государство или департамент отвечает, но так быть не должно! Так или иначе, но восстановлением все равно будет заниматься министерство дорог и мостов, которое подчиняется государству. Чего же они ждут? В этой стране государство отвечает за все!».

Он продолжает более спокойно: «Конечно, государство не может все делать само, но оно должно следить за всем, заниматься всем! Если возникают лакуны, оно должно их заполнить! Если в администрации сидят бездарности, оно должно выводить их на чистую воду! Для чего тогда нужны префекты?».

Совет министров, 24 января 1963.

Жискар сообщает, что для участия в международной ярмарке в Монреале в 1967 году он назначил комитет под председательством Баумгартнера.

Жискар. «Мне сказали, что наше участие в Мехико не было блестящим.

ГдГ. Как? Вы отвечаете за это мероприятие и ограничиваетесь тем, что констатируете его недостатки? Какие санкции вы предлагаете? *Nemo auditur turpitudinem suam allegans*¹⁰.

За слабости подчиненных отвечает главный руководитель, если он не наказывает их, имея на то полномочия. Если он дает понять, что не может получить от подчиненных желаемого результата, то сам получает резкий выговор от Генерала, по-французски или на латыни.

Я часто должен был выслушивать такие же упреки относительно неудачных телепередач. Генерал не допускает, чтобы министр ссыался на свое бессилие и произносил фразы типа: «Мои подчиненные меня не слушаются». Превыше всего он ставит понятие ответственности. «Необходимо ответственное лицо. Мы не имеем права говорить, как при Четвертой Республике: «Я-то готов, но вот другие...».

Его представление о государстве строго иерархично, как в армии. Начальники должны командовать, заставляя подчи-

няться, а кто не подчиняется, тех заменять. Он не любит расплывчатой ответственности, когда, например, префект принимает себя в первую очередь за исполнителя указаний местного генерального советника, а не за представителя центрального правительства в департаменте. Или когда ректор университета считает себя, прежде всего, ходатаем за свой университет перед министерством и «забывает, что он должен быть префектом правительства при университете». Или когда директор радио и телевидения позволяет своим журналистам и режиссерам делать все, что им заблагорассудится.

Он поправляет нас, когда мы приписываем решения или мнения «министерству сельского хозяйства», или «министерству внутренних дел», или «армии». Решать и иметь мнение может только один и совершенно реальный *министр*, отвечающий за все. Генерал терпеть не может выражения: «Матиньонский дворец полагает...», «Елисейский дворец утверждает...». «Елисейский дворец — это кто такой?» — сказал он мне, услышав от меня такую фразу. Люди должны знать, что в Елисейском дворце есть один человек, принимающий решения, — это сам президент, и только он. Все остальное не имеет значения.

4. «Надо, чтобы работали все механизмы»

Золотой салон, 27 февраля 1963.

Опасения, которые Помпиду высказывал на прошлой неделе, оказались безосновательными. Национальное собрание второго созыва, судя по всему, должно примирить Генерала с Парламентом.

АП. «Не думаете ли вы, что мы могли бы воспользоваться имеющимся у нас в парламенте большинством, чтобы заставить Собрание действовать с нами заодно?»

ГдГ. Конечно! Поскольку мы уверены, что большинство расположено в нашу пользу, почему бы, в таком случае, не получить с его стороны поддержку нашим действиям и не придать им, тем самым, больший резонанс в общественном мнении? Почему бы не провести дебаты по экономическим и социальным вопросам? Нам нечего скрывать в этой области, совсем напро-

тив. Нам нечего стыдиться! Мы можем ответить на любую критику! Политика стабильности, которую мы намерены проводить, не противоречит социальному прогрессу. Наоборот! Она должна способствовать социальному прогрессу, поскольку она помогает прогрессу экономическому.

Иначе нам начнут подсовывать проекты реформ Конституции или еще неведомо какие странные изобретения. У парламентариев это что-то вроде зуда, который охватывает их, когда нет ничего серьезного и практического, чем можно было бы заняться. Так вот, почему бы и не устроить прения?

АП. А о чем?».

Не задумываясь, Генерал называет мне полдюжины тем для больших прений: о ратификации франко-германского договора со всеми из него вытекающими последствиями с европейской точки зрения; о новой ориентации наших отношений с независимым Алжиром. «И потом — главный вопрос, развитие страны, он стоит того, чтобы все Собрание над ним попотело». А также — благоустройство территории; благоустройство парижского региона. «Все это заставит Собрание работать, создавать разные комиссии, это обязательно заинтересует парламентариев... Ну, еще — наши успехи в атомной, космической, научной, технической областях. А народное образование? — продолжает он. — Нужно, чтобы оно действительно соответствовало своему названию. Не знаю, готов ли к этому Фуше. Если готов, можно начать дискуссию о задачах Франции на этом направлении: осуществление реформы 1959 года, демократизация, специализация, конкурс и так далее. Собрание должно внести свой вклад в эти усилия. А потом, — искусство, культура, архитектура и ее сочетание с задачами жилищного строительства, — это всё прекрасные сюжеты. Пусть не дремлют господа депутаты! Мельница должна молоть зерно!

И раз большинство Национального собрания хочет помочь правительству, я с удовольствием посмотрю, как они займутся серьезными вопросами. Инициативу надо поощрять. Надо сделать так, чтобы у депутатов всегда было, над чем потрудиться; чтобы у них сложилось впечатление, что дела правительства — это и их дела. Такова парламентская реальность сегодняшнего дня.

Конечно, нужно, чтобы правительство все это уточнило, чтобы прения были организованны, а не проходили, как попало.

АП. А как вы представляете себе место Сената в этой парламентской работе?

ГдГ. От Сената толку никакого. Это факт. Выражаю ему мои соболезнования. Поэтому он не услышит ничего из того, что мог бы услышать».

По ком звонит колокол?..

Два месяца спустя, *17 апреля 1963 года*, после окончания забастовки шахтеров, Генерал явно впадает в эйфорию:

«У нас теперь такой Парламент, который стремится договариваться с нами и поддерживать нас.

АП. Как вы представляете себе практически, какую помощь он может нам оказать?

ГдГ. Надо откровенно и без страха рассказать ему обо всех наших проблемах. Нам нечего больше опасаться неприятных коалиций между социалистами, MRP и активистами французского Алжира, — с чем нам приходилось иметь дело в Собрании прошлого состава. Парламент может быть великолепным резонатором. Надо этим воспользоваться.

Важные проблемы надо открыто выкладывать на стол. Нельзя вечно отделяться телеинтервью. (Конечно, это намек на передачи Помпиду «У камелька», которые, однако, пользуются большим успехом.) Парламент для того и существует. Сами парламентарии — великолепные интервьюеры: они умеют обострять дискуссию и показать, чего стоит тот, кому они задают вопросы! Здесь, как и на телевидении, все решает монтаж. В Парламенте есть очень достойные люди. Вот дело, которым стоит заняться, организовать его, наладить, привести в действие.

АП. Но какие сюжеты обсуждать?

ГдГ. Да все сюжеты! Даже лучше вывалить их сразу все! (Он снова начинает то же перечисление, что и в феврале, добавив сельское хозяйство.) Надо идти с открытым забралом. Это не может никому повредить, во всяком случае, — не правительству. У нас есть замечательный инструмент, его надо использовать. Все дело в режиссуре. Если взяться за дело умеючи, все могло бы получиться неплохо».

У Генерала была концепция, согласно которой Парламент может исполнять роль посредника или, как мы сказали бы сегодня, «медиатора». Мне кажется, он сожалел о том, что этот прекрасный «резонатор» загружен повседневной законотворческой работой.

Не давая остыть своему намерению, он тут же поручает мне объявить прессе, что он дал задание премьер-министру организовать в Национальном собрании, в начале сессии, большие дебаты по экономическому положению. «Задачи, стоящие перед страной, не терпят простых решений как во внешней, так и во внутренней политике».

Я напоминаю Генералу, что, по его же словам, в прошлую среду, он намеревается сам рассмотреть эти вопросы в предстоящем выступлении.

АП. «Если я затрону тему вашего предстоящего выступления, которая затем станет предметом обсуждения в Бурбонском дворце, не думаете ли вы, что у людей возникнет ощущение повтора?»

ГдГ. Но разве не вы сами в свое время предлагали мне высылать вас вперед в качестве разведчика, чтобы приглушить критику?

АП. Да, когда я допускаю рассчитанные утечки, не являющиеся официальной информацией. Но другое дело — официально объявить о том, о чем вы будете говорить несколько дней спустя.

ГдГ. Не беспокойтесь. Когда речь идет о том, чтобы убедить французов не искать легких путей, повторять надо как можно чаще. Как говорил Наполеон, повтор — первая фигура риторики. Отбросьте всякие поиски оригинальности».

Уходя, я выражаю ему свое удивление тем, что он уделяет столько внимания работе Национального собрания: ведь он всегда относился к Парламенту, как к чему-то второстепенному по сравнению с исполнительной властью. Он отвечает мне:

«Моя должность *возвышается* над всеми ветвями власти: исполнительной, законодательной и судебной. Я должен следить за их равновесием».

[...]

Генерал словно одержим идеей не позволить Парламенту расширить свою власть за пределы, очерченные Конституцией. «Во времена Четвертой Республики, — говорит он мне, — законы издавались по любому поводу и без повода. Нужно освободить Парламент от всех текстов, которые могут быть проведены как распоряжения правительства. Чем больше мы будем ограничивать сферу законов и расширять сферу декретов, тем лучше».

Однако несколько месяцев спустя Генерал станет на сторону Государственного совета, несмотря на свою неприязнь к этому учреждению.

Совет министров, 18 сентября 1963.

Жискар начинает с саркастических замечаний в адрес Государственного совета в связи с проектом закона о бюджете. К удивлению всех сидящих за столом, Генерал отвечает Жискару:

«Государственный совет сделал замечание по существу, имеющее определенное значение: вы ввели в закон о бюджете такие положения, которые изменяют общий режим налогообложения. Однако закон о бюджете — это локальный закон, действующий на протяжении одного года. Положения, касающиеся общего налогообложения, требуют принятия принципиального, базового закона. Протаскивать тайком в закон о бюджете положения, которые должны быть всесторонне обсуждены в Парламенте, значит нарушать Конституцию. Впрочем, Государственный совет говорит не о том, чтобы разделить на две части предлагаемый закон, а лишь о том, чтобы в дальнейшем учитывать это замечание...».

«Во всяком деле, — поясняет он мне потом, когда мы остаемся с ним вдвоем, — мы должны следить за правильным функционированием учреждений, изменять плохую практику, доставшуюся нам в наследство от прошлого, и создавать хорошие прецеденты на будущее. Теперь это — моя главная задача, моя миссия».

Он в равной степени заботится и о том, чтобы Национальное собрание и Сенат не вторгались в сферу исполнительной власти, и о том, чтобы уважались прерогативы Парламента. Для него это — единый комплекс.

5. «Государство не должно зависеть от партий»

Сад Елисейского дворца, 27 июня 1959.

Во время приема в саду для парламентариев (приглашены все, но пришли только принадлежащие к большинству) депутат от департамента Нор, Ван дер Мерш, старый товарищ по RPF и страстный сторонник петушинных боев в своем департаменте, подходит к Генералу, стоящему на лужайке в группе депутатов от UNR, в числе которых нахожусь и я:

«Господин Генерал, освободите нас от нашего префекта! У него членский билет социалистической партии в кармане!

ГдГ. Возможно у него и есть билет социалистической партии, но я буду очень удивлен, если он возобновит его в этом году. (Наш смех позволяет ему развить эту тему.) Вопрос не в том, социалист он или нет, но: хороший он префект или плохой. Если он компетентен, его надо сохранить, даже если он был социалистом при Четвертой Республике, когда все министры внутренних дел были социалистами. Если он некомпетентен, от него следует избавляться, даже если он голлист».

Генерал хорошо знает Ван дер Мерша. Он любит «старых товарищей», но тем более бывает с ними строг. Он не терпит, чтобы они относились к власти как к своему достоянию. При каждом удобном случае он старается внушать им то, в чем он и не подумал бы убеждать людей, не связанных с ним долгом верности. И главное, чему он стремится их научить, это то, что государство стоит выше партий, что чиновники, нейтральные по отношению к партиям, обязаны верностью только государству.

[...]

Золотой салон, 11 июня 1963.

АП. «Что вы думаете, господин генерал, об UNR, о ее влиянии, о ее способности противостоять противникам?»

ГдГ. UNR никогда не будет существовать. Незачем зря силы тратить. В такой стране, как наша, раздираемой распрями со времен Верцингеторикса, партия не может пустить корни. Она сразу же разделится на фракции, ее вожди переругаются. В ней возникнет тысяча оттенков, отличающих ее от других партий и делающих ее подобной всем остальным. Пытаться создать

партию «как другие», но только лучше, — это бессмысленная затея. UNR существует только благодаря мне и не может сохраниться помимо меня. Она может только поддерживать мои действия, но не может быть моей преемницей.

АП. Вы хотите сказать, что у UNR нет никакого будущего и что она ни на что не годна?

ГдГ. Не совсем так. Но у нее нет будущего без меня. Она способна только помочь моему преемнику продолжить мое дело.

АП. Но поскольку существует оппозиция, должно существовать и большинство! Нельзя же оставлять всю территорию оппозиции.

ГдГ. Пусть занимают территорию, если им так хочется, но дело не в этом! И потом, почему вы считаете, что обязательно должна быть оппозиция? Наличие оппозиции — это же не идеал! Вы думаете, без нее нельзя обойтись? То, что недавно заявил Фрей, — на что это похоже? Он выдал оппозиции правительственную лицензию. Он, конечно, хотел ее спровоцировать, но у него плохо получилось. Зачем помогать оппозиции, говоря, что она должна организоваться? Пусть она сама занимается своими делами. Без оппозиции мы все равно не останемся. Помогать оппозиции структурироваться значит оказывать режиму плохую услугу.

Предоставим этим паукам пожирать друг друга. Не следует бросать им вызов или давать советы. Если они когда-нибудь последуют нашим советам или ответят на наш вызов, нам же будет хуже. Стремиться стать в позу правящей партии, противопоставляя себя оппозиции, значило бы играть ей на руку и непомерно преувеличивать ее значение.

АП. Но поскольку мы живем при демократическом строе, как можно обойтись без политических образований?

ГдГ. Демократический строй не означает господства ассамблей. Надо проводить различие между режимом ассамблей, то есть партий, — и иным режимом, то есть моим режимом. Когда будет несколько кандидатов в президенты Республики, то выбор все равно будет делаться между людьми, с их личным потенциалом и политическими линиями, которые они будут представлять; это не будет выбор между партиями. Если же выбор будет делаться между партиями, мы вернемся к Четвертой Республике, и UNR будет этому способствовать».

Однако, мало-помалу, Генерал привыкал к мысли, что голлистская партия необходима для функционирования его власти.

Золотой салон, 20 ноября 1963.

АП. «Придаете ли вы значение заседанию UNR, которое должно состояться в Ницце?»

ГдГ. Это не лишено интереса, тем более что *они* прилагают большие усилия и соберется много народу. Надо, чтобы все поняли: это — большая и сплоченная партия, способная объединить широкие слои вокруг своих идей.

АП. Самое важное — это участие голлистов, не являющихся членами UNR.

ГдГ. Да. Придет Помпиду и еще несколько человек. Надо расширить замысел, показать, что UNR пользуется поддержкой большинства.

АП. Вы предпочитаете, чтобы члены правительства участвовали активно или пассивно?

ГдГ. Слишком большой активности не требуется. Пусть министры присутствуют, это хорошо. Они тем самым демонстрируют свою заинтересованность. Но не нужно, чтобы правительство сливалось с UNR. И тем более, я сам не собираюсь сливаться с UNR. Пусть будет большая партия, поддерживающая правительство и президента Республики, это более чем желательно. Но члены правительства не могут быть людьми партии, а президент Республики — тем более.

Правительство как целое несет ответственность передо мной, в первую очередь, и перед Национальным собранием — во вторую. Оно не может быть ответственным перед органами какой-либо партии или перед ее активистами. Это противоречило бы принципу правительственной солидарности. Это противоречило бы также Конституции и здравому смыслу, поскольку не все члены правительства принадлежат к UNR. Однако предстоящее заседание не лишено значения, и если оно закончится успешно, это будет полезный успех».

Пока он был у власти, он был способен увлекать избирателей и депутатов, направляя их к тому, что было им глубоко

противно: к деколонизации, к независимому Алжиру, к участию трудящихся в управлении предприятиями, к признанию народного Китая, к поддержке движений за независимость, к речам в Пномпене и Монреале, к утверждению суверенитета перед лицом Соединенных Штатов, к борьбе против всех форм отчуждения. Ни одной из идей, отметивших его правление, он не был обязан своим сторонникам. Почти все идеи де Голля были им навязаны голлистам. Так что нет ничего удивительного, что он не очень-то верил в будущее голлистского движения после себя.

К тому же, он хорошо знал свое окружение и понимал, что его *соратники* не очень послушны и склонны к критике. Поэтому он относился с недоверием к тем, кто, в силу своего положения, был в состоянии увлечь их за собой.

В поезде, по дороге в Седан, 22 апреля 1963.

ГдГ. «Есть ли у вас какие-нибудь новости об избирательной кампании Дебре на Реюньоне?»

АП. Его победа сомнений не вызывает, во всяком случае, так говорит префект. Когда он станет депутатом Национального собрания, это, возможно, кое-что там изменит.

ГдГ. Вы думаете? Для меня здесь возникает ряд вопросов. Он должен был бы занять положение над схваткой. Я ему советовал так поступить. Но у него другая натура. Он не может не быть членом Парламента. Он таков по природе: должен ввязаться в самое пекло схватки. Однако он станет заложником своих избирателей, своих активистов, друзей и врагов.

АП. Но, поскольку уже ясно, что он снова выйдет на парламентскую трибуну, почему бы ему не утвердиться в качестве главы голлистской группы и всего большинства?

ГдГ. Естественный глава большинства — это премьер-министр. И я сомневаюсь, способен ли Дебре быть вождем большинства в парламенте. Он был смелым предводителем оппозиции в Сенате, когда надо было противостоять системе партий. Он был премьер-министром, верным сторонником реформ. Но теперь я сомневаюсь, что он сможет возглавить группу большинства. Здесь нужен политик, умеющий маневрировать. Его темперамент помешает ему быть достаточно гибким.

АП. Но сейчас у этой группы нет ни головы, ни тела. Дебре мог бы им дать и то, и другое! Он бы стимулировал правительство!

АП. Вы думаете? Есть риск возникновения кланов, противоборствующих тенденций. Когда делают ставку на оппозицию, оппозиции возникают. Появятся те, кто за Дебре, и те, кто за Помпиду, и потом — левые голлисты, и потом — правые голлисты, не говоря о тех, кто тоскует по Сустелю. И наступит развал голлизма. Если UNR одержала победу на выборах, то это потому, что у нее было единство взглядов, и она подчеркивала, что это — мои взгляды. Голлизм должен быть единым, или он рухнет, когда меня не станет. Я опасаясь того, что Дебре в парламенте займет место среди тех, кто высказывается в поддержку правительства. Он человек действия — или оппозиции».

Как бы не желая показаться слишком строгим, он добавляет минуту спустя:

«Знаете, когда Дебре вручил мне свое прошение об отставке, я подумал, что если в меня *ударит молния*, он может стать тем, *кто возьмет на себя государство*. (Имеется в виду: *станет моим преемником*; вся эта причудливая фраза является с его стороны попыткой заговорить судьбу.)

АП. Поэтому вы попросили Дебре считать себя «в резерве Республики»? Это не была с вашей стороны формула вежливости, дабы смягчить его отставку?

ГдГ. Вовсе нет, что вы! Нельзя описать, сколько энергии, мужества, самоотверженности он проявил, находясь рядом со мной, когда я вернулся к делам! Редактирование Конституции, установление институтов, восстановление экономики и финансов, превращение Империи в систему ассоциированных государств, создание основ могущества и независимости, — он был на всех фронтах одновременно. Он исполнял все, независимо от того, насколько это соответствовало его личным пожеланиям. И в добавление ко всему, в алжирском деле он забыл о своих собственных предпочтениях, поскольку речь шла о том, чтобы подавить военный заговор и разрубить гордиев узел. Я думаю, что без него, принимая во внимание состав Национального собрания, избранного в 1958 году, Пятая Республика не смогла бы встать на ноги так твердо. В 1962 году я не видел, кроме него, никого, кто мог бы после меня встать к рулю.

АП. А теперь?».

Скажет ли он, что теперь на эту роль выдвинулся Помпиду, оттеснив Дебре? Нет, он этого не говорит.

ГдГ. «Я его попросил на время отстраниться от политической деятельности. Он этого не сделал. Я желал, чтобы он превратился в фигуру, которая со временем могла бы прийти мне на смену. Я бы хотел, чтобы он путешествовал, писал, удалился на время из этого кукольного театра. Но вы знаете Дебре: он не может не участвовать в драке. Такова его натура. Ему понадобилось вернуться на сцену, участвовать в выборах в округе Амбюз, проиграть какому-то хозяину гаража, радикалу-социалисту. Ему понадобилось взять в руки руководство UNR. Связав себя с партией, он сузил круг своего влияния и, пожалуй, влияния партии тоже. Он потерял возможность выступать от имени нации. Глава государства должен объединять, а партии распыляют. Этого не избежать. Ввязавшись в драку, он принизил себя.

АП. А теперь?

ГдГ (после паузы). Дебре сохраняется для Франции, как один из вариантов. Хороший вариант. Когда придет время, он, может быть, окажется наилучшим. Нельзя знать заранее».

Снова молчание. Он явно хочет переменить тему.

АП. «В 1946-м, когда вы отказались от власти, думали ли вы о ком-нибудь, как о «резерве Республики»?

ГдГ. Вы знаете, в то время Собрание обладало всей полнотой власти, а там господствовали левые партии. Я подумал о Леоне Блюме как о человеке, который мог бы взять на себя все хозяйство. Я старался его к этому подвигнуть. Но он уклонился. Он знал, что когда парламентариям предлагается выбор между способным человеком и серой лошадкой, они всегда выберут лошадку. Они не захотели Блюма и выбрали Гуэна.

Затем я подумал, что, может быть, Леклерку удастся совершить в мирное время то, что удалось мне во время войны, и что партии помешали мне сделать после войны: объединить нацию поверх партийных различий. В 40-м он присоединился ко мне сразу, рискуя всем. Он был в Куфре, освобождал Париж и Страсбург, штурмовал горное убежище Гитлера. Это был человек-легенда. У него был такой же авторитет, как у меня, но, в от-

личие от меня, он не вызывал ненависти партий; он держал в руках те же козыри, что и я, но без моих плохих карт.

У него был верный взгляд, твердость, патриотизм. Политиканам не удалось бы его легко отстранить, тем более, что он верно служил социалистическим правительствам. Он был моложе меня на двенадцать лет, он мог ждать. Я думал, он придет на помощь, когда режим ассамблей докажет свое бессилие. И я стал думать о своих «Мемуарах», ведь он был здесь. Когда он погиб, я должен был снова встать в строй. Когда он погиб, или когда его убили...».

Я подсказываю на месте:

«Вы думаете, что эта авиационная катастрофа была результатом покушения?»

ГдГ. Этого никогда не удастся доказать. Действительно, Леклерк был отважен, и он вполне мог сказать пилоту, несмотря на песчаную бурю: «Вперед, черт возьми!». Но не исключено, что КГБ или какая-нибудь другая секретная служба пожелала его устранить. Рамадье, после того как он выставил коммунистов из правительства, столкнулся с волной забастовок, грозивших перерасти в восстание. Ветераны из 2-ой бронетанковой прошли по улицам Парижа, и этого оказалось достаточно, чтобы СГТ* парижского региона испугалась и прекратила захват заводов. Рамадье послал Леклерка в Северную Африку с заданием держать вооруженные силы наготове, чтобы восстановить порядок в случае коммунистического мятежа. Те, кто готовил подрывные действия, были заинтересованы в том, чтобы его устранить».

Не только «соратники» из UNR служили опорой де Голлю. В Елисейском дворце имелись два направления: одно было связано с генеральным секретарем Этьеном Бюреном де Розье, отвечавшим за контакты с правительством, и с Жоржем Галишоном, отвечавшим за контакты с обществом. Эти высокопоставленные функционеры были, безусловно, преданы де Голлю, но не имели отношения к партии *голлистов*. Точно так же, как и большинство в окружении Генерала, лишенное каких-либо электоральных притязаний.

* «Confédération générale du travail» — Всеобщая конфедерация труда.

Кроме них, было несколько *старых голлистов*, которые верно служили Генералу в RPF во время перехода через пустыню: Оливье Гишар, Пьер Лефран, Жак Фоккар. Они были ему нужны, он часто опирался на них, даже если, нарушая долг благодарности, демонстративно держал их на расстоянии.

Эти же два направления имелись и в правительстве: сторонники де Голля — Кув, Жокс, Жанненэ, и *старые голлисты* — Фрей, Трибуле и Марет.

Новые сторонники были склонны считать, что Генерал даже слишком снисходителен к *старым голлистам*.

«Генерал, — признался мне Кув 8 января 1964 года, — время от времени навязывает мне в качестве сотрудников людей некомпетентных, но которые хорошо воевали или были активистами RPF. После Освобождения он назначил в министерство иностранных дел некоторых славных вояк, весьма мало подходящих для дипломатического поприща. Посол икс (творивший чудеса в качестве участника Свободной Франции) добился в своей новой должности весьма скромных результатов. Игрек каждую неделю тренируется в стрельбе по движущейся мишени вместе с охранниками Генерала. Ну, вы понимаете, что это за люди!».

Зато *старые голлисты* считали, что Генерал испытывает достойную порицания слабость к высокопоставленным чиновникам, позаботившимся обзавестись дипломами, но ничем не рисковавшими ни в Соппротивлении, ни в политических баталиях.

6. «Придется упразднить этот Сенат»

Существует легенда: Генерал придумал референдум 27 апреля 1969 года (который привел к его отставке) якобы потому, что ему нужно было найти какую-нибудь замену обещанному им одиннадцать месяцев назад, 24 мая 1968 года, другому референдуму, который должен был снять возбуждение майского мятежа, но от которого его отговорил Помпиду.

Цели майского референдума были тогда достигнуты иным путем. Успокоить смуту и восстановить авторитет госу-

дарства? Роспуск Национального собрания и выборы в июне помогли этого добиться. Реорганизовать Университет? Закон Эдгара Фора о специализации был к этому направлен. Социальное участие? Его должен был обеспечить закон, который подготавливал Морис Шуман. Но так как надо было провести обещанный всенародный опрос, Генерал придумал реформу Сената, Экономического и Социального Совета и регионов.

Некоторые, — например, Андре Мальро, — даже утверждали, что он хотел с помощью этого нелепого референдума заставить французов освободить его от взятого им на себя обязательства отбыть до конца свой президентский срок. Что это была изошренная форма политического самоубийства.

Я считаю, что дело совершенно в другом. Уничтожение Сената, или, вернее, его трансформация, — это был один из неизменных замыслов Генерала, начиная с 1962 года, равно как и увеличение значения Экономического и Социального совета и роли регионов. Если и была с его стороны импровизация, то не в апреле 1969-го, в связи с Сенатом и региональной реформой, а в мае 1968-го, в связи с Университетом и социальным участием.

Матиньонский дворец, 2 октября 1962.

На конгрессе радикалов в Виши Гастон Моннервиль высказал резко отрицательное отношение к референдуму по поводу избрания президента Республики всеобщим голосованием. Такая позиция третьего лица в государстве, а также обвинение в «должностном преступлении», брошенное им Помпиду и, неявным образом, также и де Голлю, — все это создало серьезную политическую проблему.

«Либо Моннервиль должен извиниться, — сказал мне Жорж Помпиду, — либо Сенат должен его дезавуировать, и тогда мы будем считать инцидент исчерпанным. Но если этого не произойдет, надо сделать так, чтобы это заявление застряло в глотке у сенаторов».

По отношению к выступлению председателя Сената у Помпиду и Генерала расхождений не было. Оба они считали, что «надо наказать Моннервиля». Однако Помпиду полагал необходимым это сделать лишь потому, что Моннервиль оскорбил президента Республики и премьер-министра: «оста-

вить такое обвинение без последствий значило бы признать его обоснованность». Соглашаясь с Помпиду, Генерал идет дальше, к самой сути проблемы: «Сенат в его нынешней форме стал бесполезен. Значит, его надо устранить». Помпиду думает, что, поскольку такое учреждение существует, приходится с ним «иметь дело», признавая, что и без него вполне можно было бы обойтись. «Чтобы лечить болячки, — говорит он мне, — Генерал предпочитает хирургическое вмешательство. А мне милее гомеопатия».

7 декабря 1962, после первого же заседания Совета министров, на котором я вновь приступил к своим обязанностям порт-пароля, Генерал дает мне указания: «Теперь, когда дверь 11-ой статьи¹² открыта, и открыта как следует (скорее, *выломана*, чем *открыта*, думаю я...), нужно воспользоваться этим, чтобы усовершенствовать институты. Нечего нам сидеть, засунув обе ноги в один башмак. Надо двигаться вперед, а это значит — проводить реформы. Де Голля не для того придумали, чтобы потихоньку жить-поживать. Я должен оставить после себя Государство, твердо стоящее на ногах. Сенат — это Ахиллесова пята. Я уже давно подумываю об оперативном вмешательстве. Но в этом году, с завершением Алжирской войны и референдумом о выборах президента, у нас и так было много волнений. Пусть все немного успокоится. А потом придется упразднить этот Сенат или, во всяком случае, его трансформировать; это — первое, чем надо будет заняться».

[...]

9 декабря 1962 года Помпиду возвращается к этому вопросу, но формулирует его несколько иначе:

«В сущности, Сенат нам не мешает. Последнее слово принадлежит Национальному собранию, где у нас большинство. У нас перед Сенатом подавляющее превосходство. Только в случае изменений в Конституции, вплоть до последнего октября, он имел возможность блокировать решения, если они принимались парламентским путем. Но теперь, когда мы использовали 11 статью, и народ нас одобрил, мы можем в случае необходимости вносить поправки в Конституцию, обходя Сенат. Итак?

Зачем его устранять? Достаточно поступать так, как будто его нет. *Quieta non movere*¹³.

АП. Но Генерал как раз считает, что Сенат не «лежит спокойно». Это, по его мнению, — источник воспаления.

Помпиду. Вот увидите, мы дадим нарыву спокойно созреть, и гной вытечет сам собой».

В последующие месяцы Помпиду старательно демонстрировал холодность к Сенату, чувствуя, что Генерал сохраняет намерение его упразднить. Первое было необходимо, чтобы избежать второго.

[...]

Совет министров, 16 января 1963.

Помпиду. «Я повторяю: министры не должны ходить в Сенат. Достаточно, если туда будут ходить два государственных секретаря, г. Дюма и г. Булен, вплоть до новых распоряжений. Согласно регламенту, Сенат не может собираться без представителей правительства, и он имеет право получать информацию о политике правительства: мы будем соблюдать форму — и не более того. Мы не будем принимать от них никаких поправок. Правительство будет высказываться против них автоматически, и, когда тексты будут поступать в Национальное собрание, их поправки будут вылетать сами собой. Нарыв зреет. Будем ждать, когда он прорвется».

Помпиду продолжает развивать образ гнойного воспаления и считает, что природа сама сделает то, что нужно.

Де Голля грызет чувство обиды, которого Помпиду не испытывает. «Сенат, — говорит мне Генерал *16 января 1963 года*, — ведь это я сам его воссоздал в 1946 году под именем Совета Республики, в то время как партии хотели его попросту устранить. Это я восстановил его во второй раз, в 1958 году, вернув ему его имя и прерогативы, в том числе и конституционные. И вот теперь он гадит мне на ладонь. Надо его отменить».

Помпиду повторяет на *Совете министров, 13 февраля 1963 года*: «Мы были слишком терпеливы по отношению к Сенату. С эти покончено. Больше никаких поправок с его стороны!».

Генерал высказывается более резко на *Совете министров 20 февраля 1963 года*: «Предприниматели стремятся воздействовать на сенаторов. Одному из них был вручен некий текст, который он должен был внести за взятку от собственного имени. Они торгуют своими голосами.

Помпиду. Проект закона о налоге на недвижимость — это проект Дебре. Некоторые сенаторы утверждают, будто его состряпал я в интересах Ротшильда. Они приписывают продажность другим, поскольку сами к ней привыкли.

Завтра в 18 часов я отправлюсь в Собрание, это будет чисто формальный визит, чтобы поблагодарить парламентариев за их весьма значительный вклад».

Он поворачивается ко мне: «Будет нужна телевизионная камера, картинка без звука. Ни больше и ни меньше. Конечно, в Сенате не будет ни камеры, ни благодарности от правительства. Сенат поставлен в угол».

[...]

После Совета министров, 7 мая 1963.

АП. «В вашем последнем выступлении вы хвалили Экономический и Социальный Совет. Вы намекали на упразднение или на реорганизацию Сената?»

ГдГ. Перечитайте мою речь в Бейё, я в ней все объяснил относительно Конституции. Все, что в ней сказано, отвечает интересам страны. В общем, все это мы и начали делать в 1958 году.

Я тогда предложил создать Национальное собрание как единственный политический представительный орган, рядом с которым действует президент Республики и правительство. Затем мной была предусмотрена еще одна ассамблея, которую я назвал Советом Республики: это была бы консультативная ассамблея, представляющая административные, экономические интересы и интересы заморских территорий. Эта вторая ассамблея должна была состоять из трех секций: одна представляла бы локальные общества, на манер современного Сената; другая — экономические интересы и профессиональные группы; третья — Французский союз. Члены Конституционного собрания 1946 года, зная, что они не могут противоречить мне во всем, взяли название Совет Рес-

публики и прилепили его к Сенату; они создали три ассамблеи, соответствовавшие трем предложенным мной секциям: Совет Республики, Экономический и Социальный совет и Ассамблея Французского союза. Я же считал необходимым, чтобы они все вместе составляли одну единую ассамблею, имеющую консультативный характер и не могущую выступать в ином качестве.

На будущее необходимо, чтобы существовала одна единственная законодательная и политическая ассамблея — Национальное собрание. Некогда, при Третьей Республике, Сенат был необходим как противовес глупостям Национального собрания. Теперь противовес глупостям — это Президент. Если возникают непреодолимые трудности, Собрание может проголосовать за недоверие правительству, президент Республики может распустить Собрание, и тогда всеобщее голосование решит все.

Итак, Сенат, в том виде, как он есть, не имеет основания быть. Его существование только досаждаёт всем вокруг. Путём референдума мы все это исправим.

С помощью выборов в прошлом ноябре и с помощью референдума мы начали освобождаться от этих несменяемых сановников, от этих самозванных авторитетов, которые, в конце XX века, продолжали полагать, будто могут решать судьбы страны, не советуясь с ней.

АП. Вы полагаете, что новый референдум надо проводить срочно?

ГдГ. Его надо провести не слишком рано и не слишком поздно. В прошлом году было достаточно голосований. Теперь лучше подождать.

Однако надо, чтобы это важнейшее положение Конституции не было забыто. Как это случилось с правом на роспуск при Третьей Республике, после 16 мая¹⁴, или с процедурой референдума при Четвертой Республике. После отрицательного референдума в мае и сомнительного референдума в октябре 1946-го, руководители Четвертой Республики стали остерегаться этой процедуры. В течение двенадцати лет она так и оставалась мертвой буквой. К счастью, соответствующая статья оставалась в Конституции 1946 года. Без этого я никогда не смог бы изменить Конституцию».

Близкое к этому заявление он мне уже делал *12 сентября 1962 года*: «Франция смогла найти путь к спасению в 1958 году только благодаря тому зерну, которое я посеял в недрах Четвертой Республики».

Сенат. Де Голль. Референдум. «Самозванные, но неистребимые авторитеты»; человек, представляющий нацию, и нация, отвечающая на его призыв. «Генерал де Голль и народ» — сколько раз, зачарованный этим сопоставлением, я размышлял над его потребностью снова и снова убеждаться в поддержке народа! Приветственные крики, которыми прерываются его выступления, горячая поддержка толпы, — для него этого мало: все это должно время от времени подтверждаться практикой референдума.

Наверное, он думает (хотя он мне этого и не говорил), что три первые референдума дали блестящие результаты, в то время как плебисцит в октябре 1962-го был, с его точки зрения, явился полупоражением, которое необходимо загладить. Он хочет выбрать такие обстоятельства, которые позволили бы ему снова добиться «явного и массового» успеха.

7. «Надо ограничить феодалов»

Моя первая аудиенция, *5 марта 1959 года*, прошла под знаком отмены пенсий для бывших бойцов («это — выдумка ассоциации ветеранов, которая создала для себя *феодалное владение*») и «интеграции» («бессмысленное изобретение алжирских колонистов и нескольких полковников, вставших на их сторону; вместе они составляют еще одно *феодалное владение*»).

Многие из последовавших затем бесед были объединены этой общей темой: «Моя роль — ограничить феодалов, угрожающих единству Государства».

Совет министров, 6 февраля 1963.

[...]

Пизани отмечает, что всякая реформа требует в начале дополнительных расходов, которые должны возвращаться в виде экономии на протяжении последующих лет.

ГдГ. «Опасность в том, что все требуют дополнительных расходов, так как *феодалы* оказывают давление в этом направлении, но никто не заботится об экономии!».

Жискар поднимает голову и мрачнеет: он воспринимает сказанное как камень в свой огород. Будет ли он возражать? Нет, он сдерживает себя.

Жокс (возвращается к ранее затронутой теме). «Я хотел бы, наконец, привлечь внимание членов правительства к тому, что нельзя давать необоснованные обещания! Пусть никто не говорит: «Я поддержу ваши законные требования!». Когда ведешь дискуссию с профсоюзами, у них в досье всегда оказывается либо выступление какого-нибудь министра, либо даже письмо от него!

ГдГ. Я благодарю г. Жокса за его интересное сообщение, с выводами которого я согласен целиком и полностью! Министры должны раз и навсегда отказаться от этих мелких заигрываний, которые побуждают ко все новым требованиям. Наступил, наконец, момент, когда надо перестать плыть по течению, перестать систематически и автоматически пересматривать индексы. За исключением отдельных несправедливостей, которые надо исправлять, мы должны поддерживать стабильность индексов.

Помпиду (продолжает развитие той же темы). Каждый раз, когда обостряется трудовой конфликт, выясняется, что это происходит потому, что соответствующий министр принял — или разрешил своим подчиненным принять — некие обязательства, в устном, а то и в письменном виде. Так, у EDF оказалось письмо бывшего министра промышленности, Рибейра; вокруг него до сих пор идет спор, и еще будет продолжаться лет десять. Чрезвычайно важно избегать обещаний, которые даются под тем предлогом, что это помогает избежать стачки.

ГдГ. Правительство дает розги, которыми потом его же и секут! Именно слабость правительства перед *феодалами* и делает их такими опасными!».

Совет министров, 20 февраля 1963.

Обсуждается вопрос об угрозе инфляции. «Необходимо, — говорит Жискар, — принять решительные меры против повышения сельскохозяйственных цен и одновременно — тарифов наци-

ональных предприятий. Без крика не обойдется. Организации аграриев считают, что государство должно вмешиваться, когда цены опускаются ниже установленного ими уровня, но если они лезут вверх — никакое вмешательство недопустимо.

ГдГ. Эти организации существуют для того, чтобы поддерживать требования своих членов. Это — феодалы. Общие интересы их не волнуют. Они считают, что их задача — помешать ценам идти вниз. BAPSA¹⁵...

Помпиду и Жискар (чувствуя, что надвигается гроза, в один голос). Он проходит реформирование.

ГдГ. Как всегда, реформирование проходит и никогда не завершается! Непонятно, почему это не было сделано раньше.

Жискар. Современная сеть боен и распределение мяса должны привести к снижению цен.

ГдГ. Должны... Так почему же не приводят? А все дело в феодалах, в инертности министерств, которые феодалы подчинили себе и которые поэтому ничего не могут с ними поделаться.

Бокановски. В этом году мы добились довольно большого снижения цен на нефтепродукты. К сожалению, расходы растут.

ГдГ. Когда растут накладные расходы, цены всегда поднимаются. Но когда расходы уменьшаются, цены никогда не идут вниз! Нефтяные компании ведут себя так же, как аграрные организации: они считаются только со своими корпоративными интересами. Если бы не Государство, никто не стал бы заботиться об общих интересах!

Когда зима выдается холодной, как в этом году, растет потребление нефтепродуктов и, соответственно, незапланированные доходы нефтяников. Они могли бы сделать усилие и кое-чем пожертвовать. Между тем, меры принятые в 1956 году, чтобы смягчить для нефтяников последствия Суэцкого кризиса, по-прежнему остаются в силе!

Гранваль. Я очень рад, что намечаются действия с целью остановить инфляцию и стабилизировать цены. Но не забывайте, что профсоюзы вынуждены платить дань определенного рода демагогии. Иначе они потеряют поддержку своих членов.

ГдГ. Я не отрицаю политическую пользу от контактов с профсоюзами. Вполне нормально, что все, кто отвечает за положение в экономической и социальной сфере, должны поддер-

живать отношения с представителями предпринимателей и трудящихся... Я не вижу в этом ничего плохого, совсем напротив. Профсоюзы достойны уважения, когда они борются за интересы своих членов. Но когда они переходят определенную грань в своих требованиях, их борьба становится опасной для государства и нации! Они становятся чем-то вроде государства в государстве! Поэтому, государство не должно им поддаваться и слагать с себя ответственность: ведь только оно может принимать и проводить в жизнь решения в общих интересах. Нельзя идти на поводу!

Профсоюзы, особенно те, которые представляют трудящихся общественного сектора, раскручивают спираль инфляции! Государство должно эту спираль сдерживать. Оно для этого существует. Его первейшая задача — противостоять феодалам».

[...]

Золотой салон, 23 марта 1963.

В разгар стачки горняков Генерал мне говорит: «Идет ли речь о сельскохозяйственных организациях, об общественных службах, о национальных предприятиях или о различных профсоюзных объединениях, всегда оказывается, что эти люди забыли о действующем законе 1848 года¹⁶. Они хотят получить власть. Они хотят, чтобы Государство уступило их давлению, подчинилось их воле. Вы понимаете, о чем я говорю? Они хотят, чтобы Государство принадлежало им, чтобы они сами стали государством. Только к этому они и стремятся.

Они не только хотят захватить власть, но они этого уже достигли в значительной степени. Вот почему смысл нашего существования — во всяком случае, там, где мы сейчас находимся, — вернуть Государству присущий ему авторитет, основанный на суверенитете народа, на демократии, а не на маневрах отдельных лиц и организаций, которые прибегают к угрозам и обвинениям, чтобы навязать свою волю Государству. Мы должны дать Франции Государство, способное обуздать феодалов, потому что от Четвертой Республики мы получили в наследство Государство, задушенное феодалами.

АП. Но разве общество не должно быть плюралистическим? Чтобы существовало много центров принятия решений?

Чтобы не вся власть была сосредоточена в одних руках? Разве Государству не случается ошибаться?

ГдГ. Запомните, Пейрефит: ошибки — это то, что совершают другие! Если мы не утвердимся в этой истине, нам только и останется, что бить себя в грудь и каяться. У нас не будет смелости что-либо предпринять! Если мы сами не будем себе доверять, как вы хотите, чтобы нам доверяли французы? Надо, чтобы они могли сказать: «Нами хорошо управляют. Результаты поразительны. Нам повезло, что оппозиция не находится у власти!» Противники нужны, чтобы с ними бороться. Борьба — это жизнь. Чтобы существовать, надо иметь противников».

Мишель Дебре рассказывал мне, что и ему приходилось слышать от Генерала такие же удивительные высказывания. Не играют ли для Генерала феодалы такую же психологическую роль, как тот воображаемый противник, образ которого позволяет сосредоточить в борьбе с ним все свои силы?

Быть может, ему нужен искусственный враг, как *Шмюрц* у Бориса Виана, — толстяк из мягкой резины, которому герои «Строителей империи», походя, отвешивают пинки и затрещины, испытывая от этого прилив новых сил?

Но противники существуют, и они вполне реальны. И в 1969 году они одержали верх. И разве после этого, шаг за шагом, они не забрали снова власть в свои руки? Вот о чем, должно быть, с горечью думал Генерал, уйдя в отставку.

8. «Меня оскорбляют на моем же телевидении»

23 мая 1962.

Когда я заговорил с Генералом о предоставлении телевидению особого статуса, он устроил мне хорошую головомойку. Тогда я стал советоваться с моими друзьями из группы голлистов. Они единогласно и в принципе были против такого статуса. («Мы ничего не можем поделать с прессой; сохраним же, по крайней мере, контроль над телевидением».) Зато MRP отвергло мой проект, как недостаточно радикальный. Дилижан выступил яростным защитником такого статуса, который лишал Государство всякого контроля над телевидением.

Чтобы разобраться в проблеме, я пригласил на завтрак Жана Марена, председателя «Agence France-Presse» (AFP); на первый взгляд статус этого агентства показался мне подходящим: он гарантировал редакции независимость и в то же время препятствовал захвату ее оппозицией. Мне нравился острый юмор Марена, его широкие исторические экскурсы в сочетании с богатым личным опытом. Под его руководством AFP добились больших успехов на основании статуса, разработанного Мареном совместно с министром информации по имени Франсуа Миттеран и обеспечившего независимость агентству и его руководителю.

Я рассказываю Марену, что в настоящий момент работаю над статусом для RTF, который должен быть где-то на полпути между статусом Би-би-си и AFP.

«Англичане, — говорит он мне, — мастера во всем, что касается учреждений свободного общества. Они придумали социальный договор, Парламент, *habeas corpus**, власть большинства, права меньшинства, соблюдение правил игры, *fair play***». Статус Би-би-си идеален, он послужил мне образцом для AFP. Это не помешало правительству Ее Величества жестко контролировать Би-би-си во время войны. Это не мешает директору по информации Би-би-си, когда появляется несколько неожиданная новость, звонить некоему старому адмиралу, сидящему в каком-то чулане на Даунинг Стрит 10***, который говорит ему, посасывая трубку: «В данном случае мы лучше скажем так...», или: «Вы, пожалуй, можете рискнуть и сказать, что...». Директор по информации Би-би-си понимает с полуслова и сразу делает необходимые выводы.

Так оно, на самом деле, и должно было бы быть. Но вам будет очень трудно добиться на это согласия от Генерала. Он по натуре не склонен упускать власть, которая находится в его руках. Однако в данном случае убедить его поступиться властью значило бы оказать ему услугу».

* Закон о правах личности.

** «Честная игра».

*** Здание, где расположено английское правительство.

Сколько раз я слышал эту теорию верной неверности! «Чтобы быть хорошим голлистом, надо уметь противостоять де Голлю...».

Малый Матиньонский особняк, 27 мая 1962.*

Технический советник по информации при Елисейском дворце, Пьер Лефран, пришел ко мне для разговора. Его высокий рост, энергичные манеры, острый взгляд и усы делают его похожим на Генерала, когда тот был моложе.

«Кажется, вы готовите некий статус для RTF, — заявляет он мне. — Мне поручено (он не говорит, кем, — таковы правила Елисейского дворца) предостеречь вас от соблазна создать такую систему, которая лишит вас контроля над RTF.

Сохраните за собой право назначать, кого вы захотите, на любой пост. Если генеральный директор вас не устроит, смените его: для этого вам достаточно войти с предложением в Совет министров, а уж там никаких затруднений не будет. Если главный директор какой-либо службы окажется не лояльным, вы можете его уволить или понизить в должности. Если какой-нибудь журналист на телевидении представляет информацию в неприемлемом для правительства духе, вы его вышвыриваете вон. Власть, предоставленная вам законом, должна позволить вам поставить RTF на верный путь, потому что пока ее все время заносит не туда. Неужели вы променяете данную вам власть на непонятную опеку, которая не позволит вам проводить в жизнь ваши решения? Это совсем не то, чего ожидает от вас Генерал. Нынешний статус дает вам власть и, следовательно, возлагает на вас ответственность. Генерал не допустит, чтобы вы отказались от того и от другого».

Я слишком часто сам слышал высказывания Генерала на эту тему, чтобы сомневаться в том, что Лефран точно передает его мысль. На этот раз возникло слишком сильное расхождение между Помпиду, который, как я чувствую, близок к моим идеям, и Елисейским дворцом, который решительно против. Мне необходимо объяснить с премьер-министром.

* Здание, где находилось Министерство Информации.

В лице Помпиду я нахожу слушателя, гораздо более склонного к либеральным преобразованиям. Таковую же позицию занимает Оливье Гишар, курирующий эти вопросы в Матиньонском дворце.

Малый Матиньон, 15 июня 1962.

Должен признаться, что поведение «моих» тележурналистов в настоящее время подтверждает правоту Генерала. В тяжелые недели весны 1962 года тон их выступлений был таков, что ничего лучшего для себя OAS не могла бы пожелать. Плохие новости всегда подаются самым эффектным образом: убийства, рушащиеся здания в Алжире, сцены паники. Хорошие новости едва упоминаются: арест Салана и его ближайших помощников, свидетельства затухания подрывной деятельности со стороны OAS. Создается впечатление, что катастрофа ширится, что самоопределение Алжира невозможно, что де Голль лишился поддержки и должен уйти. И за этими передачами по единственному каналу в Алжире и Оране следят еще более жадно, чем в Париже или Марселе.

Я должен решиться на то, что делали все мои тридцать два предшественника после Освобождения, и чего я сам поклялся не делать: на этой неделе я стал собирать каждое утро в своем кабинете ответственных за информацию на радио и телевидении и вместе с ними намечать вопросы на текущий день...

Золотой салон, 20 июля 1962.

Генерал вызывает меня на ковер: он в ярости от передачи, которая прошла по телевидению накануне. Американский журналист Шёнбрунн, отвечая на вопросы Мишеля Друа, позволил себе едкие выпады в адрес Генерала.

ГдГ. «Где вы откопали этого Шёнбрунна, чтобы он оскорблял меня на моем же телевидении? А этот Мишель Друа, где вы его откопали? У них был вид двух сообщников, сговорившихся учинить пакость».

Я пытаюсь воспользоваться случаем и объяснить Генералу: «Мы попали в порочный круг. Именно потому, что телевидение принадлежит правительству, все журналисты — в том числе и самые благонамеренные — стремятся продемонстриро-

вать свою независимость и начинают фрондировать. Огромное большинство сотрудников, журналистов и техников, — люди левых взглядов, а то и вовсе коммунисты. А те, кто к нам расположен, боятся прослыть, как они выражаются, «желтыми» и «прихвостнями». Такую ситуацию нельзя назвать здоровой. Стоит мне применить малейшую санкцию, как сразу возникает дело государственного масштаба. Нужна какая-то организация, которая могла бы выступать как гарант беспристрастности. Должны быть обеспечены определенные права не только для оппозиции, но и для тех, кто нас поддерживает. Должны быть предусмотрены суровые санкции за нарушение требований объективности, а это предполагает, что инстанция, принимающая решение о таких санкциях, сама не должна быть заподозрена в пристрастности. Вот почему мне кажется необходимым создать либеральный статус.

ГдГ. Либеральный, либеральный... Что это значит? Либерал — это тот, кто считает, что правы его противники? Но убедите же себя, что правы вы, а не ваши противники!

Ап. Но сумело же Би-би-си завоевать доверие, не прибегая ни к систематическому восхвалению, ни к систематической критике правительства.

ГдГ. Проснитесь! Печатная пресса почти полностью настроена против меня. Я не могу разбрасываться телевидением, которое принадлежит мне. Необходимо уравновесить газеты теми средствами информации, которые закон предоставил в мое распоряжение.

Ап. Я немало бывал за границей, жил там. Такая система радио и телевидения, как у нас, существует еще только в странах Востока и при таких авторитарных режимах, как в Испании, Португалии и странах третьего мира. В странах представительной демократии существуют частные телевизионные каналы, или же создается общественная корпорация, нейтральность которой обеспечивается представителями правительства и оппозиции.

ГдГ. Вы дали себя загипнотизировать англичанам и американцам. Можно по-иному, чем они, понимать демократию и информацию! Даже если у них все это устроено хорошо и надолго — в чем лично я сомневаюсь, — не надо думать, будто и у

нас все получится так же! Мы другие, и ничего с этим поделаться не можем: то, что стоит прямо, нам обязательно нужно перевернуть! Там, где достаточно внести поправку, мы все крушим в пух и прах! Если у нас демократия, то она вырождается в «грязнократию»! Если у нас диктатура, то все заканчивается трагедией! Надо же, наконец, создать функциональную систему! Мы ничего не можем поделаться с печатной прессой. Так пусть, по крайней мере, на радио и телевидении журналисты не считают своим долгом вести ураганный огонь по правительству!».

Вернувшись в Малый Матиньон, я нахожу у себя на столе, в двойном конверте, записку от Генерала:

Записка
для г. Алена Пейрефита

Совершенно недопустимо отдавать почетное место на нашем телевидении некоему Шёнбрунну, воплощающему собой американскую наглость, милую остаткам Четвертой Республики.

Видимо, он послал мне этого «цыпленка» еще утром. Затем его раздражение возросло еще больше, и он вызвал меня, чтобы повторить свои упреки мне лично...

Золотой салон, 27 июля 1962, пятница.

Помпиду уговорил меня возобновить атаку, воспользовавшись тем, что Алжир получил независимость. С этой целью я попросил у Генерала специальную аудиенцию.

АП. «Радио и телевидение являются жертвой некоего парадокса. Существующая система соединяет в себе все отрицательные моменты. Она отдаляется от демократии в сторону диктатуры. Но странная получается диктатура: ее представители каждодневно подвергаются издевательствам и фрондированию.

ГдГ. Вы так думаете?

(Плохое начало. Я вновь набираю воздух в легкие.)

АП. Теперь, когда бои в Алжире кончились, не могли бы мы воспользоваться этим, чтобы дать радио и телевидению такой статус, который гарантировал бы права оппозиции и не позволил бы впредь ни одному правительству поступать так, как поступил Рамадьё по отношению к вам?».

Генерал, кажется, сбит с толку:

«Статус — это требование левых. Двенадцать с половиной лет они были у власти и воздерживались от введения статуса! На что же они жалуются? Они напичкали все этажи RTF своими людьми, которые исполняют все их приказания.

АП. Вот именно. Не потому ли журналисты и режиссеры бунтуют против государства, что мы не нашли соответствующего статуса? Вы дали Франции демократическую Конституцию, а демократического телевидения у нас нет. Надо ввести такие механизмы, которые обеспечивали бы беспристрастность, объективность, нейтральность информации, плюрализм дебатов, но также — правила, которые бы соблюдались, иерархию, которая бы уважалась. Вы имели смелость проводить либеральную политику, чтобы деколонизировать Империю. Почему бы вам теперь не поступить так же и не деколонизировать радио и телевидение?

ГдГ. Либеральную, либеральную! Вы называете либералом того, кто отказывается от своих полномочий и передает их другим, — пусть действуют вместо него? Именно в таком направлении нас толкал дух времени, когда речь шла об Империи. Оказалось, что и для Франции так лучше. Поэтому я так и поступил. Но в отношении RTF требуется прямо противоположное! Требуется не уменьшать, а увеличивать контроль Государства! Ваша задача — не упускать власть, а закреплять ее за собой. Если вы хотите лишиться тех немногих прерогатив, которые у вас есть, у вас не останется ничего!

В современном мире радио и телевидение обладают непомерным влиянием. Они непосредственно входят к людям в дом. Столь новое средство, обладающее столь исключительным воспитательным воздействием, требует большой ответственности. Государство должно такую ответственность гарантировать так же, как оно гарантирует национальное образование и общественную безопасность. Нужно вырвать телевидение из рук людей, которые его себе незаконно присвоили. Или вы воображаете, что его надо отобрать у Государства, то есть единственной власти, которая способна заставить уважать общие интересы?».

Генерал встает: «И потом, вот что еще важнее: Пятая Республика — это прямое соглашение между президентом Республики и народом. Надо, чтобы я мог обращаться к французам так

часто, как это необходимо, не завися от какой-то там феодальной корпорации, не вступая в переговоры с кем бы то ни было, не подвергаясь риску, что злонамеренные техники превратят мое лицо в голову белого сыра, как это уже однажды произошло.

АП. На протяжении последних недель я убедился, что вы были правы, призывая меня к осторожности: мне неоднократно приходилось самому брать за руль, чтобы выправить курс. Но теперь, когда мы уже не отвечаем за положение в Алжире, и OAS сдало позиции, позвольте мне вернуться к этой идее. Я провел предварительное изучение, вот записка, в которой изложены результаты».

Генерал кладет записку, не взглянув на нее, на край своего стола.

ГдГ. «Не увлекайтесь! Ваши идеи пока не стоят на повестке дня. Нас ожидают тяжелые испытания. Опасности вовсе не испарились. OAS сделает все, чтобы меня прикончить. А если ей это не удастся, вся оппозиция объединится, чтобы меня устранить. Вы думаете, что это подходящий момент, чтобы снимать стражу? Вы думаете, что новый режим сможет утвердиться без энергичных усилий? Вы думаете, что можно овладеть территорией, не переходя в атаку? Вы хотите преподнести подарок нашим противникам? Вы думаете, что социалисты, придя мне на смену в 1946 году, делали мне подарки? Когда Рамадье заявил, что мне запрещены выступления на национальных волнах, он был прав, со своей точки зрения! Если бы я имел возможность спокойно произносить речи на государственном радио и на других станциях, все эти политиканы рисковали недолго протянуть.

А Третья Республика, вы думаете, что она сумела бы утвердиться без сильной руки? Если бы она не взяла под контроль школы, лицеи, университеты, учебники истории, большинство газет? Она поставила перед свершившимся фактом правящий класс, который в своей массе был ей враждебен. «Оборванка» — вот как они ее называли! Монархисты составляли большинство, но они были расколоты — как это всегда случается с оппозицией — на орлеанистов, легитимистов и бонапартистов. Тьер вывел заключение: «Республика — вот то, что нас раскалывает в наименьшей степени». И на протяжении десятилетий все долбили эту теорему, пока она не засела в мозгах.

Левые, франкмасоны, профсоюзы, *черные гусары* упорно внушали, что не может быть никакого другого режима, кроме Республики, что не гражданственно думать о каком-либо ином общественном устройстве, что противник Республики — плохой француз. И все-таки потребовалась война 1914 года, чтобы перед лицом врага произошло полное объединение, и Республика была признана почти всеми. Сорок четыре года спустя после своего провозглашения! А ведь прошло всего три года с тех пор, как мы установили новый режим. Ему нужно гораздо больше времени, чтобы стать необратимым!».

Генерал медленными шагами идет к дверям, резким тоном чеканя заключительные фразы:

«Вот уж действительно неподходящий момент, чтобы вводить статус для RTF! Закон предоставил вам власть над учреждениями, над их персоналом, над техниками и журналистами. Сохраните эту власть! От того, как она будет осуществляться, во многом зависит судьба режима. Мы никогда не знаем, что может произойти. Нет, не пришло еще время для «деколонизации», как вы выражаетесь!»

Он не сказал: «Судьба режима зависит от того, как *вы* будете осуществлять власть!». Подтекст: «Если вы не справитесь, если у вас не хватит смелости осуществлять власть, я вас заменяю».

Он смотрит на меня сверху вниз и заключает командным тоном, как бы сомневаясь в том, что убедил меня: «Это обсуждению не подлежит! Поверьте мне...».

Он не говорит, но я уверен, что думает: «Вы еще очень молоды, очень наивны, очень неопытны».

Начало августа 1962.

Я вручаю Помпиду проект статуса RTF, который мы подготовили в глубокой тайне. Я передаю ему суровые предостережения Генерала по поводу моих проектов, и еще более суровые — Пьера Лефрана.

Помпиду. «Не думайте, что это Лефран настраивает Генерала против вашего замысла: сам Генерал снабжает идеями Лефрана. Я думаю, как и вы, что надо помочь Генералу эволюционировать. Но для этого потребуется время и терпение. [...] Когда у вас рождается идея, вы хотите, чтобы она реализовалась,

даже если обстоятельства этому не благоприятствуют. В этом отношении у вас такой же склад ума, как у Генерала и у Дебре. А у меня иной подход. Я жду, чтобы представился удобный случай, и пользуюсь им. Генерал утверждает, что он — эмпирик. Это неверно. Он волюнтарист, он хочет подчинить реальность своей воле, даже если результат получается противоположным тому, чего он ожидает, — потому что реальность сопротивляется. А эмпирик — это я. Поиграйте, если хотите, с проектом вашего статуса, но в этом году он не пройдет. Разве вы не видите, что момент для этого неподходящий?».

Моя секретарша, которой я диктовал предисловие к моему проекту, говорит мне, захлопывая свой блокнот: «Вы здесь долго не задержитесь. Вы уже десятый министр информации¹⁷, который готовит у меня на глазах проект статуса для радио и телевидения; вскоре после этого все они отправлялись в отставку».

Начало сентября. Какую роль сыграли мои проекты в предстоявшем мне перемещении на другую должность? А какую — мои слишком хорошие отношения с журналистами из газет? Все они, от *Populaire* до *L'Express* и от *Canard enchaîné* до *Le Figaro*, отметили мое увольнение с поста министра информации залпом комплиментов в мой адрес: ничего другого и не требовалось, чтобы окончательно скомпрометировать меня в глазах Генерала.

9. «Сначала наведите порядок»

7 декабря 1962.

По окончании первого заседания Совета министров в новом составе¹⁸, Генерал делает мне упрек в благожелательном тоне:

«Я видел вас по телевизору, когда вы с Фуше менялись должностями. Он вам сказал перед камерой, что между вами идет игра «на подначку». Вы знаете, лучше не выходить на телевизионный экран, если в этом нет необходимости».

Я пытаюсь невнятно объяснить, что не мог отклонить предложение своих сотрудников, которые хотели показать сво-

его министра на экране в тот момент, когда он покидал свой пост...

ГдГ. «Будьте экономны. Пусть инициатива появления на экране всегда принадлежит вам, когда вы подготовили нечто, что имеет большое значение для понимания французами политики Франции. И потом, зачем нужны все эти черные лимузины, швейцары, кидаящиеся вам навстречу, распахивающиеся и захлопывающиеся двери? Эти курбеты совершенно ни к чему.

АП. Сотрудники перестарались. Они то стоят навтыяжку перед министром, то начинают бунтовать, чтобы заглазить тот факт, что они стояли навтыяжку. Дело в том, что они подчиняются правительству, то есть мне, а это не соответствует нынешнему состоянию нашего общества.

ГдГ. Вы знаете, газетные журналисты никогда вас не поймут, сколько им ни объясняй. Это — наши противники, и они твердо решили оставаться ими. Поэтому пользуйтесь, по крайней мере, тем инструментом, который у вас в руках, — телевидением. И пользуйтесь им, как следует. *Не пытайтесь убеждать подчиненных, а давайте им указания.* Пресса против меня, зато телевидение принадлежит мне».

Накануне своего выступления перед Национальным собранием с правительственным заявлением, Помпиду говорит мне, улыбаясь:

«Вы будете довольны. Генерал согласился, чтобы я объявил о предстоящем внесении статуса RTF в качестве проекта закона. Давайте согласуем формулировку (он протягивает мне лист бумаги): *“Напоминаю, что 4 октября я уже сообщал о подготовке проекта статуса для РТФ, и я намерен довести эту работу до конца. Я подтверждаю это обещание. Посмотрим, удастся ли нам сделать так, чтобы все были довольны”*.¹⁹ Это вас устраивает?».

Это меня вполне устраивает. Сделать так, чтобы довольны были все, нам, конечно, не удастся, но я чувствую прилив бодрости оттого, что мы приняли этот вызов. Именно Помпиду добился того, что зажегся зеленый свет, или хотя бы желтый. У него действительно есть какой-то способ склонять Генерала на свою сторону.

27 января 1963.

Мальро рассказывает мне, что он задал Кеннеди вопрос: «Как вы можете управлять такой страной, как ваша, не имея в своих руках телевидения?».

Генерал мог бы задать такой же вопрос, но он не настолько наивен, чтобы это сделать. Французская концепция, подкрепленная традицией, такова: нельзя управлять такой страной, как наша, если аудиовизуальные средства не принадлежат государству и не подчиняются правительству.

27 февраля 1963.

Пьер Лефран приходит ко мне и повторяет свое предупреждение. Обеспокоенный, я говорю об этом на следующий день премьер-министру. Он отвечает мне, улыбаясь:

«Вам не удастся переубедить одновременно Генерала и Лефрана. Генерала, может быть, мы и уговорим, если никто не будет настраивать его в противоположном духе. Но, поскольку Лефран скоро будет назначен префектом, дело это не невозможное. Однако уже сейчас произведите некоторые действия, подтверждающие ваш авторитет. Сделайте то, о чем он вам говорил: *сначала наведите порядок*. Генерал согласится, чтобы вы передали руководство новой дирекции RTF, только после того, как вы сами вычистите оттуда непокорные элементы и уничтожите дурные привычки».

Совет министров, 12 марта 1963.

Генерал пышет гневом по поводу поведения RTF. Помпиду энергично встает на мою защиту:

«Впервые после 1958 года мы видим, как там начинают наводить порядок». (Это не очень любезно по отношению к восьмерым моим предшественникам, с тех пор как Генерал вернулся к власти; между прочим, двое из них — Мальро и Фрей — сейчас сидят за столом, и виноваты они только в том, что недостаточно долго находились на этом посту.)

Генерал не отвечает и переходит к следующему пункту повестки дня. Потом, уже в конце заседания, он вдруг ни с того ни с сего адресует мне демонстративный комплимент.

Брольи. «Он почувствовал, что зря вспылил, и хотел загладить инцидент.

Бокановски. Он всегда так. Взрывается, потом сожалеет об этом и пытается загладить, как может».

1 апреля 1963.

Я редактирую сопроводительную записку, чтобы представить Генералу и Помпиду мой план реформы телевизионных новостей.

«Новостная программа ведется посредственно. Она пользуется весьма слабым доверием телезрителей. Картинка обычно бедная, комментарии, самоуверенные и неточные, делают ее еще более невнятной...

Между тем, любое высказывание журналиста с RTF приобретает официальный характер; возникают политические инциденты, и отвечать, в любом случае, приходится правительству.

Требуется глубокая реформа, чтобы место импровизации заняла настоящая новостная передача, хорошо выстроенная, продуманная, изобразительно интересная. Надо: ликвидировать корпорацию журналистов-дикторов, так называемых «ведущих», готовых комментировать все, что угодно; заменить их специализированными журналистами и чтением по телесуфлеру текстов, одобренных ответственными главными редакторами; увеличить количество репортажей, усилить визуальную конкретность информации; увеличить число трибун и количество региональных новостных программ».

Генерал внимательно прочел мою записку и сам пожелал обсудить ее со мной.

ГдГ. «Я одобряю принципы вашей реформы, но необходимо найти людей, которые будут проводить ее в жизнь. И нужно, чтобы вы сами объяснили ее смысл по телевидению. Надо, чтобы люди поняли, что вы хотите сделать. Обозначить начало перемен. И не увлекайтесь количеством трибун: не надо устраивать перманентный цирк Барнума!

АП. В стране существует потребность в обсуждениях. Нехорошо, если у людей возникает впечатление, что все время вещает один голос. Надо организовать дебаты, где будут сталкиваться противоречивые точки зрения, как это уже происходит на периферийном радио.

ГдГ. Послушайте, нам совсем не нужно, чтобы у нас шла непрерывная избирательная кампания! У французов и так магия все поносить! Если долго чесать, зуд обязательно появится. Когда мы подойдем к выборам, — самым важным из них, президентским, — тогда мы и отведем дебатам столько времени, сколько положено в демократической стране. Но не надо начинать прямо сейчас перманентную герилью! Никто не может от нас этого потребовать!

Недавно один из ваших тележурналистов выдвинул принцип, согласно которому коллектив журналистов на RTF должен представлять различные тенденции общественного мнения. Наименее спорный критерий общественного мнения — последние парламентские выборы. В таком случае, ареопаг журналистов на RTF должен повторять состав Национального собрания (при том же численном составе, из 480 журналистов 260 должны были бы быть голлистами). Только вся штука в том, что состав журналистов на RTF соответствует выборам 1946, 1951 и 1956 годов, но никак не последним; иначе говоря, левые продолжают господствовать. Еще много предстоит сделать, чтобы привести состав в соответствие с последним голосованием».

[...]

30 апреля 1963.

ГдГ. «Что касается вашей реформы новостной передачи, то это у вас *получилось хорошо*. Стало больше зрительного материала, меньше болтовни, меньше зубоскальства. Но будьте внимательны. Дурные привычки, как сорняки, норовят снова вылезти наружу.

Почему заставка, предваряющая программу, изображает печатающую ротационную машину? Телевидение не должно плестись в хвосте у печатной прессы! Оно должно задавать тон. Пусть показывают камеры, если угодно, но никак не ротационные машины! Это нелепо!» (Смеется.)

(А ведь он прав! Он не разделяет комплекс неполноценности, которым страдают телевизионщики перед лицом печатной прессы. Он чувствует, что телевидение самодостаточно, и ему предстоит занять господствующее положение.)

Он продолжает, готовый пооткровенничать: «Я просматриваю три ежедневные информационные программы. Та, что вы-

ходит в 23 часа, лучше всех, потому что в ней нет ведущего, а только визуальный материал. Худшая — в 13 часов: там только и видишь, что ведущего. Телевидение — это не радио, это кино с доставкой на дом. Ведущий, если допустить, что он все-таки нужен, должен был бы ограничиваться связками в несколько секунд.

Почему бы не сделать репортажи о наших главных вузах: Эколь Нормаль, Политехническом, Сельскохозяйственном, Морском, Сен-Сире и других? А также о коммерческих и технических школах? Это отличный способ показать молодежь, устремленную в будущее, показать страну на подъеме. Ведь это намного правдивее и важнее, чем эти *ваши* истории о неприкаянной молодежи! И потом, большие передачи, типа «Пять колонок на первой полосе», должны были бы уделять больше внимания Франции, идущей вперед. А они там заклинились на катастрофах и всяких экстравагантных происшествиях. Остаются в стороне такие реалии французской жизни, которые будут представлять наибольший интерес для историков будущего века: научный и технический прогресс, экономический подъем, благоустройство территории, французские достижения во внешней политике, большие стройки.

И потом, почему надо всегда поддаваться соблазну роскоши и шика? Уделять столько внимания презентациям мод? Телевизионная передача адресована народу! Пусть женский иллюстрированный журнал занимается модой, это его сфера. Но если телевизионная новостная передача навязчиво демонстрирует каждый день парад платьев по 3 тысячи франков каждое, это оскорбительно для рабочих, которые зарабатывают по 500 франков в месяц. И потом, это очень мило — показывать Францию как страну парусных регат, конного туризма, но это — отдых для богатых. Так зачем же все время демонстрировать эту искусственную жизнь, этот мир легких денег, доступных женщин? Это все — вызов для народного зрителя, которому живет-ся нелегко. Покажите картины французской жизни, как она есть, то есть в движении, на подъеме, — жизнь, в общем, счастливую и мирную, а не такую, как ее изображает пресса!

И почему на телевидении так мало веселости? Жорж Кон блистает юмором, и это — правильный путь. И разве нет эстрадных певцов, которые высмеивали бы не только правительство, но и оппозицию? Какие основания представлять Помпиду бо-

лее смешным, чем Ги Молле? И почему не привлечь на телевидение таких людей, как Фроссар и Пьер Дак, умеющих вызывать смех и улыбку?».

Действительно, Генерал не хочет, чтобы телевидение «обслуживало» лично его. Он любит телевидение, как верный и благодарный зритель. Из него получился бы очень хороший директор программ.

8 апреля 1964.

Генерал высказывает мне свое отношение к моему проекту статуса RTF. Он внимательно прочел текст и не испытывает восторга.

ГдГ. «Генеральный директор будет избираться? Об этом и думать нечего! Генеральный директор должен назначаться правительством! В крайнем случае, я могу согласиться, чтобы председатель административного совета избирался членами совета. Но генеральный директор будет представлять государство. Вы не можете отказаться от вашей ответственности! Вы, во что бы то ни стало, хотите избавиться от предоставленной вам власти и ограничиться опекой. [...]

У меня также есть замечания по поводу состава административного совета. Половину мест вы хотите предоставить представителям персонала, либо тем, кто стоит на таких же позициях, — прессе, ассоциациям и так далее. В результате вы сразу получите административный совет, наполовину состоящий из оппозиционеров. Мы знаем по опыту, что даже чиновники, когда проводится закрытое голосование, нередко голосуют за оппозиционеров. И вы получите председателя, который с волками будет выть по-волчьи... Может быть, первого председателя административного совета вам и удастся держать в подчинении, но затем обязательно появится такой, который будет выступать против нас».

До президентских выборов осталось восемнадцать месяцев, и Генерал говорит как человек, который не собирается оставить власть в следующем году. [...]

«Нельзя допустить, чтобы административный совет наполовину состоял из бузотеров. Я не говорю, что нужно отстранить представителей персонала, но нельзя отдавать половину мест всяким «коко»²⁰.

АП. Но ведь эта половина будет состоять не только из представителей персонала!

ГдГ. Все равно, это — противники! Представители персонала будут назначаться профсоюзами. Представители печатной прессы нас терпеть не могут. Представители общественных организаций по отношению к нам настроены враждебно. Те, кто настроен не враждебно, организаций не создают. Обычные телезрители не испытывают потребности создать ассоциацию. Вы слышали когда-нибудь об ассоциации пассажиров метро? Или автобусов? Нормальные люди просто хотят, чтобы эти службы работали. А если бы вдруг речь зашла о том, чтобы предоставить власть ассоциациям потребителей, в них сразу оказались бы «коко»²¹ или социалисты.

АП. Среди ассоциаций радиослушателей и телезрителей есть одна, самая многочисленная, где председателем является Франсуа Мориак. И она вас поддерживает.

ГдГ (смягчаясь). Вот как, я не знал.

АП (приободрившись). Чтобы административный совет пользовался авторитетом, представители правительства должны занимать в нем не больше половины мест. Но почему вы считаете, что вся вторая половина будет настроена против де Голля, в то время как ему доверяют 60 или 70 процентов населения? Что касается председателя административного совета, то я берусь сделать так, что будет избран тот, кого укажем мы. Я предлагаю вам самому сделать выбор, и если этот человек не станет председателем, вы меня тут же увольняете.

ГдГ. А вы сами о ком думаете?

АП. О двух весьма уважаемых людях, членах Французской Академии: Франсуа Мориаке, прилежном телезрителе, кстати сказать, и о Владимире д'Ормессоне, убежденном приверженце Государства, известном писателе и дипломате».

Некоторое время Генерал размышляет, устремив взгляд в зелень парка:

«Д'Ормессон не обладает литературной гениальностью Мориака. Но Мориак — человек эмоций. Он начинает переживать при виде любой бродячей собаки. Он будет делиться с вами своими переживаниями, которые, в конце концов, станут достоянием всего человечества. Владимир д'Ормессон — человек

государства. Он сумеет разобраться, что к чему, и поддержит руководство. Берем д'Ормессона²².

АП. Вы первый поняли, господин генерал, что «дух нашего времени» требует нового подхода к Империи, Алжиру, Конституции, франко-немецким отношениям... «Дух времени» требует нового подхода и к информации. Она уже не может делаться под диктовку...

ГдГ. Как вы можете говорить, что она «делается под диктовку», если она не желает вам подчиняться?

АП. Вот именно, она только делает вид, будто подчиняется. Но ее природа в мире, во всяком случае, в нашем западном мире, не позволяет ею командовать. RTF обладает авторитарным статусом, который не отвечает состоянию нашего общества. В результате, это оборачивается против нас.

ГдГ. Я понимаю, что вы хотите сделать, и у меня нет возражений против ваших намерений. Но все дело в том, как это будет осуществлено. Нужны люди, заслуживающие доверия. Найдутся ли они в достаточном количестве, чтобы вы могли на них опереться? Я в этом сомневаюсь.

АП. Телевидение все время критикуют, так как существует только государственное телевидение. А национальное радио не критикуют, потому что с ним конкурируют «Радио-Европа», «Радио-Люксембург», «Радио-Монте-Карло». Если люди не довольны национальным радио, они слушают какое-нибудь другое. Когда-нибудь понадобится частное телевидение, чтобы избавить от комплексов телевидение общественное.

ГдГ. Вы находите, что «Европа» и «Радио-Люксембург» — это так уж хорошо?

АП. Во всяком случае, эти радиостанции служат громом отводом. Было бы хорошо, если бы существовало какое-нибудь телевидение-громом отвод. Почему бы не второй канал, который скоро у нас будет?

ГдГ (сухо). Еще рано. Подождем третьего.

[...]

Матиньонский дворец, 8 апреля 1964.

Помпиду, весьма довольный, говорит мне в присутствии Оливье Гишара, который меня очень поддерживал: «Наконец-то дело со статусом пришло к завершению! Вам не удалось до-

биться всего, чего вы хотели, но так даже лучше. Надо двигаться постепенно».

Бурбонский дворец, 26 мая 1964.

Начинаются дебаты в Национальном собрании. То, как они идут, подтверждает пессимизм Генерала в отношении парламентской системы. Депутаты-голлисты на закрытом заседании фракции упрекают меня в том, что я «разбазариваю» авторитет государства вместо того, чтобы крепко держать дело в руках и «вышвырнуть» три четверти журналистов и режиссеров, которые настроены враждебно. Но, выйдя на трибуну, те же депутаты выражают сожаление, что я сохранил слишком много власти за государством.

Бурбонский дворец, 25 июня 1964.

Эта двусмысленная игра заканчивается безнадежным решением о создании смешанной комиссии на паритетной основе. Происходит смычка депутатов, враждебных реформе, потому что она слишком радикальна, с теми, кто считает ее недостаточно радикальной. В результате им удается выхолостить проект и аннулировать его самые значимые моменты. Уже глубокой ночью, мне не остается ничего другого, как потребовать солидарного голосования по правительственному проекту. Большинство вынуждено меня поддержать.

Матиньонский дворец, 26 июня 1964.

Помпиду осыпает меня упреками:

«Я терпеть не могу солидарного голосования. Это — способ принуждения. Вы не должны были прибегать к такому средству, не посоветовавшись со мной!

АП. Я не хотел будить вас среди ночи, когда смешанная комиссия превратила в развалины текст, согласиться на который мы с таким трудом уговорили Генерала».

Генерал, напротив, меня поздравляет: «Вы воспользовались солидарным голосованием, именно так и надо было поступить». В его глазах, чем решительнее — тем лучше.

Тридцать лет спустя, любой добросовестный наблюдатель согласится с тем, что, впервые после Освобождения,

этот закон положил начало необходимому процессу «деколонизации», то есть дистанцированию между политической властью и радио- и телевидением. Меры, принятые затем Жаком Шабан-Дельмасом в 1970 году в соответствии с духом этого закона, затем — разделение ORTF на семь частей в 1974-м, и особенно, начиная с 1986-го, появление все большего количества частных каналов, — все это продолжило процесс «деколонизации». Однако журналисты, которые в то время еще ходили пешком под стол, утверждают, будто в те годы власть как раз занималась тем, что подчиняла себе радио и телевидение...

10. «Капитализм неприемлем, коллективизм тоже»

[...]

После Совета министров, 11 июля 1962.

АП. «Вы, должно быть, удовлетворены цифрами занятости. У нас всего 21 тысяча безработных, это просто удивительно: ведь сельское хозяйство механизмуется все больше, а из заморских территорий во Францию прибывает много французов (я не употребляю слово *репатрианты*, оно его раздражает).

ГдГ. Хорошо, что у всех французов есть работа. Но этого недостаточно. Надо еще, чтобы они находили удовлетворение в своей работе. А этого нет.

Мир разделился между двумя системами, ожесточенно соперничающими между собой: капитализмом и коллективизмом. Капитализм неприемлем в своих социальных последствиях. Он подавляет самых слабых. При нем человек человеку — волк. (Поразительно звучит в его устах эта марксистская формула.) Коллективизм столь же не приемлем: он лишает человека стремления к борьбе. Он превращает людей в овец. Надо найти третий путь — между волками и овцами.

АП. Какой же?

ГдГ. Участие и планирование. Участие должно приобщить трудящихся к развитию предприятия, вернуть им достоинство, которого капитализм их лишает. Планирование помогает исправлять ошибки рынка, ибо, лишенный контроля, рынок слеп.

АП. Но ведь это всего лишь вариант первого пути: он не ставит под вопрос принципы рыночной экономики — личную инициативу, свободное предпринимательство, конкуренцию, рынок, право собственности, право наследования, право покупать, продавать, обменивать, — короче, основы нашего западного общества? Это скорее «путь первый прим», чем «третий путь»?

ГдГ (равнодушен к этим различиям). Государство должно вмешиваться каждый раз, когда этого требует общий интерес. Трудящиеся должны участвовать в развитии своих предприятий.

АП. Но в принципе вы не ставите под сомнение рыночную экономику?

ГдГ. Конечно нет».

[...]

После Совета министров, 12 декабря 1962.

Я пытаюсь немного спровоцировать Генерала:

«Все-таки пока не удалось придумать ничего лучшего, чем рыночная экономика.

ГдГ. В рынке, Пейрефит, есть хорошая сторона. Он заставляет людей шевелиться, он вознаграждает лучших, он толкает к тому, чтобы превзойти других и самого себя. Но одновременно он порождает несправедливости, ведет к созданию монополий, поощряет жульничество. Поэтому не закрывайте глаза на недостатки рынка. Не следует думать, что он сам по себе разрешит все проблемы. Рынок не выше нации и государства. Нация и государство должны *нависать* над рынком. Если бы рынок стал всевластным хозяином, то господствовали бы на нем американцы под видом многонациональных компаний, которые не более многонациональны, чем НАТО. Все это — лишь камуфляж для американского господства. Если мы отдадимся на волю рынка, мы станем американской колонией. Мы, как европейцы, перестанем существовать».

Он на минуту останавливается, но я чувствую, что он будет продолжать, и мне не надо задавать вопросов.

ГдГ. «Возьмите хоть эту выставку в Мехико, о которой только что рассказывал Жискар. Ни одного французского ответственного лица, даже ни одного французского журналиста! Всем наплевать. Если бы мы не подталкивали хозяев, они ограничились бы внутренним рынком. Сами по себе они и пальцем не по-

шевелият. Им гораздо спокойнее и привычнее работать с французской клиентурой, плюс рынки бывших колоний. Они все еще не поняли, что положение в корне изменилось. Если государство не возьмет на себя инициативу, ничто с места не стронется».

Новая вариация на тему знаменитого рисунка Фазана, после нашего провала на Олимпийских играх в Риме, в 1960 году: «В этой стране, если только я не возьмусь за дело сам...»

Совет министров, 9 января 1963.

Помпиду ведет себя все более уверенно.

Жискара с удовлетворением сообщает: «Индекс промышленного производства в ноябре 1962 года составил 208, тогда как в ноябре прошлого года он был равен 193. Этот прогресс связан с трудовой активностью населения; было бы досадно, если бы заметное сокращение трудовой недели затормозило процесс.

ГдГ (подозрительно). Почему в ноябре импорт увеличился, а экспорт нет?».

Помпиду бросает на Генерала пронизательный взгляд. По его тону он сразу понял, что вопрос означает: «Почему мне не сообщили о тревожном аспекте ситуации? Почему меня все время норовят успокоить, выставляя приятную сторону вещей и скрывая неприятную? Хорошо, что у меня есть помощники, которые меня информируют!».

Но **Жискара** не так-то легко сбить: «Рост зарплат стимулирует закупки на внутреннем рынке, отсюда и увеличение импорта».

Генерал, всматриваясь в голубую кривую инфляции на диаграмме: «Не потому ли, что наши цены растут, у нас возникают трудности с экспортом?».

Помпиду спешит на помощь **Жискару** и сухо отвечает **Генералу**: «Нет, наш экспорт тоже увеличился. Новым и непредвиденным фактом является только рост импорта».

Генерал, в ответ на вескую реплику своего премьер-министра, дает задний ход, не настаивая на вопросе, который, судя по всему, был ему подсказан его финансовым советником. Он решает взглянуть на проблему с более высокой точки зрения:

«Нам вскоре предстоит разработать целостную концепцию экономического и социального развития. Положительные

результаты, которые были отмечены, получают развитие только в том случае, если экономический прогресс будет служить опорой для прогресса социального. Мы должны упорно продолжать наши национальные усилия. В отношении цен надо проводить твердую политику. Надо создавать благоприятные условия для инвестиций, используя соответствующие кредиты. Надо будет поставить жесткие рамки; пока все выглядит довольно смутно. И главное — придерживаться Плана.

Помпиду. Главная причина перекосов, возникших в результате роста импорта, — это увеличение зарплат.

ГдГ. Оно само является результатом возросших цен. Если бы не они, мы бы лучше держались.

Помпиду (все более сухо). Это экономически неточно».

Никогда еще премьер-министр не возражал Генералу столь резко в присутствии двадцати пяти министров. Кув пытается внести умиротворяющую ноту, чтобы ослабить напряжение: «Базовый феномен — это избыток денежной массы». Генерал подхватывает этот аргумент, чтобы усилить свою критику:

«Имеется масса незакрепленных денег, которые надо использовать и инвестировать».

Помпиду (он в самом деле закусил удила). «Но дела вовсе не пущены на самотек! Во Франции много денег. Приток денег из-за границы — это инфляционный фактор. Эти деньги нельзя инвестировать.

ГдГ. Надо, чтобы сложилась психология накопления!

Помпиду. Эффективнее всего было бы понизить процентную ставку, чтобы уменьшить приток денег».

Генерал понимает, что зашел слишком далеко, и хочет успокоить Помпиду, уязвленного в своей гордости эффективного премьер-министра, особенно компетентного в экономических делах: «Я не думаю, что дела пущены на самотек, но все-таки их нужно покрепче держать в руках».

Выходя, Помпиду говорит мне: «Вы, разумеется, не будете рассказывать журналистам о моей перепалке с Генералом. Но мне надоели эти тайные технические советники, внешние и внутренние, которые настраивают его против *меня* и *моего правительства*. Пусть Рюэфф²³ оставит свои советы при себе!».

[...]

После Совета министров, 16 января 1963.

Генерал расхваливает передо мной План, поднимаясь иногда до лирических высот:

«Ничто не имеет такого значения, как План. Благоустройство территории должно быть ему непосредственно подчинено. Ничто не может сравниться с Планом. Ничто не должно осуществляться вне Плана: ни повышение зарплат, ни увеличение отпусков, ни уменьшение продолжительности труда. План нам всегда поможет выйти из положения. Все пришли к соглашению относительно его общих параметров. Теперь все обязаны его придерживаться. На любое требование мы можем ответить: «Невозможно, План этого не предусматривает».

Надо создать мистику Плана. Вы понимаете, Пейрефит, План — это спасение. Так что ничего непредвиденного не должно происходить в экономической и социальной областях, во всяком случае, — ничего серьезного. Рабочие выдвигают требования? — Невозможно: План. Хозяева выдвигают требования? — Невозможно: План. Министру финансов и министру труда будет нечего делать в течение четырех лет, пока будет действовать План: механизм Плана должен действовать сам собой.

Я как-то спросил у Хрущева, когда он приезжал во Францию: «Но, в конце концов, когда же вы работаете? Вы все время путешествуете, произносите речи, охотитесь, отдыхаете в Крыму. Когда вы выкраиваете время для работы?». — «А я и не работаю, — отвечает Хрущев. — Зачем мне работать? В Плане все предусмотрено. Надо только его исполнять. А это уже — дело чиновников».

АП. Ну, у нас все-таки не советский строй...

ГдГ. Надо из разных систем брать лучшее. Имея План, мы знаем, куда идем. Без Плана — это анархия».

Совет министров, 24 января 1963.

Жискар. «Франция наводнена итальянскими холодильниками. Наша промышленность, производящая охлаждающую технику, в большом затруднении. Необходимы концентрация производства и борьба с иностранными конкурентами. Нам потребуется на это шесть месяцев, иначе мы исчезнем с рынка».

После заседания

Генерал говорит мне:

«Рыночная экономика — это очень мило. Но если мы не примем мер, целые блоки нашей экономики рухнут. В разных странах неодинаковые условия производства. Итальянские рабочие получают в три раза меньше французских; их холодильники обрушиваются на нас и грозят нас раздавить. Надо все-таки иметь какие-то возможности, чтобы противостоять таким ударам! Иначе завтра все автомашины будут немецкими, все мотоциклы — японскими, все самолеты — американскими. Надо, чтобы Государство имело в своем распоряжении достаточные средства, чтобы помогать нашим предприятиям бороться и не разориться. Впрочем, соответствующие статьи есть в Римском договоре, надо только ими пользоваться.

АП. Европейская Комиссия может установить компенсационные пошлины, если иностранная продукция наносит ущерб какой-либо стране.

ГдГ. Может быть. Но Комиссия этого не делает. Она не станет проявлять инициативу. Для этого надо, чтобы мы ее растормошили».

План для Генерала — это компромисс (понимаемый немного по-военному) между коллективизмом и капитализмом, которые оба для него не приемлемы. Он не любит общественный сектор, в котором «феодалы» стремятся подчинить себе государство. Он не любит принцип «позволять и не препятствовать», слишком противоречащий его волевому темпераменту и выглядящий в его глазах как трусость. План дает возможность подчинить руководству государства свободных субъектов экономической деятельности.

Совет министров, 20 февраля 1963.

Жискар, Гранваль, затем Помпиду говорили о ценах и зарплатах. Генерал выступал несколько раз. Видимо, у него есть на этот счет собственные идеи.

После заседания он объявляет мне о своем намерении выступить с тремя заявлениями. Первое — о международных делах, чтобы подвести итог нашей успешной борьбе против англ-

личан и американцев. Второе — о правосудии, после того как будут завершены большие процессы над руководителями OAS.

Затем — речь об экономическом положении и Плане, о необходимости четко придерживаться поставленных в нем задач, о недопустимости превышать предусмотренные в нем темпы увеличения зарплат: иначе все у нас полетит кувырком...

Между речами должен быть интервал недели в три или в месяц. «Значит, я сажусь за работу немедленно, чтобы был задел. Но журналистам пока об этом не объявляйте».

(Ни Помпиду, ни Бюрен де Розье ничего не слышали об этих проектах. Когда я им сказал, они подскочили до потолка.)

АП. «Вы стали все больше и больше заниматься экономическими и социальными вопросами?»

ГдГ. От Плана зависит все остальное. Я теперь буду проводить совещания каждую неделю. Первое состоится завтра: я соберу министров, отвечающих за экономику. Мы рассмотрим проблемы Общего рынка, а затем — вопросы цен, экономического и социального развития в комплексе. Мы будем это делать каждую неделю в течение ближайших месяцев. Эти вопросы — главные, так как нельзя проводить независимую политику и иметь независимую оборонительную систему без независимой экономики и здоровых финансов. Это — необходимое условие национальной независимости. Нельзя, чтобы все это было поставлено под угрозу из-за какого-то неконтролируемого роста цен и зарплат. Это было бы похоже на то, что мы уже видели при Четвертой Республике. Если мы не примем мер, то покажемся по наклонной плоскости.

Надо закрепить на горизонтальном участке. Надо навести порядок в ценах и зарплатах. Надо помешать всяким посредникам прокручивать деньги, — что они делают постоянно, так как думают только о своей выгоде, а не об общем интересе. Если вы поговорите с каждым из них в отдельности, то увидите, что он прекрасно понимает необходимость ради общего блага сдерживать рост цен и зарплат. Но как только он оказывается в стае с себе подобными, тут же начинает с волками выть по-волчьи. Никто не желает прислушаться к голосу разума. Это отсутствие реализма у французов повергает в растерянность.

На самом деле, представительная система не работает. Нельзя основывать жизнь нации на людях, которые думают только о том, чтобы набить себе цену в глазах избирателей и переизбраться на новый срок. Надо быть выше этой жалкой возни, иначе она тебя затащит. Профсоюзы — это одна из представительных систем... Она существует за счет неумеренных посулов. Она ничем не лучше парламентской системы.

11. «Решительно добиваться участия»

Расхождение во взглядах между Генералом и Помпиду не сводится к противостоянию «волютариста» и «либерала». Другая разделительная черта намечается по поводу излюбленной идеи Генерала — «ассоциации капитала и труда», призванной исцелить раны индустриального общества. Быть может, это результат социального похолодания, связанного с забастовкой шахтеров, но весной 1963 года он с новой силой возвращается к теме «участия», выдвигая множество проектов.

[...]

Золотой салон, 30 апреля 1963.

АП. «Как вы согласуете ваш тезис об *участии* с агрессивной позицией профсоюза на протяжении всей забастовки шахтеров?»

ГдГ. Главное, вступить в эру согласованной экономики. Мы уже приблизились к ней гораздо больше, чем об этом обычно говорят и думают. Надо сделать так, чтобы общество это осознало. Надо, чтобы профсоюзы участвовали в принятии решений и принимали на себя вытекающую отсюда ответственность. Надо, чтобы они почувствовали, что такое национальная польза. Надо, чтобы синдикализм требований стал синдикализмом управления. Эта забастовка является предупреждением. Она должна не обескураживать нас, а стимулировать».

Помолчав, он продолжает: «Пришло время решительно добиваться участия. Нельзя больше мириться с тем, что с одной стороны существуют хозяева и Государство-Хозяин, а с другой — рабочие. Это — ситуация постоянного антагонизма.

Надо, чтобы все участники экономического механизма, все, кто создает богатства, поняли, что они плывут в одной лодке и что они наносят вред самим себе, относясь друг к другу, как противники.

АП. Это то, что во времена RPF вы называли «ассоциацией капитала и труда»?

ГдГ. Если хотите. Но то, что происходит, показывает, что надо идти дальше.

АП. Куда же, практически?

ГдГ. «Ассоциация капитала и труда» может осуществляться на трех уровнях. Сначала — заинтересованность в прибылях предприятия. В указе 1959 года уже заложен принцип трудового соглашения, предусматривающего участие в прибылях. Это — хорошее начало. Некоторые фирмы, такие, как Дассо, им воспользовались. Затем — участие в прибавочной стоимости, что вызвало сопротивление со стороны капиталовладельцев, но это не причина, чтобы этого не делать. Это позволило бы превратить рабочих в совладельцев предприятий. Наконец, следует изучить вопрос, в какой степени технические кадры и персонал могут быть привлечены к управлению предприятиями, при соответствующем уменьшении роли административных советов. Я попросил Блок-Лэнэ поразмышлять на эту тему».

Золотой салон, 26 июня 1963.

ГдГ. «Несомненно, оппозиция попытается нас разбить, воспользовавшись проблемами экономики; она потребует максимального повышения зарплат, начнет раздувать панику в связи с ростом цен, постарается опрокинуть франк. После всех своих поражений в прошлом году, оппозиция видит в этом единственный способ разделаться с существующей системой. Если ей это удастся, она обернет все наши аргументы против нас (он имитирует возгласы противников): «Они потеряли Африку!», «Они потеряли Алжир!», «Их великие замыслы рухнули!», «Валюта обесценивается!».

Конечно, мелкие забастовки, вспыхивающие то там, то здесь, — признак нездорового состояния. Невозможно восполнить ущерб, нанесенный двадцатичетырехчасовой забастовкой учителей. Почему возникают эти беспорядки? Национальный

профсоюз преподавателей требует, чтобы надбавка, полагающаяся учителям, если у них в классе более десяти учеников, предоставлялась также тем, у кого в классе менее десяти человек. 250 тысяч учителей бастуют ради надбавки для 2 тысяч учителей, у которых меньше десяти учеников в классе. И им уступают!».

[...]

После Совета министров, 9 сентября 1964, Генерал заявляет мне: «Французских трудящихся не принимают всерьез. Равно как и других граждан. О них говорят: стадо овец, с которых *стригут* налоги. Им стараются заморочить голову.

Рабочие и технические специалисты должны чувствовать свою причастность к развитию своего предприятия. И это чувство появится у них, только если они будут действительно причастны. А с ними обращаются как с безответственными людьми, даже если делают вид, будто ведут переговоры с их профсоюзами. А так как профсоюзы заинтересованы только в спекуляции на зарплатах и ценах, то и получается диалог глухих.

Надо, чтобы граждане поверили в возможность самим заменять своих руководителей, в том числе, и первого среди них. Надо, чтобы рабочие и технические специалисты предприятия чувствовали, что они могут оказать влияние на смену руководства, если оно окажется не эффективным.

АП. Но они этого не требуют. А если им такое право будет предоставлено, то им все равно завладеют профсоюзы.

ГдГ. В этом-то и вопрос. Надо придумать для предприятий такую систему, которая обеспечивала бы участие трудящихся, подобно тому, как мы создали Пятую Республику, которая обеспечивает участие граждан».

Помпиду поставил перед собой задачу «сделать выводы» из забастовки горняков, и в первую очередь — регламентировать право на забастовку, издав для этого специальный закон. Подготовка проекта такого закона была завершена на *Межминистерском комитете 2 мая 1963*, после которого Помпиду сказал мне: «Это будет наглядное доказательство, что правительство и поддерживающее его парламентское большинство выиграли это тяжелое сражение».

Тем не менее, забастовки вспыхивают вновь и вновь, регулярно. Те, которые хоть в какой-то степени принимают масштабный характер, неизменно привлекают внимание Генерала.

[...]

После Совета министров, 27 ноября 1963 года я задаю Генералу вопрос по поводу стачек:

«Профсоюзы продолжают агитационную кампанию. Она оказывает вредное психологическое воздействие?

ГдГ. Вредное для кого? Для самих же профсоюзов? Пусть устраивают стачки, я даже не против. Забастовки становятся все более непопулярными.

Всякий раз, когда трудящиеся прерывают работу, это стоит денег, а кому? Тем самым беднякам, которые, по их же словам, не получают компенсации. Впрочем, профсоюзы хотели организовать всеобщую забастовку, но у них не получилось.

АП. Во всяком случае, это доказывает, что наш закон о праве на забастовку не препятствует забастовкам.

ГдГ. Возможно. Но все-таки он оказался очень полезным. Он запретил круговую забастовку*, забастовку без предупреждения, когда неожиданно останавливается то один поезд, то другой, а пассажиров даже ни о чем не предупреждают. С импровизированными стачками покончено. Этого было трудно добиться, но это прочистит кое-кому мозги».

Совет министров, 2 декабря 1964.

Помпиду комментирует новую волну стачек: «Нам не миновать манифестации, назначенной на сегодня, и всеобщей забастовки работников общественной сферы, объявленной на 11 декабря. А между тем, 1964 год был очень удачным для всего национализированного сектора экономики. Масса заработной платы возросла на 5 процентов с учетом роста цен. Именно поэтому руководители профсоюзов раздражены: они чувствуют, что среди рядовых членов нет настоящего недовольства. Само существование профсоюзной верхушки поставлено под вопрос: зачем она нужна, если улучшения

* Вид забастовки, когда работа прерывается на короткий срок, но многократно и регулярно.

достигаются сами собой? Поэтому они и назначили стачку на 11 декабря».

Затем он останавливается на практических мерах, которые планируются в связи с забастовкой.

ГдГ. «Не следует медлить с объявлением о повышении зарплат, которое мы решили провести и проведем в любом случае! Если промедлим, создастся впечатление, будто мы были к этому принуждены под угрозой забастовки.

(Сам он принимает решения очень медленно, желая как можно дольше сохранить за собой свободу выбора. Зато от подчиненных он требует молниеносного исполнения.)

Бокановски. Если профсоюзные лидеры смогут предложить своим членам нечто существенное, они, возможно, откажутся от забастовки.

ГдГ. Профсоюзы свое решение приняли, и теперь им трудно идти на попятную. Они могут потерять лицо.

(Существуют элементарные законы взаимоотношений между вождями и ведомыми. Профсоюзы, эти органы борьбы, должны вести себя в соответствии с логикой сражения — как сам Генерал действовал бы на их месте.)

Помпиду (с опозданием подхватывает предыдущую реплику Генерала). Надо, чтобы принятые нами решения о повышении зарплат были объявлены до начала стачки.

Фрей. Профсоюзы хотят испытать боеспособность своих войск. Она не так уж велика. Но генеральные штабы постараются мобилизовать свои войска в 1965 году, когда предстоят большие политические схватки.

ГдГ (не желая считать 1965 год, когда должны состояться президентские выборы, чем-то особенным). Как же... Для них это слишком большой срок, они не рассчитывают так далеко».

Золотой салон, 9 декабря 1964.

АП. «Меня будут спрашивать о забастовке, предстоящей послезавтра?»

ГдГ. Не следует создавать впечатления, будто правительство не знает о стачке, в то время как французы сидят без электричества. Не надо, чтобы шли разговоры, будто правительству наплевать. Надо сказать, что вопрос о зарплате работникам об-

ществленных служб и общественной сферы экономики рассматривался на правительстве в свое время, и соответствующие решения были приняты.

Нужно продемонстрировать полное спокойствие. Я теперь обдумываю психологическую сторону всей этой профсоюзной истории. В сельском хозяйстве, в образовании, в национализированном секторе профсоюзы существуют лишь постольку, поскольку мы им придаем значение. Их влияние таково, каким мы согласимся его считать».

Он переводит дыхание. Видимо, он хочет «исчерпать» вопрос:

«Они хотят присвоить себе монополию представительства. Они стараются, чтобы их подопечные поверили, что только профсоюзы способны защитить их права, а между тем профсоюзные боссы их просто обирают. Для профсоюзов главная задача — сделать вид, будто они принуждают правительство. Если мы перестанем их принимать, у них не останется возможностей давить на власть. Я бы не стал этого говорить, если бы мы действительно жили в условиях несправедливости и нищеты. Было время — в предвоенные годы, — когда профсоюзы и в самом деле боролись против нищеты и несправедливостей. Об этом знали и в это верили обездоленные, состоявшие в профсоюзах или поддерживавшие их. Но сегодня! Никто не поверит, что наши трудящиеся голодные и угнетенные. Профсоюзы стали средством вымогать у властей все новые уступки, еще и еще.

Наша главная задача будет состоять в том, чтобы показать общественности, что эта забастовка ничего не даст, что она ни к чему. Позаботьтесь об этом. Не нужно принимать ни малейшего их требования, и пусть у общественности не будет впечатления, будто мы можем пойти на уступки. Тут все зависит от информации. Такую позицию профсоюзы долго не выдержат. Для них это невозможно. И так уже люди говорят по поводу почтовых служащих: пусть себе дожидаются рождественских подарков!

АП. Если вы когда-нибудь добьетесь ассоциации капитала и труда, если удастся продвинуть дело с привлечением трудящихся к участию в предприятиях, профсоюзы окажутся не нужными: вы просто отберете у них хлеб.

ГдГ. Напротив! Именно тогда профсоюзы и смогут оказаться полезными. При условии, что они изменятся коренным образом и станут помогать персоналу составлять коллективные договоры о сотрудничестве. Но для этого их образ мыслей должен стать совершенно другим. Вот почему надо устранить предлоги для требований, введя регулярную процедуру повышения оплаты труда. Тем самым мы закроем перед профсоюзами сферу, где они выступают как выразители требований, и откроем им путь к созидательной работе. При условии, что они захотят идти по этому пути. Но тогда они смогут приобрести очень большое значение и очень большую ценность.

К сожалению, до этого еще далеко! Когда им предлагают сотрудничество, они отказываются. Это видно по работе Экономического совета. Это видно по тому, как разрабатывается политика в области доходов. Они не хотят сотрудничать. Среди них есть элементы, которые хотели бы перейти к конструктивному образу действий. Но руководство профсоюзов до сих пор этому препятствует. Они застыли в своей требовательной позе, как если бы наниматель в частном секторе и государство в секторе общественном были их заклятыми врагами.

АП. Они привыкли считать, что борьба классов — это двигатель истории.

ГдГ. Поэтому и необходимо, чтобы эффективность профсоюзов в области требований стала равна нулю. К тому же, состояние умов трудящихся абсолютно не революционное, они превратились в буржуа; они не станут маршировать вслед за вожаками, их теперь этим не возьмешь.

И вот с этого момента можно будет надеяться, что заслуживающие уважения элементы в профсоюзных организациях обратятся на путь, который мы им предлагаем, то есть к сотрудничеству, к ассоциации, к участию.

АП. Но до этого еще далеко. Вы собираетесь заменить Сенат Экономическим и социальным советом. Но он еще хуже Сената! И патронат, и рабочие в один голос выступают против правительства, это — единственное, в чем они сходятся.

ГдГ. Да, и хозяева, и рабочие, все они за инфляцию. Вот в чем вопрос».

(Любопытный поворот в «ассоциации капитала и труда»: практически она осуществляется, но только вопреки национальным интересам.)

Для Генерала и партии, и профсоюзы, и палаты парламента, все это — помехи, деформирующие линзы, мешающие контакту между народом с его здравым смыслом и государством с его чувством ответственности.

12. «Нет коммунизму, нет либерализму: нужна политика доходов»

[...]

После Совета министров 13 января 1965 года я спрашиваю у Генерала, собирается ли он сделать политику доходов одной из тем своей предстоящей пресс-конференции.

ГдГ. «Да, мне придется об этом говорить, а также о «дирижизме»* и капитализме. Предлагается выбор: либо старый либеральный капитализм, либо коммунизм. Либеральный капитализм был несправедливым, и, следовательно, уже не имеет права на существование. Коммунистическая система неприемлема, так как она подавляет человеческую личность, уничтожает свободу и не дает людям счастья. Кроме того, она изымает из экономического развития совершенно необходимый ему элемент, называемый свободной инициативой, которая, в свою очередь, немислима без выгоды. Следовательно, нужно найти такую социальную и экономическую систему, которая не была бы ни коммунизмом, ни капитализмом. Так вот, такая система существует, и мы начали ее применять: это — политика доходов.

Когда мы создали Социальное обеспечение, это уже была политика доходов. Когда мы вводим семейные пособия, то осуществляем политику доходов. Когда мы вкладываем деньги в сельское хозяйство, то и это — политика доходов. Когда мы вво-

* Сохранено французское слово, не имеющее точного аналога в русском языке и означающее «государственное регулирование рыночной экономики».

дим дополнительное вознаграждение на национализированных предприятиях, это — политика доходов. Когда мы собираем налоги с коммерческих фирм, это — политика доходов. И так далее.

АП. Вы хотите, чтобы политика доходов стала составной частью Плана, который сохраняет индивидуальные свободы, но направляет их?

ГдГ. Он направляет их к перераспределению национального дохода — или излишков национального дохода — между гражданами различных социальных категорий, но также — к распределению доходов между различными видами экономической деятельности. Можно дать больше сельскому хозяйству и меньше промышленности, если обстоятельства этого требуют. Больше — горным местностям, и меньше — парижскому региону. Больше — жилищному строительству, и меньше — национальному образованию. Или наоборот. Это и есть политика доходов. «Дирижизм» означает именно это, а не что-нибудь иное. И мы избрали именно такое направление.

АП. До нас ни одна страна Западной Европы не вступала на такой путь.

ГдГ. Франция не впервые прокладывает новые пути».

Совет министров, 21 января 1965, суббота.

Помпиду рассказывает: «У меня была длительная беседа с руководящей верхушкой «Force Ouvrière». Это — умные и благоразумные профсоюзные деятели. Они были готовы согласиться с тем, что наша политика не так уж плоха. И вдруг, в последнюю минуту, Бержерон меняет тон и заявляет, что они будут бастовать».

Затем Генерал делает некоторые выводы:

«Конкуренция между профсоюзами дает нам преимущество: мы можем играть на их противоречиях. Но в этом есть и негативная сторона, потому что они начинают состязаться между собой в демагогии. В любом случае, неотъемлемая обязанность Государства — выступать в роли арбитра.

Для нас это — новое испытание. Ради поддержания престижа Государства, мы должны победить. Как это было два года тому назад, во время стачки шахтеров. Но постараемся на этот раз избегать неловких движений.

Надо дать понять, что взгляд на Государство, как на хозяина, неприемлем. Государство представляет общие интересы. Оно не является хозяином в ряду других хозяев: если бы дело обстояло таким образом, Государство было бы представителем частного интереса, одного из многих. Понятие и само выражение Государство-Хозяин должны быть вычеркнуты из сознания.

[...]

Говорят о диалоге, и это естественно! Когда предоставляют слово собеседнику, получается диалог. Диалог нужен. Но собеседники в нем не равны.

Государство представляет интерес всего общества, профсоюзы — частные интересы. Между ними нельзя ставить знак равенства.

Политика доходов — вот что самое главное. Она охватывает все. На самом деле, мы можем выбирать между разными направлениями в политике. Либеральный капитализм с его лозунгом «позволять и не мешать», с его экономическими и социальными встрясками, имел положительное значение, но при этом — сколько недостатков! Экономическая система тоталитаризма, основанная на принуждении, дает результаты, но какой ценой! Люди не имеют даже необходимого.

Мы отказались и от пути либерализма, и от пути коммунизма, мы избрали политику доходов. С ее помощью мы хотим сохранить дух инициативы и предприимчивости, не жертвуя человеческими ценностями. Нельзя допустить, чтобы отдельные социальные категории были раздавлены и остались на обочине. Мы хотим, чтобы и они приобщились к общему движению. Экономическая машина наращивает обороты. Бывают подъемы и спады, но в целом производство, а вместе с ним и национальный доход идут вверх, хоть и неравномерно, но непрерывно.

Нужно сдерживать, направлять и делать более равномерными национальные усилия. Должна расти производительность труда. Пусть мощь общества увеличивается постепенно, без резких толчков. Это относится и к распределению прироста национального дохода.

Наша политическая линия вызывает раздражение патроната, который сохраняет свойственный ему дух экономического либерализма без границ.

Раздражает она и профсоюзные организации, тоже привыкшие к либерализму, против злоупотреблений которого они борются, но в которых и сами нуждаются, так как возмущение несправедливостями поднимает боевой дух в их рядах.

Чем успешнее мы будем реализовать План, тем меньший вес будут иметь профсоюзы. Конфликты будут улаживаться Планом автоматически. Вот почему профсоюзы приуныли.

Такова реальность. Мы встретим испытание лицом к лицу. Мы не должны жертвовать ни авторитетом Государства, ни политикой доходов».

Совет министров, 24 февраля 1965.

Гранваль предлагает на обсуждение проект решения о реформе комитетов на предприятиях; эти комитеты были созданы в 1945 году правительством генерала де Голля. Речь идет о том, чтобы дать им новый толчок: они должны получать более основательную информацию о развитии предприятий, участвовать в обсуждении вопросов профессионального образования; с ними должны проводиться предварительные консультации в случае сокращения производственной активности.

Помпиду. «Это скромный предварительный проект, но, тем не менее, это попытка вдохнуть жизнь в производственные комитеты, которые в настоящее время ограничивают свою роль устройством новогодних елок.

ГдГ. Чрезвычайно важно увеличить участие трудящихся в жизни предприятий».

Совет министров, 21 апреля 1965.

Окончательное уточнение текста о комитетах на предприятиях. **Жискар** поднимает вопрос о сохранении профессиональной тайны:

«Со стороны патроната поступают резкие возражения. Решается вопрос о главной проблеме участия.

Помпиду. Это вопрос формулировок. Несомненно, секреты производства надо защитить».

После Совета министров, 21 апреля 1965.

АП. «Итак, я объявляю журналистам о том, что мы внесим проект закона о комитетах на предприятиях, и объясняю его экономическое содержание?»

ГдГ. Конечно, это важно. Что касается секретов производства и других сведений, затрагивающих интересы фирмы, то члены комитетов будут принимать на себя обязательства по неразглашению информации».

Он учел замечание Жискара. По пути участия он предпочитает двигаться шаг за шагом, соблюдая осторожность.

13. «Самое главное — это непрерывность»

В поезде между Коньяком и Румазьером, 12 июня 1963.

Я все время думаю о фразе, которую Генерал обронил после Совета Министров 5 июня 1963 года. Я тогда выразил удивление, что Помпиду отправляется с визитом в Турцию, вместо того чтобы представлять в Парламенте проект закона о забастовках, на который мы положили столько труда. И Генерал мне ответил:

«Жокс прекрасно справится с этой задачей в Собрании, тогда как в Турцию должен поехать именно премьер-министр. Пусть в мире лучше узнают Помпиду и станут его воспринимать как значительную фигуру.

[...]

Самое главное — это непрерывность. Народ это понимает. Когда я уйду, встанет самый главный вопрос: продолжать ли движение в том же направлении, или повернуть в противоположную сторону. Любителям мудрствований и оттенков здесь делать будет нечего. Народ это почувствует и, я уверен, не ошибется. И на следующих выборах — тоже.

[...]

Префектура Ангулема, 13 июня 1963.

За полчаса до отбытия, Генерал, дав мне очередные указания, охотно отвечает на мои вопросы.

Среди сопровождающих нас журналистов разнесся слух, что Генерал, может быть, сократит свой нынешний семилетний

срок, чтобы переизбраться на новый срок — вплоть до 1970 года, когда ему исполнится восемьдесят лет. В некоторых его речах во время нынешнего турне смутно промелькнуло нечто подобное.

АП. «Рассчитываете ли вы, как об этом говорят, приблизить срок президентских выборов?»

ГдГ (сухо). Зачем, скажите на милость, мне это делать? Я был избран на семь лет и должен оставаться на посту до конца отпущенного мне срока. Вы ведь знаете: я принял на себя обязательство и должен их выполнить. Когда вас избирают на определенный срок, вы должны работать до конца. Иначе вы будете попросту обманщиком.

АП. Но у вас могли бы появиться иные основания, чтобы сократить ваш семилетний срок...

ГдГ. Поверьте, иногда такое желание у меня возникает. То, что мне приходится делать сейчас, меня не слишком увлекает. Исчез былой драматизм. Я уже не чувствую, что я так же необходим, как в некоторые моменты прошлого. В первые годы это имело смысл. То, что я собой представлял, было необходимо Франции, чтобы подняться из пропасти. Теперь она из нее выбралась, и за штурвал может стать кто-нибудь другой. Но заинтересован я или нет — значения не имеет. Есть Конституция, и надо ее исполнять. Итак, если силы мне позволят, я дойду до конца.

АП (стараясь приблизиться к запретному вопросу). Значит, выборы состоятся в декабре 1965 года. Но оппозиции будет труднее бороться против вас, чем против любого другого кандидата с нашей стороны.

ГдГ. Оппозиции не существует. Есть противники, противоречащие друг другу и не способные объединиться ни в чем серьезном. Если они не объединятся, мы их разнесем. Если они объединятся, то докажут тем самым, что способны только на беспринципные комбинации, поскольку всерьез их ничто не объединяет, кроме желания победить меня и разрушить мое дело.

АП. Если вы выдвинете свою кандидатуру, ни один разумный человек не сомневается, что вы будете избраны. Если вы не должны выдвигаться, многие разумные люди подумают, что исход выборов сомнителен. Однако, чтобы режим продолжал существовать, уверенность лучше, чем неуверенность.

ГдГ (забавляясь). Итак, вы бы хотели, чтобы я сначала выдвинул свою кандидатуру, а потом ушел?

АП. То, что вы начали — политика национальной независимости, сила сдерживания, Европа как объединение государств, разрядка отношений с Востоком, — требует времени, и вы не сможете довести все это до конца за оставшиеся два года. Еще семь лет весьма не помешали бы.

ГдГ (насмешливо). Конечно. Еще семь лет не помешали бы, и даже еще двадцать, и даже еще пятьдесят! Все же когда-нибудь кому-то придется меня заменить. Так почему бы не через два года?

АП. Если вы отвергаете идею вашего добровольного ухода через два или три года, после того как будут обеспечены парламентские выборы, то вы могли бы идти на президентские выборы вместе с вице-президентом, которому вы уступили бы свое место, когда захотите.

ГдГ. Знаю я эту песенку, я ее уже слышал от вас. И от других тоже, представьте себе. Я не согласен. Как я вам уже говорил, когда берешься за дело, надо доводить его до конца. Было бы нечестно говорить французскому народу: «изберите меня на семь лет», когда сам собираешься смыться через два года, оставив власть своему коадьютору.

АП. Вице-президент был бы очень полезен. Он бы легко прошел на выборах следом за вами, а потом, если бы что-нибудь случилось, если бы вы устали, он занял бы ваше место автоматически, до конца семилетнего срока. А затем, поскольку французы всегда отдают предпочтение тому, кто занимал должность ранее, они предпочтут его переизбрать, чтобы обеспечить стабильность.

ГдГ. Все это очень мило... но этого не будет...».

Несколько секунд он пребывает в задумчивости. Мне кажется, я угадываю его мысли: «Я не имею права компрометировать образ, созданный из меня Историей, и идти на выборы в связке с кем-то еще». По крайней мере, я не вижу иного объяснения этого внезапного молчания. Я пытаюсь вывести Генерала из задумчивости.

АП. «Есть ли у вас лучший способ сделать так, чтобы на ваше место пришел человек, который обеспечит продолжение вашего дела?»

ГдГ. В любом случае, мой преемник меня не заменит. После меня режим уже не будет таким, как при мне. Не питайте иллюзий. Все пойдет по-другому, в ином стиле. Это неизбежно. Когда Людовик XV взошел на трон Людовика XIV, это было уже другое царствование. Когда Людовик XVI сменил Людовика XV, это было тоже что-то другое. Однако каждый раз преемственность соблюдалась, и все заранее твердо знали, кто будет наследником.

Ап. Во всяком случае, можно сделать так, чтобы ваш преемник походил на вас как можно больше.

ГдГ. Невозможно, чтобы он походил на меня. Так зачем же тратить силы и искать искусственные решения? Великая удача Франции заключается в том простом факте, что оппозиции не существует. И можно надеяться на здравый смысл французов, на то, что они предпочтут непрерывность и стабильность, что они не захотят возвращаться к неразберихе Четвертой Республики.

Ап. Некоторые ваши высказывания во время этого турне были интерпретированы как готовность уйти в отставку.

ГдГ. Пусть ваши журналисты гадают, как им заблагорассудится, это не имеет никакого значения. Пусть себе остаются в неуверенности, в *уж-жасной* (он удваивает согласную, как бы пародируя самого себя) *неуверенности*. Это — главное правило: ничего не говорить до последнего момента. Государственный деятель должен сохранять за собой все возможности. Он не должен принимать на себя обязательств: ни обязательства уйти, ни обязательства остаться. Пусть все карты останутся у него в руках. Поэтому я ничего не говорю.

Ап. Ваше молчание на эту тему до сих пор истолковывалось чаще всего как намерение вновь выставить свою кандидатуру. Должен сказать, что я не делал ничего, чтобы отклонить такое истолкование.

ГдГ. Делайте, что хотите, это не имеет никакого значения. Пусть люди волнуются, пусть они сами разбираются в своих предположениях и в своих химерах! Во всяком случае, никаких заявлений, которые обязывали бы меня! Одно я знаю точно: я не стану претендовать на второй срок, если не буду уверен, что у меня хватит сил выполнить мою задачу».

[...]

В самолете, между Лионом и Парижем, 29 сентября 1963.

ГдГ. «Тисье-Виньянкур первым собирается объявить себя кандидатом на предстоящих президентских выборах! Будет над чем посмеяться: пособник Виши и OAS одновременно! Затем последуют коммунист, радикал, член MRP и так далее. Хорошее начало».

Золотой салон, 14 января 1964.

ГдГ. «Президентские выборы будут трудным испытанием для нашего режима и, я думаю, для всей страны. Если мы проиграем или даже выиграем с небольшим отрывом, это будет означать наше решительное поражение: все, что мне удалось сделать, будет сметено. Все, что есть низменного во Франции, будет довольно возвращением к нравам Четвертой Республики. Вот почему так важно, чтобы мы выиграли. Многое будет зависеть от радио и телевидения. Печатная пресса уже не оказывает такого воздействия, как раньше. Движущееся и звучащее изображение — ничего с ним сравниться не может. Надо его правильно использовать. Через два года телевидение будет играть решающую роль в создании образа Президента».

Золотой салон, 12 февраля 1964.

ГдГ. «Деффер рассказывает направо и налево, что он за де Голля и против Помпиду. Но при нашем режиме невозможно быть за президента Республики, который направляет работу правительства, и одновременно — против премьер-министра, который работает под его руководством. Надо быть или за обоими, или против обоих, если иметь хоть каплю логики. Только в логике левые никогда не были сильны. Потому что левые, будучи демагогами, подхватывают те аргументы, которые сильнее воздействуют на электорат. Чем более неразвиты избиратели, тем легче обвести их вокруг пальца. Мы — другое дело, мы идем вперед. Кто нас любит, пусть следует за нами*. А если кто не хочет, мы принимаем это к сведению и насильно не тянем.

* Перефразировка боевого клича Жанны д'Арк.

АП. Деффер нападает на Помпиду за его связи с Ротшильдами и прочими. В отличие от большинства, он, видимо, убежден, что вы не выставите свою кандидатуру.

ГдГ (почуяв ловушку). Пусть себе думают, что хотят. (Молчание.) Мои противники хотят объединиться против меня. Но слишком многое их разделяет.

АП. Эдгар Фор говорит, что он в принципе за вас. Но если вас не будет, то за Деффера. И дает понять, что тот возьмет его в качестве премьера.

ГдГ. Не сомневаюсь! Эдгар Фор голосовал «против»?

АП. В 1958-м он голосовал «за», а в 1962-м — «против». С тех пор он стал относиться к нам гораздо лучше. Приходит на наши приемы.

ГдГ. Типы, которые голосовали «против», проголосуют за Деффера. (Смеется скептически.) Но Деффер начал свою кампанию слишком рано. Трудно столько месяцев продержаться на переднем плане».

Я предлагаю ему на выбор два проекта указа, подготовленные мной с целью организации президентской кампании на радио и телевидении: «Согласно одному проекту, все кандидаты, независимо ни от чего, получают право на два часа телевизионного времени и столько же на радио. Второй проект: кандидаты от оппозиции получают половину времени, а кандидаты от большинства — другую половину. Премьер-министр предпочитает второе решение, которое соответствует порядку, принятому нами ранее в отношении парламентских выборов и голосований по референдуму: половина на половину».

Генерал делает вид, что не понял и просит меня повторить. Затем, не щадя авторитета Помпиду, он восклицает, ударяя ладонью по столу:

«Но это недопустимо! Это чудовишно! На президентских выборах выступают не партии! И не сторонники тех или иных партий! Выступают люди, каждый со своим характером, своими достоинствами и недостатками, с прошлым и с планами на будущее, со своим размахом. Все они должны быть на совершенно равной ноге! Даже вопроса быть не может!»

Я демонстративно разрываю отвергнутый проект.

Генерал возвращается к разговору о двух проектах. Его возмущение улеглось. Теперь он старается разъяснить мне оттенки своей мысли, чтобы я понял, какие мне следует сделать выводы, *до и во время* избирательной кампании.

ГдГ. «Понимаете, демократия не означает непрерывного оспаривания, это — оспаривание в определенные периоды. Выборы каждый раз сопровождаются большими кампаниями на телевидении. А голосуют в этой стране часто.

Кампанию не следует начинать слишком рано! До тех пор, пока она не объявлена официально, ни один гражданин не может рассматриваться как кандидат, участвующий в предвыборной борьбе. И объясните как следует, что Президент, или премьер-министр, или один из главных министров, пока они находятся при исполнении государственных обязанностей, появляются на телевидении чаще, чем любой оппозиционер. Оппозиции не о чем говорить, они могут только тявкать. Тогда как люди, облеченные властью, говорят от имени Франции тогда и столько, когда и сколько захотят. И вовсе не в качестве противников оппозиции! Не должно быть беспрерывной избирательной кампании.

АП. Они говорят, что если министр, и особенно премьер-министр, выступает по телевидению вне рамок предвыборной кампании, он тем самым заранее участвует в такой кампании.

ГдГ. Если какой-либо министр хочет участвовать в президентской кампании, то одно из двух. Либо он на своем посту заслужил симпатию французов, и тогда его выступления по телевидению будут занесены в его актив. Либо французы хотят, чтобы ими управляли другие и по-другому, и тогда его выступления обернутся против него. Люди будут говорить: «Сколько можно? Опять он!». (Смеется.)

Многие думают, что существует математическое соответствие между временем присутствия человека на телеэкране и количеством получаемых им голосов. Это не так!.

[...]

Совет министров, 26 февраля 1964.

Я представляю проект декрета об использовании радио и телевидения во время президентской кампании. Он соответству-

ет директивам Генерала. Каждому кандидату предоставляется два часа на радио и столько же на телевидении. Последовательность выступлений определяется по жребию; 100 тысяч франков, израсходованных на избирательную кампанию, будут возвращаться кандидату, при условии, что он наберет 5 процентов голосов. Специальная комиссия должностных лиц будет следить за тем, чтобы все кандидаты находились в равных условиях.

После Совета.

АП. «На нас будут нападать в связи с продолжительностью кампании: всего пятнадцать дней.

ГдГ. Объясните, что она не может быть более длительной, потому что Конституция определила крайний срок выставления кандидатов — 19 дней. На то, чтобы проверить и опубликовать данные кандидатов потребуется время, так что остается чистых пятнадцать дней. И еще пятнадцать дней, если будет второй тур.

Не поддавайтесь на подобные нападки. Два часа на радио и столько же на телевидении — это огромное время! Дать больше значило бы привлечь кандидатов, готовых болтать обо всем и ни о чем. Но не этого ждет страна от своего радио и телевидения. Пока не началась кампания, сохраняйте спокойствие! А после ее начала радио и телевидение вам открыты, но в соответствии с четкими правилами!

Ваш Зитрон* и все ваше телевидение по-прежнему очень тенденциозны: «Огромная толпа собралась в Бордо», «Весь Нарбон пришел к зданию мэрии»²⁴.

АП. Пресса очень нападала на меня за то, что я не дал в эфир подготовленную передачу о пребывании Деффера в Бордо.

ГдГ. Не было никаких оснований давать передачу о Деффере в Бордо! Ровно никаких! Деффер провел в Бордо собрание, на котором присутствовала тысяча человек, и что же — давать его речь по телевидению? Так ведь это никогда не кончится! Кто угодно может собрать тысячу человек, чтобы поговорить о чем угодно. До того, как будет проведена регистрация кандидатов, он не кандидат, а некто, кто хотел бы стать кандидатом.

* Известный телекомментатор.

АП. Деффер вам напишет письмо протеста...

ГдГ. Я не собираюсь общаться с Деффером... Объясните вашим журналистам, что RTF не будет заниматься избирательной кампанией, пока она не началась. Передачи будут идти в нормальном режиме: различные трибуны, трансляция конгрессов и так далее. А вот во время избирательной кампании всем кандидатам будет предоставлена возможность выступить по национальным каналам. И тогда уж не поскупимся! Наговорятся вволю!». (Смеется.)

[...]

Разговор с Виноградовым, 30 ноября 1964.

Виноградов под свежим впечатлением рассказывает мне о разговоре с глазу на глаз, который произошел между ним и Генералом во время охоты в Рамбуэе.

Виноградов. «Вы будете выставлять свою кандидатуру на выборах?

ГдГ. Я еще не принял решения, но в день, когда я его приму, я не скажу об этом никому. Поймите меня. Я хочу работать для укрепления мира и на благо человечества. С американцами невозможно иметь дело: они видят в мире только себя, у них на глазах шоры. Англичане и немцы в растерянности, и с ними тоже невозможно работать. Что касается вас, русских, с вами можно было бы сотрудничать, однако невозможно понять, кто вами управляет, кто будет управлять, и что с вами будет.

Мир полон угроз. Поэтому, если мне станет ясно, что я нужен для укрепления единства французов и дела мира, и если силы мне позволят, я выдвину свою кандидатуру. Сумеет ли Франция сохранить единство — вот от чего зависит ее будущее и ее место в мире».

Парадоксально! Посол державы, все еще не переставшей нам угрожать, против которой создана коалиция с нашим участием, получает конфиденциальные признания от французского президента и тут же доводит эту информацию до сведения нашего министра информации... Сюрреализм.

Я уже давно не сомневаюсь, что Генерал выставит свою кандидатуру. Но я начинаю задаваться вопросом: делает ли он все, что нужно, чтобы быть избранным?

14. «Власть не должна зависеть ни от какой партии...»

[...]

23 мая 1965.

Генерал возвращается к роли политических партий. Без всяких вопросов с моей стороны, он развертывает передо мной панораму истории, как он ее понимает:

«Зависимость от партий — это явление относительно недавнее в нашей политической истории. Только начиная с Третьей Республики мы начали полагать, будто власть исходит от партий.

Сначала, и на протяжении веков, власть исходила от короля: «Именем Короля» и тому подобное. Затем, во времена Революции, власть исходила от так называемого народа, который тогда выражал свою волю в секциях, на улицах и с помощью бунтов; конечно, существовали политические организмы, которые именовали себя «якобинцами», «жирондистами» и установили деспотизм именем народа. Партии использовались для прикрытия диктатуры, сначала Дантона, затем Робеспьера. Революция не была режимом, основанным на партиях. В конвенте никогда не было большинства. А когда, в один прекрасный день, оно сформировалось, то лишь для того, чтобы отречься от власти.

Затем пришел Наполеон, который управлял без партий. А потом были Реставрация и Июльская монархия, которые оказались в подвешенном состоянии, потому что не имели надежной опоры в народе и не могли управлять без партий. Возникли партии, которые парализовали правительство, заседая в ассамблеях. И Реставрация, и Июльская монархия закончились революциями. Затем произошел бунт в феврале 1848 года. И снова правительство — ну, в общем, те, кто оказался в Ратуше, — взяло власть от имени народа. Но не от имени партий. И вот, возникла Вторая Империя. Нельзя сказать, чтобы это был режим партий.

А потом появилась Третья Республика. Уже не осталось никого. Впрочем, она не смогла бы возникнуть, если бы не было Тьера, который сам по себе не был «партией». Благодаря отречению графа Шамбора²⁵, эта Республика смогла пустить корни. После него не осталось уже никого. Тогда появились партии.

Но до 1914 года от них еще не было непосредственного или смертельного вреда для страны, так как Франция существовала независимо от них. Администрация, которая, впрочем, была создана еще при Империи, работала сама по себе. Армия действовала сама по себе. Финансы действовали сами по себе: трехпроцентная рента и золотой франк сами по себе были учреждениями. Внешнеполитическое положение Франции было твердым. Граница с Германией — под контролем. Дела шли потихоньку, без толчков; бывали кризисы, как, например, дело Дрейфуса. Но, в общем, все еще держалось.

После первой мировой войны и, тем более, после второй произошли такие потрясения, что администрация уже не могла работать в прежнем режиме. И судебная система не могла. И армия не могла. Внешнеполитическое положение Франции стало неустойчивым. Все менялось. Требовалось правительство, а его не было, потому что режим партий был не в состоянии создать настоящее правительство.

Тогда многие, и даже Дебре, стали говорить: «Это происходит потому, что в Национальном собрании нет большинства». Но это не так! Национальный блок, Картель левых партий, Народный фронт имели подавляющее большинство в Собрании. Но каждый раз они распадались. Потому что таково свойство партий во Франции, по определению: они существуют, чтобы распасться. Поэтому ожидать действий от Парламента, то есть от партий, — это монументальная глупость, во Франции, во всяком случае. В противовес этому мы и создали Пятую Республику!

И вот начинаются сравнения с англичанами, но здесь нет никакой связи! Допустим, что худо-бедно, но дело у них идет. Однако, во-первых, они живут на острове. Во-вторых, они обладают гениальной способностью заставлять работать других — в качестве рабов, или колонизованных, или опекаемых. У них был *Royal Navy**. Они собрали в своих руках огромные богатства, капиталы, деньги, корабли, банки, страховые компании, мировое влияние, — им было что тратить! Они и растратили, поч-

* Королевский военно-морской флот (англ.).

ти все. И теперь я совсем не уверен, что система партий обеспечит им дальнейшее существование. Но допустим, что обеспечит. Все равно, это — Англия, а не Франция.

Мы имеем достаточно давний политический опыт, чтобы знать, что никогда мы не сможем по-настоящему управлять собой с помощью партий. Никогда. Правительство потому так и называется, что оно управляет: принимает на себя ответственность, делает выбор, действует последовательно; руководствуется национальным интересом, а не последним по времени внешним давлением или тем, что пишут в газетах. Правительство не сыплется у вас, как песок между пальцами. Потому что правительство — это не партия.

Власть в XX веке осуществляли: Клемансо, Петен, де Голль. Но никогда ее не осуществляли партии! Никогда! Так не было и не будет!

(Удивительно, что он поставил Петена в этот ряд: ведь он всегда заявлял, что правительство Виши было не легитимным и лишенным реальной власти.)

АП. Ну и...

ГдГ. Правительство должно быть независимым от партий».

В безмолвии я выслушиваю этот весьма оригинальный курс нашей политической истории. Насколько мне известно, никто, ни до Генерала, ни после, не пытался истолковать нашу запутанную историю с помощью такого ключа: отношения между правительством, народом и партиями. Проблему демократии Генерал во внимание не принимает. Он упрекает Реставрацию или Июльскую монархию не за то, что они ограничивали права Парламента, но за то, что они не захотели или не сумели сделать это, опираясь на народ как легитимный источник власти. Похоже, он сожалеет, что граф Шамбор не проявил достаточной отваги в борьбе с партиями, открыв, таким образом, дорогу Республике, ставшей заложницей в межпартийной борьбе.

Поэтому свою собственную задачу он не сводит к тому, чтобы покончить с остатками Четвертой Республики. Свою борьбу он вписывает в исторический контекст, протяженностью, по меньшей мере, в два столетия. Речь идет о том, чтобы, пользуясь формами демократии, возродить старинный союз

между королевской властью и народом — против феодалов, грандов, заговоров и партий. И идея создания сильной голлистской партии выводит его из себя, потому что, исходя из лучших побуждений, она все переворачивает с ног на голову. Для защиты легитимного и народного государства, надо, прежде всего, избегать государства партийного.

15. «Слова интеллектуала летят, как стрелы...»

23 апреля 1963.

ГдГ. «В чем состоит роль интеллектуала, если не в том, чтобы бороться с предрассудками? Я этим занимался всю мою жизнь. Однако у интеллектуалов я сталкиваюсь с предрассудками, более сильными, чем в любой другой категории населения».

Нет сомнения, что непонимание со стороны интеллектуалов — одна из самых сильных и глубоко затаенных обид де Голля.

Мальро часто говорил со мной о враждебности интеллектуальных кругов по отношению к де Голлю. Сам Мальро был первым, кто с ней сталкивался. Он сожалеет о том, что интеллектуалам было сделано слишком много уступок — как интеллектуал, он не боится говорить об этом открыто: «Почти все, что мы делали после войны, особенно после возвращения Генерала, мы делали из чувства виновности перед левой *интеллекцией*. Страной управляет *Le Nouvel Observateur*.

[...]

Золотой салон, 31 июля 1963.

Я сообщаю Генералу, что в связи со столетием юбилеем Эколь Нормаль я рассчитываю переиздать «Rue d'Ulm» — антологию, которую я составил в 1946 году, будучи тогда студентом этого учебного заведения. В антологию вошли отрывки из произведений знаменитых писателей, посвященные Эколь Нормаль, и среди них было несколько страниц из прекрасной книги Робера Бразийака²⁶ «Наши довоенные годы», написанной на фронте между сентябрём 1939-го и маем 1940 года.

Чтобы получить разрешение на публикацию, я должен был тогда обратиться к председателнице Общества литераторов. Перелистывая оглавление, она подскочила: «Бразийак? Об этом и думать нечего! Если вы его оставите, три четверти остальных откажутся участвовать! Мир его праху, но ни слова из его сочинений!».

Я спрашиваю у Генерала, не сочтет ли он неуместным публикацию этих страниц сейчас, и объясняю, почему я должен был отказаться от них в 1946 году.

ГдГ. «Такая реакция понятна, принимая во внимание царившую тогда атмосферу. Но время делает свое дело... Впрочем, даже тогда это было чересчур: исключать тексты, в которых не содержалось призывов к сотрудничеству с врагом.

АП. Я не хотел бы задавать вам вопрос относительно решения, которое вы приняли в 1945 году. Но... допустим, что Бразийаку удалось бы прятаться в течение восемнадцати послевоенных лет, а сейчас его бы нашли и снова приговорили к смерти. Воспользовались бы вы вашим правом помилования?».

Генерал молчит. Откажется ли он отвечать на вопрос, касающийся только его совести? Наконец, он говорит:

«Сегодня — не знаю. Колесо повернулось. Но в ту зиму война еще продолжалась, наши солдаты падали под немецкими снарядами. Столько бедолаг были расстреляны без суда во время Освобождения за то, что дали себя вовлечь в коллаборационизм. Так почему же те, кто их вовлек — всякие Дарнаны, Деа, Пюшё, Анрио, Бразийаки, — должны были выйти сухими из воды? Интеллектуал не менее, а более виновен, чем любой другой. Он является инициатором. Он — вождь, в самом сильном значении этого слова. Франсуа Мориак написал мне тогда письмо, в котором утверждал, что мыслящая голова не должна упасть. А почему, собственно, она должна обладать такой привилегией? На мыслящей голове — большая ответственность, чем на голове с куриными мозгами! Бразийак был умен. И талантлив. Тем тяжелее совершённое им. Его сотрудничество с нацистами увеличило их силы. У интеллектуала нет преимущественных прав на снисхождение; наоборот, с него тем больший спрос, чем он лучше информирован, обладает более развитой критической способностью, следовательно, он более виновен. Слова интел-

лектуала летят, как стрелы, его идеи разят, как пули! Он обладает способностью изменять общественное сознание. Он не может одновременно пользоваться этой властью и отказываться от ответственности за нее. Когда наступает час справедливости, он должен платить»²⁷.

Генерал придал этой смерти героическое звучание.

Золотой салон, 8 февраля 1964.

Новое издание «Rue d'Ulm» появилось в январе с предисловием Жоржа Помпиду и страницами из Робера Бразийака. Генерал говорил со мной об этой книге больше, чем она того заслуживает²⁸.

«Наше общество состоит из многих миров. Мир выпускников Эколь Нормаль не похож ни на какой другой. Те, кто к нему принадлежит, распознаются с первого взгляда. Но одновременно каждый из них не хочет быть таким, как другие. В Политехническом, в Сен-Сире, в Морском — может быть, потому что они носят мундир, — ученики хотят походить друг на друга... В Эколь Нормаль воля к могуществу выражается как дерзость. Общественной иерархии и Государству там показывают нос». (Конечно, он вспоминает о приеме, который был ему оказан на рю д'Юльм²⁹.)

Два дня спустя я получил от Генерала любезное письмо, написанное от руки, в котором он возвращался к теме, затронутой им в личной беседе: «В нашем мире — так много миров! Мир Эколь Нормаль показывает, как могущество может развиться из беспечности».

Образование, которое он получил (или дал себе сам), научило его, что «могущество» может быть результатом только напряженного стремления, полной самоотдачи. Он изумлен тем, что оно может увенчать дилетантизм. Может быть, он обнаружил то, что навсегда отделило его от интеллектуалов?

Однако есть писатели, которые помогают ему набирать высоту.

Золотой салон, 1 июля 1964.

В конце нашего еженедельного обзора событий Генерал говорит мне тоном приказа:

«Да, вот еще... Вам надо выступить с речью в Орлеане 5 сентября, в связи с пятидесятилетием со дня смерти Пеги».

Затем, отдав приказание, он добавляет, как бы в виде вежливого объяснения: «Понимаете, я сам хотел выступить 5 сентября там, где он пал во время войны, в Виллеруа, а затем уже ехать в Мо и в Реймс, где 6-ого числа я должен участвовать в торжествах, посвященных битве на Марне... Но как раз на этот день назначили большие торжества в Орлеане. Я подумал о Мальро, но он отказался: Пеги не относится к числу его любимых героев».

Ему совсем не требовалось давать мне эти пояснения, чтобы я согласился сыграть роль «запасного колеса». Я пользуюсь случаем, чтобы задать ему вопрос: «А если бы вы сами произносили эту речь, что бы вы пожелали сказать? Кем был для вас Пеги?».

Несколько секунд он молчит.

ГдГ. «Я ценю в нем определенный стиль. Определенную мысль. Определенную культуру. Его суждения. Его реакции. Его мысль обладает необыкновенной последовательностью, в ней неизменно присутствуют одни и те же принципы, одни и те же направляющие идеи; и в то же время, его мысль чрезвычайно подвижна, потому что Пеги обращается к меняющимся ситуациям и соответственно меняет свою оптику».

АП. Есть ли у него какое-либо высказывание, которое вас особенно поразило?

ГдГ (без колебания). «Порядок и только порядок, в конечном счете, творит свободу. Беспорядок творит порабощение».

Воскресенье 6 сентября 1964, перед папертью собора в Мо.

Когда адъютант распахивает дверцу автомашины, префект Вердые подталкивает меня вперед. Генерал, в мундире защитного цвета, вылезает из машины и распрямляется во весь свой рост. Здороваясь со мной, он на секунду задерживает мою руку в своей, что не входит в число его привычек: «Я видел вас по телевидению³⁰. Это было хорошо».

Золотой салон, 9 сентября 1964.

Генерал снова заговаривает со мной о Пеги, и это дает мне возможность возобновить вопросы:

«Пеги действительно оказал на вас влияние, большее, чем Паскаль, чем Шатобриан, чем Бергсон?»

ГдГ. Ни один писатель не оказал на меня такого влияния, как он. В годы, предшествовавшие войне, я читал все, что он писал, — и подростком, и когда был в Сен-Сире, и когда стал молодым офицером. Я чувствовал свою близость к нему. Его инстинкт, вот что меня особенно привлекало.

АП. Его национальный инстинкт?

ГдГ. Не только. Я же сказал: его инстинкт. Он чувствовал вещи точно так же, как я. И у меня было ощущение, убеждение, что он не ошибался, в то время как многие вокруг нас ошибались.

АП. Вы были окружены такой же атмосферой, вы получили такое же интеллектуальное воспитание?

ГдГ. Да, конечно, нас несла одна и та же эпоха. Но многие, принадлежавшие к той же эпохе, думали иначе.

И потом, я был увлечен его стилем, его формулировками, его повторами. Конечно, встречались в его сочинениях и путанные места, и темные выражения. Тогда я не мог с ним соглашаться. Но вдруг, после долгого топтания на месте и нескольких мало удачных пассажей, возникают ослепительные формулировки. И это тоже меня очень привлекало; думаю, что и в этом отношении он на меня повлиял.

АП. Но главное, не правда ли, это то, что он сам называл «Франция как личность»?

ГдГ. Да, конечно. Он был чрезвычайно французским. Он даже был ужасным реваншистом. Недавно сын Мильерана передал мне автограф письма Пеги к Мильерану-старшему, который в 1912 году был военным министром. И Пеги ему писал: «Я мечтаю пройти во главе моей роты по улицам Веймара!»».

Генерал смеется. Он часто смеется, чтобы скрыть волнение. Эта фраза его трогает. На почти мальчишескую мечту лейтенанта, который желал бы войти с развернутым знаменем в город Гёте, он накладывает трагический образ поэта, которому суждено было пасть двадцать месяцев спустя «во главе своей роты». Сам он тоже, и в детстве, и в годы учебы в Сен-Сире, лелеял подобные мечты. И он тоже был скошен пулей³¹. Но ему удалось ускользнуть из лап смерти и, тридцать лет спустя, донести наш флаг до Берлина. Они были как два брата, связанные общей любовью к Франции.

АП. «Он тоже создал себе некий образ Франции как живой личности, похожей на образ Мадонны на фресках.

ГдГ. Да, конечно».

Ответ звучит сухо, пора менять тему... Мне казалось, что он отказывается выводить свою родословную от кого бы то ни было. И вот он признается, что у него был учитель. Шарль Пети был связующим звеном между де Голлем и Францией.

16. «Истинный сюжет президентских выборов — это вопрос о независимости»

После Совета министров, 7 апреля 1965.

АП. «Высказываются разные догадки относительно вашей встречи с бюро Национального собрания.

ГдГ. Да, были путанные интерпретации. Сказал же я следующее: «Этот год очень важен с национальной точки зрения, потому что это год президентских выборов, от которых зависит судьба страны и Государства». Это же совершенно очевидно.

АП. Некоторые снова увидели в ваших словах указание на то, что выборы будут заменены референдумом; слухи об этом уже распространялись.

ГдГ. Если вас спросят, вы можете ответить, что, принимая во внимание то, что выборы президента Республики производятся всеобщим голосованием, — совершенно очевидно, что тем самым речь идет о судьбе страны и государства... Разрешите, я запишу».

Он настолько одобряет мою предосторожность, что сам в моем присутствии записывает фразу, зачеркивая и исправляя, как поступает обычно, когда речь идет о предмете, требующем особой точности. Записанную формулу он предлагает мне представить как мой собственный комментарий, поясняя: «Не дело президента Республики опровергать глупые комментарии».

Он протягивает мне листок со своей записью:

«Поскольку в 1965 году предстоят выборы президента Республики всеобщим голосованием, совершенно очевидно, что речь пойдет о судьбе страны и государства».*

* В книге А. Пейрефита приводится факсимильная копия этой записки.

ГдГ. «Не понимаю я этого возбуждения. Всем известно, что в 1965 году состоятся президентские выборы. Референдум к этому не имеет никакого отношения. Когда американцы избирают своего президента, речь идет о судьбе Соединенных Штатов. Если бы я в свое время не был избран, судьба нации была бы иной. Постарайтесь это объяснить».

Золотой салон, 21 апреля 1965.

АП. «Прибытие Громыко в Париж вызвало оживленные комментарии. Многие газеты говорят о смене союзников.

ГдГ. Мне все равно, что говорят газеты. Но мне не все равно, что думает масса французов. Я хочу закрепить в сознании французов, что для Франции наступила эра независимости. С эрой империализма покончено. Именно это и есть истинный сюжет президентских выборов. Это — главный вопрос. Все, что я сделал на протяжении двадцати пяти лет, не имело бы смысла, если бы не делалось во имя *окончательной* независимости Франции. *Окончательной*, вы меня понимаете? Чтобы это никогда больше не ставилось под вопрос. Именно о независимости пойдет речь на выборах».

Я испытываю восхищение, но начинаю опасаться, что для избирателей это будет не столь очевидно, как для кандидата.

Два месяца спустя я присутствую при тяжелой сцене, которая дает пищу для размышлений.

Мелен, особняк префектуры, 17 июня 1965.

Близится к концу чрезвычайно утомительный день, во всяком случае, для нас, сопровождающих Генерала. Этот день начался рано утром в Шелле, продолжался в Провене, где я имел радость и честь принимать Генерала, а заканчивается в Фонтенбло и Мелене. Возможно, именно усталостью объяснялся произошедший здесь инцидент.

Во время обеда Генерал, рядом с которым находились Жокс, Жакэ и я, говорил очень мало. Когда перешли к кофе, два главных сельскохозяйственных патрона департамента Сен-э-Марн, Луи Ремон, председатель Объединения аграриев, и Андре Марто, председатель Федерации профсоюзов работников сельского хозяйства, подходят ко мне: «Могли бы вы устроить

нам короткий разговор с господином президентом Республики?» Когда я представляю их Генералу, выражение его лица не предвещает ничего хорошего.

«Господин генерал, — начинает Марто, — мы хотим сообщить вам об очень сильном недовольстве аграриев, которых мы представляем. У них такое чувство, что ваше правительство не желает понять, в каком отчаянном положении оказалось большинство французского крестьянства. Нам поручили вас об этом предупредить».

Генерал меряет его взглядом: «Я знаю, кто вы! Каждый из вас двоих имеет сотни гектаров земли. Вы принадлежите к самой удачливой категории французов, потому что ваша пшеница и свекла продаются по невысказанно высоким ценам. И не вам пытаться разжалобить меня разговорами о бедственном положении крестьян».

Ремон устремляется на помощь своему собрату: «Господин генерал, мы просто хотели поделиться с вами растерянностью французского крестьянства, и сделать это до того, как будут завершены с нашими европейскими партнерами переговоры, от которых зависит судьба наших земледельцев. Так как, уверяю вас, мы оба в высшей степени европейцы».

(Если есть слово, которое Генерал особенно терпеть не может, то это слово «европеец», когда им обозначают сторонников «наднациональности» и «интеграции».)

ГдГ. «А я разве не европеец? Вы разве не знаете, что правительство когтями и зубами отстаивает интересы французского сельского хозяйства? Вы разве не знаете, что мы готовы разорвать отношения с нашими партнерами, если они по истечении месяца не заключат с нами соглашения о финансовом урегулировании, которое приведет, наконец, в действие Общий сельскохозяйственный рынок?»

Ремон мямлит: «Напротив, мы как раз хотим, чтобы вы договорились с ними!».

ГдГ. «И вы воображаете, что мы с ними договоримся, если позволим себя приручить? Вы разве не знаете, что их подход противоположен нашему? Что они ни в малейшей степени не собираются скромничать с нашим сельским хозяйством? Что в переговорах с ними надо поставить все точки над *i*? Вы разве не

знаете, что все переговоры с ними ни к чему не приведут, если мы не дадим им понять, что мы положим конец Общему рынку в случае, если, как и раньше, они будут отказываться включить в него сельское хозяйство?».

И на этом Генерал нас покидает.

Он, всегда проявляющий обходительность в стиле «старая Франция», особенно, когда имеет дело с недоброжелательно настроенными посетителями — оппозиционными парламентариями или профсоюзными делегациями, — сейчас выплеснул всю желчь, накопившуюся за месяцы борьбы за этот проклятый Общий рынок и борьбы с упорством наших партнеров.

Марто в ярости: «Он нас оскорбил, и вместе с нами — все французское крестьянство! Это недопустимо! Мы расскажем об этом всем, кто нас избрал, и мы знаем заранее, как они отреагируют! Еще до конца года мы покажем, что земледельцы и жители деревни представляют четверть французских избирателей!».

Эти двое уполномоченных не сомневаются, что могут командовать сельскими жителями, как солдатами на параде. И они уже знают, как проголосуют их подопечные, если Генерал или его преемник не проявят услужливости по отношению к ним.

Я стараюсь «склеить разбитую посуду»: «Он вас не оскорблял! Вы даже себе представить не можете, сколько Генерал делает для успеха этих переговоров! Он был бы доволен, если бы вы его поддержали. Подождите десять минут, я пойду, скажу ему два слова, а вы выразите ему сожаление, что разговор приобрел такой оборот».

Не отвечая мне, столь же не довольные Генералом, как и он ими, они направляются к выходу.

Генерал больше не возвращался к инциденту с двумя аграрными лидерами, но он о них не забыл. Я это почувствовал во время заседания *Совета министров, 28 июня 1965.*

Кув рассказывает о перипетиях на переговорах в Брюсселе. Они застопорились. «Перспективы покрыты мраком».

Как рассеять этот мрак перед общественным мнением? По этому вопросу Помпиду и Генерал придерживаются разного мнения: один стремится к успокоению, другой — к обострению.

Помпиду. «Министр информации мог бы подчеркнуть, для сведения работников аграрного сектора, что правительство твердо защищает французское сельское хозяйство. Важно не давать поводов для беспокойства.

ГдГ. Надоели эти разговоры о «беспокойстве»! Во время моей недавней поездки по Иль-де-Франсу, ко мне привязались некоторые из так называемых представителей крестьян. Я их послал куда подальше. Я хочу, чтобы и правительство поступило так же. Это примитивные демагоги! Прошу и вас, господа министры: демагогов от сельского хозяйства посылать куда подальше».

Совет министров, 3 ноября 1965.

Перед самым закрытием заседания Генерал роняет:

«Завтра я буду выступать по радио и телевидению. Прошу вас меня извинить: я не ставлю вас заранее в известность о том, что я скажу нации... Может быть, о чем-то вы и сами догадываетесь. Но это вопрос моей совести, до того момента, когда я объявлю о своем решении сразу всей нации».

После заседания.

ГдГ. «Скажите журналистам, что генерал де Голль подтвердил: завтра он обратится к нации, но о содержании своего выступления он министрам не сообщил».

При всем своем олимпийском спокойствии, он не считает для себя зазорным заботиться о деталях: «Запись будет происходить завтра в 18 часов. Примите все меры, чтобы до начала трансляции наружу не просочилось ни одно слово из моего выступления».

Я могу его успокоить: все предосторожности приняты. Окна на втором этаже Елисейского дворца будут зашторены, чтобы никто, ни единым жестом, не мог сообщить о содержании заявления Генерала.

Елисейский дворец, Зал приемов, 4 ноября 1965.

В 18 часов для записи подготовлено все, что полагается по ритуалу. Около двадцати технических сотрудников смонтировали декорации, протянули кабели, навели камеры на пока пустое кресло и письменный стол в стиле Людовика XV, на библиотечные полки с фальшивыми корешками в качестве фона.

Все присутствующие останутся в этом помещении, как в запаянной колбе, до восьми часов, когда запись пойдет в эфир. В наше распоряжение будет предоставлен буфет, сейчас загороженный ширмой красного бархата. Мы пленники, но с нами хорошо обращаются.

Запись начинается. Генерал произносит свою речь, как всегда, торжественную, пропитанную Боссюэ и Шатобрианом; и его память, как всегда, безупречна:

«Француженки, французы!

Двадцать пять лет тому назад, когда страна катилась в пропасть, я счел своим долгом взять руководство на себя и привести Францию к освобождению, победе и независимости. Семь лет тому назад я счел своим долгом вновь встать во главе страны, чтобы не допустить гражданской войны, валютного и финансового краха, чтобы построить, вместе со всей страной, учреждения, отвечающие требованиям современной эпохи и современного мира».

Красивый и благородный текст. Но способен ли он тронуть телезрителей, так склонных к критике и готовых с закрытыми глазами следовать за Генералом только в минуты грозной опасности? Не услышат ли они в этом обращении к прошлому лишний аргумент в пользу того, что пора сменить руководство? Четверть века прошло... «Его время кончилось», — эта фраза начинает звучать в кулуарах Национального собрания и Сената, и не только из уст левых парламентариев. Призыв Генерала может усилить едкие насмешки по поводу его склонности к самопрославлению.

Моя озабоченность возрастает, когда я слышу следующий пассаж:

«Пусть открытая и массовая поддержка граждан укрепит меня в решении остаться на посту — и будущее новой Республики будет обеспечено. В противном случае — и никто в этом не может сомневаться — она рухнет тотчас же, и Франция должна будет претерпеть, без возможности что-либо исправить, государственную смуту, еще более губительную, чем в былые времена».

Генерал уже мысленно перенесся в конец кампании: он предсказывает крах режима, если противник режима одержит

победу, — но это похоже на банальную тавтологию. Избиратели еще только *в начале* кампании, и они ждут, чтобы он объяснил им свое личное решение. Держа в уме именно такой вопрос («Почему он, а не Помпиду?»), они будут слушать его выступление. Крах, который произойдет, *если он потерпит поражение завтра*, будет ими истолкован как крах, который произошел бы, *если бы он не выдвинул себя сегодня*. Разве Помпиду может не увидеть в этом выражение недоверия к себе лично?

Но сделать уже ничего нельзя. Мне случалось убедить Генерала переснять тот или иной кусок, чтобы изменить несколько слов. Но в данном случае следовало бы менять всю конструкцию выступления. Об этом не может быть и речи в столь поздний час и перед таким количеством свидетелей.

Выступление закончено без помарок. Теперь у нас впереди полтора часа вынужденного заключения. Мы подходим к буфету. Генерал, сбросивший напряжение, как это бывает с ним каждый раз после продолжительной и успешной мобилизации памяти, переходит от одного посетителя к другому, любезно разговаривает с каждым, заботится о том, чтобы у каждого был стакан, расспрашивает техников об их профессии. Они теряются от почтения и восхищения, даже те, кто собрался голосовать за Миттерана.

Без пяти минут восемь мы получаем свободу. Я мчусь прямо в Матиньонский дворец и прибываю туда уже после начала трансляции. В кабинете Мишеля Жобера я замечаю в полумраке перед телевизором силуэты всех постоянных участников наших утренних совещаний, поскольку ни у Помпиду, ни у Ортоли в кабинетах нет телевизоров. Царит напряженное молчание. По мере того, как Генерал говорит, мне кажется, я вижу, как обычно невозмутимое лицо Жобера искажается. Помпиду уходит, не сказав ни слова.

После трансляции Жобер замечает мне сухим тоном: «Не очень-то любезно по отношению к Помпиду. И даже — совсем оскорбительно. Получается, что, если бы Генерал не решил выдвинуть свою кандидатуру, никто не смог бы спасти Республику...».

Невозможно упрекнуть близкого сотрудника Помпиду за то, что он переживает за своего шефа больше, чем за шефа своего шефа. Но если этот лояльный служитель режима, прекрас-

но владеющий своими нервами, не может скрыть возмущения, как будут реагировать представители «болтающего класса»*?

[...]

Матиньонский дворец, пятница, 5 ноября 1965.

В ожидании прибытия Помпиду, Гишар сообщает мне, что тот был предупрежден Генералом накануне в полдень; что он вернулся из Елисейского дворца невозмутимым и до выступления Генерала по телевидению никому ни о чем не сказал.

Помпиду входит спокойный и улыбающийся, как обычно. Отклики в прессе плохие, реакция оппозиции — свирепая. Деффер резюмировал выступление Генерала уничтожающей фразой: «Я — или хаос», которую многие газеты используют в качестве заголовка. Помпиду говорит с пренебрежением: «Все это не причинит ущерба Генералу». И добавляет: «И мне тоже».

[...]

16 ноября 1965.

Все эти последние дни формула «Я — или хаос» сходит, как лавина. Левые газеты доходят до того, что изображают Генерала каким-то параноиком, одержимым собственным «я» до такой степени, что не может допустить мысли, чтобы кто-нибудь его заменил.

Эта избирательная кампания плохо началась. Но можно ли говорить о кампании? Генерал ни о каких выборах не заботится. И единственная кампания, которая его занимает, — это кампания против брюссельской Комиссии, против пяти партнеров по Общему рынку, против наднациональности, за «Европу государств», то есть за политическую ответственность.

Я перечитываю свои записи, сделанные на протяжении этих недель: везде речь идет о позиции, занимаемой Францией, и нигде — о позиции кандидата.

После заседания Совета министров, 10 ноября 1965 года Генерал мне говорит: «В течение всех этих недель и месяцев, Комиссия и наши пятеро партнеров получали поддержку от нашей оппозиции. Все вместе они думали, что генерал де Голль станет

* Выражение де Голля; имеются в виду журналисты.

более податлив из-за президентских выборов. Мы им покажем, что, независимо ни от каких выборов, мы можем защищать интересы Франции, ставя их выше наших избирательных интересов».

17. «Я здесь не для того, чтобы побеждать левых или правых, но чтобы собрать их вместе»

5 декабря 1965, воскресенье. Матиньонский дворец, кабинет премьер-министра, 21 ч. 30 мин.

Сотрудники Помпиду, Ортоли и Жобер, время от времени сообщают нам все более огорчительные данные о голосовании: Генерал набирает около 44 процента и не сможет победить в первом туре. «Результаты уже не изменятся существенным образом», — говорят эксперты.

Помпиду, очень спокойный, и в то же время сосредоточенный, контролирует ситуацию, зная, что главное событие может произойти в Коломбэ: «Для Генерала это будет ужасным ударом. Я должен ему позвонить».

Он просит Жокса и меня остаться: «Это будет один из самых мучительных разговоров в моей жизни. Может быть, мне потребуется ваша поддержка». Он просит Анн-Мари Дюпюи соединить его с Коломбэ и не пускать никого в кабинет.

Генерал на проводе. Помпиду говорит чрезвычайно мягко, как человек, ухаживающий за больным:

«Господин генерал, мы имеем почти полные данные. Они свидетельствуют, что в первом туре вы не получите абсолютного большинства; за вас 44 или 45 процентов от общего количества проголосовавших. Конечно, мы разочарованы. Мы надеялись, что вы одержите победу уже в первом туре. Но ничего драматического не происходит. 55 или 56 процентов распылены между вашими противниками, и совершенно исключено, чтобы они могли быть отданы одному единственному кандидату». [...]

Помпиду говорит, делая паузу после каждой фразы, ожидая реакции Генерала. Но Генерал молчит. Из последних сил Помпиду заключает:

«Нам предстоит сражаться в течение ближайших пятнадцати дней, но в конечном результате нет никаких сомнений».

Насколько можно судить, Генерал подавал голос только в ответ на обеспокоенные вопросы Помпиду: «Господин генерал?», «Вы меня слышите?», «Алло?». Окончательно выбившись из сил, Помпиду произносит: «Передаю трубку Жоксу, он тут рядом вместе с Пейрефитом».

Жоксу повезло больше: Генерал решил заговорить.

Жокс. «Нет-нет, господин генерал, избиратели Леканюэ, во всяком случае, большинство из них, никогда не станут голосовать вместе с коммунистами».

Телефонная трубка что-то неразборчиво бубнит, затем я снова слышу голос Жокса:

«Во всяком случае, у вас нет другого выбора, как остаться на второй тур³². Если вы снимите свою кандидатуру, вы обеспечите победу Миттерану, который поторопится сравнять с землей все, что вы успели построить».

Исчерпав свои аргументы, Жокс протягивает трубку мне.

«Господин генерал, — начинаю я, — большинство французов думали, как и мы, что вы одержите победу уже в первом туре. Но мы недооценили ожесточенность избирательной кампании, когда вас атаковали пять кандидатов, а вы сами практически в кампании не участвовали».

Он прерывает меня крайне усталым голосом: «Я не представляю себе, как 56 процентов, голосовавших против меня сегодня, смогут изменить свою позицию за две недели».

АП. Но в этом-то и заключается логика голосования в два тура: в первом туре выбирают, во втором — исключают. В первом туре, зная, что нет никакой опасности, избиратели голосовали в соответствии со своими давними привычками и склонностями; они хотели выразить свое недовольство, а для недовольства поводы всегда найдутся. В решающем туре остаетесь только вы и Миттеран. Французы исключат того, кого сочтут менее способным защищать национальные интересы».

Генерал отвечает несколькими неразборчивыми словами, я не осмеливаюсь просить его повторить. Он заключает коротким «до свиданья, премного благодарен» и вешает трубку.

Немного позже Бюрен сообщает мне, что он в свою очередь говорил с Генералом и очень опасается, как бы тот не отказался баллотироваться во втором туре и не остался в Коломбэ. «Вы даже не представляете себе, как он убит».

Как морально поддержать Генерала? Мне вспоминается аналитическая записка, написанная Франсуа Гогелем³³ в октябре 1962 года. Генерал был совершенно выбит тогда из колеи тем, что 62 процента голосов, поданные на референдуме за избрание президента всеобщим голосованием, составляли фактически только 47 процентов зарегистрированных избирателей. Гогель доказал, что во всяком голосовании неизбежно есть определенный процент воздержавшихся (больные, инвалиды, роженицы, престарелые, находящиеся в отъезде, умершие, но еще не вычеркнутые из списков, и прочие). Эти невольно воздержавшиеся могут составлять от 5 до 10 процентов. Таким образом, 47 процентов, проголосовавших «за», на самом деле составляли большинство тех, кто имел право голосовать. Эта записка сразу вернула Генералу бодрость.

Несмотря на поздний час, я звоню из Матиньонского дворца Гогелю с просьбой подготовить новую тониизирующую записку для Генерала. Он подхватывает мою мысль: «Второй тур неизбежен при нашей новой системе. Первый тур соответствует американским «праймериз». Это совершенно не мешает избранному Президенту действовать от имени всех французов, а не только тех, кто голосовал за него во втором, а уж тем более — в первом туре».

6 декабря, понедельник. Эта записка была составлена за несколько часов и тут же отправлена Бюреном в Коломбэ с мотокурьером.

Вторник. Бюрен звонит мне: записка оказала желаемое действие, и Генерал решил вернуться из Коломбэ.

Совет министров, 8 декабря 1965.

На лицах написано напряжение. Все рассаживаются в молчании. Все взоры обращены к Генералу. Мы волнуемся за него; мы ждем его реакций, решений, указаний.

ГдГ. «Результаты вам известны. Я думал, они будут лучше. Я ошибался. Лучшими они быть не могли. Их нельзя сравнивать с результатами референдумов. Результаты референдума 1958 года* были предопределены: он проходил в условиях па-

* Референдум о новой Конституции.

ники и отвращения к прежнему режиму и не являлся проверкой моего избирательного потенциала. Точно так же, и референдум о независимости Алжира не был проверкой лично для де Голля. Референдум 1962 года*, менее блестящий, но успешный, все еще отражал тревожные настроения; с другой стороны, речь шла о реформе институтов власти, которая, как показали факты, интересовала население. [...]

Результаты перед нами. С одной стороны, 44 процента голосов за де Голля, с другой — 56 процентов, разбившиеся между тремя не совместимыми между собой фракциями. Посмотрим, какие выводы сделают для себя избиратели. Но уже сейчас ясно, что избирательные позиции де Голля не ухудшились, а улучшились.

Притом, что конъюнктура была не в нашу пользу. Стране ничто не угрожает, доходы населения растут: условия, исключительно благоприятные для демагогии. С другой стороны, политика стабильности, то есть политика, проводимая в национальных интересах, увеличила количество недовольных. То же самое можно сказать по поводу истории с Общим рынком: аграрии, встревоженные происходящими преобразованиями, стали восприимчивыми ко всяким мифам, которые им подсовывают³¹.

Конечно, я свою кандидатуру не сниму. Посмотрим. Я не уверен, что избирательная кампания оказывает сильное воздействие на результаты голосования. Тисье-Виньянкур ораторствует впустую вот уже несколько месяцев. Миттеран много суетился, но его избирательная кампания на месте осуществлялась коммунистами. Личность Леканюэ произвела определенное впечатление, но это мало что добавило к тем голосам, которые в любом случае собрал бы представитель центристов.

При всем том, во втором туре надо быть активными. Генерал де Голль не может компрометировать себя разговорами об этикетках и противозачаточных пилюлях. Информировать французов — задача моего правительства. Министры, начиная с премьера, пусть выступают и рассказывают о том, что происходит со страной сейчас, что было вчера и что будет завтра. Пятая

* Референдум об избрании президента Республики всеобщим голосованием.

Республика должна продолжаться. А для этого надо, чтобы генерал де Голль был избран.

Что касается разговоров о пресловутых голосах, отданных левым, то вот цифры. (Он смотрит в лежащую перед ним бумажку.) Радикалы, SFIO* и коммунисты, все вместе, имели: в октябре 1945 — 54,85 процента; в 1946 — 52; в июне 1951 — 46,5; в январе 1956 — 52; в ноябре 1958 — 43; в 1962 — 40; а теперь — 32 процента. Это падение — моя заслуга, а не заслуга Леканюэ.

Я не хочу выражать интересы какой-то одной части населения. Я не UNR и не хочу, чтобы меня с ними смешивали. Я не разделяю французов, я хочу их объединить, дав им почву для сближения. В соответствии с этим мы и должны действовать. Я здесь не для того, чтобы побеждать левых или правых, но чтобы собрать их вместе».

После Совета.

АП. «Господин генерал, в вашем распоряжении будут два часа на телевидении и столько же на радио. На этот раз вы не можете себе позволить не использовать их. Второй тур — это дуэль. Каждая минута, не использованная вами, будет считаться отданной противнику. Вы могли бы сделать на телевидении и по радио четыре выступления, варьируя способы их презентации.

ГдГ (сухо). Если я использую часть отведенного мне времени, то не для того, чтобы делать это дважды и по-разному. Вычеркните это из ваших планов. Я сделаю одну запись, для радио и телевидения одновременно.

АП. Радио и телевидение — разные носители информации... Но откажемся от этой идеи. Могу ли я предложить вам другую? Вы привыкли говорить с французами как вождь, указывающий дорогу Нации. Теперь, выставив свою кандидатуру, вы оказались в позиции конкурирующей стороны. Вы уже устранили четырех из пяти конкурентов. Осталось устранить последнего. В такого рода состязаниях тон президента, обращающегося к гражданам с высоты своего положения, не самый подходящий. Доведительный разговор произвел бы большее впечатление.

* «*Section Française de l'Internationale Ouvrière*» — «Французская секция Рабочего Интернационала», социалистическая партия.

ГдГ. Понимаю, вы хотите, чтобы я появился перед французами в пижаме».

Я не могу удержаться от смеха, — он чуть было не сбил меня с мысли. Но спохватываюсь:

«Я не требую столь многого. Я просто предлагаю тон разговора «у камина» (я не ссылаюсь ни на Рузвельта, придумавшего эту формулу, ни на Помпиду, который ею воспользовался: он бы не потерпел, чтобы я предлагал ему кого-то в качестве образца). Тон повседневного общения, свойственный вам в узком кругу.

Было бы хорошо, если бы в качестве вашего собеседника выступал какой-нибудь журналист. Вместе с Бюреном де Розье мы просмотрели список возможных кандидатов. Мишель Друа очень бы подошел. Он талантлив, он голлист, он сумеет подавать вам реплики без заискивания».

Генерал завершает нашу беседу сдержанно-величественным «Я подумаю».

Салон Мюра, 13 декабря 1965, понедельник.

Я нередко присутствую на записях, которые здесь производятся. Но эта запись — особенная.

В первый раз за всю свою долгую жизнь, Генерал будет давать интервью. Обращаться к народу с высоты своего положения — это одно, говорить с участием собеседника — это другое. Мишель Друа чувствует себя свободно. Мы — Бюрен, Галишон, Пероль³⁵ и я, напротив, очень напряжены. Мы чувствуем, что Генерал идет ва-банк. Технические сотрудники ведут себя не так трепетно, как раньше. Они уже делали съемку других кандидатов. Теперь де Голль — только один из них, священная аура исчезла.

Съемка проходит гладко, как по маслу. Генерал в хорошей форме. По прошествии сорока пяти минут, он просит, чтобы беседа продолжалась вплоть до окончания предоставленного нам времени. И записывает три выступления подряд, не переводя дыхания. У нас впечатление, что он нашел свой стиль общения. Почему, черт возьми, он не пользовался им раньше? Удачные выражения возникают как бы непреднамеренно (хотя он, конечно, готовил их загодя): «Французы? Конечно, именно они

создают Францию. Но Франция — это нечто большее, чем она является в данный момент». «Демагогия — это очень удобная вещь, удобная до вульгарности». «Не стоит рассказывать истории». «Кому вы это говорите?». Во второй передаче он даже позволяет себе прибегнуть к мимике. «Можно скакать верхом на стуле, приговаривая: «Европа! Европа!», — он повторил это трижды. На этот раз он предстал таким, каким его знаем мы, — умеющим позабавить, очаровать, убедить, увлечь.

На всю эту длинную запись пришлось сделать всего два повтора. Один — потому что в финальной части передачи он смотрел не в ту камеру. Вторая пересъемка имела политическую подоплеку. Он не смог удержаться от привычного соблазна высмеять Леканюэ и его соратников, сравнив их «с мальчиками из церковного хора, упившихся церковным вином». (Он уже употреблял эту фразу раньше, в разговорах со мной.)

«Надо постараться завоевать 15 процентов избирателей, голосовавших за Леканюэ, — говорю я ему. — Ваша шутка может их задеть».

Бюрен де Розье поддерживает меня, Галишон и Пероль тоже. Генерал соглашается подвергнуть себя цензуре.

Совет министров, 15 декабря 1965.

Генерал снова в седле и старается нам это показать:

«Мы приближаемся к финишу. Есть вещь, которая проявилась в этой избирательной кампании со всей ясностью: это — единодушие и достоинство правительства.

Посмотрим, какими будут результаты. Если они будут положительными, то это — наша победа. Никогда еще нам не приходилось иметь дело с таким нагромождением демагогии, безответственных обещаний, лжи и нападок. Далее нам надо будет расширить нашу победу, сделать ее достоянием всей Франции.

Если мы не победим, то тот, кто нас заменит, будет обречен на поражение, а страну будут ожидать растерянность и, боюсь, несчастья. Нельзя себе представить, что страной, особенно, такой, как Франция, станет управлять бесформенный агломерат, каким станет победившее большинство. Это будет сплошной обман.

Власть, которая нас заменит, рухнет неизбежно. При таком исходе, не будет более важной задачи, чем сохранить наше единство, оставаясь такими, какие мы есть. Для Франции нет иного будущего, кроме того, которое представляем мы. Лично я, и вне стен Елисейского дворца, не прекращу политическую деятельность, пока я жив. Но даже и после моей смерти сохранится кое-что из того, что мы говорили и делали.

Объединение, сложившееся вокруг меня, должно сохраниться, что бы ни произошло, и в победе, и в поражении. Я говорю вам то, что думаю, и думаю, что выражаю также и ваши мысли. Итак, до скорой встречи».

Итак, даже в случае поражения 19 декабря, он не удалится в Коломбэ! Он возглавит оппозицию, станет вождем нового «объединения» и будет сражаться, «пока он жив».

Мы смотрим друг на друга, и волнение сжимает нам горло.

Он преодолел отвращение, охватившее его в прошлое воскресенье вечером. Пройдя через испытание, он вновь обрел боевой дух. Тогда ему показалось, что он сможет победить без борьбы, и он демобилизовался. Чтобы победить, надо сражаться: перед нами де Голль, вновь ставший самим собой, — и более, чем когда-либо.

18. «А теперь — снова в путь...»

Золотой салон, 21 декабря 1965, вторник.

Генерал избран вновь. Он подводит итоги прошедшему испытанию, беседа по очереди со своими «подносчиками тронов». Сегодня моя очередь.

ГдГ. «На самом деле, произошло совмещение двух отрицательных факторов: осложнения, связанные с Общим рынком и планом стабилизации; а то бы мы имели 59 или 60 процентов. (Неприятности, связанные с первым туром, уже забыты, речь идет о втором.)

АП. Я не думаю, что ваша внешняя политика, как таковая, могла быть поставлена вам в минус.

ГдГ. Нет, я говорю о кризисе Общего рынка с точки зрения крестьян. Их тревога была использована демагогами. Это

несомненно. Но результаты голосования означают «нет» наднациональной Европе. Ее не хочет никто! Это разгром так называемого «европеизма».

Недовольство крестьян связано с тем, что вот уже два года их доходы не повышаются. Вступление в сельскохозяйственный Общий рынок было их надеждой, но им показалось, что эта перспектива закрылась. Они отреагировали, проголосовав против меня. Не все, но определенное число тех, кто уже и так были к этому предрасположены.

Что касается плана стабилизации, то и он вызвал определенную моральную депрессию у многих людей: прежде всего — у хозяев предприятий, но также — и у многих ремесленников и даже рабочих, увидевших, что заказы и продолжительность работы несколько уменьшились. И они не очень понимают, к чему все это. Поэтому, когда появляется тип, который говорит: «Я все устрою», — они его слушают.

Сложите все это вместе, и вы получите 4 или 5 процентов, которые мы могли бы получить дополнительно. Вместо 60, мы получили только 55 процентов.

Ко времени парламентских выборов 1967 года, мы должны будем преодолеть оба отрицательных фактора. Что касается дальнейшего, то вот что я вам скажу: я думаю, время партий кончилось. Избиратели шли не за партиями. Появились лидеры, говорившие: «Вот что я буду делать, вот куда я обещаю вам идти». Это, именно это, привлекло избирателей. Разумеется, сказанное не относится к коммунистам. Что бы вы ни говорили, для них это не имеет значения. Коммунистические избиратели будут голосовать так, как им прикажут. Я говорю о других партиях: они исчезли.

АП. Во всяком случае, вы подорвали систему партий; вы позволили людям почувствовать встряску от этого нового опыта.

ГдГ (подхватывает это замечание, наклоняется вперед и наставляет на меня указательный палец). Такой встряски не выдержал бы *никто!* Никто другой! Они все были бы сметены. (Резким движением руки он как бы сметает их.) И без какой-либо возможности замены! Они были бы сметены, уступив место анархии. Они были бы сметены, и Пятая Республика вместе с ними, и все, что мы сделали за двадцать пять лет!

(Во всяком случае, «сметены» ранее имевшиеся у него сомнения в необходимости выставлять свою кандидатуру. Но Помпиду, наверняка, не думает, что был бы «сметен»: ведь против него никто не накопил ненависти.)

[...]

Совет министров, 22 декабря 1965.

Совет был перенесен на четверг, чтобы он состоялся после официального объявления результатов голосования.

Фрей подводит итоги выборов: «В воскресенье мы получили не меняющееся шаткое большинство, как это бывает на референдумах, а большинство широкое и прочное, поддерживающее нашу политику в целом.

ГдГ. У меня нет возражений против вашего анализа. Вот как вижу вещи я.

Прежде всего, я вижу политическое распыление французов. Поскольку не существует никакой опасности, никакого серьезного беспокойства, ни по какому поводу, в нашей стране, как ей это свойственно, происходит разброд. С того момента, когда уже не нужно бояться худшего — немцев или алжирских событий, — люди идут кто направо, кто налево.

Ставшие очевидными политические реальности не новы, но характерны.

Первое. Возникла значительная группа населения, особенно многочисленная в экономически развитых регионах — Север, Восток, Париж с окрестностями, — разбирающаяся в мировых проблемах и убедительно заявившая о себе уже в первом туре. Это — политическое ядро, сформировавшееся вокруг меня и позволившее нам завоевать большинство.

Второе. Безутешные стенания оппозиции, пребывающей в полном разброде. Невозможно представить себе, как бы она управляла страной в случае своей победы.

[...]

Таким образом, единство ядра, сформировавшегося вокруг меня, противостоит разброду оппозиции, выступающей против меня. Сложилась конъюнктура, для меня не благоприятная:

— из-за моего возраста: если бы я был на пятнадцать лет моложе, это заметно отразилось бы на моем поведении;

— из-за плана стабилизации: демагоги воспользовались связанными с ним завихрениями и побочными эффектами;

— из-за решения приостановить наше участие в Общем рынке. Сделать это было необходимо. Но это позволило демагогам утверждать, будто мы хотим расколоть Европу.

Нотабли, возглавляющие свои вотчины, уже не имеют такого влияния, как прежде. Все феодальные образования, заботящиеся о собственных интересах, выступают против Государства, как только оно проявляет силу и волю управлять. Они настраивают против Государства свою клиентуру, всех, кого только могут: партии, профсоюзы, газеты.

Общество не информируется о реальном положении. Доводить информацию трудно, поскольку пресса против нас. Она систематически представляет наши действия в невыгодном для нас свете. Например, она говорит об «успехах и неудачах», желая таким образом представить свою позицию как объективную и сбалансированную. На самом деле, очевидные успехи она преуменьшает, говорит о них походя, зато всячески подчеркивает так называемые неудачи, возлагая всю ответственность на меня.

Этим газетам всячески потакают, угождают — а зря. Им уступают монополию на рекламу, боясь допустить ее на телевидение, им предоставляют почтовые льготы и тому подобное.

На радио и телевидении открыты шлюзы для очернительства. Уже дошли до крайностей. Я вижу в этом и свою вину, я решил дать равное время всем кандидатам. Но и за пределами этого времени, я не уверен, что радио и телевидение так уж к нам расположены. Там полно враждебно настроенных людей. Возможно, ими руководили не так, как следовало. (Это камешек в мой огород?)

И вот мы получили то, что имеем. Может быть, большего и нельзя было достичь.

В конечном счете, при существующей конъюнктуре, мы добились неплохого результата. Пятая Республика получила возможность продолжить свое дело. Нет оснований думать, что на парламентских выборах мы не закрепим наш успех. Сам я намерен этому способствовать.

Каково социальное распределение голосов? Большинство полученных нами голосов — это голоса народа. Победить во

всех округах Парижа было бы невозможно, если бы народ не был на нашей стороне. Этого нельзя сказать об избирателях Леканюэ: его поддержали недовольные буржуа и крестьяне, но не думаю, что самые бедные из крестьян. Рабочие за Леканюэ не голосовали.

Юг в политическом отношении отстаёт, но не так сильно, как думают. Мы получили большинство в Лиможе, Герэ, Каоре³⁶. Получили бы и в Марселе, Монпелье, Каркасоне, если бы не черноногие. То же самое можно сказать о Тулоне и Ницце. Голоса репатриантов, по временным причинам эмоционального характера, были против меня. [...] Итак, наша борьба за Юг не проиграна, надо ее продолжать — и в городах, и в сельской местности.

Прошедшая кампания окончательно закрепила выборы президента всеобщим прямым голосованием. Своим массовым участием народ подтвердил, что реформа 1962 года признана страной. Никто уже не сможет повернуть назад».

После Совета.

[...]

Провожая меня к дверям, Генерал говорит: «Предстоят кое-какие перемены. По правде говоря, я думал о больших переменах. Но условия, в которых прошли выборы, не дают мне простора». Под «большими переменами», по-видимому, подразумевается замена премьер-министра. Уже взявшись за ручку двери, он продолжает:

«На выборах проявилось желание населения, чтобы был *new deal*, иначе говоря, новый стиль и новые цели, на ближнюю и дальнюю перспективу. Эта потребность выразилась в голосах, отданных Миттерану и Леканюэ, которые оказались бы не в состоянии ее реализовать. Но то, что они хотя бы поманили такой возможностью, сыграло свою роль. Перед нами встает теперь вопрос о том, чтобы создать такой *new deal*, предложить большую цель».

АП. Самый тревожный симптом — это то, что молодежь плохо голосовала. О Четвертой Республике она уже ничего не знает, она для молодых — далекое прошлое, что-то вроде падения Константинополя.

ГдГ. Да, именно так. Молодым надо предложить цель, которая могла бы пробудить их энтузиазм. Главный вопрос — это *new deal*, новые задачи, которые надо поставить перед страной и молодежью».

Не зная усталости, он снова садится в седло.

[...]

6 января 1966.

Помпиду устраивает в скромном ресторане завтрак, скорее дружеский, чем политический... После завтрака Помпиду приглашает меня в свою машину, чтобы вместе вернуться в Матиньонский дворец. Он говорит мне, понижая голос:

«Выборы нанесли ужасный удар по моральному состоянию Генерала и его убеждениям. В моральном отношении он оправился, но до этого он несколько дней был в нокауте, вплоть до того, что не хотел баллотироваться во втором туре. Теперь, после новогоднего отпуска, он пришел в норму. Он понимает, что не выдержит до конца нового президентского срока, но, по своему обыкновению, будет действовать, *как если бы* собирался выдержать до конца.

Но вот что касается его убеждений, — это крах. Он жил мечтой о народном единодушии, которая вдохновляла его на протяжении всей войны и Сопrotивления, которая вернулась к нему в 1958-м и продолжала им владеть до конца алжирской войны. Сегодня он начинает терять свои иллюзии. Он отдает себе отчет в том, что демократия — это не единодушие, это большинство и оппозиция. Он начал понимать, что «президентское большинство» должно быть поддержано «законодательным большинством», а президент не всегда может выступать как президент всех французов. Он решил сделать все, чтобы выиграть в будущем году парламентские выборы, от которых снова будет зависеть судьба режима. Если мы выиграем, институты государства будут утверждены, я надеюсь, уже навсегда. Если проиграем, они будут отброшены, и произойдет возврат к Четвертой Республике, которая откажется от ударной силы и уничтожит все, что мы начали делать. Поэтому Генерал и оставил меня в Матиньонском дворце: он знает, что только я могу выиграть эти выборы».

Помпиду уже намечает, что нужно будет сделать после де Голля: «Надо будет укрепить равновесие Пятой Республики, сохранив ее основные достижения и сделав несколько жестов, чтобы уменьшить антагонизм между теми, кто поддерживал действия де Голля из любви к нему, и теми, кто хочет все разрушить из ненависти к нему. (Он повторяет другими словами то, что уже говорил мне в прошлом году: «Институты смогут окончательно утвердиться только в результате спокойной практической деятельности».) А пока мы должны сохранять абсолютную верность Генералу. То есть эволюционировать вместе с ним в соответствии с реальностью. Мы не можем отдаляться от него по той причине, что он эволюционирует недостаточно быстро».

Почему Помпиду повторяет столь очевидные вещи? Не потому ли, что ему нужно каждый день убеждать в этом самого себя?
[...]

*10 января 1966 года на совещании Шестерки в Люксембурге Генерал железной рукой победил федерализм и наднациональность**. Не изменяя Римский договор, — национальные парламенты не ратифицировали бы столь серьезную поправку, — страны Шестерки пришли к «джентльменскому соглашению», что правило большинства голосов не будет действовать, если одна из шести стран сочтет, что предлагаемое решение затрагивает ее жизненно важные национальные интересы³⁷.

В конце заседания Совета министров, 2 февраля 1966 года, Генерал говорит Мишелю Дебре, в присутствии Андре Мальро и меня:

«Хальштейн и его комиссия совершили ошибку. Они думали, что смогут реализовать заложенную в Римском договоре возможность федеративного устройства, используя тот факт, что мы выступали в роли ходатая, добиваясь включения сельского хозяйства в Общий рынок. Им удалось настроить наших аграриев против меня. Но они не ожидали, что мы не пойдем ни на какие уступки, невзирая на близость президентских выбо-

* См. Часть II. Франция и Европа.

ров. И они не думали, что я воспользуюсь обстоятельствами и не только не дам реализовать возможность европейской федерации — на что они надеялись, — но похороню ее окончательно. Сегодня сельскохозяйственный Общий рынок создан. Хальштейн и его комиссия исчезли. Наднациональность исчезла. Франция остается суверенной».

Без этой победы 30 января, чего бы стоила, в его глазах, победа 19 декабря?

19. «Для французов главное — проголосовать против...»

Совет министров, 8 марта 1967.

Первый тур парламентских выборов состоялся в воскресенье. В прессе столько трубили о почти несомненной победе оппозиции, что его результаты обескуражили комментаторов. В газетах, по радио, на телевидении журналисты признаются в своем недоумении³⁸. Зато лидеры большинства в уходящем Парламенте поют победную песню на всех волнах.

Войдя в зал заседания Совета, министры сияют и обмениваются поздравлениями и бодрыми прогнозами на второй тур. Когда все рассаживаются, атмосфера становится более серьезной, а высказывания — более взвешенными.

Фрей анализирует результаты первого тура: «В общем и целом, произошла стабилизация. Мы можем надеяться сохранить всех или почти всех наших депутатов от Парижа.

Во втором туре даже небольшое перемещение голосов может привести к ощутимым изменениям, но можно надеяться, что второй тур по инерции продолжит тенденцию первого. Именно тогда, когда создается впечатление, что режиму грозит опасность, мы собираем максимум голосов наших сторонников. Зато нам трудно бороться против спекуляций наших противников в экономической и социальной области. Таким образом, тема, которую нам надлежит развивать вплоть до 12-го, — это стабильность и непрерывность режима.

ГдГ. Я поздравляю тех из вас, кто уже избран, и желаю удачи тем, кому еще предстоит борьба во втором туре.

Что касается нас (это *нас* включает в себя и депутатов, и избирателей), то ситуация такая же, как в 1962 году, с очень незначительными улучшениями. То же можно сказать и о коммунистах. Федерация* удерживает свои позиции. Заметно потеряли представители центра, которым и терять-то было нечего³⁹.

Но, действительно, рабочий вопрос не был урегулирован ни на Севере, ни в Па-де-Кале, ни в индустриальной части Лотарингии. Там мы имеем меньшую поддержку, потому что наша позиция по рабочему вопросу недостаточно выявлена. Нам нужна четкая, привлекательная и решительная концепция по рабочему вопросу. Условия существования рабочих — это еще более важно, чем уровень зарплат.

К югу от Луары, напротив, есть подвижки в нашу пользу. Там на нас смотрят как на силу обновления и движения вперед. Выборы в Каоре ясно показывают (он смотрит в мою сторону), что тон в оппозиции задают коммунисты. Оппозиция становится тоталитарной. Это облегчает выбор, и чем дальше, тем больше.

Если, как мы можем надеяться, Пятая Республика победит, кризиса режима не будет. В противном случае, разрешение кризиса будет, в конечном счете, зависеть от воли народа. На это потребуется время; возможны известные перипетии.

Дебре. Господин генерал, вы подчеркнули, что поддержка зависит от условий существования рабочих. Это понятие не всем может показаться ясным.

ГдГ. Условия существования рабочих? Они в значительной степени зависят от уважения достоинства трудящихся. Когда их достоинство признаётся и соблюдается, тогда и их условия существования улучшаются. Это и есть рабочий вопрос, от которого, наряду с атомным разоружением, зависит решение главных проблем нашего времени».

Мы обмениваемся между собой вопросительными взглядами. Он, действительно, сказал: «атомное *разоружение*». Он возвращается к вопросу, который был им остро поставлен несколько минут назад в связи с сообщением Кува⁴⁰. Ставить на одну доску атомное разоружение и условия жизни рабочих, пусть и в идеальном их понимании, — это все-таки несколько неожиданно.

* Имеется в виду «Федерация левых демократов и социалистов».

Матиньонский дворец, 12 марта 1967, воскресенье.

Вечером мы собрались в кабинете премьер-министра, куда из министерства внутренних дел непрерывно поступает информация о результатах второго тура голосования, сообщаемая префектами. Очень скоро мы понимаем, что нам предстоит тяжелый вечер: неприятные сообщения приходят одно за другим.

[...]

Совет министров, 15 марта 1967.

На Совете мы имеем довольно бледный вид: второй тур многих из нас выбил из седла. В том числе Кува, Мессмера, Сангинетти, Шарбонеля, которые потерпели поражение в своих избирательных округах. Наше большинство в парламенте столь ничтожно, что становится сомнительным. Но Генерал открывает Совет шуткой, которая пахнет порохом:

«С тех пор, как мы виделись в последний раз, произошли некоторые события. Они придали некоторую остроту нашему существованию, — существованию правительства, во всяком случае».

Такое же боевое и даже игривое настроение он демонстрирует, когда **Кув** (один из потерпевших поражение министров) докладывает о зарубежных откликах на наши события:

«Наибольшее удовлетворение выражают в самых близких к нам странах: в Великобритании, Бенилюксе, Италии. Англичане надеются, что наше сопротивление их вступлению в Общий рынок может ослабеть. В Соединенных Штатах и Германии — определенное удовлетворение, смешанное с опасениями. Отмечено поражение министра иностранных дел, но изменения нашей внешнеполитической линии не ожидается.

ГдГ. Нам предстоит в дальнейшем разочаровать наших соперников и ободрить друзей».

Пока ясно только одно: Кув, несмотря на поражение, остается на своей должности. **Роже Фрей** берет слово для анализа результатов этого катастрофического второго тура:

«Несмотря на то, что соотношение сил в избирательном корпусе в принципе не изменилось, в результате многочисленных случаев передачи голосов изменилось распределение мест в парламенте. Пятая Республика потеряла 73 места, а вновь

приобрела только 33. Левые добились успеха за счет того, что коммунисты сплошь и рядом снимали своих кандидатов, даже имевших преимущество в количестве собранных голосов. Дисциплина голосования у левых, как правило, соблюдается. Голоса репатриантов привели к тому, что мы потеряли от 7 до 10 депутатских мест. Прогнозы, сделанные после первого тура, создали настроение оптимизма, которое обернулось против нас.

Эдгар Фор. Избирательный период, начавшийся с президентской кампании, так и не прекращался. Психологию людей в значительной степени определяло недовольство. Исчезли пугала: коммунисты перестали быть сталинистами, антиклерикалы стали менее агрессивными. Репатрианты нам дорого обошлись. А поскольку наша сторона была представлена одним кандидатом в каждом округе, резервов во втором туре у нас не оказалось. Но ведь еще два месяца назад нам говорили: а что вы станете делать, если вам не хватит 15 или 20, или 50 мест? Так вот: эти места у нас есть.

Жокс. Усиление народного фронта вызывает опасения. В MRP еще есть пространство, которое мы должны завоевать. Нам нужно восстановить связи с массой.

Фуайе. Было отчетливое ощущение: избиратели выражают свою сиюминутную досаду.

Фуше. Потеря голосов рабочих на Востоке страны произошла не только из-за кризиса в металлургии, не только из-за конъюнктуры. Главное — это боязнь возможных увольнений. И потом, цивилизация потребления побуждает людей жить не по средствам, влезать в долги, мучиться завистью.

Дюма. Даже там, где нет безработицы, существует страх перед ней. Это какой-то психоз. С другой стороны, враждебность оппозиции толкает людей на крайности. Может быть, надо разрядить атмосферу. (Помпиду кивает головой.)

Нюнжессе⁴¹. Молодежь отдает нам меньше голосов. Федерация кажется им чем-то новым. Наличествует фрустрация, потому что настроения низов не доходят до верхов.

Булен. В первом туре французы высказались в поддержку режима. По результатам голосования они решили, что эта цель достигнута целиком и полностью. И во втором туре они выразили свое недовольство.

Кув. Поскольку общенациональной проблемы больше не существует, остались будничные неприятности. Лавинообразного роста недовольства нет, но известная тенденция налицо. Это в порядке вещей.

Добре. Франция была консервативной на протяжении многих лет. Однако сейчас наступил пик мутаций, результатом чего является скрытое беспокойство. Пятнадцать месяцев длилась избирательная кампания, на протяжении которой вся пресса — национальная, региональная, местная, профессиональная, конфессиональная — неделя за неделей ставила правительству в вину любые неприятности любого человека.

[...]

Мисофф. Выросло новое поколение молодежи, осознающее свою силу. Они считают, что общество несет ответственность перед ними, а они сами не имеют никаких обязательств перед страной. Они входят в активную жизнь позже, чем это было в прошлом, и в период своей социальной незакрепленности они склонны к крайним и иррациональным действиям.

[...]

Помпиду. Оставим в стороне частные объяснения, такие, как время года, способствующее нервному возбуждению, и представление деклараций о доходах, не вносящее успокоения. Бесспорно, голоса репатриантов на юге страны лишили нас доброго десятка парламентских мест.

Но суть происшедшего — это объединение всех партий против нас. Когда голосование не касается генерала де Голля лично, поддержка нам значительно ослабевает.

В 1962-м нас поддержало 37 процентов и, ко всеобщему удивлению, этого оказалось достаточно, чтобы смести оппозицию. На последних выборах нам удалось удержать тот же процент и даже немного его увеличить. Это похоже на чудо. Однако победные интонации, прозвучавшие после первого тура, оказались губительными. Поэтому надо спрашивать себя не о том, почему мы потеряли голоса, а о том, почему мы их приобрели.

То, что было сказано по поводу голосов рабочих, неточно, и Гогель это доказал. Мы лишились, прежде всего, голосов тех групп населения, которые находятся под угрозой: крестьян, мелких коммерсантов, наемных рабочих шахт, черной метал-

лургии, морских верфей. Все, что мы делали для их поддержки, результатов не дало. Страх оказался сильнее удовлетворения. Но там, где дела идут нормально, мы не потеряли голосов рабочих. (Иначе говоря: проблема состоит не в «условиях существования рабочих», как говорит и повторяет Генерал, а в экономической конверсии.)

Что делать? Правые к объединению не способны. Можно немного поправить дела за счет крестьян и коммерсантов... Но мы оказались в трудном положении, потому что против нас обернулись одновременно и слабые попытки перемен, и глубокое желание вернуться назад.

Очень досадно, что снова воскресла обманчивая вера в левых. Это — миф! На юге страны левые занимают исключительно реакционные позиции. У Ролана Дюма был в качестве заместителя председатель комитета Тисье-Виньянкура. Надо разрушить этот миф. Политическая работа депутатов так же важна, как работа правительства: именно таким образом мы спасли положение на Роне, в Финистере.

О социальной политике не надо толковать вкривь и вкось. Если не сводить ее к разговорам, то она потребует очень длительных усилий.

ГдГ. В избирательной борьбе нет ничего привлекательно-го или вдохновляющего. Она подействовала на вас, вызвала у вас меланхолическое настроение.

Но если рассмотреть положение в целом, разве мы отступили по сравнению с 1962 годом? Нет. Мы даже несколько улучшили процентное соотношение. Это факт, притом, что избирательный корпус возрос на три с половиной миллиона человек. Из них мы получили два миллиона, а коммунисты — один.

Таковы факты. Они тем более красноречивы, что у страны были только мелкие проблемы. Ей ничто не грозило ни извне, ни изнутри, и избирателям не нужно было высказываться ни по поводу Государства, ни по поводу Франции, ни по поводу генерала де Голля.

Страна проходит фазу мутаций. Отсюда — резкость словесных баталий. Здесь социалисты и коммунисты — непревзойденные мастера, они чувствуют себя, как рыба в воде. Но с 1940 года кто добивался каких-то изменений в социальном положении, в

народном образовании или даже в сельском хозяйстве? Только мы. В свое время у меня было ощущение, что я — единственный революционер. Да и сейчас это так. Страна потрясена изменениями, которые производим мы. Поэтому, когда страх исчезает, берет верх стремление к переменам. Страх нас сплачивает, стремление к переменам — разделяет.

Федерация появилась как нечто новое. Полковник де ла Рок, в свое время, — это тоже было что-то новое. И RPF. И Мендес. Но новизна проходит. И потом, все это — только слова. Опозиция может шуметь на площади, но она не способна изменить положение вещей. Способны на это только мы.

Не всем это нравится. Но так уже бывало в прошлом. Вспомните о положении Франции при Людовике XIII и Ришелье. Если бы Франция тогда голосовала, она проголосовала бы против Ришелье! Для французов главное — проголосовать против...

Но сейчас дело до этого не дошло. В Национальном собрании существует большинство. Избрано Национальное собрание новой Конституции. Правительство имеет в нем превосходство, оно вносит законопроекты, и оно может использовать страх избирателей перед возвратом к прошлому.

Перевес большинства оказался минимальным, чего я не ожидал. Я не предполагал, что мы потеряем более двадцати мест. Но если бы наши противники получили большинство, это было бы негативное большинство, оппозиционное большинство. У него нет будущего.

При всем том, мы могли бы добиться большего. Это относится и к организации, и к выбору кандидатов. Но когда приобретение или потеря 35 мест в Парламенте зависит от перевеса в 20 тысяч голосов, о чем тут говорить?

Главным, и на сегодняшний, и на завтрашний день, остается то, что наш электорат не уменьшается, что наши голоса от нас не уходят, зато приходят новые, что оппозиция раскалывается, как только приходит время действовать, — но о том, чтобы действовать, они даже и не думают! Ни Миттеран, ни Мендес, ни Ги Молле не говорят стране, что нужно делать. Нельзя передавать Францию в их руки.

Что касается большинства, Бога ради, пусть оно сохраняет единство! Речь идет не о том, чтобы принуждать депутатов,

но о том, что раскалывание большинства было бы антинациональным действием.

В конечном счете, судьба страны — в ее руках. До сих пор страна сама себя не предала. Спасибо, господа. Совет состоится в следующую среду».

Пожимая руки на прощание, Генерал шутливо замечает, обращаясь к Эдгару Фору и ко мне: «Итак, вы, в конце концов, выиграли свои выборы? Жаль, а то бы мы посмотрели, как действует Конституция». И проходит дальше.

Мы с Эдгаром некоторое время пытаемся осмыслить это высказывание. Очевидно, эта парадоксальная фраза означает, что поражение на парламентских выборах дало бы возможность задействовать все те положения Конституции, которые позволяют управлять страной, не имея большинства в Национальном собрании. Но в таком случае, насколько были бы готовы депутаты смириться с тем подчиненным положением, которое он стремился бы им навязать?

20. «Правительство продолжает свою работу»

Совет министров, 12 апреля 1967.

Первое заседание вновь созданного правительства. Все мы испытываем примерно одно чувство: как если бы мы чудом избежали дорожной катастрофы. Генерал сохраняет свою обычную невозмутимость.

ГдГ. «Правительство продолжает свою работу. Оно идет тем же путем и к той же цели. Я приветствую новых министров, а также старых, независимо от того, сохранили они свои посты, или переместились на другие. Глава государства удовлетворен составом правительства: оно обладает всем, что нужно, чтобы руководить, действовать, направлять политику Франции.

[...]

Положение вам известно: нет никакой угрозы, ни изнутри, ни извне. Политическая ситуация довольно неопределенна. Когда ничто не принуждает французов к сплочению, они проявляют свою склонность к спорам и необдуманным действиям. Поэтому мы должны проявлять бдительность.

Самое важное явление современности — это трансформация мира, в котором мы живем, и адаптация Франции к этому изменившемуся миру. Под влиянием конкуренции и духа времени меняются структуры промышленности и сельского хозяйства. Все перемены взаимосвязаны, что ставит вопрос о занятости и вопрос о взаимоотношениях между производителями. Министр экономики напомнил о финансовых императивах. Существуют также социальные императивы: правительство должно энергично действовать в этой сфере.

Нужно принять меры в области информации. Мы не должны извиняться и отвечать на любой выпад; но необходимо ставить страну перед реальностью во всей ее сложности, со всеми ее трудностями.

Из всего этого вытекает задача правительства: действовать. Что же касается парламентского большинства, то только на него и можно опираться в нашей стране. Остальные (он имеет в виду оппозицию) пусть себе выступают с претензиями.

Большинство должно соблюдать обязательства по отношению к самому себе. У него должна быть одна организация на всю страну. Не нужно создавать никаких организаций на будущее, про запас. Вы понимаете, о чем я говорю, но это так, между прочим. (Жокс бормочет: «То, о чем он говорит «между прочим», всегда оказывается самым важным».) Поскольку все, кто составляет большинство, были избраны вместе, под одним наименованием, они и должны оставаться под этим наименованием. Иначе это будет жульничество, манипулирование результатами всеобщего голосования».

Это — камушек в огород Жискара, которого уже нет среди министров: он предпочел уйти и создать свою собственную группу под названием «Независимые республиканцы».

[...]

На первых же заседаниях нового Совета министров, сформированного после парламентских выборов в марте 1967-го, мы могли констатировать, что ослабление проправительственного большинства в Национальном собрании ободрило профсоюзы: весна обещает быть жаркой.

[...]

Совет министров, 19 апреля 1967.

Жанненэ. «В Париже все спокойно, в Лионе утихает. Но в Сен-Назере, Лотарингии и в Дюнкерке на заводах «Юзинор» положение тревожное. В Сен-Назере мы пришли к соглашению с профсоюзами, с оговоркой, что они еще проведут консультации на местах. При опросе 86 процентов рабочих высказались против возобновления работы. Солидарность с забастовщиками — это реальность, даже если она достигается методом запугивания. В Лотарингии страх перед безработицей более обоснован. Забастовки начались среди горняков и распространились на черную металлургию. По данным префекта, движением управляют извне.

Помпиду. Информация и действия должны варьироваться в зависимости от обстоятельств. В Лотарингии сложилась специфическая ситуация. Для ее преодоления надо обратить внимание на общественный порядок и на свободу труда. В Сен-Назере — это чистое безрассудство. Договор, подписанный в Париже, натолкнулся на неистовство, воцарившееся на местах. Правительство должно устраниваться от участия в этом деле. Забастовка, в конце концов, прекратится. Но нужно, чтобы там как можно реже появлялись люди в мундирах. Мы имеем дело с чем-то вроде восставшей Коммуны. Постараемся изолировать конфликты, которые CGT стремится объединить.

ГдГ. Не будем терять хладнокровия из-за 100 тысяч забастовщиков на десять миллионов трудящихся. То, что происходит в Лотарингии, наиболее тревожно и требует внимания. Там возникли специфические проблемы, которые надо решать и поскорее. Не нужно, чтобы возникло ощущение, будто после возобновления работы все останется, как было. Суть проблемы в том, что шахтеры не знают, что их ожидает и в ближайшем, и в более отдаленном будущем.

В Сен-Назере совершили ошибку, позволив «Дассо» увеличить месячные выплаты, подняв их до уровня Парижа. И вот последствия. Этот процесс надо остановить.

В отношении информации. Рассчитывать надо не на газеты, а на ORTF и, с другой стороны, на наших местных представителей, которые не должны поддаваться демагогии. Парламентское большинство обязано исполнять свой долг».

«*Не будем терять хладнокровия*». Генерал и его премьер-министр мыслят в одном направлении, расходясь, быть может, в каких-то нюансах. Генерал думает о том, чтобы уменьшить воздействие событий на общественное мнение в целом. Помпиду более озабочен тем, чтобы принимать меры по каждому кризисному очагу в отдельности. И особенно его тревожит то состояние умов, которое Жанненэ охарактеризовал как «мессианское»: он хочет избежать соприкосновения между возбужденными рабочими и силами порядка...

Ретроспективно эти события в провинции выглядят как репетиция, с опережением на год, того, что будет происходить в Париже в мае 1968. Включая и тактику Помпиду, этого нового Фабия Кунктатора⁴².

Совет министров, 25 апреля 1967.

Жанненэ рассказывает о вспышках насилия, которыми сопровождалось окончание стачек:

«Причина этих вспышек в том, что профсоюзы разделены и стараются переплюнуть друг друга, а также в неопытности рабочих, которые за последние пятнадцать лет разучились бастовать и не знают, как выйти из стачки.

ГдГ. Надо информировать рабочих. Информировать постоянно, чтобы они были в курсе дел и тех трудностей, с которыми сталкивается их предприятие. Именно для этого мы создали заводские комитеты, а не только для того, чтобы они занимались новогодними елками и летними лагерями. Но комитеты не выполняют того, чего мы в праве от них ожидать».

Совет министров, 3 мая 1967.

Жанненэ. «В Сен-Назере наступило успокоение, рабочие, получающие ежемесячную зарплату, согласились с предложениями, которые были им сделаны три недели тому назад. Так что три недели они потеряли впустую.

ГдГ (возвращается к своей навязчивой идее). Надо лучше организовать информацию, и не только по отношению к широкой публике, но и по отношению к самим рабочим. Надо объяс-

нить, что наша экономика живет в условиях конкуренции, и никуда от этого не денешься».

Он слишком уважает рабочих и не сомневается, что, после того, как их хорошо проинформируют, они согласятся с «очевидностью».

Совет министров, 12 июля 1967.

Редко бывает, чтобы проект закона представлял сам премьер-министр. Но в данном случае Помпиду решил сделать это лично, принимая во внимание нетерпение Генерала и то значение, которое он придает закону об участии трудящихся.

Помпиду. «Мы приступаем к реформе, контуры которой содержались в речи Генерала, произнесенной в Сент-Этьене⁴³. Уже тогда он выдвинул задачу: заменить классовую борьбу заинтересованностью трудящихся в результатах работы предприятия. Указ 1959 года открыл перед предприятиями такие возможности. Предлагаемые меры носили факультативный характер, государство ограничивалось предоставлением налоговых льгот. Однако эта мера не встретила особого отклика. Возражения исходили как от патроната, так и от профсоюзов: и те, и другие главное значение придавали зарплатам. Вопрос снова оказался на повестке дня, когда была проголосована поправка Валлона. Мы создали комиссию Матэ, которая представила добросовестный, но разочаровывающий доклад. (Еще бы: в нем предлагалось отказаться от предполагаемой реформы.)

В чем состоит наш проект? Во-первых, создать обязательный режим для относительно значительных предприятий, насчитывающих более ста оплачиваемых работников. В менее значительных продолжает действовать факультативный режим.

Затем, будут предложены на выбор три формулы участия.

Распределение среди работников части акций предприятия; это касается только тех предприятий, акции которых котируются на Бирже.

Либо создание на предприятии инвестиционного фонда, к участию в котором будут привлекаться наемные работники в форме выдачи им облигаций.

Либо в виде выдачи наемным работникам ценных бумаг национального фонда, инвестирующего капиталы в чисто французские предприятия. Недостаток последней формулы состоит в том, что трудящиеся привлекаются к участию не *обязательно на своем* предприятии, но это — единственный способ расширить систему на малые и средние предприятия.

Должны соблюдаться два принципа:

- не будет совместного управления предприятиями;
- поскольку деньги пойдут на инвестиции, наемный рабочий получит их в свое распоряжение не сразу, а с отсрочкой в несколько лет.

Остаются две проблемы. Первая: на какой основе рассчитывать суммы, причитающиеся наемным работникам? Я полагаю, на основе налогооблагаемого дохода. Господин Дебре ищет какую-то другую основу, но я в этом отношении настроен скептически. И вторая: кто будет делать выбор между тремя предлагаемыми формулами? Очевидно, заинтересованные стороны путем взаимной договоренности. Но будет ли это происходить в рамках комитета на предприятии, или путем переговоров с профсоюзами?

Дебре. К расчетам на основе налогооблагаемого дохода я, действительно, отношусь сдержанно. Я опасаясь возникновения юридических споров и, в результате, разочарования для всех. Поэтому я ищу другие решения.

Эдгар Фор. От этой реформы зависит судьба большого политического и философского вопроса. Классовая борьба уже давно является для нас слишком обременительной. Мы должны добиться успеха, а для этого нужны простые и легко применимые формулы. Разнообразие — хорошая вещь, она соответствует сути этой реформы, которая является необратимой по своим целям и экспериментальной по способам осуществления.

ГдГ. Господин Эдгар Фор очень хорошо сказал то, что надо было сказать. Профсоюзы эксплуатируют классовую борьбу. Мы же хотим ее преодолеть. Классовая борьба ведется вокруг заработной платы: это прекрасная основа для выдвижения требований. А нам нужна такая основа, на которой встретились бы интересы капитала и труда: и это — инвестиции. Уже сейчас можно констатировать, что на предприятиях, где рабочие заин-

тересованы в результатах труда, производительность повышается. Пора доводить дело до конца. Какие у нас сроки?

Помпиду. Проект указа должен быть представлен Совету министров 31 июля и, после того как он будет одобрен Государственным Советом, может быть принят Советом министров 9 августа».

Совет министров, 31 июля 1967.

Сроки соблюдены: нам представлен текст проекта, мало отличающийся от того, что мы слышали 12 июля. Налогооблагаемый доход оставлен в качестве основы для расчетов.

Рассмотрение этого хорошо подготовленного текста споров не вызывает, и Генерал подводит итог, еще раз возвращаясь к своей любимой идее.

ГдГ. «Приобщив таким образом трудящихся к доходам предприятия, мы можем ожидать реального увеличения производительности труда.

Благодарю вас. Этот указ потребовал большой работы, и мы высоко оцениваем его качество. Речь идет о том, чтобы, в результате всех этих мер, создать новый социальный порядок⁴⁴».

Однако не новый порядок, а новый беспорядок, возникший несколько месяцев спустя, побудил Генерала сделать следующий шаг, который снова вызвал двойное сопротивление — и со стороны профсоюзов, и со стороны хозяев.

Совет министров, 22 ноября 1967.

Жанненэ. «После сезона отпусков социальная ситуация спокойная. Может быть, потому что положение с занятостью несколько ухудшилось. Количество ищущих работу увеличивается более чем на три тысячи каждый месяц.

Миссоф. Процент молодежи среди безработных растет. 30 процентов от общего количества безработных составляют молодые люди в возрасте от 17 лет до 21 года.

Ширак. Мне кажется, что цифра в 30 процентов завышена.

Миссоф. Она именно такова.

Помпиду. СГТ пыталась поднять движение протеста против наших проектов по социальному обеспечению. Ничего у

них не получилось. Они должны были пересмотреть свои установки. В области занятости положение не благополучно. Это — феномен общего характера: и в Соединенных Штатах, и в Великобритании, и в Федеративной Германии. В западных экономиках происходит замедление. Недовольство растет, даже если пока нет демонстраций. Молодым требуются рабочие места, и это нормально! Надо позаботиться, чтобы такие места нашлись. Например, наш указ запрещает молодым работать более сорока часов в неделю. Это очень мешает их найму. Надо сделать это правило более гибким».

Теперь, тридцать лет спустя, я перечитываю эти строки с удивлением: майские события 1968 года показались нам такими неожиданными, а между тем уже в 1967 году прозвучали голоса, отмечавшие скрытое состояние недовольства в обществе, особенно среди молодежи.

[...]

Совет министров, 6 марта 1968.

В конце заседания, без какого-либо повода в повестке дня или ходе обсуждения, Генерал выступает с неожиданным и необычным заявлением.

ГдГ. «Происходит политическое обострение. Нужно правильно оценить его масштабы и не опускаться до уровня представителей оппозиции, которая не предлагает ничего конструктивного и практически применимого, а ограничивается предъявлением требований и полемическими наскоками.

Правительство должно укреплять свои позиции, делая то, что нужно делать.

Нужно превратить Францию в индустриальную страну, каковой она до сих пор не являлась. Нужно использовать Европу и внутриевропейскую конкуренцию, чтобы заставить наших промышленников идти вперед. Нужно поощрять демографическое развитие, которое успешно пошло в 1945 году, но затем замедлилось. Нужно заинтересовать трудящихся в результатах труда, потому что только так мы достигнем социального примирения и, на определенный срок, процветания предприятий.

Независимость: ее обеспечить можем только мы, и мы это делаем; это наш долг, и надо его исполнять.

Все это предполагает определенный политический режим, каковой и был создан; кто был его, как говорится, вдохновителем, вы знаете. Впервые за последние сто пятьдесят лет, этот режим позволил осуществить то, что надо было осуществить. Об этом надо сказать ясно и прямо.

Можно копить претензии и заниматься демагогией. Но на этом нельзя строить работу правительства. Это невозможно. Следовательно, этого не будет.

Единственное, что имеет значение, — это действия правительства, решающего все главные вопросы, ибо только оно обладает властью решать. Все остальное не имеет значения.

Вот что я хотел вам сказать. Пусть правительство будет правительством. Только оно имеет право управлять. Это его работа. И делать ее надо в полном объеме.

И еще: надо высоко нести наше знамя. Да мы и не собираемся прятать его. Пятая Республика была создана в определенном духе, для достижения определенных целей.

Мы должны ответить на упрек, который нам часто адресуют: что Пятая Республика произошла из 13 мая*. Да, так оно и есть: как Третья Республика возникла из крушения Второй Империи, так и Пятая Республика возникла из ситуации, которую Четвертая оказалась не в состоянии преодолеть».

21. «Вы поставлены во главе армии»

6 апреля 1967, суббота.

Помпиду сообщает мне по телефону, что я покидаю министерство научных исследований и назначаюсь министром народного образования: ни мотивировки, ни настроения его министров премьер не интересуют. Помпиду ведет себя теперь, как настоящий глава Кабинета. Генерал вряд ли повторил бы сегодня то, что он мне сказал в 1962 году: «Глава правительства — это я».

* 13 мая 1958 года произошло восстание в Алжире.

Для меня, как и для многих других, на протяжении последних четырех лет Народное образование было не отделимо от сильной фигуры Кристиана Фуше. Хотя министр и его подопечные жили не слишком мирно. Но чем больше на него нападали, тем большую поддержку он, казалось, получал со стороны Генерала и со стороны общества. Однако, если смотреть изнутри, становилось ясно, что Генерал был не удовлетворен тем, как проводили реформы Фуше или Помпиду, или оба они вместе. Его раздражение прорывалось иногда на Совете министров.

[...]

Золотой салон, 13 апреля 1967.

Сразу после моего назначения министром Народного образования Генерал вызывает меня для беседы.

ГдГ. «Вы поставлены во главе огромной армии.

В министерстве науки вы отработали хорошо. Однако там вам не надо было командовать напрямую. Вы давали импульсы и инструкции организациям, которые находились под вашей опекой, но которые обладали автономией и за повседневной работой которых вы не обязаны были следить. Это были спутники, которые вращались вокруг вас. На этот раз вы становитесь во главе армии. Конечно, у вас администрация, иерархия, генеральный секретарь, директора. Но командуете вы, и только вы. Вы отвечаете за миллион функционеров и за десять миллионов школьников и студентов. Это намного больше, чем национальная армия: теперь в любой из них не насчитывается больше 500 тысяч. Кроме того, в армии дисциплина, а я не уверен, что ваши деканы и профессора будут вам подчиняться».

Генерал всегда придает большое значение организации командования. Он прекрасно чувствует разницу между структурами двух министерств: с одной стороны, четко направленное и легкое в управлении министерство науки, с другой — самый громоздкий мастодонт Республики.

Но он призвал меня не для того, чтобы прочесть мне курс сравнительного администрирования. И избрал он меня не благодаря моим талантам управленца и администратора: по этому поводу он торопится успокоить самого себя, заявив, что функционеры подчиняются приказам, или обязаны подчиняться.

Он продолжает: «Ваша задача огромна, от нее зависит будущее нации, а сформулировать ее я мог бы в одном слове: ориентация. Разумеется, в этом направлении уже кое-то предпринято. Заложены принципы. Предусмотрены специализированные экзамены на звание бакалавра*. Решено создать колледжи, которые позволят учащимся разного происхождения выбирать любое направление для их будущей деятельности. Созданы технические лицеи и колледжи. Я не знаю, насколько удалось продвинуться в этом деле. Созданы при университетах технологические институты (IUT). Во всяком случае, они созданы на бумаге. Хотел бы я знать, пошло ли дело дальше и насколько. Осуществлена специализация образования. Но и сейчас мы не можем воспрепятствовать тому, что молодые французы валом валят на факультеты, где большинству из них нечего делать и не на что надеяться.

АП. В нашей стране миллион студентов, тогда как в Англии их 250 тысяч, а в России — 400 тысяч.

ГдГ. Вот именно, необходимо не остановить эту волну, но направить ее в полезном направлении. Это — гигантская и очень трудная задача.

АП. Тем более трудная, что преподавательский состав относится к этим идеям отрицательно. Он замкнулся в своем гетто.

ГдГ. Преподаватели всегда смотрели на себя как на людей вне нации. Надо включить их в нацию. Надо довести до их сознания, что они являются составной частью национальной реальности и что они, как и все другие, должны к ней приспособиться. А иначе — какая неразбериха! Какая растрата средств и национальной энергии!

[...]

Нам надо будет посвятить отдельное заседание проблеме ориентированного обучения. Надо направить молодежь так, чтобы это соответствовало национальным интересам. Сделать так, чтобы реформы, которые пока еще остаются на бумаге, обрели силу. Надо проинформировать и родителей, и учеников о выборе, который предстоит сделать всем. Нужно, чтобы каждый нашел свой путь, соответствующий его собственным воз-

* Экзамены, проводимые после окончания колледжа.

возможностям. Но сохраните известную гибкость: тот, кто блистает в 14 лет, может погаснуть к 19-ти; или же, наоборот, тот, от кого ничего не ждут в 14 лет, в 19 раскрывает свои возможности. Надо сделать так, чтобы разграничения не были слишком жесткими, чтобы можно было вносить поправки.

В сущности, проблема количества практически решена. Это хорошо. Но теперь надо приступить к изменению качества. А это — совсем другое дело. Школа и университет поражены склерозом. Они не способны сами реформировать себя. Вы должны их к этому увлечь.

АП. Надо, чтобы преподаватели и учащиеся позволили себя увлечь. Нет области, к которой более подходил бы выдвинутый вами принцип участия.

ГдГ. Мы находимся в начале срока вновь избранного Парламента. Если не принимать в расчет всегда возможные неожиданности, вы имеете в своем распоряжении пять лет: пять лет работы Национального собрания и пять лет, остающиеся от моего президентского срока. За пять лет можно многое сделать, даже если речь идет об эволюции сознания!».

Часть VI

БУРНЫЙ 1968 ГОД

1. Дневник студенческих волнений

Октябрь 1967 — январь 1968

Нантер, октябрь 1967.*

В Нантере, сразу после осеннего возобновления занятий, группа студентов ежедневно занимается агитацией под лозунгом «мир во Вьетнаме», проводит собрание за собранием, распространяет листовки. Они сеют беспорядок, прикрываясь званиями, которые никто не оспаривает. Что их интересует на самом деле: мир во Вьетнаме или беспорядки на факультете?

Латинский квартал, 10 ноября 1967.

Вчера вечером бурная манифестация состоялась на улице Суфло. Три тысячи очень возбужденных студентов кричали: «Нет — отбору!». Имелся в виду вовсе не наш проект, который мы пока еще только разрабатываем в тиши кабинетов, но наплыв абитуриентов на подготовительные курсы медицинского факультета.

Я звоню Данно¹: «Разве вы не озабочены резкими столкновениями между манифестантами и полицией на улице Суф-

* Город в восточном предместье Парижа, где расположены филологический и другие гуманитарные факультеты Парижского университета, а также студенческие общежития.

ло? Есть ли у вас информация о группах экстремистов, которые, как говорят, призывали к актам насилия и осуществляли их?

Данно. Конечно. Префектура полиции следит за ними и ежедневно вносит их в картотеку. Я могу сказать, чтобы карточки пересылали также и вам».

С этого вечера я стал получать эту ценную информацию, наряду с оповещением Елисейского и Матиньонского дворцов, Министерства внутренних дел и Министерства юстиции.

Перебирая коллекцию этих карточек², невозможно не восхищаться точностью информации, тонкостью анализа, глубиной проникновения в студенческую среду.

[...]

17 ноября 1967 года студенты социологического факультета объявляют стачку, которая в последующие дни приобретает все больший размах. Они требуют, равенства сертификатов, выдаваемых студентам, не закончившим полный курс, независимо от того, сколько лет они проучились. К этому добавляется требование участия студентов в советах на факультетах и отделениях. Движение более или менее направляется UNEF³, который в Нантере находится под контролем коммунистов, а также «Христианским сообществом». После десяти дней споров, расширения стачки, сорванных лекций, превращенных в дискуссии, после встречи в большом амфитеатре Грапена⁴ и двух тысяч студентов, декан разрешил, по согласованию со мной, создание «комитетов связи».

Нантер, 8 января 1968, понедельник.

В сообщении из префектуры полиции подчеркивается, что «около пятидесяти студентов позволили себе враждебные выкрики в адрес г. Мисоффа, министра по делам молодежи и спорта». В сообщении приводятся высказывания некоего Кон-Бендита по этому поводу: «Постройка спортивного центра — это гитлеровская уловка, чтобы увлечь молодежь спортом и отвлечь от реальных проблем, в то время как необходимо в первую очередь обеспечить половое равновесие студента». В сообщении уточняется: «Вышепоименованный субъект уже обратил на себя внимание на факультете в Нантере активным участием во всех происходивших там манифестациях. Его личные взгляды

ды, по-видимому, увлекают его по пути самого полного анархизма, поскольку он также отличился призывами к саботажу выборов административных советов «Федерации студенческих групп Нантера».

Надо воспользоваться представившимся случаем. Я звоню Мисоффу:

«Тип, который вчера напал на тебя, немец⁵. Базовый принцип состоит в том, что иностранец, пребывающий во Франции, должен соблюдать нейтралитет. Ты не можешь позволить, чтобы в твоём лице оскорбляли Республику. Надо начать процедуру его высылки⁶.

Мисофф. Ты шутишь! Выслать студента только за то, что он выкрикнул в мой адрес несколько резких слов? Я рассмешил всех собравшихся, сказав, что, если у него проблемы с сексом, то лучше всего ему поплавать в бассейне.

АП. Но он снова взял слово и сказал, что твоя реплика — типично гитлеровская.

Мисофф. Это шалости. Не обращай внимания».

Я звоню Данно и объясняю ему, что Мисофф хочет отмахнуться от этого дела, но что я с ним не согласен. Я настаиваю, чтобы Кон-Бендит был выслан, даже если Мисофф и не хочет — что я вполне понимаю — выступить здесь инициатором.

После обсуждения, Данно советует мне действовать через комиссариат полиции в Нантере: «Пусть они проявят инициативу с тем, чтобы Кон-Бендит предстал перед Комиссией по высылке в префектуре полиции. Это будет соответствовать обычному порядку. Мы сделаем все необходимое».

Кан (в Кальвадосе), 18 января 1968.

Во время визита в Канский университет я вхожу в большой амфитеатр, где собрался весь преподавательский состав.

В момент, когда я подхожу к трибуне в сопровождении ректора и декана, легкий шум заставляет меня поднять глаза. Не успеваю я сообразить, что же происходит, яйцо разбивается о рукав моего соседа. Не обращая на это внимания, мы открываем собрание. Один друг впоследствии мне скажет: «На несколько сантиметров точнее, и тебя прозвали бы министром тухлых яиц, подобно тому, как Ги Молле стал человеком алжирских помидоров!».

Не лишенный воображения левый активист сумел забраться на чердак, пролезть в пространство подвесного потолка, проползти по нему так, чтобы оказаться на одной вертикали с нами и достаточно ловко бросить свой снаряд. Поймать нарушителя не удалось, да никто и не пытался.

Этот фарсовый эпизод показал: некая форма насилия вторглась в мою жизнь.

Нантер, 27 января 1968.

Процедура высылки Кон-Бендита идет своим путем, но дело это оказалось не легким. Несколько десятков *бешеных* собрались вчера и громко вопили, требуя, чтобы процедура была прекращена. Декан Грапен попросил у комиссара нантерской полиции прислать автобус с блюстителями порядка, чтобы положить конец безобразиям. Едва выйдя из автобуса, полицейские оказались в окружении враждебной толпы. Они поспешили убраться, сопровождаемые шуточками тысячи студентов.

Грапен потрясен этим инцидентом. По его словам, в начале было всего несколько нарушителей порядка, но к ним присоединилась масса студентов, «стоило только появиться полиции». Его самого за то, что он вызвал полицию, подвергли нападкам: «Грапен — нацист». Бывшему участнику Сопrotивления было трудно переварить такое оскорбление⁷.

Присутствие полиции играет роль катализатора: это необходимая и достаточная причина, чтобы между студентами возникло единство... Аналитики из префектуры полиции опасаются, что «конкуренция между различными левыми формированиями внутри факультета не только не успокоит умы, но, напротив, рискует вызвать опасную эскалацию».

Я звоню Фуше* рано утром. К случившемуся инциденту он относится философски. Он посмотрелся подобных происшествий в течение четырех с половиной лет, пока занимал должность министра народного образования. «Теперь мне приходится видеть кое-что похлеще, — говорит он мне. — Могу расска-

* Фуше получил портфель министра внутренних дел вместо портфеля министра народного образования.

зять о столкновениях во время рабочей манифестации в Кане. Это была настоящая драка, а рабочие — вот кто настоящие драчуны. Это беспокоит меня всерьез. А в Нантере — это детские выходки».

Февраль — март 1968

Париж, февраль 1968.

Буррико⁸, прекрасный знаток иностранных университетов, говорит мне: «Не жалуйтесь на возбуждение, царящее среди наших студентов. Несомненно, мы — одна из немногих стран мира, где они относительно спокойны. То, что произошло в Соединенных Штатах, Японии, Германии, распространилось на Испанию, Бельгию, Голландию. Посмотрите на страны Востока, на Латинскую Америку. Повсюду студенты выступают с протестами. Часто они прибегают к невероятным актам насилия. Кон-Бендит заявляет, что они не хотят реформировать общество, а хотят его разрушить. Будьте счастливы, что у нас они ограничиваются словами».

Париж, февраль 1968.

Комитеты действия лицейстов (*Comité d'action lycéen* — CAL) начинают сеять возбуждение в лицеях парижского района. Их действия по-новому агрессивны. Во имя «мира во Вьетнаме» они шумно требуют права на проведение политических мероприятий в стенах лицеев. Инциденты имели место в лицеях Бюффона и Кондорсе, откуда был исключен один ученик.

Нантер, 13 февраля 1968, вторник.

Центром возбуждения в Нантере является университетское общежитие.

Роль заводил играют активисты FRUF⁹. Они приняли решение, что, начиная с завтрашнего дня, правила внутреннего распорядка больше не будут соблюдаться, и что студенческие пикеты будут обеспечивать свободное передвижение девушек и юношей на всех этажах. Таким образом, общежитие будет свободно от контроля администрации и одновременно оккупировано активистами.

Совет министров, 14 февраля 1968.

Я попросил поставить на повестку дня мое сообщение о студенческих волнениях, особенно в общежитиях; при этом я воздержался от предварительного оповещения моих коллег и порт-пароля, желая сохранить секретность и не давать оружия тем, кто стремится к конфронтации между правительством и студентами, между режимом и молодежью.

АП. «Данный феномен является не специфически французским, но интернациональным. Уже на протяжении многих месяцев, и особенно в последние недели, ощущается смутное возбуждение, часто сопровождаемое насилием, — в Германии, Японии, Венесуэле, Праге, Мадриде, Амстердаме, Квебеке, Монреале, Риме, Лувене и Алжире. Эти волнения в течение последних месяцев не обошли стороной ни Соединенные Штаты, ни Советский Союз, где раздавались протесты против осуждения писателей, ни Китай с его Пекинским университетом, играющим роль «стального наконечника» культурной революции.

Некоторые из этих движений в какой-то мере вписываются в уже существующую традицию. В Мадриде и Праге — это форма борьбы за политическую свободу. В Лувене и Монреале речь идет о требовании языкового равенства, то есть о равенстве национальном. В других странах эти движения приобретают совершенно иной характер. В либеральных и процветающих государствах они выступают с проповедью насилия, используя ее для личного самоутверждения, для выражения протеста или для воздействия на события. Три темы особенно охотно используются подстрекателями: сексуальная свобода, стыдливо именуемая «свободой циркуляции» или «правом на посещение»; стремление стать хозяевами на всем внутреннем пространстве университета («красная гвардия» в Лувене, партизаны «Красного Руди» в Гамбурге); и, наконец, вьетнамская проблема.

Каково же положение во Франции? В 1967 году произошли инциденты в Нантере, Нанте, Клермон-Ферране — во имя отмены внутреннего распорядка. FRUF объявила неделю действия: действия состоят в массовом вторжении юношей в корпуса девушек, а девушек — в мужские корпуса. В Ницце все началось с прокалывания автомобильных шин и осады дома директора общежития. В ближайшие дни последует продолжение.

Лозунги «свободной циркуляции» и «права на посещение» были выдвинуты задним числом, потому что они лучше всего обеспечивали присоединение колеблющихся. Но существуют также требования ничем не ограниченного права собраний и высказываний, права для профсоюзных и политических организаций студентов занимать какие угодно помещения, требования полного управления кредитами, выдаваемыми на культурные мероприятия.

Совершенно новый язык. Я должен процитировать: «последовательно парализовать функционирование университета, так как соглашаться с таким функционированием — означает смириться с выживанием системы, отвечающей существующим потребностям господствующего класса».

В лицах создаются «Комитеты действия лицеистов» с целью развертывания в масштабах всей страны кампании на тему «Нет — лицеям-казармам!», «Да здравствует свобода выражения!».

Активное меньшинство принадлежит преимущественно к JCR¹⁰, которая является частью троцкистской организации, а также к так называемым коммунистам-ленинцам, на деле — прокитайской ориентации.

Коммунистическая партия пока не решается ни последовать за движением, ни возглавить его. Можно, например, отметить, что мэр Нантера, коммунист, заявил декану Грапену, что компартия не имеет никакого отношения к манифестациям, проходившим две недели тому назад. Однако очевидно, что, если события приобретут размах, компартия не позволит, чтобы кто-то оказался левее нее.

Было бы опасно продлевать нездоровую ситуацию со свободой циркуляции, когда факты и предписания столь мало соответствуют друг другу. Был произведен подсчет количества девушек, выходящих из корпуса юношей, где они не имели права находиться: получилось 132! Поэтому лучше уступить реальности. Новый внутренний распорядок будет основан на двойном разграничении: парни и девушки; совершеннолетние и несовершеннолетние. Ни в коем случае юношам не будет разрешено посещать девушек, даже совершеннолетних; только совершеннолетним девушкам будет разрешено посещать совер-

шеннолетних юношей. И все должны возвращаться в свои комнаты к полуночи. Что же касается несовершеннолетних девушек и юношей, то ответственность должны будут взять на себя родители: они смогут, если захотят, заявить просьбу о предоставлении их отпрыскам статуса совершеннолетних.

На будущее: опыт показывает, что изоляция студенческих общежитий является фактором расхлябанности и возбуждения, если только мы не в состоянии создать их по англосаксонскому образцу, где преподаватели живут среди своих воспитанников. Гораздо предпочтительнее, чтобы студенческие общежития были интегрированы в городскую среду.

Наконец, после консультаций с министром внутренних дел, я вчера разослал ректорам точные инструкции касательно условий, когда могут быть вызваны силы порядка.

ГдГ. Ваши общежития, в любом случае, — это рассадники анархии. Распространение агитации связано со слабостью ответственных лиц. Все уступают. Ни у кого не хватает смелости противостоять. И регламент не соблюдается. Вы предлагаете некое решение, но и оно не будет соблюдаться точно так же. Если вы принимаете меры, проследите, каковы их последствия. Иначе ничего не получится.

Фуше. Агитация не ограничивается общежитиями. Мы видим, как среди молодежи возникают организованные движения, действующие грубо, но неуловимо. В их агрессивности есть что-то необычное. Коммунистическая партия чувствует, что слева от нее появилась новая сила. С коммунистами можно прийти к согласию ради поддержания порядка. Но как найти общий язык с ультра?

Помпиду. Возникает некоторая путаница, надо разобраться. Есть частные проблемы, волнующие молодежь. В общежитиях образуются скопления молодежи вне городов. Если мы их создаем, сексуальная свобода возникает в них неизбежно. Такая же свобода нравов, как у скандинавов. Одно из двух: или министр народного образования продолжает проводить политику общежитий, или надо, чтобы студенты смешивались с городской жизнью.

АП. Такая политика, увы, стала фактом. На протяжении последних лет было построено 23 общежития...

Помпиду. Существует климат протеста и насилия; он охватывает всю современную молодежь. Существуют крайне левые, троцкистские течения. Мы это наблюдаем за границей. Они располагают материальными средствами и организациями. Они действуют согласованно и одновременно. Против этого течения надо действовать твердо и без колебаний».

Нантер, 14 февраля 1968, среда.

По данным полиции, произошло слияние между активистами UNEF и FRUF для достижения общей цели: «завоевания профсоюзных и политических свобод». Манифестация в таком духе назначена на завтра, в холле «В», в полдень, именно тогда, когда студенты будут выходить после зачетов, что должно обеспечить большое количество публики: может скопиться до тысячи студентов.

Интересно, что префектура, по-видимому, решила переложить на администрацию ответственность за возможные беспорядки: «любое неосторожное действие может развязать насилие и подстегнуть действия экстремистов». Между тем, такого рода действия внушают большое беспокойство: «Студенты, входящие в CLER¹¹, призывают к массовому вторжению протестующих студентов в помещения деканата, вплоть до захвата кабинета декана».

Вечером 14-го по распоряжению директора общежития обслуживающий персонал перестал препятствовать перемещениям студентов внутри корпусов. Сотни активистов взломали двери женского корпуса и вломались туда силой. Они оставались там до 22 ч. 30 мин., но небольшая их часть задержалась на всю ночь, чтобы гарантировать «свободу циркуляции»...

Нантер, 15 февраля 1968, четверг.

Состоялась классически шумная манифестация. После чего, как и было объявлено, около шестидесяти *бешеных* из CLER вышибли две двери, ведущие в административное здание («башню») и поднялись до 4-го этажа. «Тогда г. Грапен вышел из своего кабинета. Они вручили ему петицию, которую он отказался подписать».

Физическая смелость Грапена меня не удивляет. Активисты убралась, объявив, что отныне он один из тех, против кого будет направлена их *герилья*.

Раздраженные тем, что встретили сопротивление, они отправляются за подкреплением в кафе, где как раз время завтрака. Собрав вокруг себя около 300 человек, они отправляются в один из амфитеатров. Профессора психологии, пришедшего читать лекцию, встречают шуточками, оскорблениями и крутыми яйцами.

[...]

Кон-Бендита пока не удастся выслать, и словно для того, чтобы усилить мое сожаление по этому поводу, я получаю из префектуры полиции записку, в которой тонко анализируется деятельность этого персонажа: «С начала этого года группа студентов-анархистов, количественно не превышавшая пятнадцати человек, умудрялась более или менее прямо вызывать всевозможные беспорядки, а затем саботировать все попытки профсоюзов разобраться в созданных таким образом конфликтах... Их безудержная критика, полное неуважение к властям, постоянные эксцессы обнаружили наличие противоречивых тенденций внутри AFGEN¹²».

Карточка воспроизводит текст «Грапиньолы», «военной песни польских студентов в Нантере», осыпающей насмешками тех, кто наиболее близок к студентам: Грапена, Турена и Лефевра... [...]

Нантер, 24 февраля 1968, суббота.

Я должен сам составить себе представление о Нантере, притче во языцех.

Но если я извещу о моем приезде, администрация захочет оказать мне прием. Следствием чего могут оказаться беспорядки и даже столкновения. Хватит и одного инцидента с Мисоффом. Я решаю приехать туда во второй половине дня *инкогнито*.

Мы приезжаем на место, и мой шофер, африканец, соглашается меня сопровождать. Мы долго гуляем пешком между рестораном, общежитием, бассейном, амфитеатрами и аудиториями. Студенты попадают редко. Меня они не узнают.

Строительство библиотеки еще не завершено. Строительство социокультурного центра, о котором, по согласованию с Мишелем Дebre, я уже доложил Национальному со-

бранию, еще не начато: финансовый контролер упорно блокирует кредиты.

Может быть, именно такая обстановка толкает студентов на бунт? Может быть, они чувствуют себя в каком-то смысле покинутыми, предоставленными самим себе? Возможно, они слишком удалены от преподавателей и ассистентов, лишены контактов с ними? Или, наоборот, такие контакты оказались слишком прямыми? Как не обратить внимание на контраст с факультетом права, в том же общежитии: там и преподаватели, и студенты ведут себя очень спокойно, туда не доходит агитация с гуманитарных факультетов, и особенно — с факультета социологии, где преподают несколько выдающихся профессоров от революции?

Что за парадокс: в пучину беспорядка сползает факультет, где вокруг Грапена собрались профессора, известные своим авторитетом и горячим отношением к делу: Жан Бастье, Франсуа Буррико, Эрик де Дампьер, Анри Лефевр, Анни Кригель, Робер Мерль, Рене Ремо, Поль Рикёр! Все они стремятся работать по-новому в этом новом университете. [...]

Париж, 19 марта 1968, вторник.

В ночь с 17 на 18 марта в три американских учреждения (два банка и один офис TWA) подложены пластиковые бомбы.

Сегодня три группы мотоциклистов¹³, в касках, вооруженные дубинками, физически провоцировали полицию на площади Опера. Один из них разбил витрину «Америкен экспресс». Несколько активистов были задержаны полицией: среди них — один студент, Ланглад; вскоре мне сообщают, что он записан в Нантере.

Нантер, 22 марта 1968, пятница.

Ланглад — большая удача для Кон-Бендита. Это — связующее звено между агитацией в Нантере и городскими беспорядками в Париже, где уже с начала февраля происходят столкновения между несколько обескураженной полицией и весьма решительными революционерами-маргиналами. Кон-Бендит собирает всех нантерских *бешеных*, чтобы организовать «отпор» в ответ на «полицейские репрессии». Он предлагает захва-

тить какое-нибудь место, имеющее символическое значение. После дискуссии, решено, что это будет административная «башня», где на восьмом этаже расположен зал Совета факультета. Решено — сделано: в 20 часов революционеры весело рассаживаются вокруг стола в святой святых Университета.

Меня тут же об этом информируют. Я связываюсь с Фуше. Он решает, что полиция вмешается в 2 часа утра: *бешеные* сами себя загнали в ловушку. Но кто-то их предупредил, и в 1 ч. 45 мин. они улечиваются. Отныне они будут торжественно именовать себя «Движением 22-ого марта» наподобие «Движения 26 июля» Фиделя Кастро.

В манифесте Движения, составленном в ту же ночь, в частности говорится: *«Для нас главное — получить возможность обсуждать в Университете наши проблемы и действовать в соответствии с ними»*. Что же это за проблемы? *«Наступление капитализма, охваченного жаждой модернизации и рационализации. Репрессии господствующего класса»*. Цель — «критический университет» по берлинскому образцу¹⁴.

Париж, 23 марта 1968, суббота.

Я звоню Фуше: «Облава не удалась. Но еще есть возможность поймать самую большую рыбу. У нас не будет покоя, пока этот Кон-Бендит остается во Франции. Он буквально гипнотизирует своих товарищей. Его обязательно нужно выслать. Я об этом прошу уже целых два месяца. Он инстинктивно находит такие слова и положения, которые обеспечивают ему сочувствие. Молодежь находит его «прикольным»; он совершает всевозможные гнусные проделки, и все ему сходит с рук. Пришло время принять меры.

Фуше. Человек, который, подобно мне, четыре с половиной года просидел министром народного образования, знает, что университетские свободы — это табу. Территория университетов — табу. Любой университет и любой студент — табу. То, в чем вы обвиняете Кон-Бендита, совершается им в границах университета. Значит, надо, чтобы университетские власти не побрезговали этим заняться. Ваших деканов и профессоров я знаю, как свои пять пальцев. Они хотели бы, чтобы правительство и полиция сделали то, чего сами не решаются сделать. А

затем сами же станут нас упрекать за нарушения, допущенные нами по их милости. Надо заставить их принять на себя часть ответственности! Я обещаю вам выдворить его сразу же после того, как университетские власти примут решение о его исключении, так как с этого момента он перестанет находиться под защитой университетских свобод, — но никак не раньше».

Я не могу не согласиться с ним: высылка с французской территории может быть произведена только после исключения из университета. Теперь мяч на моей стороне поля.

Прямая высылка не помешала бы протестам. Но она стала бы совершившимся фактом, и в этом состояло бы ее преимущество. Она лишила бы протестующих их харизматического лидера. Длительная процедура исключения, напротив, придаст ему дополнительный героический ореол и подстегнет к новым выходкам в том же духе.

После разговора с Фуше я не стал обращаться к Помпиду, который позже выразит мне свое сожаление по этому поводу. Мне тоже потом придется себя в этом упрекнуть. Но разве можно было заранее знать, как все обернется? Даже вожди подрывных формирований не представляли себе, до какой степени успешными окажутся их действия. А все, кто нес определенную ответственность, сладко дремали, не тревожимые сомнениями. Мы все верили в крепость государства, созданного Генералом. Неужели его основы смогут потрясти несколько студентов, тогда как ни большинству армии, ни большинству политического класса это оказалось не под силу? Такое предположение представлялось немыслимым.

[...]

Инциденты в Нантере продолжают; в них теперь сталкиваются между собой маргиналы различных ориентаций — коммунисты, гошисты, легалисты из FNEF¹⁵, драчуны из «Запада»¹⁶. Частота и непредсказуемость мелких стычек этой герильи выбивают из колеи нормальную жизнь факультета и общежития.

Золотой салон, 25 марта 1968.

Генерал расспрашивает меня. Я чувствую, что он не столько обеспокоен, сколько заинтригован.

ГдГ. «Почему студенты так возбуждены? Что ими движет?»

АП. Их мутят марксисты, считающие, что коммунисты — это кролики, прикидывающиеся революционерами. Себя они считают настоящими бунтарями. Они хотят делать революцию, а не болтать о ней. Они хотят, чтобы она произошла немедленно, а не на греческие календы.

ГдГ. Их манифестации следует терпеть или запрещать?

АП. В зависимости от обстоятельств. Мне кажется, что их следует запретить на территории университета, который должен оставаться нейтральным. Но вне университета, в Мьютьюалите или даже на улице их можно терпеть, если договориться с организаторами, что их процессии не выродятся в нечто другое. Но это не мое дело, это компетенция Фуше и Гримо¹⁷. Они скорее склонны к терпимости.

ГдГ. Ну а вы-то что собираетесь практически предпринять?

АП. Что я могу предпринять? Университетские власти, ректор и деканы, не хотят — да и не могут — применять силовые меры, если не получают консенсуса в университетских советах. Но профессора разделились на ястребов и голубей. Университетская система основана на идее, что каждый, будь то профессор или студент, уважает распорядок, играет по правилам. Но эти типы ничего не уважают и бросают вызов властям. Университет не располагает внутренними силами, чтобы защитить себя от этих людей, стремящихся его разрушить.

ГдГ. Итак, что вы предлагаете?

АП. Я думаю, что полиция и правосудие должны исполнить свой долг. Они успешно освободили нас от OAS; почему бы им не поступить так же и с гошистами? Они могут воздействовать на них посредством обысков, слежки, телефонного прослушивания, выемки архивов, короче — преследовать их, парализовать и напугать. Это не моя область, но для чего служит Суд государственной безопасности? Разве не для того, чтобы устранять подрывные элементы? А ведь мы имеем дело с подрывными действиями.

ГдГ. Вы думаете? Эти мальчишки? Эти шуты? Ну, ладно, я поговорю с премьер-министром».

Завтрак в Матиньонском дворце, 1 апреля 1968.

Генерал, как и обещал, переговорил с Помпиду, но все опять замкнулось на мне.

Помпиду (раздраженно). «Послушайте, я тоже когда-то был студентом. Я участвовал в манифестациях и даже дрался. Но никогда мне не доводилось видеть таких нарушений порядка. Так не может продолжаться! Нельзя допускать, чтобы команды *бешеных* срывали лекции, захватывали ночью университетские помещения».

Я говорю ему о мерах, которые мы с Фуше договорились принять. Мы готовим досье на десяток *бешеных*. Сразу по окончании пасхальных каникул будут созданы сначала дисциплинарная комиссия, затем университетский совет, а Фуше взял на себя обязательство выслать Кон-Бендита из Франции, как только тот будет исключен из университета.

Относительно того, что происходит в комнатах общежития, Помпиду, напротив, проявляет большой либерализм: «Оставьте их, пусть мальчики и девочки позабавятся вместе. Пока они этим занимаются, они, по крайней мере, не доставляют нам никаких неприятностей. Почему вы хотите, чтобы в полночь все сидели по своим комнатам? Ведь это как раз самое сладкое время!».

[...]

Я ему рассказываю, что несколько недель тому назад, задержавшись на одном собрании, посвященном студенческим беспорядкам, я пришел с опозданием на обед, который Владимир д'Ормессон давал в честь Франсуа Мориака. Я извинился за опоздание и объяснил его причину: «У меня большие неприятности с одним рыжим*. И потом, в общежитии ребята думают только о том, чтобы залезть в постель к девочкам. Но как им это запретить?». Франсуа Мориак своим голосом, слабым, как дуновение ветерка: «Самое главное — это добродетель!». И повторяет: «Нет ничего более важного, чем добродетельная молодежь!».

Помпиду. «Конечно, но разве государственное дело — следить за ее целомудрием?».

* Имеется в виду Кон-Бендит, выделявшийся рыжей шевелюрой.

Апрель 1968

Нантер, 2 апреля 1968, вторник.

Два разных митинга как бы вызвали кристаллизацию противоречивой ситуации в Нантере.

Митинг *бешеных* начался в темноте. Атмосфера накаляется. Полиция отмечает несколько пламенных фраз Кон-Бендита: «Если через десять минут свет не будет включен, мы перенесем митинг в зал Совета факультета... Вместо информационных собраний, мы будем проводить политические митинги... Декан требует, чтобы работа университета и подготовка к экзаменам проходили нормально. На это мы отвечаем — нет!.. Принять культуру, навязываемую нам буржуазным университетом, значит согласиться участвовать в капиталистической эксплуатации. Разве наука нейтральна, какой бы нейтральной ее ни провозглашали? Она участвовала во всех боях нашего времени, при Гитлере, при Сталине, при Джонсоне, — безразлично. Нейтральность служит буржуазии, поскольку она подтверждает верность существующей социальной системе. Надо разоблачать циничный и репрессивный характер буржуазной науки».

Газета *Combat*, в статье за подписью С.С. некогда обзывала Кон-Бендита «*одержимым*» и «*ходячей кучей навоза*». И вот тот же автор подпадает под его обаяние: «*Лицо юного Дантона с германскими чертами, из уст которого раздается мелодичный голос, удивительно контрастирующий с резкостью выражений*»¹⁸.

Кон-Бендит передает затем слово Карлу-Дитриху Вольфу, председателю SDS, революционного движения западногерманских студентов, и сам синхронно переводит его речь: «Создайте здесь, — говорит в заключение немецкий революционер, — то, что мы сделали в Берлине — *Kritische Universität*». Его выступление прерывается ритмическими аплодисментами, выкриками и лозунгами в ритме ча-ча-ча: «Гевара Че-Че!» или «Хо! Хо! Хо! Хо Ши Мин!».

В другой аудитории происходит митинг, тоже собравший около тысячи студентов, но это — умеренные, пришедшие, чтобы выразить свою волю работать в спокойной обстановке и заставить *бешеных* подчиниться. Дидье Голло, председатель правого крыла FNEF, заявил:

«Надо показать, что существуют не только волосатые и бородатые студенты, стремящиеся избежать экзаменов в конце года. Усиление агитации в течение последних пятнадцати дней произошло не случайно: то же самое наблюдается по всей Европе. Выступление немецкого студента сегодня на митинге *бешеных* — вещь совершенно не допустимая. *Бешеные* требуют свободы выражения. Но их свобода выражения — это диктатура. Вы доказываете вашим присутствием здесь, что масса студентов не идет за 300 агитаторами». Он требует, чтобы агитаторы были отчислены.

Кафедра истории, со своей стороны, приняла резкую резолюцию: «*Доводим до сведения высшей администрации, что историки и географы более не согласны вести преподавание в скандальной и унижительной обстановке, которая установилась в настоящее время*».

Обращаясь непосредственно ко мне, авторы резолюции добавляли: они возмущены тем, что Главный руководитель Университета поддерживает в своих заявлениях тезисы экстремистских группировок и ставит под сомнение качество преподавания. Это был намек на мои радиовыступления осенью, когда на задаваемые мне вопросы я неизменно отвечал: студенты правы, требуя реформы университетской системы, а гошисты не правы, потому что своими действиями делают ее невозможной.

Пресса раскололась. *Le Figaro*, *Le Parisien libéré*, *Paris-Jour* прямо становятся на сторону умеренных студентов. [...] Зато *Combat* не скрывает своего сочувствия «бунтарям»: «Термин *бешеные*, может быть, слишком резок, когда его применяют к молодым людям, чей бунт порожден беспокойством и чьи идеалы не лишены благородства... Взрослые, и особенно, ответственные за воспитание должны были бы проявлять большую заботу о молодежи, которая не имеет никаких оснований быть точной копией своих отцов. [...] Но, быть может, общество имеет такой университет, какого заслуживает. И, не ограничиваясь университетом, мы должны поставить под вопрос само общество».

Декан Грапен ободрен собранием умеренных студентов и резолюцией преподавателей истории.

[...]

19 апреля 1968, пятница.

Конец пасхальных каникул, возобновление занятий и возобновление акций протеста.

В Латинском квартале на спонтанную манифестацию собираются от 1 500 до 2 000 активистов под руководством Кон-Бендита, Кривина и деятелей из CAL. Пять красных флагов во главе процессии и три черных — в хвосте. Они прогуливаются по всему Латинскому кварталу, как бы показывая, кто здесь хозяин. Несколько предметов брошены в полицейскую машину. Министр внутренних дел никакого беспокойства не проявляет.

Шестнадцать профессоров с филологического факультета Нантера (их называют «ястребами») подписывают петицию, заявляя о своей готовности объявить забастовку, если порядок не будет восстановлен: таким образом, единственная мера, к которой они считают возможным прибегнуть, — это отсидеться по домам. Ястребы явно не собираются лететь навстречу опасности.

Сорбонна, 21 апреля 1968, воскресенье.

Чрезвычайная генеральная Ассамблея UNEF заседает с 15 часов дня до полуночи в одном из зданий Сорбонны. Происходит большое выяснение отношений между двумя течениями, ставшими непримиримыми по отношению друг к другу.

К концу дня, изобиловавшему резкими столкновениями, словесными и не только, лишь вмешательство полиции смогло развести противников. В полночь делегаты UNEF покинули помещение под защитой полицейских, так и не завершив свою работу.

Председатель UNEF Перро подал в отставку «по причинам личного порядка». В действительности — потому что национальное бюро сочло его слишком мягкотелым. Нынешний вице-председатель Соважо, которого мягкотелым никак не назовешь, будет возглавлять организацию вплоть до ближайшей генеральной ассамблеи, назначенной на июнь.

[...]

22–25 апреля 1968.

В Латинском квартале 21 апреля группа «Запад» разгромила помещение UNEF, на следующий день — помещение «Комитета Вьетнама», а 24-го — бросила гранату в штаб-квартиру UNEF.

23 апреля гошисты ответили тем, что разгромили помещение FNEF, а 25-го повторили свою акцию еще раз. Студент, член FNEF Юбер де Керваноэль, был избит, ранен и ограблен. Он подал жалобу на Кон-Бендита, который якобы возглавлял банду.

Появляясь то в Париже, то в Нантере, Кон-Бендит стал настоящей звездой: его припадки ярости, перемежаемые шуточками, воспаляют амфитеатры и заставляют их смеяться до слез. Профессора рядом с ним выглядят тусклыми и скучными!

Париж, 23 апреля 1968, вторник.

В записке из префектуры полиции вновь обращается внимание на генеральную ассамблею FNEF. Забавная подробность: «17 марта, во время совещания в Коломбэ, национальное бюро UNEF прибегло к дружеским услугам правоверных коммунистов, чтобы расстроить замыслы активистов CLER¹⁹. Парадоксальным образом, эти же самые активисты CLER обеспечивали порядок во время генеральной ассамблеи UNEF, 21 апреля. Этот обмен ролями, произошедший за несколько недель, позволяет оценить изменения в соотношении сил революционных группировок, практически направляющих деятельность UNEF». Автор записки не скрывает своей обеспокоенности таким положением вещей и, видимо, предпочел бы, чтобы главенствующую роль там играла Коммунистическая партия.

Нантер, 23 апреля.

Комитет организации «Движение 22 марта» пишет декану Грапену:

«Господин Декан, Движение 22 марта решило провести в пятницу 26 апреля общий митинг. Соответственно, с 14 часов оно займет амфитеатр В1, единственный, способный вместить всех участников. Поэтому просим принять меры, чтобы к указанному времени амфитеатр был свободен».

Таким образом, Кон-Бендит дает указания декану и выбирает подходящий амфитеатр: Грапену остается только взять под козырек.

Нантер, 26 апреля 1968, пятница.

Понимают ли студенты, чего хотят? Корреспондент *Le Figaro* пересказывает слова Кон-Бендита: «Множество расхождений возникает повсюду. Активность манифестантов будет снижаться по мере приближения экзаменов, потому что студенты боятся, что их завалят». Кон-Бендит сомневается, что экзамены удастся бойкотировать.

Но вот преподаватели спешат на подмогу. Секция SNESup²⁰ Гуманитарных наук Нантера принимает резолюцию в поддержку «критического университета» по немецкому образцу:

«Студенческое движение выражает реальный и всеобщий кризис наших обществ. Современный Университет характеризуется своим классовым характером. [...] Университетская критическая практика неотделима от общесоциальной критической практики. Она должна заявлять о себе по всем другим аспектам революционной классовой борьбы, и прежде всего — по отношению к борьбе рабочих».

[...]

27 апреля 1968, суббота.

В Шамбери, куда я прибыл на коллоквиум, посвященный планированию высшего образования, я с изумлением узнаю, что Кон-Бендита, арестованного на основании жалоб Керваноэля и Роша, собираются освободить из-под стражи. Я немедленно звоню Жоксу:

«Как вы можете отпускать Кон-Бендита, теперь, когда он у вас в руках? Керваноэль осмелился сделать то, на что вот уже три месяца не могут решиться ни университетские власти, ни полиция, ни министерство юстиции. Судебная полиция обрабатывает Кон-Бендита целый день, и ей не удается выдвинуть против него серьезных обвинений? Дело в том, что она их и не ищет».

Жокс относится к этому несколько свысока:

«Мы живем не в банановой республике. Чтобы кого-нибудь арестовать, нужно иметь доказательства его виновности. Этот Керваноэль утверждает, что Кон-Бендит угрожал ему смертью, но Кон-Бендит это отрицает. Во время драки Кервано-

эль был ранен, и у него украли бумажник; Кон-Бендит уверяет, что он вмешался только с целью прийти к нему на помощь. Что же касается рецепта «коктейля Молотова», фигурирующего в одном из бюллетеней его группки, то Кон-Бендит со смехом уверяет, что это был розыгрыш.

АП. Вот уж, действительно, розыгрыш: уверять полицию, что это был розыгрыш! Он распространял в тысячах экземплярах инструкцию, как поджигать автотранспорт — подобно тому, как это делают его друзья из немецкой SDS. Судя по тому, что мне сообщают полицейские, рецепт эффективен²¹! Если бы они предлагали смешивать воду и муку, то это, действительно, был бы розыгрыш. Но они указывают, как надо смешивать бензин и песок, и даже какой длины должен быть фитиль. Это не имеет ничего общего с розыгрышем. Это типичный террористический акт. И разве Суд государственной безопасности создан не для того, чтобы расследовать именно такие нарушения? Вот уже почти четыре месяца, с начала января, я требую его высылки, и каждый раз находят предлоги, чтобы этого не делать! Неужели необходимы такие предосторожности, когда речь идет о высылке из Франции иностранца, ставшего здесь вождем революционного движения?».

Жокс кладет конец разговору: «Послушайте, я только что долго говорил с Фуше и с самим Помпиду, который со мной согласен. Помпиду мне только что сказал буквально следующее: «Мы не можем выставлять себя на посмешище, сажая в тюрьму студента, устроившего розыгрыш».

Обескураженный, я кладу трубку. Если я позвоню Фуше, он сошлется на наше соглашение: он вышлет Кон-Бендита, как только против него будет вынесено решение университетским правосудием, — ведь действия, которые ему инкриминируются, он совершил внутри университета. А если я позвоню Помпиду, он не сможет отказаться от только что произнесенного решения. Делать нечего. Этот Кон-Бендит действительно неуловим!

Матиньонский дворец, 29 апреля 1968, понедельник.

Обсудив с Помпиду календарный план реформ системы образования, я предлагаю ему календарный план урегулирования студенческих волнений.

АП. «Мой план состоит в том, чтобы продержаться до середины июня, стараясь избегать худшего, но быть готовыми привлечь полицию, если студенты прибегнут к актам насилия. Тем временем дисциплинарная процедура будет идти своим чередом, и когда Кон-Бендит вместе со своими семерыми товарищами будет исключен советом Университета из числа студентов, он будет немедленно отправлен за границу».

Помпиду, по моему впечатлению, занимает очень осторожную позицию, в то время как на прошлой неделе он выражал мне свое живейшее неудовольствие в связи с беспорядками в Нантере:

«Да, Фуше и Жокс звонили мне в субботу по поводу Кон-Бендита. Было очень трудно содержать его под арестом, не имея бесспорных доказательств».

Я излагаю ему меры, которые намереваюсь принять до начала следующего учебного года:

— эвакуировать университетское общежитие, отделив его от факультета в Нантере, а в помещении общежития открыть IUT;

— освободить Грапена от функций вице-ректора, которые он фактически исполняет; к началу занятий поставить во главе Университета в Нантере вице-ректора, способного действовать решительно.

Помпиду всячески одобряет оба эти проекта.

Май 1968

1 мая, среда.

Впервые с 1954 года — года Дьенбьенфу — проводится Первомайская демонстрация, возрождая уже забытую традицию. Несколько черных флагов, символов анархии, развеваются в парижском небе. Но это — всего лишь флаги. Профсоюзы сохраняют спокойствие.

Ближе к вечеру **Помпиду** звонит мне по министерскому телефону:

«Возможно, вам известно, что завтра я отбываю в Иран и Афганистан.

(Мне не нравится его шутовская манера, как бы предполагающая, что я могу быть не в курсе правительственных дел; а его предстоящее длительное отсутствие меня беспокоит.)

АП. Да, конечно. Я хотел бы проводить вас в Орли.

Помпиду. Нет-нет, не стоит труда. Там нам не удастся поговорить. Давайте поговорим сейчас.

АП. Охотно. У меня есть основания для беспокойства.

Помпиду. И у вас тоже? В моем окружении есть люди, которые начинают беспокоиться, стоит мне уехать на десять дней. Не понимаю, с чего бы мне отменять эту поездку. Никогда мы не были в столь хорошем положении: никакого риска, что правительству может быть вынесен вотум недоверия; никаких социальных волнений; патронат совершенно спокоен; до осени профсоюзы не готовят никаких акций. И только ваши *бешеные* из Нантера бузят. Пришло время действовать решительно.

АП. Я готов действовать решительно, это соответствует моему характеру. Но какими средствами? Опираясь на чью поддержку? Мы оказались в ситуации, которой никто не в состоянии управлять. Поддержание порядка на факультете и вызов полиции — это прерогатива декана. Мы уже имели опыт такого рода в Нантере, в конце января: стоит появиться полиции, как все студенты, *бешеные* и прочие, объединяются, чтобы вышвырнуть ее за пределы общежития. Совет профессоров также противится вызову полиции, а Грапен не хочет ничего делать без согласия своих коллег. Кто может помешать *бешеным* захватывать амфитеатры? Декан, его ассессор и их маленький персонал совершенно на это не способны. Нанять физически сильных смотрителей? Министерство финансов не хочет об этом и слышать, во всяком случае, до начала нового учебного года.

Помпиду. Послушайте, я не могу входить в детали... Я только хочу указать вам на новый элемент, который может помочь вам встряхнуть общее безволие. Коммунисты, всегда являющиеся нашими противниками, в данном случае становятся нашими союзниками! Это очень серьезная перемена. Надо ею воспользоваться.

АП. Я надеюсь, что, прервав занятия на два или три дня, как мы это уже делали месяц назад, мы продержимся до июня. И тогда все будет готово, чтобы «навести порядок в доме», то есть в университетском общежитии; в нем больше не будет *бешеных*, не будет студентов, срезавшихся на экзаменах, или просто не пожелавших на них явиться.

Помпиду. Постарайтесь действовать быстро. И перемену позиции коммунистов тоже не следует упускать.

АП. Вот именно, приближается решающий момент. Завтра восемь *бешеных*, их числа самых буйных, получают заказные письма, направленные им вчера; в этих письмах против них выдвигаются обвинения и им предписывается 6 мая предстать перед дисциплинарной комиссией Сорбонны; окончательное решение будет вынесено советом Университета 10 мая.

Помпиду. Вы приняли меры предосторожности? Ваши университетские деятели не струсят?

АП. Да, конечно, я принимаю одного за другим всех ведущих членов дисциплинарной комиссии, начиная с докладчика, Фласельера. 10 мая *бешеные* должны быть исключены из университета, и, следовательно, 11 мая Кон-Бендит будет выслан, в соответствии с договоренностью между мною и Фуше. Конечно, можно опасаться, что они устроят заварушку прежде, чем их исключат.

Помпиду. Главное, не отступайте! У меня очень точная информация — вы понимаете, что я хочу сказать, — относительно позиции коммунистов в этом вопросе.

[...]

АП. Все это прекрасно, но я вам напоминаю, что я много раз просил министерство внутренних дел выслать Кон-Бендита. Но вы сами дали согласие на его освобождение, когда имелось десять оснований, чтобы оставить его под присмотром полиции.

Помпиду (раздраженно). Вы не являетесь ни министром внутренних дел, ни министром юстиции. Вы — министр народного образования. Не пытайтесь атаковать ваших коллег с фланга. Ни Фуше, ни Гримо, ни, тем более, Жокс не считали возможным арестовать Кон-Бендита; они считали, что его арест не успокоит волнения, а только усилит их. Надо, чтобы университетские власти взяли на себя свою долю ответственности, а они этого ох как не любят. Вы должны сделать так, чтобы они не могли уклониться.

АП. Фласельер обещал мне произнести «уничтожающую» обвинительную речь против Кон-Бендита и его подручных. Но он не может гарантировать, как проголосуют его колле-

ги. Я делаю, что могу, но могу я не много. Я уверен, что мы не отделаемся от этих смутьянов, пока не применим средства, которые дает нам в руки национальный суверенитет, включая Суд по государственной безопасности. Профессора не предназначены для такого рода работы».

Помпиду, явно недовольный, заключает: «Послушайте, это ваша работа; как говорит Генерал, выкручивайтесь».

Мои реплики его раздражают. Как и все мы, он колеблется — под воздействием очередного советчика или собеседника — между глубокой приверженностью к либерализму, стремлением доверять молодым и, в особенности, студентам — и отвращением к беспорядку, желанием, чтобы за дело взялся решительный человек, способный прибегнуть к радикальным мерам. Он кидается от одного решения к другому. Именно в этом он упрекает меня, но терпеть не может, чтобы ему возвращали тот же упрек.

Париж, 2 мая 1968, четверг.

На месте событий день начинается под знаком конфронтации между активистами крайне левой и крайне правой.

В 7 ч. 45 мин. произошло вторжение в помещение на филологическом факультете Сорбонны, которое служит для сборищ крайне левых студентов. Там устроили поджог, а на стенах оставили знак группы «Запад» — кельтский крест.

Никто не видел этих поджигателей; огонь уничтожил внутренность помещения, но дальше не пошел.

Интересно, что группа «Запад», сыгравшая решающую роль в начале беспорядков, затем исчезла; о ней ничего не было слышно на протяжении всего мая, вплоть до осени. Осторожность? Бессилие? Сговор?

В знак протеста «Группа изучения литературы» объявила митинг на завтра, 3 мая, во дворе Сорбонны: *«Мы не позволим студентам-фашистам хозяйничать в Латинском квартале»*. Но они выступают также в защиту Кон-Бендита: *«Студенты никогда не позволят, чтобы один из них подвергся полицейским репрессиям путем университетского трибунала»*.

Действительно, восемь протестующих студентов, с Кон-Бендитом во главе, вызваны предстать перед дисциплинарной

комиссией 6 мая. Они, как и их товарищи, очень быстро поняли, что наша громоздкая административная машина предоставляет им возможность «нантеризовать» Париж. Нантерские бешеные предстанут перед судом не в Нантере, где уже началась их изоляция, но в Париже, где они смогут привлечь к борьбе свежие силы.

Нантер, в тот же день.

В Нантере «Движение 22 марта» объявило первый день «антиимпериалистической борьбы». Многочисленная «служба порядка» бродит вокруг факультета, поджидая появления «фашистов», которые не кажут носа. Зато маоисты с рю д'Юльм являются на подмогу. Кон-Бендит отправляет их обратно в их школу (то есть в Эколь Нормаль). Рене Ремон пытается прочесть свою лекцию. В него бросают скамейкой, освистывают и прогоняют. Здание общежития превращено в Форт-Шаброль*. В 13 ч. 45 мин. «Движение 22 марта» выбрасывает листовку с лозунгом: «Расистов — вон из Нантера! Фашистские командос будут истреблены».

Ольмер²² и Рош приезжают в Нантер около полудня. Грапен не видит иного выхода, кроме временной приостановки занятий, как это уже делалось в марте. До экзаменов остается пятнадцать дней. В принципе, факультет **может** оставаться закрытым все это время. Впрочем, обозначив такое решение, мы предполагаем постепенно возобновлять занятия, если обстановка это позволит.

Из кабинета декана Ольмер сообщает по телефону текст коммюнике, который они подготовили втроем:

«Днем 2 мая многие лекции не смогли состояться вследствие намеренно вызванных инцидентов и угроз в адрес студентов, преподавателей и представителей администрации. Стало очевидным, что традиционно соблюдавшаяся на фа-

* Шутливое наименование, данное в 1899 году особняку на улице Шаброль в Париже, где находилась штаб-квартира Антисемитской лиги и где журналист Жюль Герен, которому грозило судебное преследование, выдержал вместе с несколькими единомышленниками трехдневную осаду, но затем капитулировал.

культете свобода слова и труда открыто попирается. Вследствие чего, по согласованию с министром народного образования и ректором Парижского университета, я решил принять следующие меры: все лекции и практические занятия на филологическом факультете Нантера временно прекращаются с 9 часов утра 3 мая и вплоть до нового распоряжения. Занятия будут возобновляться постепенно, одна специальность за другой».

Я даю согласие на этот текст, с добавлением фразы: *«Будут приняты меры, чтобы в ходе ближайших экзаменов принималась во внимание временная приостановка преподавания».*

Во второй половине дня в моем кабинете собирается еще одно рабочее совещание по Нантеру. Мы принимаем диспозицию, которая позволит шестистам студентам-гуманитариям в шести залах, расположенных за пределами административного корпуса, сдать экзамены, вопреки бойкоту, объявленному зачинщиками смуты. Тем, кто будет препятствовать проведению экзаменов, обвинение будет предъявляться на месте нарушения, что повлечет за собой исключение из Университета. Не явившиеся будут рассматриваться как не выдержавшие экзамена. Новые «блустители порядка», для которых мы, наконец, выбили кредиты, проходят процедуру приема на работу.

Мы все еще думаем, что Нантер остается центром беспорядков. Мы не подозреваем, что положение изменилось, так как судебный календарь и приостановка занятий в Нантере приведут к тому, что студенты из Нантера и из Парижа сделают Латинский квартал местом своих объединенных действий.

3 мая, 1968, пятница.

Мне становится понятным позавчерашний телефонный звонок Помпиду. Он уже знал о готовящейся филиппике Жоржа Марше в сегодняшней *L'Humanité*: *«Сорвем маску с мнимых революционеров».* Автор разоблачает *«группки»*, руководимые *«немецким анархистом Кон-Бендитом».*

«С этими псевдореволюционерами надо бороться решительным образом... Наставником этих гошистов является немецкий философ Маркузе, живущий в Соединенных Штатах; согласно его установкам, университетская молодежь должна объединиться для насильственных действий... Не следует недооценивать их вредоносную активность, сеющую смуту среди молодежи».

[...]

Около 16 часов ко мне в кабинет входит взволнованный Пелетье²³: «Рош предупреждает меня, что он обратился к префекту полиции с просьбой очистить внутренний двор Сорбонны от трех или четырех сотен буйанов, прибывших, судя по всему, из Нантера. Многие из них потрясают дубинками и черенками от лопат».

Можно ли осудить это первое решительное действие университетского руководства? Первое за несколько месяцев, на протяжении которых положение не переставало ухудшаться?

Тем не менее, я звоню ректору Рошу, чтобы узнать от него подробности. Он очень спокоен:

«При всех Републиках бесчисленные полицейские акции проводились в помещениях Парижского университета с целью положить конец беспорядкам.

АП. Заручились ли вы поддержкой ваших двух деканов?
Ректор. Безусловно».

Вскоре нам становится известно, что полицейские грузовики, в которые, без всякого сопротивления, были погружены удаляемые с места происшествия студенты, внезапно были атакованы молодыми людьми, находившимися снаружи. Начавшиеся беспорядки продолжались значительную часть ночи, — первой такой ночи в этом прекрасном месяце мае.

В этих событиях было нечто загадочное. К такой внезапной вспышке насилия не были готовы ни полиция, ни проводители гошистов. Единственное объяснение, которое они могли предложить (и которое укоренилось), состояло в следующем: внезапный порыв солидарности сплотил толпившихся в Латинском квартале молодых зевак, студентов и не студентов, в едином порыве: «Бей фараонов!». Агрессивность толпы придавала ее действиям большую внушитель-

ность. Она убедила общественное мнение в том, что все население Латинского квартала поднялось, как один человек, против вторжения полиции в святая святых — внутренние помещения Университета.

Однако есть другое объяснение, ставшее мне известным только спустя тридцать лет. У *бешеных*, которые занимали двор Сорбонны, была резервная армия, о которой они даже не подозревали. Это были лицеисты из САЛ. Один из их вождей, Ромен Гупи, рассказывает в своем фильме-воспоминании «Умереть в тридцать лет»²⁴: «Студенты, наши вожаки, участвовали в событиях (в «дне антиимпериалистической борьбы») уже с 10 часов утра, вооружившись деревянными дубинками. Мы же, лицеисты, поспели туда только к половине пятого, когда закончились занятия». Паиньки-лицеисты, идущие на манифестацию только после занятий... Прибыв на место действия, они видят, что их товарищей закинули в полицейские фургоны. Без всякого предупреждения, они набрасываются на ажанов с тыла: «Когда тебе пятнадцать лет, и ты молотишь булыжниками фараонов, а толпа тебя защищает, — вот оно, полное счастье! Фараоны просто обалдели. Студенческие руководители — тоже. Они смотрели на нас изнутри фургонов и говорили между собой: «Этого не может быть, дело пошло!»».

Действительно, дело пошло, но активисты из САЛ только сыграли роль запала. Их вмешательство ускользнуло от внимания полиции, а «взрослые» не пожелали оценить по достоинству решительные действия «малышни».

Они не поняли, что революция не совершается без революционеров, и не знали, кто же является революционерами в этой революции. Это свидетельство показывает с полной ясностью то, чего не желали замечать добродушные и наивные парижане: что поджог был совершен настоящими поджигателями, убежденными, искренними и безжалостными. Подростки, родители которых благонамеренно продавали *L'Humanité-Dimanche*, впитали антибуржуазную идеологию с молоком и отбросили коммунизм, когда он показался им жалким и мелкобуржуазным. У ленинизма они взяли миф политического авангарда, необходимость организации, тех-

нику действия малыми группами, жестокость провокаций, городскую герилью. Эти *герильерос* 1968 года, столь немногочисленные и столь увлеченные, вновь переживают свой момент истины в кадрах Ромена Гупи.

2. «Это — бунт, переходящий в мятеж»

5 мая 1968, воскресенье.

Генерал решил остаться в этот уик-энд в Париже, хотя первоначально планировал провести его в Коломбэ.

Ла Шевалери²⁵ связывается со мной в Провене, уже связавшись до этого с Фуше в Нанси. Генерал вызывает нас в свой кабинет к 18 часам вместе с Жоксом и министром юстиции, временно замещающим премьер-министра, чтобы обсудить ситуацию, сложившуюся после бунта в прошлую пятницу.

Генерал очень спокоен. Он хочет показать, что в отсутствие премьер-министра он считает своим долгом заняться вопросами, которые предоставил бы ему, будь он на месте. Мы оказываемся в неясном положении: временно занимающий должность премьер-министра на самом деле не может исполнять эту роль, поскольку частично ее взял на себя глава Государства.

Жокс сообщает Генералу о приговорах, только что вынесенных десятой палатой уголовного суда: «Рассмотрев совершенные преступления по свежим следам, правосудие проявило твердость: из тринадцати манифестантов, представших перед судом, четверо (из них двое — не студенты) осуждены на два месяца тюрьмы, восемь — условно, и только один — отпущен». Очень довольный собой, он подчеркивает исключительную строгость приговоров.

Генерал выражает сдержанное одобрение: «Ладно, это все же лучше, чем ничего».

Фуше пытается перекинуть мостик между неумолимым Генералом и министром юстиции, довольным достигнутым результатом:

«Очень важно, что это наказание, подобного которому у нас не было уже несколько лет, не вызвало ответной реакции солидарности, или даже мщения.

ГдГ. Вы полагаете, что это — суровое наказание: осудить нескольких парней условно, а четверых (из которых только двое — студенты) — на два месяца с отбыванием в тюрьме? И это — за бунт, который длился пять часов, и во время которого эти лихачи обратили на себя особое внимание? А ведь там были сотни, кидавшие в полицейских чем попало. И вы считаете наказание чрезмерным? История Франции изобилует бунтами, которые удавалось пресечь лишь после того, как десятки бунтовщиков оставались лежать на земле».

Он нас спрашивает о том, как развивалось столкновение. Фуше и я отвечаем по очереди. Генерал прерывает нас:

«Если полиции не удалось очистить Сорбонну в пятницу, она должна была сделать это в субботу или воскресенье. Надо было, наконец, действовать. Слишком много времени было потеряно! Ректора и двух деканов следует упрекать не за то, что они поторопились, а за то, что слишком долго раскачивались».

Генерал дает Жоксу и Фуше приказ проявлять твердость:

«Никаких колебаний! Нам не впервой оказывать сопротивление тем, кто желает покуситься на Государство и нацию. Сегодня, когда во Франции все спокойно, мы не должны мириться с насилием, которое мы не желали терпеть и в более трудные времена! Очень жаль, что решение об отсеве не осуществлялось на протяжении последних лет. В университете слишком много фанфаронов, которым там нечего делать».

В принципе Генерал, безусловно, прав: надо дать понять, что нельзя безнаказанно бунтовать против представителей власти, забрасывая их булыжниками. Но, начиная с января, мы видели столько примеров иступленной солидарности молодежи, стоило только затронуть одного из них, стоило только появиться полицейской униформе! Я испытываю ужас от того, какая пропасть разверзлась между миром взрослых и миром детей, от того, какая спайка возникает между молодыми, едва только власть взрослых покажет кончик носа. Да, бунты, которыми полна история Франции, могли заканчиваться избиением восставших. Но кто может представить себе такое сегодня? И разве народ согласится? Генерал продолжает, как будто почувствовав неуверенность в нашем молчании:

«Чрезвычайными являются не наказания, сами по себе довольно легкие. Чрезвычайной является ситуация, когда манифестанты на улице осыпают полицейских камнями и металлическими гайками, вступают с ними в рукопашную, пуская в ход черенки от лопат. Это уже не оскорбление ажанов и не неповиновение властям! Это — бунт, переходящий в мятеж. Любые граждане, в том числе и студенты, имеют право выражать свои мнения вслух; но никто не имеет права сопровождать слова насильственными действиями. Нельзя допустить, чтобы в стране воцарились агрессия и насилие. И мы должны продемонстрировать это немедленно и со всей решительностью!

Фуше (понимая, что надо сделать шаг навстречу Генералу). Защита студентов была не очень убедительной. Они утверждали, будто вооружились для того, чтобы отразить агрессию группы «Запад». Может быть, это и правда — в отношении тех, кто находился во дворе Сорбонны, но никак не в отношении тех, кто атаковал полицию на улице. В их сумках были обнаружены дубинки и целый арсенал предметов для метания. Эти ребята совсем не были похожи на мальчиков из церковного хора; они выворачивали булыжники и кидали их в полицейских, при этом сами они предусмотрительно надели мотоциклетные каски. Это были командос, это были вооруженные формирования²⁶.

ГдГ. Так вот, надо сделать из этого выводы. Мы имеем дело с вооруженной организацией, преследующей подрывные цели. (Обращается ко мне.) Во всяком случае, Сорбонну не открывать! Пусть хотя бы несколько дней остается закрытой.

АП. За исключением дисциплинарной комиссии, которая завтра утром заслушает Кон-Бендита и других *бешеных*; также должна действовать комиссия по замещению должностей преподавателей литературы: у них конкурс начинается завтра. Как раз для того, чтобы этот конкурс прошел без помех, ректор, с моего согласия, принял решение о временном закрытии.

ГдГ. Конечно, уже назначенные экзамены следует провести. Но чтение лекций может быть возобновлено только после полного восстановления порядка! С этого момента (обращается к Фуше) вы будете держать в Латинском квартале солидную охрану. Постарайтесь, чтобы стычки не возобновлялись! А если это случится, действуйте решительно!

АП. Дисциплинарная комиссия университета соберется завтра в Сорбонне, чтобы судить Кон-Бендита и еще семерых обвиняемых. Было бы удивительно, если бы их сторонники не устроили завтра заварушку, подобную вчерашней. Теперь у них есть основания кричать: «Освободите наших товарищей!».

ГдГ. Но, в конце концов, что из себя представляет этот Кон-Бендит? Как ему удастся увлечь за собой столько молодежи?

АП. Он очень талантлив. Он выступает попеременно то в роли забавного шутника, то в роли ангела истребления, призывая уничтожить все буржуазные структуры, к числу которых он относит и коммунистическую партию. Это тип революционера-анархиста, высмеивающего всех и вся. Он хочет все разрушить и говорит об этом так весело, что радиоканалы его обожают и приглашают наперебой. Мне даже говорили, что периферийные радиостанции, чтобы его привлечь, вручают ему пухлые конверты с деньгами. С этим следовало бы разобратся.

ГдГ (обращаясь к Жоксу). Меня бы это не удивило. Вы могли бы переговорить об этом с Горсом.

Фуше. Не будем поддаваться панике, сохраним хладнокровие. Имея дело со студентами, не стоит драматизировать. Их ярость вскипает, как молоко на огне, и так же быстро спадает, если не давать ей пищу.

ГдГ. Когда ребенок начинает злиться и переходит меру, лучшим способом его успокоить иногда является подзатыльник.

Жокс. Проблема в том, что это уже не дети и еще не взрослые.

ГдГ. Мы не можем принимать решения в зависимости от меняющегося настроения подростковых банд, которыми манипулируют заправилы. Мы должны действовать в соответствии с нашим долгом перед страной. Господин министр внутренних дел, полиция, которой вы командуете, должна строго следить за порядком. Сила должна быть на стороне закона. Господин министр народного образования, поддержание порядка не входит в круг ваших обязанностей. Но для того, чтобы шалопаи не шли на поводу у *бешеных*, вам надо открыть университетские досье: вы должны рассказать, что

делается для Университета, что намечается сделать, какие реформы вы намерены проводить, — ориентацию, отбор.

АП. Об отборе, я думаю, лучше поговорить, когда университетский год закончится. Я могу объявить об ориентации и диверсификации обучения, о ведущемся строительстве новых заведений, об увеличении количества Технических институтов при Университете.

ГдГ. Когда происходит бунт, надо сделать так, чтобы ситуация стала ясной. Надо заставить бунтовщиков объяснить: почему они бунтуют? А правительство должно знать, чего хочет оно, должно сказать об этом так, чтобы его поняли. Если правительство не может ясно определиться внутри себя, как могут иметь четкую позицию те, кто ему подчиняется?».

Повернувшись к Фуше и Жоксу, он уточняет: «Необходимо немедленно покарать несколько виновных, правильно выбрав их. А если акты насилия будут продолжаться, надо будет ударить крепко: пусть среди манифестантов будут десятки или даже сотни пострадавших. Обвинения должны предъявляться немедленно, по свежим следам! Проследите, чтобы ваши судебские не затягивали рассмотрение дел! Быстрота наказания важнее его тяжести».

Обращаясь ко мне, он подчеркивает: «Что касается вас, то вы должны разъяснить суть вещей: реформы, которые проводятся, отбор, который мы вскоре организуем. Откройте перед французами наши карты, как вы это сделали в свое время в отношении ориентированного обучения».

5 мая, вечер.

SNESup, собравшись на заседание вечером, принял решение о всеобщей забастовке по всем университетам. Жейсмар, генеральный секретарь профсоюза, в заключение своей речи на коллоквиуме в Амьене заявил, что развязка университетского кризиса может произойти «на улице». Это предостережение превратилось в лозунг. Масштаб кризиса изменился по инициативе студента, только что выдвинутого на должность ассистента преподавателя²⁷.

Против единого фронта SNESup и гошистского UNEF я выступил в радиообращении 5 мая в 19 ч. 45 мин.²⁸.

В понедельник 6 мая, как и было предусмотрено, комиссия дисциплинарного совета под председательством Фласельера предлагает применить к нарушителям меру исключения из университета. Совет должен собраться 10 мая.

Я испытываю потребность выйти за пределы слишком узкого поля информации — в Университете, в Париже, на радио. А что думают в Провене? Уже давно у меня сложилось убеждение, что состояние умов в моем избирательном округе довольно точно отражает настроение всей страны. Я прибегаю к импровизированному зондажу общественного мнения: звоню десятерым друзьям, известным мне своим здравым смыслом, и прошу каждого позвонить десятерым лицам и узнать у каждого, как он оценивает ситуацию; а затем обобщить полученные ответы и сообщить их мне. Я охватываю, таким образом, сто респондентов, каждый из которых наверняка общается еще с десятью знакомыми. В итоге это дает тысячу опрошенных за один день. И вот, начиная с субботы, я привел в действие мою сеть. Несмотря на ненаучный характер моей методики, я очень скоро понял, что в Провене, а значит, и во всей провинции, люди не поддерживают манифестантов, гошисты их нисколько не забавляют и все ждут, когда же будет восстановлен порядок.

После вечернего выпуска теленовостей Ив Мурузи²⁹ проводит со мной длительное интервью. Я призываю «положить конец эскалации насилия». Я осуждаю гошистов, поддерживаю требование университетской реформы и разъясняю ее суть. Я сообщаю о начале нового строительства. Короче, я говорю как министр в самых обычных обстоятельствах.

Запершись после обеда в своем кабинете, чтобы подготовить выступление, я еще не знаю, что в то время, когда я говорю, в Латинском квартале снова бушует насилие. В течение всего дня колонна протестующих двигалась по улицам Парижа. Полиция вела себя сдержанно, но когда манифестанты подошли к Сорбонне, она преградила им путь. До полуночи продолжались резкие стычки. Новым фактом стало повсеместное присутствие радио, корреспонденты которого вели прямой репортаж, возбуждая слушателей и информируя участ-

ников беспорядков. Многие французы, включив одновременно телевизор и транзистор, чувствовали, что одно не стыкуется с другим. Генерал был одним из этих французов.

Золотой салон, 7 мая 1968, вторник.

Утром меня вызывают к Генералу.

ГдГ. «Вчера вечером ваше выступление по телевидению пришлось не ко времени. Получилось нехорошо. Вы говорили ясно, как всегда, но ваша позиция была оборонительной. Вам не надо было так долго говорить о проблемах образования. (Но ведь он сам просил меня «полностью раскрыть карты».) Вы как будто извинялись за проводимые вами реформы. Можно было подумать, что вы не уверены в своей правоте.

Ап. Университетские преподаватели и студенты так возбуждены в этот кризисный момент, что мне показалось необходимым избегать высокомерного тона и показать мою готовность к диалогу.

ГдГ. Диалог! Как вы собираетесь вести диалог с *бешеными*, которые хотят взорвать все к чертям? Когда на улице происходит бунт, единственный правильный тон — это тон команды! Когда бушует мятеж, не время пускаться в объяснения. Вы должны были коротко и решительно заклеить смутьянов, воззвать к разуму и призвать в свидетели публику.

Ап. Надо было не допустить, чтобы масса серьезных и трудолюбивых студентов присоединилась к *бешеным* под тем предлогом, что они стали жертвами репрессий. Я должен был идти по узкому пути.

ГдГ. Нет-нет! Надо было говорить в полный голос, выразить ваше возмущение, возмущение правительства, простого народа, всех французов. И почему вам задавал вопросы *бешеный*? У него был вид, как будто он вас в чем-то обвинял. Это тоже был гошист?

Ап. Мурузи, безусловно, не является *бешеным*! Но он принадлежит к разряду молодых журналистов, сформированных американской школой; они придают своим вопросам агрессивную интонацию, в противоположность вялому стилю старых интервьюеров.

ГдГ. Сейчас не время объясняться, сейчас время разить».

Я глубоко ощущаю справедливость упрека Генерала. На прошлой неделе он поздравил меня с моим выступлением об ориентированном обучении, когда я спокойно раскрыл наши досье. Но ведь тогда еще не происходило ничего экстраординарного, у нас был запас времени. В вечер мятежа этот тон не годился. Надо было быть резким и язвительным. Но странно: 24 мая ему самому предстояло совершить такую же ошибку.

Однако я продолжаю думать, что если, действительно, пришло время разить, то еще не упущена возможность *объясниться*.

Во второй половине дня я провожу встречу за встречей. Можно ли остановить эскалацию? Как? С кем?

Вчера один из моих сотрудников принял, по их просьбе и к их удивлению, группу депутатов-коммунистов от Парижского района, и в их числе Жюкена. После редакционной статьи Жоржа Марше было вполне уместно прозондировать их намерения, которые оставались неясными. Поскольку волнения усиливались, коммунисты не хотели, чтобы создавалось впечатление, будто они кинулись на помощь «голлистской власти». Они были бы довольны, если бы мы избавили их от гошистов, но говорят об этом только намеками. В сегодняшней *L'Humanité* нет ни слова против ультралевых. Вся вина возлагается на правительство: это оно стремится к «эскалации полицейского насилия».

Я принимаю делегацию от Федерации парижских студентов-естественников — маленькую когорту *умеренных*. Я общаю им о своем намерении возобновить занятия в Нантере и Сорбонне, как только установится спокойствие. К моему удивлению, они жалуются мне на жестокость полиции, как если бы и они тоже были подвержены рефлексу солидарности с участниками беспорядков, что делает ситуацию неясной и неуправляемой.

Я принимаю Маранже и Добара³⁰ и убеждаюсь в надежности довольно доверительных отношений, которые мы поддерживаем с ними вот уже в течение шести месяцев. Я чувствую, что они готовы оказать поддержку мне, то есть минис-

терству образования. Но и они выдвигают три «предварительных условия».

Предмет борьбы кристаллизуется и проясняется. Все сводится к тройному требованию: освобождение арестованных студентов; недопущение полиции на территорию университета и прилегающие улицы; открытие факультетов. Самые *бешеные* из гошистов присоединились к этим условиям, внешне столь умеренным и ничуть не левацким. Однако гошисты, с их безошибочным революционным инстинктом, понимают, что это означает: лишить авторитета судебные инстанции, лишить законности власть полиции, предоставить все университетские помещения в полное распоряжение бунтовщиков.

Положение на улице во вторник очень напоминает то, которое было в понедельник.

После полудня в прессе появляется заявление Жейсмара: «Мы готовы к переговорам после того, как будут удовлетворены наши три предварительные условия. Чтобы продемонстрировать нашу добрую волю, манифестации сегодня вечером будут как можно менее бурными».

И действительно, все начинается как большое гуляние, переливающееся из одной улицы в другую, и даже с одного берега Сены на другой. Полицейский кордон установлен на мосту Александра III: по ту сторону — Елисейский дворец. Пусть так. Процессия сворачивает направо, минует здание Национального собрания, даже не взглянув на него, проходит по мосту Конкорд и движется вдоль Елисейских полей. С Кон-Бендитом во главе и с пением «Интернационала» процессия доходит до Триумфальной арки, где несколько *бешеных* весело мочатся на могилу Неизвестного солдата, причем никто не пытается им помешать.

Я нахожусь в своем кабинете вместе с основными сотрудниками. Мы узнаем по радио, что демонстранты возвращаются от площади Этуаль в Латинский квартал, где, как и вчера, около полуночи начинаются жестокие стычки. Я звоню Данно и выражаю ему мое удивление. «Мы удивлены так же, как и вы. Фуше обрушился на Гримо в таких выражениях, ка-

ких я от него никогда не слышал. Но Гримо, конечно, тоже прав, когда говорит, что не может контролировать демонстрацию молодых смутьянов так, как будто это бывшие участники войны, мирно шагающие за своими знаменами. Количество манифестантов сильно уменьшилось — до семи тысяч, но их агрессивность возросла».

Около полуночи звонит Жейсмар и хочет говорить с дежурным по кабинету. Я беру трубку сам.

Жейсмар. «Мы дали приказ расходиться, но нас не слушают. Здесь семьдесят тысяч студентов в состоянии крайнего возбуждения, которыми невозможно руководить.

АП. По моей информации, их семь тысяч.

Жейсмар. Не думаю. Их невозможно пересчитать. Ясно только одно: на улице Месье-ле-Пренс строят баррикаду. Стычки уже произошли. Если вы не прикажете полиции уйти, прольется кровь.

АП. Как по-вашему, может ли правительство позволить бунтовщикам хозяйничать на улицах? Вы оказались в роли ученика чародея и теперь не можете совладать с вызванными вами силами.

Жейсмар. Теперь только вы можете спасти положение. Объявите, что все требования студентов будут удовлетворены, и они успокоятся.

АП. Если бы вы хотели, чтобы были преодолены некоторые застойные явления в жизни Университета, то должны были бы помогать правительству, а не мешать.

Жейсмар. Мы старались дозвониться в Матиньонский дворец и в министерство юстиции. Нигде никого нет. А вы отказываетесь сделать то, о чем я вас прошу. Выходит, Государства больше нет!

АП. Вы думаете, что все еще живете при Четвертой Республике? Государство есть. И оно выполнит свой долг. Выполняйте и вы свой. Только знайте, что он состоит не в том, чтобы раздувать огонь, а потом звать пожарных».

Каким бы экстремистом ни был Жейсмар, он не может совладать с еще большими экстремистами и теперь просит моей помощи, чтобы их утихомирить... Странная картина: поджигатель, окруженный огнем, и кричащий «Горим! Горим!».

3. «Университет существует не для себя, а для страны»

Совет министров, 8 мая 1968.

Жокс сидит напротив Генерала, в кресле, которое обычно занимает премьер-министр. Заседание почти целиком посвящено студенческим волнениям.

АП. «Правительство не может допустить, чтобы спокойствие, необходимое для обучения, уступило место насилию. Оно не сомневается, что огромное большинство преподавателей и студентов разделяют такую точку зрения, даже если некоторые из них, в эти последние дни, позволили зачинщикам беспорядков вовлечь себя в действия, враждебные тем самым интересам, которые они хотели бы защитить.

Приспособление Университета к требованиям современного мира требует глубоких изменений. Они уже начаты и будут продолжены. Это задача огромного значения, требующая энергии и настойчивости. Сейчас главное — возобновить обучение в нормальных условиях и обеспечить свободное проведение экзаменов и конкурсов. Правительство приложит к этому все усилия. Сегодня во второй половине дня у меня будет возможность изложить нашу позицию перед Национальным собранием».

Затем Генерал берет слово и произносит пространную речь.

ГДГ. «В нынешней ситуации надо обратить внимание на две вещи. Университет переживает глубочайшую трансформацию. Раньше, как только лицеисты оканчивали лицей и становились бакалаврами, перед ними открывались двери Университета. Там они сами выбирали себе научную дисциплину. Поскольку их тогда было мало, то и проблем не возникало: получив диплом, они всегда находили работу.

Так как мы демократизировали образование, Университет захлестнула волна желающих. Нужны коренные перемены.

Возникла привычка сохранять всех. Мы даем людям возможность выбирать любую специальность и не хотим понять, что в амфитеатрах сгрудились люди, которым там нечего делать. Многие не могут дойти до конца. Они сидят на одном кур-

се по два, по три года. Они стараются успеть за остальными, а многие даже и не стараются, и остаются ни с чем. Сроки обучения безмерно растягиваются. Разве человеку в 25 лет место в университете? Нет. И вот он начинает возбуждаться!

Необходимо фундаментально реформировать все высшее образование. За последние десять лет мы вложили в него огромные средства. Но у нас нет возможности планировать. Надо без колебания ввести систему ориентации. Мы не можем дожидаться, когда этим займется преподавательский корпус. Он этого не сделает, у него другой умственный настрой. Ориентация, отсев и планирование не могут осуществляться силами университетских работников. Эту ответственность Государство должно взять на себя. Министру народного образования, после всех необходимых и полезных консультаций, надлежит принять окончательное решение. Мы содержим Университет не ради него самого, но для блага нации. Он должен поставлять кадры для страны, какая она есть и какой становится, а не для страны, какой она была вчера. Необходим контроль при поступлении, ориентация и отсев неспособных».

Генерал повторяет, чеканя слова: «Университет существует не для себя, а для страны. Именно в этом направлении мы прилагаем усилия. Недавние инциденты показывают, что именно об этом идет речь. Высшее образование должно быть приспособлено к реальным потребностям страны.

Вторая вещь, на которую надо обратить внимание, — постоянно подогреваемое возбуждение; и это уже — вопрос общественного порядка».

Не развивая далее эту мысль, Генерал поворачивается к Фуше. Тот рассказывает о принимаемых им мерах по борьбе с беспорядками и, между прочим, говорит: «Я думаю, что имеет место манипулирование. Вчера вечером, в начале манифестации в Латинском квартале, было много студентов, но еще больше лицеистов. Обстановка пока еще была спокойной. Было похоже на обычное веселое гуляние молодежи. Затем за дело взялись люди постарше, от тридцати до сорока лет. Они руководили своими группами, некоторые с помощью свистка. К полуночи лицеистов стало совсем мало, доминировали взрос-

лые. Полиция опросила несколько сот человек. Две трети из них не были студентами.

ГдГ. Если нужно, пусть вам пришлют подмогу из провинции: полицейских, отряды республиканской безопасности, мобильную гвардию. Надо призвать резервистов. Нельзя допустить, чтобы на улицах воцарился беспорядок! Это невозможно! С насилием должно быть покончено!

Фуше. Решающим фактом стало введение полиции в Сорбонну. Оно было использовано как предлог для мобилизации всех, кто был готов к беспорядкам. Для поддержания порядка необходимо арестовать организаторов смуты. UNEF стал орудием революционеров. Когда его руководители поняли, что возможны случаи со смертельным исходом, они стушевались. Остались только профессиональные революционеры, опытные организаторы беспорядков; в их подчинении имеются специальные отряды, решительные, крепкие ребята, которые прекрасно знают, чего хотят.

Из 160 тысяч имеющихся в Париже студентов в манифестациях участвовало едва 5 процентов, и это всегда одни и те же. Большинство зачинщиков студентами не являются. Это люди, стремящиеся к реваншу. Мы видим, как из недр общества всплывают всякие темные элементы.

ГдГ. Поскольку г. Пейрефиту предстоит сегодня отвечать на вопросы в Парламенте, он должен будет сказать, как правительство представляет себе организацию Университета, чтобы Университет мог соответствовать тому, чего ожидает от него страна. Надо говорить ясно и четко, отвечая на вопросы, которые люди задают себе, и будут задавать вам».

Подготовленное мною коммюнике Генерал одобрил. Он подтвердил, что большие дебаты в парламенте по проблемам народного образования состоятся на следующей неделе, 14, 15 и 16 мая, не считая обсуждения, которое пройдет сегодня во второй половине дня.

UNEF тут же выступил с разоблачением «ужесточения правительственной позиции. Правительство даже не упомянуло о трех требованиях, выдвинутых UNEF. Напротив, они позволили себе вновь заговорить об отборе и необходимости планирования обучения. Это настоящая провокация».

Золотой салон, 8 мая 1968, среда.

После Совета министров Генерал знаком приглашает Жокса, Фуше и меня зайти к нему в кабинет. Он показывает нам адресованную ему телеграмму пяти лауреатов Нобелевской премии, Мориака, Моно, Кастлера, Жакоба, Львова*: *«Просим Вас лично немедленно сделать жест, способный умиротворить возмущение студентов: амнистия осужденных студентов, открытие факультетов. С глубоким уважением».*

Краткий комментарий Генерала: «Презренная демагогия».

Я рискую подать реплику: «Но это произведет совсем другой эффект. Зачинщики захлопают крыльями, студенты еще увереннее последуют за зачинщиками».

Генерал бросает на меня гневный взгляд:

«Когда разразилось восстание, нечего пытаться задобрить восставших, — их надо усмирить. Когда оппозиционеры перестают дискутировать и поднимают бунт, с ними больше не разговаривают, их сажают».

АП. До восстания дело пока не дошло; происходят стычки, вызванные недоразумением... Сегодня в Парламенте я стараюсь эти недоразумения рассеять.

ГдГ. Те, кто не хочет слышать, притворятся глухими. Не пытайтесь их ублажить, вы их только усилите... В конце концов, чего хотят эти студенты?

АП. Каждое действие правительства становится предлогом для новых требований. В последнюю пятницу вечером смутьяны на улице протестовали против удаления их товарищей из внутреннего двора Сорбонны. Те, в свою очередь, собрались там, чтобы протестовать против вызова Кон-Бендита и других *бешеных* из Нантера на дисциплинарную комиссию. Начиная с понедельника, бунтари требуют освобождения своих товарищей, осужденных в воскресенье на два месяца тюрьмы. И так далее. Каждый раз несколько десятков революционеров разжигают недовольство, распределяют задачи, бросают лозунги.

* Андре Львов, Жакоб и Моно — французские ученые, получившие в 1965 году Нобелевскую премию за работы в области биохимии и генетики; Кастлер — физик, получивший Нобелевскую премию в 1966 году.

ГдГ. Надо положить этому конец! Пусть ситуация будет ясной. Мы готовы выслушать все обвинения и предложения. Нам не нужно, чтобы нас считали сановниками, которые думают только о том, чтобы сохранить свое положение. Но мы не согласны примириться с тем, чтобы на улице царило насилие».

Он поворачивается к Фуше: «В случае беспорядков, хватайте по несколько сотен за раз. Им придется успокоиться». И продолжает, обращаясь к нам троем:

«У вас такой вид, как будто эти мальчишки вас запугали. Но они страшны лишь постольку, поскольку вы их боитесь. Это — второстепенная история, и нужна только твердость, чтобы с ней покончить. Не нужно экономить ни удары дубинкой, ни гранаты со слезоточивым газом.

Жокс. И все-таки, общество охвачено беспокойством. Происходит кризис цивилизации, он дает о себе знать во многих других странах и вызывает коллективную истерию, которую надо срочно успокоить.

ГдГ. Это все болтовня. Если возникают проблемы, решать их должны мы, анархия их не решит! Среди студентов всегда возникали волнения и возмущения. На этот раз волнения приобрели более бурный характер, потому что во главе их появились подстрекатели, которые чувствуют вашу нерешительность и пользуются ею. Будьте непреклонными, и вы расстроите их игру.

[...]

Бурбонский дворец, 8 мая 1968, среда.

Национальное собрание посвятило вторую половину дня, с 15 до 20 часов, «студенческим манифестациям».

Почти все выступавшие рассуждали о недопустимости «оккупации Сорбонны», этого сакрального пространства, неприкосновенного на протяжении столетий.

Я отвечал, что Сорбонна не была оккупирована полицией, а очищена от тех, кто ее захватил; что при всех режимах полиция входила на территорию Сорбонны; что было бы нелогично запрещать вход на территорию университета силам порядка и допускать проникновение туда вооруженных мятежников; что правительство не может допускать незаконного захвата правительственных зданий. Никто не мог опровергнуть мои доводы³¹.

И все-таки легенда сохранилась: полиция, мол, осквернила святилище науки, чего она не делала в течение пяти столетий.

[...]

Дебаты продолжаются уже не один час. Фуше, очень обеспокоенный, подсел ко мне на скамьях правительства и говорит мне на ухо: «Манифестация собирается в Латинском квартале, и она обещает быть бурной. Студентов много, и они очень возбуждены. Мои силы недостаточны. Я должен был послать много республиканских гвардейцев и мобильных отрядов в западные департаменты³². Я не могу защищать одновременно улицы Парижа и артишоки Бретани. Постарайтесь избежать конфронтации сегодня вечером. Вам надо поскорее произнести умиротворяющие слова».

Очевидно, он прав. Тот, кто выигрывает время, выигрывает всё. Я тут же записываю на полях заранее приготовленного текста успокаивающий пассаж:

«Нашей целью всегда было скорейшее возобновление занятий. Но ясно, что речь идет о возобновлении лекций, а не бурных демонстраций в амфитеатрах. Ясно, что мы окажемся в безвыходном положении, если агитация, вызвавшая перерыв в занятиях, начнется вновь с их возобновлением. Следовательно, такое решение не может быть принято в обстановке беспорядков и насилия.

С другой стороны, эта мера может быть осуществлена только на основе доверия преподавательскому составу, а также студентам: речь идет о поддержании порядка перед лицом возможных агитаторов и провокаторов, о сохранении спокойствия, необходимого для работы университета и функционирования всех его служб. Если эти условия будут соблюдены, возобновление занятий на филологическом факультете Сорбонны и на филологическом факультете Нантера сможет произойти, как только деканы соответствующих факультетов сочтут это возможным, то есть, как я надеюсь, — со второй половины завтрашнего дня».

Этот текст, который Фуше одобряет, подчиняет открытие факультетов двум условиям: спокойная демонстрация сегодня

вечером; уверенность в нормальном ходе занятий. Такова цена «дезэскалации». За час до того, как произнести этот отрывок, я передал его агентству «France-Presse» и газете *France-Soir*, которая, под нарочито широковещательным заголовком «Сорбонна открывается завтра», сделала специальный выпуск и продавала его поблизости от места манифестации.

В начале восьмого Жокс возвращается с церемонии на площади Этуаль, где Генерал в окружении министров торжественно зажег огонь на могиле Неизвестного солдата, которую *бешеные* осквернили вчера вечером. Жокс познакомился со специальным выпуском *France-Soir*. Он позвонил Пелетье, в то время как я находился на трибуне в Национальном собрании, чтобы выразить свое негодование: «Ваш министр зашел слишком далеко! Генерал будет в ярости! Вы принимаете нас за придурков?». Я позвонил ему в конце заседания; мои уточнения его быстро успокоили.

Ожидаемый эффект проявился немедленно: горячка спала. Манифестация проходит в спокойной обстановке. Однако призыв UNEF расхотеться вызвал неудовольствие слишком многих манифестантов, бунтарским настроениям которых гораздо более соответствовали действия Кон-Бендита, JCR и CAL.

Утром Жейсмар объявил на одной из радиостанций: «Сегодня мы берем Сорбонну». Вечером он позволил Соважо и, без сомнения, CGT убедить себя в том, что надо воспользоваться случаем и начать дезэскалацию: зачем брать Сорбонну сегодня вечером, если она будет открыта завтра? Кон-Бендит рассказал в своей книге «Большой базар» (с. 36 и далее), что после того, как манифестация разошлась, они с друзьями решили сломать логику умиротворения и спровоцировать «силовое столкновение»: «У нас не было ближайших политических целей, которые нужно было бы защищать; но мы поставили перед собой задачу отстоять боеспособность и самостоятельность нашего «Движения 22 марта». В 2 часа ночи Жейсмар пришел на собрание Движения: «Он подверг себя самокритике и плакал. Он освободил в себе гошиста».

На следующий день в 8 часов Кон-Бендит снова встречается с Жейсмаром в бюро SNESup, где происходило собрание всех движений. Они добились того, чего хотели: будет Сорбонна открыта или нет, борьба продолжается. JCR Кривина поддержала эту провокационную стратегию, и Соважо, волей-неволей, последовал за всеми.

4. «Вы были не правы»

Золотой салон, 9 мая 1968.

Сегодня генерал вызвал меня на вторую половину дня. Адъютант, который передавал мне вызов утром, не скрыл от меня, что мне предстоит тяжелый разговор: «Генерал раздражен».

И я понимаю, почему. Но в Латинском квартале время течет быстрее, чем в правительственном расписании. В середине дня на площади перед Сорбонной состоялся митинг. Радио разносит поджигательные речи Кон-Бендита и Соважо: «Нас обставили! Мы не хотим возобновлять занятия и сдавать экзамены как примерные студентики! Мы хотим занимать Сорбонну днем и ночью, чтобы проводить там Культурную Революцию! Завтра мы снова соберемся здесь и возьмем Сорбонну штурмом».

[...]

Таким образом, предводители гошистов стремятся во что бы то ни стало возобновить эскалацию, которую я прервал вчера своим заявлением об открытии Сорбонны на определенных условиях. Они требуют полной капитуляции властей и хотят, чтобы им была предоставлена полная власть в университете. Плохое начало для «деэскалации», — говорил я себе, поднимаясь по ступеням Елисейского дворца. Как можно открывать университет сегодня вечером, или даже завтра?

Когда я вхожу в Золотой салон, Генерал не идет мне навстречу, как делает это обычно. Он ограничивается тем, что встает и пожимает мне руку через письменный стол. Указав мне властным жестом на кресло, он бросает мне в упор: «Вы были не правы».

Далее следует энергичная головомойка: «Я же вам говорил, что нельзя проявлять ни малейшей слабости. Я вам повто-

рил вчера утром, выходя с Совета министров, что любая наша уступка будет воспринята как капитуляция. Почему вы сделали противоположное тому, о чем я вас просил? Создается впечатление, что правительство отступает, что его заставили. В кризисные моменты — это худшее, что может быть».

Генерал передает мне, или, вернее, швыряет мне через стол, сегодняшней номер *Combat* с заголовком через всю первую полосу: «*Де Голль отступил*».

АП. «Господин генерал, пресса так часто искажала ваши слова, что вы поймете: сегодня и я стал жертвой такого искажения. Вот в точности то, что я заявил вчера в Национальном собрании».

И я протягиваю ему *Journal officiel*, которым я, к счастью, запасся, и указываю пальцем на абзац, отчеркнутый на полях: «*Ясно, что мы окажемся в безвыходном положении, если агитация, вызвавшая перерыв в занятиях, начнется вновь с их возобновлением. Следовательно, такое решение не может быть принято в обстановке беспорядков и насилия*».

Он надевает очки, прочитывает и успокаивается:

«Ну, в добрый час! Поставленные вами условия не выполнены, это ясно! Поэтому вы не открываете Сорбонну. Не потому, что мы поменяли позицию, а потому, что анархисты отвергли наши предложения. Вам будет достаточно это объяснить».

Генерал смягчился. Как всегда, когда он поддается гневу и потом жалеет об этом, он старается загладить момент раздражения преувеличенной любезностью.

ГдГ. «Но объясните же мне, кто эти одержимые? Что у них в голове?»

АП. Среди манифестантов имеется три категории. Во-первых, гошисты, то есть *бешеные* из Нантера, «Революционная коммунистическая молодежь» (это — троцкисты), «Комитеты действия лицейстов», находящиеся в положении подчиненных, «маоисты» (они малочисленны, но фанатичны). Затем — коммунисты, их довольно много, они в разладе с гошистами, но боятся уступить им главенствующие позиции. Наконец, есть менее ангажированная масса, но готовая присоединиться к гошистам, если по ним будет нанесен удар.

Проблема состоит в том, чтобы не позволить гошистам безнаказанно сеять беспорядок и, в то же время, не применять к

ним слишком резких репрессий, иначе коммунисты и умеренная масса кинется им на помощь.

ГдГ. Вы говорите, что коммунисты в разладе с гошистами. А что вам доказывает, что они не заодно?

АП. Гошисты не перестают оскорблять коммунистов. Кон-Бендит 1 мая назвал их «сталинской сволочью». *L'Humanité* на прошлой неделе и советские газеты сегодня опубликовали очень резкие статьи против гошистов.

ГдГ. Чего, собственно, хочет этот Кон-Бендит?

АП. Он упрекает коммунистов в том, что они позволили себя переварить буржуазному обществу, которое он считает прогнившим и неисправимым. Чего он хочет? Разрушить существующий порядок, опорой которого являются коммунисты. Поэтому несколько дней назад он выгнал из Нантера депутата-коммуниста Жюкена, а совсем недавно поступил точно так же с Луи Арагоном на площади перед Сорбонной. Он оскорбил профессора Кастлера и математика Шварца, людей левых взглядов, несмотря на то, что они хотели выступить в защиту его и его друзей. Почему? Потому что тот и другой высказываются за отбор.

ГдГ. А он выступает за реформы в Университете?

АП. Это его заботит меньше всего. Он заранее осуждает все реформы, которые имеют целью приспособить образование к потребностям общества, поскольку он отвергает само это общество. Он не хочет ни в какой форме сотрудничать с существующим строем. Наверное, поэтому он оказывает такое завораживающее воздействие на многих молодых, которые просто не могли себе представить, что возможна такая дерзость».

Во время нашего разговора Ла Шевалери приносит Генералу сообщение агентства «France-Presse», воспроизводящее только что произнесенные выступления Кон-Бендита и Соважо. Генерал протягивает их мне.

ГдГ. «Плевать они хотели на лекции и на экзамены! Им не нужно ни успокоение, ни возвращение к работе: им бы только устроить кавардак! Вы сами видите, что им нельзя уступать! Им нельзя доверять!

У них только одна цель: скovyрнуть ко всем чертям и режим, и страну. А остальные следуют за ними, как овцы, ни слова не говоря. Прежде всего, надо восстановить порядок. Здесь

все зависит от соотношения сил. Вы создали впечатление, будто мы слабее их. Надо им показать, что мы сильнее. Мы не станем уступать их ультиматуму!

АП. После заявлений *бешеных* становится ясно, что открыть Сорбонну в этих условиях — значит признать победу восстания».

Я думал, что Генерал заговорит со мной об открывающейся сегодня на авеню Клебер Конференции о мире во Вьетнаме. Но он не проронил об этом ни слова. Однако я уверен, что он все время думает об этом странном контрасте. С одной стороны, американцы и северные вьетнамцы согласились встретиться в Париже и поискать тропинки, ведущие к миру, — какой успех! С другой стороны, эти бунтарские сборища, — какая мерзость!

5. «Нельзя капитулировать перед бунтом»

9 мая 1968, четверг, конец дня.

Я сообщаю Жоксу и Фуше о позиции Генерала, которая их не удивляет, и которую они считают вполне оправданной после сегодняшних разнузданных выступлений главарей. Оба министра полагают, что вопрос об открытии Сорбонны переходит теперь из ведения университетской администрации в компетенцию правительства. Я информирую ректора Роша и поручаю ему собрать деканов пяти факультетов и довести информацию до их сведения.

Рош сбит с толку. Он твердо верил, как и я, в успешное начало дезэскалации. Сегодня утром мы с ним по телефону намечали последовательность действий в этом направлении: немедленное открытие Нантера, постепенное открытие Сорбонны, где в первую очередь должен быть проведен конкурс на замещение должностей преподавателей: этот деликатный процесс, где нельзя допустить сбоев, должен закончиться в субботу.

Рош долго собирает деканов. В середине дня я утверждаю по телефону их коммюнике, которое они публикуют примерно в то самое время, когда я отправляюсь в Елисейский дворец, а Кон-Бендит заявляет, что открытая Сорбонна будет Сорбонной оккупированной. Вот это коммюнике:

«Ректор и деканы Парижского университета решили, что прерванные занятия будут возобновлены.

Лекции, практические занятия, научное руководство будут, таким образом, возобновляться постепенно. Ректор и деканы призывают преподавателей и студентов вернуться к работе. Они рассчитывают на студентов, чтобы избежать любых инцидентов и беспорядков».

Вернувшись из Елисейского дворца, я объясняю Рошу, что, к сожалению, нельзя рассчитывать на студентов, чтобы избежать инцидентов и беспорядков, потому что их вожди объявляют своей целью создание беспорядка. «Поэтому, — говорю я, — Сорбонна останется закрытой, пока не наступит успокоение. Зато в Нантере двери откроются, поскольку там с 3 мая не произошло ни одного инцидента».

Я чувствую его смущение. Я поручаю ему информировать деканов. Неужели они были менее внимательны, чем мы, к провокационным заявлениям вождей антиуниверситетского движения? Около 19 часов ректор передает «France-Presse» заявление:

«Я постоянно поддерживаю с Министром связь по телефону. Он знает о ясной позиции, занятой Университетом и деканами относительно открытия Сорбонны, но только он может реально это открытие осуществить. Пока сохраняется статус-кво. Решение студентов оккупировать помещения, конечно, изменило позицию министра».

Итак, мне остается опубликовать решение, к которому университетские власти явно не хотят присоединиться. Поскольку Генерал упрекнул меня за пространность моего выступления по телевидению в понедельник, сегодня я ограничиваюсь кратким коммюнике:

«Ректор и деканы сегодня утром разработали порядок немедленного и постепенного возобновления лекций и занятий в Сорбонне. Они обратились к студентам с призывом избегать любых инцидентов и беспорядков. Однако значительное скопление образовалось перед Сорбонной. Было объявлено, что Сорбонна будет «оккупирована» и что там будет происходить

«дискуссии днем и ночью». О возвращении к спокойствию и работе и речи не было.

Условия для возобновления занятий еще не сложились. Поэтому Сорбонна останется закрытой вплоть до установления спокойствия. Министр возлагает на организаторов манифестаций всю ответственность за продолжение подобной ситуации».

Был ли я слишком лаконичен? Было ли агентство «France-Press» недостаточно внимательно?

Текст был продиктован в 19 ч. 20 мин. с таким расчетом, чтобы он попал в выпуски новостей на телевидении и радио в 20 ч. Однако в телеграфные сводки он поступил только в 20 ч. 49 мин., когда печатание всех газет было уже завершено.

Средства массовой информации так раздули сообщение об открытии Сорбонны как об уже решенном факте, и так мало внимания уделили объяснениям противоположного решения, что у общества создалось впечатление, будто я произвел необъяснимый кульбит. Средства информации совершенно затушевали тот факт, что именно поведение анархистов-главарей вынудило меня отказаться от ранее объявленного решения об открытии. Создалось впечатление, что правительство само не знает, чего хочет, и действует нелогично.

10 мая 1968, пятница.

Весь этот день был словно проглочен манифестацией, организованной по призыву «Движения 22 марта» и Комитета действия лицеистов.

SAL первым бросает боевой клич. Как и во время столкновений 3 мая, он образует авангард.

Еще до 8 утра две тысячи юношей и девушек из SAL собрались на площади Клиши. Затем, по команде, они разделились на несколько колонн и направились ко всем лицам Парижа, чтобы вовлечь в манифестацию всех учащихся. Романтический ореол, окружающий тех, кто уже участвовал в уличных потасовках, привлекает к ним остальных.

Колонны демонстрантов растут по мере их продвижения по городу. Поздним утром они сходятся на площади Сен-Лазар

и договариваются идти в Данфер-Рошери, чтобы участвовать в манифестации, назначенной UNEF. Их колонны прекрасно построены, движение через Париж четко организовано.

Впервые мы видим, что преподаватели сопровождают своих учеников. Преподаватели-коммунисты, которые еще в начале недели уговаривали своих коллег не поддаваться «смутьянам», теперь начинают травить тех учителей, которые «бросают своих учеников». Директора лицеев все утро звонят нам по телефону: «Что делать? Попробовать повернуть учителей в противоположную сторону — чтобы они уговорили учеников не участвовать в манифестациях, которые могут приобрести насильственный характер?» Конечно, именно это мы и советуем им делать. Но их не слушают: как удержать юных лицейцев от ударившего им в голову желания смешаться в манифестациях со старшими, студентами?

UNEF продолжает свою линию. Он выбрасывает типично гошистский лозунг: «*Начавшаяся борьба будет продолжена. Организуйтесь! Долой экзамены, инструмент отбора*». Но главная цель Союза студентов — расширить движение и получить поддержку рабочих профсоюзов. Соважо, Сеги³³ и Декан³⁴ совещались накануне. В эту пятницу они собираются снова и объявляют на понедельник 13 мая большую национальную манифестацию. В ней должны принять участие все: CGT («Всеобщая конфедерация труда»), SFDT («Французская демократическая конфедерация труда»), FEN («Федерация народного образования»), SNESup («Национальный профсоюз высшего образования»), UNEF («Национальный союз студентов Франции»). Только *Force Ouvrière* и SGEN («Генеральный профсоюз народного образования») остались в стороне. *Force Ouvrière* публикует неловкое коммюнике: она, мол, отказывается участвовать в манифестации «рядом с такой политической организацией, как CGT, к которой большинство студентов относится резко отрицательно». SNESup во время всего этого периода сохраняет очень умеренную позицию; его почетный генеральный секретарь Виньо поддерживает контакт с моим кабинетом.

Однако активисты ускоряют ход событий, которые ускользают из-под контроля профсоюзных аппаратов.

Перед лицом расширяющегося движения лицеистов я стараюсь найти опору среди родительских ассоциаций. Из трех федераций две³⁵ публикуют призывы к спокойствию и к ответственности родителей; эти тексты, составленные при участии сотрудников моего кабинета, были распространены «France-Presse» во второй половине дня. Я посылаю по телексу ректорам текст, который тут же передаю в печать.

«Сегодня утром группы агитаторов пытались помешать занятиям в некоторых лицеях Парижского района, устраивая стачечные пикеты и побуждая учеников уходить с занятий. Я прошу вас рекомендовать руководителям заведений вашего учебного округа использовать весь их авторитет, чтобы оградить учеников, несовершеннолетних, которых родители доверили их заботам, от воздействия агитаторов и провокаторов, которые стараются вовлечь их в уличные беспорядки или в манифестации, связанные с насильственными действиями. В особенности они не должны ни в коем случае признавать «комитеты учащихся», которые могут быть организованы. Руководители заведений обязаны предупредить, а в случае необходимости — решительно пресечь любую попытку нарушить школьную жизнь».

Я также стараюсь получить публичную декларацию университетских властей. Замански³⁶ вызывается собрать подписи авторитетных лиц под разумным заявлением. Но быстро идет на попятную, встретив решительный отказ со стороны Лихневича³⁷. Все, чего удастся добиться, — это коммюнике деканов факультетов фармацевтики, выражающих удовлетворение «хладнокровием» коллег и студентов. Скучный урожай! Даже поддержка большинства не является единодушной. Левые голлисты выражают недовольство. Рене Капитан звонит мне: «Надо было выполнить обещание об открытии Сорбонны и возложить на студентов ответственность за беспорядки».

Не удовлетворившись телефонным разговором, он повторяет затем те же речи на волнах «Радио-Люксембург». Давид Руссе заявляет по радио «Франс-Интер», что он «на стороне студентов». Каких именно?

[...]

Около десяти тысяч студентов и лицеистов собрались в Данфер-Рошеро. Конечно, это мало, если сравнивать со 160 тысячами студентов в Париже и пригородах, да еще с таким же количеством лицеистов. Но это много по сравнению с тем, что мы привыкли видеть на улицах Парижа.

Чтобы разогреть эту молодежную массу, ораторы, взбравшиеся на цоколь Бельфорского льва, выбирают соответствующие темы. Один призывает отправиться к Санте, чтобы продемонстрировать солидарность «с нашими братьями, томящимися в заключении». Другой предлагает идти к воротам Сент-Антуанского госпиталя, где находятся «наши товарищи, пострадавшие от отравляющих газов и рискующие потерять зрение». А Кон-Бендит призывает толпу устраивать беспорядки «повсюду в столице», чтобы полиция не знала, куда ей сунуться.

Вечерняя демонстрация обещает быть жестокой. Можно ли рисковать столкновениями, которые весьма похожи на проявления гражданской войны, не попытавшись предварительно вступить в мирные переговоры? И я, и Жокс уверены, что нельзя прибегать к репрессиям, против которых настроено парижское общественное мнение и средства массовой информации. Надо, так или иначе, ответить на три требования лидеров беспорядков: освобождение четырех заключенных, удаление из Латинского квартала полицейских формирований, открытие факультетов.

В 19 часов я принимаю, по моему приглашению и уже второй раз за неделю, двух руководителей Федерации народного образования и ее генерального секретаря Маранже, а также Добара, генерального секретаря Национального профсоюза преподавателей. Мне показалось, что они могли бы выступить в роли посредников. Мы быстро приходим к общему мнению относительно процесса, объявленного вчера в Национальном собрании и категорически отвергнутого руководителями беспорядков. Необходимо, чтобы эти последние отказались от своей угрозы «оккупировать Сорбонну днем и ночью». Их «три предварительные условия» могут быть сняты, если мы придем к общему соглашению: вход в Сорбонну по предъявлении студенческого билета; дежурство на улице одного фургона с охранника-

ми, чтобы избежать вторжения командос; и присутствие в течение сорока восьми часов минимальных сил порядка, вплоть до восстановления спокойствия.

Едва они успели уйти, как Жокс сообщает мне по телефону, что он только что поручил мадам Сарда, своей хорошей знакомой, левой голлистке, адвокату UNEF и SNESup, а также лично Кон-Бендита, вести переговоры о соглашении. «С одобрения “замка”», — добавляет он. Я предупреждаю его, что доверил посредническую миссию двум руководителям FEN. Он возражает: «Нельзя вести переговоры параллельно!»

АП. «Подстраховка не помешает. Шансы на успех не велики! Все три лидера — один бешенее другого. Если есть два шанса, надо использовать оба».

Жокс соглашается с моими доводами, но зато берет меня как бы в заложники: «Приезжайте ко мне, и мы вместе будем координировать ход переговоров. Так будет проще». Я тотчас же отправляюсь на площадь Вандом.

[...]

Со своей стороны, Кон-Бендит бросает лозунг: «Мы оккупируем Латинский квартал, не нападая на силы порядка». Он делает это заявление, взобравшись на одну из первых баррикад. Тотчас же возникает много новых баррикад.

Ясно, что в данный момент гошисты не собираются наступать. Они превращают Латинский квартал в Форт-Шаброль. Они хотят идти врукопашную. И ничего с ними поделать нельзя.

АП (Жоксу). «Уже 23 часа. Ясно, что ни переговоры, которые вы поручили Сарда, ни посредничество, о котором я договорился с Маранже, уже ничего не могут дать».

Жокс. До худшего пока еще не дошло! Не надо падать духом. В любом случае, Гримо решил ждать, пока не разойдутся школьники. Поэтому не будем пока менять диспозицию. Сохраним шанс на удачу переговоров. Убрать баррикады мы еще успеем.

АП. Если надо помешать постройке данной конкретной баррикады, при чем здесь атака на все баррикады³⁸?

Жокс. Это не ваша забота, это дело Фуше и Гримо. Впрочем, я сейчас отправлюсь на площадь Бово, чтобы уточнить с

Фуше план полицейских операций. А вам лучше остаться здесь. Во всяком случае, одно я знаю твердо: я не отдал приказ в Алжире стрелять по черноногим, и я не отдам приказ в Париже стрелять по студентам».

Конечно, это так. Но мы так часто это повторяем, что главари мятежников вряд ли почувствуют необходимость умерить свою дерзость.

После часа ночи, когда мы со все меньшей надеждой ожидаем информации от Сарда или Маранже, мы слышим по приемнику, что Кон-Бендит ведет переговоры с ректором. Но ведь ректор ясно заявил, что он не может принять Кон-Бендита, главного из обвиняемых, представших перед университетскими судебными органами. Я звоню Рошу:

«Что происходит? Радио сообщает, будто вы ведете переговоры с Кон-Бендитом?»

Ректор. Этого не может быть, господин министр.

АП. Не сидит ли против вас рыжий парень с круглой рожей?

Ректор. Да, действительно, господин министр.

АП. Господин ректор, не лучше ли нам продолжить этот разговор из другого кабинета?

(Он мне перезванивает из соседнего кабинета.)

Ректор. Это ужасное недоразумение.

АП. Нельзя было допускать, чтобы Кон-Бендит выглядел как некто, от кого зависит исход этой ночи. Нельзя было предоставлять ему выгоду участия в переговорах».

Странное недоразумение: вместо ожидаемых делегатов от двух организаций, руководящих манифестацией, — UNEF и SNESup, — появляются трое преподавателей и трое студентов, которые сами же признаются, что никаких полномочий у них нет.

Ректор сообщает мне имена трех профессоров: Турен, Бак (преподаватель английского языка в Сорбонне), Мочан (профессор физики на факультете естественных наук). Именно Турен требует разговора со мной и заявляет мне по телефону: «В твоём положении, тебе остается сделать только одно. Прикажи своей полиции, чтобы она убиралась».

АП. «Это не моя полиция, а полиция Республики. Ни при каком режиме государство не капитулирует перед бунтовщиками, иначе оно будет не достойно управлять.

Турен. Тогда нам не о чем говорить. Будут десятки убитых, и ответственность ляжет на тебя.

АП. Полиция стрелять не будет. Но если ты хочешь, чтобы она не прибегла к гранатам со слезоточивым газом, посоветуй своим друзьям воздержаться от бутылок с коктейлем Молотова».

Правильно ли я поступил, избрав миролюбивый тон? Генерал, конечно, осудил бы меня: «Надо хранить устрашающее молчание».

Телефонную трубку снова берет ректор. «Господин ректор, — говорю я ему, — Кон-Бендит требует невозможного: он знает, что мы не можем принять его в качестве участника переговоров, а потому переговоры обречены на неудачу. Вам остается только выпроводить ваших посетителей».

На площади Бово Фуше, Гримо и Жокс договариваются, что приказ очистить баррикады будет отдан в 2 часа утра. «Полный секрет! Надо использовать эффект неожиданности», — дает мне рекомендации вернувшийся в министерство Жокс. Гримо, осмотревший место действия в 1 ч. 30 мин., считает, что в 2 часа будет самое подходящее время. Пока еще слишком много народа. А атаковать позже, значит дать защитникам время укрепиться, и тогда возникнет риск пролития крови.

Мои сотрудники поддерживают мое мнение: нельзя оставлять радиоволны в исключительном пользовании бунтовщиков. Молчание правительства становится гнетущим, радиобрращение могло бы успокоить слушателей. Мне кажется чрезвычайно важным сообщить о готовящемся приступе и поставить тем самым каждого перед его ответственностью. Я наскоро составляю обращение:

«Студенты, лицеисты! Слушайте меня внимательно! Примирение, к которому правительство было расположено, не получило поддержки в пылу ожесточенных нападков.

Ни одно правительство, достойное этого имени, не может допустить, чтобы какой-либо квартал Парижа превратился в

укрепленный лагерь. Воздвигнутые баррикады будут в ближайшее время взяты приступом. Я заклинаю вас не прибегать к насильственным действиям, которые все равно не помешают службам порядка выполнить свой долг. Не позволяйте вовлечь себя в эту опасную игру!

Университет и система образования не смогут быть обновлены в условиях уличных столкновений. В ближайшие дни правительство примет меры для того, чтобы все требования были рассмотрены в ходе диалога, в обстановке спокойствия и доброжелательства, чтобы необходимые изменения были внесены в университетскую жизнь. Студенты, лицеисты, не поддавайтесь опьянению насилия! Вам предстоит, нам всем предстоит более полезные дела на благо Университета, на благо Франции!».

Я читаю текст Жоксу и получаю его согласие, но он просит меня получить также согласие Гримо, «который отвечает за маневр». Я звоню Гримо и получаю категорический отказ: нет никаких шансов на то, что публичное предупреждение побудит манифестантов разойтись, зато оно лишит нападающих столь важного преимущества неожиданности. Жокс поддерживает его: «Гражданские власти не должны усложнять задачу полиции».

В 2 часа, когда последние вагоны метро увезли часть подростков, наступает время столкновения между силами порядка и силами мятежа. Полиция, жандармы, республиканская гвардия принимаются за дело. Баррикады сметены одна за другой, при этом нет убитых, чего так опасались одни и на что так надеялись другие.

Около 4 ч. 30 мин. я возвращаюсь на улицу Гренель. Путь³⁹ звонит мне туда по телефону и умоляет, чтобы я уговорил полицию не входить в помещение Эколь Нормаль на рю д'Юльм, куда прибывают сомкнутыми рядами участники столкновений, как целые, так и побитые; как учащиеся Эколь Нормаль, так и не имеющие к ней отношения. Я тут же звоню Гримо и прошу его рассматривать Эколь как неприкосновенное убежище. Несколько насмешливый, он соглашается дать указание своим людям остановиться перед решеткой здания, несмотря на их огромное желание произвести аресты внутри Школы:

«Итак, — говорит он, — вы защищаете самых оголтелых гошистов и маоистов, именно тех, кто подавал пример в строительстве баррикад!».

Едва повесив трубку, я внезапно осознаю противоречивость моего поведения: только что я просил рассматривать как неприкосновенное убежище территорию на рю д'Юльм, а всего два дня назад я доказывал в Национальном собрании неправоту тех, кто считал внутренний двор Сорбонны неприкосновенной территорией. В свою очередь, я отдал дань корпоративному предрассудку, которому поддались профессора и студенты Сорбонны, убежденные, что их корпорация обладает особой природой и потому может существовать над законом. Единственная разница состоит в том, что дорогие профессора, с помощью радио и телевидения, убедили всю Францию, будто со времен средневековья Сорбонна не переживала подобного вторжения; мое же скромное вмешательство в пользу Эколь Нормаль прошло незамеченным.

[...]

11 мая 1968, суббота, утро.

Жокс звонит мне по телефону и сообщает, что попросил разбудить Генерала, чтобы он узнал о событиях минувшей ночи не из сообщений радио. Генерал тут же, в 6 утра, вызвал Жокса, Мессмера и Фуше, чтобы обсудить меры по поддержанию порядка. Первый вопрос, который он задал, интересовал его как главнокомандующего: «Надо ли вызвать войска?».

Мессмер решительно против этого возражал. Современная армия не приспособлена к задачам поддержания порядка. Если обратиться к Легиону и десантным войскам, они будут стрелять, не задумываясь, и может произойти худшее. Что касается полков с молодым составом, то можно опасаться, что они станут на сторону студентов.

Со своей стороны, Фуше мне рассказал, что, едва войдя в кабинет Генерала, он воскликнул: «Слава Богу, никто не убит!». Фуше добавляет: «Генерал никак не откликнулся, но он должен все-таки отдавать себе отчет, что это была наилучшая из всех возможных новостей. Это просто чудо, что при таком мятеже и массированном вмешательстве полиции, она сумела проявить

сдержанность. Это чудо, что тяжело раненные были только со стороны полиции. Это чудо, что офицеры полиции сохранили достаточно хладнокровия, чтобы все время менять тактику в соответствии с обстоятельствами».

Генерал ему сказал: «Полицейским надо дать на водку! Своим поведением они это заслужили». Это означает, что полицейским надо выдать награды. Это поможет им стойко переносить удары.

Порядок был сохранен. И силы порядка не просто задали мятежникам трепку, но преподали им урок. Государство располагает ста тысячами жандармов и таким же количеством полицейских, половина которых может быть приведена в действие немедленно. А есть еще резервисты. Было бы нелепо на основании событий минувшей ночи делать вывод, будто в следующую ночь манифестанты станут хозяевами Парижа.

Однако именно так думают в Матиньонском дворце и постараются убедить в этом Помпиду после его возвращения.

[...]

Совет Парижского университета собрался этим утром, чтобы выразить свое сожаление и неодобрение. Он поручил ректору и деканам срочно попросить аудиенции у главы государства и довести до его сведения, что министр образования больше не пользуется их доверием. Во время этого заседания у меня было не много защитников. Деканы не понимают, почему не было выполнено обещание, которое я торжественно дал перед Национальным собранием, а о моих словах они судят по упрощенному изложению в колонке *France-Soir*⁴⁰.

Ла Шевалери звонит мне в середине дня: «К Генералу обратились с просьбой о встрече ректор и деканы, которых совет Парижского Университета уполномочил явиться к нему в полном составе. Конечно Генерал, которому известна цель этого демарша, деканов не примет. А с ректором он будет говорить в вашем присутствии. Он примет вас сначала одного, а затем ваш разговор будет продолжен с участием ректора. Генерал ждет вас к 18 часам».

Я не могу не чувствовать признательности к Генералу за ту деликатность, с которой он выводит меня из-под удара.

Перед отъездом в Елисейский дворец я говорю по телефону с Жоксом. Сегодня во второй половине дня Генерал принял у себя в кабинете одного за другим Жокса, Фуше и Гримо. Жокс вводит меня в курс этих бесед:

«Мы все трое сказали ему, что происходящая эскалация нелепа, и что единственный способ остановить ее — это освободить арестованных манифестантов, обещать амнистию, открыть Сорбонну, вывести силы полиции».

Генерал был непреклонен: «Нельзя капитулировать перед бунтом! С мятежниками не дискутируют! Если мы спустим штаны, Государства больше нет! Власть не может отступить, или она погибла».

Золотой салон, 11 мая 1968, суббота.

Ровно в 18 часов адъютант вводит меня в кабинет. У Генерала розовые щеки, как это бывает с ним в последние годы в моменты больших неприятностей: отставка министров MRP, приговор генералу Салану в виде простого тюремного заключения, разочаровывающие результаты референдума 1962 года о конституции, президентские выборы 1965 года.

ГдГ. «Итак, ваш взгляд на сложившуюся ситуацию?»

Ап. Это возмущение питает само себя. У него нет иных целей, кроме тех, которые возникли по ходу его развития: открытие Сорбонны, освобождение задержанных студентов, удаление сил полиции. Сегодня ночью у нескольких тысяч манифестантов других требований не было. Их поддерживают окрестные жители: они либо сочувствовали им с самого начала, либо стали сочувствовать, будучи возмущены тем, что они называют «зверствами полиции».

ГдГ. Что вы предлагаете?

Ап. Принять три требования студентов, но одновременно потребовать выполнения трех гарантий: отказ от новых манифестаций; внутрь Сорбонны пропускать только студентов; дежурство возле Сорбонны нескольких полицейских фургонов вплоть до того момента, когда Сорбонна откроется вновь без всяких инцидентов и установится спокойствие.

Таким образом, мы продемонстрируем одновременно и гуманность, и твердость. Меньше гуманности — общество бу-

дет против нас. Меньше твердости — авторитету государства будет нанесен удар, и мы уже не сможем заделать брешь. Руководители Федерации национального образования вчера этот план приняли, но одержимые из UNEF и SNESup отказались. Больше вести переговоры не о чем. Достаточно опубликовать эти разумные предложения от имени власти, и общественное мнение будет на нашей стороне. Оно почувствует себя успокоенным.

Тем более, что против нас настроено только население Латинского квартала, а глубинная Франция на нашей стороне. И ее сочувствие нам еще более укрепится, когда сегодня вечером она увидит кадры сожженных автомашин.

ГдГ. Вы думаете, что глубинная Франция за нас?

АП. Не нужно придавать значение опросу, который провела *France-Soir* среди жителей Парижа. Я уверен, что глубинная Франция придерживается иных воззрений». (Я привожу ему результаты ежедневных опросов в департаменте Сен-э-Марн.)

У него вид заинтересованный, но сомневающийся.

ГдГ. «Вы так думаете?»

АП. Я уверен. Мы выиграем борьбу за общественное мнение, если ясно заявим о наших целях».

Ректор Рош входит в кабинет в 18 ч. 15 мин. Увидев меня, он выглядит растерянным. Выходит, его не предупредили, что он будет принят в моем присутствии? Ему будет трудно выполнить ту миссию, которую ему поручили деканы. Эти вторые четверть часа имеют какую-то сюрреалистическую окраску.

Генерал встает, любезно встречает Роша, усаживает его: «Вы ведь ректор Парижского Университета?».

Рош, обескураженный, отвечает после короткой паузы неуверенным голосом: «Да».

ГдГ. «И вы им остаетесь!».

Дошла ли до Генерала информация о том, что Роша уговаривали, отказаться от поста ректора? С такими предложениями к нему последовательно обращались Кон-Бендит, Турен и ряд других лиц, посетивших его в эту ночь, а утром — общее собрание преподавателей филологического факультета и некото-

рые члены совета Университета. Ясно, что Генералу не нужна еще одна забота в виде отставки ректора и что он хочет укрепить его на занимаемом посту.

Рош, собравшись с мыслями, говорит Генералу: «Некоторые предлагали мне подать в отставку. Я подумал, что это значило бы покинуть свой пост без приказа. Я отказался».

«Очень хорошо», — говорит **Генерал**, энергично кивая головой.

Ректор. «Это какой-то приступ безумия. Нельзя уступать. Но также нельзя допускать, чтобы безумие распространялось. Самые спокойные люди теряют хладнокровие, самые рассудительные не знают, что говорят. Самое печальное, что вплоть до последней недели безумие ограничивалось головами нескольких экстремистов; теперь оно захватило тысячи студентов, сотни ассистентов, младших преподавателей и даже профессоров».

Затем **Генерал** задает ректору вопросы относительно Нантера, Сорбонны, последних месяцев, истекшей недели. Во время этого допроса я храню молчание, поскольку ректор не говорит ничего, с чем я не был бы полностью согласен.

ГдГ. «Были ли в Сорбонне какие-нибудь предвестники беспорядков? Думали ли вы, что двор Сорбонны может быть захвачен?»

Ректор. Нет-нет! Захват двора произошел молниеносно. Были кое-какие инциденты, несколько стычек между крайне правыми и крайне левыми студентами, начало пожара, вина за который была возложена на крайне правых. Но ничто не предвещало столь массовой мобилизации Сорбонны. Проблемы были только в Нантере, и мы объясняли их плохим окружением, неудобным транспортом, заставлявшим студентов целыми днями сидеть на месте, трудными условиями работы. За пределами Нантера проблем не было».

Через четверть часа, ни слова не сказав о том, что он собирается делать, **Генерал** встает: «Итак, господин ректор, я благодарю вас за то, что вы мне сообщили».

Сделав мне знак остаться, он любезно провожает своего посетителя ровно в 18 ч. 30 мин.

ГдГ. «Он производит хорошее впечатление, *ваш* ректор... Итак, что же будем делать?»

АП. Для добропорядочных студентов — бархатные перчатки. Для революционеров — железный кулак. Что было, то прошло, повторения не будет».

Я зачитываю написанный мной взвешенный план дальнейших действий. Три требования главарей могут быть удовлетворены, если будут сопровождаться мерами, исключающими повторение беспорядков...

[...]

Генерал слушает меня, не прерывая. Он просит снова повторить каждый из трех пунктов вместе с сопровождающими их условиями. Этот триптих уступок, компенсированных мерами предосторожности, его явно устраивает. Тогда я выкладываю скромную карту, которую держал в запасе:

«Господин генерал, я изложил то, что мне казалось желательным предпринять. Я вполне могу допустить, что вы смотрите на вещи иначе. Но в этом случае, я готов признать, что я не тот человек, который требуется в этой ситуации. Если предложенный мной план слишком расходится с вашими взглядами или если вы, попросту, считаете, что кто-то другой сможет способствовать разрешению кризиса лучше, чем я, мой портфель, само собой разумеется, находится в вашем распоряжении».

Он слегка вздрагивает, как будто я произнес какую-то нелепость, а его правая рука делает резкий отрицающий жест:

«Нет. Вы остаетесь. Когда все будет закончено, мы подведем итог и тогда посмотрим, нет ли какой-нибудь другой области, которая подошла бы вам более. Но пока — держитесь!».

Быстро отбросив эту гипотезу, он продолжает: «Ваш план имеет то преимущество, что позволяет нам проявить миролюбие и одновременно взять ситуацию под контроль».

Он заключает: «Так мы и сделаем. До всеобщей забастовки в понедельник ничего не случится. Мы соберемся здесь завтра утром. Мы доработаем этот план, и премьер-министр огласит его по окончании».

Ясно, что он испытывает чувство облегчения: он видит, как можно в одно и то же время избежать капитуляции, унижительной для государства, и упорного отказа, который блокировал бы ситуацию. В 19 ч. 15 мин. он провожает меня до дверей кабинета.

6. Помпиду: «Только я могу начать все с нуля»

11 мая 1968, 19 ч. 15 мин.

Когда я выхожу от Генерала, Флоик⁴¹, с транзистором возле уха, говорит мне: «Премьер-министр только что прибыл в Орли. Он сказал журналистам, что у него имеются очень четкие планы. Я полагаю, что он ими поделится с вами и изложит их Генералу».

Я мчусь на улицу Гренель. Звоню Трико, чтобы держать его в курсе решений Генерала. «Я только что вышел из его кабинета, — говорит он мне. — Он все это мне объяснил и поручил подготовить на завтрашнее утро совещание в его кабинете в составе премьер-министра, министра юстиции, военного министра, министра внутренних дел, министра информации и вас. Он даже продиктовал мне в общих чертах сбалансированный план, который может быть принят и обнародован премьер-министром по окончании совещания. Он прекрасно запомнил все, что вы ему сказали».

Матиньонский дворец, 11 мая 1968, 20 ч.

Премьер-министр вызвал Жокса, Фуше, Мессмера, Фрея, Гишара, Горса и меня. Вот уже восемь дней, как Жокс, Фуше и я, хотя поддержание общественного порядка не входит в мои обязанности, не ложились спать раньше 3 или 4 часов утра. А последнюю ночь мы не спали вообще. Мы смотрим друг на друга: наши осунувшиеся, бледные лица контрастируют с лицом Помпиду, свежим и отдохнувшим, несмотря на проделанное премьер-министром путешествие. Можно поверить Жоффру, утверждавшему, что победу на Марне он одержал потому, что хорошо выпался. Помпиду вносит с собой атмосферу безмятежности. Его уверенность в себе производит впечатление: «Да, меня все время держали в курсе событий. Мне так не терпелось вернуться... Все это — истерический припадок, не более. У меня то преимущество, что я смотрю на все это со стороны. Только я один могу поставить все счетчики на ноль и помирить нас со студентами».

Помпиду, как и Гримо, говорит «студенты». Хотя этой ночью на баррикадах было много лицейстов, еще больше — всяких личностей, не имеющих никакого отношения к Университету, и всего 5 процентов от общего количества парижских студентов.

Он читает нам приготовленный в Каравелле, на обратном пути, текст выступления, с ключевой фразой: «Я решил, что Сорбонна будет открыта для свободного доступа с понедельника. Лекции возобновятся под попечением ректора и деканов. Есть возражения?».

Все молчат. Жокс и Фуше безуспешно пытались отстоять такое решение перед Генералом сегодня во второй половине дня. Ожидают ли они, что премьер-министру удастся быть услышанным?

Я решаюсь прервать молчание: «Во-первых, ваши предложения покажутся демонстрантам недостаточными. Открытие Сорбонны уже отошло на второй план. Их главное требование состоит в освобождении четырех задержанных».

Помпиду признает законность этого замечания и добавляет в свой текст фразу, которую мы формулируем вместе: «Апелляционный суд сможет, в соответствии с законом, рассмотреть просьбу об освобождении осужденных студентов».

АП. «Это то, что касается уступок. Но если не будет никаких условий с нашей стороны, ваше великодушие будет воспринято как капитуляция. Надо принять меры, чтобы Сорбонна не оказалась открытой для кого угодно. Мы имеем дело не с прилежными студентиками, которые только и думают, как бы возобновить занятия и сдать экзамены. Перед вами революционеры, которые хотят занимать Сорбонну днем и ночью и заниматься там революцией. Если вы откроете *свободный* доступ в Сорбонну, вы не сможете больше их оттуда выставить. Вы рискуете вызвать лавину».

Помпиду. Что вы хотите, чтобы они там делали днем и ночью? Они быстро устанут и утомят всех, если захотят устраивать там непрерывные митинги. Наговорятся вволю и замолчат. Нет! Либо надо оказать им доверие, либо нет. Если мы обставим наш великодушный жест всякими условиями, мы уничтожим весь психологический эффект. Не надо мелочиться».

Я снова беру слово и выражаю беспокойство, чтобы зараза не распространилась на всю страну.

Помпиду. «Какая зараза? Профсоюзы никогда не были так спокойны. Коммунисты настроены враждебно к гошистам. Не беспокойтесь. Чутье меня не подведет.

[...]

Если гошисты захотят устроить тарарам, общественное мнение обернется против них. Наша лучшая карта состоит в демонстрации неразумных последствий их действий. Мы откроем свободный вход. И пускай разбираются сами».

Я все-таки делаю последнюю попытку:

«Зачем торопиться? Раньше чем в понедельник вечером ничего не произойдет. Я боюсь, что потом зараза поползет по стране. Лучше не торопиться и оценить последствия. Почему бы не собраться завтра и уже тогда принять решение?

(Я не счел себя в праве сообщать о решении Генерала: собрать совещание в своем кабинете завтра утром.)

Помпиду. Нет-нет! Не надо терять ни часа. У меня даже был соблазн объявить о моем решении сразу по прибытии в Орли. Но я должен все-таки сначала поговорить с Генералом».

Он сухо завершает, не давая ни одному из моих коллег открыть рот: «Итак, мое решение принято. Мне остается получить одобрение Генерала и сделать его достоянием гласности».

Настаивать бесполезно. Помпиду непреклонен. Но я не сомневаюсь, что он сейчас столкнется с Генералом, который всю эту неделю отклонял наши предложения, шедшие в том же направлении, хотя мы окружали их всякими предосторожностями, чего премьер-министр делать не собирается.

Мы выходим. Жокс и Фуше, очевидно, испытывают облегчение, видя, что премьер-министр сразу же взял на себя решение, которое они предлагали. Жокс шепчет мне на ухо: «Неужели он сможет переубедить Генерала? Это будет интересно».

Я возвращаюсь домой и делаю несколько звонков своей «агентуре» в Сен-э-Марн. Суть ответов не меняется: «Главное, не уступайте!».

11 мая 1968, 23 ч.

Помпиду выступает по телевидению. Я ошеломлен. Он добился одобрения своей линии. Два часа назад Генерал выказал мне полную поддержку, подтвердил ее Трико и готовился закрепить решение завтра утром. И вот теперь он переходит без борьбы на прямо противоположную позицию?

Либо он находится *под влиянием* — он, никогда ни под чьим влиянием не находившийся, а теперь поддавшийся вну-

шению человека, чья компетентность, энергия, самообладание производят на него впечатление и даже внушают ему робость, коль скоро речь идет об Университете, о молодых, о сфере, где он не так уверен в себе. Либо — это уже не де Голль, но человек, чувствующий, как уменьшаются его силы, и очень довольный, что может передать ответственность своему соратнику, готовому смело принять ее на свои плечи. Других гипотез я не нахожу.

Правда, позднее он сам даст мне еще и третье объяснение.

Я угнетен. Если уж объявлять об открытии Сорбонны и об освобождении осужденных студентов, то, очевидно, лучше было бы сделать это до столкновений прошедшей ночи. Разве смогут французы расценить такую перемену позиции иначе, как выражение со стороны Помпиду недоверия его собственному правительству, а следовательно, — и самому Генералу?

Улица Гренель, 12 мая 1968, воскресенье.

[...]

Чем больше я размышляю о выступлении премьер-министра, тем больше убеждаюсь, что не могу больше оставаться на своем посту. [...]

Он решил, несмотря на мои возражения, круто изменить линию поведения, которой мы придерживались в его отсутствие. Он получил на это согласие Генерала. Я не могу быть человеком этой новой политики, у которой мало шансов оказаться успешной, но которая вообще не имеет шансов на успех, если на постах останутся те же люди.

Я пишу ему от руки на бумаге для личной корреспонденции:

Париж, 12 мая.

Господин премьер-министр,

Вчера вечером вы сделали свою ставку. Ранее я обратил ваше внимание на опасности, с которыми она сопряжена. Как бы я хотел, чтобы вы выиграли! Но, оставаясь на том посту, который я занимаю, я бы только сокращал имеющиеся у вас шансы.

Я следовал — стремясь при этом, хотя и без успеха, успокоить умы, — предписаниям Генерала, рекомендовавшего нам проявлять твердость.

Теперь, когда вам удалось склонить его к политике, противоположной той, которую я был уполномочен проводить и символом которой, волей или неволей, я стал, мне представляется желательным, чтобы кто-то другой заменил меня на моем посту.

Прошу вас, господин премьер-министр, верить в мою искреннюю преданность».

Во второй половине дня я поручил моему инспектору доставить это письмо на частную квартиру Помпиду на набережной Бетюн. Так как премьер-министр проводил воскресенье в Орвилье, письмо было оставлено консьержу, обещавшему вручить его немедленно по прибытии адресата.

13 мая 1968, понедельник.

Я звоню Жоксу: «Все-таки жаль, что у нас ничего не получилось с переговорами! Есть что-то нелепое в том, что мы сражались целую ночь, чтобы не допустить уступок, а на следующий день прибывает премьер-министр и соглашается на все уступки, даже глазом не моргнув!

Жокс. Я вам уже говорил: Помпиду запретил мне идти на уступки. Он хотел быть человеком, который соглашается сделать то, чему противились нехорошие люди. Я не знаю, что произойдет в ближайшие дни. Но в одном я уверен: в один прекрасный день Помпиду станет президентом Республики».

[...]

Матиньонский дворец, 13 мая.

Помпиду вызывает меня на 15 часов и отвергает мое предложение:

«Об этом не может быть и речи. Если вы уйдете, все скажут, что я возложил на вас ответственность за сложившуюся ситуацию. Но в нашей Республике не ищут козлов отпущения. Через сорок восемь часов все это прекратится. А теперь постарайтесь помириться с университетской публикой, которая злится на вас за введение полиции в Сорбонну».

Я излагаю ему всю историю «дезэскалации», сорванной лидерами гошистов, и вижу, что он об этом ничего не знает. Он

удивлен: «Разве не Генерал навязал вам это решение?» Я заверяю его, что нет.

АП. «Я научился верить тому, что говорят эти молодые революционеры. Вот увидите, сегодня вечером они оккупируют Сорбонну на свой манер — как мы уже наблюдали это в Нантере.

Помпиду. В любом случае мы не могли помешать взятию Сорбонны штурмом.

АП. Как вам могли такое сказать? Манифестация в Данфер-Рошере, конечно, производит внушительное впечатление, но ведь она организовывалась и контролировалась СГТ. Гошисты были не в состоянии увлечь массы. А если бы они захотели действовать сами по себе, то произошли бы резкие столкновения, какие мы уже выдержали 3, 6, 7 и 10 мая, но никогда гошисты не одержали бы верх.

Помпиду. Их 200 тысяч. Ничего нельзя сделать против 200 тысяч распоясавшихся манифестантов».

Я предпочитаю не спорить, а предлагаю ему несколько идей на другую тему: как наладить работу в Университете и не дать ему превратиться в «критический университет».

АП. «Я думаю создать комитет, состоящий из признанных авторитетов, что-то вроде комиссии Массе, которая была создана во время забастовки шахтеров. Можно было бы также ввести представителей студентов в состав комиссии Капелля* и создать национальную структуру для изучения условий жизни студентов.

Помпиду (с рассеянным видом). Да, может быть, подумаем об этом позже».

Затем я перечисляю ему меры, которые следует предусмотреть на случай, если мелкие студенческие группки снова прибегнут к насильственным действиям: чрезвычайное положение, предание суду за покушение на внутреннюю безопасность государства, использование ст. 16.

Он машет на меня руками: «Вы просто одержимы черными мыслями! Чрезвычайное положение, покушение на безопасность государства, ст. 16 — из-за этих-то мальчишек! Это

* Комиссия, созданная для рассмотрения вопроса об обновлении методов преподавания.

же безумие! Можно подумать, что вам самому никогда не было двадцать лет! Опомнитесь! Через сорок восемь часов все закончится!

АП (меняя тему). Мы запланировали на эту неделю три дня дебатов в Национальном собрании о народном образовании. Согласны ли вы с этим в принципе? Поскольку на завтра предусмотрено ваше выступление в Собрании, сократим ли мы дебаты до двух дней или перенесем их на следующую неделю?

Помпиду (после секундного колебания). Вы думаете, это подходящий момент?

АП. Да, более чем... Вы перехватили инициативу своим ярким выступлением. Но главная инициатива правительства состоит в определении правил, которые позволят покончить с беспорядком.

Помпиду. Вы готовы выступить по существу?

АП. Еще осенью мы подготовили три важные реформы, которые до сих пор не предложены Национальному собранию на обсуждение. Одна реформа — относительно ориентации в школах второй ступени. Другая — об обновлении педагогического процесса на всех уровнях обучения. Третья — об отборе и автономии в университетах. По поводу последней вы высказали мнение, что нет необходимости в законе и можно ограничиться декретом; с учетом того, что сейчас происходит, я могу только присоединиться к вашему решению. [...] Моя декларация должна быть выверена до миллиметра; разумеется, я передам ее вам для одобрения. Она сможет послужить основой для обсуждения в Комиссии по культуре, которая привлечет ответственных лиц, преподавателей и студентов университета, представителей профсоюзов и патроната. Дебаты должны происходить в Бурбонском дворце, как и положено, а не на улице или в университетских амфитеатрах, где тон задают *бешеные*.

Студентов надо подключить обязательно. Преподаватели сначала не хотели участвовать, но сейчас они постараются вскочить в уходящий поезд. Наполеоновский Университет долженделиться на автономные университеты, и происходить это должно, разумеется, под руководством государства, которое одно способно довести до конца это преобразование».

Помпиду, в конечном счете, не сказал мне ни да, ни нет: «Надо посмотреть, как пройдет заседание завтра, после моей декларации, и как будет выглядеть резолюция о доверии».

Пора переходить к заключению.

АП. «Вы добились чрезвычайно больших успехов в Матиньонском дворце, если вы позволите мне вам об этом сказать. Ваше присутствие на вершине власти чувствуется очень сильно, а ваша способность влиять на Генерала необыкновенно велика. Ваше отсутствие нарушило равновесие в ходе государственных дел. Если бы вы были здесь, дела пошли бы иначе».

Помпиду улыбается, чувствует себя очень свободно: «Я понимаю, что вы хотите сказать. (Я в этом не уверен.) Действительно, оставляя временного заместителя, важно знать, что он не зарится на ваше место».

Очевидно, он думает о Дебре, которого совершенно не желает видеть на своем месте. В этом смысле Жокс не внушает ему никаких опасений. Но я-то думал не только об этом. Если бы Помпиду пережил последнюю неделю здесь, день за днем, он бы не поступил столь опрометчиво позавчера вечером.

Помпиду понижает голос: «Вы знаете, всего этого не случилось бы, если бы... Дело в том, что Генерал переменялся...».

Уже дважды Помпиду обращался ко мне с подобными словами, каждый раз понижая голос, хотя никого рядом не было, — это его способ дать понять, что речь идет о вещах секретных: «Понимаете, Генерал уже не тот. Он постарел. У него уже нет прежнего чутья, он не всегда точно ощущает последствия своих инициатив и своих высказываний».

Если он повторяет мне эти ужасные слова, забыв о том, что уже однажды их произносил, то это означает, что и другим он говорит примерно то же. Ясно, что для Помпиду приближается момент, когда в интересах страны он должен будет занять место Генерала. Но подобные суждения он произносит только с глазу на глаз. Все его поведение показывает, что он только и думает, как бы выполнить сыновний долг, набросив покрывало Ноя на слабости Генерала.

Это — верх лояльности. Однако, в данных обстоятельствах, прав ли он сам, доверяя своей интуиции? Я-то думаю, что прав Генерал.

Слабость, неадекватность Генерала? Если кому и не достаёт пронизательности, то это парижскому правящему классу, включая людей, сидящих в министерских кабинетах. А единственные, кого не поразила эта слепота, — это Генерал и старые ворчуны из RPF, которым он привил культ государственной власти как последней опоры в испытаниях.

Жобер входит в кабинет Помпиду: пространство между площадью Республики и площадью Данфер-Рошера заполнили сотни тысяч манифестантов под красными и черными знаменами. Лозунги гласят: «Десять лет — достаточно!», или: «13 мая 1958 — 13 мая 1968, поздравляем с годовщиной!», или: «Власть отступает — опрокинем ее!». Раздаются богохульные выкрики: «Де Голля — в архив!», «Де Голля — в богадельню!».

Помпиду, недоверчиво посмеиваясь, говорит:

«Не собираются же они скинуть нас ко всем чертям ради десятой годовщины!». Провожая меня к дверям кабинета, он спрашивает со значением:

«Ваши сотрудники знают что-нибудь о ваших письмах?»

АП. Совершенно ничего.

Помпиду. Никому не говорите об этой отставке, понимаете? Никому, даже жене!».

Своим тончайшим нюхом он ощутил, что известие, или даже слух, об этой отставке может бросить тень на его авторитет, необходимый ему, чтобы выиграть пари.

7. «Мы спросим мнение народа»

Орли, 14 мая 1968, вторник, 7 ч. 15 мин.

Небольшая часть министров собралась в помещении аэропорта Орли, чтобы проводить Генерала, улетающего в Бухарест. От Фуше мы узнаем, что наше появление здесь чуть было не оказалось напрасным: ночью, с двенадцати до часу, он умолял Генерала отказаться от визита.

[...]

Приезжает Помпиду, и вскоре за ним — Генерал. Генерал пожимает нам руки и собирает в кружок вокруг себя: «Этой ночью я уже подумывал о том, чтобы отказаться от поездки. Но

она слишком важна для нашей внешней политики, для разрядки. Если бы я от нее отказался, это произвело бы в мире ужасное впечатление. Бухарест в трех часах лета на Каравелле. Не следует придавать студенческим беспорядкам большего значения, чем они заслуживают».

[...]

Когда самолет улетает, Фуше берет меня под руку и приглашает в свою машину, а моя пусть едет следом. Нагнувшись к моему уху, чтобы не быть услышанным сопровождающим его инспектором, он шепчет: «Ясно, что Помпиду хочет остаться один на капитанском мостике. Генерал производит впечатление человека, потерявшего равновесие: он склоняется к одному решению, потом к другому, противоположному, и так — каждые четверть часа. Я никогда не видел его в таком колеблющемся состоянии. В конце концов, он согласился с Помпиду, вопреки моему мнению».

Помолчав, он продолжает: «Вы знаете, я начинаю склоняться к мысли, что вы тогда были правы, — когда вернулся Помпиду. Профсоюзы решили, что правительство стало на колени, что наступил момент выдвигать требования. И нечего стесняться! Помпиду отважно снял штаны, но в результате остался-таки без штанов. Лучше бы он подождал двадцать четыре часа, да подумал».

Я очень хорошо понимаю колебания Генерала! С планетарной точки зрения, было жаль отказываться от поездки, которая могла бы посеять семена независимости и подточить монолитность советского блока. А кроме того, что бы он стал делать, если бы остался, — ведь он уже дал «карт-бланш» Помпиду? Однако на французское общественное мнение зрелище триумфального визита в Румынию, где де Голля будут приветствовать восторженные толпы, и в том числе — студенты Бухарестского университета, может произвести сюрреалистическое впечатление.

Бурбонский дворец, в тот же день.

[...]

Перед началом своего выступления в Национальном собрании Помпиду пригласил меня в кабинет Бурбонского дворца, специально предназначенный для премьер-министра.

Помпиду. «Я наметил себе то, что скажу в начале. Но затем в дебатах будут затрагиваться всевозможные предметы. Я должен буду в заключение обрисовать конкретные и ближайшие перспективы. Каковы они, по вашему мнению, в области образования?

АП. Я уверен, что кризис может позволить нам взять новый разбег и пойти дальше, чем мы первоначально намеревались. Почему бы не сделать торжественное заявление, провозгласив необходимость создания нового Университета? Покажем, что министерство готово обсуждать необходимые меры вместе со всеми.

Три принципа я считаю основополагающими: первый — автономия каждого университета, следовательно, их постепенная диверсификация; второй — участие студентов в руководстве университетом, даже совместное управление; третий — пересмотр педагогической системы, содержания занятий, методов оценки возможностей студентов.

Помпиду (поднимая руки к небу). То, что вы предлагаете, — это революция! Вы же понимаете, что сейчас не время.

АП. То, что сейчас назревает, как раз и есть революция. Она произойдет либо с нашим участием, либо против нас.

Помпиду. Все, что будет предложено министерством и оглашено вами, будет принято в штыки. Вот в чем проблема. Скажут, что вы идете на реформы только под давлением улицы.

АП. Будет легко напомнить, что я многократно выступал с предупреждениями и предостережениями еще до студенческих волнений! Я доказывал, что неподвижность приведет нас к взрыву. Впрочем, многие сановники в этом как раз меня и обвиняют!

Помпиду. Может быть. Но что бы вы ни делали, всё равно будет выглядеть так, как будто вы идете на поводу у революционных студентов.

АП. Но комитет признанных авторитетов, о котором я вам говорил, лишит наши инициативы личного оттенка. Он соберет мнения, исходящие отовсюду. Надо, к тому же, сделать так, чтобы в каждом учебном округе был свой комитет по выработке предложений, чтобы сами университетские власти участвовали в дискуссиях и, если возможно, их организовыва-

ли. Чрезвычайно важно избежать впечатления, будто реформы изготавливаются в Париже и навязываются оттуда.

Помпиду (качает головой). Надо, чтобы ярость революционеров скомпрометировала себя своими эксцессами. Именно так мы и покончим со всем этим».

Несколько минут спустя, он поднимается на трибуну и произносит впечатляющую декларацию, за которой следуют выступления ораторов оппозиции, прежде всего Миттерана.

Возвращаясь к событиям истекшей декады, Помпиду ни словом не упоминает ни о Генерале, ни о Жоксе, ни о Фуше, ни обо мне. И это выглядит как деликатное осуждение того, что предпринималось в его отсутствие. Складывается впечатление, что теперь он собирается взять университетские дела в собственные руки.

Миттеран атакует яростно: *«Что вы сделали с государством?.. Что вы сделали с правосудием?..»*.

Мендес-Франсу, Сюдро, которые, в свою очередь, выпустили свои обоймы, Помпиду отвечает пункт за пунктом: *«За последние шесть лет мы сдали в эксплуатацию такое количество университетских помещений, которое превышает их общий объем, каким он был в 1962 году»*.

Но он смог поднять дебаты на такой уровень, который произвел большое впечатление на всех депутатов: *«То, что происходит сейчас, я могу сравнить в нашей истории только с тем, что происходило в XV веке, когда рушились структуры Средневековья и студенты Сорбонны, уже тогда, поднимали мятежи. Наступил исторический момент, когда под вопрос поставлены, поверьте мне, не правительство, не учреждения и даже не Франция. Под вопрос поставлена сама наша цивилизация»*.

Что-то вроде эйфории распространилось в зале Собрания, а затем и в кулуарах. Популярность Помпиду в Парламенте была известна, причем не только среди депутатов большинства, но и среди различных оппозиционных фракций, включая и коммунистов. Его добродушие, неизменная улыбка, компетентность, культура — привлекают к нему всеобщие симпатии. Было известно, что его любят средние слои, но только кризис показал, до какой степени. Его субботнее выступление в точности соответствовало ожиданиям политического класса. А его

речь, которую он только что произнес в Национальном собрании, восхитила в равной мере и журналистов, и депутатов.

Его любят за то, что он человечен. Им восхищаются за то, что он бывает умелым, а иногда и глубоким. Его жизнелюбие ободряет. Он стремится не принудить, а убедить. Люди бессознательно благодарны ему за то, что он является контрастным дополнением к де Голлю; одни предпочитают его в качестве дополнения, другие — в качестве контраста.

После окончания заседания, когда толпа депутатов устремляется в зал бронзовых скульптур, я поздравляю Помпиду с высоким уровнем, на который он поднялся в своем выступлении. Я также задаю ему вопрос относительно одного заинтриговавшего меня пассажа:

«Вы, в самом деле, думаете, что парижскую смуту разжигали международные организации?»

Помпиду. Если я сказал об этом с высокой трибуны, значит, у меня надежные источники».

Помпиду любит использовать выражения, смысл которых легко угадывают близкие к нему люди. Он никогда не говорит ни о специальных службах, ни о телефонном прослушивании. Но мы знаем, что он пользуется информацией из этих источников, которые никогда не следует называть. Степень своей осведомленности он показал мне в начале месяца, в связи с позицией коммунистов.

Несколько дней спустя, я узнаю, что есть точные данные, что революционные группки в Париже получали денежные средства через китайское посольство в Берне, через ЦРУ и через Кубу; не считая подозрений в отношении Израиля и Болгарии, и тоже — через Швейцарию. «В то время как французские собственники отправляют чемоданы с банковскими билетами в Швейцарию, — говорит мой информатор, — другие чемоданы возвращаются оттуда с деньгами для наших бунтовщиков. Вот вам один из примеров круговорота денег в мире».

Буржуа и антибуржуа соприкасаются и смешиваются. Генерал вызвал гнев обеих враждующих сил, которым он бросил одновременный вызов. Но надо ли было, бросая вызов за вызовом, вызывать таким образом бурю?

[...]

Матиньонский дворец, 16 мая 1968, четверг.

Волна стачек сегодня достигла заводов «Рено», расположенных в Сандувиле, Ле Мансе, Флене, а также заводов «Юнилек» в Орлеане и «Локхид» в Бовэ. Несколько человек, в их числе Фрей, Гишар, Фокар и я, собрались в кабинете Помпиду. Наше общее мнение — просить премьер-министра выступить с осуждением растущих беспорядков, вышедших далеко за пределы Университета. Положительный эффект от его субботнего выступления испарился за три дня. Население снова проявляет растерянность.

Премьер-министр сомневается, что уже пришло время для его нового публичного выступления. Он предпочитает поручить Горсу зачитать коммюнике. Пока мы высказываемся, он сохраняет полное спокойствие и, в ответ на наши мольбы, пишет текст коммюнике:

«Коль скоро университетская реформа грозит превратиться в предлог для того, чтобы сеять беспорядок по всей стране, долг правительства состоит в том, чтобы поддерживать общественный мир и защищать всех граждан без исключения от эксцессов и подрывной деятельности».

Это звучит неопределенно, между тем как социальное положение явно ухудшается, а оппозиция переходит в наступление. Бюро Федерации левых демократов и социалистов потребовало отставки правительства и парламентских выборов. Коммунистическая партия заявила: «Быстро созревают условия для того, чтобы покончить с голлистской властью». Активисты стремятся вызвать новый подъем протестов среди студентов. Комитеты действия объявляют манифестацию против телевидения в Коньяк-Жэ на завтра в 20 ч. 30 мин.

Фрей, Фокар, Гишар настаивают: коммюнике недостаточно. Помпиду, наконец, соглашается выступить лично. Он по-прежнему сохраняет хладнокровие, тут же набрасывает проект своего выступления и зачитывает его нам:

«Я доказал свое стремление установить мир... Я вернул Университет его преподавателям и студентам... Я освободил арестованных манифестантов... Я объявил общую амнистию... Группы бешеных стремятся сделать беспорядок всеобщим, открыто заявляя о своей цели — разрушить нацию и самые основы

свободного общества... Правительство должно защищать Республику. Оно ее защитит».

[...]

В тот же день, 20 ч.

Выступление премьер-министра, записанное заранее, идет в эфир после теледебатов, устроенных между Кон-Бендитом, Жейсмаром и Соважо, с одной стороны, и тремя матерыми журналистами — с другой. Их стиль поведения, свободная манера выражаться привлекают к ним симпатии зрителей. Речь Помпиду, переданная вслед за тем, производит впечатление чего-то условного.

Когда студенты, легко пританцовывая, бросают булжники в полицейских с тяжелыми шлемами на голове, симпатии сами собой оказываются на их стороне. Когда они оказываются на телевизионном экране рядом с давно приевшимися физиономиями, победа им обеспечена. В веселой игре в подрывную деятельность победа всегда будет на их стороне.

Вечером они захватывают помещение театра Одеон.

[...]

17 мая 1968, пятница.

Среди моих коллег-министров организуется фронда: «Невозможно смотреть на фольклорные кадры триумфального путешествия Генерала по Румынии, в то время как здесь происходит восстание».

Дебре, Фуше и другие звонят в Бухарест и умоляют Генерала вернуться. Наконец он решает прилететь не в воскресенье утром, а в субботу вечером.

Орли, 18 мая 1968, суббота, 22 ч. 30 мин.

Один за другим министры прибывают в парадный зал аэропорта.

В 22 ч. 30 мин. Генерал появляется на траппе своей Каравеллы. Он возвращается из Бухареста в такой же отличной форме, как Помпиду в минувшую субботу из Кабула. Но с совершенно другими установками.

Мы выстраиваемся в порядке, предписанном протоколом.

У Генерала в ушах еще стоит гул от восторженных приветствий румынской толпы. А мы все охвачены тревогой и так

далеки от его душевного состояния. Приняв парад почетного караула, он здороваются с каждым из нас по очереди. Даже Помпиду, великолепно умеющий демонстрировать беззаботность, имеет довольно жалкий вид, когда Генерал бросает ему: «Итак, вы позволили захватить Одеон? Повсюду кавардак?».

Только он умеет стереть с лица Помпиду его постоянную улыбочку. Помпиду произносит в ответ шепотом какую-то фразу, которую мне не удастся расслышать, но еще несколько долгих минут у него сохраняется выражение лица ребенка, которого выбрали. Обращаясь к Мальро, Генерал повторяет:

«Они взяли у вас Одеон?».

Мальро. «Это не принесет им счастья».

Когда очередь доходит до меня, Генерал говорит: «Итак, ваши студенты все еще гарцуют?».

АП. «Я надеюсь, что они, в конце концов, устанут».

Он переходит к следующему.

Своим обычным жестом он приглашает нас расположиться вокруг него.

ГдГ. «Я решил вернуться на несколько часов раньше. Так продолжаться не может. Надо принять меры немедленно. Сорбонна, Одеон — это уж слишком. Мы приведем все это в порядок. Мы поступим так, как поступали всегда в трудные моменты. Мы спросим мнение народа».

Затем Генерал говорит нам о своей поездке: «Она имела очень большое значение. Францию там любят необычайно. Франция — это свобода, это независимость народа. И потом, — он поворачивается ко мне, — румыны производят отсев! И никаких проблем со студентами».

Пока Генерал отъезжает, мы пытаемся понять, что он имел в виду, говоря о своих планах. Некоторые полагают, что он имел в виду ст. 16, но Кув направляет нашу мысль на правильный путь: речь идет о референдуме. Во всяком случае, на всех произвела впечатление его решимость, выглядящая как критика того, что делалось в его отсутствие, и как прямой упрек Помпиду.

Впервые за десять лет я вижу, как Генерал — пусть косвенно и ненавязчиво — делает выговор своему премьер-министру в присутствии других министров. С пристыженным видом Помпиду садится в машину Генерала.

Гримо принял меры к тому, чтобы кортеж Генерала следовал по необычному пути. Смешной контраст! Де Голль только что расстался с румынской толпой, которая приветствовала в его лице человека, сумевшего занять независимую позицию между двумя сверхдержавами и провозгласить право народов самим распоряжаться своей судьбой. И вот он должен возвращаться в Елисейский дворец тайком, окольными путями.

В Орли **Флоик** тихонько рассказал мне:

«Генерал не переставал переживать то, что происходило в Париже. Мы звонили несколько раз в день, чтобы получать самые свежие новости. И каждый раз узнавали: еще один завод забастовал, еще один факультет захвачен, Одеон оккупирован. В самолете на обратном пути он написал на бумаге, которую показал мне: «Надо очистить сначала Одеон, потом Сорбонну». Таков четкий приказ, который он собирается отдать правительству. Он упрекает Помпиду в том, что тот все пустил на самотек.

АП. То, что сейчас происходит, — логическое следствие решения, принятого в прошлую субботу. С того момента, как мы решили оказать доверие революционерам, как будто они хорошие примерные студентки, нам остается только довести эксперимент до конца, то есть — никак не реагировать.

Флоик. Генерал видит опасность. Мы оказались на наклонной плоскости. Поэтому он принял решение провести референдум: только так, по его мнению, можно остановить соскальзывание, доказав, что народ на его стороне».

8. «Реформа — да! Кавардак — нет!»

19 мая 1968, воскресенье, утро.

Генерал провел совещание, посвященное поддержанию порядка; в это самое время, в минувшее воскресенье, он собирался провести другое совещание — для принятия моего «сбалансированного плана».

Но теперь уже обсуждаются другие вопросы: и университет, и студенты отошли в прошлое. Теперь речь идет о борьбе с захлестывающей страну волной подрывной деятельности. На

совещание, кроме Помпиду, были приглашены только Фуше, Жокс, Мессмер, Гримо и Горс — поскольку от министерства информации зависит все. При выходе Горс, с юмором, затем Помпиду, смакуя, повторяют слова оракула: «Реформа — да! Кавардак — нет!».

Я пытаюсь узнать немного больше. Фуше нет в его кабинете, но я расспрашиваю Данно, который только что получил сжатую информацию о совещании.

Каждому досталось на орехи. Генерал сразу пошел в наступление: «Кавардак продолжался слишком долго. Я принял решение. Одеон должен быть очищен сегодня вечером, а Сорбонна — завтра. На ORTF — вы слышите, Горс? — всех смутьянов за дверь!».

Фуше ему заметил, что полиция травмирована. Генерал попросил объяснить, что он имеет в виду. Фуше ответил, что у полиции такое чувство, что ее действия дезавуированы. Помпиду согласен, что необходимо очистить Одеон, но с Сорбонной просит повременить. Генерал с этим соглашается, но на эвакуации Одеона настаивает, несмотря на возражения Гримо, которому поручена операция.

20 мая 1960, понедельник.

Как могло случиться, что указание Генерала очистить Одеон, данное Помпиду, Фуше и Гримо, оказалось разглашенным? Как оно могло разнестись по Парижу, если только не усилиями тех, кто не хотел его выполнять? Конечно, не может быть речи о том, чтобы осуществлять операцию, рассчитанную на внезапность, после того как о ней сообщили по радио.

Разумеется, речь шла не о том, чтобы штурмовать театр с автоматами наперевес, когда там находится три тысячи чудачков, разыгрывающих свою психологическую драму; замысел состоял в том, чтобы проникнуть в театр маленькими группами в ранние утренние часы, когда там оставалось бы несколько десятков заспанных захватчиков.

Каждый вечер я связываюсь со своими корреспондентами в Сен-э-Марн. Недовольство тамошних жителей не уменьшается, и растет их удивление пассивностью властей. Потoki речей, которые, по сведениям прессы, захлестывают универси-

тетские аудитории и сцену Одеона, возмущают простой народ. Крайности, к которым прибегают гошисты, кажутся все менее обоснованными, направленными исключительно на разжигание бунтарских настроений. А со стороны правительства не видно никаких признаков решительных действий, которых все ожидали. Царит удивление: когда же будет дан решительный отпор волне насилия?

[...]

Бурбонский дворец, 21 мая 1968, вторник, вторая половина дня.

Пока в зале продолжаются дебаты о доверии правительству, депутаты бродят по кулуарам. Голлисты старшего призыва удрученно спрашивают друг друга: «Еще вчера в Елисейском дворце Генерал, как Юпитер, метал громы и молнии, требуя немедленного освобождения Одеона и Сорбонны, — так почему же он дал так легко себя переубедить и отказался от своего требования?».

Тем временем де Голль принимает Гарримана, возглавляющего американскую делегацию на Парижских переговорах, потом — Ксюан Туя, главу северо-вьетнамской делегации. Я представляю себе двойственность чувств Генерала: с одной стороны, гордость за французов в связи с тем, что Париж стал местом, где две враждующие стороны ведут мирные переговоры, а с другой, — стыд, которым покрыли себя французы из-за царящего в стране беспорядка.

9. «Ваш подход состоял в том, чтобы не вмешиваться»

Совет министров, 23 мая 1968, четверг.

[...]

Фуше, за ним Жанненэ обобщают данные о беспорядках, царящих на улице и в экономике. После их длинных выступлений, Генерал минуту молчит и сосредоточивается.

ГдГ. «Чуть позже я попрошу каждого из вас высказаться. Но сначала я скажу вам, что я думаю об этой ситуации.

Мы существуем в стране и в обществе, которые вовлечены в преобразования, равных которым ни по размаху, ни по ритму не

было никогда. В этой стране нет страха ни перед войной, ни перед нищетой, нет чувства угрозы ни извне, ни изнутри. Она вовлечена в поступательное движение, с которым она ничего не может поделать, потому что оно вытекает из причин, не поддающихся контролю; короче говоря, речь идет о технической и механической цивилизации. Вот почему все области жизни находятся в состоянии смуты, которая затрагивает, прежде всего, молодежь.

Не следует удивляться, что рано или поздно это проявилось в национальном масштабе, равно как и в интернациональном, но, как всегда, мы первые указываем путь.

Смута дает о себе знать сверху донизу, но особенно в Университете, где возбуждение сильнее всего.

Университет плохо организован, он не соответствует своему назначению. Там уже давно царит неразбериха. Там давно уже надо было произвести перемены, но это не было сделано. Я на этом не останавливаюсь, но все понимают, что я хочу сказать. То же самое — и в отношении общественного порядка. Возможно, следовало действовать быстрее и тверже, как только на улице возникли беспорядки».

Генерал прямо обращается к премьер-министру, который сидит напротив:

«Ваш подход состоял в том, чтобы не вмешиваться и дать ситуации развиваться. Такая позиция возможна, но лишь до тех пор, пока не затрагиваются основы Государства. Но к чему долго рассуждать? Факт остается фактом: студенческое движение послужило детонатором, вызвавшим цепную реакцию у всех, кто был недоволен по тем или иным причинам. Началось движение по захвату предприятий и всей страны.

Такая ситуация не может продолжаться. Надо положить ей конец, поставив французов перед лицом реальности. Иначе все это приведет к революции, к попытке части населения завладеть Республикой и свергнуть государственные институты. Такое намерение, безусловно, существует в некоторых группах, в некоторых общественных организациях. Но в стране нет широко распространенного желания совершить революцию. А Государство прочно стоит на ногах и обладает достаточной силой, чтобы отразить любые попытки его разрушить. Достаточно обладать твердой волей и не уступить.

Происходящее имеет причины. Повсюду возникло желание воспользоваться прогрессом, получить свою долю прибыли. Возникло стремление улучшить свои условия жизни, особенно у тех, кто привык выдвигать требования — у рабочих, у крестьян. Это импульс механического общества: урвать для себя как можно больше. Раз получается, почему не воспользоваться случаем? При этом не думают, к какому общему дисбалансу это может привести.

И потом есть еще один момент, связанный с первым. Это — всеобщее желание *участвовать*, как теперь выражаются. Участвовать — то есть не быть деталью, автоматически включенной в промышленные, административные и другие механизмы. Это может вылиться в неумеренное желание все оспаривать. Всеобщее желание участвовать с особенной силой проявляется у молодежи. А стремление улучшить свое материальное положение совсем не обязательно охватывает самых обездоленных, но скорее тех, кто руководит ими.

Таким образом, все желают иметь больше, чем у них есть. И все желают «вмешаться», «сказать свое слово», «поучаствовать».

С другой стороны, существуют потребности нации и обязанности Государства. И первая из них — поддерживать общественный порядок. Везде, где возможно, оно должно обеспечивать для населения элементарные вещи: жизнь, здоровье, средства сообщения, свободу труда.

Соответственно, надо поддерживать непрерывный контакт, разговаривать, договариваться, — во всяком случае, со всеми теми, кто к этому способен. Нужно давать требуемые вещи, и лучше давать их добровольно, но надо следить, чтобы равновесие не было нарушено.

Но, кроме всего этого, необходимо, чтобы Государство — и, в первую очередь, я сам — провело некую общую акцию, в национальном масштабе.

Стремление к повышению жизненного уровня и к участию — это вещи элементарные и даже естественные. Государство должно оформить и возглавить эти тенденции. И на это оно должно получить мандат от страны. Нужно, чтобы страна нам сказала: «Такие, как вы есть, вы пользуетесь нашим доверием.

Мы поручаем вам реформировать Университет, чтобы он соответствовал современным потребностям Нации, чтобы роль молодежи была определена и уточнена. Мы доверяем вам изменить экономику, чтобы улучшить положение всех и, в первую очередь, наименее обеспеченных; чтобы участие было увеличено и затрагивало сферу ответственности, благодаря приобщению персонала к развитию предприятий; чтобы расширялось формирование кадров, и обеспечивалась их занятость; чтобы была определена деятельность местных органов».

Акция, которую надо провести в национальном масштабе, — которую должен провести я, — это референдум по всем затронутым вопросам; это значит: попросить у народа мандат на то, чтобы все это осуществить.

Если ответ будет «нет», моя работа закончена.

Если ответ будет «да», мы выполним эту задачу, опираясь на выражаемую народом волю.

[...]

Помпиду (завершая дебаты). Господин генерал, вы проанализировали происходящий в настоящее время процесс; в нем нашли выражение материальные потребности людей, а также потребность скорее моральная, чем политическая: почувствовать себя ответственными, ощутить свою причастность к решениям. Перед лицом технократической и централизаторской администрации, люди чувствуют себя стадом и бунтуют против пастуха.

Что касается молодежи: ее взрыв сможет нам помочь покончить с устаревшим Университетом. Но здесь имеются и отрицательные моменты.

У Франции больше нет фундаментальных задач. Германия погружена в свои национальные проблемы, Бельгия — лингвистические; Англия борется с упадком; Соединенные Штаты — с расовыми конфликтами. А Париж скушает. Отсюда — склонность к разрушению: лишь бы все переменить.

Мы вернулись к Парижу времен Революции. В 1830, 1848 и 1870 годах Парижу стоило зашевелиться, чтобы вызвать падение режима. Третья и Четвертая Республики отделялись сменой правительств. Но сегодня авторитет государства устоял, и это доказывает, что Пятая Республика стоит крепко...

Все, в конце концов, успокоится. Но этот кризис показал, что существуют новые силы: молодежь; а также СГТ и компартия, которые вскочили в поезд, уже набравший ход, и показали, что они являются единственными силами, способными парализовать государство, для которого нет другой надежной опоры, кроме мнения народа. К нему и надо обратиться. Надо, чтобы президент Республики, поскольку он является также генералом де Голлем, получил опору в народной поддержке.

Я не сторонник того, чтобы проводить выборы одновременно с референдумом. Я бы предпочел их разделить. Есть шанс, что, благодаря имени генерала де Голля, референдум будет позитивным. И есть риск, что, благодаря реакции против правительства, против министров, против меня лично, выборы окажутся негативными. Мы рискуем проиграть выборы, тогда как нам надо выиграть референдум».

(Поразительное заявление: после президентских выборов Помпиду сам много раз говорил мне, что популярность Генерала падает, потому что все больше категорий граждан не прощают ему тех побед, которые он в прошлом одержал вопреки их интересам. В то же время против самого Помпиду такие обвинения силы не имеют. Действительно ли он потерял уверенность? Или же это — скромный и легкий способ посрамить тех, кто нашептывает Генералу, что премьер-министр только и думает, как бы занять его место?)

«Господин генерал, — завершает Помпиду, — мы всегда сохраняли преданность вам лично, сохраним ее и впредь».

ГдГ. «Благодарю. Я тронут. Нужно стремиться к главному. А главное — чтобы народ, в своей массе, пришел в себя и резко одернул склонное к насилию меньшинство, ни в коей мере народ не представляющее. Главное — выиграть референдум и, воспользовавшись его порывом, осуществить великие реформы».

«И воскрес на третий день, по писаниям», — говорит нам Жокс, выходя из зала.

[...]

Матиньонский дворец, 24 мая 1968, пятница.

Помпиду принимает меня во второй половине дня: «Мы находимся в таком положении, что СГТ и Коммунистическая

партия стали последними гарантами мирного решения. Нам предстоит договориться с ними относительно зарплат различным категориям трудящихся. Это позволит нам заглушить требования, направленные на то, чтобы развалить страну».

(Кажется, завтрашним переговорам с «авторитетными лидерами», с которыми он уже установил закулисные контакты, Помпиду придает большее значение, чем сообщению о референдуме, с которым Генерал должен выступить перед страной сегодня вечером.)

«Самое главное, — добавляет он, — состояло не в том, чтобы уговорить Дебре не приходить завтра и не садиться за стол переговоров. Главное было — убедить Генерала. Но это оказалось легче, чем я думал. Он понял, что участие Дебре неизбежно приведет к провалу переговоров, что с ним невозможно добиться результата».

Я предлагаю Помпиду перекрыть источники, вернее, ресурсы студенческого движения. Мы открыли шлюзы, позволив им занять Сорбонну, за которой, шаг за шагом, были захвачены бесчисленные факультеты, рестораны, университетские общежития. «Общественное сознание уже дозрело до того, что пора перекрыть им источники питания: отключить электричество, перестать доставлять провизию, прекратить выплату зарплаты тем преподавателям, которые участвуют в движении». — «Нет-нет, — отвечает мне Помпиду, — надо просто ждать».

Улица Гренель, 24 мая 1968, 20 ч.

Генерал говорит. Манифестанты манифестируют. Они нападают на полицию, на Биржу, подрывают общественный порядок. До де Голля им дела нет. Де Голль анализирует глубинные причины социального кризиса, не обращая внимания на уличные беспорядки:

«Кризис Университета вызван бессилием этого громоздкого организма, не способного ответить на современные запросы нации, равно как и обеспечить достойную роль и поле деятельности для нашей молодежи. Кризис общества требует от нас приспособить нашу экономику не к тем или иным частным категориям интересов, но к национальным и интернациональным императивам сегодняшнего дня, организовав участие персонала в профессиональ-

ной ответственности, развертывая формирование молодых кадров, обеспечивая им занятость, стимулируя индустриальную и сельскохозяйственную активность внутри наших регионов».

Он погрузился в самые недра наших трудностей. Однако речь его не оказала воздействия. Она всего лишь подтвердила слухи о референдуме, которые разнеслись уже несколько дней тому назад. Всего час спустя стало ясно, что речь встречена всеобщим разочарованием. Пресса повторяет песенку, которую поют манифестанты: «Прощай, де Голль, прощай!». Генерал совершил ту же ошибку, за которую упрекал меня после моего телевыступления 6 мая. Эта холодная проповедь не соответствовала бурному настроению, которое царило на улицах к восхищению одних и возмущению других. Вечером Данно сказал мне, что префекты удручены.

Когда я возвращаюсь домой, мой сосед, глава фирмы, говорит мне на лестничной площадке: «Переговоры, которые Помпиду собираются начать с профсоюзами, — это как раз то, что нужно. Этот парень знает, что делает! А то, что сказал де Голль, — ноль, пустое место. В моей среде все так думают. Ему надо уходить».

Разговор по телефону с Фокаром и Трико убеждает меня, что ближайшее окружение де Голля подавлено. «Этот поток невозможно остановить», — сказал им Генерал. И сам сделал вывод: «Я промазал мимо цели».

[...]

10. «Это какая-то бесконечная цепь»

27 мая 1968, понедельник, утро.

Помпиду думал, что все улажено. Длившиеся двадцать шесть часов переговоры с представителями рабочих и патронажа привели к тому, что требования трудящихся о пересмотре категорий оплаты были удовлетворены. После пресс-конференции, в ходе которой Помпиду выразил свое удовлетворение достигнутыми результатами, он лег поспать на два часа. Проснувшись в 10 часов, он с изумлением узнает, что рабочие «Рено» и Бийанкура единогласно решили продолжить борьбу.

Уныние охватывает правительство и все министерства. Вся стратегия Помпиду зависела от подписания этих соглашений. Он рассматривал их как большое достижение и не мог предположить, что подписи Жоржа Сеги и Бенуа Фрашона окажутся лишенными силы.

Что же происходит? Ведет ли коммунистический аппарат двойную игру? Или искренность Сеги поставлена под сомнение движением толпы? Или, может быть, компартия и СГТ, на которые Помпиду рассчитывал, надеясь с их помощью защитить государство, режим, экономику, пришли к выводу, что наступил подходящий момент для победы революции?

Во всяком случае, эта неудача активизирует оппозицию, которая, в случае успеха соглашения, оказалась бы не у дел. Некоммунистическая левая, с Миттераном и Мендес-Франсом во главе, солидаризируется с *L'Humanité*, заявляя, что единственная услуга, которую де Голль еще мог бы оказать Франции, — это уйти со своего поста.

[...]

Перед Советом министров, 27 мая 1968, 14 ч. 45 мин.

Большинство министров пришли на добрые четверть часа раньше, будто для того, чтобы среди всеобщей растерянности обменяться сведениями и соображениями. На лицах читается тревога, на некоторых — уныние и тоска. Миссоф говорит мне: «Пусть бы де Голль вспомнил, как в мае 1958 года, в конце Четвертой Республики, он говорил: “Власть уже не надо брать, ее надо подобрать”. И вот мы снова в таком же положении».

Большинство моих коллег думают, что коммунистическая партия готовится выступить в качестве *подбиральщика*.

Однако стратегия Помпиду основывается на противоположной предпосылке: что компартия — единственная опора для правительства и государства, поскольку только она является той силой, которая ни за что не хочет революции. Миссоф заключает афоризмом: «Францией управляют два Жоржа»⁴².

Дебре разделяет мнение Помпиду: «Коммунистическая партия — стабилизирующий фактор перед лицом безумия *бешеных*. Во время манифестации 13 мая участников, выставленных в основном СГТ, было в десять раз больше, чем оголтелых

студентов, науськанных гошистами. Они заставили студентов вести себя спокойно». Но он тут же возражает сам себе: «Что произойдет завтра или послезавтра, когда компартия поймет, что она лишается поддержки снизу? Этого никто сейчас не может предвидеть, даже сами коммунисты».

Кув напоминает, что такие же процессы происходили во всех восточных странах народной демократии: для начала — правительство национального единства, затем, когда ситуация созреет, старое правительство падает, как гнилое яблоко, и заменяется коммунистическим правительством с участием нескольких подставных фигур.

На этот раз Мальро поправляет Кува: «На Востоке рядом стояли советские войска в боевой готовности. Даже если они не вмешивались, следовало опасаться их вмешательства. Здесь, у нас, мы твердо знаем, что этого не будет».

Но то, что произошло в Бийанкуре, меняет все. Восстание низов против заводил создает революционную ситуацию. Действия, которые разоблачались как авантюризм гошистов, теперь могут обернуться реальностью.

Совет министров, 27 мая 1968, 15 ч.

[...]

Слово берет Фуше; он говорит о поддержании порядка. Едва он успевает закончить, как начинает говорить Генерал:

«Эти манифестации идут одна за другой, это какая-то бесконечная цепь. Нет оснований ожидать, что это остановится само собой, это надо прекратить. Почему, черт возьми, до сих пор не введен запрет? За последние три недели было достаточно уличных шествий, чтобы люди могли выплеснуть свои эмоции! Теперь, если им обязательно нужно участвовать в процессиях, пусть идут в Шартр, а не в Париж».

Превращение бунтовщиков в паломников, идущих на поклонение в Шартр, столь неожиданно, что улыбка пробегает по лицам. Мы совсем забыли, что май — месяц девы Марии! Но Генерал не склонен шутить:

«Сборища надо прекратить! Легче их запретить, чем потом следить, как бы они не перешли в погромы. Если полиции не достаточно, вызовем армию. До сих пор мы не решались это

сделать, но с колебаниями пора кончать. Поддержание общественного порядка всегда было одной из главных задач армии.

Сегодня вечером назначено еще одно сборище, в Шарлети, и пусть оно будет последним! Это недопустимо! Больше никакого дефилирования! Пусть собираются в Мютюалите, если хотят, или в любом другом помещении, и пусть оттуда не выходят! Улицы предназначены для передвижения транспорта, они не должны принадлежать манифестантам!

Напрасно разрешили этим манифестациям продолжаться и разрастаться. Напрасно освободили четверых арестованных студентов. Совершенно напрасно открыли Сорбонну для бунтовщиков. Если еще существуют зачинщики беспорядков, надо их изолировать и обезвредить. Я вам говорил и повторяю: надо было арестовывать по 500 человек каждый вечер.

И потом, если бы полиция хорошо выполняла свою работу, мы знали бы, чего держаться. Мы были бы заранее предупреждены о замыслах всех этих смутьянов. Однако полиция все время оказывалась застигнутой врасплох. Она должна была бы иметь внедренных агентов среди *бешеных*, они держали бы нас в курсе, час за часом. Это не так трудно устроить! Это азы искусства!

И потом, я не уверен, что участие армии было достаточно активным. В провинции отряды ДОТ⁴³ должны взять на себя все поддержание общественного порядка. Это помешало бы тому, что произошло в Тулузе⁴⁴. Надо использовать войска для защиты общественных зданий. Надо не выжидать, а принимать меры.

Фрей (говорит как бывший ответственный за общественный порядок). Такое восстание оказалось возможным как следствие международного заговора. В феврале сотни студентов-гошистов ездили в Берлин, где проходили обучение, как вести городскую герилью.

Фуше (раздраженный тем, что его предшественник лезет в его компетенцию). Легко говорить, что это международный заговор, но нужны доказательства. Их у нас нет.

Фрей. Вот поэтому и следовало открыть юридическое расследование в связи с покушением на внутреннюю и внешнюю безопасность государства. Конечно, оно не дало бы немедленных результатов. Но начало расследования само по себе

произвело бы решающий психологический эффект. И позволило бы вести визуальную слежку.

(Жокс и Горс высказываются в том же духе.)

ГдГ. Надо это сделать, объединить предложения и обсудить с премьер-министром.

Эдгар Фор. Я не согласен. Нужна осторожность, чтобы не произошла эскалация, чтобы у молодых не сработали рефлекс солидарности. Мы находимся в сфере иррационального. Особое беспокойство вызывает то, какую взрывоопасную смесь образовало соединение заговорщиков, нервно-возбужденных личностей и овец, слепо бегущих за ними.

Помпиду. Я тоже думаю, что в данный момент открытие расследования было бы несвоевременным.

ГдГ. Порядок можно поддержать только силами порядка». Но он не настаивает.

Мы переходим к обсуждению проекта закона о референдуме, о котором Сенат уже высказался отрицательно, но никто на это не обращает внимания.

ГдГ. «Мы переживаем встряску. Наше общество находится в стадии перемен, и встряски — вещь нормальная. Ненормально то, что до сих пор подобных встрясок не было. Но они еще будут, и в немалом количестве.

Главный вопрос: произойдет ли реформирование общества, или его развал. Если оно рухнет, это будет великим несчастьем для всех. Если оно честно и решительно пойдет по пути реформ, оно постепенно приспособится к своим собственным изменениям. Проект закона исходит из такой перспективы».

Помолчав, Генерал продолжает: «Снова, и уже не в первый раз, французское общество распадается, элиты разваливаются, те, кто должен стоять прямо, ложатся. Мы уже видели такое, тоже в мае месяце, двадцать восемь лет тому назад. В той или иной форме, это повторяется время от времени. Нации сделано предложение. Пусть нация ответит, хочет ли она обновления и доверяет ли она нынешнему режиму и его главе такое обновление осуществить».

Генерал надевает очки и прочитывает текст вслух, медленно, фразу за фразой, принимая кое-где поправки. Текст короткий, простой и ясный. Он одобрен.

Мессмер задает вопрос, который у многих вертится на языке: «А что если 16 июня не будут работать типографии, не будет работать транспорт? Как тогда состоится референдум?»

Помпиду имеет смелость улыбаться. Все молчат.

Распространился слух, будто полиция, чье профсоюзное руководство в большинстве состоит из левых, готова перейти на сторону мятежников. Конечно, это самозапугивание.

Дошел ли этот слух до Генерала? Во всяком случае, он мыслит последовательно. То, что он сказал недавно в узком кругу на казарменном языке («Пусть им дадут на водку!»), сейчас, в конце заседания Совета министров, он повторяет в более изысканных выражениях: «Я настаиваю, чтобы полиции были немедленно предоставлены материальные льготы: в период, когда от нее требуется так много, это сущие пустяки».

Если бы по прибытии из Бухареста Генерал не стукнул кулаком по столу, министр финансов и министр общественных должностей, которых это касалось, продолжали бы, по своему обыкновению, тянуть волынку и ждать, когда минует благоприятный момент. Но и так, несмотря на удар кулаком, дело вперед не подвинулось. Генерал об этом узнал. Он снова ударяет кулаком по другому столу.

[...]

Мы с Марселленом спускаемся по лестнице, останавливаясь чуть не на каждой ступеньке, и задаем друг другу одни и те же вопросы.

Почему Генерал, всегда такой волевой и быстрый на решения, ведет себя с такой пассивностью, в которой сам же он справедливо упрекает свое правительство? Почему он не использует особые полномочия, не прибегает к чрезвычайным мерам, которые, при любом демократическом строе, напрашиваются в данной ситуации? Почему не прибегает к судебному преследованию за покушение на внутреннюю безопасность государства? Почему не вводит в действие ст. 16 Конституции, кажется, специально созданную для ситуаций такого рода? Он более, чем кто-либо, размышлял об обязанностях и прерогативах власти по отношению к нации и Республике, — так почему же он оказался таким растерянным перед лицом этого потопа?

Почему он заклинился на «участии» как на единственной цели, хотя его министры, начиная с премьер-министра, относятся ней как к вневременной химере?

11. «Пугающее молчание»

28 мая 1968, вторник.

Заголовок в *L'Humanité* — «К народной власти» — не оставляет сомнений: коммунистическая партия решила брать рычаги управления в свои руки.

[...]

Вскоре после полудня Трико предупреждает меня, что Генерал примет меня завтра, 29 мая, в 16 часов: после многочисленных звонков с выражением сочувствия, мне предстоит аудиенция сочувствия*.

Около 20 ч. 30 мин. Трико снова связывается со мной по правительственному телефону, который все это время не переставал звонить: «Вы все еще у себя? Ваш телефон был все время занят. Генерал извиняется, что не сможет принять вас завтра в назначенное время. Но он поручил мне передать вам, что он примет вас в конце недели. Сейчас он пишет вам письмо, которое я вам пошлю с мотоциклером. Можете ли вы его дождаться в вашем кабинете?».

Через полчаса я вскрываю конверт:

«28 мая 1968.

Мой дорогой Министр,

Ваш уход из Правительства ни в коем случае не является знаком того, что мое дружеское доверие к вам и моя уверенность в том, что вы на посту Министра образования «служили» наилучшим образом, могли бы быть хоть в малейшей степени поколеблены.

Прошу вас не сомневаться в этом и верить в неизменность моих чувств и моей преданности.

Ш. де Голль».

* Утром 28 мая Помпиду сообщил Пейрефиту о его отставке с поста министра образования.

«Мое дружеское доверие»: как и Помпиду, Генерал обошелся со мной очень учтиво.

Тут же я спрашиваю себя: не является ли эта любезная записка заменой аудиенции? Однако Трико выразился ясно: «Генерал примет вас в конце недели». Генерал всегда выполняет свои обещания, даже данные через третье лицо. Но почему он откладывает до пятницы или субботы то, что было намечено на среду? Эта оттяжка меня интригует. Что помешало ему принять меня завтра?

Завтра же я получу ответ на этот вопрос.

Но уже сейчас, перечитывая это письмо, написанное твердой рукой в вечер, когда все шатается, когда уход одного министра является совершенно незначительным эпизодом, — я обретаю де Голля таким, каким его знаю. «Он уже не тот», «Он теряет педали», — только это я и слышу на протяжении последних дней. Но если бы он был «не тот», если бы «терял педали», разве счел бы он нужным найти время и взять перо ради такой малости — извиниться за отложенную встречу, смягчить чье-то огорчение?

29 мая 1968, среда, вторая половина дня.

Когда я узнаю, что Генерал исчез, и что его премьер-министр ничего не знает о его месте нахождения, я не сомневаюсь, что де Голль разыгрывает сценарий, продуманный до мельчайших деталей.

Уже во вторник вечером он, стало быть, решил исчезнуть на один или два дня, отложить Совет министров и не говорить об этом ни Помпиду, ни Трико. Для меня это знак того, что де Голль взял штурвал в свои руки.

В том, что я это понял, нет моей заслуги: просто у меня в руках был ключ, которого не было у других.

Среда 29 мая 1968.

L'Humanité дает заголовок через всю первую полосу: «Народное правительство демократического единства при участии коммунистов». Мендес-Франс заявил, что готов руководить временным правительством, предложенным Миттераном. Жан

Леканюз, Антуан Пинэ, Феликс Гайар, Макс Лежен, Жак Изорни единодушно изъявили свою готовность примкнуть к этой инициативе.

По Парижу идет молва: «Остался только один выход: уход Генерала». Так говорят в левой оппозиции; так говорят в среде «болтающего класса». Так начинают поговаривать и в рядах голлистов. Разве Помпиду не показал в течение последних трех недель, что он-то и есть сильный человек? В Матиньонском дворце некоторые члены кабинета бормочут: «Наша проблема — придумать, как избавиться от Генерала». Один из них резюмирует эти разговоры веселой фразой: «Старика в шкаф!».

Не рискуя доходить до таких крайностей, большинство сподвижников горестно вздыхают: «Нам доказали, что достаточно прибегнуть к насилию, чтобы получить желаемое». «Мы идем от капитуляции к капитуляции», — говорит один. «За все надо платить, — говорит другой. — Вот уже десять лет, как де Голль всем дает уроки. Но слишком многих он настроил против себя. Сторонники французского Алжира, репатрианты, профсоюзники, крестьяне, хозяева, именитые граждане, армия, сторонники американцев, сторонники Израиля, сторонники единой Европы, — слишком уж много получается».

Другие контратакуют с тем большим пылом, что у них, как у Рене Капитана, старые счеты с Помпиду.

«Тот, кто сохранил Франции душу, получит, в случае трагедии, решающую поддержку от народа», — сказал мне однажды Генерал. Некоторые голлисты ставят все на эту поддержку и желают ухода премьер-министра. Но более многочисленны те, кто считает, что кредит народного доверия Генералу исчерпан и что его уход предпочтителен. Мне кажется, что не правы все: на переправе должны остаться оба.

Правительственный телефон звонит сегодня утром, не переставая. У меня странное положение: мне сохранен мой министерский кабинет, хотя я освобожден от своих обязанностей.

Данно очень мило продолжает исполнять свои обязанности и информировать меня, как ни в чем не бывало. Он сообщает мне о панических слухах, будто активисты СGT, мобилизованные на сегодняшнюю манифестацию, получили оружие с заданием захватить Елисейский дворец. И если это так, то не

остаётся ничего другого, как вызвать на подмогу полк десантников. Во всяком случае, бронированные соединения жандармерии, закончив тренировки в Ларзаке, вернулись на свою базу в Сатори. Некоторые усмотрели в этом подтверждение слухов, будто правительство собирается подавить мятеж танками.

Около 9 часов одно за другим поступают известия: что назначенный на сегодня Совет министров переносится на завтра, на вторую половину дня; что Генерал, утомленный несколькими бессонными ночами, отправился утром в Коломбэ, чтобы там выспаться.

Так, в общем, все и будет: проведя ночь в Коломбэ, он будет председательствовать на Совете министров в 15 часов. Но что произойдет в промежутке!

В 2 часа дня, направляясь в министерскую столовую, где нам как ни в чем не бывало продолжают подавать еду на холодных тарелках, я узнаю поразительную новость: отправившись в Коломбэ, Генерал туда не прибыл. Куда же он делся?

Правительственный телефон раскалился, мы безрезультатно обмениваемся своими предположениями.

Позднее Трико мне расскажет: «Мне позвонил Помпиду. Он был убежден, что я знаю, куда направился Генерал. Он мне сказал: “Я прекрасно понимаю, что вы ничего мне не скажете, если обещали Генералу хранить секрет. Но вы видите, в каком положении находится Франция, вы должны мне, по крайней мере, сказать, что вы знаете, где он”. Но я должен был ему ответить, что я действительно этого не знаю».

[...]

Я, как и все, не знаю, где Генерал, и меня, как и всех, томит беспокойство. Но я узнаю две хорошо мне знакомые черты поведения, и это меня успокаивает.

Первая черта — это молчание. «Хранить пугающее молчание», — сколько раз я слышал от него этот совет! Видя, как страх постепенно охватывает сначала министерские кабинеты, потом радио, потом людей на улице, я узнаю его метод и первый раз убеждаюсь в его действенности.

«Устрашение, — сказал он мне однажды, — не может состоять в том, чтобы объявлять: мол, наша атомная мощь создается для того, чтобы ею не пришлось воспользоваться. Устрашение предполагает сомнение и даже допущение возможности: потенциальный агрессор должен понимать, что мы не допустим захвата нашей национальной территории, не применив наше самое мощное оружие».

Мы все — и я первый — хотели уверить повстанцев в наших мирных намерениях. «Никогда полиции не будет отдан приказ стрелять! Никогда армия не вмешается!». Генерал хотел другого: чтобы мы перестали успокаивать и начали внушать тревогу. Мы повернулись спиной к одному из его основополагающих принципов. А если, уже в который раз, прав оказался он?

Другой принцип его поведения в кризисные моменты: «Не дать себя связать». В любом случае сохранить возможность свободного решения. Эта упорная мысль владеет также членами его окружения, хотя он об этом и не знает. Дегре де Лу⁴⁵ принял меры к тому, чтобы на лужайке Елисейского дворца мог приземлиться вертолет, который, в случае угрозы захвата дворца повстанцами, мог бы увести президентскую чету. В свое время, в июне 1940 года, Генерал переслал своей жене в Бретань дипломатические паспорта, чтобы она могла вместе с детьми присоединиться к нему. И во время апрельского путча 1961 года он дал адмиралу Кабанье⁴⁶ указание вывести с рейда Мерс-эль-Кебира сторожевой корабль под командованием Филиппа де Голля, во избежание захвата последнего в качестве заложника взбунтовавшимися офицерами. Сам Филипп де Голль отказался выйти в открытое море, считая своим долгом остаться среди своих товарищей и укреплять их дух своим присутствием.

Около 18 часов становится известно, что Генерал прибыл в Коломбэ. Но до этого он якобы сделал крюк и побывал в Бадене*.

* Земля Баден в западной Германии.

Помпиду торопится сообщить, что он поддерживает телефонную связь с Генералом. Генерал позвонил ему из Коломбэ, чтобы сказать, что все обстоит хорошо; его голос был спокойным и уверенным. Помпиду не стал его упрекать за пережитые им часы тревожного ожидания, но сказал ему: «Вы выиграли». Помпиду старается быть честным игроком и хочет, чтобы об этом знали.

Баден! Организуя свой побег, Генерал знал, что в течение нескольких часов французы будут охвачены беспокойством, а потом узнают, что он ездил на встречу с Массю. Если бы он просто съездил на ночь в Коломбэ, чтобы отоспаться, это не произвело бы никакого впечатления. Чтобы произошел электрошок, надо было, чтобы его следы на какое-то время потерялись, и все с тревогой спрашивали друг друга, что с ним могло случиться. Надо было, чтобы его окружение и его правительство не подозревали, куда он делся, и чтобы общество знало об их неведении. Короче, надо было создать атмосферу таинственности, чтобы достичь театрального эффекта.

Но только ли это двигало Генералом? Только ли желание произвести впечатление на общественное мнение? Не было ли у него еще какой-то цели, ради которой он отправился в Баден к Массю? Не хотел ли он укрепиться через общение с солдатом, который одним из первых присоединился к нему в 1940-м и был одним из тех, кто призвал его в 1958 году? Генерал сказал мне однажды: «Сторонники французского Алжира, в конце концов, патриоты. Они патриоты до такой степени, что ничего не хотят слушать. Они не поняли, что счастье их родины зависит от ее своевременного ухода из Алжира*. Что же касается Массю, то он никогда не имел дела с OAS. Он никогда не участвовал ни в чем противозаконном».

От чего зависят судьбы человеческие! Если бы Массю не был переведен в метрополию в 1959 году, он, несомненно, участвовал бы в баррикадных боях в январе 1960-го, как это сделал его преемник Грасье. Я вспоминаю о шутливой реплике Генерала на Совете министров в 1963 году, когда принималось реше-

* См. часть I. Алжирская проблема.

ние о дополнительной звезде для Массю и о досрочном увольнении Грасье: «Какую услугу мы оказали Массю, убрав его из Алжира!». В тот момент Массю эту услугу не очень оценил. Но обида не поколебала его верности.

Стало известно, что мадам де Голль сопровождала мужа в этой поездке. Представляю себе, что она должна была думать: ведь в 1964 году она заклинала меня не уговаривать его выставить свою кандидатуру. В 1965-м она все еще надеялась, что в последний момент Генерал предпочтет уйти на волне успеха, а не ввязываться в неясную кампанию за второй семилетний срок. А не далее, как вчера, ее оскорбили на улице... Как она должна страдать и как она должна желать, чтобы ее муж ушел от дел!

Генерал вернулся в Коломбэ, чтобы там остаться? Или для того, чтобы подготовиться к новому прыжку?

12. «Республика не отречется. Народ придет в себя»

[...]

30 мая 1968.

В 16 часов 30 минут мои сотрудники и я, встревоженные, неуверенные, собираемся вокруг транзисторного приемника. Но уже через четыре минуты мы понимаем, что де Голль — по-прежнему де Голль и руководит сражением. По вновь охватившему нас чувству доверия мы можем судить, что он одержал победу.

В одной фразе он сказал все: «Народу мешают свободно высказаться такие средства воздействия, как запугивание, идеологическая интоксикация и тирания, осуществляемые группами, заранее подготовленными для осуществления этих задач».

Он прекрасно понял и сумел донести до других то, чего никто не хотел понять... и что, казалось, до сих пор ускользало и от его собственного сознания.

Его слова разили, как залпы, выпускаемые с безошибочной точностью: о «политиканах, сданных в архив»; о тех, кто «мешает студентам учиться, преподавателям преподавать, а трудящимся трудиться». И особенно — о коммунистах, сознательно объявивших себя главными его противниками.

Но разве не проявили они известную сдержанность, даже робость? Разве не держали они гошистов на коротком поводке, разве не запрещали совместные манифестации студентов и рабочих, разве не направляли требования в экономическое русло? Однако время соглашений и сделок прошло. Де Голль отбрасывает стратегию Помпиду, благодаря которой Франция держалась на негласном соглашении «двух Жоржей» — Помпиду и Сеги.

Не без укола сожаления я вспоминаю о его речи 24 мая, в которой он говорил о необходимости реформировать общество, восстающее против государства, и одновременно — это самое государство, которое теряет твердость. Будучи справедливы по сути, его слова тогда звучали фальшиво, потому что не соответствовали ни ситуации, ни ожиданиям французов. Сегодня он сформулировал обвинения, быть может, ложные, но звучавшие убедительно и поражавшие цель.

Лишь бы только не произошел еще один поворот после того, как выборы будут выиграны. Лишь бы вновь восторжествовавший «великий страх перед благонамеренными» не помешал главному: тому, что было провозглашено Генералом в его речи 24 мая...

В количестве шести человек мы покидаем министерство и под скептическими взглядами немногочисленного персонала направляемся на другой берег Сены*. Что нас там ожидает? Судя по пустынным улицам предместья Сен-Жермен, мы будем просто смешны. Поэтому, какое удивление, какая радость охватывает нас, когда мы видим площадь Согласия, всю черную от людей, с развевающимися над ними флагами. Толпа, не уместаясь на площади, начинает двигаться в сторону Елисейских полей...

Меня силой выталкивают в первый ряд формирующейся процессии, среди нескольких депутатов, опоясанных трехцветными лентами.

Дойдя до Рон-Пуэн, мы видим журналистов *Le Figaro*, сгрудившихся у окон своего здания. На втором этаже, где располагается дирекция, я узнаю Луи-Габриэля Робине: он смотрит

* Где назначена манифестация сторонников де Голля.

рит на нас, не снимая шляпы. На третьем этаже — это, конечно, журналисты — жидкие аплодисменты. Четвертый этаж — «вспомогательный персонал» провожает нас приветственными кличами.

[...]

К возвышению вокруг Триумфальной Арки каждая колонна подходит с пением «Марсельезы», но поскольку каждая «Марсельеза» поется сама по себе, все вместе создает изрядную какофонию. Но какое это имеет значение? Беспорядок способствует общему энтузиазму.

«Республика не отречется. Народ придет в себя», — сказал Генерал. И отважное предприятие Крига* удалось сверх всяких ожиданий. Нельзя было придумать лучшего сцепления событий: театральное исчезновение Генерала, тревога страны, возвращение под звуки фанфар, грозно-обличительное обращение к нации, и почти сразу — многолюдная демонстрация в его поддержку, в то время как сам Генерал проводит консультации с целью формирования нового правительства⁴⁷...

Среди участников нашей манифестации были и такие, кто шел по Елисейским Полям в день Освобождения, 25 августа 1944 года. И они говорили, что между этими двумя событиями они не видели ничего подобного. Для Генерала это был действительно второй день Освобождения.

Это был также реванш рядовых солдат голлизма над его сановниками. В этих испытаниях верность проверялась не дипломами, не принадлежностью к тем или иным группировкам, не успешностью карьеры. Самыми верными оказались те, кто не был обязан де Голлю ничем, кроме гордости за его величие.

Неистовая революция, без цели, без драм и без жертв, начатая 3 мая на улице, 30 мая на улице же и закончилась.

Помпиду, Фуше, Мессмер, Гримо могли гордиться тем, что именно они не допустили, чтобы Генерал поскользнулся в крови молодых французов. Но все-таки, в конечном счете, не

* Организатор манифестации в поддержку де Голля.

кто иной, как де Голль повернул ситуацию, найдя для этого силы в своей вновь обретенной уверенности, что на него возложена ответственность за душу Франции.

[...]

Елисейский дворец, 14 июня 1968, пятница.

Избирательная кампания в разгаре, и я прихожу, чтобы рассказать о ней Генералу, который не забыл о своем приглашении*.

Одеон был очищен рано утром без малейшего сопротивления. Генерал будет в хорошем настроении.

В машине я повторяю свой урок. Мне очень хочется спросить его о таинственном дне 29 мая. Однако не так-то легко вызвать его на откровенность. Жокс рассказал мне, что пытался его «расколоть» во время прощальной беседы: «Он послал меня куда подальше». Конечно, это была ошибка: пытаться его разговорить по свежим следам на столь закрытую тему. Удастся ли мне сделать это теперь, пятнадцать дней спустя?

Салон адъютантов.

Поскольку я еду из Провена, то прибываю в Елисейский дворец задолго до назначенного часа. Поэтому у меня есть время поговорить с адъютантом Флоиком.

АП. «Асту⁴⁸, который записывал речь Генерала на магнитофон, говорил мне, что у Генерала был очень усталый вид, что все его черты заострились, и он постарел на двадцать лет, так что на него было страшно смотреть. Именно поэтому, по мнению Асту, он не захотел выступить по телевидению.

Флоик. Вовсе нет! Просто у него не было времени выучить свой текст наизусть, и ему пришлось читать. На самом деле, он не был таким уж уставшим. Он хорошо выспался в Коломбэ и чувствовал себя нормально. Вот когда мы прилетели в Баден — тогда у него был действительно ужасный вид. Он не спал, по меньшей мере, неделю, да еще усталость от перелета. Массю, наверное, подумал, что Генерал потерпел полный разгром. Впрочем, это соответствовало замыслу Генерала. Он при-

* Предложение вновь посетить Генерала было сделано Пейрефиту 2 июня.

был растерянный, повторяя: “Все пошло к чертям собачьим!”, а все для того, чтобы услышать в ответ: “Что вы, господин генерал, с вашим престижем вы можете перевернуть ситуацию”».

«Я говорю вам это, — продолжает Флоик, — под строгим секретом. Хотя об этом уже пошли слухи, но все неправильные: некоторые пытаются утверждать, будто Генерал просто пустился в бег. После нашего возвращения Генерал потребовал, чтобы я все держал в полном секрете, — до сих пор я так и поступал, хотя мои начальники и пытались кое-что выведать. Вернувшись из Бадена, Генерал мне сказал: «Я вам запрещаю рассказывать что бы то ни было, кому бы то ни было, даже Помпиду и Мессмеру. Глава армии — это я!». [...]

Я рассказываю Флоику, что Генерал взял на себя труд написать мне записку во вторник 28 мая, когда все полагали, будто он находится в полном расстройстве. На самом деле, он не забыл ни об одной мелочи: он знал, что он будет делать в среду, что вернется в четверг и что увидится со мной в конце недели. Так не действует человек, который плывет по течению, так действует военачальник, который все предвидит.

Флоик всячески подтверждает мою мысль: «Во вторник утром д'Эскриен, который тогда дежурил, позвонил мне в 10 утра: «Генерал просит вас прибыть в военной форме и с сельским багажом». Странно: мы всегда отправляемся в Коломбэ в гражданской одежде. Он хотел, чтобы, когда мы приземлимся на военной базе, среди военных, меня сразу признали по мундиру как имеющего право отдавать приказания. И действительно, именно это и позволило мне на военном аэродроме Баден-Ооз получить разрешение позвонить командиру группировки: был бы я в штатском, получил бы отказ.

Когда я пришел к Генералу в мундире, он мне сказал: «Достаньте навигационные карты окрестностей Коломбэ». Я спросил: «В какую сторону?» Он ответил: «К востоку. Но чтобы никто не видел, что вы их берете». Когда мы направились в Иссиле-Мулинё, около 11.30, Генерал мне сказал: «Не надо ехать по набережной Жавель, выберите другой маршрут». Я посоветовался с офицерами безопасности. Пришлось ехать по правому берегу. А он отдал такое распоряжение из-за забастовщиков заводов «Ситроен». Де Голль подумал о пикетах забастовщиков, а мы нет.

Когда мы поднялись в воздух, Генерал стал давать мне указания по мере того, как мы продвигались вперед: «Направление Коломбэ», а потом — «Мы не летим в Коломбэ, дозаправка керосином в Сен-Дизье», и так далее вплоть до Бадена».

Таким образом, это бегство 29 мая, продуманное до мельчайших деталей, держалось в глубочайшем секрете. Это было буквальное осуществление принципа, изложенного в книге «На острие шпаги» и требующего полной тайны, чтобы застать противника врасплох.

Флоик открывает передо мной дверь в Золотой салон. Генерал встает, идет мне навстречу, протягивает руку.

От его улыбки я сразу чувствую себя в своей тарелке, но меня беспокоит усталость, которая все еще сквозит в чертах его лица. Его морщины стали глубже. После чуда 30 мая прошло уже две недели, но он еще не превозмог свою усталость. Он говорит более тихим голосом, так что некоторые слова пролетают, если я не могу восстановить их из контекста. Он как бы исчерпан, но в то же время свободен, — наверное, из-за события, произошедшего утром.

Я поздравляю его с освобождением Одеона.

ГдГ. «Сделано то, что надо было сделать. Наконец-то сделано... Надо было это сделать месяц назад, но Помпиду все тянул. Он все упустил. Он позволил занять Сорбонну без всяких условий, что вызвало эпидемию захватов по всей стране. На переговорах с профсоюзами он согласился, чтобы минимальная зарплата была повышена сразу на 25 процентов, даже не поэтапно. Он нанес чудовищный удар по экономике, по финансам, по валюте.

Да, слишком часто Помпиду вел себя пассивно. Такой у него характер — улаживателя. Я к нему приспособлялся. Это помогало снижать напряжение, в то время как Дебре постоянно обострял разногласия, был раздражителем. При Помпиду я был защищен от повседневных неприятностей и мог посвящать себя большим проблемам Франции и мира».

Я слушаю, разинув рот. Уже не в первый раз Генерал выдвигает тяжелые обвинения против премьер-министра, которого он, тем не менее, сохранил во главе своего правительства. За четыре года я много раз наблюдал признаки недовольства и да-

же прямые выпады в адрес Помпиду. Уже в 1964 году я понял, что Генерал решил не допускать его выдвижения на пост президента, а выдвинуться самому. В 1965-м я знал о его мыслях — заменить Помпиду Кувом де Мюрвилем. Но никогда еще я не слышал столь резких слов в его адрес.

Однако как бы он мог сместить Помпиду, если, судя по всему, выборы прошли успешно потому, что Помпиду представляется французам таким человеком, который лучше всех разобрался в ситуации и сумел с ней справиться?

Было бы бестактно продолжать разговор на эту тему. Но у меня есть в запасе другие вопросы.

АП. «Я был удивлен, когда 30 мая вы стали палить из пушек по коммунистической партии, тогда как на протяжении большей части мая она была единственной защитой государства против разгула гошизма.

ГдГ. Ну, в общем, так представлялось Помпиду... Конечно, у коммунистов не было никакого желания устраивать революцию, но только до того момента, когда она разразилась. Не было у них и желания устраивать забастовку. Но когда стали играть в восстание без них, они захотели стать во главе. Они стали высылать пикеты, специально натренированные останавливать работу предприятий; это парализовало всю страну.

Когда они увидели, что дело идет на лад, что оппозиционные партии кинулись следом и расширили это движение, что правительство реагирует все более и более вяло, — тогда эти типчики сменили музыку и начали требовать *народного* правительства. (Смеется.) Мы-то знаем, что это значит, — *народная* демократия. (Снова смеется.)

Когда они убедились, что все разваливается, что газеты, радио и телевидение на их стороне, что общественное мнение остается аморфным, — они захотели, чтобы я отрекся в пользу «левого» режима. На первом этапе они удовольствовались бы тем, чтобы войти в него как составляющая часть. На втором этапе они захватили бы рычаги управления, сохраняя в правительстве несколько статистов, формально не входящих в компартию. Но вы прекрасно понимаете, что Мендеса они к руководству не допустили бы.

АП. Так как они не могут ему простить, что после Дьен-бьенфу, когда проходила его кандидатура в качестве премьер-министра, он отказался от голосов коммунистов, как если бы они не были французами?

ГдГ. Конечно! А вот Миттеран как раз очень им подходит, чтобы заполучить все в свои руки! Они становятся хозяевами на улице, на заводах, в общественном секторе. И начинают осуществлять Пражский сценарий*. И поверьте мне, все это вполне могло бы осуществиться, как осуществилось в других странах, где они приходили к власти. Сначала Керенский, затем Ленин. Новое правительство получало бы свою силу от СГТ, то есть от коммунистов.

АП. Но в Праге советские войска были рядом. Отсюда они далеко.

ГдГ. Не так уж далеко. Не заблуждайтесь. Коммунистическая партия была совсем близка к тому, чтобы решиться на восстание. Она не подумала об этом заранее и была удивлена натиском гошистов, которых до сих пор презирала, и слабостью правительства. После политической стачки 1947-48 годов она отказалась от насильственных методов, потому что убедилась, что они оборачиваются против нее. Когда она увидела, что на протяжении последнего месяца гошисты пользуются безнаказанностью, она резко поменяла свою стратегию. Она поняла, что, с ее ресурсами, она добьется гораздо большего, чем гошисты.

АП. Вы в самом деле опасались, что коммунисты нападут на Елисейский дворец?

ГдГ. Коммунисты и СГТ готовили большую манифестацию — первую, организованную только ими. Местом сбора был назначен Сен-Лазар, в двух шагах от Елисейского дворца. Уже два дня они требовали создания «народного» правительства. Существовал серьезный риск, что манифестанты попытаются взять Елисейский дворец приступом. Первое, о чем мы должны были позаботиться: не дать себя связать.

АП. Именно поэтому вы потребовали, чтобы ваш сын прибыл вместе с семьей? Вы не хотели, чтобы в положении заложников оказались они или даже вы сами?

* Речь идет о перевороте 1948 года в Чехословакии.

ГдГ. Конечно! Мой сын заперся со своей семьей у себя в доме, а забастовщики из CGT установили караулы под окнами. Но главное — я должен был убедиться в лояльности наших войск, расположенных в Германии. В лояльности Массю и его генерального штаба. Я должен был знать моральное состояние контингента. (Молчание.) А также я должен был проверить самого себя. Были еще и другие задачи.

АП (робко). Какие?

ГдГ (немного резко). Я уже все сказал Мишелю Друа.

АП. У нас все-таки остались неясности... Когда вы сели в вертолет в Исси, вы собирались вернуться на следующий день или улететь навсегда?

ГдГ. Мне нужно было вырваться на простор. Я улетел, оставив открытыми все возможности. Я подчеркиваю — *все*, включая и возможность моего невозвращения. Я был во власти сомнений, со мной в жизни это бывало не раз.

[...]

Я предполагал, проведя спокойную ночь, вернуться на следующий день в Париж. Но я не исключал и того, что уеду окончательно. Я мог бы обратиться с последним призывом и посмотреть, что из этого получится. Это было бы что-то вроде импровизированного референдума. Если бы французы меня не пожелали, ну что ж, они обошлись бы без меня. Тем хуже для них. Вы знаете, им не впервой давать маху. Да и я не без греха. Так вот, я отправился бы в Ирландию и сидел бы там спокойно. И наоборот: если бы они согласились воспрянуть духом, я бы вернулся и взял командование на себя. Таковы были два крайних варианта. Но вместе с тем, я не исключал возможности перенести правительство в Страсбург или Мец. Я бы вызвал туда своих министров и сказал бы французам: «Я покинул столицу, где, на пространстве в несколько гектаров, люди утратили здравый смысл. Я приехал в эту провинцию, где жители остались здравомыслящими и патриотами. Отсюда мы восстановим целостность Государства и его институты.

[...]

Я бы привел в действие Конституцию. (Это его манера дать понять, что он прибег бы к ст. 16.) Во всяком случае, я собирался обратиться к французам с торжественным призы-

вом, если бы только существовала возможность, что они его услышат.

(В общем, три решения: или повторение «Свободной Франции», начиная с восточных департаментов; или то, что он и сделал в действительности 30 мая; или уход в изгнание — как Карл X, Луи-Филипп или Наполеон III. Достаточно вспомнить этих трех суверенов в изгнании, чтобы понять предпочтительность двух других решений.)

Выбравшись из парижского пекла, я уже от одного этого почувствовал облегчение. Когда я пересек восточную Францию, мужество вернулось ко мне. Достаточно было встретиться с Массю, с его генеральным штабом, почувствовать их хладнокровие. Контраст между жужжанием парижского осинового гнезда и решимостью армии бросался в глаза. Некоторые из военных руководителей дали мне знать, что готовы подавить подрывные акции, если я от них этого потребую. Но эти послания были мне переданы через третьих лиц⁴⁹, непосредственно я их не слышал. Массю ни о чем таком даже и не заикнулся. Мы с ним поговорили. Он вел себя как должно.

АП. Но, господин генерал, значит, вы хотели опереться на армию, чтобы вновь завоевать национальную территорию?

ГдГ. Завоевать? Конечно, нет! Скорее наоборот: нельзя было допустить, чтобы расквартированная в Германии армия наделала глупостей!

В 58-м я запретил армии вмешиваться. Если бы десантники двинулись на Париж, могло произойти худшее: могла начаться гражданская война. Этого нельзя было допустить ни в 58-м, ни в 68-м. Я должен был удостовериться, что армия готова вмешаться, если я этого потребую, но что она этого не сделает без моего указания.

Я был готов уйти, и был готов остаться. Я хотел знать, как армия отреагирует на мой призыв, если я к ней обращусь. Я хотел быть уверенным в ней. Но не был уверен до конца, принимая во внимание ее поведение за несколько лет до того.

АП. И Массю ответил на ваши ожидания?

ГдГ. Массю — это Массю. Он дал мне понять, что армия здорова, что она будет мне повиноваться и сделает то, что я от нее потребую, но не предпримет самочинных действий. Она

могла бы установить стационарные посты, чтобы охранять министерства, префектуры, вокзалы, общественные здания. Она могла бы восстановить контроль над территориями, захваченными стачечными пикетами. Массю вернул мне веру в армию и в меня самого. Мне даже не потребовалось задерживаться в Бадене, ожидая ответа французов. Простой инспекции оказалось достаточно. Теперь я мог ожидать ответа французов, находясь в Коломбэ или в Париже.

АП. Ответ последовал в тот же день. Помпиду вам сказал, когда вы ему позвонили: «Вы выиграли».

ГдГ. И главное, этот ответ был подтвержден манифестацией на Елисейских полях, после моего выступления по радио».

Помолчав, он продолжает: «Вы понимаете, события развивались так стремительно, что невозможно было ждать референдума, назначенного на 16 июня. Развязка должна была наступить раньше. Надо было сразу, немедленно задать французам вопрос: «Вы хотите, чтобы я остался на своем посту, или чтобы я ушел?». Это был немедленный референдум. Референдум по всем правилам, если бы его можно было провести через пятнадцать дней, только подтвердил бы этот прорыв».

[...]

Генерал говорил некоторым людям — не мне! — об овладевшем им «упадке сил». Легко представить себе испытанное им напряжение, следы которого заметны еще и сейчас! Он знает, что от него отшатнулись некоторые из самых преданных соратников. Такого одиночества, такой изоляции он, безусловно, никогда не чувствовал до сих пор. [...] Редко поведение людей вызывало у него такое отвращение. Еще и сейчас, пятнадцать дней спустя, он чувствует душевную боль, которая не позволяет ему радоваться победе, хотя ее признаки видны повсюду. И потом: «Разве я могу скрыть мой возраст?» Импровизированный референдум 30 мая не может загладить всего, что произошло.

[...]

АП. «Но теперь, когда перелом залечен, государство снова двинется вперед. Доверие вернется».

ГдГ. Не надо предаваться иллюзиям. Многое из того, что мы сделали, вновь поставлено под вопрос. В нынешнем мае в

Париже происходило событие планетарного масштаба: переговоры между Соединенными Штатами и Вьетнамом. Это было торжество нашей политики мира. Оно должно было бы наполнить гордостью сердца всех французов. Но кавардак все испортил.

Конечно, порядок в стране будет восстановлен, теперь для этого делается все необходимое. Но нельзя забывать о том, что лежит за событиями этого мая. В них проявилось неприятие системы, не уважающей достоинство людей. Надо было организовать участие. Если бы мы это сделали — и сделали бы достаточно энергично, — я уверен, мы бы избежали этого безобразия... Иначе, когда-нибудь все рухнет, и то, чего мы добились, окажется Пирровой победой.

Вы понимаете, этот май не скоро изгладится из истории Франции».

Из его памяти — тоже.

И, как я догадываюсь, им утрачена часть веры в самого себя.

Эпилог
УХОД ДЕ ГОЛЛЯ
1969–1970

**1. «У меня есть чувство Государства;
хотя бы время от времени»**

Золотой салон, 9 января 1969.

Прошло уже шесть месяцев, как я не видел Генерала. И вот он дает аудиенцию председателю парламентской комиссии по культуре, каковым в настоящее время являюсь я. Будет ли он теперь выдерживать дистанцию? — ведь я уже не принадлежу к его ближайшему окружению. Я вхожу в хорошо знакомый мне кабинет, стены которого как будто впитали в себя тусклое золото, и сразу испытываю прилив радости при виде встающей мне навстречу высокой фигуры и лучащегося дружелюбием лица.

ГдГ. «Ну, как дела?»

Ап. Я просил о встрече с вами, чтобы сориентироваться в проблемах, стоящих в настоящее время перед моей комиссией, и прежде всего — в проблемах народного образования. Началось глубоко плодотворное реформаторское движение. Нужны были огромный талант Эдгара Фор^{*}, плюс поддержка, которую ему оказали вы, чтобы продвинуть все это.

ГдГ. Эдгар Фор справился с задачей, сражаясь против рутины, консерватизма, склероза преподавательского корпуса, оторвавшегося от мира и времени. Этот корпус надо прикончить, это, понимаете ли, наилучшее решение. Эдгар Фор пра-

^{*} Новый министр народного образования.

вильно определил главное направление — участие и автономия. И потом — ответственность, это — ключ ко всему.

АП. Принципы хороши. Но можно сделать три оговорки относительно их применения. Надо создать реально действующие цепочки управления, поощрить ответственных работников, оказавшихся на высоте своих задач, а некоторых из тех, кто не справился, наказать в пример остальным. Те, кто вел себя правильно, не чувствуют, что их авторитет поддерживается в должной мере.

Вторая оговорка: ориентированное обучение. Если мы не будем осуществлять ориентированного обучения, через некоторое время вся машина взорвется. Я сожалею, что положения, которые были детально разработаны уже год тому назад и которые должны были вступить в действие с начала нынешнего учебного года, так и остались втуне.

Третья оговорка: отбор. Отбор необходимо осуществлять, однако, не в духе мальтузианства, но путем предоставления автономии учебным заведениям. Необходимо соглашение между студентами и учебным заведением, которое их приняло. Отбор — это не прекращение роста, но условие сбалансированного роста.

ГдГ. Полностью согласен! Вы знаете, этот закон сам по себе совсем не плох. К тому же, я сам поработал над его улучшением. Он сильно отличается от того проекта, который вышел из недр министерства образования! В его нынешнем виде он выглядит пристойно. Но преподавательский корпус состоит из мечтателей, утопистов, чудаков, чрезвычайно в себе уверенных, но не видящих реальности. Они существуют в замкнутом пространстве SNESup и UNEF и ничего не видят за его пределами. Они срослись с этими организациями.

[...]

Что касается властных полномочий, то их, конечно, надо дать ректорам, руководителям учебных округов и учебных заведений: пусть у них будет ощущение этих полномочий и возможность их осуществлять. Но в этом направлении дело не движется. Инициатива не встречает поддержки. Однако закон хорош тем, что направлен к децентрализации. Надо будет создать условия для укрепления авторитета работников образования на

местах, и закон, может быть, будет этому содействовать. Посмотрим, что покажет опыт.

Относительно ориентированного обучения: оно необходимо, и я об этом давно и много говорил. Но надо, чтобы преподаватели на это согласились. А они боятся ответственности, они этого терпеть не могут. Они не любят проводить экзамены, они не хотят никого огорчать. Это — постоянное проявление малодушия. Как же проводить ориентированное обучение, имея дело с такими типчиками? Чтобы ориентировать, направлять, надо иметь характер. А характера-то у них и нет.

Относительно отбора — то же самое. Я убежден в его необходимости и согласен, что это — большая проблема. Но как его добиться, если преподавательский корпус этого не хочет и отступает перед препятствием?

Закон таков, как он есть. Теперь все зависит от его применения. И в этом отношении ваша комиссия может многое сделать. Она активно участвовала в работе над текстом. Она очень хорошо информирована о том, что происходит на местах. Она должна оказывать энергичное воздействие на ход реформы и на самого Эдгара Фора, чтобы жизнь ему медом не казалась, чтобы он не застаивался на месте. Комиссия проголосовала за закон и теперь должна помогать его осуществлению.

АП. Задача облегчается тем, что впервые в нашей парламентской истории абсолютное большинство принадлежит одной единственной группе. И она может работать, не прибегая к демагогии. Конечно, в этой группе есть свои консерваторы, но и с их взглядами следует считаться. Можно достигнуть разумной уравновешенности точек зрения.

ГдГ (задумчиво). Посмотрим, что из всего этого получится. Я поддержал закон об ориентированном обучении, так как он ведет к децентрализации. Он предоставляет решение проблем на местах, людям, которым эти проблемы известны. Это — правильный подход. Вопрос в том, как его будут осуществлять. И потом, это необходимо, но недостаточно. Посмотрим и проследим.

АП (ободренный поддержкой). Существует не так уж много систем. Если мы хотим, чтобы государство осуществляло централизованную, иерархическую власть, то этого можно до-

биться в армии или в условиях диктатуры. Но этого нельзя достичь в такой системе, как наша, в стране с таким индивидуалистическим населением, с таким недисциплинированным преподавательским корпусом. Поэтому я могу себе представить только такую систему, как в Америке, — основанную на конкуренции и автономии. Так как закон соревнования в борьбе за выживание — это естественный закон, более строгий, более неумолимый, чем любое государственное руководство.

ГдГ. Я с вами согласен, но как вы предлагаете действовать?

АП. Надо в максимальной степени делегировать полномочия в частную сферу. Государство слишком бессильно, потому что оно слишком могущественно. Оно хочет все делать, всем управлять, во все вмешиваться, а оно на это не способно. Оно должно было бы ограничиваться самыми главными решениями, регулирующими функциями, вмешиваться в случае чрезвычайных обстоятельств. Все, что способен делать частный сектор, надо оставить в его компетенции, так как он справляется с этим лучше, чем государство.

[...]

ГдГ. Да, конечно. Но мы — узники Истории. Для того, чтобы это осуществилось, нам нужны промышленники, которые согласятся вкладывать капиталы. Но у нас нет таких капиталистов! Вспомните: Западные железные дороги были национализированы еще до войны 1914 года, потому что ни одна частная компания не хотела ими заниматься. Мы национализировали электроэнергетику, потому что она требовала огромных инвестиций: электростанции, плотины и так далее. Государство подменило собой частный сектор, потому что частный сектор оказался несостоятельным, потому что те, кто отвечал за экономическую жизнь страны, оказались не на высоте. Они хотят получать прибыли, не рискуя. В этом суть проблемы.

АП. Получается заколдованный круг. Мы не можем из него выйти со времен Кольбера. Государство подменяет собой частное производство. Но тем самым получилось, что промышленность осталась слабой, потому что государство стало на ее место. Ее поддерживали до такой степени, что ей уже не нужно было бороться. И она продолжает пребывать в инфантильном состоянии.

ГдГ. Но мы таковы, какие есть, с этим надо считаться. Во Франции Государство должно подменять собой гражданина. Оно вынуждено было взять дело в свои руки, поскольку никто не брался за это, кроме него. Если бы мы передали телефон частным компаниям, американцы бы нас колонизировали.

АП. Очень хорошо, что государство вмешивается, чтобы дать импульс. Но пусть государство не подменяет собой частный сектор. Пусть оно дает указания, предоставляет кредиты, но пусть само не занимается делами, оно к этому не способно.

ГдГ. Однако посмотрите на металлургию. Если бы государство не вмешалось в дела, она продолжала бы прозябать.

АП. В металлургии был применен правильный метод. Государство не стало ее национализировать. То же было и с Планом: государство дало первый толчок. Этому методу надо следовать и в других областях.

[...]

ГдГ. Увы, мы далеки от этого. Не так-то легко переделать Историю».

Может быть, потому, что я говорю с ним языком волюнтариста, он отвечает мне как фаталист? Я чувствую, что разговор зашел в тупик, и меняю тему:

«Могу ли я задать вам вопрос, который мучает меня все шесть месяцев, что мы с вами не виделись? В мае, во время первых восьми дней университетских волнений, мы отстаивали каждую пядь, чтобы не допустить распространения пожара и заставить его отступить. Я убежден, что, если бы мы так действовали и дальше, огонь бы угас. Во всяком случае, все осталось бы в пределах студенческого сектора, как это и было в других странах. Это не распространилось бы на взрослую часть населения. В субботу 11-го числа, после полудня, вы приняли ректора Роше и меня. Мы предложили вам план: три уступки и три требования к участникам беспорядков. Вы согласились. Затем премьер-министр вернулся из Афганистана. Он нам сказал, что Сорбонну надо открыть без всяких условий. Это противоречило всей той политике, которую мы проводили в течение восьми дней. Я высказал ему свое несогласие. Он мне ответил: «Доверие должно быть полным». Он отверг

мои возражения, но я не слишком тревожился, убежденный, что вы сумеете его остановить. Но он все-таки произнес свою речь, и я понял, что все потеряно.

ГдГ. Я с вами совершенно согласен. Именно в этот день, когда все было потеряно, надо было стоять твердо, действовать решительно... Я бы хотел, чтобы было арестовано не менее 500 студентов, по всем университетам. Это бы их образумило. Тогда бы они поняли. Но у меня были сомнения, и потом, я не мог наблюдать события так близко, как Фуше и вы, и этот славный Жокс. Вы все желали избежать драматических обострений. И вот я уступил, но я всегда думал, что надо было действовать немолимо с самого начала и подавить уличные беспорядки перед Сорбонной, и даже еще раньше — в Нантере. Нельзя было размягчаться, нельзя было уступать.

Помпиду все уступил, и в отношении студентов, и на переговорах с профсоюзами на улице Гренель. Не было необходимости уступать во всем. Профсоюзы удовлетворились бы половиной или даже четвертью. Экономика легла на бок на годы вперед. Бывают обстоятельства, когда надо держаться и терпеть. А мы так не поступили.

Послушайте, я вам скажу все начистоту: прибыв из Афганистана, Помпиду сделал из этих уступок условие *sine qua non**. Он был готов оставить свой пост, если Сорбонна не будет открыта. Совершенно очевидно, что если Сорбонна оккупирована студентами, то в скором времени то же самое случится с заводами и административными учреждениями. Почему только студенты должны были получить от правительства такие преимущества? Правительство оказалось в затруднении, оно это подтвердило фактом своей капитуляции, надо было пользоваться случаем и навалиться на него.

Я скажу вам начистоту. (Он повторяется, говоря медленно и значительно.) Чувства Государства во Франции нет ни у кого. Оно есть у меня; хотя бы время от времени. Я его проявляю, когда дела идут совсем плохо. Но кроме меня, никто даже не пытается этого делать, вот в чем проблема!»

* Обязательное, не подлежащее обсуждению условие (лат.).

Как еще болят у него раны! Я пытаюсь отвлечь его, излагая собственные мысли, созревшие у меня после майских событий.

АП. «Но нельзя же оставлять дела в таком состоянии, что только вы один и можете держать их в руках. Франции надо бы повзрослеть настолько, чтобы больше не нуждаться в опекуне вашего масштаба. Следовало бы предоставлять французам все больше и больше ответственности, привлекая их к государству, которое уже не в силах нести их на себе, и тогда зло можно было бы претворить в добро. Главное теперь — это реформы, которые вы могли бы провести, воспользовавшись майской встряской. Раньше вы не могли этого сделать, потому что все разновидности консерватизма были против. Без этой встряски, участие...

ГдГ (прерывая меня). Ну да, ну да! Только всего этим не решишь.

АП. Мы провели в моей комиссии ряд слушаний. Хозяева и рабочие не хотят участия, но...

ГдГ. Рабочие хотят. Не хотят профсоюзы.

АП. Да, именно это я и хотел сказать. Все организации этого не хотят, но простые люди вполне могли бы захотеть.

(Я чувствую, как он вдруг сразу устал. Он встает, не отвечая на мою реплику, и медленно провожает меня к дверям.)

ГдГ. Я рад был с вами повидаться. Нам нужно встречаться чаще, время от времени. А в перерывах посылайте мне записки, держите меня в курсе того, что вы думаете».

2. Последний референдум

Де Голль объявил о проведении референдума в связи с реорганизацией регионов и реформой Сената, которая является следствием такой реорганизации, а вернее — ее причиной¹. Сколько раз, с 1962 года, он говорил мне об этой реформе! Наконец, кости брошены, и пока они катятся, я могу заглянуть в мои старые записи*.

[...]

* См. часть V. Государство и общество.

Конечно, он боялся подвергнуться новому разочарованию, как в 1962 году, во время референдума по Конституции, когда он не получил большинства от списочного состава избирателей. Он все выжидал «благоприятного момента». После семи лет ожидания ему показалось, что в 1969 году такой момент наступил.

После неудачи референдума и своего ухода, он должен был усмотреть некий символ в том, что Ален Поэр, временно обосновавшийся в Елисейском дворце, выдвинул себя кандидатом в президенты уже на постоянной основе. До самой смерти де Голль не мог побороть сожаления, что ему не удалось достроить Республику, как он ее задумал: не просто освобожденную от второй палаты — второй площадки для партийных плясок, — но обретшую великий представительный форум, выражающий все многообразие и всю современность страны*.

3. Возвращение в Коломбэ

9 ноября 1970.

Генерал умер. Удивление, боль, наплыв воспоминаний.

Потом — чувство завершенности. Смерть простая, сильная, соответствующая масштабу его личности.

Позже Филипп де Голль и Ален де Буассье расскажут мне, что еще в январе 1966 года, вскоре после его повторного избра-

* Считая Сенат «бесплезным учреждением», де Голль намеревался заменить его Экономическим и социальным советом — не законодательным, а представительным органом от регионов. Соответственно, органы кантонального самоуправления должны были быть заменены «комитетами регионального развития». Необходимость такой реформы де Голль обосновывал тем, что «демократия эволюционирует в направлении социальном и экономическом, а это предполагает появление нового органа, не законодательного, а представительного с точки зрения социальной и экономической». (См. А. Peyrefitte. *C'était de Gaulle, t. III, p. 615*).

С одобрением этой реформы на референдуме де Голль связал свое пребывание на посту президента Республики. Преобладание отрицательных ответов предопределило его уход в отставку.

ния, он им сказал о своем намерении уйти в день своего восьмидесятилетия. Станным образом, его намерение осуществилось.

Коломбэ, 12 ноября 1970.

[...]

Главный портал церкви закрыт. У левой двери производится отбор тех, кто допущен на панихиду. Кув, Жокс и Горс входят в церковь, Буаламбер² приглашает также и меня, но я предпочитаю остаться снаружи: «Нет. Ведь он сказал: «Соратники по Сопротивлению»³. Я к ним не принадлежу. *Non sum dignus**». Буаламбер делает вид, будто настаивает, затем соглашается: «Как вам будет угодно».

...Мои коллеги-министры тоже не являются его соратниками по Сопротивлению, но они принадлежат к его окружению с 1943 года, я же пришел на пятнадцать лет позже. Я остаюсь снаружи, прислонившись к закрытому portalу, между двух солдат с оружием. Огромная толпа уже собралась вокруг церкви.

[...]

Позади гроба, который выносят десять молодых людей из деревни, я присоединяюсь к кортежу, позади семьи. Из уважения к огромной толпе, которая тоже ожидает возможности приблизиться, мы не задерживаемся у входа в склеп, где гроб Генерала поставлен рядом с гробом его дочери Анн. [...]

При выходе с кладбища, я встречаюсь с Жаком⁴ и Када Вандру. Рядом с ними идет епископ Лангрский, монсеньер Атон, который служил панихиду. Мы делаем несколько шагов, чтобы выйти из толпы, потом **Жак Вандру** берет меня под руку:

«Пойдемте вместе с нами в Буассери. Я не могу привести туда всех соратников по Сопротивлению, но я уверен, что моя сестра будет рада вас видеть, и ее дети тоже».

И он уводит меня, так же, как и епископа, чтобы попрощаться с семьей. Все четверо мы идем по узкой дороге. Странно, но в воздухе чувствуется некое умиротворение, граничащее с радостью. Не потому ли, что трое моих спутников верят в бессмертие души и не задаются вопросами, которые для них давно

* «Я не достоин» (лат.).

решены? Или потому, что они понимают, что завершился необыкновенный, неуклонно пройденный жизненный путь? Или потому, что они чувствуют облегчение от мысли, что Генерал перестал страдать?

Вандру. «Конечно, вряд ли это можно будет когда-нибудь доказать, но у меня существует глубокое убеждение, что его сломило горе. Эта аневризма была у него всегда. Пока он был захвачен своим делом, пока он знал, что французы рассчитывают на него, все шло хорошо. Но когда он увидел, что они отказываются от него, — этого он не выдержал. Профессор ... (я не запомнил его имени) говорил мне сегодня утром: “Это — психосоматическая смерть. В его организме существовал врожденный дефект, к которому он прекрасно приспособился, но с которым перестал справляться, когда им овладела эта неотступная печаль”».

Примечания*

Часть I. Алжирская проблема. 1959–1965

¹ Генеральный секретарь Елисейского дворца, резиденции Президента.

² Директор кабинета Генерала.

³ В этом салоне, на втором этаже дворца, Генерал устроил свой кабинет; рядом располагался салон для его адъютантов, примыкающий к залу, где происходят заседания совета министров. В дальнейшем Золотой салон будет служить кабинетом для Жоржа Помпиду и Франсуа Миттерана. Но ни Ален Поэр, ни Валери Жискар д'Эстен не пожелают использовать его в этом качестве.

⁴ Пьер Лагайер был одним из алжирских активистов в мае 1958-го. Депутат Национального собрания от Алжира, он станет одним из тех, кто будет звать на баррикады в январе 1960-го и организует OAS («Organisation de l'Armée secrète») в феврале 1961 года.

⁵ В речи, произнесенной в Константине 30 октября 1958 года, де Голль выдвинул пятилетний план глубокого реформирования алжирской экономики, социальной сферы и школьного образования, чтобы поднять уровень жизни мусульманского населения Алжира.

⁶ Я был там в качестве репортера от *Parlement européen* (так назывался журнал, хотя такое название не предусмотрено Римским договором, и де Голль его не признает).

⁷ В качестве члена делегации на сессию Генеральной ассамблеи.

⁸ Это слово он иногда употребляет, как и Швейцер... или Монтескье.

⁹ Жена А. Пейрефита.

¹⁰ Франко-алжирские переговоры проходили с 20 по 28 июля 1961 года в замке Люгрэн (Верхняя Савойя), и были прерваны алжирской стороной.

* Примечания сделаны самим А. Пейрефитом.

¹¹ В газете *La Vie française*, где у меня была рубрика, посвященная внешней политике.

¹² Резиденция премьер-министра. В то время де Голль был главой Временного правительства.

¹³ Этот особняк еще называют «Малым Матиньоном». Когда я стал министром информации, он был предоставлен в мое распоряжение.

¹⁴ Директор кабинета премьер-министра.

¹⁵ Альфред Фабр-Люс рассказал о нашей совместной работе в своих *Memoires*, Т. III, Р. 337.

¹⁶ Намек на формулу, использованную Бальфуrom в 1917 году, чтобы обосновать иммиграцию евреев в Палестину.

¹⁷ «Mouvement Republicain Populaire» — партия «Республиканское народное движение».

¹⁸ Так де Голль называет свою отставку в 1946 году.

¹⁹ В то время Рамадье весьма решительно исполнял свои обязанности премьер-министра, он отнюдь не был дутой фигурой.

²⁰ Министр сельского хозяйства.

²¹ «Armée de libération nationale» («Армия национального освобождения») — армия алжирских повстанцев, базы которых были расположены главным образом в Тунисе. После заключения перемирия отряды ALN стали переходить на алжирскую территорию.

²² За счет вычетов из зарплаты алжирцев, работающих во Франции.

²³ Министр внутренних дел.

²⁴ Жан Фуайе — в то время министр юстиции.

²⁵ В 1944 году он был председателем Национального совета Сопротивления и теперь пользовался этим, чтобы поддерживать OAS.

²⁶ Четвертая годовщина Алжирского восстания 13 мая 1958 года.

²⁷ Министр по делам репатриантов.

²⁸ После референдума 1 июля соединения «Армии национального освобождения», ранее располагавшиеся главным образом за пределами страны, переместились на территорию Алжира.

²⁹ Стих Лукреция: «Приятно, когда ветры поднимают волны на море [наблюдать с земли за бедами другого]».

³⁰ Пьер Мессмер — министр вооруженных сил.

³¹ Пьер Сюдро — министр образования с апреля по октябрь 1962 года.

³² Раймон Марселлен — министр здравоохранения.

³³ По данным, которые до сих пор сообщались Совету, таковых было 5 тысяч, включая членов семей.

³⁴ Я надеюсь, читатель мне простит, что в этой главе моя речь занимает больше места, чем речь де Голля. Так всегда бывало в его беседах с техническими министрами: он хотел, чтобы говорили они, а сам вступал в разговор как можно реже. В беседах с порт-паролем соотношение было другое: там говорил преимущественно он сам.

³⁵ Мохаммед Кидер был тогда генеральным секретарем политбюро FLN.

³⁶ Государственный секретарь в Министерстве экономики, отвечающий за внешнюю торговлю.

³⁷ Сеть подпольных организаций для помощи FLN во время алжирской войны. Возглавлявший эту сеть Франсис Жансон был приговорен в октябре 1962 года к десяти годам тюрьмы.

³⁸ Полномочный представитель Французской Республики в Алжире.

³⁹ Эвианские соглашения предусматривали пребывание французской армии в Сахаре еще на протяжении пяти лет для проведения атомных и космических испытаний на аэродромах в Коломб-Бешаре, Реггане и д'Им-Ангель, а также в Мерс-эль-Кебире — на протяжении пятнадцати лет, с возможным продлением этого срока.

⁴⁰ В то время — министр научных исследований.

⁴¹ Министр экономики в алжирском правительстве.

⁴² Валери Жискар д'Эстен — министр экономики в первом правительстве Помпиду.

⁴³ Роже Фрей — министр внутренних дел.

⁴⁴ Он стал теперь Государственным министром, занимающимся административными реформами.

⁴⁵ Министр обороны Алжира.

⁴⁶ Решение об объединении Египта и Сирии было принято в июле 1958 года. Ирак заявил о своем присоединении в апреле 1963-го. Но после неудачного насеровского путча, в результате которого сторонники Насера в Дамаске были устранены, Насер в июле 1963-го отказался от идеи Объединенной арабской республики.

⁴⁷ 22 августа 1962 года на де Голля было совершено покушение (одно из многих): в Пти-Кламаре его жена, зять и водитель машины чудом уцелели.

⁴⁸ В сентябре 1962 года была предотвращена попытка убийства Жоржа Помпиду во время охоты.

⁴⁹ Убийца адмирала Дарлана.

⁵⁰ Бешир Бумаза — министр труда, затем министр экономики в Алжирском правительстве; де Голль имел с ним встречу.

⁵¹ Алжирцы это сделали 13 мая 1968 года.

⁵² Был убит в Алжире 1 июня 1961.

⁵³ Рене Капитан, председатель Комиссии по законодательству, требовал, чтобы амнистия не распространялась на преступления, совершенные в метрополии.

Часть II. Франция и Европа. 1960–1967

¹ Панъевропейский союз, созданный в 1926 году франко-австрийским гражданином Куденхов-Калержи, был самым старым движением, борющимся за европейское объединение.

² Нидерландский министр иностранных дел.

³ Бельгийский министр иностранных дел.

⁴ В 1948 году конгресс в Гааге, на котором присутствовали наиболее влиятельные политики западных стран, положил начало Европейскому движению. Большинство парламентариев в этих странах с энтузиазмом присоединились к нему.

⁵ Он уже тогда употреблял это выражение; с тех пор оно стало расхожим.

⁶ Жан Лалуа не стал переводить эту уточняющую фразу. Этот анекдот был по-своему пересказан Жоржем Бидо. Де Голля сопровождали только местные советские руководители; ни Молотов, ни кто-либо другой из советского правительства не встречали де Голля, скоропалительно прибывшего из Парижа.

⁷ Единственное, что он опубликовал к тому времени, были две книжечки «Избранных страниц» Андре Мальро и Корнеля (классическая серия *Vaubourdolle, Hachette*) и объемистая «Антология французской поэзии» (*Hachette*).

⁸ В поисках текстов мне очень помог Жак де Монталэ, «левый голлист», журналист из газеты *Combat*.

⁹ С 1956 по 1958 год я был, как помощник директора отдела Европейских организаций на Кэ д'Орсэ, членом небольшой французской делегации на международной конференции в Брюсселе.

¹⁰ Это профессиональное сообщение было сделано мной в декабре 1957 года на «семинаре по повышению квалификации дипломатов», который был посвящен Римским договорам, а затем опубликовано Министерством иностранных дел в сборнике документов этого коллоквиума. Оно ошеломило одних и обрадовало других.

¹¹ Тридцать четыре года спустя разногласия между сторонниками федерации и конфедерации, наднациональности и межнациональности по-прежнему вызывают яростные споры.

¹² Alfred Fabre-Luce. *Lettres européennes* (опубликовано автором и разослано им в различные органы информации). В прессе были опубликованы отрывки.

¹³ 28 сентября 1961 года *Le Monde* писала: «В прошлом году мы опубликовали серию статей (см. *Le Monde* с 14 по 17 сентября 1960 г.), в которых г. Ален Пейрефит анализировал голлистские идеи относительно европейского строительства. Предложенные там решения, находящиеся на полпути между «интеграционистской» концепцией и строго межгосударственным подходом, оказались подтвержденными в решениях европейского саммита в Бад-Годесберге.

¹⁴ Бельгийская газета *La Dernière Heure* («В последний час») вновь опубликовала ее в номере от 8 февраля 1963 года. В одной докторской диссертации даже доказывалось, будто «вся европейская политика Франции была раскрыта в этом документе от августа 1960-го». (Эдмон Жув. Генерал де Голь и построение Европы, 1940–1966. Докторская диссертация по политическим наукам, за-

щищенная 25 апреля 1966 года. — Главная библиотека по праву и юриспруденции, 1967.)

¹⁵ Впоследствии Помпиду тоже приобрел манеру пожимать руки своим коллегам, но только на пути к своему месту, не обходя весь стол.

¹⁶ Это был план де Голля, состоявший в том, чтобы установить между Шестью странами, входящими в Европейское экономическое сообщество, тесное сотрудничество в политической, оборонной и культурной областях.

¹⁷ Английский министр иностранных дел.

¹⁸ Любимое выражение Кува де Мюрвиля.

¹⁹ Такое обращение больше в духе республиканизма и Четвертой Республики. Его употребляют Пфлимлен и Эдгар Фор. Другие говорят «господин Генерал»: это показывает, что уважение к данному историческому лицу преобладает над уважением к занимаемой им должности.

²⁰ «Объединение Западной Европы» («Union de l'Europe occidentale») — организация по вопросам обороны, находящаяся в Лондоне; создана в 1948 году Великобританией, Францией и Бенилюксом, с присоединением Федеративной Германии и Италии, после их неудачи с ЕОС («Европейским оборонительным сообществом»).

²¹ Американцы были чрезвычайно враждебны к введению «общих внешних тарифов», предусмотренных Римским договором; они пытались побудить Шестерку отказаться от них, либо распространить их и на другие страны, включая и Соединенные Штаты.

²² После своей пресс-конференции 15 мая 1962 года, на которой неудача плана Фуше была главным сюжетом, Генерал возвращался к этой теме во время своих поездок в Лимузен и Юру.

²³ Пьер Пфлимлен, Морис Шуман, Робер Бюрон, Поль Бакон и Жозеф Фонтанэ подали в отставку в знак несогласия с состоявшейся накануне пресс-конференцией, в ходе которой Генерал, ровно месяц спустя после формирования правительства, высказался за Европу наций и против идеи наднациональной Европы.

²⁴ Пфлимлен и Морис Шуман.

²⁵ Все особенно прицепились к фразе, произнесенной де Голлем во время пресс-конференции: «Данте, Гёте и Шатобриан не оказали бы большой услуги Европе, если бы писали на каком-то “эсперанто” или “интегрированном волапуке”».

²⁶ «Conseil national de la Résistance» («Национальный совет Сопротивления») — организация, которую возглавлял Жан Мулен с марта 1943 до своего ареста в июне того же года.

²⁷ «Forces francaises libres» — «Свободные французские силы», «Forces francaises de l'intérieur» — «Внутренние французские силы».

²⁸ Адмирал, командующий французской эскадрой в Средиземном море.

²⁹ С 23 по 25 сентября 1940 года де Голль с английской эскадрой пытался высадиться в Дакаре. Попытка была отражена губернатором Дакара Буассоном, сохранившим верность маршалу Петену.

³⁰ Мне трудно себе представить, что Генерал, — как об этом рассказывал Рене Плевен Раймону Турну, — будто бы говорил ему, что «готов застрелиться». Хотя Генерал, случается, говорит некоторые фразы, чтобы испытать собеседника.

³¹ Два десятка парламентариев (в их числе Даладье, Мандель, Мендес-Франс, Жан Зей) отплыли из Бордо на пакетботе «Массилия» 21 июня 1940 года с тем, чтобы попасть в Северную Африку и там сражаться или найти убежище. Арестованные по прибытии в Касабланку три дня спустя, Даладье и Мандель были арестованы и репатриированы во Францию, где к ним отнеслись, как к дезертирам. Мендес-Франс и Жан Зей были арестованы в августе 1940 года.

³² «Привет, господин капитан!». В мае 1950 года план Шумана предлагал создание Европейского объединения угля и стали в качестве первого шага к объединению Европы.

³³ Странно, что этот парад, состоявшийся через семнадцать лет после окончания войны, не вызвал никакой критики, хотя его очень много показывали по телевидению, а газеты публиковали многочисленные фотографии. А через пятьдесят лет после окончания войны, 14 июля 1994 года, участие в параде на Елисейских полях немецкого батальона, в числе других представителей иностранных контингентов, вызвало жаркую полемику.

³⁴ Непосредственно перед покушением в Пти-Кламаре.

³⁵ Баррес так пишет в своих «Тетрадах» за 1920 год (с. 881): «Создать определенную идею Франции значит получить возможность сыграть определенную роль». И тут же он добавляет слова, которые как бы рисуют заранее портрет де Голля: «Некоторые люди являются как *счастливое* потрясение для своей страны. Они воплощают собой неожиданное, возникающее помимо всех социологических потребностей; они действуют; их индивидуальное сознание уравнивает, замедляет, ускоряет, изменяет совокупность социальных фактов». Де Голль, внимательный читатель Барреса, возможно, размышлял над этими словами.

³⁶ То есть Соединенные Штаты.

³⁷ «Allied military government for occupied territories» — «Военное управление союзников на оккупированных территориях».

³⁸ Соответственно, министр бывших бойцов и министр кооперации.

³⁹ Леклерк и его колонна, пробиваясь с боями из Чада в Тунис, сделали остановку в оазисе Куфра и здесь произнесли клятву не складывать оружия, пока не освободят Париж и Страсбург.

⁴⁰ Хью Гейтскелл, руководитель лейбористской партии с декабря 1955, умер 18 января 1963 года.

⁴¹ Канцлер приезжал в Париж для подписания франко-германского договора о дружбе и сотрудничестве.

⁴² Вальтер Хальштейн — председатель Комиссии Общего рынка.

⁴³ Франко-германский договор о сотрудничестве, подписанный в Париже за два дня до того, 22 января 1963 года, канцлером Аденауэром

и генералом де Голлем, будет ратифицирован Бундестагом 16 мая, но вместе с «преамбулой», сужающей его значение.

⁴⁴ В то время посол Соединенных Штатов во Франции.

⁴⁵ Речь идет о преемнике канцлера Аденауэра: только после выборов в октябре 1963 года станет ясно, что это место займет Людвиг Эрхард.

⁴⁶ Посол СССР во Франции.

⁴⁷ Во время обострения напряженности, вызванного проблемой Берлина, де Голль, в своем выступлении от 12 июля 1961 года, твердо заявил об ответственности Советов за возникновение кризиса.

⁴⁸ То есть осуществить план Фуше — политический союз государств.

⁴⁹ Председатель Комиссии ЕЭС.

⁵⁰ Пресс-конференция Генерала 14 января 1963 года, в ходе которой он отверг кандидатуру Англии для участия в Общем рынке и в «многосторонних силах», вызвала бурю.

⁵¹ Через несколько дней Аденауэру предстояло уйти в отставку и передать свои полномочия Людвигу Эрхарду.

⁵² Либеральная немецкая партия («Freie demokratische Partei»).

⁵³ «Ждать и смотреть» (англ.).

⁵⁴ Министр иностранных дел ФРГ.

⁵⁵ «European Free Trade Area» — Европейская зона свободной торговли.

⁵⁶ Генеральный секретарь SFIO («Французская секция рабочего интернационала»), бывший премьер-министр, министр государственных учреждений в правительстве де Голля с 1 июня 1958 по 8 января 1959 года.

⁵⁷ Депутат от департамента Ло, председатель партии радикал-социалистов, с 1956 по 1958 год — представитель Франции на европейских переговорах.

⁵⁸ Нидерландский вице-президент Комиссии, уполномоченный по сельскому хозяйству.

⁵⁹ Речь идет о переговорах в рамках GATT («General Agreement on Tariffs and Trade»), «Генерального соглашения по тарифам и торговле», известного под названием «Kennedy Round».

⁶⁰ С момента убийства Кеннеди прошло восемнадцать дней.

⁶¹ Вилли Брандт был тогда мэром Западного Берлина и вице-председателем социалистической партии Германии; он станет федеральным канцлером в 1969 году.

⁶² Кув, Жискар и Пизани.

⁶³ Финансовое урегулирование должно было определить расчет и назначение сумм, взимаемых с импорта сельскохозяйственной продукции.

⁶⁴ Жан-Марк Бонье — постоянный представитель Франции при Комиссии в Брюсселе.

⁶⁵ Замок Эрних возвышается над мостом Реманген, в том месте, где войска союзников перешли Рейн в марте 1945 года. Здесь располагалась резиденция сначала французского верховного комиссара, а затем, с 1949 года, резиденция французского посла в Германии.

⁶⁶ Выборы должны были состояться в сентябре.

⁶⁷ Вице-президент Комиссии.

⁶⁸ «Карфаген должен быть разрушен».

⁶⁹ Федеральным канцлером с октября 1963 по ноябрь 1966 года был Людвиг Эрхард.

⁷⁰ «Люксембургский компромисс» заключался в декларации, которая была одобрена пятью государствами, с одной стороны, и Францией — с другой. Все согласились со следующей формулировкой: *«Когда по предложению Комиссии возникнут вопросы, требующие решения большинством голосов и затрагивающие важные интересы одного или нескольких партнеров, члены Совета приложат усилия, чтобы в разумные сроки прийти к решениям, которые смогут быть приняты всеми членами Совета с учетом их интересов и интересов Сообщества»*. Франция, кроме того, заявила в специальном параграфе, что *«дискуссия должна продолжаться до тех пор, пока не будет достигнуто единодушное согласие»*. Совет констатировал расхождение по этому последнему пункту, но решил, что оно не препятствует возобновлению работ в Брюсселе. Таким образом, позиция Франции, которую не смогли разделить пять других участников, была признана ими по факту. В сущности, они согласились с риском, что при обсуждении того или иного пункта, затрагивающего высшие интересы, Франция не будет считать себя связанной решением большинства и сможет снова прибегнуть к тактике «пустого стула», заблокировав тем самым действие договора. Но ничего подобного в дальнейшем не произошло, хотя на «Люксембургский компромисс» нередко ссылались, и он стал своего рода синонимом права вето.

⁷¹ Пьер Бийот — министр по делам заморских территорий; Луи Жокс — министр юстиции; Раймон Марселлен — министр здравоохранения в первом правительстве Помпиду, затем последовательно — министр промышленности и министр Плана и благоустройства национальной территории; Мессмер — военный министр в первом и втором правительствах Помпиду.

Часть III. Оборонная самодостаточность. 1962–1967

¹ Интеграция — соединение армий под американским командованием — это принцип организации НАТО; предполагалось, что он же будет положен в основу Европейского оборонительного сообщества, проект которого был отвергнут Францией в 1954 году.

² Из НАТО, то есть из интегрированной военной организации, но не из Атлантического альянса, который де Голль никогда не ставил под

сомнение. В 1969 году, накануне своей отставки, он подтвердил принадлежность Франции к Альянсу перед истечением предусмотренного договором двадцатилетнего срока.

³ Чарлз Болен — посол США в Париже, Джордж Болл — помощник государственного секретаря по экономическим вопросам.

⁴ Однако именно Жан Монне в 1943 году убедил американцев позволить де Голлю приехать в Алжир.

⁵ «Я дух, всегда отрицающий» (*нем.*).

⁶ Ракеты класса «воздух-земля», запускаемые с бомбардировщиков, с дальностью полета 1 600 км. Они должны были поступить на вооружение американских и британских бомбардировщиков. Американское решение было тяжелым ударом для Великобритании, которая не имела запасного варианта.

⁷ Межконтинентальные ракеты класса «море-земля» с ядерными боеголовками, рассчитанные на запуск с подводных лодок в состоянии погружения.

⁸ Кеннеди был избран 8 ноября 1960-го и приступил к исполнению президентских обязанностей 21 января 1961 года.

⁹ В январе 1961 года, в связи с французским ядерным взрывом в Сахаре, Нигерия разорвала дипломатические отношения с Францией.

¹⁰ 1 января 1945 года, во время немецкого наступления против 7-й американской армии, Эйзенхауэр решил отступить из Северного Эльзаса, включая Страсбург. Тогда де Голль отдал приказ де Латтру «обеспечить защиту Страсбурга». 3 января, после того, что Генерал в своих «Военных мемуарах» называет «жаркой дискуссией», Эйзенхауэр вынужден был уступить де Голлю.

¹¹ Штраус был министром обороны Федеральной Германии с 1956 по 1962 год.

¹² Уже в декабре 1964 года де Голль предупредил об этом посла Соединенных Штатов Болену.

¹³ «Supreme Headquarters of the Allied Powers in Europe» — генеральный штаб НАТО, располагавшийся в Роканкуре, недалеко от Версаля.

¹⁴ Министр почтовой связи, телефона и телеграфа.

¹⁵ Действительно, Австрия и Швейцария, будучи нейтральными странами, не пропускают через свое воздушное пространство военные самолеты НАТО.

¹⁶ На региональных выборах в Гессене и Баварии были избраны несколько крайне правых кандидатов.

¹⁷ Согласно этой доктрине Федеральная республика не будет поддерживать дипломатические отношения с государствами, признающими Восточную Германию как суверенное государство. Такая позиция была сформулирована в 1955 году, когда Хальштейн был государственным секретарем по иностранным делам.

¹⁸ Феликс Гайар дважды сыграл весьма важную роль. В 1952 году в качестве государственного секретаря при Совете министров он провел че-

рез Национальное собрание «план развития атомной энергии». А 11 апреля 1958-го, будучи председателем Совета министров, назначил первое атомное испытание в Регане на первый триместр 1960 года.

¹⁹ Робер Гиш — руководитель, главный администратор КАЭ с 1963 по 1970 год.

²⁰ Франсис Перрен, сын Жана Перрена (нобелевского лауреата по физике 1926 года и помощник государственного секретаря по науке в правительстве Народного фронта), выпускник Эколь Нормаль, профессор Коллеж де Франс, верховный комиссар с 1950 по 1970 год.

²¹ Жак Робер, директор военных исследований с 1960 по 1970 год.

²² Баллистическая ракета стратегического назначения «земля-земля».

²³ См.: *Peyrefitte, Alain. Le Mal français. Chap. 9.*

²⁴ Робер Дотрэ (родился в 1928 году) был принят в КАЭ в 1955 году. В 1967-м он занимался в Комиссариате постройкой термоядерного реактора в Гренобле. Был верховным комиссаром КАЭ с 1993 по 1998 год. Член Академии точных наук.

Часть IV. Франция и сверхдержавы. 1962–1968

¹ См. следующую главу.

² Публично он поднял ее два года спустя, на пресс-конференции 4 февраля 1965 года.

³ Бывший Государственный секретарь президента Трумэна, специальный посланник президента Кеннеди.

⁴ Генерал, однако, полагает, что на самом деле Соединенные Штаты уступили с некоторой задержкой, убрав свои ракеты из Турции несколько позднее.

⁵ Я тогда не успел записать, в чем, по мнению Эйзенхауэра, ошибся Кеннеди.

⁶ Президент Кеннеди совершил турне по Европе с 24 по 30 июня 1963 года. Он посетил Бонн, Франкфурт, Западный Берлин (26-го), Дублин, Лондон, Рим, Ватикан и Неаполь.

⁷ Американский государственный секретарь с 1952 по 1959 год.

⁸ Барри Голдуотер будет выдвинут кандидатом от республиканской партии 15 июля 1964 года, в Сан-Франциско.

⁹ Роберт Кеннеди, брат президента, министр правосудия.

¹⁰ Сэр Алек Дуглас Хьюм был *лордом Хьюмом*, прежде чем отказался от своего титула, чтобы баллотироваться в Палату Общин, без чего он не мог бы стать министром.

¹¹ Никсон, республиканский кандидат, выступавший против Кеннеди в 1960-м, не выставлял свою кандидатуру в 1964-м против Джонсона; он пропустил один тур выборов и победил Хемффри в 1968 году.

¹² Генерал еще думает, что Никсон будет кандидатом.

¹³ Государственный секретарь по финансам с 1957 по 1961 год, был принят Генералом 30 мая по ходатайству генерала Бийота, вне дипломатических рамок.

¹⁴ Представитель фюрера в Париже во время оккупации.

¹⁵ Речь шла о запуске спутника для телекоммуникации.

¹⁶ Полтора года спустя, между двумя турами президентской кампании, Генерал повторит этот знаменитый пассаж в телевизионном интервью с Мишелем Друа.

¹⁷ Уже не в первый раз он допускает в моем присутствии проговоры, позволяющие думать, что он мыслит себя хозяином Елисейского дворца и после декабря 1965 года.

¹⁸ По данным переписи 1960 года, чернокожих американцев насчитывалось 19 миллионов при общей численности населения 180 миллионов; то есть они составляли 10,5 процента.

¹⁹ Победив на выборах 15 октября, лейбористы стали правящей партией после того, как в течение тринадцати лет находились в оппозиции. Гарольд Вильсон был назначен премьер-министром 16 октября.

²⁰ План «создания союза государств Европы», разработанный комиссией под председательством Кристиана Фуше и предложенный Францией в 1961 году; отвергнут партнерами в апреле 1962 года.

²¹ Генерал Лемнитцер сменил генерала Норштада в качестве главнокомандующего силами НАТО.

²² В меморандуме, адресованном Государственному департаменту и Военному департаменту, Джонсон заявляет, что не одобрит никакой оборонный план, если таковой не будет подробно обсужден с Францией, и что Соединенные Штаты не допустят никакой «тактики давления» на своих союзников.

²³ Ежедневные бомбардировки Северного Вьетнама начались 5 февраля 1965 года.

²⁴ Эрве Альфан — посол Франции в Вашингтоне.

²⁵ Помощник Государственного секретаря по европейским делам.

²⁶ Вице-президент Соединенных Штатов.

²⁷ Под флагом Организации стран Латинской Америки американские и латиноамериканские войска в апреле 1965 года высадились в Доминиканской Республике, чтобы обеспечить победу генерала Имберто над сторонниками президента Боша.

²⁸ Семейное выражение Генерала, означающее «потерпеть поражение».

²⁹ В декабре 1968 года американские вооруженные силы во Вьетнаме насчитывали 580 тысяч человек.

³⁰ Генеральный инспектор финансов, знаменитый экономист, хранитель печати Института, личный финансовый советник Генерала.

³¹ Жан-Максим Левек, финансовый инспектор, технический советник Елисейского дворца.

³² Министр промышленности.

³³ Доллар и фунт стерлингов.

³⁴ Фунт стерлингов продержится еще три года, до ноября 1967 года.

³⁵ Президент Никсон официально отменит конвертируемость доллара в золото 15 августа 1971 года, но фактически она была приостановлена тремя годами раньше.

³⁶ После первого налета, 7 февраля 1965 года на Тхань-Хоа, с 28 февраля американцы начали систематические бомбардировки Северного Вьетнама.

³⁷ Вьетконг преобразовался во Фронт национального освобождения (ФНО): он теперь выступает не как коммунистическая партия, но как объединение всего народа, как новое правительство.

³⁸ Виноградов занял свой пост посла в Париже 25 июля 1953; премьер-министром тогда был Жозеф Ланьель.

³⁹ Заместитель министра иностранных дел, помощник Громыко.

⁴⁰ О политических аспектах франко-советских отношений см. предыдущую главу.

⁴¹ Office de radiodiffusion télévision française — Служба французско-го радиовещания и телевидения.

⁴² Хотя с января 1966 года я перестал быть министром информации и возглавил министерство научных исследований, Генерал оставил цветное телевидение в моем ведении.

⁴³ SECAM был принят странами Ближнего востока, которые в то время казались не платежеспособными, но затем стали очень богатыми.

⁴⁴ «Генеральная компания беспроводного телеграфа».

⁴⁵ Так оно действительно и произошло.

⁴⁶ Вплоть до выхода Франции из НАТО, то есть еще накануне официального визита де Голля в СССР, московская пресса представляла его как «мятежного генерала», «оплот капитализма», «прислужника американского империализма».

⁴⁷ Американский спутник связи.

⁴⁸ Под этим поэтическим названием подразумевался прибор, содержащий сжиженный газ, в котором некоторые элементарные частицы оставляют следы, напоминающие микроскопические пузырьки.

⁴⁹ Советский посол в Париже, сменивший Виноградова.

Часть V. Государство и общество. 1964–1968

¹ Более известный под своим литературным псевдонимом — Сен-Джон-Перс.

² Соглашения Дарлана–Кларка были похищены военным атташе, сопровождавшим Тарбе де Сент-Ардуэна, назначенного генералом Жиро послом Временного правительства Французской республики в Турции. Таким образом, эти документы попали в руки специального представителя Свободной Франции в Анкаре Этьена Манака, который

и передал их генералу де Голлю в Алжире в 1943 году. Де Голль эти соглашения тут же денонсировал.

³ «Прежде всего — спасение родины» (*лат.*). Я не знаю, откуда он взял эту фразу, которую я слышал от него неоднократно; может быть, он ее придумал сам. Во всяком случае, она отражала его иерархию ценностей.

⁴ Луи Валлон, предводитель «левых голлистов», после выборов 1962 года — главный докладчик по бюджету и, в этом качестве, идейный вдохновитель Генерала по вопросу об «участии» трудящихся в управлении и доходах предприятий.

⁵ Это выступление Генерала (о самоопределении Алжира — *прим. пер.*) транслировалось по радио и телевидению 16 сентября 1959 года; вопрос о доверии был поставлен правительством перед парламентом в октябре. Таким образом, речь даже не шла о «вопросе доверия» при формировании правительства. Генерал не хочет допустить возвращения к традиции утверждения правительства парламентом.

⁶ Министр внутренних дел.

⁷ После победы «да» на референдуме, но до парламентских выборов.

⁸ Конституционный Совет 2 октября 1962 года, еще до референдума, высказался большинством голосов против поставленного на референдум вопроса. (Референдум 28 октября 1962 года утвердил избрание президента Республики всеобщим голосованием; до этого президент избирался на совместном заседании палат парламента. — *Прим. пер.*) Такую же позицию заняли Государственный совет и Сенат, председателем которого был переизбран Гастон Моннервиль после его нашумевшего выступления в Виши со словами о «должностном преступлении». Все это ясно показало враждебное отношение к референдуму всех классических партий. Пресса всех направлений, как в Париже, так и в провинции, вместе с высочайшими юридическими инстанциями, осудила инициативу Генерала. Такую же позицию заняло и Национальное собрание, выразившее 5 октября недоверие правительству. Зато 6 ноября, уже *после победы «да»* на референдуме, Конституционный совет отказался принять жалобу Гастона Моннервиля, требовавшего, не больше и не меньше, отмены результатов референдума.

⁹ Депутат от радикальной партии, которого Жорж Помпиду предложил Генералу 1 июня 1958 года, получив отказ от Мендес-Франса.

¹⁰ «Никто не должен оправдываться собственными слабостями» (*лат.*).

¹¹ После неудачи в департаменте Эндр-э-Луар в ноябре 1962 года, Мишель Дебре впервые выставил свою кандидатуру в этом заморском департаменте во время частичных выборов.

¹² Референдум, как прямой диалог президента с народом, открывает дверь к пересмотру Конституции.

¹³ «Не трогай то, что лежит спокойно» (*лат.*).

¹⁴ 16 мая 1877 года маршал Мак-Магон, президент Республики, уволил в отставку кабинет Жюля Симона, пользовавшийся поддержкой парламента, а затем распустил и сам парламента. Последовавший затем политический кризис завершил падение авторитета президентской власти.

¹⁵ Дополнительный бюджет социальных поставок сельхозпродуктов.

¹⁶ Этот закон официально признал существование профсоюзов и заложил основы французского профсоюзного права.

¹⁷ Я был 34-м министром информации после Освобождения.

¹⁸ Во втором правительстве Помпиду я снова занял пост министра информации, после того, как провел несколько недель в качестве министра по делам репатриантов.

¹⁹ Действительно, во время дебатов о выражении недоверия правительству, в ночь с 4 на 5 октября 1962 года, Помпиду заявил: *«Я с удовлетворением сообщаю Собранию, что я подготовил, усилиями предыдущего госсекретаря по информации [это был я, до того, как меня сменил Фуше], статус для телевидения. Может быть, у меня уже не будет возможности представить его Собранию: в таком случае это сделает мой преемник».*

²⁰ Это слово в устах Генерала имеет два значения: «подозрительный тип» и «коммунист», каковой, по его представлениям, в большинстве случаев является также «подозрительным типом».

²¹ В данном случае слово употреблено, конечно, во втором значении.

²² Первый председатель административного совета RTF, Владимир д'Ормессон, был избран единогласно.

²³ Жак Рюэфф, вдохновитель плана возрождения, принятого в декабре 1958 года, оставался авторитетным советником Генерала в экономической и финансовой области. Но в действительности, не он, а Жан-Максим Левек, технический консультант Елисейского дворца по экономике и финансам, обратил внимание Генерала на угрозу устойчивости валютного курса, достигнутой в результате проведения плана Рюэффа 1958 года.

²⁴ Гастон Деффер, предполагаемый кандидат в президенты, выступал на митинге в Бордо 9 февраля 1964 года; затем он посетил Нарбон 23 и 24 февраля. Телевидение проинформировало об этих мероприятиях, отметив их успех, но не дав изображения, — что и вызвало письмо протеста, адресованное Деффером президенту Республики, на которое Елисейский дворец реагировал только кратким уведомлением о получении.

²⁵ Именно «отречение». Это слово показывает, что в представлении де Голля граф де Шамбор фактически был уже на троне, когда его отказ признать трехцветное знамя и требование его замены белым знаменем (23 октября 1873 года) лишило его возможности стать королем.

²⁶ Писатель. В годы оккупации — главный редактор коллаборационистской газеты *Je suis partout*; приговорен к смерти 19 января 1945 года, расстрелян 6 февраля того же года.

²⁷ Шестнадцать лет спустя после этого разговора я получил возможность ознакомиться в министерстве юстиции с досье, представленным адвокатами Бразийака с прошением о помиловании. Генерал написал на полях: «Он бы не захотел».

²⁸ Эта книга и сейчас лежит в малой библиотеке Генерала у его письменного стола, в Коломбэ. Страницы ее, действительно, разрезаны.

²⁹ В феврале 1959 года, недавно вернувшийся к власти де Голль посетил Эколь Нормаль, где несколько студентов, один за другим, отказались пожать протянутую им руку Генерала со словами: «Мы не подаем руки диктатору». (*Позднее выяснилось, — и об этом пишет Пейрефит, — эта демонстрация не была спонтанной: она была организована коммунистами. — Прим. пер.*)

³⁰ Телевидение посвятило чествованию Пеги две или три минуты.

³¹ Дважды: перед мостом Динан, 15 августа 1914-го, и в Мениль-лез-Юрлю, 10 марта 1915 года. (Кроме того, он получил штыковое ранение под Дуомоном, 2 марта 1916 года).

³² Согласно ст. 7 пересмотренной Конституции 1962 года, «во втором туре могут участвовать только два кандидата, набравшие наибольшее количество голосов, или же третий, в том случае, если один из двух первых снимет свою кандидатуру». Порядок кандидатов, по количеству полученных в первом туре голосов: 1) Генерал, 2) Миттеран, 3) Леканюэ. Так что, в случае отказа Генерала, во втором туре остались бы Миттеран и Леканюэ.

³³ Франсуа Гогель — генеральный секретарь Сената и политолог.

³⁴ В то время избирательный вес аграриев был гораздо большим, чем сегодня: они составляли 18 процентов активного населения и примерно столько же от общего количества избирателей. Они меньше, чем население в среднем, воздерживаются от голосования и составляют не менее 20 процентов от всех, принявших участие в голосовании. FNSEA призвала голосовать против де Голля. Считается, что 30 процентов сельских жителей голосовало за Леканюэ, то есть вдвое больше, чем в целом по стране, и 40 процентов — за Миттерана и Тисье-Виньянкура.

³⁵ Дипломат, в Елисейском дворце отвечал за контакты с прессой.

³⁶ Генерал называет города, где разрыв в голосах был очень невелик: так, в Каоре он набрал 4 061 голосов против 4 059, поданных за Миттерана.

³⁷ Это тот самый «Люксембургский компромисс», который сохранил силу и после принятия Маастрихтских соглашений.

³⁸ Жак Фове в *Le Monde* за вторник пишет: «Случается делать ошибочные прогнозы, но так, как в этот раз, — никогда». Жан-Жак Серван-Шрейбер — в *L'Express*: «Впервые в истории Франции мы видим, как одно и то же большинство торжествует на трех парламентских выборах подряд».

³⁹ Проценты поданных голосов распределялись следующим образом: прежнее большинство — 37,8 процента (как и в 1962-м), Коммуни-

стическая партия — 22,5 (было 21,8), Федерация 18,8 (было 20), центристы — 12,8 (было 17 процентов).

⁴⁰ См. Часть III. Оборонная самодостаточность. гл. 8.

⁴¹ Ролан Нюнжессе — государственный секретарь по жилью.

⁴² Фабий Кункатор (275–203 до н.э.), избранный римским диктатором после катастрофического поражения Тразимена, остановил стремительное продвижение войск Ганнибала, избрав осторожную тактику, за которую и получил свое прозвище («Медлитель»). Римляне были недовольны его нерешительностью. Но конечная победа подтвердила его правоту.

⁴³ Произнесена 4 января 1948 года на площади в Сент-Этьене (см. *Discours et Messages, t. II, p. 163–168*). Генерал был тогда лидером RPF. Помпиду знает, что для де Голля обязательства, провозглашенные им, когда он находился вне власти, имеют такое же значение, как и те, которые он брал на себя, возглавляя страну.

⁴⁴ Выражение напоминает заголовок «К новому христианскому порядку», под которым в 1907 году появилась работа маркиза де Ла Тур дю Пена (1834–1924), в которой содержалась доктрина органического объединения капитала и труда.

Часть VI. Бурный 1968 год

¹ Жан-Пьер Данно, кандидат философии, директор кабинета у Кристиана Фуше, министра внутренних дел. Мы с ним старые знакомые, еще по Эколь Нормаль. Хотя он окончил курс на пять лет раньше меня, он церемонно величает меня «господином министром» в служебное время, а также и в частных беседах — но уже шутки ради.

² Эти архивы являются закрытыми. Приводимые мной выписки сделаны из моих частных архивов.

³ «*Union nationale des étudiants de France*» — «Национальный союз студентов Франции».

⁴ Пьер Грапен — декан филологического факультета в Нантере (с 1964 по 1968 год).

⁵ В записке из префектуры сообщалось, что Кон-Бендит «по национальности немец», и приводился номер его «карты временного пребывания».

⁶ Ст. 23 Административного кодекса гласит: «*Высылка может быть осуществлена по предписанию министра внутренних дел, если присутствии иностранца на французской территории угрожает общественному порядку или общественной безопасности*».

⁷ Арестованный, он спасся от депортации в лагерь, выпрыгнув из поезда.

⁸ Франсуа Буррико (1922–1991), профессор социологии на филологическом факультете в Нантере.

⁹ «*Fédération des résidents universitaires de France*» — «Федерация иностранных студентов в университетах Франции», крайне левой ориентации.

¹⁰ «*Jeunesses communistes révolutionnaires*» — «Коммунистическая революционная молодежь».

¹¹ «*Comité de liaison des étudiants révolutionnaires*» — «Комитет связи революционных студентов», организация троцкистов «ламбертистов», соперничающая с JCR Кривина.

¹² «*Association fédérative des groupes d'études de Nanterre*» — «Федеративная ассоциация учебных групп Нантера», студенческий орган, включавший избранных членов UNEF и MNEF («*Mutuelle nationale des étudiants de France*» — «Общество взаимопомощи студентов Франции»).

¹³ Теперь известно, что это были члены JCR.

¹⁴ Листовка от апреля 1968, опубликована Адриеном Дансетом в книге «*Mai 1968*». (Paris, 1971), p. 416–418.

¹⁵ «*Fédération nationale des étudiants de France*» — «Национальная федерация студентов Франции».

¹⁶ Движение «Запад», куда входят поклонники физических методов борьбы, противостоит одновременно голлистам и коммунистам.

¹⁷ Морис Гримо — парижский префект полиции.

¹⁸ *Combat*, 3 апреля 1968.

¹⁹ Троцкистская группировка, которую возглавлял Ламбер, противостояла JCR Кривина.

²⁰ «*Syndicat national de l'enseignement supérieur*» — «Национальный профсоюз преподавателей вузов».

²¹ В своей книге «Большой Базар» Кон-Бендит пишет: «После того, как мы заняли административный корпус Нантера, деревянная дверь парадного была заменена железной. Тогда мы написали в «Бюллетене»: «Против железных дверей используйте «коктейль Молотова», — и дали рецепт коктейля» (p. 32).

²² Директор департамента высшего образования.

²³ Директор моего кабинета сначала в Министерстве научных исследований, затем в Министерстве народного образования.

²⁴ Фильм Ромена Гупи, в котором он рассказывает о похождениях своих товарищей из CAL и JCR, был показан 19 мая 1998 в передаче Жака Перрена «*25-й час*», когда его могли посмотреть только люди, страдающие бессонницей; между тем, этот документ заслуживает быть показанным в лучшее время. Высказывания Ромена Гупи, которые я здесь цитирую, были записаны Мишелем Бродо (*Le Monde*, 16 мая 1998).

²⁵ Директор кабинета Президента в Елисейском дворце.

²⁶ Однако среди манифестантов, привлеченных к ответственности, лицеистов не было. Активисты CAL и JCR умели быстро бегать и знали, как действовать, чтобы не попасть в руки полиции.

²⁷ Ален Жейсмар, которому тогда было 28 лет, работал преподавателем-ассистентом по физике на факультете в Орсе. Он уже давно состо-

ял активистом ультралевого движения и, как выяснилось позже, участвовал в знаменитом собрании «Трех континентов», состоявшемся на Кубе в январе 1966 года. Ныне он генеральный инспектор Народного образования.

²⁸ «События [...] показали, что, кроме спора, нормального для Университета, переживающего коренные преобразования, имеют место действия неких организованных групп, стремящихся нарушить работу ряда университетских структур. [...] Один профсоюз, провозгласив лозунг забастовки и не соблюдая при этом никаких законных условий ее объявления, легкомысленно призвал преподавателей отказаться от своей миссии, не считаясь с интересами студентов и Университетскими традициями.

Что касается студенческой организации, призвавшей студентов коллективно бойкотировать лекции и не являться на экзамены, то она выступила против одной из основных университетских гарантий — права Университета на собственную юрисдикцию, осуществляемую периодически избираемыми органами, перед которыми и должны предстать некоторые из участников беспорядков внутри Университета».

²⁹ Этот молодой журналист пришел на телевидение несколько месяцев назад и вел рубрику образования.

³⁰ Соответственно, генерального секретаря FEN («Федерации народного образования») и генерального секретаря Национального профсоюза преподавателей.

³¹ Мне было нетрудно сослаться на прецеденты. Один из моих предшественников уже перечислял их перед Парламентом: «Много раз в течение последних лет — в марте 1921-го, в марте 1925-го, в декабре 1931-го, накануне Пасхи 1933-го, в мае 1934-го, в январе 1936 года — полиция вызывалась деканами факультетов литературы, естественных наук и права для восстановления порядка в заведениях. На своем заседании 25 мая 1908 года совет Парижского университета установил принципы, согласно которым полагалось прибегать к силам полиции. Господин Эрнест Лависс сказал тогда в заключение: “Господа деканы должны безо всяких колебаний прибегать к силам общественного порядка, когда того требуют интересы учебы и репутация Университета”».

В последующие пятнадцать лет полиция много раз нарушала это воображаемое табу: 25 апреля 1953-го, в начале 1958-го, в 1961-м и в феврале 1964 года.

³² В этот день в департаментах Бретани и в долине Луары происходили одновременно демонстрации крестьян и всех рабочих профсоюзов.

³³ Генеральный секретарь CGT.

³⁴ Генеральный секретарь CFDT.

³⁵ Третья федерация, так называемая *Cornes*, близкая к левым, откажется занять позицию по отношению к забастовке лицейстов и предлагает своим членам присоединиться к SNESup и UNEF.

³⁶ Марк Замански — декан факультета естественных наук.

³⁷ Андре Лихнерович — профессор Коллеж де Франс.

³⁸ Префект полиции извлечет урок из этого опыта и децентрализует операции, когда нужно будет бороться с баррикадами в период с 24 мая по 10 июня.

³⁹ Пьер Путье (выпуск 1948 года) — генеральный секретарь Эколь Нормаль.

⁴⁰ Впоследствии я говорил со многими деканами. Они ничего не знали ни о выставленных мной условиях открытия Сорбонны, ни об отказе Соважо и Кон-Бендита эти условия принять.

⁴¹ Капитан корабля Франсуа Флоик, адъютант Генерала с 1965 по 1969 год.

⁴² Жорж Помпиду и Жорж Сеги, генеральный секретарь CGT.

⁴³ «*Défence opérationnelle du territoire*» — «Оперативная защита территории».

⁴⁴ Там префектура чуть не была захвачена: префект оказался в беспомощном и унижительном положении.

⁴⁵ Подполковник авиации, член личного штаба президента Республики.

⁴⁶ Начальник генерального штаба военно-морских сил.

⁴⁷ Жокс, министр юстиции, Фуше, министр внутренних дел, Горс, министр информации, — покидают правительство. Их заменяют соответственно, Капитан, Марселлен и Гена. Министерство образования, после того как им в течение двух дней временно руководил сам Помпиду, передано Ортоли, до этого — министру промышленного оборудования, чье Министерство переходит к Роберу Галлэ. Дебре и Кув меняются местами: первый идет на иностранные дела, второй — на финансы.

⁴⁸ Андре Асту был тогда помощником генерального директора ORTF.

⁴⁹ Наверное, де Голль намекает на устное послание, которое ему передал генерал Юбло, командующий армией, дислоцированной в Меце; посредником был генерал Буасьё, комендант Мюлуза и подчиненный Юбло, выполнивший это поручение во время свидания с де Голлем утром в среду 29-го. Возможно, были и другие обращения в том же духе.

Эпилог. Уход де Голля. 1969–1970

¹ 2 февраля 1969 года, в Кемпере, де Голль излагает реформу регионов и Сената и подтверждает, что она будет вынесена на референдум. Дата референдума решением Совета министров назначена на 27 апреля.

² Соратник де Голя, Канцлер ордена Освобождения.

³ В тексте, написанном 15 января 1952 года, Генерал выразил свою волю относительно своих похорон:

«Я хочу, чтобы мои похороны состоялись в Коломбэ-ле-дёз-Эглиз. Если я умру в другом месте, мое тело следует доставить туда без всяких публичных церемоний.

Моя могила должна находиться там, где уже покоится моя дочь Анн, и где когда-нибудь будет покоиться моя жена. Надпись: *Шарль де Голль (1890 — ...)*. Больше ничего.

...Я не хочу национальных похорон. Ни президентов, ни министров, ни президиума Ассамблей, ни представителей корпораций. Официально присутствовать могут только представители Французской армии и ее родов войск; но их присутствие должно быть очень скромным, без музыки, без фанфар, без воинских почестей.

Речей быть не должно, ни в церкви, ни в другом месте. Никаких траурных выступлений в Парламенте. Места на погребальной церемонии должны быть зарезервированы только для моей семьи, моих боевых соратников, членов ордена Сопротивления, для муниципального совета Коломбэ. Мужчины и женщины Франции и других стран мира смогут, если захотят, почтить мою память, сопровождая мое тело к месту последнего успокоения. Но пусть это будет происходить в молчании.

Я заявляю, что заранее отказываюсь от всех отличий, наград, орденов, почетных званий, как французских, так и иностранных. Если таковые будут мне присвоены, то это будет нарушением моей последней воли».

⁴ Жак Вандру — шурина генерала де Голля.

Хронология

- 18 июня 1940.** Призыв генерала де Голля к Сопrotивлению.
- 6 июня 1944.** Высадка союзников в Нормандии.
- 8 мая 1945.** Капитуляция Германии.
- 20 января 1946.** Отставка де Голля с поста председателя Временного правительства.
- 16 июня 1946.** Выступая в Бейё, де Голль излагает программу новой Конституции.
- 13 мая 1958.** Начало антиправительственного мятежа в Алжире.
- 15 мая 1958.** Де Голль «согласен временно выполнять обязанности главы Республики».
- 1 июня 1958.** Национальное собрание наделяет де Голля полномочиями президента Республики.
- 28 сентября 1958.** Референдум по конституции Пятой Республики
- 8 января 1959.** Де Голль — президент Пятой Республики.
- 16 сентября 1959.** Де Голль объявляет о предоставлении Алжиру права на самоопределение.
- 24–31 января 1960.** Мятеж «ультра» и «неделя баррикад» в столице Алжира.
- 8 января 1961.** Референдум о самоопределении Алжира.
- Февраль 1961.** Создание OAS.
- 21 апреля 1961.** Путч генералов в столице Алжира.
- Сентябрь 1961.** План Фуше о политическом будущем Европы.
- 19 марта 1962.** Прекращение огня в Алжире.

-
- 8 апреля 1962. Референдум о независимости Алжира.
- 11–13 апреля 1962. Процесс над Жуо.
- 14 апреля 1962. Жорж Помпиду назначен премьер-министром вместо Мишеля Дебре.
- 15 апреля 1962. Сформировано правительство Помпиду.
- 3 июля 1962. Объявлена независимость Алжира.
- 22 августа 1962. Покушение на де Голля в Пти-Кламаре.
- 10 октября 1962. Роспуск Национального собрания.
- 14–28 октября 1962. Кубинский кризис.
- 28 октября 1962. Референдум об избрании президента всеобщим голосованием.
- 18–25 ноября 1962. Выборы в законодательные органы.
- 21 декабря 1962. Англо-американское соглашение в Нассо относительно атомного оружия.
- 14 января 1963. Пресс-конференция де Голля («нет» вступлению Англии в Общий рынок и американскому проекту многосторонних атомных сил).
- 22 января 1963. Подписание в Елисейском дворце франко-германского договора.
- 28 января 1963. Общий рынок: разрыв между Шестеркой и Великобританией.
- 24 января — 5 апреля 1963. Большая стачка горняков.
- 16 апреля 1963. Алжир: Бен Белла требует пересмотра Эвианских соглашений.
- 15 июня 1963. Франция выводит из-под командования НАТО свой флот в Ла-Манше и Атлантике.
- 4–5 июля 1963. Де Голль участвует в Бонне в первых франко-германских переговорах.
- 29 июля 1963. Пресс-конференция де Голля (экономическая и социальная политика, Атлантический альянс, Европа).
- 12 сентября 1963. Начало Плана стабилизации.
- 15 сентября 1963. Алжир: Бен Белла избран президентом Республики.
- 21–22 сентября 1963. Прощальный визит Аденауэра в Рамбуйе.
- 16 октября 1963. ФРГ: Эрхард сменяет Аденауэра на посту канцлера.
- 22 ноября 1963. Соединенные Штаты: убийство президента Кеннеди; вице-президент Джонсон занимает его место.

-
- 24–25 ноября 1963.** Де Голль присутствует на похоронах Кеннеди.
- 18 декабря 1963.** Гастон Деффер выдвинут кандидатом в президенты на выборах 1965 года.
- 31 января 1964.** Пресс-конференция де Голля (французские учреждения, сотрудничество, Общий рынок, признание Китая).
- 13 марта 1964.** Де Голль беседует с Бен Беллой в замке Шан.
- 15–24 марта 1964.** Официальный визит де Голля в Мексику и на Антильские острова.
- 3–4 июля 1964.** Де Голль посещает Бонн в сопровождении девяти своих министров.
- 23 июля 1964.** Пресс-конференция де Голля (бюджет, реформа Экономического и социального совета, ударная сила).
- 5 августа 1964.** Вьетнам: первая американская воздушная бомбардировка.
- 21 сентября–17 октября 1964.** Посещение де Голлем Латинской Америки.
- 15 октября 1964.** СССР: смещение Хрущева.
- 15 октября 1964.** Англия: лейбористы побеждают на выборах.
- 16 октября 1964.** Испытание первой китайской атомной бомбы.
- 21 октября 1964.** Общий рынок: Франция перестает участвовать в работе Шестерки до тех пор, пока не будет принята совместная аграрная политика.
- 4 ноября 1964.** США: Линдон Джонсон избран президентом.
- 7 января 1965.** Франция переводит в золото 150 млн. долл.
- 28 января 1965.** Де Голль присутствует на похоронах Черчилля.
- 4 февраля 1965.** Пресс-конференция де Голля (возврат к золотому эталону, кризис ООН, франко-германские отношения).
- 8 марта 1965.** Северный Вьетнам: высадка первых американских военных контингентов.
- 14 и 21 марта 1965.** Муниципальные выборы во Франции.
- 22 марта 1965.** Франко-советское соглашение.
- 11–13 июня 1965.** Визит де Голля в ФРГ.
- 18 июня 1965.** Франция: провал попытки Гастона Деффера создать Социал-демократическую федерацию.
- 19 июня 1965.** Алжир: государственный переворот полковника Бумедьена, арест Бен Беллы.

-
- 25 июня 1965.** Гастон Деффер снимает свою кандидатуру на президентских выборах.
- 1 июля 1965.** Общий рынок: разногласия по поводу финансирования общей аграрной политики. Разрыв переговоров между странами Шестерки. Французское правительство решает больше не участвовать в заседаниях в Брюсселе.
- 9 сентября 1965.** Пресс-конференция де Голля (неясность в отношении кандидатов на президентских выборах, кризис Общего рынка).
- 9 сентября 1965.** Франсуа Миттеран объявляет о выдвижении своей кандидатуры на президентских выборах.
- 20 октября 1965.** Германия: Эрхард переизбран канцлером.
- 4 ноября 1965.** Де Голль объявляет о выдвижении своей кандидатуры на президентских выборах.
- 19 ноября 1965.** Начало президентской избирательной кампании.
- 5 декабря 1965.** Первый тур президентских выборов: де Голль выходит во второй тур.
- 19 декабря 1965.** Второй тур президентских выборов: де Голль переизбран.
- 23 декабря 1965.** Общий рынок: Франция соглашается рассмотреть вопрос о совещании в январе.
- 30 января 1966.** Общий рынок: соглашение Шестерки об аграрном Общем рынке и люксембургский компромисс.
- 7 марта 1966.** Франция покидает НАТО.
- 30 августа 1966.** Речь де Голля в Пномпене относительно мира во Вьетнаме.
- 5 сентября 1966.** Первое атомное испытание на атолле Муруроа в присутствии де Голля.
- 5–10 июня 1967.** Шестидневная война между Израилем и Египтом.
- Июль 1967.** Поездка де Голля в Квебек.
- 18 августа 1967.** Постановление об участии наемных работников в доходах предприятий.
- 22 августа 1967.** Постановление о реформе социального страхования.
- Сентябрь 1967.** Визит де Голля в Польшу.
- 18 ноября 1967.** Девальвация фунта стерлингов.

-
- 19 ноября 1967.** Страны Шестерки констатируют, что Великобритания не выполняет условия вступления в Европейское Сообщество.
- Февраль–март 1968.** Беспорядки в университетских общежитиях.
- 2 мая 1968.** В результате повторяющихся серьезных инцидентов приостановлены занятия на литературном факультете в Нантере.
- 3 мая 1968.** Изгнание полицией гошистов, устроивших митинг во дворе Сорбонны. Бунт в Латинском квартале.
- 4 мая 1968.** Закрытие Сорбонны.
- 10 мая 1968.** «Ночь баррикад».
- 11 мая 1968.** Помпиду объявляет об открытии Сорбонны без всяких условий.
- 13 мая 1968.** Большая профсоюзная манифестация; захват Сорбонны гошистами.
- Открытие в Париже переговоров между американцами и северными вьетнамцами.
- 14–18 мая 1968.** Официальный визит де Голля в Румынию.
- 15 мая и в последующие дни.** Расширение всеобщей забастовки с занятием заводов и предприятий.
- 15 мая 1968.** Захват театра Одеон.
- 24 мая 1968.** Речь де Голля с объявлением о референдуме относительно социального участия. Уличные беспорядки в Париже.
- 25–26 мая 1968.** Переговоры на ул. Гренель (правительство, патронат, профсоюзы).
- 27 мая 1968.** Забастовщики заводов «Рено» отказываются признавать договоренности, достигнутые на ул. Гренель; забастовки продолжаются.
- 28 мая 1968.** Миттеран заявляет, что готов занять место генерала де Голля. Пейрефит уволен с поста министра просвещения.
- 29 мая 1968.** Де Голль тайно посещает генерала Массю в земле Баден (ФРГ).
- 30 мая 1968.** Выступление де Голля по радио: роспуск Национального собрания, объявление новых выборов, отсрочка референдума, призыв к гражданскому действию. Большая манифестация на Елисейских Полях в поддержку де Голля.

-
- 4–6 июня 1968.** Возобновление работы в публичном секторе экономики.
- 11 июня 1968.** Последние серьезные уличные беспорядки в Париже.
- 16 июня 1968.** Полиция очищает Сорбонну от захвативших ее гошистов.
- 23 и 30 июня 1968.** Выборы в Национальное собрание; объединение голлистов (UNR) завоевывает абсолютное большинство мест в Парламенте.
- 10 июля 1968.** Кув де Мюрвиль сменяет Помпиду в качестве премьер-министра.
- 2 февраля 1969.** Де Голль объявляет в Кемпере о своем проекте референдума относительно реформы регионального управления и Сената.
- 27 апреля 1969.** На референдуме большинство (52,4 процента) высказываются против предложенной де Голлем реформы.
- 28 апреля 1969.** Де Голль объявляет, что «слагает с себя полномочия».
- 9 ноября 1970.** Смерть Де Голля в его имении в Коломбэ.

Список сокращений

AFGEN («Association fédérative des groupes d'études de Nanterre») — «Федеративная ассоциация учебных групп Нантера».

AFP («Agence France Presse») — «Агентство Франс Пресс».

ALN («Armée de libération nationale») — «Армия национального освобождения» (в Алжире).

AMGOT («Allied military government for occupied territories») — «Военное управление союзников на оккупированных территориях».

СЕСА («Communauté européenne du charbon et d'acier») — «Европейское объединение угля и стали» (ЕОУС).

СЕД («Communauté européenne de défense») — «Европейское оборонительное сообщество».

СЕЕ («Communauté économique européenne») — «Европейское экономическое сообщество».

CFDT («Confédération française démocratique du travail») — «Французская демократическая конфедерация труда».

CGT («Confédération générale du travail») — «Всеобщая конфедерация труда».

CLER («Comité de liaison des étudiants révolutionnaires») — «Комитет связи революционных студентов».

CNR («Conseil national de la Résistance») — «Национальный совет Сопротивления».

DOT («Défence opérationnelle du territoire») — «Оперативная защита территории».

EFTA («European Free Trade Area») — «Европейская зона свободной торговли».

ELDO («European Launcher Development Organisation») — «Европейская организация по запуску в космос».

ESRO («European Space Research Organisation») — «Европейская организация по космическим исследованиям».

FEN («Fédération de l'éducation nationale») — «Федерация народного образования».

FFI («Forces françaises de l'intérieur») — «Внутренние французские силы».

FFL («Forces françaises libres») — «Свободные французские силы».

FLN («Front de libération nationale») — «Фронт национального освобождения» (в Алжире).

FNEF («Fédération nationale des étudiants de France») — «Национальная федерация студентов Франции».

FRUF («Fédération des résidents universitaires de France») — «Федерация иностранных студентов в университетах Франции».

GATT («General Agreement on Tariffs and Trade») — «Генеральное соглашение по тарифам и торговле», известное также под названием Kennedy Round, «Раунд Кеннеди».

IUT («Institut universitaire de technologie») — «Университетский технологический институт».

JCR («Jeunesses communistes révolutionnaires») — «Коммунистическая революционная молодежь».

MNEF («Mutuelle nationale des étudiants de France») — «Национальное объединение студентов Франции».

OAS («Organisation armée secrète») — «Тайная вооруженная организация».

ORTF («Office de radiodiffusion télévision française») — «Служба французского радиовещания и телевидения».

RPF («Rassemblement pour la République») — «Объединение за Республику».

RTF («Radio-télévision française») — «Французское радио и телевидение».

SFIO («Section Française de l'Internationale Ouvrière») — «Французская секция Рабочего Интернационала», социалистическая партия.

SGEN («Syndicat général de l'Education nationale») — «Генеральный профсоюз народного образования».

SHAPE («Supreme Headquarters of the Allied Powers in Europe») — «Высшее командование союзных сил в Европе».

SNESup («Syndicat national de l'enseignement supérieur») — «Национальный профсоюз преподавателей вузов».

UEO («Union de l'Europe occidentale») — «Объединение Западной Европы» (ОЗЕ).

UNEF («Union nationale des étudiants de France») — «Национальный союз студентов Франции».

UNR («Union pour la Nouvelle République») — «Союз за Новую Республику».

ВТО — «Всемирная торговая организация».

ФНО — «Фронт национального освобождения» (во Вьетнаме).

ХДС — «Христианско-демократический союз» (в ФРГ).

Именной указатель

- Абетц, Отто — 33
Аденауэр, Конрад — 107, 115, 120, 139–143, 147, 161, 162, 165, 166, 175–177, 179–181, 184–187, 189, 190, 194, 205, 215, 216, 223, 230, 233, 234, 257, 266, 277, 317, 338, 339, 665
Альфан, Эрве — 345, 669
Андерсон, Роберт — 332
Арон, Раймон — 356, 366, 405
Асту, Андре — 640, 677
Ачесон, Дин — 302, 303, 305
- Бакон, Поль — 663
Барзель, Райнер — 217
Баррес, Морис — 149, 664
Бастье, Жан — 546
Бастьен-Тири, Жан — 91, 92
Бёв-Мери, Юбер — 32, 33
Бен Белла, Ахмед — 46, 59, 66, 67, 71, 76, 79–86, 94–96, 103–105, 680
Бержерон, Андре — 475
Бидо, Жорж — 14, 50, 151, 243, 662
Бийот, Пьер — 243, 280, 281, 666, 669
Блок-Лэнэ, Франсуа — 468
- Бокановски, Морис — 351, 439, 453, 471
Болен, Чарлз — 257, 305, 333, 334, 345, 667
Болл, Джордж — 257, 273, 316, 332, 346, 365, 667
Бонневаль, Гастон де — 19
Бонье, Жан-Марк — 219, 665
Боссюэ, Жак Ален — 500
Бразийак, Робер — 91, 490–492, 673
Брандт, Вилли — 205, 223, 249, 277, 278, 665
Браун, Джордж — 240
Брежнев, Леонид — 373, 377, 383, 390, 392, 394, 403
Бродо, Мишель — 675
Брольи, Жан де — 26–28, 66, 76, 77, 79–81, 84, 85, 452
Бруйе, Рене — 13, 14, 19, 28, 29, 31, 32, 35, 106, 107, 111, 112
Буаламбер — 657
Буасье, Ален де — 656, 677
Булен, Роберт — 53, 61, 69, 434, 520
Бумаза, Бешир — 83, 95, 661
Бумедьен, Хуари — 86, 94, 103, 104, 681

- Бургиба, Хабиб ибн Али — 86, 95
Буррико, Франсуа — 540, 546, 674
Бюрон, Робер — 663
- Ван дер Мерш, Эжен — 424
Вандру, Жак — 657, 658
Вандру, Када — 657
Вейган, генерал Максим — 87, 405
Виан, Борис — 441
Виноградов, Сергей — 149, 171, 363, 372–374, 382, 486, 670
- Гавури, комиссар — 101
Гайар, Феликс — 225, 226, 285, 354, 411, 633, 667
Галишон, Жорж — 127, 430, 508, 509
Галлэ, Робер — 677
Гарриман, Уильям Аверелл — 619
Гейтскелл, Хью — 160, 664
Георгиу-Деж, Георге — 379, 380
Герен, Жюль — 561
Гирш, Робер — 285, 294, 295, 668
Гитлер, Адольф — 133, 157, 158, 164, 231, 234, 267, 277, 333, 400, 429, 537, 538, 551
Гишар, Оливье — 33, 431, 444, 458, 502, 601, 614
Гогель, Франсуа — 505, 521, 673
Голдуотер, Барри — 316, 336, 668
Голло, Дидье — 551
Голль, Ивонн де — 26, 65
Голль, Филипп де — 635, 656
Горс, Жорж — 568, 601, 614, 618, 629, 657, 677
Готье, Анри — 33
- Гранваль, Жильбер — 76, 83, 439, 465, 477
Грапен, Пьер — 537, 539, 542, 544–546, 552, 554, 558, 561, 674
Грасье, генерал — 636, 637
Гримо, Морис — 549, 559, 573, 574, 591, 593, 594, 597, 601, 617, 618, 639, 675
Громыко, Андрей — 233, 381, 496, 670
Гупи, Ромен — 564, 565, 675
- Дак, Пьер — 456
Даладьё, Эдуар — 664
Даллес, Аллен — 312, 333, 347
Дампьер, Эрик де — 546
Данно, Жан-Пьер — 536, 538, 573, 618, 625, 674
Дансет, Адриен — 675
Дарлан, адмирал — 258, 406, 661, 670, 406
Дебре, Мишель — 33, 41, 95, 131, 241–243, 248, 249, 272, 329, 359–362, 412–414, 417, 427–429, 435, 441, 450, 488, 516, 518, 521, 529, 545, 608, 615, 624, 626, 642, 671, 677, 680
Деффер, Гастон — 44, 225, 482, 483, 485, 486, 502, 672, 681
Джонсон, Линдон — 273, 322, 323, 327–333, 338, 339, 342–346, 356, 359, 365, 366, 370, 371, 372, 668, 669, 680, 681
Д'Ормессон, Владимир — 457, 458, 550, 672
Дотрэ, Робер — 294, 295, 668
Дрейфус, Альфред — 87, 488
Друа, Мишель — 508, 645, 669
Дюма, Пьер — 434, 520, 522
Дюпюи, Анн-Мари — 503

- Жакоб, Франсуа** — 578
Жанненэ, Жан-Марсель — 58, 243, 244, 361, 431, 526, 527, 530, 619
Жансон, Франсис — 78, 101, 102, 661
Жейсмар, Ален — 569, 573, 574, 581, 582, 615, 675
Жиро, Анри — 258, 333, 334, 670
Жискар д'Эстен, Валери — 83, 122, 224, 229, 253, 314, 350, 352, 353, 357, 379, 380, 418, 423, 438, 439, 461, 462, 464, 465, 477, 478, 525, 659, 661, 665
Жобер, Мишель — 501, 503, 609
Жокс, Луи — 32, 33, 45–47, 50–52, 54, 57–59, 61, 62, 66, 67, 71, 83, 85, 101, 243, 431, 438, 478, 496, 503, 504, 520, 525, 555–557, 559, 565, 566, 568, 569, 575, 578, 579, 581, 585, 590, 591, 593–595, 597, 601–603, 605, 608, 612, 618, 623, 629, 640, 654, 657, 666, 677
Жув, Эдмон — 662
Жюкен, Пьер — 572, 584
- Замански, Марк** — 589, 676
Зей, Жан — 664
- Капитан, Рене** — 101, 589, 633, 661, 677
Кастлер, Альфред — 578, 584
Кеннеди, Джон — 181, 187–189, 197, 198, 255, 258–260, 263, 267, 665, 667, 668, 680, 686
Кеннеди, Роберт — 668
Керванозль, Юбер де — 554, 555
Кидер, Мохаммед — 76, 81, 83, 84, 660
Кизингер, Курт Георг — 277, 278
Клемансо, Жорж — 489
- Кон-Бендит, Даниэль** — 537–540, 545–547, 550, 551–557, 559–562, 567, 568, 573, 578, 581, 582, 584, 585, 590–593, 598, 615, 674, 677
Косыгин, Алексей — 291, 373, 375–377, 381–384, 390, 394–401, 403
Кривин, Ален — 553, 582, 675
Криг, Пьер-Шарль — 639
Кригель, Анни — 546
Кув де Мюрвиль, Морис — 32, 80, 81, 103, 116, 118, 122, 131, 144, 165, 168, 169, 178, 183, 195, 210, 215, 216, 219, 224–227, 232, 233, 235–238, 240, 242, 247–249, 259, 260, 270, 272–278, 296, 643, 657, 663, 665, 677, 684
Куденхов-Калержи, Рихард — 106, 661
Кунктатор, Фабий — 527, 674
Курсель, Жоффруа Гордон де — 13, 32, 34, 35, 112
Куэ, Эмиль — 94
- Ла Тур дю Пен, маркиз** — 674
Ла Шевалери, Ксавье де — 565, 584, 596
Лабарт, Андре — 405
Лабон, Эрик — 34
Лабуре, Венсан — 34
Лаваль, Пьер — 333
Лависс, Эрнест — 676
Лагайар, Пьер — 17, 659
Лалуа, Жан — 110, 662
Ланьель, Жозеф — 670
Левек, Жан-Максим — 349, 669, 672
Ледд, Джон — 345
Леже, Алексис — 405
Лежен, Макс — 633

- Леканюз, Жан — 177, 283, 673
Леклерк — 157, 429, 430, 664
Лемнитцер, генерал — 341, 669
Ленин, Владимир — 63, 186, 383, 390, 644
Лёсс, Брюно де — 34
Лефевр, Анри — 545, 546
Лефран, Пьер — 431, 443, 449, 452
Липман, Уолтер — 262, 341
Лихнерович, Андре — 589, 677
Лунс, Жозеф — 107, 118, 119, 126, 145, 228
Львов, Андре — 578
- Мак-Магон, Патрис — 26, 28, 672
Макмиллан, Гарольд — 121, 125, 159, 160, 162, 167, 181, 257, 259, 267–269, 301, 305, 308
Мальро, Андре — 242, 243, 258, 432, 452, 490, 493, 516, 616, 627, 662
Манак, Этьен — 32, 670
Маншольт, Сико — 197, 223, 225, 231, 236
Маранже, Джеймс — 572, 590–592
Марен, Жан — 442
Марет, Жак — 273, 380, 381, 431
Маржолен, Робер — 223, 225
Марселлен, Раймон — 61, 243, 630, 660, 666, 677
Марто, Андре — 496–498
Марше, Жорж — 562, 572
Массю, генерал Жак — 636, 637, 640, 645–647, 683
Менде, Эрих — 186
Мендес-Франс, Пьер — 14, 361, 416, 523, 612, 626, 632, 643, 664, 671
Мерль, Робер — 546
- Мессмер, Пьер — 60, 243, 273, 275, 279, 280, 293, 519, 595, 601, 618, 630, 639, 641, 660, 666
Мильеран, Александр — 494
Миссоф, Франсуа — 83, 98–100, 530, 626
Миттеран, Франсуа — 232, 283, 334, 442, 501, 504, 506, 514, 523, 612, 626, 632, 644, 659, 673, 682, 683
Мишле, Жан Эдмон — 151, 243
Молле, Ги — 32, 191, 199, 225, 271, 411, 456, 523, 538
Монне, Жан — 113, 115, 162, 174, 177, 258, 275, 283, 311, 667
Моннервиль, Гастон — 432, 671
Моно, Жак — 578
Монталэ, Жак де — 662
Монтескье, Шарль Луи — 309, 659
Мориак, Франсуа — 457, 491, 550, 578
Моруа, Андре — 405
Мулен, Жан — 33, 133, 134, 663
Мурузи, Ив — 570, 571
- Насер, Гамаль Абдель — 86, 87, 661
Никсон, Ричард — 328, 332, 358, 668, 670
Норштад, генерал — 213, 669
Нюнжессе, Ролан — 520, 674
- Олсоп, Джозеф — 25, 262
Ольмер, Филипп — 561
Ортоли, Франсуа-Ксавье — 677
Освальд, Ли Харвей — 325
- Палевски, Гастон — 81, 144, 263, 372
Пеги, Шарль — 404, 493–495, 673

- Пелетье, Пьер — 563, 581
Пероль, Жильбер — 508, 509
Перрен, Жан — 668
Перрен, Франсис — 285, 668
Петен, маршал Филипп — 333, 405, 406, 489, 663
Пизани, Эдгар — 46, 49, 84, 122, 144, 179, 195, 196, 199, 210–212, 224, 665
Плевен, Рене — 14, 115, 116, 664
Помпиду, Жорж — 31, 43, 45, 46, 55–57, 61, 65, 68, 70, 75–77, 84, 85, 90, 93, 99, 101, 107, 111, 116, 117, 120, 121, 131, 144, 145, 155, 166, 179, 183, 195, 198, 205, 207, 214, 221, 228, 241, 244, 246, 251, 253, 259, 260, 272, 301, 311, 316, 335, 350, 351, 352, 359, 361, 407, 408, 410, 411–414, 419, 421, 426, 428, 429, 431–435, 438, 443, 444, 446, 449, 451–453, 455, 458, 459, 462, 463, 465–467, 469–471, 475, 477, 478, 482, 483, 492, 498, 499, 501–504, 512, 515, 516, 520, 521, 526–528, 530, 532, 533, 543, 548–550, 556–560, 562, 596, 601–618, 622–627, 629–635, 638, 639, 641, 643, 647, 654, 659, 661, 663, 666, 671, 672, 674, 677, 680, 683, 684
Поэр, Ален — 659, 677
Путье, Пьер — 594
Пфлимлен, Пьер — 42, 108, 120, 123, 128–131, 193, 411, 663
- Равальяк, Франсуа — 92**
Рамадье, Поль — 44, 430, 446, 448, 660
Раск, Дин — 316, 317, 344
Рейно, Поль — 14
Ремон, Рене — 546, 561
Ремон, Луи — 496
Рикёр, Поль — 546
- Ришелье, кардинал — 14, 63, 523
Робеспьер, Максимилиен — 63, 94, 487
Робине, Луи-Габриэль — 638
Розье, Этьен Бюрен де — 127, 307, 430, 466, 508, 509
Ромен, Жюль — 405
Рош, Жан — 555, 561, 563, 585, 586, 592, 598, 653
Рузвельт, Франклин Делано — 151, 155, 208, 311, 315, 333, 334, 340, 405, 506
Рюэфф, Жак — 349, 350, 355, 356, 463, 672
- Салан, генерал — 45, 50, 55–57, 444, 597
Сангинетти, Александр — 519
Сеги, Жорж — 588, 626, 638, 677
Сентени, Жан — 103, 154, 155, 157, 158
Серван-Шрейбер, Жан-Жак — 673
Соважо, Жак — 553, 581, 582, 584, 588, 615, 677
Спаак, Поль — 107, 118, 119, 122, 126, 143, 145, 168, 170, 174, 193, 228, 338
Сталин, Иосиф — 164, 182, 208, 340, 347, 365, 376, 377, 383, 551, 584
Сульцбергер, Сайрус — 341
Сустель, Жак — 428
Сюдро, Пьер — 51, 60, 612, 660
- Тернуар, Луи — 107
Тисье-Виньянкур — 482, 506, 522, 673
Трибуле, Раймон — 83, 85, 157, 431
Трико, Бернар — 32, 601, 603, 625, 631, 632, 634

- Туйа, Ксюан — 619
Турен, Ален — 545, 592, 593, 598
Турн, Раймон — 664
Трумэн, Гарри — 668
- Фабр-Люс, Альфред — 34, 115, 660
Фарес, Абдерахман — 32, 39, 58, 59
Фаулер, Генри — 357, 358
Фласельер, Робер — 559, 560
Флоик, Франсуа — 601, 617, 640–642, 677
Фове, Жак — 673
Фоккар, Жан — 34, 431
Фонтанэ, Жозеф — 663
Фор, Эдгар — 14, 238, 239, 241, 243, 271, 272, 360, 361, 432, 483, 520, 524, 529, 629, 649, 651, 663
Франс, Анри де — 386, 387
Фрашон, Бенуа — 626
Фрей, Роже — 46, 84, 87, 88, 101–103, 412, 425, 431, 452, 471, 512, 517, 519, 614, 628, 661
Фуайе, Жан — 50, 56, 57, 92, 101, 102, 520, 660
Фурке, генерал — 60
Фуше, Кристиан — 56, 101, 116, 118, 124, 128, 130, 139, 145, 175, 177, 195, 216, 217, 220, 221, 229, 338, 420, 450, 520, 533, 539, 543, 547–550, 556, 557, 559, 565–569, 573, 576–580, 585, 591–593, 595, 597, 601–603, 609, 610, 612, 615, 618, 619, 627, 628, 639, 654, 663, 665, 669, 672, 674, 677, 679
- Хальштейн, Вальтер — 516, 517, 664, 667
Хасан II — 95
- Хемфри, Губерт — 345, 668
Хьюм, сэр Алекс Дуглас — 327, 668
Хрушев, Никита — 105, 185, 266, 304, 305, 308, 309, 332, 373, 374, 376, 382, 464, 681
Хо Ши Мин — 551
- Черчилль, Уинстон — 136, 155, 157, 309, 334
- Шабан-Дельмас, Жак — 460
Шамбор, Анри Шарль де — 487, 489, 672
Шатобриан, Франсуа — 494, 500, 663
Швейцер, Альберт — 20, 659
Шёнбрунн, Дэвид — 311, 444, 446
Ширак, Жак — 530
Шово, Жан — 127
Шрёдер, Герхард — 148, 189, 197, 205, 215, 222, 228, 230, 233, 234, 277, 278
Штраус, Франс-Джозеф — 148, 267, 667
Шуман, Морис — 129, 295, 432, 663
Шуман, Робер — 14, 42, 140, 243
- Эйзенхауэр, Дуайт — 157, 262, 283, 307–311, 667, 668
Эрхард, Людвиг — 175, 179, 181, 194–198, 201, 203–205, 207, 216, 217, 221–223, 228, 230, 232–234, 238, 277, 278, 327, 392, 401, 665, 666, 680, 682
- Юбло, генерал Эммануэль — 677

Содержание

9	Аннотация к французскому трехтомному изданию книги А. Пейрефита
10	От составителя
12	От автора
		<i>Часть I</i>
13	Алжирская проблема. 1959–1965
		<i>Часть II</i>
106	Франция и Европа. 1960–1967
		<i>Часть III</i>
250	Оборонная самодостаточность. 1962–1967
		<i>Часть IV</i>
298	Франция и сверхдержавы. 1962–1968
		<i>Часть V</i>
404	Государство и общество. 1964–1968
		<i>Часть VI</i>
536	Бурный 1968 год
		<i>Эпилог</i>
649	Уход де Голля. 1969–1970
659	Примечания
679	Хронология
685	Список сокращений
688	Именной указатель

Ален Пейрефит

ТАКИМ БЫЛ ДЕ ГОЛЛЬ

Серия «Культура политика философия»

Художественное оформление серии *Ф. Домогацкого*

Ответственный за выпуск *О. Карнова*

Редактор *О. Скрипалёва*

Компьютерная верстка *О. Козак, Г. Панюшкиной*

ЛР № 00972 от 14.02.2000 г.

Подписано в печать 30.10.2002 г. Формат 84x108/32.

Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg. Печать офсетная.

Печ. л. 21,75. Тираж 3 000 экз. Заказ № 423.

Московская школа политических исследований.

121854, ГСП-2, Большая Никитская ул., 44-2, комн. 22.

e-mail: msps@co.ru

<http://www.msps.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ФГУП «Московская типография № 6» МТРК РФ

115088, Москва, Южнопортовая ул., 24

ISBN 5-93895-033-3

9 795938 950336